

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

«ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОСТИ»
в политике и идеологии

Издательство «Инфра»

inслав

Российская академия наук
Институт славяноведения

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

**«Принцип национальности»
в политике и идеологии**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2001

УДК 94.4

Е-24

ББК 63.3(4)

Авторский коллектив: д. и. н. В. Н. Виноградов, д. и. н. Т. М. Исламов, к. и. н. Л. А. Кирилина, Г. В. Макарова (ответственный секретарь), д. и. н. С. В. Оболенская, д. и. н. А. В. Ревякин, д. и. н. С. М. Фалькович (ответственный редактор), к. и. н. Е. И. Федосова, д. и. н. И. В. Чуркина, д. и. н. З. П. Яхимович

Рецензенты: к. и. н. М. Ю. Досталь, д. и. н. Б. М. Туполев

Подготовка и издание книги осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 96-01-00269 и 00-01-16062д)

Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. — М.: Индрик, 2001. — 456 с.

ISBN 5-85759-140-6

Книга посвящена национальным проблемам в период революций 1848–1849 гг. В ней впервые сопоставляются три мира — западноевропейский, германский и славянский, различные по особенностям своего исторического развития, национальному характеру и ментальности, по стоявшим перед ними национальным задачам. Проблематика книги раскрыта на материале истории отдельных стран и народов Западной, Центральной и Восточной Европы. Своеобразие исторического процесса в каждом из этих регионов обусловило специфическую постановку национального вопроса. В монографии проанализированы позиции классов и социальных слоев по национальному вопросу, связь и соотношение национальных и социальных задач, стоявших перед общественными движениями различных стран. Рассматриваются национальные концепции 30–40-х гг. XIX в. как идейные предпосылки выдвинутых в революции 1848 г. национальных программ. Представлены итоги национальной борьбы народов в 1848–1849 гг.

The book «European Revolutions of 1848: the Principle of Nationality in Politics and Ideology» written by a group of authors deals with the national aspect of the revolution of 1848–1849 in Western, Central and Eastern Europe, which has not been properly worked out in the Soviet and Russian historiography. The book shows the correlation of national and social programmes and its specific manifestations in particular cases. It presents an analysis of the role of different social layers in the national movements of these nations and the position taken by the political parties and groupings on the national question. The collective work regards national programmes of the revolutionary age, their ideological preconditions and further evolution of the national movement.

The comparative approach and typological generalisations of the authors of the volume makes possible to compare three regions — the Western Europe, the «German world» and the «Slavic world» — different from the point of view of their historical development, national character and mentality, national tasks they were facing with, but tightly interrelated by mutual dependence, political and ideological interactions.

© Коллектив авторов, 2001

© Издательство «Индрик», 2001

Оглавление

От редактора	5
I. Французские либералы и демократы о нациях и национальностях накануне и во время революции 1848 г. (Е. И. Федосова, А. В. Ревякин)	
1. О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики (А. В. Ревякин)	8
2. Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе (Е. И. Федосова)	12
3. Международный кризис 1840 г. и позиция французских демократов в национальном вопросе (А. В. Ревякин)	22
4. Франция и «Весна народов» 1848 г. «Принцип национальности» в политике Луи Наполеона Бонапарта (А. В. Ревякин)	29
II. Германская национальная идея и ее метаморфозы в XIX столетии (С. В. Оболенская)	
1. Рождение германской национальной идеи	46
2. Начало революции 1848 г. Перспектива национального объединения как средство решения социальных проблем	55
3. Национальный вопрос и германская национальная идея на арене Франкфуртского национального собрания	64
4. Германская национальная идея на службе Бисмарка и ее судьба в XX в.	75
III. Национальный фактор в интерпретации либералов и демократов Италии и его роль в революционных событиях 1848–1849 гг. (З. П. Яхимович)	
1. Формирование национального самосознания и патриотических сил в итальянских государствах в конце XVIII — первой трети XIX в.	84
2. Демократические и либеральные программы решения «итальянского вопроса» в 30–40-х гг. XIX в.	93
3. Становление конституционных режимов и подъем патриотического движения в итальянских государствах (1846 — начало 1848 г.).....	103
4. Война за независимость и патриотическое движение в Италии в контексте революционных потрясений 1848–1849 гг. на Апеннинском полуострове	112
IV. Революция 1848 г. в Австрийской империи: национальные и межнациональные аспекты (Т. М. Исламов)	
1. Начало революции в империи Габсбургов: Прессбург–Вена–Пешт	135
2. Венгерская революция и национальности: ошибки национальной политики революционной власти	138
3. Политические маневры венского двора в национальном вопросе	147
4. Австрийская революция и славяне: проблема объединения Германии и австрославизм	151
5. Роль национальных движений славян и румын в поражении венгерской революции	171
6. Уроки национальной борьбы 1848–1849 гг. в империи Габсбургов	182

V. Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. (Г. В. Макарова, С. М. Фалькович)	190
1. Национальная борьба польского народа на землях под властью Пруссии в 1848–1849 гг. (С. М. Фалькович)	191
2. Национальный вопрос и межнациональные отношения в Галиции в годы революционного подъема (С. М. Фалькович)	224
3. Европейские революции 1848–1849 гг. и польская политическая эмиграция (С. М. Фалькович)	261
4. Патриотическое движение в Королевстве Польском в период «Весны народов» (Г. В. Макарова)	281
VI. Национальные идеи у чехов в 1848–1849 гг. (Л. А. Кирилина)	305
1. Австрославизм и чешско-немецкое противостояние.....	305
2. Чешские политики на Славянском съезде и в австрийском рейхстаге	317
VII. Национальная программа словенцев в контексте революции 1848г. в Австрийской империи (Л. А. Кирилина)	330
VIII. Хорваты и сербы в революции 1848–1849 гг. (И. В. Чуркина)	349
1. Сербы и хорваты между венгерским парламентом и венским двором.....	349
2. Революция 1848–1849 гг. и создание национальных программ в Сербии.....	369
IX. Дунайские княжества и Трансильвания: национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848–1849 гг.) (В. Н. Виноградов)	393
1. Национальный вопрос в Молдавии, Валахии и Трансильвании.....	393
2. Молдавия в 1848 г.	404
3. Валахия: незавершенная революция	409
4. Итоги незавершенной революции. Трансформация национальной идеи....	416
5. Трансильванская трагедия	422
Заключение (С. М. Фалькович)	449

От редактора

Исполнилось 150 лет «Весне народов» — удивительному явлению стремительного распространения «революционной лихорадки», потрясшей в одно время большинство европейских стран. Грандиозные события 1848–1849 гг. стали вехой в истории этих стран и Европы в целом. За прошедшие полтора века их анализу посвятило свои усилия не одно поколение исследователей. Тема «Весны народов» занимала важное место и в отечественной историографии, включая труды советского периода. Казалось бы, что она изучена всесторонне, что прослежены этапы развития революционного процесса, выявлена специфика его проявления в разных странах, изучены его механизмы, исследованы предпосылки и последствия революции. Однако, как всякое масштабное историческое явление, европейские революции 1848–1849 гг. представляют собой чрезвычайно сложный феномен — многослойный и многоаспектный. Его новые грани открываются по ходу развития общества в новой исторической обстановке. Так, в современном мире стали особенно актуальны национальные проблемы — рост национального самосознания, подъем национально-освободительной борьбы, проявления национализма и сепаратизма, нарастание межэтнических конфликтов и национальной розни, проведение этнических «чисток» и развязывание войн на национальной основе. За последнее время мир стал свидетелем распада многонациональных государств и возникновения новых государственных образований, как мононациональных, так и государств с наличием национальных меньшинств.

Необходимо понять истоки таких явлений, проследить их зарождение и развитие. В этой связи историки закономерно обращаются к событиям полуторавековой давности, когда национальные движения составляли важнейший элемент революционного процесса. Рассмотреть историю европейских революций 1848–1849 гг. под этим специфическим углом зрения — такую задачу поставил перед собой коллектив авторов настоящей книги. Она представляет из себя фундаментальный труд, в значительной степени основанный на новом, впервые вводимом в научный обиход фактическом материале. Книга содержит критический анализ зарубежных разработок и обобщение новых взглядов на национальные аспекты европейского революционного движе-

ния середины XIX в. Ее авторы дали свое осмысление того, как в этих движениях преломлялся «принцип национальности», ставший лозунгом эпохи.

Проблематика книги раскрыта на материале истории отдельных стран и народов Западной, Центральной и Восточной Европы. При этом национальные проблемы рассматриваются не изолированно: в частности, показана связь социальных и национальных задач, у разных народов проявлявшаяся в различной степени и в различной форме в зависимости от особенностей исторического развития. В книге дан анализ позиций классов и социальных слоев той или иной страны по национальному вопросу, их роли в национальном движении, во многом определявшейся наличием полной или неполной социальной структуры нации. Прослежена также связь национальных движений этого периода с идеей национального государства, с вопросом о власти. Большое внимание авторы уделили вопросу соотношения идеологии и политики: изучена деятельность политических партий и групп по решению национальных задач, стоявших перед каждым из революционных народов, в частности, подробно освещена борьба на парламентской арене, агитационно-пропагандистская работа в массах, радикальные шаги по подготовке и проведению вооруженных выступлений.

В книге рассмотрены национальные теории 30–40-х гг. XIX в. как идеиные предпосылки выдвинутых в революциях 1848–1849 гг. национальных программ, даны анализ этих программ и оценка их реализации. Авторы стремились выяснить причины поражения революции и вместе с тем представить итоги национальной борьбы народов в революционные годы, их реальные завоевания в национальной сфере. В книге прослежены дальнейшая эволюция «национальной идеи», изменения в характере национального движения в той или иной стране на протяжении последующих десятилетий.

Авторы коллективного труда исследовали различные грани национального вопроса, в том числе проблемы национальной независимости, национальной автономии, национального языка и культуры. Большое значение придавалось анализу процесса формирования национального самосознания. Были изучены позиции идеологов и политиков того или иного народа в вопросе национальных меньшинств, отношение их к идее славянского единства и австрославизма, к национально-освободительной борьбе других народов. В этой связи рассматривались и уточнялись такие понятия, как интернационализм, патриотизм, национализм, шовинизм,

национальный эгоизм и пр. Анализировалось и само понятие нации, а также понятие «национального единства»; сопоставлялись термины «национальный» и «этнический».

Терминологические уточнения шли в русле выработки более эффективной методологии исследования. Широко использовался метод сравнительного изучения, типологических сопоставлений. В результате в коллективном труде впервые представилась возможность сопоставить три мира — западноевропейский, германский и славянский, различные по особенностям исторического развития, национальному характеру и ментальности населявших их народов, по стоявшим перед ними национальным задачам, но тесно связанные взаимной зависимостью, испытывавшие политическое и идеиное взаимовлияние.

Кроме того, создались предпосылки для разработки вопроса об откликах на национальную борьбу европейских народов в 1848–1849 гг. в тех странах, где революционные выступления отсутствовали. В этом плане в книге фигурирует Россия, причем одновременно прослежено ее влияние на развитие национальной борьбы славянских народов.

Авторы коллективного труда обратили также внимание на общие проблемы периодизации революционного процесса 1848–1849 гг. и соотнесение его этапов с этапами развития национального движения. Своей задачей они ставили выяснение характера и преобладающих форм национальной борьбы на разных этапах.

Сопоставление в книге национального вопроса с другими проблемами революции 1848 г. обеспечило возможность для нового понимания самих этих проблем. Таким образом, есть основания полагать, что опубликование коллективного труда продвинет научную разработку темы «Весны народов» в целом и всего комплекса связанных с ней национальных проблем в частности: будет дан импульс дальнейшим исследованиям в этой области.

С. М. Фалькович

I. ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ДЕМОКРАТЫ О НАЦИЯХ И НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

1. О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики

Говоря о взглядах французских либералов, демократов и социалистов по национальному вопросу в середине XIX в., важно учитывать, какими понятиями они пользовались и какой конкретно смысл в них вкладывали. В том понятийном аппарате, которым располагали политические деятели середины XIX в. для выражения своих взглядов по национальным проблемам, отчетливо прослеживается влияние по крайней мере трех исторических эпох. В XVII в. слово «нация» (nation) широко использовалось в первоначальном смысле этого латинского понятия — земляки, уроженцы одной и той же местности. Однако уже во время избирательной кампании по выборам в Генеральные Штаты в начале 1789 г. это слово стало обозначать политическое объединение граждан страны и в своем новом значении приобрело исключительную популярность. Нацию как совокупность полноправных и ответственных граждан стали противопоставлять сословиям и королевской власти. Выражением суверенитета нации провозглашался закон, выполнять который положено было королю. Отсюда девиз начального периода Великой французской революции: «Нация, закон, король»¹. В этот период понятие «нация отодвинуло на задний план близкое по смыслу понятие отечества (patrie), но с началом революционных войн в апреле 1792 г. и угрозой иностранного вторжения оно снова вошло в широкое употребление. Именно к патриотическим чувствам французов апеллировала в это время революционная пропаганда. В результате политизировалось само понятие патриотизма, любовь к родному краю сделалась неотделимой от преданности идеалам и целям революции. «Патриотами» стали называть сторонников революции в противоположность «аристократам», ее противникам. В этом политическим смысле

слово «патриот» употреблялось и в дальнейшем, в течение всей первой половины XIX в.²

Более поздним по происхождению, по сравнению с «нацией», «отечеством», является понятие «национальность», пришедшее во французский язык, по всей видимости, из немецкого. Лишь в 1835 г. это слово было включено в академический словарь французского языка, который так объяснял его значение: «наличие национального характера, духа, единства, братства и патриотизма, свойственного всем». По мнению историка Р. Жиро, термин «национальность» в гораздо большей степени «выражал признание естественных культурных различий („нравов“), чем предполагал необходимость политического отделения в целях освобождения народа, обладающего *собственной национальностью*»³. Однако к середине XIX в. понятие «национальность» сблизилось с понятием «нация»: национальности стали рассматривать как такие общности людей, которые обладают не только неоспоримой культурно-исторической самобытностью, но и правом на государственную самостоятельность.

Представление об общепринятом значении упомянутых выше слов дает классический словарь французского языка Э. Литтре, впервые опубликованный в середине XIX в. Нацию он определяет прежде всего как политическую, а не этническую или территориальную общность: это «*объединение людей, живущих на одной территории, подчиняющихся или нет одному правительству, имеющих с давних пор достаточно общие интересы, чтобы их можно было рассматривать как принадлежащих к одной и той же общности (à la même race)*». Прилагательное «национальный» трактуется в словаре как относящееся ко всему, что «касается нации, является ее частью». Национальность же определяется весьма широко как «свойство» (*qualité*) национального, например, «национальность человека или народа»⁴. Слову «отечество» в словаре Литтре дается как традиционное определение «местности», «провинции или города, где родился человек», так и новое, возникшее во время революции, — «общей родины, государства, в котором человек обладает политическими правами». Соответственно, патриот, согласно словарю, это тот человек, кто не только «любит свою страну», но и «стремится ей служить». И хотя патриотизм определяется единственno как «любовь к отечеству», высокий гражданский смысл этого понятия выражен посредством его противопоставления таким понятиям с заведомо отрицательной тональностью, как «местный, провинциальный патриотизм»⁵.

У Литтре нет термина «национализм». Официальный академический словарь впервые упоминает его лишь в 1878 г., хотя это слово было известно во Франции и ранее. Впервые его упомянул во французской печати аббат О. Баррюэль, один из идеологов дворянско-монархической реакции и наиболее резких критиков революции конца XVIII в. В 1798 г., характеризуя политику якобинцев, он писал: «Национализм занял [у них. — A. P.] место всеобщей любви... Стало допустимым презирать, обманывать и оскорблять иностранцев. И все эти деяния возводились в ранг патриотизма»⁶. Видимо, этот термин не прижился в то время, так как он в большей или меньшей степени соответствовал понятиям «французская нация» или «французское отечество», которые сами со временем революции конца XVIII в. часто использовались для выражения чувства превосходства по отношению к другим народам. Еще во время войны, объявленной «реакционным монархам» в 1792 г., французский патриотизм приобрел ярко выраженные черты воинствующего шовинизма. Его признаками были и возведенное в ранг государственной политики недоверие к иностранцам, и страх перед враждебным окружением, и презрение к политически «отсталым» соседям, и откровенное стремление к аннексиям и другим формам внешней экспансии. Но этот шовинизм выступал тогда в оболочке революционного мессианства, т. е. веры в особую историческую миссию Франции, призванной облагодетельствовать человечество и принести на штыках своих солдат свободу, равенство и братство другим народам. Революционное мессианство, которым прониклась значительная часть французов, с успехом использовал в своих целях Наполеон Бонапарт. Свою завоевательную политику он оправдывал необходимостью распространения во всем мире передовых французских учреждений, а также благой целью политического объединения Европы.

Крах наполеоновской империи и монархическая реставрация парадоксальным образом вызвали новый прилив патриотических настроений во французском обществе. В условиях военного поражения, оккупации Франции и диктата союзников французы воспринимали как унижение возвращение на трон Бурбонов, прибывших в Париж в «обозе оккупантов», и лишение Франции по договорам 1814–1815 гг. всех ее территориальных приобретений, в том числе и относящихся ко времени революции и республики, включая левый берег Рейна. Противостояние «передовой» Франции и «реакционных монархий» Европы приобрело новый, актуальный смысл, но цели и задачи борьбы остались прежними:

спасение Франции и революции путем ее распространения по всей Европе. Однако в глазах патриотически настроенных французов соотношение между универсальными либерально-демократическими ценностями, провозглашенными революцией, и собственно национальными задачами Франции изменилось. Если раньше, в условиях победоносного наступления на «старый мир», шовинизм облекался в оболочку революционного мессианства, то теперь, в условиях обороны, именно эти универсальные ценности облекались в оболочку защиты национальных интересов, что означало приблизительно следующее: Франция — последний оплот либерализма и демократии, и потому, защищая Францию, мы сохраняем надежду на спасение и всему миру. Внешнеполитическая программа патриотической, или национальной, партии состояла из двух связанных между собой пунктов: ревизия договоров 1815 г. и освобождение народов Европы, угнетенных собственными или чужими «реакционными» правительствами. В 1831 г. А. Каррель писал: «Правительство предаст интересы Франции, причем самым бессовестным, преступным и трусливым образом, если позволит, чтобы левый берег Рейна принадлежал кому-нибудь другому, кроме него самого»⁷. Ж. Мишле в 1846 г. заявлял: «Франция является не только нашей досточтимой матерью, но и матерью свободы всех других народов!»⁸.

2. Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе

Впервые идея нации, а также идея национального, общено-родного государства была выдвинута либеральным политиком эпохи французской революции конца XVIII в. аббатом Э.-Ж. Сийесом, причем под нацией понималась не этническая, а социальная, историко-политическая, культурная единица. В годы революции Франция стала не политическим объединением бретонцев, провансальцев, лотарингцев, а государством одного народа. Понятия нации, национального суверенитета полностью меняли представления о государстве, границах власти монарха, создавали почву для возникновения гражданского общества и превращения подданных режима Старого порядка в граждан общества, наделенных всей полнотой гражданских прав. Правда, в годы революции под нацией понималось исключительно третье сословие, а аристократия (как бесполезный, неработающий класс) должна была быть, по мысли Сийеса, по крайней мере, временно лишена всех гражданских прав⁹.

В ходе революции были сформулированы новые принципы внешней политики: осуждение завоевательных войн, солидарность с народами, обретшими свободу, прозвучал и принцип не-вмешательства в дела других народов¹⁰.

Французская общественно-политическая мысль первой половины XIX в. в целом унаследовала представления о государстве-нации. Эта тема особенно привлекала французских либералов, для которых ключевым словом служило слово «свобода». Признание свободы высшей целью, высшим средством, высшим правилом человеческого общества является неизменной сущностью этого идейного течения на протяжении всего времени его существования. Само понятие «нация» привлекало французских либералов именно потому, что оно ассоциировалось с понятиями свободы, исторического прогресса. Возникновение нации и национального государства во Франции связывалось с торжеством общего интереса над частным, общественного блага над сословными привилегиями. В целом проблема формирования современных наций была осмыслена ими как составляющая общественных преобразований во время перехода от феодального, сословного общества к буржуазному, гражданскому. Правда, исключение аристократии из «тела нации» (пусть даже временное) не было

поддержано либералами. Нация представлялась им как все население, объединенное единой историей, нравами, языком, обычаями. Французские либералы начала XIX в. (их лидерами были Б. Констан, П.-К.-Ф. Дону, Д. де Трасси, Ж. Д. Ланжюинэ) пользовались понятием «национальное государство», подразумевая под ним государство, в котором основой власти служит «общая воля народа». Ж. Д. Ланжюинэ все государства делил на национальные (они признают своим основным принципом общую волю всех граждан, входящих в государственный союз) и специальные (те, что опираются на другие принципы)¹¹.

Стремление народов Европы к приобретению национальной государственности в XIX в. сопровождалось повсеместно требованиями проведения в своих странах либеральных преобразований. Поэтому обретение народами национальной государственности ассоциировалось с торжеством идей либерализма в целом и превращало либералов в сторонников национальной идеи этих народов.

Индивидуализм был самой глубокой основой либерализма первой половины XIX в. Для французских либералов национальность (язык, культура, традиции, образ жизни) — тоже своего рода индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, это ценность, творимая в истории. Ж. де Сталь в трактате «О Германии» встала на защиту прав нации в ее борьбе за независимость. По ее мнению, Германия, покоренная Наполеоном I, Европа, загнанная силой в систему континентальной блокады, являются жертвами актов вандализма и неуважения прав народов. Европа только тогда обретет мир, когда освободит Германию¹². Но признание прав всех наций на собственную государственность не означало отказа от заветной мечты «воскресить историческое единство народов». Характерной чертой общественно-политической мысли первой половины XIX в. было сочетание идей о национальном возрождении с планами создания общеевропейской федерации. И не случайно революции 1848–1849 гг. оставили название этого «прекрасного будущего» — «Соединенные Штаты Европы».

Главным теоретиком французских либералов первых десятилетий XIX в. был Б. Констан. Еще в 1813 г. он написал памфлет «О духе завоевания и узурпации в их отношениях с европейской цивилизацией», где крайне негативно оценивал внешнюю политику Наполеона, направленную на завоевание и порабощение народов. Констан отмечал новые настроения народов Европы, их устремления к свободе и независимости, в частности, назвал «пожар в Москве» «зарей свободы в мире». Самыми страшными

последствиями войн он считал не разрушения и экономическое опустошение, а уничтожение национальных традиций, нравов, нарушение местных законов, языков. Единообразие в этой области он называл смертью¹³. В становлении наций, развитии их индивидуальных качеств Б. Констан видел закономерный этап на пути эволюции человеческого общества к конечному пункту — осознанию единой европейской цивилизации, в основе которой будут лежать конституционные принципы, личные свободы человека и всемерное развитие индустрии¹⁴. Он утверждал, что «массы людей существуют под различными именами, имеют различную социальную организацию, но гомогенны по своей природе»; все народы Европы являются соотечественниками, и враждовать могут только руководители государств, но никак не простые их жители. Даже чувство любви к родине он называл анахронизмом для европейского человека XIX в. Вывод Констана: Европа движется в направлении «моноэтического» государства¹⁵.

В 20-е гг. XIX в. Б. Констан активно выступал в защиту национально-демократических движений в Европе. Он признавал за народами право на свободу выбора государственного устройства, вероисповедания, права нации противопоставлял монархии, деспотизму. По глубокому убеждению Б. Констана, тирания ведет к вырождению и деградации нации, и именно политический деспотизм и религиозные преследования превратили Испанию из могущественной страны во второстепенную державу; это участие всех стран, где правят деспотические режимы. Вмешательство Франции во внутренние дела Испании Констан осудил, он открыто заявлял, что «замышляется война против свободы, независимости, неотъемлемых прав наших соседей; эта война, которая может стать гибельной для Испании, может быть только позорной для Франции; отступление будет постыдным, успехи плачевными...»¹⁶ Б. Констан не раз выступал в поддержку и греческого национально-освободительного движения, гневно осуждая творимые турками бесчинства и жестокости. В 1825 г. он призвал христианские народы оказать помощь православным грекам, систематически истребляемым турками. Особый акцент Констан делал на том, что каждая нация имеет право исповедовать ту религию, которую пожелает, и лишение нации этого права оправдывает ее бунт и неповинование¹⁷.

Очевидно, что в условиях, когда не всякое государство было нацией и не всякая нация обладала государственностью, главный вопрос состоял в том, какие государства будут называться нациями и какие нации обретут свою государственность. На первый

вопрос французские либералы первой половины XIX в. дали определенный ответ — это государства, в которых основой власти является общая воля народа; но на другую сторону проблемы они практически не обратили внимания. Однако очевидно, что чрезмерное дробление Европы на мелкие государства было далеко от того идеала, осуществление которого они видели в недалеком будущем. Поскольку образование наций и национальных государств представлялось ступенью на пути создания более совершенной модели европейского единства, то чем большие размеры принимала нация, тем ближе казалась европейская цивилизация к осуществлению этого идеала.

В 20–40-е гг. XIX в. появились исторические труды видного представителя либеральной мысли первой половины XIX в., активного политического деятеля Ф. Гизо «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции», давшие импульс к пониманию закономерностей исторического развития. Так же как и другие либеральные мыслители этого времени, Гизо рассматривал нацию прежде всего как социальную, а не этническую единицу. Концепцию Сийеса о том, что в третьем сословии Франции сосредоточена вся нация, он отверг, хотя и считал появление такого толкования нации в XVIII в. обоснованным. На самом деле, считал Гизо, понятие нации значительно шире, так как борьба сословий сопровождалась одновременно и другими процессами: сословия «прогрессивно расширялись, сближались между собой, уподоблялись друг другу; в каждой стране Европы рождался и развивался какой-то общий дух, какое-то единство интересов, идей, чувств, которое восторжествовало над различием и враждою»¹⁸. Этот процесс, по мнению Гизо, и приводит к рождению единого народа. Во Франции XVII–XVIII вв. при всех различиях сословий существовал французский народ в полном смысле этого слова, народ, который «не состоял исключительно из одного какого-либо класса, но обнимал собою все сословия, одушевляемые одним общим чувством, соединенные в одной общественной жизни, наконец, глубоко запечатленные национальностью, единством»¹⁹. Причем огромную роль в формировании во Франции единого народа Гизо отводил Столетней войне с Англией, которая «содействовала образованию французской нации и стремлению ее к единству»²⁰. Он считал процесс складывания единой нации особенностью нового времени, характерной для всей Европы: «...из недр разнообразия, вражды, войн возникло то национальное единство, которым теперь отличается Европа и которое с увеличивающимся ежедневно успехом не пере-

стает стремиться к дальнейшему развитию и усовершенствованию»²¹. Но, размышляя о том, что лежит в основе развития и совершенствования человеческого общества, Гизо-историк даже не упомянул о проблемах национальной независимости, обретения народом своей государственности.

В целом либеральная мысль первого тридцатилетия XIX в. во Франции в теоретическом плане не дала четкого ответа на многие вопросы, связанные с проблемой нации, обретением нацией государственности. Во взглядах на внешнюю политику, основные принципы международных отношений французские либералы опирались на достижения философской, общественно-политической мысли XVIII в., эпохи Великой французской революции. Естественное равенство всех народов, уважение их суверенитета, право наций на самоопределение, невмешательство государств во внутренние дела друг друга — все эти положения были развиты в «героический период» французского либерализма, когда он находился в оппозиции к правительству режима Реставрации.

Этот период завершился в 1830 г. в результате Июльской революции, приведшей к власти во Франции либералов. Либерализм, в том истолковании, который ему придавали «доктринеры» (правое крыло французских либералов), стал официальной идеологией и призван был на практике осуществить свои идеи.

Одним из следствий революции 1830 г. должно было стать заявление о новых принципах внешней политики Франции²². Рождение новой внешнеполитической программы проходило в крайне сложной внутриполитической ситуации, в парламенте шли бурные дискуссии на эту тему. Так называемая «партия движения», состоявшая в основном из левых либералов и республиканцев, требовала продвижения Франции к Рейну, поддержки всех революционных движений, присоединения к Франции Бельгии, активизации колониальных захватов. Поддержка национально-демократических движений всегда соединялась в требованиях демократов с усилением международного влияния Франции, увеличением ее территории. Более взвешенную и осторожную позицию занял Ф. Гизо, лидер «доктринеров», составивших ядро «партии сопротивления». Он не раз выступал в палате депутатов, отстаивая мирный курс правительства Луи Филиппа, которое сразу после революции признало все территориальные изменения, произведенные трактатами 1815 г. Гизо предостерегал от распространения в Европе «демона революции», который чрезвычайно опасен и для Франции, так как мо-

жет погубить то, что завоевано в ходе революции 1830 г. Поэтому, считал он, необходимо отмежеваться от набиравшего силу революционного духа, поставить ему преграду, но одновременно поддержать права народов на свой выбор. Гизо выступил и против насильственного распространения либеральных и политических институтов повсюду в Европе («это фантазия, и опасная»). Напомнив французам о неудачном опыте Наполеона I, он подчеркивал, что такая политика вызвала протест не только у монархов, но и у народов. «Мы хотим пропагандировать свободу, но не революцию», — закончил он свое выступление 15 января 1831 г.²³ Гизо выдвинул принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга как основу взаимоотношений народов в Европе, напомнив тем самым о лозунгах французской революции XVIII в.

Особенно обострилась ситуация в связи с революционными событиями в Бельгии в 1830 г. «Доктринеры» считали, что помочь развитию там революционного движения Франция не должна, что бельгийцы справятся со своими внутренними проблемами сами. Франция же потребует от европейских держав невмешательства во внутренние дела Бельгии. Левые либералы, одним из лидеров которых был О.Барро, и демократы заняли противоположную позицию. Они понимали революционные события 1830 г. как начало коренных преобразований в Европе и призывали французское правительство стать во главе этого процесса. Франция, заявляли они, должна, как и в конце XVIII в., возглавить революционное движение, выступить «донкихотом свободы». Принцип невмешательства в данных исторических условиях, когда в Европе опять «не дают восторжествовать идеям свободы и либерализма», они называли догматическим и даже преступным. В одном из своих выступлений по вопросам внешней политики О.Барро назвал курс Гизо «политикой простаков и обманутых», а принцип невмешательства в ситуации, когда революционеры всех стран Европы ждут от Франции помощи и поддержки, просто неприемлемым. Политика французского правительства, считал он, это политика «эгоизма и безразличия», которая принесет Франции только бесчестье²⁴. По мнению левых либералов, правительство, поддерживая либеральные движения повсюду в Европе, одновременно должно выступить с инициативой создания политического блока государств, опирающихся на либерально-конституционные принципы (Франция, Англия, Португалия и Испания), и противопоставить его блоку государств, входящих в Священный союз²⁵.

Поддержка всех либеральных движений в Европе включала и поддержку национально-освободительной борьбы. Право на независимость и свободу Барро провозглашал неотъемлемым, «естественным правом» всех народов. «Великая истинна», заявлял он, заключается в том, что народы — господа своей судьбы и никто не имеет права навязывать им свою волю. В одном из выступлений уже в конце 40-х гг. Барро говорил: «...я желаю, чтобы в вопросе о восстановлении итальянцами независимости отечества наша страна имела полную возможность действовать сообразно с ее истинными интересами и симпатиями»²⁶.

Барро считал, что во имя поддержки стремлений итальянцев к восстановлению независимости Франция должна не бояться идти на конфронтацию с Австрией. Этого не хотели правящие круги Июльской монархии. Ф. Гизо, возглавлявший с 1840 по 1847 г. внешнеполитическое ведомство Франции, вынашивал план сближения Франции с Австрией, и потому его требования в вопросе об итальянских провинциях империи Габсбургов не шли дальше предоставления этим землям большей автономии. Конечно, и правые либералы, реально осуществлявшие власть в стране, не могли не поддерживать ширившееся в Европе национально-освободительное движение. Но для «доктринеров» важно было, чтобы обретение той или иной нацией своей свободы и государственности не вызывало революционных потрясений, которые всегда сопровождаются распространением демократических идей и настроений. «Революция, — говорил Ф. Гизо в 1835 г., — это во всех случаях зло»²⁷. Выдвижение принципа невмешательства имело для Гизо и его сторонников скорее прагматическое значение: не допустить распространения революционных идей в самой Франции, а главное — не допустить вооруженного вмешательства европейских монархов во внутренние дела Франции и тех государств, которые образуют, как подчеркивал Гизо, «ее пояс» (Бельгия, Швейцария, Пьемонт, Испания)²⁸. Отстаивание принципа невмешательства становится в годы Июльской монархии для либералов правого крыла скорее аргументом во внешнеполитических дискуссиях, чем основой для реальной внешнеполитической деятельности. В 1830 г. очень точно сказал об этом тогдашний министр иностранных дел Франции М. Л. Моле: «...эта доктрина неразрывно связана с прочностью трона Луи Филиппа, так как в противном случае вмешательство и во французские дела тоже следовало бы признать законным»²⁹.

Что касается реальной внешней политики, то Франция не раз отходила от принципа невмешательства. Прежде всего это сказа-

лось на судьбе Бельгии: она была решена на конференции пяти великих держав с участием Франции. Французский историк А. Дебидур верно подметил, что само это решение говорило о нарушении принципа невмешательства и было «не что иное, как обращение к практике Священного союза»³⁰. Но наиболее интересна в этом отношении политика правых либералов в германском вопросе. По существу, правительство Франции стояло на платформе решений Венского конгресса, закрепившего раздробленность Германии. Создание сильного единого германского государства, по мнению французского правительства, не только уменьшило бы влияние Франции в Европе, но и создало серьезную угрозу ее позициям на Рейне, в Эльзасе и Лотарингии. Уже первые инструкции либерального правительства Луи Филиппа своим посланникам показывают, что Франция не хотела объединения Германии: «...обращайте особое внимание на положение небольших государств, так как в интересах Франции поддерживать маленькие и средние германские государства с целью создания противовеса великим державам Австрии и Пруссии»³¹. Французская дипломатия была крайне обеспокоена попытками Пруссии создать таможенный союз германских государств. Орган либеральной буржуазии газета «Конститюсьонель» («Конституционная газета») назвала даже Германский таможенный союз «торговым Священным союзом»³². Допустить верховенство Пруссии в Германии Франция не хотела даже в случае успешного развития там «либерального духа». В конце апреля 1847 г. Гизо писал: «Сегодня, как и всегда, политика Франции заключается в сохранении различных государств, входящих в германскую конфедерацию». Чтобы противостоять планам Пруссии, Гизо начал активную переписку с К. Меттернихом. 25 февраля 1847 г. он писал, что изменение форм правления в Пруссии (имелись в виду проекты либеральных реформ) является ее внутренним делом, но с другой стороны, оно ведет к складыванию совершенно новой расстановки сил в Германии и не сможет не отразиться на европейском равновесии³³. К концу 40-х гг. политические позиции Меттерниха и Гизо сблизились. «Мы боремся... — писал Гизо австрийскому канцлеру, — чтобы сберечь или излечить современные общества, и в этом заключается наш союз. Только при содействии Австрии французской консервативной политике можно успешно бороться с революционным и анархическим духом»³⁴.

Однако во французском обществе идея союза с Австрией была крайне непопулярна. Австрия являлась одним из инициаторов

Священного союза и венской системы и в общественном сознании выступала как главный враг французского народа, основной виновник унизительных для него условий мира 1815 г. Между тем раздробленная Германия сама представлялась чуть ли не жертвой Австрийской империи. Для демократической оппозиции было характерно видеть в едином германском государстве фактор прогресса, безопасности Франции и даже гарантии мира в Европе. Демократы считали, что изменения в Германии изменят в пользу Франции всю международную обстановку и даже в знак благодарности за поддержку немцы вернут французам левый берег Рейна. Таких взглядов придерживались Ж. Мишле, В. Гюго, А. Ламартин.

Попытка Священного союза дать Европе новую организацию, основываясь на принципе легитимизма и территориальном *status quo*, встретила противодействие со стороны двух главных сил Нового времени — национальной идеи и либерализма. Борьба за национальную идею везде сопутствовали требования либеральных преобразований. Национальная идея этого времени, как справедливо отмечает французский историк Ж. Вейль, заключала в себе не только стремление народов к обретению государственности, но и пробуждающуюся тягу к идеи национальной исключительности, что имеет вполне определенное название — национализм³⁵. Именно с растущим национализмом связано появление во Франции в 40-е гг. XIX в. культа Наполеона I. Активный деятель либеральной партии А. Тьер начинает в эти годы работу над историей Консульства и Империи во Франции. Его анализ внешней политики Наполеона I тем более интересен, что Тьер был известен своими яркими выступлениями в защиту свободы Италии и других национально-освободительных движений. Работа А. Тьера — это апология внешней политики французского императора, его завоевания оправдываются некой целесообразностью. Так, например, Тьер оценивал политику Наполеона в германских землях как мудрую: он «...наложил на Германию свою волю для ее же собственной пользы и для спокойствия мира: единственный случай, когда дозволено и полезно вмешиваться в чужие дела»³⁶.

Таким образом, либерал Тьер пришел к выводу, что дозволено вмешиваться в чужие дела и диктовать народам свою волю. Если демократы и республиканцы, также страдавшие «болезнью Ватерлоо», видели выход в осуществлении двух задач — вернуть Франции естественные границы и освободить с ее помощью все народы от тирании, то французские либералы 30–40-х гг. XIX в. такие требования не выдвигали. Они являлись правящей партией,

и их основной задачей было упрочение положения Орлеанской династии, чего нельзя было сделать, не получив поддержки легитимных монархов Европы. Не развивали они и идеи «нация — государство», предполагавшей обретение каждой нацией государственности. Ведь такое грандиозное переустройство Европы было возможно лишь как следствие опустошительных революционных потрясений, которых либералы боялись. Ф. Гизо в своих мемуарах, которые он начал публиковать в 1858 г., признал, что под напором либерального, демократического и национально-освободительного движений рушится старая Европа, происходит же это должно, по его мнению, в результате внутренних процессов, без всякого вмешательства извне. «Это не значит, — писал он, — что народы изолированы и безразличны к судьбе друг друга. Но силой и войной нельзя способствовать распространению истины и свободы»³⁷. В то же время у Гизо сохранялось представление о Европе как о едином целом «сообществе различных, но сходных между собой народов и государств». Он признавал, что «европейские народы не только соседи, но и родственники, объединенные связями и нравственными, и материальными». «Несмотря на распри и непонимание, — писал он, — существует некое высшее единство, и чрезвычайно весомое, о котором никогда не следует забывать»³⁸. Итальянский историк С. Мастеллоне даже приписывал Ф. Гизо план создания единой Европы — единой в политическом и в экономическом отношении³⁹. Планов таких, как представляется, не было, но была глубокая уверенность, что путь исторического прогресса для всех европейских стран один и связан он с национальной независимостью и победой либеральных принципов. Однако понимание того, что столь кардинальные изменения не могут произойти мирным путем, заставляло либералов, как реально действующих политиков, стоящих у кормила власти, очень осторожно относиться ко всем проявлениям национально-освободительных движений в Европе.

3. Международный кризис 1840 г. и позиция французских демократов в национальном вопросе

У французских демократов, не входивших во власть, не было тех сдерживающих факторов, которые довлели над праволиберальным лагерем. Поэтому своеобразным моментом истины для них явился восточный кризис, вызванный противоречиями держав из-за Турции и ее владений. 15 июля 1840 г. Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия подписали соглашение, направленное против Франции. В ответ на их действия Тьер, возглавлявший французское правительство, выступил с воинственными заявлениями. Он провел через палату депутатов закон о строительстве оборонительных сооружений вокруг Парижа.

Общественное мнение Франции было взбудоражено этими событиями. Патриоты забили тревогу. Договор между четырьмя державами они расценили как попытку реанимировать коалицию, которая навязала Франции договоры 1815 г., как свидетельство их намерения начать новую войну. Патриоты выражали готовность принять этот вызов. Грядущая война должна была стать, по их мнению, решающей схваткой между новым и старым миром.

Об отношении французских демократов к грозившей войне, равно как и ко всему комплексу национальных, политических и социальных проблем, которые она затрагивала, позволяет судить полемика, возникшая в середине 1840 г. между главной газетой леволиберальной, республиканской оппозиции «Насьональ» («Национальная газета») и «ветераном» республиканского движения во Франции Э. Кабе. В 1834 г. он за нарушение закона о печати был приговорен к высылке за границу сроком на пять лет и вернулся лишь в апреле 1839 г. В 1840 г. по своим убеждениям Кабе был уже коммунистом, но в отличие от большинства французских коммунистов того времени, последователей Бабефа (необабувистов), он представлял себе строй «подлинного равенства и общности» не иначе как в форме демократической республики и переход к общности мыслил также демократическим путем — посредством социальных и политических реформ.

Во второй половине 1840 г. Кабе откликнулся на обострение внутренних и международных политических противоречий серией брошюр под общим названием «Шесть писем о нынешнем кризисе»⁴⁰. Первое из них было посвящено разоблачению «происков и насилий» коалиции иностранных держав, жертвой которых, как он считал, Франция являлась на протяжении 1791–

1840 гг. Эта коалиция, пишет Кабе, «не пренебрегает никакими мелочами, подготавливая войну; она создает торговую и таможенную лигу⁴¹, строит железные дороги, чтобы быстрее перебрасывать свои войска». Общее впечатление Кабе о ходе международных событий таково: «Положение Франции и Европы никогда не было таким серьезным... Война непосредственно угрожает Франции, в этом может убедиться каждый»⁴².

Во втором письме Кабе выражает свое отношение к планам правительства Тьера построить вокруг Парижа систему оборонительных укреплений, включая мощные форты. Ему известно, что широкие леволиберальные и республиканские круги поддержали намерение правительства. В частности, он называет такие газеты оппозиции, как «Съекль» («Век»), «Тан» («Время»), «Конститьюсоннель», «Мессаже» («Вестник»), «Деба» («Дискуссия») и, конечно же, «Насьональ», прямо об этом заявившие. Их точку зрения Кабе считает глубоко ошибочной, даже «недопустимой» по целому ряду причин. В чисто военном отношении превращение Парижа в главную крепость привело бы к тому, считает он, что «судьба всей страны оказалась бы в зависимости от судьбы столицы»; но еще более важны неблагоприятные политические последствия такого строительства. Мощные укрепления вокруг Парижа, по словам Кабе, «усыпили бы Францию, придали бы войне чисто профессиональный характер и помешали бы ей стать национальной и народной войной»⁴³. Между тем только такая, национальная и народная, война оставляет патриотам надежду на торжество их идеалов свободы. Кабе критикует тех патриотов, которые, подобно газете «Насьональ», считают, что в случае необходимости вполне допустимо «принести свободу в жертву независимости»: «и то, и другое следует защищать одновременно, поскольку они неразделимы, поскольку не может быть подлинной независимости без свободы... тогда как великая свободная нация всегда сумеет добиться независимости»⁴⁴.

Третье письмо посвящено критике внутренней и внешней политики Тьера, которого Кабе считает «самым опасным человеком» во Франции⁴⁵, ставя в вину главе правительства постоянные уступки реакции на международной арене. В частности, он обвиняет Тьера в том, что тот «постоянно заискивал перед иностранной коалицией», «принес ей в жертву всех наших союзников, включая Бельгию, Польшу и Италию» и «поссорил Францию с испанской и швейцарской демократией»⁴⁶.

В четвертом письме Кабе обращается к согражданам с призывом восстановить национальное единство. Необходимость и воз-

можность национального единства, пишет он, вытекает из характера предстоящей войны, ибо она будет «войной аристократии против демократии, войной королей против Французской революции и против всех революций вообще». В случае победы, утверждает Кабе, «аристократия... восстановит старый порядок; нет ни одного класса, принадлежавшего ранее к третьему сословию, включая нынешнюю буржуазию и народ, который бы от этого не пострадал». Кабе адресует свой призыв «всем-всем». В частности, негоциантам и промышленникам он объясняет, что их интересам полностью противоположны цели, которые ставит перед собой в этой войне английская аристократия. «Она стремится не больше не меньше, — пишет он, — как уничтожить нашу промышленность, захватить нашу торговлю, разрушить наш флот, отобрать наши колонии и восстановить у нас средневековые порядки, корпорации, привилегии, монополии...» Рабочим Кабе сообщает, что в случае победы аристократии им нечего и думать о своем «освобождении и улучшении участия», потому что их хозяева тогда «смогут безнаказанно увеличивать продолжительность рабочего дня, уменьшать заработную плату», а «всякое неповинование будет беспощадно пресекаться»⁴⁷.

В пятом письме Кабе развивает мысль о том, что в предстоящей войне будет решаться судьба не только Франции, но и народов Европы: ведь поражение Франции увековечит господство аристократии во всем мире, а ее победа, напротив, обеспечит торжество демократии и справедливости. Это прекрасно понимают противники Франции, «короли и аристократы», у которых, утверждает Кабе, «нет выбора». Если они не хотят добровольно уйти со сцены истории, — а они этого как раз не хотят, — то им не остается ничего другого, как задушить революцию в ее колыбели. Предстоящая война будет не на жизнь, а на смерть. И эта война, заключает Кабе, должна быть «всеобщей, как в 1792 и 1815 гг.»⁴⁸.

В шестом и последнем письме Кабе делится мыслями о том, что нужно сделать, чтобы война достигла поставленных целей, обеспечила победу демократии. Главное, по его мнению, заключается в том, чтобы придать ей истинно демократический характер. Нужно объявить: «Франция будет вести национальную, народную и революционную войну!.. Франция будет сражаться за все человечество!..» Но пойдут ли на это правительство и король? Кабе уверен, что они не смогут уклониться от ответственности. В сложившихся условиях, пишет он, возможны два варианта: «либо Луи Филипп уступает желанию всей нации и сам руководит вой-

ной, либо он отрекается от трона и предоставляет своему сыну возможность защищать страну». «Можно надеяться, — добавляет Кабе, — что правительство примет войну, если нация этого потребует»⁴⁹. Будущая война ярко рисуется в его воображении: «Речь пойдет не об обычной и регулярной войне, а о *войне национальной*; не о войне одних только солдат, а о войне народов, крестьян, гверилье... войне, в которой дети и женщины вполне будут достойны мужчин; войне на испанский, русский и английский манер, подобно той, которую Англия подготовляла в 1803 г.; войне баррикад, взорванных мостов, разрушенных дорог; войне без сна и отдыха для захватчика; войне руин, выжженной земли и голода, забоя скота и массового уничтожения»⁵⁰. Вместе с тем это будет подлинно освободительная война, в результате которой навсегда будет покончено с рабством и несправедливостью. К солдатам этой будущей войны Кабе обращался с напутствием: «Принесите соседним народам знамя освобождения людей, избавления рода человеческого, равенства и братства!»⁵¹

Международный кризис 1840 г. был непродолжительным. Как показали события, Тьер, выступая с воинственными заявлениями, на самом деле блефовал. Ни он, ни король Луи Филипп не собирались подвергать себя и страну риску большой европейской войны⁵². В октябре 1840 г. новым министром иностранных дел был назначен Ф. Гизо, который поспешил заверить иностранные державы в миролюбии Франции.

Дипломатическое отступление правительства, назначение Гизо и «смена курса» внешней политики вызвали глубокое разочарование Кабе. Он откликнулся на эти события брошюрой «Эмиграция Гизо в Гент: слава или бесчестие?»⁵³. Заглавие напоминало о весьма спорном поступке этого государственного деятеля, совершенном им во время «ста дней» Наполеона в 1815 г. В отличие от многих демократов и либералов, оказавших тогда императору поддержку, хотя и условную, Гизо продемонстрировал верность Бурбонам и вместе с ними отправился во вторую эмиграцию в бельгийский город Гент. Об этом поступке сам он с гордостью упомянул, выступая в палате депутатов в октябре 1840 г. Кабе усмотрел в его словах прямой вызов патриотам, всегда презрительно относившимся к Бурбонам как ставленникам «заграницы». И тот давний поступок, и новое заявление Гизо представлялись Кабе весьма многозначительными, выражающими одну из характерных черт политического развития Франции периода революции и контрреволюции. Если в ранее опубликованном труде «Народная история Французской револю-

ции» Кабе изображал ее преимущественно как конфликт между общественными классами, такими как аристократия, буржуазия и народ, то в указанной брошюре, не отказываясь от социальной интерпретации революции, он в целом представил ее скорее как национальное и патриотическое движение, обусловленное враждебными происками иностранных держав и их пособников внутри страны. Кабе считал, что интервенция «реакционных монархий» привела к резкому размежеванию политических сил во Франции, общество раскололось на истинных патриотов, превыше всего ставивших интересы отечества, его свободу и независимость, и пособников интервентов, готовых ради своекорыстных интересов пожертвовать его благом, и это обусловило необычайно высокий накал и бескомпромиссность политической борьбы. «Заграница, — пишет он, — вот с кем народ боролся в лице эмиграции, аристократии, фейянов, жирондистов и золотой середины, готовых пойти на сделку с коалицией»⁵⁴. Вместе с тем, как подчеркивает Кабе, иностранная интервенция стимулировала проведение важных социальных и политических реформ в духе равенства и братства. «В момент наибольшей опасности национальное представительство, состоящее из буржуа, направляет в гущу народа своих комиссаров, взывавших к его чувству самоотверженности, убеждавших, умолявших, заклинивших его встать на защиту отечества. Именно тогда законодатели отдают впечатляющую дань признательности народу, его бескорыстию, храбрости и патриотизму. Именно тогда они обещают предоставить ему права, равенство и даже национальные имущества стоимостью в миллиард франков, чтобы помочь ему выбраться из нищеты. И тогда народ, откликнувшись на массовую мобилизацию, отдает в распоряжение отечества четырнадцать армий. Они прикрывают ее границы и повсеместно обращают в бегство армии Европы». Важнейшей предпосылкой этих побед, по мнению Кабе, было непоколебимое единство народа, проникнутого «общим чувством ненависти к коалиции, особенно к эмигрантам, дезертирам и предателям»⁵⁵.

Причину, почему в 1814 г. коалиция все же победила, Кабе усматривал в том, что Наполеон Бонапарт изменил духу революции, отказавшись от бескомпромиссной борьбы с внутренними и внешними врагами Франции. «Если бы Бонапарт, — писал он, — продолжал сокрушать королевские троны, провозглашать республики, защищать и распространять принципы революции; если бы он повсеместно вводил демократию, братство и союз народов, боролся против эмиграции, коалиции и контрреволюции, то ни-

что не могло бы сравниться с растущим энтузиазмом народа и армии, их самоотверженностью и его собственным могуществом...» Но Наполеон, по словам Кабе, выбрал другой путь: он «отталкивает республиканцев, возвращает эмигрантов, дворян, священников, аристократов, контрреволюционеров, представителей золотой середины, ренегатов, предателей, словом, всех пособников внешнего врага». Отмечая, что это не могло не подорвать энтузиазм народа и боевой дух армии, Кабе подчеркивал, что, не сумев оправдать надежд французских патриотов, Наполеон обманул ожидания и «угнетенных народов» за рубежом. «Этот несчастный Бонапарт, — пишет он, — подменил духом завоевания, эгоизма, гордыни и алчности политику распространения братства среди наций», и поэтому «народы, которые должны были бы быть друзьями французской революции, стали ее врагами». Их пример, по мнению Кабе, лишь подтверждает ту истину, что «нет более пылкого чувства, чем любовь к независимости, и нет более законной ненависти, чем ненависть к иностранным захватчикам»⁵⁶.

Крах наполеоновской империи означал вместе с тем и поражение революции, ее заклятые враги — «коалиция, эмиграция и аристократия» — навязали Франции в 1814 г. монархическую реставрацию, которую Кабе характеризовал как сугубо антинародный, антинациональный режим. Он подчеркивал, что когда в 1815 г. Наполеон вернулся во Францию, народ и армия восстали против Бурбонов «не из-за любви к императору, а из-за ненависти к загранице»; в лице Бонапарта патриоты «приветствовали защитника национальной независимости»⁵⁷. По аналогии с событиями 1815 г. Кабе оценивал и характер Июльской революции. «Когда в июле 1830 г., — писал он, — народ и армия восстали против Карла X, они лишь выражали свой протест против реставрации, буржуазии, аристократии и эмиграции, против сообщников и друзей заграницы, против коалиции, предательств и несчастий 1815 г., в особенности против договоров, которые и по сей день напоминают нам об этой печальной истории»⁵⁸.

Кабе усматривал определенную логику в действиях Гизо на протяжении всей его политической карьеры. Отправившись в 1815 г. вслед за Бурбонами в Гент, он, несмотря на свою репутацию либерального политика, наглядно продемонстрировал, по словам Кабе, «преданность эмиграции, реставрации и коалиции в ущерб интересам Франции и революции». А в 1840 г. он вопреки мнению патриотической общественности «принимает требования коалиции», фактически предавая французские интересы на Вос-

токе, за что, как язвительно замечает Кабе, удостаивается «похвалы заграницы»⁵⁹. Кабе бросает в лицо Гизо обвинение в предательстве: «В 1815 г. вы предпочли победе национальной партии иностранное вторжение и интервенцию заграницы... Сегодня победе народной партии вы предпочитаете победу коалиции. Вы поступаете вопреки тому, что всегда хотела Франция!»⁶⁰

Кабе и другие демократы были разочарованы мирным исходом международного кризиса 1840 г. Им казалось, что по вине правящих кругов была упущена благоприятная возможность не только взять реванш за поражение в 1814–1815 гг., но и осуществить решающий прорыв к свободе и демократии как французского, так и других народов. Вместе с тем большое впечатление на французских демократов произвела негативная реакция общественного мнения зарубежных стран на их воинственные призывы. В частности, в германских землях в 1840 г. наблюдался небывалый со времени освободительной войны 1813 г. всплеск патриотических настроений. Король Баварии даже выражал пожелание, чтобы Страсбург снова стал «немецким городом»⁶¹.

Все это поубавило воинственный пыл французских демократов, и в течение 40-х гг. они выражали подчеркнуто миролюбивые взгляды. Например, Кабе и в дальнейшем не упускал возможности публично продемонстрировать свои патриотические убеждения, заявляя, что он «прежде всего *француз*, питающий братские чувства ко всем французам в противоположность иностранцам». Но при этом он делал существенную оговорку: мои слова, говорил он, относятся «только к тому случаю, если они (иностранцы. — A. P.) нападут на Францию, ибо если они не нападут, то я хочу, чтобы Франция по отношению к ним придерживалась принципов справедливости и братства»⁶².

4. Франция и «Весна народов» 1848 г. «Принцип национальности» в политике Луи Наполеона Бонапарта

Двойственность политики значительной части французских леволиберальных и демократических политиков после кризиса 1840 г., в одно и то же время желавших и боявшихся большой европейской войны как способа обеспечить триумф революционных ценностей, ярко проявилась в деятельности А. де Ламартена. Выходец из аристократии, он после Июльской революции 1830 г. примкнул к демократическому движению. Благодаря своему авторитету он вошел в состав временного правительства, сформированного в феврале 1848 г. после падения Июльской монархии, и занял ключевой пост министра иностранных дел.

Вся прежняя политическая деятельность Ламартена не оставляла сомнения в том, что он отрицательно относился к договорам 1815 г. и желал их пересмотра. Однако он всегда выскакивался чрезвычайно осторожно о возможности военного решения этого вопроса. Не был он и безусловным сторонником прямой интервенции Франции для оказания помощи «угнетенным народам». В 1831 г. он выступал против поддержки восставших поляков, если бы это грозило большой европейской войной. Аналогичным образом в январе 1848 г. перед лицом революционных выступлений в Италии Ламартин рекомендовал сохранять нейтралитет.

27 февраля уже в качестве министра Ламартин направил французским представителям за границей циркуляр, в котором извещал о стремлении временного правительства поддерживать хорошие отношения со всеми странами, уважающими независимость других государств и заинтересованными в сохранении мира. Этот документ свидетельствовал о желании Ламартина успокоить европейские державы, которые с большой тревогой отнеслись к известию о революции во Франции. Однако уже на следующий день в газете «Пресс» появилась инспирированная Ламартином статья, в которой выражалось стремление Французской республики помочь «угнетенным народам», борющимся за свое освобождение. В статье предлагалось министру иностранных дел обратиться к народам Европы с манифестом, изложив принципы политики Франции. Как считает биограф Ламартина У. Фортескью, эта статья преследовала цель подготовить общественное мнение к публикации подобного документа⁶³.

2 марта манифест Ламартина действительно был разослан дипломатическим представителям Франции, а 5 марта — опубликован⁶⁴. В нем утверждалось, что новая французская республика основана в соответствии с «естественным и национальным правом», что она является воплощением «воли великого народа» и потому не нуждается в признании другими державами; тем не менее, «поскольку Французская республика желает войти в семью законных правительств как полноправное государство, а не как возмутитель европейского порядка», скорейшее ее признание другими правительствами было бы весьма желательно. В манифесте содержалось несколько положений, призванных успокоить иностранные правительства. В частности, говорилось о том, что низложение монархии и «привозглашение Французской Республики нельзя рассматривать как акт агрессии против любой другой формы правления», потому что республика 1848 г. абсолютно не похожа на республику 1792 г., объявившую революционную войну «реакционным монархиям». В 1792 г. французская нация не была ни единой, ни политически зрелой для республиканской формы правления. Народ тогда служил всего лишь орудием революции, а люди во Франции и в других европейских странах еще не были готовы ни понять, ни принять идею гармонии в отношениях между нациями. Наконец, понятия свободы, равенства, демократии в то время были еще слишком новыми, чтобы не вызвать споров и кривотолков. С тех пор, говорилось в манифесте, все изменилось: народ Франции в полном сознании своих прав и ответственности решает свою судьбу, «поэтому война больше не является принципом Французской Республики, как это было... в 1792 г.».

Продемонстрировав миролюбие Франции, автор манифеста в то же время решительно заявлял о претензиях нового правительства: договоры 1815 г. он объявлял «потерявшими юридическое значение в глазах Французской Республики». Впрочем, те положения этих договоров, которые касались территориального устройства, республика, как говорилось в манифесте, все же признала «как основу и отправной пункт своих отношений с другими нациями». Тем не менее в манифесте выражалось твердое намерение добиться пересмотра этих договоров «по общему согласию», т. е. мирным путем, и автор призывал другие государства «по добной воле согласиться с освобождением Республики от их бремени». В противоречие с миролюбивым духом предыдущих деклараций вступало и данное в манифесте обещание поддержки, в том числе и военными средствами, «угнетенных национально-

стей в Европе и за ее пределами», а также дружественной Швейцарии и итальянских государств, если какая-нибудь держава посягнет на их независимость. Это положение манифеста встретило горячую поддержку французских демократов, которые полагали вопросом чести поддержку «угнетенных национальностей». Л. Блан считал правильной политическую линию, провозглашенную Ламартином, и защищал ее от нападок консерваторов. Он писал: «Французских республиканцев обвиняли в том, что они требовали для своей страны права помогать каждой нации, попираемой ногами иностранной тирании: сохрани меня Бог опровергать это почетное обвинение! Да, я признаю, и я признаю громко и с гордостью, что партия, к которой я принадлежу, полагает, что сила Франции есть достояние человечества и что Франция должна вменить себе защиту угнетенных народов в такую же неуклонную обязанность, как и собственное самосохранение»⁶⁵.

Однако манифест 2 марта в значительной мере остался декларацией, потому что у временного правительства, поглощенного ворохом внутренних проблем, не нашлось достаточно сил, чтобы осуществить свои внешнеполитические замыслы. Контраст между его намерениями и действительным положением вещей был тем более разителен, что сами «угнетенные народы» Европы весьма живо откликнулись на слова поддержки, прозвучавшие в манифесте. Встречи с министром иностранных дел стали добиваться представители эмигрантских кругов Польши, Ирландии, Бельгии и других стран, рассчитывавших на получение реальной помощи в своей освободительной борьбе. Но из опасения испортить отношения с европейскими державами Ламартин либо отвечал им более или менее категорическим отказом, либо старался снять со своего правительства всякую ответственность за действия революционных эмигрантов. Как считает Фортескью, лишь в отношении планов французской военной интервенции в Италию в действиях Ламартина прослеживается хоть какая-то последовательность. Однако и в этом случае его намерения и благие пожелания не были осуществлены⁶⁶.

19 марта в ответ на обращение группы эмигрантов из Савои (в то время являвшейся владением Сардинского королевства), заверявших Ламартина в своей приверженности Франции и республике, он заявил: «Что касается вашего стремления войти в состав французской нации, то вы должны понять наши чувства. Если мы оттолкнем вас, то мы раним себя в самое сердце; если же мы примем вас, то мы разрушим мир и согласие между народами и правительствами. Но как мы уже заявляли, а мы хотим,

чтобы слова республики не расходились с ее делами, мы не собираемся нарушать мир между странами». Разочарованным савоярам Ламартин мог пообещать лишь одно: «Вот если бы независимо от нас мир нарушило какое-либо посягательство на независимость Италии, то мы немедленно пришли бы вам на помощь, мы освободили бы Италию... И если бы затем карта Европы подверглась перекройке без нашего ведома и вопреки нашим интересам, то, будьте покойны, какая-то ее часть осталась бы в ваших и наших руках и тогда ваши пожелания легли бы на чашу весов, которыми Европа и само ваше правительство пользовались бы, сравнивая вес разных территорий при строительстве нового европейского баланса»⁶⁷.

В том же духе Ламартин отвечал и делегации поляков-эмигрантов, явившейся к нему вслед за савоярами, чтобы заручиться поддержкой Франции в борьбе за восстановление независимости Польши. Он признал, что положение этой страны, фактически волевым решением иностранных держав «стертоей с политической карты», является «вызовом и упреком» справедливости. От имени Франции Ламартин выразил благодарность «за кровь, пролитую поляками в наших великих битвах на полях всех сражений Европы» во время наполеоновских войн, и обещал оплатить им этот долг «моральной и эвентуальной помощью». Но он заявил, что Франция сама будет решать, когда и в какой форме оказать эту помощь, чтобы «вернуть вам без агрессии и кровопролития то место под солнцем и среди народов, которое вам подобает»⁶⁸. В частности, Ламартин решительно отклонил мысль о том, чтобы воспользоваться ослаблением Пруссии и Австрии вследствие начавшихся там революций для силового решения польского вопроса. Он твердо сказал: «Республика не находится в состоянии явной или тайной войны ни с одной из наций, ни с одним из существующих правительств, поскольку эти нации и государства сами не объявляют ей войны! Следовательно, она не совершил и не допустит по своей воле агрессии и насилия по отношению к германским нациям». Более того, продолжал Ламартин, угрожать Германии войной было бы тем более непозволительно, что она сама только что встала на путь реформ, призванных «обеспечить единство и права населяющих ее народов». Только безумец или враг свободы, утверждал он, мог бы возыметь намерение помешать немцам завершить эти реформы и позволить «ненависти и злобе взять верх над освободительной тенденцией, которая делает их нашими и вашими друзьями»⁶⁹. Ламартин подчеркивал, что у Франции нет никаких оснований для враждебных действий

против Австрии и Германии. «Не затевается ли, случайно, против нас новый заговор в Пильнице? ⁷⁰ Не формируется ли и не вооружается на наших и ваших границах коалиция абсолютных монархов?» — вопрошал он польских делегатов и, отрицательно отвечая на этот вопрос, приводил в подтверждение ежедневные свидетельства искренней поддержки народами принципов политики Франции, которые заключаются в «уважении права, воли, форм правительства и территориальной целостности всех народов». Неужели, искренне удивлялся Ламартин, «результаты внешней политики временного правительства настолько плохи, чтобы вы требовали изменить ее и убеждали нас в том, что лучше угрожать нашим соседям оружием, чем протягивать им руку свободы и мира?» По словам Ламартина, дело обстояло как раз наоборот: «одновременно твердая и миролюбивая политика Республики имеет большой успех». «Посмотрите на Бельгию, Швейцарию, Италию, Германию, на Вену и Берлин, — призывал он польских делегатов. — Нужны ли вам еще какие-нибудь доказательства?» ⁷¹.

Ламартин недвусмысленно дал понять польским делегатам, что именно с успехом революций в германских землях, с распространением там свободы и демократии он связывает осуществление и польских национальных чаяний. «Властины вашей страны, — говорил он, — сами открывают вам путь на родину и расчитывают на вашу поддержку в мирном восстановлении ее представительных учреждений! Будьте справедливы... То, что германские нации проявляют к вам симпатию, прусский король открыл перед вашими мучениками двери темниц, то, что путь в Польшу свободен, Краков освобожден, а Великое княжество Познанское снова стало польским, — всего этого мы сумели добиться для вас нашей политикой всего лишь за один месяц!» ⁷² Все эти «естественные результаты политики мира и братства по отношению к другим народам и правительствам», по выражению Ламартина, «дали Франции, свободе и самой Польше больше, чем десять сражений и реки человеческой крови» ⁷³.

Ламартин весьма бесцеремонно поставил на место польских делегатов, показавшихся ему, вероятно, чрезмерно настойчивыми. Он прямо заявил им, что у Франции имеются интересы поважнее независимости Польши и что уж во всяком случае она не намерена отказываться от своих принципов в угоду полякам. «Временное правительство, — сказал он, — не позволит никакой иностранной нации, с какой бы симпатией мы к ней ни относились, изменить нашу текущую политику. Мы любим Польшу, мы

любим Италию, мы любим все угнетенные народы, но мы прежде всего любим Францию и отвечаем за ее будущее, равно как и за будущее всей Европы!»⁷⁴. В заключение, обращаясь к членам польской делегации, Ламартин заявил: «Мы не отойдем от нашей политики... Даже не надейтесь на это, хотя мы испытываем к вам братские чувства. Есть нечто, требующее от нас сдержанности и осмотрительности в любви к Польше, — это разум. Предоставьте нам возможность свободно следовать его велениям и знайте, что даже в мыслях мы не разделяем оба наших народа, связанных между собой совместно пролитой кровью на полях сражений»⁷⁵. Выражая восхищение борьбой поляков за независимость своей страны, Ламартин тем не менее считал, что Франция не должна себя связывать по отношению к ним какими-либо конкретными обязательствами. «Что касается нас, французов, — говорил он, — то Польша — не единственный вопрос, который нас занимает; наша европейская политика имеет универсальный характер, что соответствует многообразным интересам Франции и свободы... Важность этих интересов и серьезность задач требуют, чтобы временное правительство Республики не отказывалось от ответственности за свои решения и от свободы их принятия в пользу какой-либо разделенной национальности или части нации, какое святое дело они бы ни защищали». Впрочем, это не значит, что Франция пустит на самотек дело польской независимости. Когда «пробьет час», утверждал Ламартин, «мы поспешим на помощь» полякам. «Но, — подчеркивал он, — мы оставляем за Францией и только за ней право выбрать подходящие время, обстоятельства, мотивы, поводы и средства нашего вмешательства»⁷⁶.

Последующие недели скоротечного времени революции не внесли ясности в политику временного правительства по отношению к «угнетенным национальностям». С одной стороны, Ламартин, встречаясь с делегациями иностранных революционеров и эмигрантов, был как всегда красноречив и убедителен в отстаивании принципов этой политики. С другой стороны, он не желал, да и не мог подкрепить никакими обязательствами и гарантиями те обещания, которые щедро раздавал своим слушателям. Он больше полагался не на целенаправленные действия своего правительства, а на общий ход событий в Европе, которые весной 1848 г., казалось, неумолимо вели к заветной цели — торжеству свободы и демократии. Таким образом, Ламартин поступал в соответствии с известным либеральным принципом: достаточно «не мешать», чтобы новый порядок вещей в Европе сложился сам собой, спонтанным образом. Впрочем, со временем он стал го-

раздо более точен и лапидарен в своих оценках и высказываниях. По мере накопления им опыта государственной деятельности прояснялись его собственные мысли и шлифовались формы их выражения. Встречаясь 27 марта с делегатами некой «итальянской национальной ассоциации», Ламартин так сформулировал основные принципы внешней политики Французской республики — право на внешнее и внутреннее самоопределение народов. «Мы провозгласили, — сказал он, — своей догмой уважение прав национальностей, правительств и народов; мы никогда не отступим от этой догмы, в равной мере учитывающей как интересы других народов и правительств, так и наши интересы. Свобода наций в выборе внутреннего строя по своему усмотрению — знамя Французской республики»⁷⁷. 2 апреля в ответ на просьбу испанских эмигрантов о помощи Ламартин заявил, что «Франция не навязывает никому своих желаний и своих интересов; она дает возможность самостоятельно прорасти тем зернам, которые она посеяла. Нации сами должны показать, на что они способны»⁷⁸.

Еще более категоричен был Ламартин в своем отказе поддержать просьбу о помощи со стороны ирландских патриотов, боровшихся за независимость от Великобритании. «Мы находимся и желаем оставаться в мирных отношениях с... Великобританией, — заявил он им. — Мы считаем, что мирные отношения полезны и почетны не только для Великобритании и Французской республики, но и для всего человеческого рода! Мы не сделаем и не скажем ничего... что противоречило бы принципу взаимной неприкосновенности между народами...» Для большей убедительности Ламартин сослался на уроки революционной истории Франции конца XVIII в. «Знаете ли вы, — сказал он, обращаясь к ирландским делегатам, — что больше всего поссорило между собой Францию и Англию во время нашей первой республики? Это гражданская война, которую, как известно, оплачивало и организовывало на части нашей территории правительство Питта. Это поддержка и оружие, которые оно предоставляло французам, таким же героическим людям, как и вы, но для войны против других французов! Это не было честной войной!.. И такое его поведение, несмотря на наши усилия, еще не стерлось в памяти нации. Так вот, мы не дадим повода для подобного недовольства со стороны Великобритании, мы никогда не повторим подобной ошибки!»⁷⁹.

4 мая 1848 г. начало работу Учредительное собрание, которое должно было дать Франции новую республиканскую конститу-

цию. Перед ним, как высшим органом государственной власти и воплощением народного суверенитета, временное правительство сложило свои полномочия. 8 мая 1848 г. на заседании Учредительного собрания Ламартин выступил с отчетом о своей деятельности в качестве министра иностранных дел. Он характеризовал принципы внешней политики Франции исходя из исторической миссии республики, рожденной в результате Февральской революции, и конкретной международной обстановки. Начал Ламартин свое выступление с рассуждений о различной «природе» революций, случающихся в истории. Он утверждал, что бывают «территориальные революции и революции идей»: первые «выражаются в завоеваниях и в потрясениях национальностей и империй», вторые — в изменениях «учреждений». Территориальные революции нуждаются в войнах, тогда как революции идей — в мире, который Ламартин назвал «матерью учреждений», в труде и свободе. Обе разновидности революций, по его мнению, не разделены непреодолимой стеной. Случается, продолжал Ламартин, что перемена учреждений у одного народа становится причиной потрясений в соседних странах, поскольку «закон природы гласит, что правду замолчать нельзя и что идеи преодолевают все преграды». Исходя из этого Ламартин утверждал, что «революции порождают тенденции двух видов»: «в той мере, в какой они являются революциями идей, они носят мирный характер; но они могут быть вынуждены прибегнуть к оружию, являясь революциями территориальными». Все это, по мнению оратора, определяло внешнюю функцию революций: они никому не угрожают, но сами готовы отразить угрозу извне. Внешняя политика революций, по определению Ламартина, это «вооруженная дипломатия»⁸⁰.

Эти соображения и легли в основу той внешней политики временного правительства, которое, по словам Ламартина, «стремилось, прямо об этом заявляя, решить три задачи: установить республику во Франции; способствовать естественному распространению принципов свободы и демократии, добиваясь их фактического и юридического признания и защиты, когда настанет их час; наконец, обеспечить, по мере возможности, почетный и надежный мир»⁸¹.

Резко отрицательно Ламартин отзывался о внешней политике режимов, предшествовавших во Франции Второй республике. Он осудил «захваты», осуществленные наполеоновской империей в начале XIX в., отметив, впрочем, что не отвергает «славу», доставшуюся в наследие от того времени. Зато без всякого снис-

хождения он подверг критике внешнюю политику Реставрации и Июльской монархии. По его мнению, оба режима были виноваты в том, что приняли систему договоров 1814 и 1815 гг., грубо нарушавших права и ущемивших интересы Франции. Эти договоры были, по словам Ламартина, «несоразмерно суровы для чести, безопасности, морального духа нации, столь значительно расширившей свое влияние, авторитет и свободу». Их следствием стало то, что «основа французского народа тем более сузилась, что сам он вырос»⁸². Такова была цена, которую заплатили Бурбоны за реставрацию своего трона. Неблагоприятные последствия принятия договоров 1814 и 1815 гг. «не компенсировали в достаточной мере даже мир и хартия, являвшаяся краеугольным камнем свободы»⁸³.

Отмечая, что Реставрация не сумела воспользоваться имевшимися возможностями для того, чтобы постепенно восполнить потери, понесенные в 1814 и 1815 гг., Ламартин в то же время оценивал расстановку сил на международной арене в первой половине XIX в. иначе, чем демократы и социалисты вроде Кабе. Он считал, что «Священный союз, являясь антимонардной системой, с точки зрения внешнеполитических интересов нации отнюдь не был союзом, направленным против Франции»: она имела дело в Европе не с единой «коалицией» реакционных монархий, а с государствами, интересы которых далеко не совпадали. Ошибку правительства Реставрации Ламартин видел в том, что оно не сумело сделать из этого надлежащих выводов: «Если с Австрией французский кабинет не мог установить прочного союза и дружбы по той причине, что она упорствовала в своем стремлении единолично господствовать в Италии, то союз с Россией напршивался сам собой». Русско-французский союз, по его мнению, «способствовал бы территориальному расширению Франции на Рейне, а России — на Востоке, куда она естественным образом стремится. Он мог бы обеспечить континенту баланс сил, осью которого была бы Германия, а равными и преобладающими частями весов Санкт-Петербург и Париж»⁸⁴.

Как считал Ламартин, Июльская революция практически ничего не изменила в международном положении Франции: «Незавершенный и противоречивый характер этой революции обусловил то, что правительство, возникшее в результате «трех славных дней», обладало всеми недостатками наследственной монархии, но без единого достоинства монархии легитимной». Июльская монархия, сказал Ламартин, не сумела завоевать доверия ни королей, ни народов: одним претил ее республиканский

дух, другие отвергали ее как измену демократии. В итоге «как на внешней, так и внутренней политике этого смешанного правительства не могла не отразиться бесконечная борьба обоих противоположных принципов, которые она воплощала». В частности, считал Ламартин, «династическим интересом» было продиктовано стремление Июльской монархии «во что бы то ни стало войти в семью законных династий», а их согласие на это можно было «купить лишь ценой нескончаемых поблажек». Все это, по его словам, и привело к тому, что Франция окончательно «опустилась в ранг второстепенных держав Европы»⁸⁵, и особенно отчетливо ее низкий статус проявился в годы восточного кризиса. Ламартин считал, что правительство Июльской монархии пренебрежло всеми достойными великай державы путями выхода из этого кризиса. По его мнению, она могла либо «поддержать Османскую империю против мятежного паши и всего мира», либо, «объединившись с Россией и поддержав русские притязания на Константинополь», добиться для себя «территориальных компенсаций на Рейне», либо заключить союз с Англией, отказавшись в ее пользу от Египта и «получив взамен континентальные преимущества и признание французского протектората над Сирией». Но, констатировал он, правительство Июльской монархии поссорилось со всем миром и своими же руками «воздорило дух всемирной коалиции против нас»⁸⁶.

По словам Ламартина, единственное, что еще можно было бы поставить в заслугу Июльской монархии, так это сохранение в Европе мира, но и это сомнительная заслуга, потому что «мир, которого заслуживает Франция, ничего общего не имеет с тем унизительным миром, который день за днем и год за годом приходится вымаливать, растрачивая свои силы и влияние, жертвуя собственными принципами, пороча имя и связывая руки Франции...»⁸⁷.

Республика, возникшая в результате Февральской революции 1848 г., застала Францию в состоянии международной изоляции и подчинения, в котором она, по мнению Ламартина, оказалась по вине правительства Июльской монархии. Чтобы восстановить авторитет и престиж страны, говорил он, были возможны два пути: можно было «выступить с оружием против всех тронов и всех стран континента, перекроить политическую карту Европы, объявить войну и применить принцип вооруженной борьбы за демократию повсеместно, независимо от того, готова ли почва принять его или же он захлебнется кровью»; либо следовало «заявить о миролюбии республики и братских чувствах французов ко

всем народам, продемонстрировать уважение правительствам, законам, территориям, нациям». Всем народам нужно бы сказать: «Мы никому не навязываем учреждений, если они кажутся несвоевременными и несовместимыми с его природой; но если наша свобода получит продолжение в той или иной части Европы, если угнетенные народы воспрянут и законным образом обретут независимость, сами создадут свои государства, войдут в семью демократических народов и обратятся к нам за помощью в защите своих прав, то в соответствии со своими учреждениями Франция им ни в чем не откажет! Республика Франция не только родина принципов демократии, но и их защитница в будущем!» Именно эту политику, подчеркнул Ламартин, выбрало временное правительство, и именно ей Франция обязана теми захватывающими переменами, которые произошли в Европе всего лишь за 72 дня ее претворения в жизнь⁸⁸.

По мнению Ламартина, результаты миролюбивой политики республики превзошли самые смелые надежды: без войны и угроз, без пушек и кровопролития Франция, опираясь единственно на силу демократических идей, вернула себе руководящие позиции в Европе; вокруг нее снова образуется коалиция, но не враждебных ей монархов, а дружественных народов, по необходимости ищущих у нее защиты и покровительства, ибо Франция не внушает им больше страха. «Все, что мы хотим покорить по другую сторону Рейна или Альп, — утверждал Ламартин, — это дружба освобожденных народов». По словам Ламартина, победу демократии можно считать обеспеченной, несмотря на происки ее врагов. Раньше, говорил он, «нас было тридцать шесть миллионов человек, но мы были одиноки на континенте»; если же теперь «демократия должна будет вести свою *тридцатилетнюю войну*, как когда-то протестантизм, то под знамена Франции встанут уже не тридцать шесть миллионов человек, но, учитывая систему союзов со Швейцарией, Италией и освобожденными народами Германии, восемьдесят восемь миллионов конфедератов и друзей»⁸⁹.

Однако доводы Ламартина, изложенные им в докладе 8 мая, не всем его слушателям показались убедительными. Уже 23 мая он был вынужден отвечать на запрос относительно политики временного правительства в итальянских и польских делах, адресованный Учредительному собранию группой граждан, включая известного деятеля польского национального движения Л. Воловского и принца Луи Наполеона Бонапарта. Рассказав подробно, с документами в руках, о своих действиях в качестве министра

иностранных дел по отношению к «сугнетенным национальностям» вообще, Италии и Польше — в частности, Ламартин так резюмировал суть предъявляемых ему претензий: «В настоящее время нас и в стране, и за рубежом упрекают и даже обвиняют в том, что мы оказались слишком слабыми и робкими друзьями Польши». Но разве, вопрошал он, Франция должна была забыть ради Польши об интересах других «сугнетенных народов», не говоря уже о своих собственных? «Следовало ли нам забыть о наших собственных границах, об угрозе из-за Рейна со стороны коалиции, которая не была воссоздана только благодаря нашей политике, мудрости и энергии Франции, просвещенности австрийской нации, а также благодаря распространению принципов демократии, что навсегда выбило почву из-под ног любой коалиции абсолютистских правительств против нас?»⁹⁰.

Ламартин считал, что вооруженное выступление в поддержку Польши, не говоря уже о политических последствиях такого шага, было бы чистой авантюром в военном отношении. Представьте себе, предложил он депутатам Учредительного собрания, что случилось бы, если бы двинули армию численностью в 100 или 120 тыс. солдат по территории Германии на помощь Польше. Это всколыхнуло бы давние, но живучие «предубеждения всех национальностей против духа завоеваний», и тогда французская армия, «прежде чем вступить в Польшу, имела бы на своих правом и левом флангах 500000 немцев; а достигнув цели, она встретила бы 250000 русских и Польшу, лежащую под их пятой»⁹¹. По мнению Ламартина, решение о военном походе было бы «актом не патриотизма, но безумия»⁹². Поэтому лучший способ помочь Польше — это не совершать «безрассудных поступков, которые уничтожили бы ее окончательно, а создать ее как прочное, достойное и устойчивое государство рукой великих держав, рукой Франции, Англии и в особенности Германии, заинтересованной, как и мы, в возрождении, восстановлении этого великого форпоста западной цивилизации»⁹³.

В заключение Ламартин выразил уверенность в конечной победе национального дела в Европе, заявив: «Когда-то говорили, что победа всегда на стороне больших батальонов... Но в настоящее время... победа на стороне справедливости, слабости и неотъемлемого права наций. Можно долго отказывать им в этом праве, но лишить их его нельзя!»⁹⁴ Эти прекрасные слова в сопоставлении с реальными действиями временного правительства по отношению к национальным движениям 1848 г. подтвердили двойственный и непоследовательный характер внешнеполитиче-

ского курса французских либералов в целом в 40-е гг. XIX в. и, в частности, в период «Весны народов».

Больше последовательности в своей внешней политике проявил принц Луи Наполеон Бонапарт, избранный президентом республики 10 декабря 1848 г. Он замыслил план крупномасштабной перестройки европейской системы. «В Европе, — заявлял Луи Наполеон, — насчитывается тридцать миллионов французов, пятнадцать миллионов испанцев, столько же итальянцев, тридцать миллионов немцев и двадцать миллионов поляков. Я хотел превратить каждый из этих народов в отдельную нацию»⁹⁵.

Эту идею Луи Наполеон Бонапарт и взял на вооружение, став вскоре после «Весны народов» императором Наполеоном III. В основу своей внешней политики он положил так называемый принцип национальности, краткое изложение которого гласило: «Основать прочную ассоциацию европейских государств, которая бы опиралась на систему сложившихся национальностей и удовлетворение общих интересов»⁹⁶. Эта программа требовала в первую очередь решительного пересмотра договоров 1815 г. Первым серьезным шагом к ее осуществлению явилась Крымская война. Объясняя ее цели, Наполеон III заявил 3 мая 1854 г.: «Европа знает, что Франция не преследует цели расширения своей территории. Время завоеваний безвозвратно миновало, поскольку в настоящее время нация может добиться почета и могущества, не раздвигая границ своей территории, а лишь защищая благородные идеи и отстаивая интересы царства права и справедливости»⁹⁷. Парижский мирный договор 1856 г. действительно дал зеленый свет объединению Дунайских княжеств, что представляло шаг к созданию независимого румынского государства.

Вторая империя на самом деле внесла большой вклад в переустройство Европы в соответствии с «принципом национальности». Достаточно вспомнить о поддержке, которую Наполеон IIIоказал Италии и Пруссии в их борьбе против господства Габсбургов в Германских землях и на Апеннинском полуострове. Но освобождение «сугнетенных народов» отнюдь не было целью его внешней политики. Когда поляки восстали за свою свободу в 1863 г., Наполеон III и пальцем не пошевелил, чтобы прийти им на помощь. Как считают историки, «Принцип национальности» в его руках был средством достижения далеко идущих целей, о которых он высказывался отнюдь не столь откровенно. На основании этого принципа он на самом деле хотел добиться пересмотра европейских границ, установленных договорами

1815 г., и присоединения к Франции земель на левом берегу Рейна. При этом Наполеон III рассчитывал, что, оказывая поддержку национальным движениям, он будет в состоянии контролировать ход событий. Он готов был пойти на частичное удовлетворение национальных требований немцев и итальянцев, но не допустить возникновения на европейском континенте больших и сильных государств, способных составить Франции конкуренцию⁹⁸.

В конечном счете Наполеон III просчитался. Вопреки его планам, в Европе возникли единые государства Германия и Италия, а его запоздалые попытки помешать их образованию оказались пагубными для самой Второй империи, которая рухнула в результате франко-прусской войны 1870–1871 гг. И этот финал глубоко закономерен: он явился следствием неразрешимого противоречия между освободительными, демократическими принципами внешней политики, провозглашенными на словах, и экспансионистскими, захватническими целями, обнаружившимися на деле, — противоречия, с которым в XIX в. столкнулось не одно поколение либеральных и демократических политиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française, 1789–1799.* Paris, 1987. P. 1002–1003.
- 2 *Ibid.* P. 1023.
- 3 *Girault R. Peuples et nations d'Europe au XIXe siècle.* Paris, 1996. P. 85.
Курсив автора книги.
- 4 *Littré E. Dictionnaire de la langue française.* Paris, 1994. P. 743.
- 5 *Ibid.* P. 827.
- 6 *Barruel O. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme.* T. 3. Цит. по кн.: *Girardet R. Le nationalisme français.* Paris, 1983. P. 7.
- 7 Цит. по кн.: *Girardet R. Op. cit.* P. 13.
- 8 *Michelet J. Le peuple.* Paris, 1946. P. 245.
- 9 О взглядах Сийеса подробнее см.: *Pasquino P. Le concept de nation et les fondements du droit publiques de la révolution: Sieyès // L'Héritage de Révolution française Sous le dir. de F. Furet.* Paris, 1989.
- 10 Это не помешало впоследствии проведению внешней экспансии и политики отстаивания «естественных границ» Франции, начертанных якобы самой природой.
- 11 *Tracy D., de. Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu.* Paris, 1819. P. 15–17; *Landjuinal J. D. Constitutions de la nation française.* Paris, 1819. V. 1–2.
- 12 См.: *Сорель А. Госпожа де Сталь.* СПб., 1892. С. 100–109.
- 13 *Constant B. De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leurs rapports avec civilisation européenne.* Paris, 1813. P. XL.
- 14 Развитие индустрии и коммерции, наряду с утверждением либеральных принципов, французские либералы считали двумя сторонами европейского прогресса. См.: *Constant B. Coup-d'oeil sur la tendance générale des esprits dans le dix-neuvième siècle.* Paris, 1825. P. 7; *Barrot O. De la centralisation et de ses effets.* Paris, 1861. P. 126.
- 15 *Holrues S. Benjamin Constant et la génèse du libéralisme moderne.* Paris, 1984. P. 100.
- 16 *Constant B. Discours de H. B. Constant à la Chambre des députés.* Paris, 1827, V. 2. P. 162, 169–170.
- 17 *Ibid.* P. 82, 180.
- 18 *Гизо Ф. История цивилизации в Европе.* СПб., 1905. С. 146–147.
- 19 Там же. С. 147.
- 20 Там же. С. 212.
- 21 Там же. С. 147.
- 22 В период Реставрации Франция была членом Священного союза и придерживалась во внешнеполитической деятельности принципа легитимизма.
- 23 *Guizot F. Histoire parlementaire de France. Recueil complet des discours prononcés dans les Chambres de 1819 à 1848.* Paris, 1869. V. 1. P. 190–193.
- 24 *Mémoires posthumes de Odilon Barrot.* Paris, 1871. P. 299–300.
- 25 *Ibid.*

- 26 *Верморель А.* Деятели сорок восьмого года. М.; Пг., 1923. С. 12.
- 27 *Guizot F.* Histoire parlementaire... V. 2. P. 277.
- 28 *Idem.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, 1859. V. 2. P. 259.
- 29 Цит. по кн.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1909. Т. 15. С. 115.
- 30 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. 1. С. 306.
- 31 *Owsińska A.* La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830–1848. Warszawa, 1974. P. 15.
- 32 Ibid. P. 51–52.
- 33 Ibid. P. 61.
- 34 Цит. по кн.: *Кареев Н. И.* История Западной Европы в Новое время. СПб., 1908. Т. 5. С. 167.
- 35 *Weill G.* L'éveil des nationalités et le mouvement libérale (1815–1848). Paris, 1930. P. 548–549.
- 36 *Тьёр А.* История Консульства и Империи. СПб., 1848. Т. 4. С. 128.
- 37 *Guizot F.* Mémoires... V. 2. P. 257.
- 38 Ibid. V. 4. P. 4–6.
- 39 *Mastellone S.* La politica estera de Guizot. Paris, 1954. P. XI. Также см.: *Капланов Р. Ф.* Гизо у истоков европейского либерального европеизма // Европейский альманах. М., 1990.
- 40 *Cabet E.* Six lettres sur la crise actuelle. Paris, 1840. Письма публиковались отдельными брошюрами.
- 41 Явный намек на создание Германского таможенного союза в 1836 г.
- 42 *Cabet E.* 1ère lettre sur la crise actuelle. Aurons-nous la guerre? Lutte entre l'aristocratie européenne et la démocratie. Ruses et violences de la coalition étrangère depuis 1791 à 1840. Paris, 1840. P. 12, 15.
- 43 *Idem.* 2e lettre sur la crise actuelle. Point de Bastilles! Paris, 1840. P. 14.
- 44 *Idem.* Suite de la brochure «Le National nous perd par son aveuglement sur les bastilles». Paris, 1841. P. 78.
- 45 *Idem.* 3e lettre sur la crise actuelle. M. Thiers mérite-t-il d'être mis en accusation? Paris, 1840. P. 52.
- 46 Ibid. P. 16.
- 47 *Cabet E.* 4e lettre sur la crise actuelle. Jamais plus de peril pour tous! Paris, 1840. P. 12.
- 48 *Idem.* 5e lettre sur la crise actuelle. Tous les peuples sont menacés. Paris, 1840. P. 7.
- 49 *Idem.* 6e et dernière lettre sur la crise actuelle. Que faut-t-il faire pour se défendre? Paris, 1840. P. 2–3.
- 50 Ibid. P. 17.
- 51 Ibid. P. 19.
- 52 *Histoire des relations internationales.* Paris, 1994. V. 2. De 1789 à 1871. P. 431–432.
- 53 *Cabet E.* L'émigration de M. Guizot à Gand, est-elle gloire ou infamie? Paris, 1840.
- 54 Ibid. P. 5.
- 55 Ibid. P. 6.

- ⁵⁶ Ibid. P. 7–8.
- ⁵⁷ Ibid. P. 8–9.
- ⁵⁸ Ibid. P. 11.
- ⁵⁹ Ibid. P. 11, 13.
- ⁶⁰ Ibid. P. 15.
- ⁶¹ *Histoire des relations internationales...* V. 2. P. 431–432.
- ⁶² *Cabet E. Ma ligne droite.* Paris, 1841. P. 39.
- ⁶³ *Fortescue W. Alfonse de Lamartine. A Political Biography.* London; e. a., 1983. P. 204.
- ⁶⁴ *Lamartine A., de. Trois mois au pouvoir.* Paris., 1848. P. 69–78.
- ⁶⁵ Блан Л. История революции 1848 года. СПб., 1907. С. 257.
- ⁶⁶ *Fortescue W. Op. cit.* P. 226.
- ⁶⁷ *Lamartine A., de. Op. cit.* P. 129–130.
- ⁶⁸ Ibid. P. 130–131.
- ⁶⁹ Ibid. P. 131–132.
- ⁷⁰ Имеется в виду Пильницкая декларация австрийского императора и прусского короля 27 августа 1791 г., положившая начало образованию антифранцузской коалиции.
- ⁷¹ *Lamartine A. de. Op. cit.* P. 132.
- ⁷² Ibid. P. 132–133.
- ⁷³ Ibid. P. 135.
- ⁷⁴ Ibid. P. 133.
- ⁷⁵ Ibid. P. 136.
- ⁷⁶ Ibid. P. 134–135.
- ⁷⁷ Ibid. P. 145.
- ⁷⁸ Ibid. P. 148.
- ⁷⁹ Ibid. P. 150–151.
- ⁸⁰ Ibid. P. 178–179.
- ⁸¹ Ibid. P. 179.
- ⁸² Ibid. P. 180.
- ⁸³ Ibid. P. 182.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid. P. 183.
- ⁸⁶ Ibid. P. 188.
- ⁸⁷ Ibid. P. 184.
- ⁸⁸ Ibid. P. 191–192.
- ⁸⁹ Ibid. P. 201–202.
- ⁹⁰ Ibid. P. 255–256.
- ⁹¹ Ibid. P. 257.
- ⁹² Ibid. P. 258.
- ⁹³ Ibid. P. 259.
- ⁹⁴ Ibid. P. 263.
- ⁹⁵ Цит. по кн.: *Desternes S., Chandert H. Napoléon III — Homme du XX siècle.* Paris, 1961. P. 275.
- ⁹⁶ *Dictionnaire du Second Empire.* Paris, 1995. P. 904.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ *Histoire des relations internationales...* P. 549–550.

II. ГЕРМАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ МЕТАМОРФОЗЫ В XIX СТОЛЕТИИ

Советские историки в 50–60-х гг. традиционно уделяли революции 1848–1849 гг. в Германии достаточно внимания: преимущественно изучались вопросы истории германского рабочего движения и Союза коммунистов, роль К. Маркса и Ф. Энгельса в революции и другие, главным образом политические проблемы, постановка и разработка которых нередко диктовались конъюнктурными соображениями. Однако ни тогда, ни в последние 30 лет в советской и российской исторической литературе не исследовался весь комплекс национальных проблем, выявившихся еще до событий 1848–1849 гг., игравших важнейшую роль во время революции, в значительной мере составлявших ее суть и нашедших новое развитие после ее окончания.

1. Рождение германской национальной идеи

Среди прочих условных определений и характеристик, какие можно было бы дать XIX столетию, его можно назвать веком национальных идей и национальных движений. Именно в XIX в. зародился национализм как великое общественное движение, определявшее судьбы многих народов и многих государств. Поиски национальной идентичности наблюдались тогда во всех европейских странах, и в отличие от XX столетия национализм в XIX в., особенно в первой его половине, в европейских обществах ассоциировался с эмансипацией и прогрессом.

Национализм как система идей и как общественное движение сформировался в Германии в эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн, хотя понятия «национальная литература», «национальное сознание», «национальный характер» вошли в обиход немецких интеллектуалов еще с середины XVIII в.¹. Этот ранний национализм имел универсалистские, космополитические корни. В XVIII в. патриотизм как понятие — это гражданская добродетель, свойственная именно гражданину мира. Как патрио-

тизм, так и космополитизм понимались как выражение просвещенного гражданского сознания, рожденного общностью граждан города или страны². Все национальные культуры и все народы представлялись равными в поисках и обретении культурной идентичности. И. Г. Гердер выдвинул тезис о том, что человечество как нечто всеобщее воплощается в отдельных исторически сложившихся нациях. Народы с их разными языками — это многообразное выражение единого Божественного порядка, и каждый народ вносит свой вклад в его осуществление. Единственным предметом национальной гордости может быть то, что нация составляет часть человечества. Особая, отдельная национальная гордость, так же как гордость происхождением, — большая глупость, ибо «нет на земле народа, единственно избранного Господом: истину должны искать все, сад всеобщего блага должны со-здавать все...»³. Государственно-политических идей у Гердера нет. По его мнению, германская нация, как и все другие, должна обрести единство и идентичность в культуре, а культура сливается прежде всего в языке.

Такая мысль входила в систему идей, которая была развита отнюдь не только в Германии. Этот национализм конца XVIII и начала XIX в. был продуктом развивавшегося процесса модернизации, в ходе которого распадался, уничтожался прежний традиционалистский жизненный мир. Прежде человек жил в сегментированном обществе, в составе маленьких групп — локальных, региональных или сословных, где все определялось устоявшимися традициями. С прогрессирующей секуляризацией общества и развитием рыночной экономики множество людей лишаются прежних традиционных связей и опор — сословных, конфессиональных, родовых, наконец, старых персональных связей. Человек эмансипируется, становится все более самостоятельным и независимым. Общество структурируется по-новому, вместо маленьких и привычных объединений возникают большие группы, складываются непривычные, не совсем еще ясные отношения, и людям не всегда удается найти свое место в новой жизни. Все это заставляет искать новые внутренние и внешние опоры, такими опорами становятся национальные связи: язык и культура, составляющие главные особенности национального, приобретают особое значение, объединяют людей в изменившемся мире. Национальное сознание помогает обрести надындивидуальную идентичность и преодолеть рожденную переменами неуверенность.

Нация становится главной общественной ценностью для человека Нового времени и высшей ценностью его внутреннего мира.

Нация, а не сословие, не конфессия, не регион, не род, не класс, не политическая идеология объединяет людей (помимо личных связей) больше всего, точно так же, впрочем, как и разделяет их между собой. Снацией прежде всего связывается теперь происхождение человека, а также и его будущее. Национализм — продукт и орудие модернизации — способствует формированию человека Нового времени — эмансипирующегося, рационалистического, динамичного. Вместе с тем национализм был и выражением раннего кризиса модернизации: он свидетельствовал о том, что перемены несут ощутимые потери и человек не всегда способен справиться с новыми экономическими и культурными условиями существования.

Во Франции к началу революции 1789 г. нация как этническая категория, как языковая, культурная, историческая общность существовала уже давно в рамках единого государства и в ходе революции выступала как действующий субъект; национализм представлял здесь как государственно-политическая идея и задача, состоявшая в том, чтобы осуществить социальную, правовую и политическую интеграцию сословий в суверенную государственную нацию. Революция придала французскому национализму также и мессианистский характер, ставя перед нацией всемирно-исторические задачи.

Совсем по-другому развивался германский национализм. Население Пруссии, Австрии, Баварии, Вестфалии и других германских государств, хотя и связанное языком, культурой, историей, не составляло единой политической, государственной нации, и первоначальная потребность и задача, по-видимому, могла состоять лишь в том, чтобы развивать и укреплять языковую и культурную немецкую общность.

Германия оказалась центром «романтического национализма»⁴. Это была реакция на французское влияние в Европе (проявившееся в конце XVIII в. в господстве идей французского Просвещения, а во время Великой французской революции — в мессианистских устремлениях якобинцев), но главное — реакция на имперские тенденции Наполеона, а затем на наполеоновские завоевания, на оккупацию и эксплуатацию германских земель. Однако если для народов, живших в консолидированных государствах, вопрос о соотношении национализма и политики тогда не возникал, то в Германии, как и в других странах, где люди, говорящие на немецком языке, не были сосредоточены в рамках одного государства, понимание нации быстро политизировалось.

В годы борьбы против Наполеона рождается общегерманское национальное движение, в основе которого лежало стремление к национальному единству. Размышления о Великой французской революции внесли в него и другую струю: оно выражало и стремление к гражданской свободе. Как и в других европейских странах, оно развивалось здесь одновременно с развитием либерализма как системы идеи и как общественно-политического движения. Либеральные идеалы — вера в прогресс, в торжество свободы, мира, равенства и основная либеральная идея — свобода человека в экономической и всякой иной деятельности — были восприняты национализмом как национальные идеалы, а национальное единство осмысливалось как необходимое условие свободы, причем для Германии это была свобода от наполеоновского ига прежде всего. Германский национализм складывался как система либеральных идей и как либеральное движение, но он с самого начала приобретал и особый оттенок — он был направлен против французского врага и предполагал борьбу с ним.

Характерным представителем германского раннего «романтического национализма» был И. Г. Фихте. Этот известный немецкий философ, сливший во время Великой французской революции «немецким якобинцем», в годы наполеоновской оккупации превращается в национально-революционного пророка и пропагандиста, призывающего мобилизовать все силы нации для спасения отечества. Зимой 1808–1809 гг. он выступил в Берлинском университете со знаменитыми «Речами к германской нации», изданными тогда же, в 1809 г., впоследствии выдержавшими множество изданий и ставшими настольной книгой германских националистов более позднего времени.

«Единство, — говорил Фихте, — уже возникло, завершено и ныне существует», это единство языка и культуры немцев, прежде всего языка, отделяющего их от других народов. По его мнению, народ и отечество как носители земной вечности — нечто гораздо более широкое и важное, чем государство и общественный порядок; нация выше государства, которое есть лишь средство, служащее высшей цели развития человеческого начала; любовь к отечеству как нечто высшее должна управлять государством. Однако жизнь человека становится поистине полной и осмысленной, когда он живет в стране, где «культурная нация» и «государственная нация» идентичны, подчеркивал Фихте. Отсюда естественно вытекает его призыв к «спасению» нации.

Отечество немцев в упадке, заявлял Фихте, и это следствие не только чужеземного господства, оккупационного режима, но и

векового партикуляризма. Другие европейские страны, указывал он, используют раздробленность Германии в собственных интересах, она служит им средством разрешения собственных противоречий. Преодолеть эту ситуацию возможно только собственными силами: нужно объединиться, отказаться от участия в делах соседей и собственные дела решать самостоятельно. Пусть иностранцы будут в Германии не более чем гостями.

Как же в условиях, когда возможностей политической деятельности практически не существует, преодолеть упадок, возвратить нацию на путь самостоятельного развития, вернуть ей стремление к энергичному самоутверждению? Фихте излагает теоретическое обоснование и программу национального воспитания, поскольку, полагает он, это единственное, что немцы могут в существующей ситуации делать самостоятельно. Он усматривает в этом новый способ борьбы, в котором сможет участвовать каждый; целью этой борьбы станет пробуждение национального самосознания. «Станем нацией, станем самостоятельным народом» — призывал Фихте, и в условиях оккупации это было, в сущности, политическое и практическое требование, требование освобождения от наполеоновского ига. Развивая в своих «Речах к германской нации» философско-педагогические идеи, Фихте понимал их как политическое выступление, ибо считал, что воспитание нового человека в Германии, настоящего немца, будет означать воплощение германского национального единства. Эти идеи и были восприняты в Германии как смелый призыв к борьбе против французских оккупантов. Нужно, однако, обратить внимание на один оттенок идей Фихте, характерный для эпохи превращения германского романтического национализма в национализм политический. Фихте говорит о мировом призвании немцев: немцы — это некий «пранарод» (*Urvolk*), не деформированный, подобно романским народам, культурой римлян, их «праязык» возник не из соединения других языков, это живой, развивающийся язык, дарующий немецкому «пранароду» возможность постижения трансцендентного, а высокая германская душа дает ему силу осуществить эту возможность и создать новый и лучший мировой порядок⁵.

Э. М. Арндт, не обладавший ни силой мыслителя, ни большим поэтическим талантом, стал, однако, центральной фигурой в немецкой политической публицистике начала XIX в. прежде всего потому, что он соединил идеи национализма с призывами покончить с врагом. Его идеи сохранили свое влияние на политические представления немцев и в последующие десятилетия. В своих

«Песнях для немцев», написанных и неоднократно издававшихся в Германии во время антинаполеоновских войн, он проклинал французского императора, «врага людей, врага свободы», ничтожного, лживого, жадного, желающего захватить весь мир, всячески издевался над французами, называя их ворами, болтливыми обезьянами, бесштанными суетными людышками, и чуть ли не в каждой песне призывал к мести⁶. Ненависть к французам Арндт объявлял религией немцев⁷. И все же главное в публицистике и песнях Арнданта — призыв к немцам обрести, наконец, общее отчество, осознать, что отчество превыше всего и что понятие отечества неотделимо от понятия свободы, которую еще нужно завоевать. Что же такое это германское отчество? — задавал он вопрос. «Что ты такое и где ты? Я ищу тебя и не нахожу... Германии нет, мы, немцы — ничто; знают лишь тюрингцев и вестфальцев, жителей Померании и баварцев... о немцах, о Германии не слышно ни слова»⁸. В песне «Что такое отчество немцев?» («Was ist des Deutschen Vaterland?»), написанной в 1813 г., он давал возвышенный и вместе с тем расплывчатый ответ: «Это там, где звучит немецкая речь и Господь поет в небе свои песни. Это и есть отчество. Эту землю ты, славный немец, зови своей». Примечательно, что в этой песне шла речь как о Пруссии, Австрии или Вестфалии, так и о землях Швейцарии и Тироля. Наряду с высокими словами об общих германских добродетелях говорилось о том, что в результате борьбы с врагом немцы получат такую страну, где каждый француз — враг, а каждый немец — друг⁹.

Не только понятия «отчество» и «нация» стали ключевыми в дискурсе германских интеллектуалов¹⁰. Программа развития национального сознания, которую разворачивали Гердер, Фихте, Арндт, при всех различиях в конкретных призывах, оказывалась программой борьбы за освобождение и объединение. Свобода и единство сливались в ней в органическое целое. «Через свободу к единству» — таким образом переформулировали ее несколько позднее германские либералы. Но в толкование идей свободы и единства был включен образ врага. Это явилось следствием специфических условий возникновения и развития германской национальной идеи и оказало влияние на характер немецкого национального движения на протяжении всего XIX столетия.

Путь к объединению Германии оказался долгим, полным противоречий и трудностей. Формирование национального самосознания немцев проходило также нелегко. Его ускоряла, конечно, ситуация оккупации, когда для простых людей, живших в усло-

виях нужды, неуверенности в завтрашнем дне, в страхе перед репрессиями, в мечтах о переменах, о наступлении лучших времен, мысли об изгнании французов сливались с мыслями о свободе вообще. Однако преодолеть партикулярное сознание было не просто. Традиционалистское сознание простонародья подкреплялось и дополнялось эгоизмом и самолюбием князей, что стало впоследствии также серьезнейшим моментом, затруднившим и тормозившим объединение.

К тому же с концом наполеоновских войн положение Германии изменилось. Ситуации патриотической борьбы против оккупантов более не существовало. Вновь сформированные Наполеоном германские государства не хотели терять свой суверенитет. Два сильных германских государства — Австрия и Пруссия были соперниками. А созданный Венским конгрессом Германский союз являлся, в сущности, союзом германских князей, вовсе не желавших единства, и представлял собой нечто недееспособное. Тем не менее национальный энтузиазм, соединявшийся с пафосом свободы, сохранялся и находил свое выражение в таких историко-культурных акциях, как, например, организованный осенью 1817 г. студентами-протестантами нескольких германских университетов Вартбургский праздник. Он был посвящен трехсотлетию Реформации и совпал с четвертой годовщиной Лейпцигской битвы 1813 г. Во время празднества студенты впервые подняли как символ свободы черно-красно-желтое знамя¹¹. Звучали пламенные призывы любить отчество и свободу, что подразумевало единую Германию. Однако никто не понимал, что нужно сделать для воплощения в жизнь этих призывов. Значительная часть участников национального движения, главным образом молодые люди, испытывали разочарование: освободительные войны завершились падением Наполеона и освобождением от оккупации, но желанного объединения не принесли. Оно отодвигалось на неопределенное время решениями европейских держав на Венском конгрессе, не только перекроившем политическую карту Европы, но и укрепившем реакционные режимы в ряде государств.

Политический смысл германской национальной идеи как бы ушел в подполье (не в последнюю очередь это объяснялось политическими репрессиями после Вартбургского праздника). В центре внимания вновь оказались язык, нравы, обычаи, сказки, национальный эпос, история немцев. Содержание и дух германской нации теперь искали не в борьбе, не в ненависти к французским оккупантам и к деспотам вообще, а в новом обращении к наци-

нальной культуре. Национальное движение в годы, последовавшие за окончанием наполеоновских войн, — это стремление сохранить и развивать национальную культуру через школу, через книги, искусство, через реставрацию старинных зданий, через сооружение памятников великим немцам и устройство праздников в их честь, наконец, через такие организации, как гимнастические и певческие союзы и студенческие корпорации.

Билефельдский историк Х. У. Велер называет ранний германский национализм, возникший в среде немецких интеллигентов, «эзотерическим феноменом», «элитарным национализмом»¹². Это была идея «внутреннего» отечества немцев, идея Kulturnation, если воспользоваться введенным крупнейшим немецким историком Ф. Майнеке понятием¹³, обозначающим народ, воспринимающий себя как нечто целое, объединенный общим языком и общей культурной традицией (и точно так же воспринимаемый другими народами). В эпоху антинаполеоновских войн она обрела политические черты. Теперь, в своей теоретической глубине оставаясь в основном достоянием интеллигентской элиты, она все же начала проникать и в среду простонародья, превращаясь в идеологию массового движения против старых порядков. Экономический упадок, вызванный военными неурядицами и наполеоновской эксплуатацией германских земель, неурожай 1816 г. резко ухудшили положение простых людей. Многие надеялись, что положение стабилизируется в связи с созданием Германского союза — государства, которое сможет им помочь. Но очень скоро выяснилось, что это аморфное объединение не может оправдать таких надежд. Обострение социального вопроса выдвигало на передний план национальную идею; германский национализм из духовного движения интеллигентской элиты постепенно превращался в народную идеологию массового движения. И всякое национальное празднество, например Гамбахский праздник в мае 1832 г., проходивший под лозунгом национального единства, приобретало политический или даже социально-политический смысл и характер. Национальная идея становилась социальным требованием, а либеральное движение 30–40-х гг. прямо использовало национальную идею в политических целях.

По ряду причин — среди них главной было, пожалуй, то, что в германских государствах общество было еще очень гетерогенным (сельские жители и горожане, католики и протестанты, образованные люди и простонародье, представители разных сословий, наконец, население каждой из многочисленных германских

земель жили еще в разных культурных мирах), — немцы в то время отнюдь не были готовы к государственно-национальному объединению. Но все же общественную жизнь в эти годы определяло общенациональное движение, в конечном счете нацеленное на создание национального государства. В десятилетия между Венским конгрессом и революцией 1848–1849 гг. сложились разного рода — экономические, общественные и культурные — связи между германскими землями, налаживались контакты между интеллектуалами.

Поскольку многие проблемы — экономические и социальные преимущественно — были общими для всех германских земель, складывались (особенно после 1830 г.) и общие политические национальные настроения. Политические события, происходившие в отдельных государствах, часто приобретали общегерманское звучание. Некоторые общественно-политические движения, особенно в юго-западной Германии, становились практически общегерманскими. Постепенно представление романтического национализма о *Kulturnation* сливалось с представлением либерализма о нации государственной. Для либералов в предреволюционные годы нация стала политическим требованием — либерализм и национализм слились. Таким образом, накануне революции 1848–1849 гг. германская национальная идея стала идеей объединения немцев на основе гражданской свободы и государственной независимости. Поскольку княжеские правительства в отдельных землях с большим скрипом шли на какие-либо реформы, а Германский союз со своей стороны поддерживал антилиберальные правительства и составлял еще некоторую силу только как инструмент давления и подавления, свобода в либеральном смысле настоятельно требовала единства, а национальное единство могло быть создано только через свободу — свободу от княжеских сил и от диктата Германского союза.

2. Начало революции 1848 г. Перспектива национального объединения как средство решения социальных проблем

Европейские революции 1848–1849 гг. имели единый источник — достигший своей высшей точки экономический кризис. Динамика капиталистического развития, экономические перемены, произошедшие прежде всего из промышленного развития Англии, волнами распространялись в других европейских странах и обнажали экономические, социальные, политические и национальные противоречия. Настроения, распространенные в различных классах и слоях общества, выявляли общую направленность социальных, политических и национальных движений: стремление покончить с прежними порядками, добиться свободы экономической, гражданской и национальной.

Революция 1848–1849 гг. в Германии была вызвана прежде всего социальными причинами. Она началась как серьезное социальное движение и имела глубокое социальное содержание. Но главным вопросом и главной ее задачей оказался все же национальный вопрос, ибо всем было ясно, что решающим условием успеха, условием разрешения социальных проблем является национальное объединение, установление национально-государственного единства. Еще в дореволюционные годы социальные проблемы повсюду здесь были тесно переплетены с проблемами национальными, и очень многим, прежде всего либералам, представлялось, что решение социальных проблем возможно в рамках единого отечества.

22 февраля 1848 г. началась революция во Франции. 27 февраля о революционных событиях в Париже узнали в Мангейме (Великое герцогство Баденское). В этот день здесь состоялось большое народное собрание, участники которого обратились к властям с рядом требований: вооружение народа, свобода печати, отмена цензуры, создание суда присяжных и, наконец, «немедленный созыв германского парламента». 1 марта депутация мангеймцев в сопровождении большой толпы, состоявшей из бургевров, подмастерьев, рабочих, студентов, крестьян, отправилась в столицу герцогства Баденского Карлсруэ и предъявила свои требования ландтагу. Нижняя палата не только приняла требования демонстрантов, но и дополнила их, провозгласив отмену феодальных платежей и повинностей, ликвидацию дворянских привилегий, а также создание ответственных перед парламентом ми-

нистерств. Именно эти требования, прозвучавшие в Бадене, стали ядром «мартовских» программ, распространявшихся повсюду в Германии¹⁴. После некоторых колебаний герцог Баденский согласился удовлетворить эти требования и образовал новое правительство из вождей местного либерального движения.

В марте 1848 г. волна подобных выступлений быстро катилась на север и на восток. Настроения повсюду были аналогичными: недовольство существующими порядками и отношениями власти — династическими и феодальными привилегиями, постоянным контролем и надзором за молодежью и студентами, ремесленниками и рабочими, несправедливым распределением налогов, наконец, отсутствием свободы передвижения, свободной печати и невозможностью открыто выражать свое мнение.

На юго-западе, в Бадене и Великом герцогстве Бюртембергском, начались волнения крестьян. Их формы напоминали крестьянскую войну 1525 г. Демонстрации перед дворянскими замками и правительственные учреждениями с требованиями выдать феодальные акты с тем, чтобы их сжечь, нередко переходили в штурм господских поместий. Вспыхивали пожары. В стране, где две трети населения составляли сельские жители, эти волнения стали важной частью массовой базы мартовской революции. Готовность крестьян к насилию составляла опору революции, хотя либеральные лидеры и боялись насилия. Именно поэтому повсюду либеральные «мартовские» правительства соглашались отменить все феодальные права и привилегии. В дальнейшем, быстро добившись выполнения своих требований, крестьяне в революции участия не принимали: государственно-национальные цели не слишком их интересовали, чаще всего они их и не знали. Иначе обстояло дело в городах, где в марте 1848 г. также происходили массовые волнения трудящихся. Кое-где это были все еще протесты против машин, против железных дорог и паровых судов, против крупного производства. Но в больших городах рабочие и ремесленники, а среди последних особенно те, кто стоял на грани перехода от ремесленного производства к наемному труду, приняли участие в общих волнениях, носивших национально-политический характер.

Главные события мартовской революции в Германии развернулись в Австрии и Пруссии. Вспыхнувшее в Вене в ночь с 13 на 14 марта восстание заставило бежать канцлера Австрийской империи К. Меттерниха, его режим пал. Империю сотрясал и национальный кризис. Итальянские провинции объявили себя независимыми, а Пьемонт начал войну против Вены. Грозило отделение

охваченной волнениями Венгрии. Требовала автономии Богемия (таково было в Германии официальное название чешских земель).

В Берлине еще с начала марта 1848 г. почти ежедневно происходили собрания ремесленников, рабочих, студентов и молодых торговцев. Среди прочих требований выкристаллизовались два важнейших — созыв Соединенного ландтага¹⁵ и вывод из Берлина солдат, которые раздражали собирающихся людей своим постоянным досмотром и контролем. Напряжение росло, и 13 марта, когда отряд кирасир внезапно атаковал расходившихся участников собрания, в прусской столице вспыхнули столкновения с войсками. 17 марта на собраниях прозвучало предложение создать вооруженную гражданскую гвардию и требовать свободы печати.

Король Фридрих-Вильгельм IV уступил. 18 марта в полдень были объявлены два королевских указа — об отмене цензуры и о созыве второго Соединенного ландтага 2 апреля 1848 г. В этом последнем указе содержалось предложение членам Германского союза превратить Германию из союза государств в союзное государство и ввести во всех землях конституционное правление. Толпа, собравшаяся перед дворцом, горячо приветствовала короля¹⁶.

Казалось, что выявляется перспектива осуществления национального объединения и прусский король может возглавить мирную национальную революцию. Европейская ситуация была благоприятна: Австрия и Франция, ослабленные революционными событиями у себя дома, не смогли бы противодействовать; что же касается России, то царь еще в начале марта советовал прусскому королю объединить силы германских государств и возглавить их. Однако в королевских указах ничего не говорилось о выводе войск, и на площади стояли солдаты. По городу быстро ползли противоречивые слухи о замыслах короны. Раздались крики «Измена!» и «К оружию!». Вспыхнули столкновения между солдатами и вооружавшейся толпой, на протяжении всего дня шли уличные сражения, в которых были убиты больше 200 человек. Фридрих-Вильгельм, укрывшийся во дворце, выжидал, отдав приказ не наступать, но и не отступать.

Кровавые события в Берлине лишили прусского короля доверия сограждан. Открывшаяся перед ним альтернатива была такова: либо, опираясь на армию, попытаться подавить волнения вооруженным путем, либо пойти на компромисс с либералами и с их помощью изменить характер и направление революционных событий. Он выбрал второе. 19 марта королевская чета вынужде-

на была выйти на площадь у дворца, король обнажил голову перед телами погибших берлинцев. В тот же день войска, осыпаемые проклятиями жителей, покинули Берлин. Утром 21 марта король обратился к народу с прокламацией «Моему народу и германской нации». Называя себя «конституционным правителем», он объявил, что перед лицом внутренней и внешней опасности, когда ситуация требует объединения германских князей и народов под единым руководством, он готов взять это руководство в свои руки с верой в то, что народ его не покинет и вся Германия примкнет к нему. Он появился перед дворцом верхом на лошади, с черно-красно-золотой повязкой на рукаве. Однако все последующие действия прусского короля, непоследовательные и противоречивые, показали, что он не имел намерения перейти от слов к делу и возглавить национальное германское движение.

Значение мартовских событий в Германии, открывших революцию и составивших ее первую фазу, трудно переоценить. Они воспринимались всеми как важный прорыв в будущее. Повсюду царил подъем радостных, волнующих настроений. Люди на улицах оживленно говорили о событиях, о перспективах: отмена цензуры во всех германских государствах развязала языки и оживила умы. Конец старых порядков казался неизбежным и легко достижимым; новый же порядок мыслился как союз народов, которому не смогут и не станут мешать правящие династии. В это время говорили о «Весне народов», проложившей себе путь после холодной зимы эпохи Реставрации¹⁷. Практические же результаты были таковы: в Пруссии организованная военная сила оказалась, в сущности, побежденной народом. Король назначил новое правительство во главе с представителями умеренной либеральной оппозиции, крупными рейнскими торговцами Л. Кампгаузеном и Д. Ганземаном. Это правительство 2 апреля 1848 г. созвало второй Соединенный ландтаг, принявший закон о выборах в Прусское национальное собрание. Княжеские троны пошатнулись во всех германских государствах. Как требования, так и результаты были повсюду схожими — князья шли на уступки, создавались либеральные «мартовские» правительства, во всех германских государствах были завоеваны гражданские свободы.

Среди требований, сформулированных либерально-демократическими деятелями и поддержанных участниками волнений, главным было введение конституции и создание национального государства. Хотя, казалось бы, эти требования не были прямо связаны с повседневной жизнью обывателей (и сформулированы

они были далекими от них интеллектуалами), национальные цели давно стали для горожан чем-то само собой разумеющимся. Что касается тех, кто воспринимал эти требования осознанно, то они понимали эти требования по-разному. Для демократического движения, формировавшегося в ходе революционных событий, национализм был революционным принципом, означавшим решительный разрыв с феодальным, сословным и монархическим прошлым. Либералы же не мыслили полной отмены прежних порядков, национальная идея была для них способом преодоления социальных и политических конфликтов на основе интеграции и согласия. «Мартовские» либеральные правительства стремились, оставаясь на почве континуитета и законности, помешать дальнейшему развитию революции, не допустить беспорядка и хаоса. «Революция победила. Да здравствует реформа!» — такова была стратегия либералов, одержавших победу, завоеванную благодаря массовым народным волнениям. Стратегия демократических левых сил — продолжение революции с целью защитить ее завоевания от возможного натиска контрреволюции — представлялась либералам опасной. Опасной была, однако, и охватившая многих либералов иллюзорная уверенность в том, что быстрая победа революции позволит без промедления ввести демократическую представительную систему и осуществить объединение германских земель, что это найдет поддержку в других европейских странах.

Депутат второго Соединенного ландтага М. Гагерн предложил отправиться к княжеским дворам, уговорить добровольно признать руководящую роль Пруссии в Германии и тем самым осуществить объединение легальным, конституционным путем. Этот вариант был отнюдь не худшим: среди германских государств Пруссия была в результате реформ начала столетия самым продвинутым на пути модернизации государством. Дело объединения представлялось не безнадежным. Баден и Вюртемберг поддерживали эту инициативу, ее готова была поддержать и Бавария. Вряд ли кто-либо в Германии решился бы в этот момент ей противостоять: в Вене после недавних потрясений больше всего желали избежать продолжения революции, а кроме Австрии, ни одно из германских государств не решилось бы противопоставить авторитету Пруссии свой авторитет. Но Фридрих-Вильгельм IV, еще совсем недавно заявлявший о готовности возглавить общее отечество, теперь утверждал, что никогда не согласится отнять власть у кого-либо из германских князей и если суждена кому-то германская корона, то это должен быть авст-

рийский император. Получив отказ короля, либеральные депутаты второго Соединенного ландтага могли бы апеллировать к нации, и, может быть, Фридрих-Вильгельм изменил бы свое решение. Правда, тогда пришлось бы обратиться к тем, кто еще вчера строил в Берлине баррикады, а этого либералы боялись; кроме того, в их лагере не было единства.

Между тем еще в начале марта в Гейдельберге на встрече 51 политика — представителей либерального движения (преимущественно из юго-западных германских земель) было решено создать революционный орган, который подготовит и проведет выборы в общегерманское Национальное собрание. Таким органом стал предпарламент, заседавший с 31 марта по 3 апреля 1848 г. во Франкфурте-на-Майне в соборе св. Павла (здесь же заседало затем общегерманское Национальное собрание, почему его часто называли и называют Паульскирхе). Уже в предпарламенте обнаружились серьезные принципиальные разногласия между либералами, составлявшими в нем большинство, и демократами. По мнению либералов, следовало положить конец революционному развитию событий и решение всех важнейших проблем немедленно передать парламенту. «Свобода, суверенитет народа и монархия» — так сформулировал программу будущей конституции, которую предстояло выработать Национальному собранию, Г. Гагерн. Предложенную и обоснованную демократом Г. Струве программу продолжения революции — свержение монархии, установление республики, уничтожение всех прежних государственных институтов, превращение предпарламента в постоянно действующий революционный орган, отказ от каких бы то ни было соглашений с правительствами — либералы принять не могли. Настало время реформ, полагали они, а реформы следует проводить в согласии с существующими правовыми положениями и с помощью разумных компромиссов с властями.

Подготовленные предпарламентом выборы в Национальное собрание проходили с середины апреля до середины мая 1848 г. Мартовская революция положила начало общей политической жизни в стране. Собрания, дискуссии в клубах и ферейнах (обществах), демонстрации, возросшая популярность газет, распространение листовок — все это создавало атмосферу политической активности городских жителей, определило и атмосферу выборов. В выдвижении кандидатов наибольшую роль сыграли либерально-демократические ферейны. Но процесс дифференциации и разграничения сил шел медленно и к мо-

менту выборов отнюдь не был завершен. Прочно организованных или хотя бы строго определившихся партий еще не существовало. Кандидатами, помимо очень небольшой группы известных политиков, оказались преимущественно те, кто приобрел известность еще в предмарковский период, а в городах и те, кто только во время революции вышли на передний план общественной жизни. Их круг был невелик, их партийно-политическое направление часто во внимание не принималось. Там, где все-таки возникала предвыборная борьба, речь шла об «умеренных» и «решительных», о либералах и демократах. В большинстве германских земель от выборов были отстранены те слои, которые симпатизировали социальной революции и принимали участие в волнениях¹⁸.

Данные о численности депутатов Национального собрания существенно расходятся — не только потому, что исследователи используют разные источники, а главным образом из-за того, что в ходе работы его количественный и всякий иной состав постоянно менялся. В любом случае он не отражал действительного социального состава населения германских земель, что видно даже из самого общего обзора статистических данных¹⁹. Большинство населения в германских землях было занято в сельском хозяйстве (из каждого 100 человек — 70); меньшая часть (16 из 100) — в ремесле, промышленности и мелкой торговле и лишь ничтожная часть (3 из 100) — на государственной службе, в науке и искусствах. Между тем в Национальном собрании доминировали чиновники, юристы, журналисты, врачи, представители академических профессий. 75% депутатов имели университетское образование. Среди них насчитывалось 49 профессоров. И хотя эта цифра невелика, они играли столь важную роль, что бытовавшее название Национального собрания «профессорский парламент» не казалось преувеличением²⁰. Еще важнее был общий смысл, который часто вкладывался и вкладывается в эти слова: первый общегерманский парламент обладал высоким интеллектуальным уровнем, но оказался неспособным к решению практических задач. Однако это расходящее мнение требует уточнения.

Крайних консерваторов, с одной стороны, и социалистов — с другой, во Франкфуртском национальном собрании не было. Составлявшие его правую часть (фракцию «правых») умеренные консерваторы выступали за сохранение существующих порядков и за политику соглашения с правительствами. Центр составляли либералы. Их фракции выступали за единство и сво-

боду Германии, против реакции, за порядок против анархии. Самой сильной среди них была фракция так называемого Правого центра. Это были умеренные либералы, «реалисты», выступавшие за реформы, предназначенные разрушить старый порядок, но согласованные с правительствами, ибо только на этом пути, считали они, возможно достигнуть единства. Решительные противники демократических и эгалитаристских тенденций левых, либералы готовы были в случае осложнений идти на всякого рода уступки в своих требованиях. Они опирались на крупных и средних предпринимателей, крупных торговцев, банкиров. Во главе этой фракции стоял Г. Гагерн, в нее входили известные профессора, в том числе историки Ф. К. Дальман, И. Г. Драйзен, Г. Вайц, М. Дункер и другие. Членами фракции были депутаты, которые олицетворяли исторические традиции, восходящие к эпохе освободительных войн, — Э. М. Арндт, Л. Уланд и Я. Гримм. Внутри правого центра преимущественное влияние с течением времени все больше приобретали представители малогерманского направления, предполагавшего образование единой Германии без участия Австрии. Они противопоставили проавстрийской группе А. Шмерлинга концепцию общегерманского союзного государства во главе с Пруссиею, осуществляющей либеральные конституционные реформы²¹. Левый центр представлял левое крыло либералов, выступавших более решительно за парламентский суверенитет и ограничение прав монархии. На левом фланге Национального собрания находились демократы, выступавшие за республику, за суверенитет народа и подлинную власть парламента, против политики соглашений с правительствами. Они разделились на две группы: умеренные демократы во главе с Р. Блюном признавали принцип законности и возможность компромиссов, радикальные демократы во главе с Ф. Геккером считали необходимым продолжение революции.

Границы между фракциями были весьма условными и изменились в зависимости от хода дел в самом парламенте и от событий, происходивших в стране. Председателем Национального собрания был избран пользовавшийся большим авторитетом среди всех депутатов Г. Гагерн, в марте 1848 г. возглавивший либеральное правительство Гессенского герцогства. Главную свою цель он видел в том, чтобы обеспечить в будущем едином государстве «преимущественное влияние имущих и образованных граждан» (это была, собственно, главная характеристика состава франкфуртского парламента), ибо таково «направление

нашего времени»²². Умелый тактик и оратор, он опирался на идеи и помощь Ф. К. Дальмана, обладавшего солидным научным авторитетом историка и морально-политическим авторитетом борца против княжеского произвола в 30-х гг. В общем и целом в состав Национального собрания вошли те, кто желал реальных перемен в политическом и социальном положении страны; другое дело, как они представляли себе эти перемены и как соотносили свои намерения с реальной ситуацией. Нужно признать, что депутаты Франкфуртского национального собрания, предложившие развернутую программу реформы общества, стояли вне этого общества и руководствовались не столько точными представлениями о нем, составленными на основе анализа его реального состояния, сколько собственными представлениями о его будущем. С самого начала работы франкфуртского парламента выявились трудно преодолимые противоречия, поиски решений оказывались непозволительно долгими и чаще всего безрезультатными.

3. Национальный вопрос и германская национальная идея на арене Франкфуртского национального собрания

Главная задача Франкфуртского национального собрания — создание единого германского государства — не вызывала сомнений. Но какой смысл вкладывался в понятие *единого германского отечества* и какие трудности лежали на пути к решению этой задачи? На второй день работы Национального собрания, 19 мая 1848 г., под всеобщие аплодисменты на трибуну пригласили 79-летнего Э.М. Арндта. Отвечая на приветствия, он сказал, что тронут признанием его представителем и выразителем воли великого народа. Было внесено предложение от имени нации выразить Арндту благодарность за его песню «Что такое отчество немцев?», в трудный час воодушевившую и объединившую немцев. Депутат Ф.Л. Ян, основатель патриотических германских гимнастических обществ, выразил пожелание, чтобы Арндт дополнил свою песню строфой, которая отразила бы новую ситуацию, ибо, сказал он, теперь ясно, что единая Германия действительно существует. И все же можно ли было считать Национальное собрание олицетворением действительно существующей единой Германии? Будущее показало ложность такого предположения. Депутат Ян или не отдавал себе отчета в истинном положении, или желал его скрыть за патриотическими речами. Реальная ситуация вовсе не изменилась, однако ответ на вопрос, данный в песне Арндта 35 лет назад, — «германское отчество там, где звучит немецкая речь», теперь, когда речь шла о государственном объединении, больше не удовлетворял немцев.

С самого начала своей работы Франкфуртское национальное собрание было фактически втянуто в национальные конфликты, разрешение которых оказалось невозможным. Непомерные трудности выявились еще в предпарламенте²³, когда там обсуждался вопрос о принципах выборов в Национальное собрание и решено было, что в нем будут представлены все «германские племена» (*Volksstämme*). Подразумевались государства Германского союза. Но ориентация на его границы означала, с одной стороны, что в будущую Германскую империю должны будут войти области, включающие значительное число ненемецкого населения, с другой — что нельзя рассчитывать на объединение всех земель, жители которых говорят по-немецки и вообще связаны с немецкой культурой. Ведь Германский союз объединял вовсе не все государства, где звучала немецкая речь. Так, герцогство Гольштейн

входило в Германский союз, тогда как Шлезвиг, Восточная и Западная Пруссия в него не входили, а без них решение национальной проблемы было, конечно, невозможно. В Пруссии жило большое число поляков, на юге Германского союза трудно было бы провести границу между немцами и южными славянами, в Тироле обитало много итальянцев. В Эльзасе говорили по-немецки, хотя принадлежал он Франции, то же самое относилось и к французской части Лотарингии. Неудивительно, что в дебатах Национального собрания о составе Германской империи этнически-культурное понимание нации все время вступало в противоречие с историческими территориальными аргументами, а германские территориальные претензии сталкивались с интересами негерманских национальных движений.

Главные трудности были связаны с Австрией — войдет ли она в состав единой Германской империи с теми миллионами ее жителей, которые говорили вовсе не на немецком языке^{*}. Последовательное проведение в жизнь национальной идеи требовало невозможного: Австрия не должна была остаться вне будущей Германской империи, и в то же время вся целиком она в нее войти не могла, так как в Германский союз входили только наследственные земли Габсбургской монархии, а Ломбардия и Венгрия оставались вне его. Отказ от включения этих областей в будущую Германскую империю означал раздел Габсбургской империи, что не могло вызвать одобрения в Вене. К тому же и в той части Австрии, что входила в Германский союз, существовала проблема Богемии: включение ее чешского населения в новую Германию должно было вызвать неудовольствие России.

И еще большие трудности в отношениях с Россией вызывал польский вопрос^{**}. Предпарламент в свое время назвал разделы Польши «позорной несправедливостью» и объявил «священным долгом немецкого народа содействовать восстановлению Польши»²⁴. Но это не могло стать чем-то большим, чем благое пожелание. Разделы Польши осуществили те три государства, от которых зависело германское единство, и замысел восстановления независимой Польши превращал их в противников задуманного общенационального дела. Создание Германской империи возможно было в действительности только при молчаливомнейтралитете России, он же мог быть завоеван лишь при условии отказа от решения польской проблемы.

* См. гл. IV данной книги.

** См. гл. V данной книги.

В марте 1848 г. прусский король под давлением либералов объявил амнистию участникам польского восстания 1846 г. В Познани это расценили как знак готовности помочь восстановлению независимой Польши. Вскоре выяснилось, однако, что это не так, и в мае в Великом княжестве Познанском началось восстание против Пруссии, которое прусские войска подавили. Вскоре после того как Национальное собрание эту акцию одобрило, в июле 1848 г., в Паульскирхе шли дебаты по польскому вопросу²⁵. Центральным пунктом стал вопрос о том, должна ли войти в новую Германскую империю вся провинция Познань или только та ее часть, что населена преимущественно немцами. Лишь маленькая группа левых депутатов во главе с Р. Блюном высказалась за отказ от польской части Познани. Берлинский же депутат В. Йордан, причислявший себя к левому крылу либералов, в своей знаменитой речи 24 июля заявил, что германское господство над славянами есть «естественноисторический факт», а выступающие за то, чтобы немецкие жители Познани были отданы Польше, — предатели народа. Он утверждал, что разделы были необходимы «со всемирно-исторической точки зрения», а «желать восстановить Польшу только потому, что ее падение наполняет нас справедливой печалью, — это слабоумная сентиментальность... Наступило такое время, — подчеркнул он, — когда мы должны отказаться от мечтательного самозабвения, которое заставляло нас заботиться обо всех возможных национальностях, тогда как сами мы были позорно несвободны и все топтали нас ногами, мы должны проснуться, обратившись к здоровому народному эгоизму, и поставить на первое место процветание и честь отечества... Наше право — это право сильнейшего, право завоевания»²⁶. Речь Йордана (хотя в ней звучала отчасти и справедливая критика в адрес мечтателей, строящих абсолютно неисполнимые планы) показала, что под влиянием столкновения с реальной действительностью начал изменяться характер германской национальной идеи как идеи свободы, независимости и единства. В ней обозначились и с течением времени становились все более резкими такие черты, которые на заре ее возникновения были уже в зародыше у Арндта и Фихте. Подавляющим большинством голосов Национальное собрание приняло решение о включении в Германскую империю западной, польской части Великого княжества Познанского, отказавшись от идеи восстановления независимой Польши. Выяснилось, таким образом, что свойственная национализму на ранней его стадии идея эмансипации в

данный момент разделялась вовсе не всеми германскими либеральными националистами. Более того, подавляющее большинство парламентариев выступило за право сильнейшего, за максимальное расширение будущей «великой Германии».

Знакомство с речами депутатов Франкфуртского национального собрания часто приводит к мысли о том, что уже в 1848 г. германская национальная идея носила агрессивный и почти имперский характер. Говорили о создании могущественной Германии, к которой примкнут соседние государства — от Северного и Балтийского морей до Адриатики и Черного моря. Представитель умеренных демократов К. Фогт предсказывал войну против «восточного варварства». А. Руге, радикальный демократ, во время дебатов о Польше выступавший за ее независимость, пацифист, предлагавший созвать конгресс народов Европы за всеобщее разоружение, говорил, что рождению союза мирных народов должна предшествовать «последняя война» против России. Подобные выступления немецкий историк Т. Ниппердей называл «компенсаторным национализмом», обратив внимание на то, что практика ораторов существенно отличалась от риторики: решения были гораздо умереннее и реалистичнее, чем «дикие» речи²⁷.

И все же постепенный отход от либеральных национальных идеалов действительно наблюдался. Он проявился летом 1848 г. также и в событиях, связанных с вопросом о Шлезвиге и Гольштейне. Еще до революции в германском национальном движении этот вопрос стал одним из центральных. Большинство населения Гольштейна и южной части Шлезвига составляли немцы, в северной же части последнего жили преимущественно датчане. Обоими герцогствами управлял датский король, но в состав Дании они не входили; такой порядок обеспечивался рядом международных соглашений. Постоянно вспыхивавшие национальные конфликты требовали решения: либо Шлезвиг включается в Датское королевство, либо же присоединяется к будущей Германской империи.

Вскоре после мартовских восстаний в Вене и в Берлине датский король заявил притязания на присоединение Шлезвига к его королевству, и это тотчас вызвало взрыв недовольства в герцогствах. В Киле было образовано временное правительство обоих герцогств, заявившее, что для борьбы против датской аннексии Шлезвига организуются отряды добровольцев; это правительство обратилось за помощью к бундестагу Германского союза. Бундестаг, состоявший после мартовских событий преимущественно из либеральных представителей германских земель, признал вре-

менное правительство, и жители Шлезвига приняли участие в выборах в Национальное собрание. По просьбе кильского правительства бундестаг проголосовал за решение о вооруженном выступлении против Дании. При всеобщем одобрении населения германских земель 10 апреля 1848 г. прусские войска пересекли границу герцогств на юге, и к концу апреля Шлезвиг был в их руках. Поскольку за спиной наступающей Пруссии виделась Германия революционная, в дело вмешались Россия и Англия. Под давлением этих двух держав Пруссия остановила наступление и согласилась начать переговоры о перемирии.

Франкфуртское национальное собрание как революционный преемник бундестага сознавало свою ответственность за судьбу Шлезвига и Гольштейна²⁸. 9 июня на заседании Национального собрания было принято решение продолжать войну и добиться присоединения Шлезвига и Гольштейна к единому германскому отечеству. Однако дальше революционных речей дело не пошло. Пруссия, не считаясь с решением, принятым в Паульсирхе, 26 августа в Мальмё заключила с Данией на 7 месяцев перемирие, условия которого были похожи на капитуляцию. Прусские и датские войска отходили с занятых позиций, временное правительство в Киле распускалось, все его решения отменялись. Для обоих герцогств устанавливалось единое управление; его осуществляла комиссия, во главе которой стоял датский король.

Когда во Франкфурте стало известно о заключении перемирия в Мальмё, в общественном мнении и в Национальном собрании поднялась буря возмущения этим «предательством», «ударом, нанесенным национальной гордости». Собранию предстояло заняться ратификацией перемирия, которое Пруссия заключила, превышая свои полномочия и отнимая прерогативы у Центрального временного правительства. Депутат Дальман, выступая в заседании, сказал, что, по его мнению, принятие парламентом условий перемирия будет означать отказ от всего, что было задумано. Р. Блюм заявил, что вопрос стоит теперь так: войдет ли Пруссия в Германию или же, напротив, Германия войдет в Пруссию. 5 сентября депутаты приняли решение об отмене перемирия. Споры, однако, продолжались. Четыре депутата от Шлезвига и Гольштейна предложили ратифицировать перемирие, одновременно начав переговоры об изменении его условий. Последовали долгие дебаты и затем переголосование. 16 сентября 1848 г. перемирие в Мальмё все-таки было утверждено Франкфуртским национальным собранием.

Таким образом, в вопросе о Шлезвиге и Гольштейне столкнулись национальные притязания датчан, желавших сделать герцогства частью датского национального государства, и национальные притязания немцев, намеревавшихся включить их в состав будущего германского национального государства. Германская национальная идея вступила в столкновение с национализмом датчан и с реальной политической и международной ситуацией. В «Новой Рейнской газете» К. Маркс и Ф. Энгельс призывали Франкфуртское национальное собрание развязать революционную войну против Пруссии, Англии и России. Можно было попытаться разбудить дремлющие революционные силы и с их помощью заставить Пруссию подчиниться, затем подавить сопротивление всех, кто мешал единству. Но собрание в Паульсирхе меньше всего напоминало французский конвент времен революции. Не только правому крылу, но и центру Франкфуртского собрания такой путь представлялся нереальным и опасным. Верность прежним принципиальным решениям предполагала новую революцию, большую народную войну, столкновение с мощными европейскими державами. К этому Национальное собрание не было готово, большинство депутатов выбрало политику возможного, путь компромисса.

В результате во Франкфурте развернулись события, которые стали эпилогом борьбы по вопросу о Шлезвиге и Гольштейне и вместе с тем открыли новую fazу революции, когда ее судьбу решала уже не парламентская борьба, а действия масс, с одной стороны, и контрреволюционных сил, с другой. На другой день после ратификации перемирия в Мальмё перед Паульсирхе начал собираться народ. В толпе раздавались голоса, называвшие депутатов, проголосовавших за утверждение перемирия, предателями, звучало все более громкое требование распустить парламент. Центральное правительство призвало на защиту Национального собрания прусские, гессенские и австрийские воинские части, и в ночь на 18 сентября они были сконцентрированы перед Паульсирхе. Наутро толпа вновь двинулась сюда, начались первые столкновения с солдатами, несколько человек были ранены штыками. Это послужило сигналом к строительству баррикад, и начались уличные бои под лозунгом защиты революции от солдат, от Пруссии, от центральной власти, от Национального собрания, не постыдившегося применить против народа те же самые средства, которые применяли прежние власти. Против баррикад действовала артиллерия. К вечеру 18 сентября восстание удалось подавить.

Ярким свидетельством столкновения благих пожеланий и реальности стали события в многонациональной империи Габсбургов, где национальные противоречия, столкновение германского национализма с национализмом пробуждающихся к политической самостоятельности народов были наиболее острыми*.

На фоне национальной борьбы чехов, вылившейся в июле 1848 г. в Пражское восстание, и развернувшегося в Венгрии движения за автономию, переросшего в национальную революцию и общеавстрийскую гражданскую войну — войну национальных меньшинств против мадьярского большинства и империи против Венгрии, произошла революция в Вене. В конце октября 1848 г. она была подавлена австрийскими войсками. Во время расправы с ее участниками расстреляли находившегося среди них депутата франкфуртского парламента Р. Блюма. После подавления октябрьской революции глава вновь созданного австрийского правительства Ф. Шварценберг заявил, что как Германия, так и Европа нуждаются в сохранении государственного единства Австрийской империи. Вступление на престол нового императора Франца-Иосифа, роспуск рейхстага и октроированная конституция, провозглашавшая неделимость Габсбургской монархии, завершили процесс восстановления Австрии как самостоятельной германской и европейской державы.

Национальные конфликты, сливающиеся и перекрецивающиеся с конфликтами социальными и политическими, стали одной из главных причин поражения венской революции, которое привело и к поражению революции в Германии вообще. Франкфуртское национальное собрание в своих планах создания единой Германии могло теперь опираться только на Пруссию. Но события в Австрии повлияли и на ход дел в Пруссии. Еще в июле 1848 г. прусский король снял черно-красно-золотую кокарду, которую носил с момента мартовских событий в Берлине. Это, может быть, и не свидетельствовало пока что об отказе от общегерманских национальных тенденций, однако подчеркивало: Пруссия остается Пруссией, и ее правителем является король. Ему удалось без особых эксцессов прекратить работу Пруссского национального собрания, избранного одновременно с общегерманским франкфуртским парламентом и занимавшегося обсуждением проекта конституции для Пруссии. 5 декабря 1848 г. Фридрих-Вильгельм IV октроировал конституцию Пруссии. После падения Вены это был сильнейший удар, нанесенный все еще дебатировавшим-

* См. гл. IV данной книги.

ся во франкфуртском парламенте планам создания единого германского государства.

Тем не менее еще на протяжении нескольких месяцев депутаты Национального собрания во Франкфурте обсуждали проект имперской конституции. Ни «великогерманский» план создания Германской империи, т. е. включение в общегерманское государство немецких частей Австрии, что угрожало ей расчленением, ни «малогерманское» решение этого вопроса не удалось. Однако 27 марта 1849 г. Национальное собрание приняло, наконец, имперскую конституцию и затем избрало прусского короля Фридриха-Вильгельма IV императором новой, единой Германии. В начале апреля 1849 г. оно обратилось к нему с предложением возложить на себя императорскую корону²⁹.

Делегация Национального собрания во главе с президентом Паульсирхе отправилась в Берлин. 3 апреля король принял депутатов и заявил, что он готов встать во главе общего германского отечества, но принять императорскую корону может только при условии согласия на это германских коронованных особ, князей и вольных городов. 28 апреля 1849 г. Фридрих-Вильгельм IV в официальной ноте объявил о своем отказе принять императорскую корону из рук парламента, свободно избранного немецким народом. В течение апреля 1849 г. имперская конституция была отклонена правительствами Австрии, Баварии, Ганновера и Саксонии.

В некоторых германских землях вспыхнули волнения, но они были подавлены, преимущественно прусскими войсками. Пришел конец и Франкфуртскому национальному собранию. Австрия отозвала оттуда своих представителей 5 апреля 1849 г. 21 апреля то же самое сделала и Пруссия, а затем и некоторые другие государства. 30 мая 1849 г. оставшиеся депутаты решили перенести свои заседания в столицу Вюртемберга Штутгарт, но 18 июня 1849 г. Национальное собрание было разогнано вюртембергскими войсками. Общегерманский парламент, воплощавший собой первую попытку осуществить объединение Германии мирным, демократическим, парламентским путем, тем самым воплотив в жизнь и германскую национальную идею, потерпел крах.

В марксистской исторической литературе было общепринятым утверждение, что революция 1848–1849 гг. в Германии потерпела поражение главным образом по причине особой слабости и трусости германской буржуазии и, в частности, германских либералов³⁰. Не стоит, однако, забывать, что и в других европейских странах революции 1848–1849 гг. принесли лишь ограни-

ченные результаты. Франкфуртское национальное собрание было объектом особенно жесткой критики, причем она исходила не только от советских историков. Английский ученый Л. Неймиер в книге «1848 — революция интеллектуалов» утверждал, что пагубный германский национализм, рождение которого обычно связывают с действиями Бисмарка, в действительности был порождением Франкфуртского национального собрания, упорно развивавшего и отстаивавшего идею национального государства, а германские либералы были, в сущности, предшественниками Гитлера³¹. Характерно, что и современники резко критиковали франкфуртский парламент и часто его высмеивали, как, например, Г. Гервег, представивший его чем-то вроде бесконечной говорильни: «Im Parla-Parla-Parlament das Reden nimmt kein End»*. Резкая и язвительная критика, рождающаяся в момент революции, больше всего объяснялась кипением страстей, и исследователь находит в ней ценный источник для изучения атмосферы эпохи. Что же касается оценки историками событий 1848–1849 гг. и, в частности, деятельности Франкфуртского национального собрания, то она на пороге XXI в. нуждается в корректировке.

Франкфуртское национальное собрание — первый в истории Германии свободно избранный орган народного представительства — больше года было, несомненно, центром революции и общепризнанным центром политической жизни Германии, существенным образом влиявшим на колебания общественного мнения. Здесь в жарких спорах по поводу конституции будущей единой Германии рождались не только политические направления, но и первые политические партии.

Германские либералы проявляли нерешительность, постоянно колебались и не готовы были следовать революционным путем. Демократы во франкфуртском парламенте с полным основанием упрекали их в том, что они сдерживают развитие революции, заявляли, что принести успех может только ее решительное развертывание. Либеральное большинство Национального собрания отказалось от революционной политики — от использования давления народного движения для последовательной борьбы за установление нового политического порядка. В результате оно оказалось зависимым от воли отдельных правительств, бессильным перед лицом решений властителей Пруссии и Австрии. Но возможно, что более решительные действия и вступление на путь

* В парла-парла-парламенте нет конца речам (нем.).

революционной борьбы принесли бы обществу не меньшие потери, чем осторожная политика, рассчитанная на то, чтобы закрепить завоевания, достигнутые в мартовской революции, и вместе с тем не допустить гражданской войны. За политикой либералов стояла вера в порядок и легальность, в необходимость континуитета и эволюционного развития, страх перед продолжением революции, перед неконтролируемыми действиями масс, перед социальными катаклизмами, перед возможностью чего-то вроде якобинской диктатуры и террора, перед новым цезаризмом. Судьба Франкфуртского национального собрания оказалась в известном смысле трагической. Прежде всего оно не сумело решить в свою пользу центральную проблему всякой революции — проблему власти, и это сделало его бессильным, не способным к решительным политическим действиям. Шаг за шагом выяснялось, что выполнение выдвигаемых парламентом либеральных программ преобразования Германии возможно только в условиях продолжения и, следовательно, дальнейшего развертывания революции. Однако депутаты собирались в Паульсирхе именно для того, чтобы ей воспрепятствовать. Выхода из этого противоречия не существовало.

Либералы из Паульсирхе оказались не подготовленными к решению конкретных задач в период крайнего социального и политического напряжения. Главное же заключалось, по-видимому, в том, что и общество было не подготовлено к участию в решении этих задач, хотя идеи, лежавшие в их основе, были восприняты уже давно. Сопротивление новому, нашедшему опору в княжеских дворах, в городах, не желавших терять свои привилегии, в среде юнкерства, в армии, оказалось гораздо сильнее, чем можно было предполагать. Наконец, попытка создать общее германское отечество натолкнулась на все еще живое партикуляристское сознание масс. Повседневная жизнь всех немцев, их понимание действительности и всех происходящих в ней перемен были связаны не с неким пока еще абстрактным и реально не только не существующим, но и непредставимым германским отечеством, а с Пруссией, Баварией, Саксонией или даже с каким-нибудь крошечным герцогством Нассау. Кризис, подготовивший революцию и в ней проявившийся, не был еще смертельным кризисом старого общества, и это определило поражение революции, если понимать под этим то, что основная ее политическая задача — создание конституционно-либерального единого Германского национального государства — не была выполнена. Не следует сбрасывать со счетов и общеевро-

пейскую ситуацию, создававшую при попытках решения национального вопроса такие сложности, которые вряд ли возможно было преодолеть в данной конкретной ситуации. Реализация планов либеральных реформаторов означала бы не только создание единой Германской империи, но и изменение политической карты Центральной Европы, что, несомненно, вызвало бы серьезные международные конфликты.

Национальная идея, которая родилась в Германии начала XIX в. как идея языковой и культурной общности, затем трансформировалась в идею единого национального государства, укрепившуюся и развившуюся в национальном движении 20–40-х гг., стала важнейшей частью идеологии буржуазной эманципации. Она несла тогда функцию демократической программы объединения свободных граждан германских земель. Революция 1848–1849 гг. стала ее практическим испытанием, и она этого испытания не выдержала. Обнаружилось ее трагическое несовпадение с реальным положением и соотношением сил, сложившимся в ходе событий. Национальные требования, подчас противоречившие друг другу, ставили под вопрос идею единого национального государства, идею исторического единства германских земель. Национальные идеи и национальные конфликты переплетались, сливались и сталкивались с конфликтами политическими и социальными. Это ослабляло революцию, подрывало возможность осуществления либеральных программ и облегчало контрреволюции подавление революционных выступлений и восстановление старых порядков.

4. Германская национальная идея на службе Бисмарка и ее судьба в XX в.

Поражение революции не означало гибели национальной идеи. Хотя Германия не стала единым национальным государством, сознание необходимости единства сохранилось и даже окрепло. Национальное чувство, сложившееся в массовой психологии благодаря предмартовскому национальному движению и активизировавшееся во время революции 1848–1849 гг., стало основой тех настроений, которые позволили О. Бисмарку в 1866–1871 гг. осуществить объединение Германии путем «революции сверху».

Пережившая неудачную попытку воплощения во время революции 1848–1849 гг., германская национальная идея получила новое развитие, приобрела новый характер и стала для Бисмарка оружием в борьбе за объединение Германии. О. Бисмарк, прусский юнкер по происхождению и по убеждениям, в 1848 г. только еще начинавший свою политическую карьеру, был яростным противником революции, грозившей нарушить старые порядки в Пруссии, и неизменно высказывался за применение самых жестких мер в борьбе с революционными выступлениями. И не только массовые революционные волнения вызывали его гнев. Франкфуртский парламент был для Бисмарка источником постоянного раздражения. Будущий канцлер Германской империи, которую он создаст на волне национально-либерального движения, во время революции выступал как твердый консерватор.

В 1862 г. Бисмарк был призван королем Вильгельмом I на пост министра-президента Пруссии. Заботясь прежде всего об укреплении позиций Пруссии в Германии, он вынужден был вступить в союз с национально-патриотическим движением, которое сделало большие успехи к концу 50-х гг. Совершенно иными путями, чем те, о которых мечтали либералы франкфуртского парламента в 1848 г., в результате трех войн, Бисмарку удалось осуществить объединение Германии, в которой главенствующая роль принадлежала Пруссии, и обеспечить решающий прорыв на пути к индустриальному обществу. Для проведения «революции сверху» он ловко и успешно использовал либеральную германскую национальную идею, которую во время революции 1848–1849 гг. считал пустой и вредной.

Завершающим этапом бисмарковской «революции сверху» стала франко-прусская война 1870–1871 гг. Она началась для Германии как война национальная и освободительная, как отражение нападения. И в этой экстремальной ситуации возродился на новом уровне тот аспект национальной идеи, который проявился еще более полустолетия тому назад у Э. М. Аrndта, призывающего сделать религией немцев ненависть к французам. Германский национализм, в начале XIX столетия направленный против французского врага, нашел новое воплощение в войне 1870–1871 гг. Этот его аспект становился все явственнее под влиянием националистической агитации, развернутой в стране не без участия Бисмарка, ловко манипулировавшего национальной идеей, ставшей доминантной в массовом сознании. Для провоцирования войны против Франции, для решения вопроса об аннексии Эльзаса и Лотарингии, для завершения объединения и создания империи под эгидой Пруссии Бисмарк использовал волну национального подъема, в кульмиационные моменты приобретавшую характер шовинистической истерии. Утрачивая либеральный характер, германская национальная идея становилась основой националистической идеологии, в которой особое значение приобрел заложенный в ней «образ врага».

И в последующие годы Бисмарк использовал и развивал свое искусство манипуляции национальной идеей, придавая ей различные, нужные в каждый данный момент смыслы. В 1878 г., замышляя нанести сокрушительный удар набиравшему силу рабочему и социалистическому движению, канцлер начал борьбу за введение «исключительного закона» против социалистов. Летом 1878 г. после двух покушений на императора в стране с каждым днем накалялась атмосфера «патриотической» истерии и звучали призывы объединиться в защиту кайзера. Бисмарк распустил рейхstag, препятствовавший его планам, и во время новых выборов использовал эти настроения. Официозные печатные органы пестрели высокопарными фразами о «германском единстве» и «торжестве германского национального духа»; избирательная кампания велась как национально-психологическая мобилизация масс под лозунгами нового национализма, причем по сравнению с эпохой франко-пруссской войны в эти лозунги добавились антисоциалистические, антилиберальные и не в последнюю очередь антисемитские ноты. На собраниях, где шла речь о необходимости покончить с социалистическим движением и установить «порядок», звучали слова из «Германской песни» Х. Хоффмана

фон Фаллерслебен: «Германия, Германия превыше всего / Превыше всего в мире!».

Когда Х. Хоффман фон Фаллерслебен, либерал, подвергшийся преследованиям в Пруссии, в 1841 г. написал эти слова, он имел в виду благородное стремление поставить превыше всего интересы разорванного на части отечества и бороться за его единство, независимость и прежде всего — за его свободу. Но во время франко-прусской войны в Германии, охваченной уже не просто национальным чувством, а националистическим угаром, восторженно повторяли эти строки, подразумевая не столько свободу, сколько силу Германии и ее предназначение стать вершителем европейских судеб³². Слова «Германской песни» звучали тогда как призыв к борьбе против опасных для народа людей без отечества (*vaterlandslose Gesellen*) — такое имя присвоили сторонники «порядка» социалистам. Не только социал-демократов, но и либералов, да и всех свободомыслящих граждан стали считать врагами нации. Либералы — авторы лозунга 40-х гг. «через свободу к единству» — были вытеснены, а затем и отстранены от участия в имперской политике.

Национальная идея предстала в новом обличье и приобрела еще один новый смысл в лозунге «защиты национального труда». В 1879 г. правительство Бисмарка выдвинуло программу таможенной реформы, перехода к протекционистским пошли нам и толковало ее как общегерманскую, национальную и народную программу³³. Все началось с призыва к защите слабых; затем этот призыв трансформировался в формулу «защиты национального труда», что, впрочем, можно было толковать и как лозунг «Германия для немцев». В действительности оказалось, что речь шла о «защите сильных», которые рассчитывали под крылом государства безраздельно овладеть внутренним рынком³⁴. Это была программа объединения имущих, экономической и политической консолидации под знаком авторитарного государства³⁵. Теперь на основе национальной идеи формировались лозунги правых сил, лозунги вражды, ненависти, шовинизма. Образ врага становился стереотипом массового сознания, причем в это понятие вкладывалось нужное в каждый данный момент содержание. С течением времени национальная идея приняла форму имперского национализма, вылилась в прославление великой гегемониальной европейской державы, в идею экспансии и пангерманизма. Усилились ее антилиберальные и антирабочие черты, сложившиеся в эпоху принятия исключительного закона против социалистов 1878 г.

Предпосылкой такой трансформации национальной идеи в Германии были экономические трудности, снижение жизненного уровня, искусственно раздуваемый страх перед социализмом и революцией. Все это крайне обострило ситуацию в конце 70-х гг., обратив сознание общества к поискам виновников, с одной стороны, целителей — с другой. Эти поиски формировали специфический «правый» национализм, направленный против прежнего национализма 40-х гг., который теперь считался чем-то вроде космополитизма. В обществе родились или усилились недоверие и ненависть к французам, евреям, полякам и в целом к славянам. В массовом сознании «правый» национализм одержал тогда победу над «левым». В таком виде национальная идея жила в сознании широких масс немецкого народа и тогда, когда в 80-х гг. экономическая депрессия была преодолена и ситуация стабилизировалась. К тому же представление о том, что немцы завоевали национальное единство в борьбе против соседей и что его нужно охранять и защищать, подчеркнуто недоверчивое отношение к «чужим» сохранилось в немецком массовом национальном сознании очень надолго³⁶. Трансформация национальной идеи во второй половине XIX в. была одной из причин развивавшейся в Германии «делиберализации» массового сознания. Национализм стал важнейшим идеологическим инструментом, который господствующие в государстве силы осознанно использовали для включения масс в политику агрессии и расовых преступлений. Искаженная до неузнаваемости, в годы гитлеровской диктатуры германская национальная идея стала составной частью идеологии мирового господства и массового уничтожения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Conze W. «Deutschland» und «Deutsche Nation» als historische Begriffe // Die Rolle der Nation in der deutschen Geschichte und Gegenwart / Hg. O. Büsch, J. J. Sheehan. Berlin, 1985. S. 30.
- ² См.: Vierhaus R. Deutsche Einheit als Probleme der deutschen und europäischen Geschichte // Einheit, Freiheit, Selbstbestimmung. Die Deutsche Frage im historisch-politischen Bewusstsein / Hg. K. E. Jeismann. Frankfurt am Main, 1988. S. 146.
- ³ Herder J. G. Briefe zur Beforderung der Humanität. Rudolstadt, o. D. S. 213–216.
- ⁴ О германском «романтическом национализме» см.: Nipperdey Th. Nachdenken über die Deutsche Geschichte. München, 1986.
- ⁵ Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation. Leipzig, 1919. S. 14.
- ⁶ Arndt E. M. Lieder für Deutsche. Leipzig, 1813.
- ⁷ Idem. Geist der Zeit. Altona; London; Berlin, 1814. Bd. 3. S. 430.
- ⁸ Цит. по кн.: Willms B. Idealismus und Nation. Paderborn, 1986. S. 67.
- ⁹ Arndt E. M. Op. cit. S. 101.
- ¹⁰ Об этом см.: Schulze H. Die deutsche Nationalbewegung bis zur Reichseinigung // Die Rolle... S. 90.
- ¹¹ Эти цвета, ставшие тогда в Германии символом свободы и демократии, составляли эмблему союза «Всеобщее германское братство», созданного после окончания антинаполеоновских войн членами добровольческого корпуса барона фон Лютцов (они носили черные мундиры с красными отворотами и золочеными пуговицами). Ныне это цвета государственного флага Федеративной республики Германии.
- ¹² Wehler H. U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1987. Bd. 2. S. 572.
- ¹³ Употребляемый в отечественной историографии перевод этого термина «культурная нация» звучит двусмысленно; лучше описательно перевести его на русский язык как «нация (народ), объединенная общей культурой».
- ¹⁴ Wollstein G. Deutsche Geschichte 1848–49. Stuttgart; Köln, 1986. S. 12–13.
- ¹⁵ Соединенный ландтаг — объединенное собрание, состоявшее из 8 провинциальных сословных ландтагов, существовавших в Пруссии с 1823 г. Первый Соединенный ландтаг, получивший право утверждать новые налоги и займы и обсуждать (но не принимать!) законы, был созван королем Фридрихом-Вильгельмом IV весной 1847 г. в виде уступки прусским либералам. Депутаты отказались вотировать требовавшийся королю заем, и собрание было распущенено. Теперь либералы вновь требовали созвать второй Соединенный ландтаг.
- ¹⁶ Wollstein G. Op. cit. S. 39.
- ¹⁷ Ibid.

- ¹⁸ По решению предпарламента, во «всеобщих», равных, но не прямых выборах должны были участвовать мужчины, имеющие «самостоятельное» положение. В разных германских государствах эту «самостоятельность» толковали по-разному. В некоторых государствах избирательного права были лишены лица, получающие пособие по бедности, поденщики, подмастерья, слуги. Вследствие ограничений, обусловленных этим принципом, в среднем в Германии в выборах приняли участие 80% мужчин. См.: *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866. München, 1983.* S. 109.
- ¹⁹ Подробные сведения о составе Франкфуртского национального собрания (с приложением таблиц) см.: *Siemann W. Die Deutsche Revolution vom 1848/49. Frankfurt am Main, 1985.* S. 126–130.
- ²⁰ Х. У. Велер считает, что название «профессорский парламент» не отражает истинной картины состава Франкфуртского собрания. Точнее было, полагает он, называть его «парламентом чиновников» или же «парламентом юристов». См.: *Wehler H. U. Op. cit. S. 743.*
- ²¹ См.: *Hildebrandt G. Politik und Taktik der Gagern-Liberalen in der Frankfurter Nationalversammlung 1848–1849. Diss. Akad. d. Wissensch. d. DDR. Berlin, 1983.*
- ²² Цит. по кн.: *Bussmann W. Vom Heiligen Römischen Reich deutscher Nation zur Gründung des Deutschen Reiches // Handbuch der Europäischen Geschichte. Stuttgart, 1981. Bd. 5.* S. 498.
- ²³ О работе предпарламента см.: *Wollstein G. Op. cit. S. 56–65.*
- ²⁴ *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte / Hg. E. R. Huber. Bd. 1. Stuttgart, 1978.* S. 334.
- ²⁵ *Wollstein G. Das «Grossdeutschland» der Paulskirche. Nationale Ziele in bürgerlicher Revolution 1848/49. Düsseldorf, 1977.* S. 135–172.
- ²⁶ Цит. по кн.: *Wollstein G. Deutsche Geschichte... S. 219.*
- ²⁷ *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866... S. 630.*
- ²⁸ О дебатах в Национальном собрании по вопросу о Шлезвиге и Гольштейне и о принятых парламентом решениях см.: *Wollstein G. Das «Grossdeutschland»... S. 41–76.*
- ²⁹ *Wollstein G. Deutsche Geschichte... S. 162–163.*
- ³⁰ Этого мнения придерживались отнюдь не только марксисты. Так, например, в 1974 г. журналистка Э. Шольц, выступая в Кёльне по телевидению, говорила, что революция 1848–1849 гг. в Германии потерпела поражение потому, что буржуазия, охваченная страхом в связи с появлением и возвышением пролетариата, не решилась взять на себя историческую роль вождя демократии. В результате, утверждала она, Германии не удалось избежать исторических катастроф — поражения в двух мировых войнах, гитлеризма и нового разделения страны после Второй мировой войны. См.: *Wollstein G. Das «Grossdeutschland»... S. 11.*
- ³¹ *Namier L. 1848 — The Revolution of Intellectuals. London, 1944, 1946, 1964.* Неймиер утверждал, что идея национального государства, ко-

торая в 1848 г. стала страстью отстаиваемым кредо интеллектуалов Центральной и Восточной Европы, в сущности породила здесь войну всех наций против их соседей.

- ³² В 1922 г. «Германская песня» была объявлена гимном Веймарской республики. Когда в 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер, ее соединили с гимном фашистов — песней о Хорсте Весселе — и сделали гимном Третьего рейха. После окончания Второй мировой войны песня была запрещена союзниками — победителями германского фашизма. Но в 1952 г. ее третья строфа, начинающаяся словами «Согласие, правда и свобода», была объявлена гимном ФРГ. Так в судьбе «Германской песни» символически отразилась судьба германской национальной идеи.
- ³³ Об этом см.: Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992. С. 119.
- ³⁴ Об этом см.: Rosenberg H. Grosse Depression und Bismarckzeit. Frankfurt am Main, 1979. S. 55.
- ³⁵ Об этом см.: Böhme H. Probleme der wirtschaftlichen Integration der Deutschen vom frühen 19 Jahrhundert bis 1945 // Die Rolle...; Wehler H.-U. Aus der Geschichte lernen? München, 1988.
- ³⁶ См. об этом: Vierhaus R. Op. cit. S. 146.

III. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИБЕРАЛОВ И ДЕМОКРАТОВ ИТАЛИИ И ЕГО РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1848–1849 гг.

Революционные потрясения на Апеннинском полуострове в 1848–1849 гг. благодаря своему накалу и масштабности явились неотъемлемым компонентом европейской революции, отразив ее существенные черты. Вместе с тем они имели немалую специфику, поскольку явились важным этапом в цепи событий и процессов, которые с конца XVIII в. подготавливали почву для формирования в итальянских государствах сил и движений, способных перевести на практическую основу борьбу за независимость, единство и свободу Италии, — того, что в преддверии революции 1848–1849 гг., но особенно в ходе ее получило название Рисорджименто (Возрождение).

В комплексе предпосылок революционных потрясений в итальянских государствах — экономических, социальных, политических, духовных, международных — существенное значение имели формирование национальной идеи, средоточием которой был вопрос становления национального государства, и процесс развития национального самосознания итальянского социума в том виде, в каком он сложился на исходе Средневековья и под мощным воздействием французской революции XVIII в. и наполеоновских войн, а позднее под бременем испытаний, выпавших на долю Италии в годы Реставрации.

К анализу предпосылок, движущих сил, завоеваний и тяжелых поражений революционного движения в Италии в 1848–1849 гг. неоднократно обращались отечественные историки (В. П. Бондарчук, К. Э. Кирова, М. И. Ковальская, К. Ф. Мизиано, В. Е. Невлер, С. Д. Сказкин, О. В. Серова, В. И. Рутенбург, Е. В. Тарле, Е. С. Токарева и многие другие¹). Что касается итальянской историографии, то вокруг Рисорджименто в целом и роли в нем национального фактора, а также политических процессов во второй половине 40-х гг. XIX в. на протяжении полутора веков не прекращаются острые общественно-политические и исторические дискуссии. В центре их оценка роли института монархии, а также политики папы Пия IX и главы Сардинского королевства (Пьемонта, Савойской монархии) Карла Альберта, либеральных и демократических

течений и их лидеров, проблемы участия народных масс, соотношения реформ и революционных процессов, социальных, национальных и духовных факторов. Серьезное влияние на интерпретацию этих компонентов освободительного и патриотического движения в Италии в преддверии и в ходе революции 1848–1849 гг. оказала и продолжает оказывать смена парадигм общественного развития Италии в Новое и Новейшее время — завершение Рисорджименто и функционирование итальянского государства и общества в последней трети XIX — начале XX в., период фашистского господства и его крах, политические и общественные процессы в Итальянской республике во второй половине XX столетия². Отсюда широкий диапазон концепций Рисорджименто и важной вехи борьбы за независимость и объединение страны — реформ 1846–1848 гг. и революционных событий 1848–1849 гг. Их появлению сопутствовали процесс формирования и преодоления мифов и стереотипов общественного сознания, противоборство «партийных» и исторических школ, оспаривавших монополию на наследие Рисорджименто. В последние десятилетия повышенное внимание исследователей привлекает проблема создания адекватной историческим реалиям комплексной картины становления итальянской нации, государства и общества в контексте политических и социальных битв первой половины XIX в. и общеевропейских процессов.

Как представляется, особая сложность анализа роли и места национального фактора в итальянской революции 1848–1849 гг. обусловлена рядом обстоятельств: недостаточной разработанностью в отечественной историографии итальянской общественной и политической мысли конца XVIII — первой половины XIX в. (что лишь отчасти компенсируется переводом ряда трудов итальянских историков, мыслителей и политических деятелей³); трудностью вычленения истории патриотического движения из общего сплава разнообразных по своей природе и социальной базе движений конца 40-х гг. XIX в. — борьбы за конституционные реформы в 1846 — начале 1848 г., войны за независимость ряда итальянских государств, в особенности Пьемонта, против Австрийской империи, республиканских и патриотических движений 1848–1849 гг., дополнивших эту войну, различных форм социального протеста; необходимостью преодоления идеологических стереотипов в отношении института монархии и его роли в Новое время, роли и места либерализма и демократических течений, в том числе мадзинизма. Дискуссии в Италии последних десятилетий по вопросам итальянской идентичности, социокультурным

аспектам развития итальянского общества в XIX в., об особенностях и трудностях становления итальянской нации, национального самосознания, роли унитаризма и федерализма в судьбах итальянской государственности⁴ заставляют по-новому подойти к пониманию трудностей процесса освобождения Италии и сплочения патриотических сил в борьбе за независимость и свободу. В этом контексте одной из центральных задач исследователя является выяснение вклада в формирование национального самосознания мыслителей и деятелей либеральной и демократической ориентации и их роли в борьбе за независимость и объединение итальянских государств в 1848–1849 гг.

1. Формирование национального самосознания и патриотических сил в итальянских государствах в конце XVIII — первой трети XIX в.

Процесс становления национального сознания и стремления к политическому единению государств и народов Апеннинского полуострова был ускорен в XVIII в. многими факторами — влиянием идей Просвещения, которое обрело в итальянских государствах благоприятную почву благодаря сохранившимся со времен Возрождения традициям гуманистической культуры, определенным оживлением экономики итальянских государств после затяжного кризиса XVII в., опытом реформ в духе просвещенного абсолютизма в ряде итальянских государств, особенно в Тоскане и Неаполитанском королевстве. Становилась все более очевидной пагубность политической раздробленности Италии, превратившейся в XVII–XVIII вв. в арену соперничества и противоборства европейских держав. Итальянские мыслители XVIII в. обратились к исследованию природы взаимоотношений человека, общества и государства, а под воздействием революции во Франции — и роли нации как специфической формы социума. Их внимание уже тогда привлекло, помимо европейской политической мысли, идеиное наследие титанов Возрождения — Данте, Петрарки, Макиавелли, Гвиччардини и других. Универсализм, свойственный европейскому Просвещению, довольно рано, еще до эпохи романтизма, сочетался у итальянских просветителей с

постановкой вопроса о своеобразии Италии и ее роли и месте в цивилизационном процессе.

Немаловажный вклад в разработку проблем нации как формы социума внесли итальянские просветители — Ч. Беккария, К. Филенджьери, П. Верри и другие. Так, страстный поборник просвещения Ч. Беккария в своих трудах, созданных в эпоху реформ «просвещенного абсолютизма», обратился к анализу вопросов соотношения частных и общественных интересов, а также роли государства по отношению к индивиду и обществу. В противовес утилитаристам, поднимавшим на щит интересы индивида, он признавал тесную взаимосвязь между личным и общественным благом, поскольку весомая часть частных интересов реализуется только коллективными усилиями в виде общего интереса. Общая воля провозглашалась «агрегатом частных интересов», государство и его мощь ставились в зависимость от той доли частной свободы, которой пожертвовали его граждане. «Нация, — по определению Беккария, — это множество людей, призванное жить в обществе, чтобы защищать взаимно друг друга от всякой внешней силы и соучаствовать внутри (этой общности. — З. Я.) в создании общего блага, обеспечивая этим благо собственное»⁵. Беккария подвергал острой критике политические режимы своего времени, представлявшие различные разновидности абсолютизма. Он один из первых поставил вопрос о социальном благе как условии привязанности граждан к государству и родине («Наиболее верный способ привязать граждан к родине состоит в увеличении общего блага по отношению к каждому»⁶). Сама же нация им интерпретировалась как совокупность индивидов, общества и государства.

В подобном ключе рассматривал проблемы нации один из последователей Беккария П. Верри. Нация в его представлении являлась синонимом социума, народа, своего рода связующим звеном между гражданином и правительством, как бы судьей между ними. Он осуждал деспотизм, предупреждал о том, что в государстве коррумпированном и извращающем назначение законов «нация неизбежно становится фальшивой, лицемерной, ложной, идущей неверными путями»⁷. Вслед за Ш. Монтескье Верри придавал большое значение материальным и иным факторам, обусловливавшим различия народов, осуждал попытки строить политику государства, руководствуясь абстрактными спекулятивными схемами и не считаясь с реальными условиями. Процветание государства и отдельного гражданина, по убеждению Верри, напрямую связано с наличием гражданских свобод. Это не мешало ему, однако, осуж-

дая деспотизм, возлагать немалые надежды на реформаторскую деятельность монархов, вооруженных силой законов, способных в силу своих властных функций устраниТЬ гнет олигархии и привилегий всякого рода.

Революционные события в Новом свете и во Франции в конце XVIII в. стимулировали возникновение в Италии патриотического и республиканско-якобинского движения. В общественное сознание населения итальянских государств, особенно образованной его части, вторгаются идеи народного суверенитета, свободы и равенства, осознание эффективности, помимо реформ, и революционных средств борьбы против пороков абсолютизма и политической тирании. Конституционные акты Великой французской революции 1789–1799 гг., в особенности провозглашение «единой и неделимой республики во Франции» и принципа народного суверенитета, явились важным импульсом осознания исторической и национальной общности Италии, стремления обрести единую родину для всех итальянцев.

Формирование патриотического движения в итальянских государствах в конце XVIII — начале XIX в. проходило в крайне сложных условиях вторжения на Апеннинский полуостров французских войск, противоборства их с вооруженными силами сменявших одна другую антифранцузских коалиций. Негативно скрывалась и организационная и политическая незрелость оформившихся в этой обстановке либеральных и демократических сил, уязвимость их позиций в заведомо неравной борьбе со сторонниками абсолютизма, обскурантизма, незыблемости феодальных порядков и сословно-иерархической структуры общества. Отсюда неизменно жестокие, кровавые формы противоборства сил реакции и обновления, резкое чередование периодов подъема и спада общественной активности. Налицо было сложное переплетение чрезвычайных методов французских оккупационных властей, конституционно-реформаторской деятельности либеральных кругов, диктаторских устремлений сторонников якобинства, стихийных социальных движений антифеодального характера, основной силой которых являлось крестьянство, в меньшей степени — городская беднота.

Из опасений перед далеко не сломленной реакцией и демократы-якобинцы, и либералы возлагали особые надежды на помощь со стороны Франции, даже тогда, когда в Париже победили имперские, гегемонистские тенденции и соответственно усилился процесс подчинения людских и материальных ресурсов итальянских государств нуждам наполеоновской империи. Произвольное

перекраивание политической карты Апеннинского полуострова по указке Наполеона Бонапарта сыграло далеко не последнюю роль в дискредитации итальянских демократов и либералов в глазах основной массы населения. Этим не преминули воспользоваться сторонники абсолютизма и «санфедисты» (так стали называть поборников возрождения всевластия клерикализма, объявивших своего рода крестовый поход против ниспровергателей тронов и алтарей). Усилиями последних, при прямой поддержке извне со стороны сил европейской реакции, была спровоцирована не одна кровавая оргия, главной жертвой которой оказывались либералы и демократы. Роковую роль в исходе борьбы сыграл глубокий разрыв между традиционалистски настроенными крестьянскими массами и либералами и демократами, которые не только не принимали в расчет социальных чаяний сельских жителей, но и оказывались сплошь и рядом заложниками и проводниками грабительского курса сначала республиканской, а затем имперской Франции.

Без учета опыта и уроков политической борьбы 1789–1815 гг. трудно объяснить не утихавшую вплоть до завершения объединения Италии полемику либеральных и демократических сил вокруг значения для судеб освободительного движения в Италии французского примера и важности итальянской инициативы в борьбе за свободу и единство. Тогда же выяснилось, что постоянным спутником процесса Рисорджименто, отнюдь не прямолинейно поступательного движения по пути борьбы за независимость, свободу и единство Италии, выступает Антирисорджименто — целые периоды (порой тянувшиеся десятилетиями) торжества реакции, движений вспять, заставлявших либеральные и демократические круги каждый раз начинать как бы с нуля, пробивая стену молчания, преодолевая издержки дискредитации в глазах общественности и широких слоев населения идеалов патриотизма, свободы, независимости, единства.

Исторический опыт последних десятилетий XVIII — начала XIX в. стимулировал постановку сохранявшей свою актуальность на протяжении всего XIX в. проблемы, отношение к которой стало надолго главным водоразделом либеральных и демократических течений в итальянских государствах: о роли народных масс и преимуществах революционных и реформаторских методов обновления государственных институтов и социального строя.

Уже мыслители и деятели бурной эпохи революций и войн на европейском континенте в конце XVIII — начале XIX в. утверждались в мысли о нестабильности политического режима, если

действия его творцов — государей, завоевателей и реформаторов — идут вразрез с настроениями народа. Вместе с тем страстно дебатировались методы обеспечения благосостояния и равенства людей и народов, неоднозначные последствия вовлечения широких масс — плебса — в политическую борьбу, условия победоносных и плодотворных революций.

Наиболее интересны в этом отношении рассуждения В. Куоко о «совершенной революции», сложившиеся под явным впечатлением и критическим переосмыслением трагического финала опыта функционирования итальянских республик на французских штыках и в особенности разгрома неаполитанской революции 1799 г. Он увидел беду руководителей движения в том, что, слепо следя по пути подражания французским революционерам, они ставили перед собой явно невыполнимые в итальянских условиях цели. Между тем, замечал он, революция бывает успешной, если ее идеи идут из толщи народа, а сама она способна удовлетворить народные чаяния. «В этом состоит весь секрет революции: знать то, чего весь народ хочет, и делать это; тогда он за ней последует»⁸. Важнейшей задачей новых поколений борцов Куоко уже в начале XIX в. признал необходимость борьбы за независимость страны, а чувство патриотизма оценил как важную гражданскую добродетель. Четкость сформулированных им максим, вошедших в культурно-политический арсенал патриотических сил Италии, не устранила, однако, для поборников дела свободы и независимости Италии проблемы поиска оптимальных средств их реализации и обеспечения процессу объединения страны подлинно народной базы.

Серьезным ударом для передовых общественных кругов итальянских государств явилась победа в 1814–1815 гг. Реставрации. Она надолго затруднила решение итальянской проблемы, контуры которой начали определяться в конце XVIII — начале XIX в. К тому же режим Реставрации в итальянских государствах, при несомненном сходстве его с Реставрацией общеевропейской, отличался в худшую сторону, так как отбрасывал политические порядки и духовную жизнь страны к временам средневековья. Творцы «венской системы», и прежде всего всесильный австрийский канцлер К. Меттерних, были не способны принять во внимание «великие духовные и политические движения своего времени»⁹. В своем стремлении похоронить опасные идеи, порожденные Великой французской революцией, и устранить последствия наполеоновских завоеваний организаторы Венского конгресса и Священного союза провозгласили союз «трона и алтаря»

ря», декларировали свою приверженность принципам легитимизма и социального консерватизма, европейскому порядку, обеспеченному безоговорочной гегемонией великих держав. Избавление от французского засилья было достигнуто на Апеннинском полуострове дорогой ценой: восстановлением политической раздробленности и утверждением абсолютных монархий, отказом от каких-либо конституционных новаций, реставрацией светской власти папы в Римской (Папской) области и духовной монополии церкви, засильем иезуитского ордена во всех итальянских государствах. В состав Австрийской империи были включены два наиболее развитых в экономическом и социальном отношении региона Северной Италии — Ломбардия и Венецианская область; в Центральной Италии — в Тоскане, Парме, Модене, Лукке — утвердились родственные Габсбургам династии.

К тому же Меттерниху, выразителю имперских интересов монархии Габсбургов, удалось убедить своих партнеров по Священному союзу в опасности для европейского равновесия и порядка самой идеи создания единого итальянского государства и вынудить их согласиться с признанием за Австрийской империей роли хранителя статус-кво на Апеннинском полуострове. Более того, Меттерних с первых дней Реставрации вплоть до похоронившей его политическую карьеру революции 1848 г. считал абсурдной и гибельной для судеб самой Италии перспективу объединения итальянских государств и введения в них конституционных порядков, а тем более революционных потрясений.

В письме австрийскому послу в Париже 6 марта 1822 г. канцлер так обосновывал свой взгляд на итальянскую проблему: «Революция (речь шла о революции во Франции и откликах на нее в итальянских государствах. — З. Я.) ...не смогла ни изменить человеческую природу, ни создать амальгаму народов различного происхождения, ни заставить их изменить свои наклонности, обычай, характер. После восемнадцати лет старый порядок вещей был восстановлен... Из этого я делаю вывод, что нельзя изменить национальный характер народа ни разом с помощью силы, ни даже за полвека, а поскольку в Италии народы весьма несходны между собой и каждый из них стремится к старинным законам, нравам, обычаям, нет ничего абсурднее, чем желать амальгамировать их, уравнять и дать им одни и те же законы и установления». И далее он развивал мысль о пагубности для итальянских и европейских государств и особенно самой Австрийской империи конституционных перемен и утверждения республиканского строя из-за неизбежных вследст-

вие этого «страшных потерь», а в итоге — глубоких противоречий между столь несхожими частями, из которых составилось бы итальянское государство¹⁰.

Руководствуясь этим подходом, австрийские властители вплоть до объединения Италии настойчиво отстаивали монополию империи на решение всех вопросов, касавшихся итальянских государств и положения на полуострове в целом. Уже в 1820 г., в связи с разразившейся в Неаполитанском королевстве и Пьемонте карбонарской революцией, К. Меттерних поспешил напомнить в официальных документах, адресованных европейским правителям, что решения Венского конгресса по отношению к итальянским государствам, подкрепленные поддержкой всех европейских держав, обусловили призвание монархии и императора быть естественным гарантом и защитником общественного спокойствия в Италии. И в 1820–1821 гг. и в 1831 г. Австрийская империя выполняла роль жандарма, расправлявшегося, с согласия или при нейтралитете других европейских держав, с революционными и национально-освободительными движениями на Апеннинском полуострове. Она несла немалую ответственность за сохранение в итальянских государствах удушающей атмосферы клерикального мракобесия, цензурных ограничений, полицейских преследований и жестоких репрессий по отношению к патриотическим и свободолюбивым организациям, что вынуждало последних прибегать к строго конспиративной и заговорщической тактике¹¹.

Венские власти, опираясь на свое господство в стратегически важных регионах Северной и Северо-Восточной Италии, широко использовали различные формы политического диктата по отношению к итальянским государствам, навязывали им неравноправные военно-политические и экономические соглашения, не чурались в экстренных ситуациях и различных форм военного вмешательства и вооруженной интервенции. Что касается Ломбардии и Венецианской области, этих богатейших провинций Австрийской империи, то на них распространялись типичные для монархии Габсбургов методы правления. В Ломбардо-Венецианском королевстве, конституированном в рамках империи после Венского конгресса, дислоцировалась почти стотысячная армия под руководством фельдмаршала Й. Радецкого. Там был создан жестко централизованный бюрократический аппарат, подчиненный двум генерал-губернаторам и вице-королю (королем считался сам император, короновавшийся старинной короной лангобардских королей). Созданные в обеих провинциях по ти-

пу аналогичных учреждений в других частях империи, представительные органы с участием именитых и богатых граждан из числа местных жителей надеялись лишь совещательными функциями.

Естественно, что в этих условиях решение итальянского вопроса на путях объединения страны и достижения независимости предполагало покушение на основополагающие принципы «венской системы». Речь шла не только о преодолении сопротивления абсолютистских и клерикальных режимов во всех итальянских государствах, освященных решениями Венского конгресса, не только о прямом вызове духовной монополии папства и его претензиям на политическую гегемонию в Италии, но и о сокрушении позиций империи Габсбургов на Апеннинском полуострове, что неминуемо должно было расшатать систему европейского равновесия.

Новые аспекты итальянской проблемы были осознаны патриотически настроенными либеральными и демократическими кругами далеко не сразу. В 20–30-х гг. вплоть до разгрома в 1831 г. новых революционных выступлений (на этот раз арендой их стали Моденское и Пармское герцогства и Папская область) в качестве главной оппозиционной силы, противостоявшей итальянским политическим режимам и «венской системе», выступало карбонарское движение. В рамках его действовали сообща либералы и демократы, объединенные общим стремлением к конституционным порядкам, неприятием режима реакции, приверженностью конспиративно-заговорщической тактике на подготовительном этапе и ставкой на вооруженные выступления (с опорой на армию) в подходящий для этого момент. Как свидетельствует данный отечественными и итальянскими историками анализ программных документов различных карбонарских организаций и политической истории революционных движений 1820–1821 и 1831 гг., общей чертой их был ярко выраженный антитиранический характер, борьба за права граждан, принципы справедливости и конституционные порядки. Главным предметом дискуссий между либеральными и радикально-демократическими течениями карбонаризма уже тогда стал вопрос о выборе формы конституционного режима — конституционной монархии или республики. Что касается антиавстрийской направленности движения, то она была, как правило, более ярко выражена в Северной Италии, отчасти — в центральной части страны и несравненно менее — в Неаполитанском королевстве, получившем после Венского конгресса название Королевства обеих Сицилий.

Революции 1820–1821 и 1831 гг. носили локальный характер, что облегчило их подавление силами австрийских интервентов и оставшихся верными монархическим режимам правительственные войск. Лозунги национальной независимости и единства представляли скорее исключение, чем правило; выявились очаги сепаратизма, прежде всего на юге Италии — в Сицилии; Ломбардия, Венецианская область, Тоскана и в 1820–1821 и в 1831 гг. не пережили революционных потрясений. Только ввиду сохранявшейся угрозы австрийской интервенции и особенно под сильным впечатлением жесточайших репрессий, последовавших за разгромом движений 1820–1821 и 1831 гг., тема национальной независимости и единства Италии стала занимать центральное место в общественно-политических дискуссиях 30–40-х гг., и тогда же произошло размежевание в патриотическом лагере между либералами и демократами.

2. Демократические и либеральные программы решения «итальянского вопроса» в 30–40-х гг. XIX в.

Засилье реакции в 30–40-х гг. не устранило острых общественно-политических дискуссий в итальянских государствах и новых взрывов освободительного движения, проложивших путь к реформам. Средоточием общественно-политической жизни были культурные центры, имевшие нередко многовековую историю, — университеты, редакции периодических изданий, умудрявшихся, несмотря на цензурные препоны и ограничения, участвовать в общеевропейских дискуссиях о перспективах общественного прогресса, о взаимоотношениях государства—общества—гражданина, о путях решения национальных, социальных и политических проблем. Немаловажную роль в формировании национальной идеологии и культуры Рисорджименто сыграли печатные издания «Политехнико» («Политехнический журнал»), «Кончильяторе» («Примиритель»), «Ривиста эуропеа» («Европейское обозрение»), выходившие в Ломбардии, издававшаяся во Флоренции «Антологиа» («Антология»), а также конгрессы ученых, собиравшиеся в крупных университетских центрах итальянских государств. Всего за 30–40-е гг. XIX в. состоялось девять таких конгрессов. Поскольку открытые политические дискуссии находились под запретом, злободневные проблемы, касавшиеся судеб Италии, облекались в форму обсуждения вопросов науки, культуры, социально-экономического положения в итальянских и европейских государствах, политических событий в Европе и мире.

Особенностью общественно-культурной ситуации в итальянских государствах было сохранение приверженности тематике, поднятой еще в XVIII в. идеологами Просвещения, в сочетании с восприятием прогрессивными кругами политической и интеллектуальной элиты новой проблематики, поставленной либеральными и демократическими мыслителями Европы в эпоху романтизма и прогрессировавшего в 20–40-х гг. индустриального переворота.

Рождавшееся в муках новое поколение либеральных и демократических деятелей, несмотря на неразвитость капиталистических отношений, засилье реакционной идеологии и традионалистской культуры основной массы населения, в плотную подошло к постижению национальных, социальных, политических и духовных проблем итальянского общества в контексте общеевропейских и мировых процессов. Плеяда выдающихся деятелей культуры, политических мыслителей и борцов эпохи Рисорджименто

менто, действовавших на родине либо в эмиграции (В. Джоберти, М. Д'Адзелио, К. Каттанео, К. Б. Кавур, Д. Мадзини, Т. Мамиани, Д. Манин, Д. Монтанелли, Д. Феррари и другие), внесла серьезный вклад в решение непростой задачи сочетания универсалистских и рационалистических концепций и идеалов Просвещения — свободы, равенства, прав человека и гражданина — со складывавшейся по мере формирования национального самосознания программой действий во имя независимости и единства Италии и общегородской государственности.

Особую роль в этом сыграл Д. Мадзини — выдающийся политический мыслитель, неутомимо боровшийся за дело независимости и объединения Италии. Он первым после поражения и упадка карбонарского движения принял эстафету освободительной борьбы в Италии, ратуя за национальную общенародную революцию. Система взглядов Мадзини, эволюция его взглядов на итальянское общество и государство, на национальные проблемы Италии и Европы, а также оценка роли мадзинизма в истории Рисорджименто привлекают вот уже полтора столетия внимание исследователей и порождают до сих пор немало дискуссий и противоречивых суждений¹.

Испытав в молодые годы сильное влияние карбонаризма и либеральных взглядов, распространенных в ряде европейских стран в эпоху Реставрации, Мадзини рано осознал необходимость для Италии влиться в семью европейских народов. Уже в ранних работах, опубликованных в журнале «Антологиа» и получивших широкий резонанс в передовых кругах итальянских государств, он отдал дань европеизму, подчеркивая приверженность европейских государств общим для всех них потребностям и перспективам развития.

Однако в 30—40-х гг. Мадзини дополнил идею европейского универсализма обоснованием едва ли не центрального места на-

¹ Трудность объективного анализа сильных и слабых сторон многогранной деятельности страстного борца за возрождение Италии и независимость угнетенных национальностей в Европе во многом была обусловлена противостоянием мадзинизма и марксизма и критикой в адрес Мадзини за неприятие им классового подхода к общественным процессам и явлениям. К тому же с апологией Мадзини и мадзинизма в XX в. выступали идеологи национализма и фашизма в Италии. Критически-скептическое отношение к Мадзини было обусловлено также присущими Мадзини и его последователям мистическими мессианистскими мотивами его учения, а также далеко идущими проектами изменения политической карты Центральной и Юго-Восточной Европы, не всегда учитывавшими исторические, этнонациональные и государственные факторы.

ционального вопроса как в Европе, так и особенно в Италии, способствуя утверждению «принципа национальности» в политической культуре Италии и Европы¹². Критически пересмотрев идеинные установки карбонариев и опыт проходивших под их знаменами революционных движений в Италии, Франции и Испании, Мадзини стал склоняться к обоснованию роли наций как промежуточного звена между Человечеством и Индивидом. Уже в программных документах созданной им в 1831 г. конспиративной организации «Молодая Италия» он в форме катехизиса изложил триаду важнейших политических задач Италии — единства родины, независимости и свободы, получавших все более широкий отклик в различных слоях итальянского общества. «Не существует подлинной Нации без единства, — утверждал он, — не существует стабильного единства без независимости: деспоты, дабы уменьшить силу народов, постоянно стремятся расчленить их. Не существует независимости без свободы,... без свободы не существуют интересы, которые способны подвигнуть народы на жертвы»¹³.

Нация рассматривалась Мадзини как своего рода центр мироздания, точка отсчета при определении меры прогресса, сути общественных и индивидуальных интересов, а также роли политических, социальных и духовных факторов. Выделяя в истории чередование трех циклов — деспотического, индивидуального и органического, он полагал, что Италия, как и другие народы, только при вступлении в органическую fazu окажется в состоянии преодолеть тяготы деспотизма и пороки индивидуализма. Условием такого перехода должно стать участие широких народных масс, прежде всего молодежи, проникшихся духом жертвенности и верности высоким моральным принципам, в революционной борьбе за единую демократическую республику на основе разработанной Мадзини этико-религиозной концепции революции¹⁴.

В воззрениях Мадзини причудливым образом соединялись имевшие хождение в Европе в эпоху Реставрации политические и социальные доктрины либеральной, демократической и социалистической ориентации. Через глубоко воспринятые им идеи гуманизма, прогресса, свободы и солидаризма, через осознание национальных интересов и будущего Италии Мадзини расценивал проблему национального единства и формирования итальянской государственности как условие выполнения итальянской нацией предначертанной ей функции — складывания солидарности граждан единого итальянского государства и воспитания их

гражданских качеств, превращения в оплот борьбы за свободу в Европе. Оптимальным политическим режимом для такой нации Мадзини считал демократическую республику, привнося морально-этические и национальные соображения и ценности в рационалистические установки XVIII — первой трети XIX в. Во многих статьях и программных документах «Молодой Италии» он не уставал напоминать соотечественникам и европейской общественности о тяготах Италии времен Реставрации, в особенностях о духовных оковах, в которых государи, церковь и поддерживавшая их Австрийская империя держали итальянское общество: «Тирании возвели непроходимую стену вдоль ее (Италии. — З. Я.) границ. Тройная армия шпионов, таможенников, сборщиков налогов бдит днем и ночью, чтобы помешать циркуляции мысли. Образование находится под запретом. Университеты влачат рабское существование и являются закрытыми учреждениями. Смертные приговоры грозят тем, кто не то чтобы секретно перепечатывает, но просто имеет и читает запрещенные книги. Запрещен ввоз независимых и иностранных журналов. Интеллект умирает в младенческом состоянии из-за отсутствия духовной пищи»¹⁵.

Именно поэтому, полагал Мадзини, для Италии пока был закрыт путь мирного прогресса, в отличие от тех стран, где уже была завоевана свобода печати, образования, ассоциаций и другие инструменты эволюции без кризисов и конвульсий. Италии же, чтобы выйти из тупика, предстояло осуществить национальную и социальную революцию и сокрушить с ее помощью препятствия на пути прогресса, прежде всего сбросить австрийское господство и духовный гнет папства. Революционные формы деятельности — повстанческие выступления, партизанские действия и народная война — должны были, по убеждению Мадзини, проложить дорогу к следующему этапу преобразований — созыву общепротестантского национального собрания с целью оформления единого государства, а также к осуществлению кардинальных реформ — налоговой, административной, судебной и др. Но главное, борьба за независимость, единство и свободу была призвана пробудить от сна и апатии народные массы, ибо подлинная революция свершается с народом и для народа.

Мучительно переосмысливая причины неудач сторонников прогресса Италии в конце XVIII — 30-х гг. XIX в., Мадзини пришел к выводу о различиях в формировании гражданских чувств, в особенностях патриотизма, у образованной части населения итальянских государств и социальных низов. Первая вырабатывает

эти чувства во многом благодаря изучению культуры и истории собственной страны, опыта других стран, посредством анализа современных процессов в Европе и мире, а также собственных размышлений и переживаний. Несравненно труднее воспитать чувства гражданственности и патриотизма у простолюдинов, невежественных, угнетенных, глубоко несчастных. Отсюда страстный призыв Мадзини к своим единомышленникам развернуть широкую пропагандистскую работу (дело далеко не простое в условиях полицейского сыска, диктата священников, неграмотности и забитости большей части населения) и увлечь социальные низы силой «жертвенного примера». Отсюда проистекает его убежденность, что только героизм подвижников дела свободы и независимости способен изменить духовную атмосферу в стране.

Этим во многом объяснялась одержимость, с которой Мадзини тратил свой незаурядный организаторский и полемический талант на руководство конспиративной деятельностью «Молодой Италии», на распространение патриотической литературы в итальянских государствах, на подготовку вооруженных выступлений в различных частях Италии, заканчивавшихся в 30–40-х гг., а затем, после революций 1848–1849 гг., в 50-х гг., жестокими неудачами. Не без оснований современник и участник борьбы за независимость и единство Италии либерал М. Мингетти позднее, характеризуя этот период истории страны, говорил о заколдованным круге заговоров и репрессий, казавшемся ему бесплодным¹⁶. По-иному оценивал вклад Мадзини в преддверии революционной бури 1848–1849 гг. А. И. Герцен. Он ставил в заслугу Мадзини то, что тот глубоко верил в будущее Италии и начал «работать темной ночью для рассвета». С именем Мадзини были, по его словам, тесно связаны «благородные попытки, безумные до величия, самоотверженные до безумия, кончавшиеся страшными казнями», которые, однако, свидетельствовали о том, что народ этот «не умер, а спит»¹⁷.

При всем мистицизме и усложненности выстроенной теоретиком мадзинизма общественно-политической системы и при уязвимости отстаиваемой им конспиративно-заговорщической тактики в годы реакции политическая и публицистическая деятельность Мадзини и его единомышленников в 30–40-х гг. решала ряд существенно важных для судеб национально-освободительного и социального движения в Италии задач. Она способствовала распространению патриотических и демократических идей среди определенных слоев учащейся молодежи, врачей, адвокатов и других представителей интеллигенции, ремесленников,

торговцев, городской бедноты, тех, кто позднее принял активное участие в революционных событиях 1848–1849 гг. Ориентация Мадзини на конкретные практические действия и его вера в то, что Италия способна освободить сама себя и показать пример другим угнетенным народам Европы, дали импульс появлению в эмиграции и итальянских государствах широкого спектра республиканско-демократических течений, действовавших независимо от Мадзини и даже в определенной степени конфронтационно по отношению к его воззрениям, но солидарных с ним в неотложности решения задач борьбы за независимость и кардинальное обновление социальных и политических порядков на Апеннинском полуострове. Демократические настроения и течения получили к концу 40-х гг. XIX в. определенное распространение в городских центрах — Милане, Генуе, Ливорно, Венеции, Флоренции, Риме, а на юге Италии — в Неаполе и Палермо (Сицилия).

Деятельность Мадзини и созданных под его воздействием тайных патриотических и республиканских организаций в Италии стимулировала интерес европейской общественности к «итальянскому вопросу» и формирование критического отношения к «венской системе». Не прошли бесследно и широкие международные контакты «апостола итальянской свободы» с демократами Парижа, Лондона и других европейских городов, куда забрасывала изгнанника и борца судьба, а также его многочисленные выступления по национальным проблемам Италии и Европы в известных прогрессивных изданиях. Национальная программа действий Мадзини была лишена националистического привкуса. Нельзя не учитывать, что для него независимость и свобода Италии были связаны с утверждением в Европе «принципа национальностей» и с крушением «венской системы» — «союза государей», обрекавшего «старую Европу» на медленную агонию¹⁸.

Он выражал надежду, что борьба угнетенных народов, особенно Италии, Германии, Польши и других стран, за независимость и свободу станет важным фактором превращения Европы в ассоциацию свободных и равных народов, где основой общественного права будет принцип улучшения положения всех посредством их же деятельного участия. Мадзини еще до начала итальянской революции 1848–1849 гг. призывал возродить великие лозунги 1789 г. — свободы, равенства и братства — и последовать героизму и энергии предыдущих поколений борцов в обретении свободы, не дающейся народам без их напряженных усилий¹⁹.

Революционное нетерпение Д. Мадзини и других республиканских и демократических идеологов являлось вызовом не только итальянским консервативным силам, смирившимся с австрийским диктатом, погрязшим в партикуляризме, дворцовых интригах, глубоко враждебным обновительным процессам, развертывавшимся в Европе, и сохранившим приверженность курсу «союза трона и алтаря», но и итальянскому либерализму. После неудач 1820–1821 и 1831 гг. он пережил полосу кризиса и апатии, из которого не без труда стал выходить лишь в 40-х гг. Одни из активных участников политической борьбы, испытав горечь поражений, удалились в изгнание. Определенная часть исповедовавших либеральные воззрения представителей дворянской знати, буржуа, интеллектуалов была вынуждена приспособливаться к политическим реалиям, ограничиваясь административной карьерой и лояльным сотрудничеством с монархами либо интеллектуальной, просветительской и хозяйственной деятельностью в надежде, что она даст свои плоды в будущем.

Небезынтересен для понимания процессов 30–40-х гг. в либеральной среде пример интеллектуального мужания в условиях реакции будущего лидера итальянского либерализма и творца единого итальянского государства графа К. Б. Кавура, представление о котором дают его дневники и переписка 30–40-х гг. XIX в. Выходец из знатного и весьма состоятельного пьемонтского рода, он, будучи молодым человеком (родился в 1810 г.), много путешествовал, встречался с видными европейскими интеллектуалами, политиками, государственными деятелями. Кавур знакомился с различными сторонами общественной жизни Англии, Франции, Швейцарии, Австрийской империи, особенно с работой парламентов, с судебной и пенитенциарной системой и учреждениями, постановкой образования. Критическое отношение к деспотизму и абсолютизму далеко не сразу воплотилось у него в конкретные действия, поскольку он не видел реальных условий для курса реформ ни в родном Пьемонте, ни в других итальянских государствах²⁰. Крайне сдержанное отношение к активности масс «более эмоциональных, нежели разумных»²¹, не мешало ему признавать важность социального вопроса и поиска эффективных путей его решения. Позднее это укрепило его в убеждении о преимуществах политики «золотой середины» и английского конституционализма²². Небезынтересны его размышления о взаимосвязи политических институтов и общественного строя, о диалектике общего и особенного в развитии государств и народов. Для непредвзятого суждения о качествах двух народов,

замечал он под впечатлением дискуссии о нравах в США, «надо сравнить последовательно сначала достоинства фундаментальных принципов их социального устройства, а затем осложняющие их последствия и несообразности, из этого вытекающие»²³. Чуждый быстро распространявшимся в итальянских государствах антиавстрийским настроениям, Кавур отмечал достоинства административной системы Австрийской империи и полезность заимствования ряда черт этой системы для Савойской монархии²⁴.

Воззрения К. Кавура с характерным для него в 30–40-х гг. предпочтением тематики конституционализма, социального и экономического прогресса не были исключением, свидетельствуя об определенном запоздании итальянского либерализма, по сравнению с мадзинизмом, в осознании важности и неотложности решения задачи независимости и объединения Италии. Заметная активизация и перелом в позиции либерально настроенных кругов произошли в 40-х гг., когда в полной мере выявились опасные масштабы отставания Италии от передовых европейских национальных государств, сочетавших успехи индустриализации и модернизации с преимуществами конституционных порядков и социальными реформами. Именно в 40-х гг. XIX в. усилиями либералов была развернута широкая общественно-политическая кампания за сотрудничество — экономическое, научно-техническое, культурное — между итальянскими государствами, за развитие средств сообщения и снятие таможенных барьеров, за ослабление духовной монополии ордена иезуитов в области образования и других сферах, за кардинальные реформы системы управления²⁵.

Немалое значение в оформлении политической платформы либералов — «сумеренных», как их стали называть с 40-х гг. в противовес радикально-демократическим течениям, — имел выход в свет книги В. Джоберти «О духовном и гражданском первенстве итальянцев» (1843 г.), ставшей боевым знаменем либерализма светского и начавшего с этого времени складываться либерализма католического. Профессиональный теолог и вместе с тем изучавший вполне светскую проблематику философ, приверженец универсалистского подхода к миру и общественным явлениям и одновременно страстный патриот, В. Джоберти выразил в своем труде убежденность в способности Италии и итальянцев, в полном соответствии со славными многовековыми традициями, возродиться и внести ценный вклад в развитие цивилизации. Он призывал подчинить великому делу объединения страны — Воз-

рождению — «все помыслы граждан, принадлежащих к образованным, деятельным и могущественным сословиям, и устраниТЬ все то, что могло помешать их согласию»²⁶. В отличие от Мадзини, призывающего решать одновременно национальные, социальные и политические проблемы, Джоберти предлагал поставить на первое место задачу достижения национальной независимости и единства, а потом уже — свободы. В противовес революционному республиканско-демократическому кредо Мадзини и других радикалов Джоберти возлагал надежды на итальянских монархов, особенно на короля Пьемонта и папу как светского властителя в Папской области и вместе с тем духовного главу католического мира. Джоберти считал необходимым сделать католическую религию «национальным знаменем» освободительной борьбы, что дает основания считать его идеологом «неогельфизма» в итальянском Рисорджименто. Но для того, чтобы папство и церковь выполнили свое предназначение, по убеждению Джоберти, следовало восстановить единство церкви и народа, а папе и всему духовенству — быть способными к открытому диалогу с либеральными и национальными силами, признать необходимость обновления церкви и примириться с прогрессом и свободой. Хотя Джоберти избегал в своей книге конкретных политических рекомендаций, он полагал, что успех дела возрождения Италии могут обеспечить не революционные потрясения и не преждевременная, по его мнению, борьба за единую Италию, но более реальные меры. К таковым он относил утверждение гражданских свобод, укрупнение итальянских государств, особенно в Центральной Италии, и упрочение связей между ними, а также изгнание «ненавистного австрийца»²⁷.

Выход книги Джоберти стал крупным общественным явлением, существенно повлияв на политическую атмосферу в итальянских государствах. Несмотря на цензурные запреты и преследования книготорговцев, занимавшихся с риском для себя распространением издания, которое церковь объявила крамольным, его читали представители придворной знати, высшей бюрократии, деловых кругов, священнослужители и студенчество. По свидетельству современников, с трудом Джоберти познакомились Карл Альберт и избранный в 1846 г. новым папой Пий IX²⁸. Большинству читателей — убежденных католиков импонировали религиозные воззрения автора, идея привлечения папства и церкви к делу независимости Италии. Благожелательно было воспринято и присущее Джоберти предпочтение реформ и постепенных преобразований в противовес революциям, войнам и социальным

потрясениям²⁹. С огромным интересом были встречены и последующие работы Джоберти, изданные за рубежом в 1846–1848 гг., в особенности «Современный иезуит» в пяти томах. Под их влиянием в итальянских государствах при активном участии либералов развернулась борьба против засилья иезуитов в университетах и общественной жизни.

Вслед за Джоберти, давшим мощный импульс становлению национального самосознания либеральных кругов и католических масс, тему независимости и перспектив единства Италии подхватили видные публицисты либеральной ориентации, настроенные крайне оппозиционно к мадзинистской концепции национальной и народной революции, — Ч. Бальбо, М. Д'Адзелио, Д. Дурандо и другие. При всем разнообразии проектов урегулирования «итальянского вопроса» (предложения компенсировать отказ Австрийской империи от итальянских владений предоставлением ей возможности экспансии на Балканах, проекты ликвидации светской власти папы или хотя бы реформ в Папской области, планы объединения под главенством Пьемонта Центральной Италии и иные), все они упирали на политическую умеренность, «упорядоченное и разумное улучшение», доказывая, что меры по решению итальянской проблемы получат тем более массовую поддержку, чем более ограниченный круг интересов будут затрагивать³⁰. Именно в работе Дурандо было сформулировано вoshедшее с тех пор в политический обиход понятие «умеренных» как сторонников просвещенного и «консервативного» реформизма. Для «умеренных», писал Дурандо, «прогресс и инновации являются условием *sine qua non* современных обществ», а политические преобразования должны реализовываться в законных рамках и с помощью законов, не выплескиваясь на улицу. «„Умеренные“ хотят преемственности между прошлым и настоящим, полагают, что активными силами, способствующими развитию социальной гармонии, являются трон, церковь, патрициат в сочетании с представительными учреждениями, прогрессом печати, политическим и гражданским равенством»³¹. Именно в контексте такой умеренной политической программы, в противовес концепции народной революции и народной инициативы Д. Мадзини, либеральные круги итальянских государств в конце 40-х гг. от «малых дел» и воздержания от политической деятельности перешли к активному участию в последней, тем более что с 1846 г. для этого создались благоприятные условия.

3. Становление конституционных режимов и подъем патриотического движения в итальянских государствах (1846 — начало 1848 г.)

В 1846 г. скончался папа Григорий XVI, с именем которого были связаны едва ли не самые черные страницы в истории Папской области и всей Италии в период Реставрации. Сразу после своего избрания конclaveм кардиналов новый папа Пий IX выразил намерение приступить к реформам, столь долго и тщетно ожидавшимся итальянской и европейской общественностью. Одним из первых шагов по пути реформ стали создание специальной комиссии, призванной подготовить административные преобразования, и дарование — по рекомендации комиссии — политической амнистии.

Если принять во внимание, что к этому времени в тюрьмах Папского государства томились 13 тыс. политических заключенных, а 19 тыс. граждан этого небольшого государства находились в изгнании, то станет понятным взрыв энтузиазма, с которым июльский эдикт Пия IX об амнистии был принят не только в Риме и Папской области, но и в других итальянских государствах и в Европе. Престиж папы-«либерала», хотя в действительности он был далек от либеральных взглядов, был тем выше, чем более упорствовали в приверженности абсолютизму другие монархи — король Сардинского королевства Карл Альберт, глава Королевства обеих Сицилий Фердинанд II Бурбон, великий герцог Тосканы Леопольд II, владельцы герцогств в Центральной Италии — Пармы, Модены, Лукки. Преобразования в Папской области, как бы они ни были умеренны на начальном этапе, дали мощный импульс движению за гражданские свободы и конституционные преобразования в итальянских государствах, продолжавшемуся вплоть до весны 1848 г., когда они переросли в революционное и патриотическое движение с ярко выраженной антиавстрийской направленностью³².

Повсеместно в ходе массовых манифестаций, шествий, собраний, вовлекавших в свою орбиту все более широкие слои населения, главным образом городского, прославлялся папа-реформатор, выдвигались требования свободы печати, собраний, создания гражданской гвардии, устранения от власти реакционных деятелей, запрета деятельности иезуитских конгрегаций, проведения административных, политических и социальных преобразований, призванных устраниć устои абсолютизма. Под напором

народных выступлений рушились цензурные препоны и искусственные барьеры, возведенные между итальянскими государствами, а также между ними и европейскими государствами. Сначала Папская область, а затем и вся Италия зачитывалась учреждавшимися явочным порядком оппозиционными периодическими изданиями; в тысячах экземплярах распространялись издававшиеся либо за рубежом, либо подпольно в самой Италии прокламации и «подрывные» книги и брошюры. Несмотря на вмешательство жандармерии и правительственные войск, повсюду проходили массовые читки и обсуждения наиболее актуальных материалов прессы, памфлетов, брошюр. Это был важный путь приобщения к политической культуре необразованной части граждан, формирования будущих народных трибунов и политических лидеров. Для широких масс становились близкими понятия Италии, патриотизма, Рисорджименто, хотя чисто национальные лозунги первоначально не получили широкого распространения.

Становление общественного мнения превращалось в весомый фактор борьбы за перемены в итальянских государствах. Помимо прежних властных структур (monархов и их приближенных, административного аппарата, церкви, полиции, войск) на политической арене все более открыто подвизались различные общественные течения — «умеренные» и «экзальтированные» (то есть более радикальные) либералы, демократы, федералисты, поборники «неогвельфизма», уповавшие на способность Пия IX стимулировать решение объективно назревшей задачи независимости и объединения страны, сторонники Сардинской монархии, усматривавшие в ней важный фактор в борьбе против австрийского засилья. Все они брали на себя нелегкую миссию быть выразителем народных чаяний и все чаще апеллировали к понятию народа, общегенитальянских интересов. «Слово „народ“ было у всех на устах, во всех изданиях с различной интерпретацией и определением: народ и нация, народ и республика, народ и демократия, народ и папа, народ и монархия и даже народ и социализм»³³.

Сам же народ в преддверии революций 1848–1849 гг. представлял довольно сложное образование, состоявшее из различных социальных типов (ситуация, характерная для переходных от традиционализма к индустриализму социумов). Наряду с рабочими, ремесленниками, многочисленными мелкими собственниками (лавочниками, домовладельцами, содержателями гостиниц, постоянных дворов, служилым и чиновным людом), лицами, находившимися в услужении или занятymi поденной работой, в городах сосредоточивалось немало людей социального

дна, выброшенных за рамки нормального существования. В сельских местностях помимо крестьян-собственников земли и арендаторов значительную часть населения составляли полу-пролетарские массы использующих, батраков; из-за неурожая 1846–1847 гг. резко возросло число нищих, бродяг. Сложная социальная структура итальянского общества, наряду с большим удельным весом неграмотных и традиционно сильным влиянием духовенства, крупных землевладельцев, объективно являлась немаловажным препятствием для организации и гражданского и патриотического воспитания масс. Как выявилось позднее в ходе военных кампаний и политических битв 1848–1849 гг., их основу составляла активная часть городского населения, из среды которой вышло немало самоотверженных борцов за свободу. Значительная часть сельского населения колебалась между бунтарством и стихийными социальными выступлениями и рабским повиновением сильным мира сего, хотя не оставалась в стороне от патриотического антиавстрийского движения. Тем важнее был опыт политического просвещения,обретенный массами в 1846 — начале 1848 г. в ходе борьбы за гражданские и политические свободы и за переход от абсолютизма к конституционализму. Каждое новое завоевание давалось с боем, в череде массовых волнений, манифестаций, в стычках с полицией и правительственные войсками, в процессе формулирования политических и социальных требований, отвечавших народным чаяниям. В числе их были требования налоговой реформы, отмены феодальных привилегий и кабальных форм зависимости, «права на труд» и другие.

Наиболее радикальный характер движение за реформы принял осенью 1847 — весной 1848 г., когда развернулся знаменательный процесс превращения абсолютистских режимов в конституционные или близкие к таковым. К этому времени — не без активной роли либералов и демократов — был ослаблен реакционный блок монархий, церкви, дворянства и духовенства. Усилилось размежевание между занимавшими наиболее непримиримые позиции монархами и теми, кто приходил к выводу о неотвратимости реформ, но старался воспользоваться ими для упрочения престижа института монархии. Суть дилеммы, стоявшей перед монархами и либералами, склонившимися к мысли о целесообразности перехода к конституционализму, сформулировал быстро превращавшийся в лидера либеральных сил Италии пьемонтский общественный деятель М. Д'Адзелио: «Если итальянские суверены не хотят, чтобы их подданные стали экзальтированны-

ми (то есть радикализировались. — З. Я.), они сами должны стать умеренными либералами»³⁴.

Пристально следя за переменами в Папской области и желая им успеха, М. Д'Адзелио развел в 1847–1848 гг. бурную деятельность в пользу курса реформ как в самом Пьемонте, так и в соседних с ним государствах Центральной Италии. Он встречался с папой Пием IX, Карлом Альбертом, со многими видными общественными деятелями Тосканы, Пармы, Модены, настойчиво предупреждал об угрозе, исходившей, по его мнению, от двух видов экстремизма: деспотизма и абсолютизма монархов и экстремизма участников массовых выступлений на площадях и улицах итальянских городов. В июле 1847 г. в процессе создания либеральной организации «Согласие» он сформулировал политическую программу итальянского либерализма, весьма близкую в основных своих положениях к предложениям Джоберти. В ней он выражал надежду на то, что Пий IX выступит как духовный лидер возрождавшейся Италии, а пьемонтский король Карл Альберт — в качестве «шпаги», способной противодействовать вмешательству Австрийской империи в дела итальянских государств. Он осуждал насильтственные и нелегальные методы борьбы за преобразования и считал важным условием их дискредитации успех дела реформ³⁵. Сходную позицию в это время занимал и К. Б. Кавур, который недвусмысленно констатировал свою приверженность эволюционным формам прогресса. В одном из писем он писал: «Я убежден, что порядок необходим для развития общества и что законная власть, которая имеет глубокие корни в истории страны, является наилучшей»³⁶.

Заметное влияние «неогельфизма» на либералов накануне и в начале революционных событий 1848–1849 гг., а также их медленный отход от принципа легитимизма подтверждают многие документальные свидетельства современников и очевидцев, в том числе переписка с находившимся в изгнании В. Джоберти видного пьемонтского вельможи И. Петтити ди Рорето. Характеризуя тревожную атмосферу противостояния противников и сторонников реформ в Пьемонте и других государствах и трудности, стоявшие перед либералами, Петтити писал 11 февраля 1847 г.: «Находясь между ретроградами и радикалами, людьми неосторожными и предвзятыми, мы должны постоянно бороться и обуздывать одних и оттеснять постепенно других, и только тогда, когда считаем это уместным»³⁷. Он заклинал В. Джоберти воздержаться от обвинений в непоследовательности в адрес Пия IX и от чрезмерного нагнетания антиезуитской кампании,

полагая, что это может оттолкнуть влиятельные слои общества от дела реформ и усугубить остроту противостояния в обществе. Вместе с тем он призывал идеолога «неогвельфизма» заняться разъяснением в Европе природы процессов на Апеннинском полуострове, утверждая, что в противовес мадзинистским выступлениям 30–40-х гг. речь на этот раз шла не о борьбе за республиканский режим и за объединение Италии, но о медленных, осторожных, постепенных реформах прогрессивного характера и защите независимого курса монархов против давления со стороны Вены³⁸. В письмах пьемонтского вельможи высказывалась вместе с тем серьезная озабоченность непримиримостью «австро-иезуитской партии», готовой вмешаться в ход борьбы и породить своими провокационными действиями угрозу вмешательства в итальянские дела австрийского правительства, заинтересованного в том, чтобы «разделить государей и народы, разрушить чувство национальной независимости»³⁹.

Немалую роль в формировании патриотических, антиавстрийских настроений в ходе борьбы за конституционные реформы сыграла австрийская политика диктата и противодействия стремительно радикализировавшемуся общественному движению в итальянских государствах и возраставшей самостоятельности монархов. В Вене с большой тревогой был воспринят факт создания таможенного союза четырех государств — Сардинского королевства, Королевства обеих Сицилий, Папской области и Тосканы. Из Вены постоянно раздавались советы умеренности итальянским монархам при проведении реформ; в качестве ответной меры на перемены в Папском государстве на границах с ним были сосредоточены дополнительные австрийские воинские подразделения. Эти действия вызвали возмущение жителей Рима и отповедь со стороны Пия IX.

В противовес Меттерниху, крайне негативно оценившему поворот к либеральным реформам Пия IX и уступки других монархов, английская дипломатия в преддверии революционных потрясений начала сложную политическую игру, имевшую целью поддержать дело реформ, ослабить австрийское влияние на Апеннинском полуострове и содействовать планам преодоления политической раздробленности итальянских государств, в изобилии представленным в итальянском обществе. Излагая причины заинтересованности Англии в деле реформ, тогдашний министр иностранных дел Г. Пальмерстон сделал характерное признание австрийскому посланнику в Лондоне: «Князь Меттерних считает себя консерватором, поскольку привержен статус-кво, тогда как

мы полагаем, что мы тоже консерваторы, пропагандируя и советуя уступки, реформы, улучшения повсюду, где общественное мнение их требует»⁴⁰.

Если в 1820–1821 и 1831 гг. Лондон не воспрепятствовал прямой вооруженной интервенции Австрийской монархии в ряд итальянских государств с целью подавления политических революций, то теперь английский посол в Вене лорд Понсонби заявил, имея в виду государства Апеннинского полуострова: «...всякий независимый суверен имеет право осуществлять в своих владениях такие реформы и улучшения, которые он находит целесообразными для благосостояния народа, коим он управляет, и никакая другая держава не имеет права запрещать или ограничивать использование одного из атрибутов независимости суверена». Далее в устной ноте посла содержалось недвусмысленное предупреждение австрийскому правительству о недопустимости его вмешательства во внутренние дела Пьемонта, Папской области и других государств⁴¹.

По инициативе Пальмерстона лорд-хранитель печати Англии Минто был направлен в Италию с ответственной миссией. Он должен был установить контакты с либеральными деятелями, склонить монархов к проведению кардинальных реформ, выступить в роли посредника между государствами и их подданными. Следуя инструкциям Пальмерстона, Минто посетил Турин, Флоренцию, Рим, Неаполь и Палермо. В ходе непростых переговоров он постоянно выказывал свою приверженность планам независимости и объединения Италии, выражал сочувствие проектам создания федеративного союза итальянских государств различной конфигурации, допуская возможность, что вне его останутся Королевство обеих Сицилий и австрийские владения в Северной Италии⁴².

Дипломатическая поддержка Англии в сочетании с все более бурными проявлениями активности народных масс ускорили знаменательный процесс превращения абсолютистских режимов в конституционные или близкие к таковым⁴³. В августе–сентябре 1847 г. великий герцог Тосканы Леопольд II был вынужден пойти на создание гражданской гвардии, признать свободу печати, согласиться на формирование Консульты — совещательного органа при тосканском правительстве. Пост главы правительства Тосканы занял представитель «умеренных» К. Ридольфи. Стремительно нарастал кризис абсолютистских режимов также в Парме, Модене, Лукке, бывших важным оплотом австрийского влияния в Центральной Италии. В Пьемонте, не без воздействия бурных

народных выступлений в Турине 22–25 октября 1847 г., последовала серия реформ — введение гласности судопроизводства и его демократизация, вступление в силу новых цензурных правил, ограничение всея власти полиции, создание выборных муниципальных советов. Был отправлен в отставку главный советник короля Соларо делла Маргарита, ярый поборник ориентации на союз с Австрийской империей.

В Папской области впервые в ее истории было сформировано правительство как орган исполнительной власти и учреждена Государственная консультативная комиссия — предтеча будущего парламента. Заколебался абсолютистский режим и в Королевстве обеих Сицилий, хотя вплоть до конца 1847 г. королю Фердинанду II Бурбону удавалось парализовать повстанческие выступления крестьян и деятельность либеральной и демократической оппозиции.

Решительный перелом в ходе политического противостояния в Королевстве, да и во всей Италии, произошел в январе 1848 г. в связи с мощным антибурбонским восстанием сначала жителей Палермо — административного центра Сицилии, а затем и всего населения острова. Практически безоружные жители мятежного острова, используя партизанские методы либо вступая в прямые схватки с правительственными войсками, своим беспримерным героизмом и упорством вынудили значительную часть их к эвакуации. Было создано либеральное временное правительство, высказавшееся за создание федерации итальянских государств при сохранении каждым из них независимости⁴⁴. Восставшие же выдвинули требование независимости Сицилии, соглашаясь, в крайнем случае, на вариант личной униони во главе с династией Бурбонов.

В результате зашатался один из главных оплотов реакции на Апеннинском полуострове — абсолютистский режим в Королевстве обеих Сицилий. Король Фердинанд II, хотя и с запозданием, но признал автономию Сицилии, отправил в отставку реакционного шефа полиции, провозгласил свободу печати и собраний, объявил политическую амнистию. 29 января 1848 г. населению королевства была дарована конституция — первая на Апеннинском полуострове, согласно которой создавался двухпалатный парламент и было разрешено формирование гражданской гвардии. В новое правительство вошли «умеренные» либералы. Под непосредственным впечатлением этих событий 17 февраля 1848 г. была обнародована конституция Тосканы. Под давлением обстоятельств папа Пий IX также был вынужден согласиться на переход Папской области к светским и

конституционным методам управления, что было законодательно закреплено принятием специального регламента и созданием в Риме светского правительства. Выработка конституции, предусматривавшей создание парламента, провозгласившей целый ряд гражданских свобод и ограничение полномочий монарха, происходила в феврале–апреле 1848 г. в Пьемонте, так что 5 мая с обнародованием «Альбертианского статута» Сардинская монархия стала конституционной⁴⁵.

Эти знаменательные перемены в политическом строе большинства итальянских государств создали атмосферу всеобщего согласия и энтузиазма, подогревали настроения стихийного монархизма различных слоев населения, особенно в Пьемонте и Папской области. А. И. Герцен, посетивший Италию в эти знаменательные дни «Весны народов», находился под глубоким впечатлением внезапного взрыва гражданских чувств и политического подъема. Он констатировал, что время тяжелого сна для Италии прошло: «страна, потерявшая три века тому назад свое политическое существование, вдруг является с энергией и силой, с притязанием на политическую независимость и гражданские права, с притязанием на новое участие в европейской жизни»⁴⁶.

Поворот монархов, долгое время демонстрировавших свою приверженность принципам абсолютизма, к курсу реформ был полной неожиданностью для идеологов республиканского демократизма. Буквально за два дня до начала восстания в январе 1848 г. в Палермо (Сицилия) издавна проживавший в вынужденной эмиграции в Париже видный поборник демократии и федерализма Д. Феррари в статье «Революция и реформы в Италии», опубликованной во французском журнале «Ревю индепенданс» («Независимое обозрение»), выражал серьезное сомнение в результативности верхушечных, как он их оценивал, реформ, критиковал иллюзии и непоследовательность «умеренных». «Они хотят прежде всего бороться с Австрией и в то же время не желают войны; они говорят о национальном единстве и испытывают глубочайшее уважение ко всем династиям. Они не осмеливаются защищать абсолютизм и не рисуют произносить слово революция... они обречены повторять непрестанно, что они честны, безупречны, искренни, что они любят свою страну; я бы сказал, что они хотят обмануть ее. И они ее обманут»⁴⁷. Важным условием успеха дела независимости и единства страны Феррари считал революцию (при поддержке французских демократов) и создание федеративного государства, учитывающего своеобразие итальянских регионов.

Весьма показательна преисполненная надежд и сомнений реакция на политические процессы в Италии Д. Мадзини, все еще болезненно переживавшего неудачи и человеческие потери, которыми обернулись повстанческие инициативы 40-х гг., и заметный спад после этого активности и авторитета мадзинистских организаций. Вопреки предубеждениям против папства и монархий он счел необходимым солидаризироваться с движением за реформы в Папской области и лично с папой Пием IX. По всей Италии в виде прокламаций, рукописных копий, а затем и публикаций в периодических изданиях ходил текст его письма-обращения к папе-реформатору 8 сентября 1847 г. В этом письме, мотивы которого стали объектом многолетних дискуссий итальянских историков Рисорджименто, Мадзини констатировал небывало высокий авторитет Пия IX в Италии и Европе и призвал папу воспользоваться этим и выполнить выпавшую на его долю миссию — поднять престиж католической веры, подорванной связью католицизма с despотизмом, и объединить Италию. «Скажите нам: „Единство Италии должно стать фактом XIX в.“». Он убеждал папу не препятствовать свободе и циркуляции идей, не опасаться крайностей народа, признать неизбежность войны с Австрийской империей за независимость страны⁴⁸. 5 марта 1848 г., под впечатлением Февральной революции во Франции, по инициативе Мадзини была основана Итальянская национальная ассоциация. Характеризуя задачи организации, Мадзини писал: «Единая, свободная, независимая (итальянская. — З. Я.) нация, война против Австрии, братское сотрудничество со свободными нациями и с народами, которые сражаются за то, чтобы стать таковыми, — на этих трех фундаментальных задачах сконцентрирует свою деятельность итальянская национальная ассоциация»⁴⁹.

Между тем в ход событий в итальянских государствах с весны 1848 г. вмешался новый фактор — европейские революции, под воздействием которых политические процессы на Апеннинском полуострове вступили в революционную fazу и стимулировали начало открытого противоборства патриотических сил с «венской системой» и одним из ее главных оплотов в Европе и Италии — Австрийской империей.

4. Война за независимость и патриотическое движение в Италии в контексте революционных потрясений 1848–1849 гг. на Апеннинском полуострове

Падение Июльской монархии во Франции и провозглашение республики в Париже придало второе дыхание патриотическим и революционным силам в итальянских государствах, а вместе с тем и сторонникам активных действий против Австрийской монархии. Прямыми вызовом политике компромисса «умеренных» с монархиями стали декларировавшиеся Второй республикой во Франции демократические принципы, в частности, признание всеобщего избирательного права и выраженная времененным правительством в манифесте 5 марта решимость поддерживать движения за освобождение угнетенных наций в Европе и преобразования в европейских государствах в направлении свободы и прогресса⁵⁰. За этим последовали мартовские революции в германских государствах и в Австрийской империи, которые, вместе с событиями во Франции, взорвали «венскую систему» и привели к падению меттерниховского режима в монархии Габсбургов.

Едва известие о восстании в Вене и бегстве всесильного канцлера достигло австрийских владений в Ломбардии и Венецианской области, в их центрах — Милане и Венеции практически синхронно в 20-х числах марта произошли антиавстрийские восстания, увенчавшиеся отступлением дислоцировавшихся в них австрийских гарнизонов, устранием австрийской администрации и победой повстанцев, представленных всеми слоями городского населения — знатью и буржуа, студенчеством и лицами свободных профессий, торговцами, ремесленниками, рабочим людом. В Венеции после победоносного восстания 18–23 марта была провозглашена Венецианская республика — несомненная дань богатым историческим традициям некогда могущественной средиземноморской державы. Во главе республики, просуществовавшей вплоть до ее разгрома австрийскими войсками в августе 1848 г., почти бессменно находился Д. Манин — страстный патриот и убежденный приверженец либеральных воззрений радикального оттенка.

В Милане же после потрясших Италию героических «пяти дней», вынудивших к отступлению из города отборные австрийские части во главе с многоопытным командующим австрийской армией Ломбардско-Венецианского королевства фельдмаршалом Й. Радецким, было образовано временное правительство во главе

с Г. Казати. В него вошли в основном представители либеральных кругов и только один демократ — Ч. Корренти, хотя вклад демократических деятелей в победу был весьма значительным.

По примеру Венеции и Милана на борьбу с австрийскими гарнизонами и органами администрации поднялись жители обеих провинций, включая и сельское население. Деморализованные австрийские войска поспешно отступили в сильно укрепленный район с четырьмя крепостями (Верона, Мантуя, Пьяченца, Леньяго). Туда же стали стягиваться и австрийские силы, дислоцировавшиеся в герцогствах Центральной Италии⁵¹.

Вслед за победоносными восстаниями в Милане и Венеции 23 марта 1848 г. последовало объявление главы Сардинского королевства Карла Альберта о начале войны за независимость против Австрийской империи. Трудное решение было принято королем в условиях патриотических манифестаций, захлестнувших Пьемонт и другие итальянские государства, а также прозвучавшего из сражавшегося Милана призыва ко всем народам и государям Италии прийти на помощь ломбардцам и изгнать за Альпы «врага всей Италии» (воззвание было написано видным итальянским демократом К. Каттанео, принимавшим активное участие в восстании). К выводу об опасности промедления из-за риска народного негодования в случае такового пришли даже умеренно-либеральные круги Пьемонта, до этого опасавшиеся открытой конфронтации с Веной.

О царивших в Турине настроениях дает представление опубликованная 23 марта 1848 г. в органе пьемонтских либералов «Рисорджименто» («Возрождение») статья Кавура, делавшая честь его политическому мужеству и патриотизму: «Пробил решающий час сардинской монархии — час смелых решений, час, от которого зависят судьбы монархии, судьбы народов. Нерешительность, сомнения и промедление перед лицом событий в Ломбардии и в Вене недопустимы более; такая политика гибели подобна... В создавшихся условиях... возможна только одна политика — Фридриха, Наполеона и Карла Эммануила, великая политика смелых решений»⁵². Вечером того же дня последовало обращение короля «К народам Ломбардии и Венеции», в котором про возглашалось, что войска королевства вступают на территорию Ломбардии и Венеции «под трехцветным итальянским знаменем и савойским гербом» для оказания помощи «защитникам попранных прав», и выражалась уверенность, что чувства национального единства позволят Италии справиться самостоятельно со стоявшей перед ней задачей. Знаменательна последняя оговорка,

направленная своим острием против расчетов части демократов на вооруженное вмешательство Французской республики в события на севере Италии.

26–27 марта пьемонтская армия вступила в пределы Ломбардии. Из-за опасения утраты народного доверия решение о направлении в Ломбардию и Венецию регулярных воинских соединений поспешили принять также великий герцог Тосканы Леопольд II и неаполитанский король Фердинанд II. По распоряжению Пия IX к северным границам Папской области был направлен корпус под командованием генерала Д. Дурандо. Между этими тремя государствами и Пьемонтом начались переговоры о создании военно-политического союза.

Однако война за независимость, начавшаяся в обстановке всеобщего воодушевления и веры в близкую победу, едва ли не с первых дней стала источником немалых осложнений — военно-стратегических, дипломатических, политических, затруднив сотрудничество итальянских государств, раскалывая патриотические силы, усложняя международные условия решения итальянского вопроса, а соответственно облегчая Австрийской империи проведение политики реванша. Пьемонтская армия, составлявшая главный костяк противостоявших австрийским вооруженным силам итальянских регулярных воинских соединений и добровольческих формирований, была, несмотря на военные реформы Карла Альberta 30-х гг., типичной для абсолютистских государств «династической» армией. Большую часть призванного под ружье резерва составляли необученные, необстрелянные солдаты из крестьян, тогда как офицерский состав и особенно генералитет был по преимуществу дворянским; последнему были свойственны верноподданнические чувства и глубокое недоверие к либеральным новациям. Во главе армии не было опытных стратегов и тактиков. Обладавший весьма ограниченным боевым опытом Карл Альберт принял на себя функции главнокомандующего силами Пьемонта, но проявлял недопустимую медлительность в организации наступательных операций против изрядно потерпанной и деморализованной на первых порах армии Радецкого. Налицо была и известная эйфория в связи с рядом выигранных сражений. Однако конец марта — апрель 1848 г. были потеряны Пьемонтом в ожидании восполнения недостающих боеприпасов и военного снаряжения, подхода регулярных сил Тосканы, Папской области и Неаполитанского королевства, в тщетных попытках скоординировать их совместные действия⁵³. Успешные операции итальянских сил в первые месяцы войны не решали стра-

тегических задач, поскольку не помешали Радецкому осуществить передислокацию и реорганизацию все еще весьма внушительной австрийской армии, оказавшейся к лету 1848 г. способной на активные действия. Итальянцы не сумели помешать соединению австрийских формирований, отступавших из Ломбардии, Венецианской области, Центральной Италии и приходу подкреплений из империи.

Уже на начальном этапе военной кампании стала очевидной иллюзорность надежд патриотических сил и особенно «умеренных» на создание антиавстрийского союза, а затем и федерации итальянских монархий. Тяжелым ударом по делу независимости явилось усиливавшееся противодействие Пия IX антиавстрийскому и революционному движению в Италии, равно как и во всей Европе. В обращении «К народам Италии» 30 марта 1848 г. он декларировал свою приверженность делу мира, игнорируя реальности развернувшейся вооруженной борьбы в Северной Италии. В новом обращении 29 апреля 1848 г. папа высказался решительно против участия в войне с австрийцами, осудил тех, кто допускал возможность создания под его, папы, главенством единой итальянской республики, и призвал народы Италии сохранять верность своим государям и не ввергать Италию во внутренние распри и смуты⁵⁴. С этого времени можно датировать начало реакционного перерождения политического курса папы-реформатора, а соответственно развенчание «неогвельфских» иллюзий сторонников компромисса католической церкви и дела независимости Италии. Не прекращалась конфронтация папы и ведомств Ватикана с конституировавшимся в Папской области правительством и палатой депутатов из-за ориентации внешней и военной политики, средств поддержания конституционного порядка и отношения к планам объединения Италии. Мощные народные выступления в Риме и других центрах Папской области, ставшие прологом провозглашения Римской республики, побудили Пия IX и его приближенных к бегству в ноябре 1848 г. в Неаполитанское королевство. Оставаясь в крепости Гаета вплоть до разгрома Римской республики в июне 1849 г., он вел активную дипломатическую деятельность во имя сплочения в Италии и Европе реакционных клерикальных сил⁵⁵.

Не менее пагубные последствия для исхода военной кампании в Северной Италии имела нараставшая отстраненность от участия в борьбе с Австрийской империей Королевства обеих Сицилий. Это было обусловлено реакционными предпочтениями Фердинанда II, острым конфликтом неаполитанских властей с насе-

лением Сицилии, относительной слабостью в королевстве либеральных и демократических кругов. Правда, под нажимом патриотических выступлений весной 1848 г. неаполитанская эскадра включилась совместно с пьемонтскими силами в морские операции против австрийского флота в Адриатике, а 4 мая началась переброска на север экспедиционного корпуса под командованием генерала Г. Пепе, но позднее они были отзваны. В противовес радикальным элементам, совмещавшим демократические требования (расширение круга избирателей, ликвидация верхней палаты парламента и другие) с решимостью активно участвовать в войне за независимость, в королевстве заметно проявлялись партикуляристские и антипьемонтские настроения. Мощные крестьянские движения, достигшие апогея в апреле 1848 г., внушили страх крупным землевладельцам и провинциальной буржуазии, усматривавшим в них чуть ли не проявление социалистических тенденций. Петроградные силы пользовались невежеством крестьянских масс и предрассудками неаполитанской бедноты, чтобы внушить недоверие к либеральным и демократическим кругам и их программам.

В этих условиях стала возможна трагедия вооруженного противостояния в Неаполе 15 мая, в день открытия избранного в конце апреля парламента, между верными королю воинскими частями и повстанцами, выступившими в защиту парламента и его прерогатив, а также за пересмотр в демократическом духе конституции. В ожесточенных кровавых схватках, в которых на стороне властей приняли участие деклассированные элементы, с обеих сторон было убито 146 человек и ранено около 700. За разгромом либеральных и демократических сил последовал распуск палаты депутатов и национальной гвардии, а за этим — поворот к авторитарно-диктаторским формам правления, возобладавшим к весне 1849 г. Отход короля Фердинанда II от конституционных методов правления усугублял напряженность внутреннего положения в королевстве и существенно ограничивал легальные возможности деятельности «умеренных» и демократов. Значительная их часть покинула родину, чтобы пополнить ряды волонтеров и участвовать в качестве добровольцев в военных действиях против Австрии в Северной и Центральной Италии, равно как в революционных движениях в Риме, Флоренции, Венеции и других центрах политической борьбы.

Усиливалась изоляция антибурбонского автономистского движения в мятежной Сицилии. Уже с лета 1848 г. королевские войска начали вооруженную интервенцию, отвоевывая шаг за шагом

новые территории. Заключительный акт трагедии наступил в марте–мае 1849 г., когда королевские войска в ходе нового этапа активных военных операций расправились с защитниками и мирными жителями острова. Так в результате безжалостного артиллерийского обстрела был почти полностью разрушен город Мессина и погибли тысячи его жителей.

Уже с лета 1848 г. Королевство обеих Сицилий стало превращаться в форпост сил итальянской реакции, осложнив положение конституционных и демократических кругов в Папской области и Тоскане, а также существенно ослабив потенциал патриотического, антиавстрийского движения в Северной и Центральной Италии. Позиция Фердинанда II крайне негативно сказалась на ходе переговоров между Пьемонтом, Королевством обеих Сицилий, Папским государством и Тосканой о военно-политическом союзе — сперва весной 1848 г., затем в начале 1849 г.

Более благоприятную позицию по отношению к войне за независимость занял первоначально великий герцог Тосканы Леопольд II, вынужденный считаться с фактом возросшего влияния «умеренных» и демократов в герцогстве, особенно во Флоренции, Ливорно и других его центрах. Несмотря на родственные связи Лотарингской династии с домом Габсбургов великий герцог тосканский уже в конце марта 1848 г. вступил в переговоры о создании военно-политического союза (позднее Лиги) итальянских государств и дал согласие на отправку военных формирований Тосканы в Ломбардию (4,5 тыс. солдат регулярной армии и 3 тыс. добровольцев). В ноте, направленной в этой связи в Вену, указывалось, что это решение было обусловлено чрезвычайной обстановкой, сложившейся в герцогстве после событий в Северной Италии и необходимостью вышеозначенных мер «*как во имя интересов всей Италии, так и во имя сохранения порядка и спокойствия в своих собственных владениях, равно как и для спасения своего трона*» (выделено мной. — З. Я.)⁵⁶.

Несомненным успехом патриотических сил итальянских государств Центральной Италии — Тосканы, Пармы и Модены — было изгнание австрийских гарнизонов из ряда городов и посыпка добровольческих сил в Ломбардию и Венецию; управление герцогствами Пармским и Моденским перешло в руки временных правительств. Много позднее, в феврале 1849 г., в связи с обострением политической обстановки в Тоскане ее покинул герцог Леопольд. Серьезные колебания итальянских монархов и заметное поправление их курса к осени 1848 г. были обусловлены нараставшим беспокойством ввиду радикализации политической

борьбы в итальянских государствах, а также в Европе, особенно во Франции, германских государствах и в Австрийской империи. Эгоистические династические интересы усиливались присущим монархическим кругам социальным консерватизмом и страхом перед радикальными выступлениями типа июньского восстания в Париже и майских волнений в Вене. Подобные опасения проявлялись и среди «умеренных», сыгравших ранее столь значительную роль в конституционных преобразованиях, но не ожидавших массового проявления гражданских и патриотических настроений среди населения⁵⁷.

События в Ломбардии и Венецианской области и начало Пьемонтом военных действий против австрийских войск послужили мощным импульсом для повсеместного подъема патриотических настроений и осознания общей судьбы населения итальянских государств. Они способствовали преодолению их изолированности и объединению (до определенного предела) усилий либеральных и демократических кругов. Акты политической амнистии, введение политических свобод, начавшаяся борьба с австрийским игом привлекли на родину многих авторитетных мыслителей, публицистов, ветеранов прежних революционных сражений. При известии о пробуждении Италии из Южной Америки с отрядом сподвижников-«краснорубашечников» вернулся в июне 1848 г. Д. Гарибальди. В прошлом моряк, участник республиканского заговора 1834 г. в Генуе, чудом избежавший ареста и заочно приговоренный к смертной казни, он приобрел широкую известность как борец против тирании в Южной Америке, мастер партизанской тактики. В родной Пьемонт приехал Джоберти, активно включившийся в политические битвы по вопросам внутренней и внешней политики. Прибыл в Италию и Мадзини. Преисполненные решимости разом разрубить сложный клубок национальных, социальных и международных проблем, стоявших перед итальянскими государствами, все эти деятели не всегда отдавали себе отчет в том, что общенациональный консенсус, без которого было трудно рассчитывать на решение задачи завоевания независимости и объединения страны, был несовместим с курсом на искоренение социальных зол и привилегий. Ведь это предполагало дифференциацию общества и устранение с политической арены наиболее мощных и обладавших реальной силой — экономической, военной, политической, интеллектуальной — правящих кругов итальянских государств.

Наряду с национальным движением славянских народов и Венгрии в рамках Австрийской империи повстанческая и поли-

тическая борьба в Ломбардии и Венецианской области, поддержанная войной за независимость Пьемонта и первоначально другими итальянскими государствами, явилась серьезным ударом по могуществу империи Габсбургов. Она радикальным образом меняла политическую ситуацию на Апеннинском полуострове. Поперпели неудачу дипломатические маневры Австрии в первые месяцы войны за независимость, когда она пыталась при посредничестве Англии и Французской республики добиться соглашения с Пьемонтом и компромисса с жителями мятежных провинций на принципах автономии Ломбардии и Венецианской области в рамках империи либо отказа от Ломбардии в пользу Пьемонта⁵⁸. Возникшие в Милане и Венеции временные правительства, а позднее и парламенты отвергли идею компромисса. В интересах дела независимости они активизировали свои контакты с итальянскими государствами, в первую очередь с Пьемонтом.

Первоначальные успехи в борьбе за освобождение территории Ломбардии и Венецианской области от австрийских войск и устранение австрийской администрации обусловили оживление среди либералов и демократов партикуляристских и даже гегемонистских устремлений. В Милане вынашивались планы объединения под эгидой Ломбардии двух бывших австрийских провинций; зато в Венеции возрождались надежды на восстановление былой мощи Венецианской республики и ее государственности, не без тревоги воспринимаемые в Ломбардии и Пьемонте, а также населением Венецианской области, опасавшимся диктата Венеции. Усиливались противоречия либералов и демократов в этих двух провинциях по вопросам политических и социальных преобразований, в оценке перспектив и возможностей контактов с официальными и оппозиционными силами Австрийской империи⁵⁹.

Немалым разочарованием поборников мадзинизма и патриотических сил стали трудности координации действий с революционными и освободительными силами в Австрийской империи и Европе. Франкфуртский парламент, идя на поводу у влиятельной фракции депутатов от монархии Габсбургов, выразил крайне негативное отношение к событиям в Италии и к факту провозглашения независимости Ломбардии и Венецианской области. С немалыми трудностями были сопряжены политические контакты ломбардских и венецианских патриотов с венгерскими повстанцами и деятелями славянских народов империи⁶⁰. Не оправдались надежды на развал (из-за национальных противоречий) армии Радецкого в Северной Италии. За исключением перешедших на сторону новых антиавстрийских органов власти

военнослужащих, по преимуществу уроженцев Ломбардии и Венецианской области, основная часть солдат австрийской армии, в том числе славянского происхождения, в немалой степени из-за карательных акций командования, сохранила лояльность Габсбургам. Более того, по настоянию фельдмаршала Радецкого к лету 1848 г. он получил значительные подкрепления из пограничных областей Австрийской империи, что позволило ему перейти в июле–августе к активным военным операциям.

В условиях отхода ряда итальянских монархов от курса на войну за независимость возрастила роль Сардинского королевства как средоточия патриотических сил. Конечно, приходится говорить о серьезных колебаниях Карла Альберта — итальянского «Гамлета», как называли его политические оппоненты, негативно повлиявших на исход антиавстрийской войны. Ему были глубоко чужды идеи превращения «королевской», «династической» войны в войну народную, на что упивали без достаточных на то оснований демократические и республиканские круги. И сам король, и его сторонники-«альбертисты» лелеяли надежды на территориальное расширение королевства и предпринимали активные политические шаги по вхождению герцогств Центральной Италии, Ломбардии и Венецианской области в его состав. Ввиду сравнительной отсталости Сардинского королевства эти планы с крайним подозрением воспринимались в экономически развитой Ломбардии, в обладавшей богатыми культурными традициями Тоскане. Соперничество Савойской династии и Бурбонов, возглавлявших Королевство обеих Сицилий, за влияние на Апеннинском полуострове сыграло не последнюю роль в отказе Фердинанда II от военных операций против Австрии и в саботаже переговоров о военно-политическом союзе антиавстрийской направленности итальянских государств. В самом Сардинском королевстве существовали серьезные анклавы реакции на о. Сардиния и в Савойе, где сохранялось влияние традиционалистской, религиозной и консервативной по своей природе культуры и в штыки воспринимались исходившие от Туринской и Генуи прогрессивные веяния.

Как бы то ни было, к лету 1848 г. сохранявшийся антиавстрийский курс Савойской династии обусловил Сардинскому королевству поддержку Англии и Франции и патриотических сил Северной и Центральной Италии. Не без борьбы и колебаний население Пармы, Модены и других мелких государств Центральной Италии (кроме Тосканы) в ходе инициированного туринскими эмиссарами плебисцита продемонстрировало свое стремление к

вхождению в состав Сардинского королевства. В мае 1848 г. с большим перевесом сторонников «фузионизма» (от итал. *fusione* — слияние) высказались в пользу присоединения к королевству жители Ломбардии во главе с Миланом и функционировавшими на территории провинции правительством и Консультой (парламентом), а затем большая часть жителей Венецианской области и самой Венеции⁶¹. Этот серьезный успех объединительной политики Пьемонта ободрил Карла Альберта в его противодействии проектам перемирия со стороны венских властей. Более того, он официально потребовал от австрийского императора Фердинанда I эвакуировать все австрийские войска с полуострова. Со своей стороны французские и английские круги вплоть до лета 1848 г. склонялись к одобрению произошедших в Северной и Центральной Италии перемен и, в частности, к признанию утраты австрийской монархией прав на Ломбардию и Венецианскую область. 24 мая Учредительное собрание Французской республики заверило Европу в своих горячих симпатиях к «принципу национальностей» и к делу независимости Италии⁶².

Поглощенность процессом объединения отвлекала и официальные круги, и патриотически настроенную общественность от активных военных операций и дала столь необходимое австрийским силам время для реорганизации и укрепления дислоцировавшейся в Северной Италии армии. К тому же ход европейской революции, в особенности июньское восстание парижского пролетариата, демократические выступления в Вене в мае 1848 г. и радикализация освободительного движения в Венгрии, неблагоприятно влияя на политическую обстановку в Европе и в Италии, способствуя поправлению правящих кругов и либеральных сил и движений.

По мере затягивания военных действий и все новых препон, возникавших на пути борьбы за независимость и единство Италии, росло утомление жителей Северной и Центральной Италии, испытывавших тяготы военных действий, а также последствий хозяйственного паралича из-за войны и прекращения торговых связей с Австрийской империей бывших ее провинций. Национальный консенсус мартовских дней уступал место поляризации сил в Северной и Центральной Италии. Немало нерешенных вопросов породил процесс «слияния», поскольку предстояло объединить парламентские учреждения Пьемонта и новых территорий королевства; не была завершена процедура передачи исполнительной власти в руки туринских комиссаров и реорганизация исполнительных органов;

оставался открытым вопрос о мере самостоятельности новых составных частей Сардинского королевства, о создании единых вооруженных сил и т. п.⁶³

В этих условиях последовал ряд удачных операций австрийских сил в Венецианской области, обеспечивших им свободу маневра. Были успешно отбиты попытки пьемонтской армии овладеть сильно укрепленным районом «четырехугольника» Мантуя–Верона–Пескьера–Леньяго на стыке Ломбардии, Венецианской области и пограничных территорий империи. После этого армия Радецкого перешла к наступательным операциям в Ломбардии. Используя просчеты пьемонтского командования, а также нескоординированность действий регулярных войск и волонтерских соединений, она нанесла 22–26 июля 1848 г. тяжелое поражение основным силам пьемонтской армии при Кустоцце. Без согласования с ломбардскими властями практически без боя был сдан Милан, что произвело деморализующее воздействие на всю Италию. В критической ситуации Карл Альберт предпочел поспешно заключить перемирие с Радецким на крайне тяжелых условиях: пьемонтская армия покидала Венецианскую область, бросая на произвол судьбы сражавшуюся Венецию, так же как и Ломбардию. Правда, при этом существовала возможность эвакуировать военное снаряжение и всех патриотов, пожелавших отступить с военными. Демаркационной линией между австрийскими и итальянскими войсками стали течения рек Тичино и Аддо.

9 августа 1848 г. было официально подписано «Перемирие Саласко», получившее свое название по имени начальника генерального штаба пьемонтской армии, который участвовал в заключении соглашения. Оно завершило важную фазу развития антиавстрийского, патриотического движения в Италии, проходившего в условиях гегемонии монархических и либеральных сил, но при подлинно народном размахе борьбы против военного и политического присутствия Австрии на полуострове. После прекращения военных действий австрийские вооруженные силы вновь закрепились в Ломбардии и Венецианской области, получили дополнительные возможности борьбы против блокированных ими защитников Венеции. Более того, австрийские войска вернулись в Парму и Модену, в легатства, входившие в состав Папского государства. Только благодаря англо-французскому посредничеству австрийская сторона была вынуждена временно отказаться от планов вторжения в Тоскану, рассчитанных на то, чтобы отделить ее территорию от Пьемонта и ослабить сотруд-

ничество этих по-прежнему следовавших антиавстрийскому курсу государств.

Восстановление австрийского господства сопровождалось массовыми репрессиями, изъятием имущества, принадлежавшего знатным ломбардским и венецианским патриотам, покинувшим родные места, усилением цензуры, налогового бремени. С помощью чрезвычайных мер было сведено на нет влияние патриотических движений и организаций, хотя в конце 1848 г. и на протяжении 1849 г. имели место локальные антиавстрийские выступления, восстания, подавляемые с прежней жестокостью (в Брешии, Болонье и других городах). С приходом на пост канцлера империи Шварценберга и с передачей императорского трона Фердинандом I Францу-Иосифу в Вене отказались от проектов предоставления автономии итальянским провинциям и вернулись к реализации жесткого централизаторского и репрессивного курса. Несмотря на обострявшийся австро-венгерский вооруженный конфликт, императорские власти вынашивали планы дальнейшей реставрации своих позиций в Италии, используя, наряду с военными силами Радецкого, дипломатические меры воздействия на европейские государства и итальянских монархов.

В противовес ухудшившейся международной ситуации и положению дел на Апеннинском полуострове радикальные демократические силы воспользовались дискредитацией Пия IX, Карла Альберта и других правителей, чтобы попытаться реализовать дорогую им идею независимости и объединения Италии на путях перехода к республиканским формам правления и созыва общепротестантского Учредительного собрания, призванного решить вопрос о создании единого итальянского государства. Осень 1848 — начало 1849 г. вплоть до новой фазы войны за независимость с Австрией ознаменовались бурной пропагандистской кампанией демократических парламентариев, публицистов, периодических изданий, возлагавших всю полноту ответственности за неудачу войны и утрату независимости Северной и частью Центральной Италии на монархов, в особенности на Карла Альберта, и на соглашательский курс «умеренных» политиков. Широкое распространение в Италии получил памфлет «О восстании в Милане в 1848 г. и последующей войне», написанный в Париже по свежим следам событий миланского демократа К. Каттанео. В нем герой «пяти дней» миланского восстания акцентировал внимание на неподготовленности пьемонтской армии к военным действиям (вплоть до отсутствия топографических карт Ломбардии и Венецианской области), на бездарности генералитета, на

гибельности тактики позиционной войны, на нежелании и неумении опереться на энтузиазм волонтеров и местных жителей. Он упрекал Карла Альберта и его окружение, а также ломбардских и пьемонтских либералов в боязни народной войны. Имевший возможность наблюдать героизм и самоотверженность населения Милана в дни мартовского восстания, Каттанео был убежден, что если бы вместо войны «королевской», подчиненной династическим целям и интересам, велась война народная, то разгром австрийцев мог быть достигнут в короткие сроки⁶⁴. Вне поля зрения К. Каттанео оказывались опасные проявления экстремизма со стороны радикальных элементов, разобщенность патриотических сил, медлительность ломбардских властей с решением социальных вопросов, негативно сказавшаяся на активности сельского населения.

Позднее неаполитанский офицер-патриот, отдавший жизнь делу борьбы за свободу Италии, К. Пизакане в своем капитальном труде «Историко-политико-военные очерки об Италии», написанном им уже после поражения революции 1848–1849 гг., сделал особый акцент на разборе военной кампании и грубых просчетов в стратегии войны со стороны Пьемонта. В противовес Каттанео, полагавшему, что успех войны за независимость мог быть обеспечен с помощью народной войны, Пизакане более реалистично оценивал мощь австрийской армии и важность формирования в Италии регулярных сил для успешной борьбы за изгнание австрийских войск с полуострова. Наряду с этим он одним из первых в Италии поставил задачу совмещения борьбы за независимость и объединение страны с решением крестьянского вопроса, что позволило бы опереться на крестьянство в предстоявших новых битвах за свободу.

Сходную оценку роли Савойской монархии в поражении патриотических сил Италии давал и Ф. Энгельс, пристально следивший за событиями в Италии. Гневным обвинительным актом в адрес Карла Альберта — «самого заклятого врага итальянской свободы из всех государей Италии» (явное публицистическое преувеличение убежденного республиканца и социалиста) — стала статья Ф. Энгельса «Освободительная борьба Италии и причины ее теперешней неудачи», опубликованная в октябре 1848 г. в «Новой Рейнской газете». Статья была построена на противопоставлении храбрости, энтузиазма, самопожертвования итальянского народа, полного решимости добиться национальной независимости (тезис, который оспаривается современными исследованием, фиксирующими внимание на незрелости национального са-

мосознания в Италии к 1848–1849 г.), и непомерного честолюбия Карла Альберта, готового использовать народное движение «в интересах своей жалкой короны», преисполненного ненависти и недоверия ко всем свободомыслящим силам Италии. Энгельс видел выход в том, чтобы «отшвырнуть» подальше короля и его приверженцев и встать под знамена демократии⁶⁵, — рецепт, который попытались реализовать в 1849 г. революционные демократы Рима, Флоренции, Венецианской республики, Сицилии и потерпели неудачу.

Надежды на возможность, на этот раз помимо монархов и «умеренных», повторить чудо национального подъема мартовских дней явились немаловажным фактором радикализации обстановки в Тоскане и Папской области и победы в них демократических сил в конце 1848 — начале 1849 г. В Тоскане после мощных антиправительственных выступлений в Ливорно, Лукке, Ареццо, Пистойе и непрерывных волнений в самой Флоренции в октябре 1848 г. к власти пришло правительство демократической ориентации, в котором ведущую роль играл триумвират Ф. Гверацци, Д. Монтанелли, Д. Маццони. Это правительство возобновило инициативы в целях создания Лиги итальянских государств, провозгласило своей целью созыв Учредительного собрания, которое бы включало представителей всех итальянских государств и стало одним из центров борьбы за конституирование общенационального правительства и парламента. Опасаясь вооруженного вторжения Австрии, Тоскана вступила в активные контакты с Пьемонтом и Папской областью, а позднее и Римской республикой, провозглашенной 9 февраля 1849 г. Наиболее же радикальные элементы поднимали вопрос об объединении с Римской республикой.

Если в Тоскане, как и в Венеции, существовало своеобразное сотрудничество демократов и «экзальтированных», то в Римской республике ведущие позиции занимали радикально настроенные республиканцы и демократы, попытавшиеся превратить республиканский Рим (в противовес монархическому Пьемонту) в центр борьбы за единство и независимость Италии. В деятельности Римской республики, ее правительства и Учредительного собрания принимали активное участие Д. Мадзини, Д. Гарибальди, А. Сафи, К. Армеллини и другие видные деятели демократического и патриотического лагеря. Установление республики знаменовало ликвидацию светской власти папы; были созданы благоприятные условия для деятельности народных клубов и других форм самоорганизации народных масс, для формирования во-

оруженных сил, верных республиканскому принципу. Вместе с тем, не без давления со стороны убежденных сторонников создания унитарного государства в Италии, прежде всего самого Мадзини, Римская республика обратилась со страстным призывом к объединению усилий всех государств для возобновления войны за независимость с Австрией. Лидеры республики ратовали за созыв общечтальянского Учредительного собрания, как бы перехватывая инициативу у тосканских демократов. На время Риму удалось стать центром притяжения патриотов и демократов из соседних государств, особенно из Неаполя, Модены, отчасти — Ломбардии и Венеции. Однако даже переход Рима, цитадели папства, в руки демократического правительства не мог ликвидировать типичной для Италии 1848–1849 гг. раздробленности патриотических сил.

Конкурирующим центром возобновления войны за независимость с Австрией с августа 1848 по март 1849 г. оставался Пьемонт. Ни король, ни патриотически настроенные либералы и особенно демократы не могли примириться с тем, что поражение при Кустоцце перечеркнуло политическое решение о присоединении к Пьемонту территорий Северной и отчасти Центральной Италии и надежду на удаление австрийских войск из Италии. В то время как умеренно-либеральные круги и противники конституционных новшеств лелеяли надежды на заключение при посредничестве Англии и Франции «почетного мира» с Австрийской империей, король и сторонники возобновления войны направляли усилия на реорганизацию армии, предпринимали попытки создания федерации итальянских государств. Этот план вынашивал и активно пытался реализовать В. Джоберти. Назначенный королем 15 декабря 1848 г. главой правительства и министром иностранных дел, он декларировал принципы независимости и объединения Италии в качестве правительенной программы, инициировал роспуск парламента и новые выборы, которые дали значительное преобладание в нем либерально-демократическому большинству. Пьемонтское правительство в этот период пыталось выступить в роли посредника между папой и правительственными кругами в Риме, вести переговоры с неаполитанским королем и тосканским временным правительством об образовании Лиги итальянских государств. Однако в ходе их выявилась явная невозможность совместных действий ярых реакционеров, подобных неаполитанскому королю и «поправевшему» Пию IX, умеренных либералов, каковым в основе своей оставался сам Джоберти и его единомышленники в Тоскане и Римской

области, и демократов, полагавших, что настало их время вершить судьбы Италии. Потерпели неудачу и надежды на мирное посредничество Англии и Франции — из-за бескомпромиссной позиции Австрии, не желавшей поступиться своими владениями в Италии, а также из-за отхода английской и французской дипломатии от активной поддержки национального и объединительного движения в Италии. В этой сложной обстановке Карл Альберт решился на возобновление войны за независимость в заведомо невыгодных для Пьемонта условиях. 12 марта 1849 г. правительство объявило о денонсации августовского перемирия и намерении через восемь дней (срок, определенный условиями перемирия) возобновить военные действия.

Мотивы этого рискованного решения были весьма сложными. Здесь имели место опасения короля перед дискредитацией династии и института монархии из-за неудачной войны, надежды, что в случае военного успеха удастся реализовать одобренный plebiscitами 1848 г. проект вхождения Ломбардии, Венецианской области, Пармы и Модены в состав Сардинского королевства (характерно, что сторонники возобновления войны из числа пьемонтских демократов и эмигрантов заверяли, что население этих регионов, как и в марте 1848 г., поднимется на борьбу, что обеспечит благоприятный исход антиавстрийской войны) и таким образом упрочатся международные позиции и королевства, и самого монарха. Однако надежды на реванш за поражение при Кустоцце рухнули из-за непредвиденного для пьемонтского генералитета хода быстротечной военной кампании, продолжавшейся всего 8 дней. 20 марта 1849 г., опережая действия неприятеля, австрийские войска, сосредоточенные заблаговременно на границах Пьемонта, вступили на его территорию и осуществили разгром захваченной врасплох армии Карла Альберта. Кульминацией военной кампании стала битва при Новаре — одно из кровопролитных сражений своего времени (потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести, попавшими в плен составили около 6,5 тыс. человек). Убедившись в невозможности продолжать войну, 28 марта 1849 г. Карл Альберт спешно запросил перемирия, отрекся от престола и покинул страну. Через несколько месяцев он скончался от тяжелой болезни в приютившей его Португалии. Наследовавший ему в экстремальных условиях сын Виктор Эммануил II (передача ему королевских полномочий и регалий произошла в резиденции короля в Новаре в присутствии узкого круга приближенных) был вынужден принять от Радецкого ультимативные условия перемирия, которые затем с небольшими изме-

нениями вошли в заключенный после долгих переговоров и затяжной политической борьбы в Пьемонте Миланский мирный договор. Согласно условиям перемирия и мира, Австрия добилась официального отказа от претензий Пьемонта на Ломбардию, Венецианскую область (признанных Турином австрийскими владениями), а также на центральные герцогства Италии. Пьемонт был вынужден эвакуировать вооруженные силы из соседних с ним государств и территорий, распустить добровольческие воинские соединения из «австрийских подданных» — ломбардов и венецианцев, вывести свою эскадру из Адриатики. Королевство выплатило крупную денежную компенсацию Австрии «за ущерб, причиненный войной». В качестве гарантии выполнения этих обязательств Австрия обеспечила себе право временно разместить гарнизоны в Александрии и ряде других стратегически важных центров Пьемонта и получила возможность тормозить восстановление вооруженных сил королевства под предлогом уплаты оговоренной договором компенсации.

Трагический исход войны за независимость ускорил консолидацию реакционных сил в итальянских государствах, получивших прямую поддержку Австрийской империи, Англии, а после поправления курса Второй республики — и Франции. Их совместными усилиями, при активном участии Пия IX и духовенства, а также регулярных войск Королевства обеих Сицилий был разгромлен либерально-демократический режим в Тоскане, обеспечена реставрация абсолютных монархий в Тоскане, Парме, Модене, задушена Римская республика и восстановлен теократический режим в Папской области.

Было подавлено автономистское движение в Сицилии; в августе 1849 г. после длительной и мучительной блокады перед пре-восходящими силами Австрии капитулировала Венеция — последний очаг революции и патриотического движения 1848–1849 гг. в Италии и Европе. Наступила так называемая «вторая Реставрация», обернувшаяся повсеместно усилением реакции и карательно-репрессивными мерами. Патриотические силы страны — как либеральные, так и демократические — расплатились сполна за свои дерзания, ошибки, иллюзии, просчеты тысячами жизней, преследованиями, вынужденной эмиграцией, тягостным зрелищем униженной вновь родины и ощущением утраченных шансов на казавшуюся близкой победу.

Определенным исключением на фоне возрождения абсолютских порядков и капитулянтства монархов перед диктатом Австрийской империи, а в Папской области — и Франции (ее экспе-

диционный корпус вплоть до 1867 г. являлся гарантом светской власти папы), вопреки поражению и тяжелым условиям перемирия, был Пьемонт. В нем нашли прибежище либералы и демократы всей Италии. Несмотря на попытки Виктора Эммануила II и «партии двора» вернуть себе свободу действий и пересмотреть конституционные нормы «Альбертианского статута», реальное соотношение сил в королевстве делало такой путь крайне рискованным и малорезультативным. Не увенчались успехом ни двухкратный роспуск парламента, долгое время отказывавшегося признать кабальные условия перемирия и ратифицировать Миланский мирный договор, ни частые правительственные кризисы, призванные уменьшить влияние либералов и демократов в политической жизни королевства. Более того, особенно с приходом на пост главы правительства пользующегося популярностью либерального деятеля М. Д'Адзелио (он оставался на этом посту вплоть до 1852 г.) сохранение конституционного режима в Сардинском королевстве стало восприниматься — не без сопротивления — и Виктором Эммануилом II, и пьемонтскими политическими кругами как важный фактор упрочения сотрудничества с Англией и Францией и противодействия новым антипьемонтским и антиитальянским претензиям Австрийской империи, активно поддерживаемым Россией и Пруссией.

Вплоть до августа 1849 г., да и после поражения революции, пьемонтская дипломатия пыталась выполнить роль посредника между монархами и общественными силами и движениями, тщетно убеждая Пия IX, Леопольда II и Фердинанда II в опасности отказа от конституционных форм правления и курса реформ. И хотя все миссии неизменно терпели неудачу, они создавали Пьемонту репутацию оплота борьбы за свободу и независимость, что сыграло немаловажную роль в последующих битвах Рисорджименто.

Опыт борьбы за конституционные реформы и революционного и освободительного движения в 1846–1849 гг., несмотря на неудачу войны за независимость, поражение революции и установление «второй Реставрации», сыграл немаловажную роль в упрочении в общественном сознании активной части населения итальянских государств, особенно Северной и Центральной Италии, ценностей свободы, независимости, стремления к преодолению политической раздробленности Италии и конституированию итальянского государства. Выявилась тесная взаимосвязь и взаимозависимость этих компонентов «итальянского вопроса», так же как и пагубность пренебрежения патриотических сил в отноше-

нии остроты накопившихся в Италии социальных проблем, в особенности аграрного вопроса. Стала очевидной порочность абсолютистских режимов, обреченных ходом истории, равно как не принимавшего этого в расчет консервативного курса папства, вставшего с 1848 г. в открытую оппозицию делу независимости и объединения страны. Пий IX воспользовался поражением революции, чтобы задушить в зародыше вызревавшее в католических кругах направление «либерального католицизма».

В итоге битв 1846–1849 гг. окрепла политическая и организационная основа либеральных и демократических течений общественного движения. При всей несходности и противоречивости взглядов либералов и демократов на национальные задачи и пути их решения, а также на выбор приоритетов между ценностями свободы, независимости и единства, эти силы действовали в 1848–1849 гг. в едином направлении, решая — каждая в меру своих возможностей и с учетом особенностей тех социальных сил, на которые они ориентировались, — задачу преодоления отсталости, раздробленности и зависимости страны и создания предпосылок становления национального итальянского государства. Именно в эти годы — в ходе повстанческой борьбы, массовых движений, отвоевания гражданских и политических свобод, опыта конституционных и республиканских режимов, войны за независимость, осознания пагубности абсолютизма и деспотизма и важной роли активной гражданской позиции — в Италии были существенно расшатаны устои традиционистской культуры и стереотипы иерархически структурированного общества. На базе осознания ценностей свободы, независимости и гражданского достоинства был сделан важный шаг по пути становления национального сознания — важного условия становления национального государства.

Тогда же, из-за пагубности партикуляристских и династических предпочтений итальянских монархов и солидарных с ними социальных сил, стали очевидными несостоительность либеральных федералистских проектов в виде верхушечного союза итальянских государств и трудность формирования итальянской государственности (после многих веков раздробленности) на базе демократической децентрализации, за которую боролись демократы-федералисты.

После 1848–1849 гг. среди либералов Италии возладали надежды на обретение свободы и единства страны с помощью Сардинской монархии и военно-дипломатических усилий Пьемонта. Демократы же, настойчиво, но тщетно оспаривая утверждавшую-

ся гегемонию либерально-конституционных, монархических сил, по-прежнему ратовали за народную революцию и упивались со-зыв Учредительного собрания как формы выражения народного волеизъявления. Это не мешало им быть, подобно либералам, поборниками унитарного устройства будущего итальянского государства. Причудливый синтез этих двух конкурирующих проектов на завершающем этапе Рисорджименто предопределил комбинированный путь рождения итальянского государства как плода военно-дипломатических и политических комбинаций «сверху» и народных инициатив революционного свойства «снизу».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Италии / Под ред. С. Д. Сказкина и других. М., 1970. Т. 2; Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). М., 1981; Она же. Народ и заговорщики. М., 1991; Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. М., 1971; Она же. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981; Мизиано К. Ф. Революция 1848–1849 гг. в Италии // Революции 1848–1849 гг. М., 1952. Т. 1–2; Она же. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., 1955; Невлер В. Е. Даниэле Манин и Венецианская республика 1848–1849 гг. М., 1978; Он же. Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831–1860. М., 1982; Рутенбург В. И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII–XVIII вв. Л., 1980; Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997; Тарле Е. В. История Италии в Новое время. СПб., 1901 и другие.
- ² См. главы И. В. Григорьевой по итальянской историографии в кн.: Историография Нового времени стран Европы и Америки. М., 1990; Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000. Также см.: Correnti ideali e politiche della sinistra italiana dal 1849 al 1861 / Atti del XXI convegno storico toscano (26–29 mag. 1975). Firenze, 1978; Maturi W. Interpretazioni del Risorgimento. Torino, 1962; La storiografia italiana negli ultimi vent'anni. Milano, 1970. V. 1–2.
- ³ Грамши А. Избранные произведения. М., 1957–1959. Т. 1–3; Берти Д. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965; Канделоро Д. История современной Италии. М., 1958–1979. Т. 1–7; Он же. Католическое движение в Италии. М., 1955.
- ⁴ Bertolotti M. Le complicazioni della vita. Storie del Risorgimento. Milano, 1998; Galasso G. Italia nazione difficile. Contributo alla storia politica e culturale dell' Italia unita. Firenze, 1994; Levro U. Fare gli italiani. Memoria e celebrazione del Risorgimento. Torino, 1992.
- ⁵ Цит. по кн.: Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano dal 1700 al 1870. Milano, 1949. P. 52–53.
- ⁶ Цит. по кн.: Salvatorelli L. Op. cit. P. 55.
- ⁷ Цит. по кн.: Salvatorelli L. Op. cit. P. 68, 72–73.
- ⁸ Цит. по кн.: Salvatorelli L. Op. cit. P. 144–145.
- ⁹ La Restaurazione in Italia. Strutture e ideologia / Atti del XLVII congresso di storia del Risorgimento italiano. Cosenza, 15–19 sett. 1974. Roma, 1976. P. 100–101.
- ¹⁰ Tivaroni C. L'Italia durante il dominio austriaco. Torino; Roma, 1896. Vol. 3. P. 389–390, 393–394.
- ¹¹ Ковальская М. И. Движение...; Канделоро Д. История... Т. 1–2; Берти Д. Демократы...; Della Peruta F. I democratici e la rivoluzione italiana. Milano, 1958; Galante Garrone A. F. Buonarotti e i rivoluzionari dell' Ottocento. Torino, 1951 etc.

- ¹² О национальной программе Д. Мадзини, его влиянии на общественную мысль Европы и европеизме Мадзини см.: *Mazzini e il mazzinesimo / Atti del 46 congresso di storia Risorgimento* (Genova, 24–28 sett. 1972). Roma, 1974.
- ¹³ *Mazzini G. Scritti editi ed inediti* (далее — *Mazzini G. SEI*). Imola, 1906. Vol. 2. P. 298.
- ¹⁴ См.: *Кирова К. Э. Жизнь...; Ковальская М. И. Италия...; Невлер В. Е. Демократические силы...; Берти Д. Демократы....*
- ¹⁵ *Mazzini G. SEI*. Imola, 1910. V. 5. P. 140–141.
- ¹⁶ См.: *Канделоро Д. История... М.*, 1962. Т. 3. С. 32.
- ¹⁷ *Герцен А. И. Собр. соч. М.*, 1956. Т. 3. С. 108.
- ¹⁸ *Mazzini G. Scritti politici*. Torino, 1972. P. 382.
- ¹⁹ Ibid. P. 360, 361, 373, 382 etc.
- ²⁰ О политических воззрениях Кавура в 40-х — начале 50-х гг. см.: *Серрова О. В. Парламентаризм в восприятии итальянского либерала // Из истории европейского парламентаризма. Италия*. М., 1997; *Romeo R. Cavour e il suo tempo*. Bari, 1977. Т. 1–2.
- ²¹ В дневниковых записях 30-х гг., оценивая шансы на перемены в Сардинском королевстве после воцарения в 1831 г. Карла Альберта, Кавур писал: «...почти невозможно, чтобы Карл Альберт изменил свой способ правления таким образом, чтобы я мог с достоинством ему служить». См.: *Cavour C. Diarii (1833–1856)*. Roma, 1991. Vol. 1. P. 108.
- ²² Ibid. P. 32–33.
- ²³ Ibid. P. 33.
- ²⁴ Ibid. P. 253.
- ²⁵ О деятельности либералов в 40-х гг. см.: *История Италии... Т. 2; Канделоро Д. История... Т. 2; Ковальская М. И. Италия...*
- ²⁶ Цит. по кн.: *Канделоро Д. Католическое движение... С. 66–67.*
- ²⁷ См.: *Канделоро Д. История... Т. 2. С. 440–442.*
- ²⁸ *Montanelli I. L'Italia del Risorgimento (1831–1861)*. Milano, 1974. P. 254, 263.
- ²⁹ *Gioberti V. Scritti scelti*. Torino, 1954. P. 368.
- ³⁰ *Salvatorelli L. Op. cit. P. 283–286.*
- ³¹ Цит. по кн.: *Salvatorelli L. Op. cit. P. 287.*
- ³² О начале и ходе реформ см.: *История Италии... Т. 2; Канделоро Д. История... Т. 3; Tomeucci L. Massimo d'Azeglio. Autore e padre della questione italiana*. Bologna, 1969.
- ³³ Цит. по кн.: *Popolo e commune. 1848–1889. Il paese reale verso le istituzioni*. Imola, 1989. P. 31.
- ³⁴ Цит. по кн.: *Tomeucci L. Op. cit. P. 83.*
- ³⁵ Ibid. P. 127.
- ³⁶ *Cavour C. Epistolario*. Bologna, 1962. Vol. 1. P. 130–131.
- ³⁷ *Gioberti V. Carteggi*. Roma, 1936. Vol. 2. P. 54–56.
- ³⁸ Ibid. P. 56.
- ³⁹ Ibid. P. 85–86.
- ⁴⁰ Цит. по кн.: *Istituto per la storia del Risorgimento / Atti e memorie del XXVII congresso nazionale Milano, 19–20 marzo 1948*. Milano, 1948. P. 57.

- 41 Ibid. P. 60.
- 42 Ibid. P. 64–66.
- 43 Об отношении к этому процессу Меттерниха и австрийской дипломатии, а также о позиции Пия IX и других итальянских государей см.: *Montanelli I*. Op. cit. P. 181–191.
- 44 Цит. по кн.: *Istituto per la storia... / Atti e memorie del XXVII congresso...* P. 177–178.
- 45 *Dagli stati preunitari d' antico regime all' unificazione*. Bologna, 1981. P. 236–240.
- 46 Герцен А. И. Указ. соч. С. 101.
- 47 *Ferrari G. Scritti politici*. Milano; Napoli, 1957. P. 15–16.
- 48 *Mazzini G. Scritti politici...* P. 662.
- 49 Ibid. P. 569.
- 50 Дебидур А. Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. 2. С. 9–10.
- 51 О мартовских событиях в Ломбардии и Венецианской области см.: Канделоро Д. История... Т. 3; Невлер В. Е. Даниэле Манин...; Он же. Демократические силы...; Революции 1848–1849 гг. Т. 1; *Cattaneo C. Dell'insurrezione di Milano nel 1848 e della successiva guerra*. Firenze, 1949.
- 52 Цит. по кн.: Канделоро Д. История... Т. 3. С. 215–216.
- 53 *Nuove questione di storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia*. Milano, 1961. V. 2. P. 7–9.
- 54 О позиции Пия IX по отношению к войне за независимость и реакции общества см.: Канделоро Д. История... Т. 3. С. 255, 266–267; К. Каттанео отозвался на папское обращение 29 апреля 1848 г. следующим образом: «Пий IX был создан согражданами, дезавуировал же он себя сам». *Montanelli I*. Op. cit. P. 240.
- 55 *La repubblica Veneta nel 1848–1849*. V. 2. *Documenti diplomatici*. Padova, 1954.
- 56 Канделоро Д. История... Т. 3. С. 251.
- 57 Tomeucci L. Op. cit. P. 262; *Salvemini G. Scritti sul Risorgimento*. Milano, 1963. P. 99.
- 58 *Montanelli I*. Op. cit. P. 244–245.
- 59 О взаимоотношениях Ломбардии, Венецианской области и Пьемонта см.: Невлер В. Е. Даниэле Манин... Гл. 2–3; Канделоро Д. История... Т. 3. С. 239–246; *La repubblica Veneta...* V. 2. P. 354–355, 368; 1848–1849. *La consulta straordinaria della Lombardia*. Verona, 1950. P. 268–271.
- 60 Mazzini e il mazzinesimo... P. 290, 332.
- 61 О борьбе за объединение Пьемонта и Ломбардии, Венецианской области и центральных герцогств и итогах плебисцитов см.: Канделоро Д. История... Т. 3. С. 311–312.
- 62 Дебидур А. Указ. соч. Т. 2. С. 20.
- 63 1848–1849. *La consulta straordinaria...* P. 364; *La repubblica Veneta...* V. 2. P. 253, 347 etc.
- 64 *Cattaneo C. Op. cit. P. 244–246*.
- 65 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 391–393.

IV. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Революция 1848 г., начавшаяся во Франции как политическая, а в ряде других европейских стран как социально-политическая, в Австрийской империи приняла ярко выраженный национальный характер. В серии народных движений, возникших во многих провинциях империи, социальный момент (антифеодальные цели) и политический (упразднение абсолютистских порядков) уступил первое место национальному, и уже к осени 1848 г. национальный фактор стал доминирующим моментом общественной жизни¹.

Почва для национального и социального взрыва еще до французской революции была удобрена, подготовлена в наивысшей степени в двух из обширных владений Габсбургов — моноэтничном Ломбардо-Венецианском королевстве и полиэтничном королевстве Венгрия — всем ходом социально-национального и духовного развития итальянцев, мадьяр и других народов этих стран в предреволюционную эпоху.

1. Начало революции в империи Габсбургов: Прессбург—Вена—Пешт

Мадьяры первыми в Австрийской империи откликнулись на февральские события 1848 г. во Франции. «Весть о Февральской революции в Париже, — писал австрийский историк Э. Цёллнер, — зажгла сначала Венгрию...»²

Как только вести о происходящем в Париже, тщательно скрывавшиеся австрийским полицейским режимом, достигли Прессбурга (Пожонь, Братислава), где заседало Государственное собрание Венгерского королевства, оппозиция сочла момент подходящим для перехода к решительным действиям. Устами лидера оппозиции Л. Кошути она потребовала ответствен-

ного перед национальной законодательной властью правительства и конституции для всей империи. Последнее имело особенно важное значение: Венгрия потребовала введения конституционного строя не только для себя, но и для всей обширной среднеевропейской империи. Тем самым венгерская революция, сохранив свой национальный характер, потенциально получила шанс выйти из национальных рамок, в отличие от других национальных революций, которые выдвигали лозунги и требования, направленные исключительно на реализацию задач и потребностей собственной нации.

Венгерская инициатива была по достоинству оценена либеральными и демократическими кружками и объединениями (фрейнами) Австрии. В течение недели, с 6 по 13 марта, воодушевленные речью Кошути, они формулировали петиции на имя императора в духе документа, принятого Государственным собранием Венгрии. Речь Кошути 3 марта вошла в историю Австрии как «крещенская речь австрийской революции», как документ «огромной силы убеждения и воздействия», «полный логики и пафоса»³.

Характерно, что в начавшемся петиционном движении полностью отсутствовала национально-немецкая окраска. В петициях были сформулированы социальные и экономические требования, в том числе требования законодательного утверждения основных гражданских прав, равноправия религий, свободы публичного выражения мнений, свободы печати, гласности судопроизводства, свободы преподавания и обучения в университетах⁴ и упразднения барщинных отношений. Сословные органы всех территорий империи, представляющие все классы и группы интересов, должны были осуществлять право утверждения налогов, контролировать бюджет государства и подготавливать законы; подчеркивалось право общин на участие в администрации и в сословных учреждениях⁵. Эти требования были направлены на утверждение буржуазного конституционного строя, но с сохранением монархии и династии Габсбургов во главе ее; ни общегерманская, ни тем более австронемецкая идея в программе не фигурировала, точно так же как и принцип равноправия национальностей. Лишь в косвенной, опосредованной форме он нашел выражение в пункте о равенстве конфессий.

К середине марта цепная реакция революционных волнений охватила главные нервные центры империи — Вену и Пешт. 13 марта восстала имперская столица, через день ее почин подхватил Пешт. Буржуазная по характеру, социальному содержанию

нию и целям, демократическая по составу участвовавших в ней социальных групп, революция началась с заседания сословного ландтага Нижней Австрии, созванного в знак протеста против игнорирования властью поданных петиций. На заседании был зачитан текст речи Кошута. Ландтаг поддержали студенты, горожане, ремесленники, а также рабочие, хлынувшие из предместий в центр столицы. Пролилась первая кровь революции. Полиция и армейские части после нескольких стычек не выдержали энергичного напора масс. Вечером правительство ушло в отставку, абсолютистский режим пал. Точку поставилоспешное бегство в Лондон канцлера князя К. Меттерниха, злого гения Священного союза, душителя свободы и свободного духа на всем континенте. Лишь после его исчезновения с политической сцены народ Вены окончательно поверил в свою победу. Важнейшими ее достижениями стали свержение полицейского режима, отмена цензуры, упразднение феодальной зависимости крестьян.

В марте–апреле 1848 г. революция победила и в Венгрии. Как и в Австрии, она носила антифеодальный, антиабсолютистский характер. Венгерское королевство получило собственное, ответственное перед парламентом страны правительство, в которое в качестве министра финансов вошел Кошут. Буржуазные по содержанию политические, социальные и экономические реформы, осуществленные в стране в марте–апреле, не имели никакой специфически мадьярской окраски. Полезные и необходимые с точки зрения национального развития в равной мере всем народам королевства, они не предусматривали никакой дискриминации в отношении невенгерских национальностей. От аграрных преобразований, проведенных революционным венгерским правительством, выиграли все национальности, особенно аграрно-крестьянские по своей социальной структуре. Именно по этой причине первый этап венгерской революции — с марта по май — в плане межнациональных отношений прошел безоблачно, а весна 1848 г. оказалась в Венгрии поистине «Весной народов». Венгерскую революцию с энтузиазмом встретили все народы королевства, пробужденные ею к национальной жизни, — славяне, румыны, немцы, евреи. Согласие было полное: даже воинственные сербы-границары (жители Военной границы), верные слуги династии Габсбургов, вначале выступали солидарно с венграми.

2. Венгерская революция и национальности: ошибки национальной политики революционной власти

Народы Венгрии стремились к продолжению буржуазных преобразований и, в частности, к развитию аграрно-крестьянской реформы. Национальные же элиты с нетерпением ждали от новой власти провозглашения особых национальных прав и гарантий национально-культурного развития в рамках Венгерского государства. Между тем руководство революции было уверено, что факта предоставления общегражданских прав, политических свобод и освобождения крестьян без выкупа более чем достаточно, чтобы удовлетворить чаяния народов и сделать их союзниками революционного правительства. Однако славяне и румыны, а главное, возглавившие их политические элиты рассуждали иначе. Это выяснилось уже в первые весенние месяцы в ходе создания национальных программ.

В привилегированных условиях находилась автономная административная область Хорватия-Славония*. Она сохранила свой особый статус в рамках владений короны св. Стефана и поэтому венгерское революционное правительство выделило ее среди других национальных территорий. Уже 28 марта, выступая в Государственном собрании, Кошут предложил предоставить хорватам право пользоваться родным языком в своих внутренних делах, венгерский же оставался языком официальным. Подобная уступка, возможно, была бы достаточна для других народов королевства, но не для хорватов, сознававших исключительность своего положения и опиравшихся на принцип государственного (исторического) права. 23 марта в Загребе открылось хорватское Национальное собрание. Оно к традиционному требованию о восстановлении Триединого королевства, т. е. воссоединения Хорватии-Славонии с Далмацией (административно она была отделена от королевства Венгрия и управлялась непосредственно из Вены) и хорватским участком Военной границы добавило требование о признании хорватского языка официальным. Водушевленные этим примером сербы Южной Венгрии 27 марта потребовали права на использование в своих внутренних делах родного языка⁶.

Первоначально пожелания национальностей, которые не имели, подобно хорватам, каких-либо прав и привилегий, происходивших из феодального прошлого, были весьма скромны и

* См. гл. VIII данной книги.

не затрагивали суверенитета и территориальной целостности Венгерского государства. Это прежде всего относилось к словакам, наиболее многочисленному из славянских народов Венгрии. У словаков отсутствовал единый культурный и политический центр: в XIX в. Братислава по этническому составу жителей была немецко-мадьярским городом и как бы столицей королевства Венгрия, где заседало его Государственное собрание. Отсутствие у словаков признанной феодально-государственной традиции в прошлом делало чрезвычайно сложным хотя бы приблизительное определение территориальных рубежей словацкого этноса. Словаки не были едины в конфессиональном отношении, большинство исповедовало католицизм, но достаточно внушительное меньшинство (примерно пятая часть населения Словакии) являлось лютеранами. Главный же негативный момент состоял в отсутствии у словаков национальной церкви, церковной организации, которая бы могла служить целям национального движения, как, например, у венгерских сербов. Церковный раскол имел негативные последствия и для формирования словацкой нации. Лютеране с XVI в. в качестве языка литургии и литературного пользовались чешским языком, католики — одним из трех диалектов народного словацкого языка (западнословакским). Лишь незадолго до революции 1848 г. усилениями Л. Штура и его сторонников этот диалект был канонизирован в качестве литературного языка⁷. Однако против языковой реформы Штура выступил один из основоположников концепции славянской взаимности Я. Коллар⁸.

Все эти обстоятельства ставили словацкое движение в гораздо менее благоприятные условия, чем национальные движения хорватов, поляков, русинов (украинцев) и чехов. Национальную идею, культивировавшуюся небольшой группой словацких и чешских «будителей», поддерживала узкая прослойка людей свободных профессий. Словацкое крестьянство, удовлетворенное в целом аграрными преобразованиями венгерской революции, осталось равнодушным к национальным лозунгам интеллигенции. Две вооруженные экспедиции кучки сторонников Штура, организованные на чешской территории и направленные в комитаты (административные единицы Венгерского королевства), населенные словацким большинством, успеха не имели. Крестьяне, получившие землю и свободу, видели в действиях словацких «будителей» контрреволюционные проимперские устремления. Шахтеры-словацкие добровольно вступали в ряды венгерской добровольческой армии, чтобы защищать завоевания революции.

На первых порах лидеры национального движения словаков ограничивались языковыми требованиями. Так, собрание словаков комитата Липто по инициативе евангелического пастора М. Ходжи высказалось за употребление словацкого языка в комитатской администрации. Венгерское руководство прореагировало на это довольно жестко, приняв в апреле 1848 г. решение послать правительственные комиссаров в комитаты, населенные словаками. В мае было отдано распоряжение об аресте трех словацких «агитаторов» Л. Штура, Й. Гурбана и М. Ходжи, которые к этому времени оказались в Праге, где вскоре приняли участие в антиавстрийском восстании. Суровые меры властей последовали после состоявшегося в Липтовски-св. Микулаше 10–11 мая собрания словаков, которое внесло качественно новую, более радикальную струю в национальное словацкое движение. В числе 14 пунктов резолюции, принятой собравшимися, наиболее значительными были следующие: передача в собственность крестьян всех земель, ими обрабатывавшихся, а не только барщинных; реорганизация Венгрии на началах федерации; созыв общевенгерского парламента, в котором должны быть представлены все национальности, и региональных парламентов для каждого народа; формирование национальной милиции со словацкими офицерами и, главное, предоставление словакам территориальной автономии, создание словацкой национальной администрации. При условии выполнения этих требований лидеры движения от имени словацкой нации обещали простить мадьярам «девятисотлетнее угнетение»⁹.

В национально-политических выступлениях словаков мадьяры без достаточных на то оснований усмотрели влияние интриг царской России и проявление «панславистской активности», хотя панславизм Штура и его соратников носил характер скорее платонический, а не реально политический. Национальное самосознание словаков, несмотря на достигнутый в 1830–1840 гг. заметный прогресс и на активную идеологическую и политическую поддержку чехов, было менее зрелым, а национальное движение гораздо менее организованным и структурированным, чем у других народов Венгерского королевства. В языковом и отчасти в культурном плане словаки были близки к чехам, а с точки зрения материальной культуры и быта, некоторых элементов народной культуры (танцы, песни, фольклор и т. п.) скорее тяготели к мадьярам. Тысячелетнее сосуществование в одном государстве наложило отпечаток на культурный облик обоих народов, и отношение их к революции обнаруживало больше сходства, чем расхождений.

Солидарность с пештскими революционерами демонстрировали либерально-демократические круги румын Венгрии и Трансильвании*. С просьбой допустить применение румынского языка в трансильванских комитатах, где большинство населения составляли влахи (как называли в то время румын венгры), выступили участники собрания молодежи в Клуже (Коложвар, Клаузенбург) 28 марта 1848 г.

Румыны Венгрии и Трансильвании вместе взятые являлись самой большой после мадьяр национальной группой населения, приблизительно 2,5 млн. человек. Свыше одного миллиона румын проживало в Венгрии, преимущественно в восточном Банате, Кришане и Марамароше. В самой Трансильвании в 40-х гг. XIX в. проживало 1,3 млн. румын, около 600 тыс. мадьяр и 200 тыс. немцев (саксов и швабов)¹⁰. Главным элементом административной системы оставались комитаты, в большинстве которых власть осуществляло венгерское дворянство. Особыми правами и привилегиями пользовались саксонские округа, пространственно разбросанные, но объединенные в особую единицу, которая называлась Королевская земля, или Заксенланд. Существовала еще одна административная область — Земля секеев (секеи — одна из этнических групп венгров), которая находилась на юго-востоке недалеко от границ с Валашским княжеством, явившимся вассалом Османской империи. Конституция Трансильвании признавала только три «политические нации» — венгерскую, саксонскую и секейскую. Эти три «нации» и были представлены в высшем законодательном органе страны — Государственном собрании Трансильвании. За бортом конституции остались румыны, не имевшие прав и привилегий. Из общей бесправной массы выделялись те из них, на долю которых выпало оказаться на территории трансильванского участка Военной границы, где румыны служили в составе двух императорских полков. В подавляющем же большинстве румыны были крестьянами, скотоводство и земледелие являлись традиционным их занятием; немногочисленную дворянскую прослойку представляли бояре из приграничного с Валахией комитата Фэгераш.

Положение крестьян, румынских и венгерских в равной мере, в Трансильвании было намного хуже, чем в Венгрии, в юго-восточных областях которой (восточный Банат с городом Тимишоара (Темешвар) и комитаты Бихар, Сатмар, Арад, Марамарош) проживало не меньше румын, чем в самой Трансильвании. Ради-

* См. гл. IX данной книги.

кально изменить положение крепостных крестьян и покончить с застывшими средневековыми структурами в общественном строе и политике было возможно только в случае распространения на Трансильванию революционного законодательства. Поэтому особое значение приобрел лозунг воссоединения Венгрии и Трансильвании, выдвинутый венгерскими либералами еще в период движения за буржуазные преобразования в 1830–1840-х гг. При этом их мало заботило мнение румын на этот счет как до, так и после начала революции. К немногим исключениям относился трансильванский магнат М. Вешшелени — один из влиятельнейших руководителей движения реформ. В апреле 1848 г. он направил главе революционного правительства письмо, в котором поставил вопрос о необходимости при оформлении унии обеспечить доступ румын в представительные учреждения, назначать чиновников из румын в местные органы власти, освободить православную церковь в Трансильвании от господства карловацкого сербского патриархата; предлагалось также послать в районы компактного расселения румын эмиссаров для разъяснения политики и целей революционного правительства¹¹.

Политически активная часть немногочисленной румынской интеллигенции — преподаватели и слушатели церковных школ и училищ, чиновники и торговцы, приветствовавшие в марте 1848 г. победу венгерской революции, — связывали свою поддержку с определенными условиями. Лидер левого крыла, издатель ведущей румынской газеты Г. Барициу ратовал за воссоединение страны с Венгрией, высказываясь в то же время за обеспечение прав родного языка в церкви, школе и местной администрации, за реорганизацию комитатской системы по примеру швейцарских кантонов¹². Консервативно-клерикальное крыло румынского движения под руководством С. Бэрнуциу требовало признания румын «четвертой нацией» и допущения их представителей в сословное собрание Трансильвании. В противоположность либералам Бэрнуциу выше всего ставил национальную идею¹³, по его инициативе в конце марта и апреле по всей Трансильвании прошла широкая кампания за обсуждение вопроса об унии на специальном собрании. 15–17 мая 1848 г. в местечке Блаж состоялось собрание с участием десятков тысяч крестьян. Оно приняло текст петиции императору, в которой, в частности, говорилось: «Румынская нация заявляет о своей вечной и непоколебимой преданности императору и австрийскому дому... Румынская нация провозглашает свою национальную самостоятельность и заявляет, что считает себя на основе равных прав и свобод неотъемлемой частью Трансильвании»¹⁴.

Венгерские лидеры прошли мимо грозного предупреждения, прозвучавшего в Блаже. Государственное собрание Трансильвании 29 мая 1848 г. приняло закон об унии, полностью презрев законные пожелания абсолютного большинства населения страны. Сословия не прислушались и к призыву пештских революционеров, которые еще 26 мая категорически заявили: «Уния Трансильвании с Венгрией без румын вообще не должна ставиться на обсуждение»¹⁵. В принятых законах о национальных правах румын не было сказано ничего. Правда, в одной из статей упоминалось о признании «правового равенства родины, невзирая на национальность, язык и религию, как вечного и неизменного принципа»¹⁶. Кроме того правительство опубликовало манифест, в котором заявило, что «считает все народы Венгрии и Трансильвании без различия религии и языка братьями... В отношении права и свободы между нами нет и не будет различия»¹⁷. Но то же правительство в середине августа 1848 г. отклонило специальный законопроект о национальных правах трансильванских румын, содержавший очень важные для них положения относительно уравнения в правах обеих румынских церквей, свободы употребления румынского языка в школе, церковных делах, государственных учреждениях (последние обязывались принимать заявления и на румынском языке)¹⁸. 10 июня император, отказавшись перед этим принять верноподданническую петицию румын, подписал закон об унии. Трансильвания вновь вошла в состав Венгрии. На всех ее жителей независимо от национальной и религиозной принадлежности распространился закон о ликвидации крепостничества и другие завоевания революции.

Совсем по-иному развертывалось румынское движение в самой Венгрии. Банат и другие территории, населенные румынами, не стали ареной межнациональных конфликтов, во-первых, потому что революционные преобразования здесь проводились в жизнь сразу же после утверждения соответствующих законов в апреле 1848 г. Народные массы румын, швабов и других национальностей получили от революции ощутимые выгоды и до конца остались на позициях верности революции и лояльности венгерскому правительству. Кроме того, важным фактором являлись противоречия между православными румынами Баната и православной сербской церковью: румынские крестьяне, подчиненные в церковном отношении сербскому патриархату, вынуждены были вносить ему церковную десятину, поэтому национальная программа банатских румын включала, помимо лозунга автономии и обучения в школах на родном языке, требование создания от-

дельной от сербской, автокефальной церкви, назначения собственного епископа. Противостояние усилилось, когда сербы под флагом создания собственного национального воеводства предъявили претензии на восточную часть Баната, компактно заселенную румынами и этнически менее пеструю, чем западная его часть. Лидеры румын Е. Мургу, А. Влад, И. Драгош и другие, избранные в венгерский парламент на первых свободных выборах, стремились наладить сотрудничество революционных сил не только Венгрии и Трансильвании, но также княжеств Валахия и Молдавия. Они предложили венгерскому правительству вооруженную помощь, когда начался сербский мятеж.

Сербы задавали тон на юге Венгрии*. Уже весной 1848 г. там сложилась тревожная, чреватая межнациональным вооруженным столкновением обстановка. В марте 1848 г., после начала венгерской революции, сербско-православный митрополит карловачкий И. Раичич, игнорируя пештское правительство, распорядился о созыве 13 мая 1848 г. церковного сабора (съезда) сербов. 8 апреля Кошут в Государственном собрании принял депутатию участников собрания сербов в Нови-Саде (Уйвидек, Нойзац), но категорически отклонил их требование о признании сербов Венгрии в качестве нации. Революционное правительство с самого начала не сумело проявить необходимую гибкость в сложнейшем, требовавшем особой осмотрительности и такта национальном вопросе, чем немало способствовало отравлению атмосферы в межнациональных отношениях. Венгерские либералы были искренни в своей упрямой вере в самодостаточность общих прав и свобод, равного доступа к материальным благам. Они отказывались понимать, почему свободным гражданам свободной страны должен быть предоставлен какой-то особый статус. Во время встречи с сербами Кошут разъяснял им, что государство «признает жителей отечества только в их совокупности, а не как касту или привилегированную группу; блага коллективной свободы оно распространяет на всех граждан, без различия национальности и религии. Сохранение единства делает повелительно необходимым, чтобы официальным языком был венгерский»¹⁹. Разговаривая с представителями сербского населения столь высокомерно, Кошут допустил крупный политический промах, не приняв во внимание ряд присущих сербской народности Венгрии важных особенностей, резко выделявших ее из всей массы венгерских славян и трансильванских румын. Динамичные сербы, прирожденные воины, обладали высокой социальной мобильностью, более высоким куль-

* См. гл. VIII данной книги.

турно-образовательным уровнем и материальным достатком, причем одним из источников их благополучной жизни были привилегии, предоставленные православной сербской церкви еще в 1690 г., после массового переселения в Венгрию сербов из Османской империи.

Национальное самосознание сербов находилось на достаточно высоком уровне. В этом отношении и по другим параметрам венгерские сербы превосходили балканских сербов, хотя те обладали национальной государственностью в форме находившегося под верховной властью Порты княжества Сербия со столицей в Белграде. Тем не менее для венгерских сербов притягательная сила балканского сербского государства, с течением времени все возраставшая, являлась важным фактором, и с этим пришлось считаться правителям как Австрии, так и Венгрии.

Отказавшись от диалога с сербами, венгерское руководство поступило опрометчиво и близоруко. 13 мая 1848 г. 8 тыс. сербов, среди которых были также эмиссары Белграда, собрались на сабор в Сремски-Карловцах (Карлоца) на Военной границе, недоступной для властей Венгрии. Сабор избрал митрополита Раячича патриархом, заявил о верности сербов австрийскому императору и провозгласил создание автономной сербской провинции «Воеводина»²⁰. В этой провинции сербы составляли меньшинство. Ее границы простирались далеко за пределы этнической сербской территории, охватывая всю Южную Венгрию с многочисленным румынским, немецким (швабским), венгерским, хорватским, словацким и русинским населением, а также частично включали и земли Хорватии-Славонии. Против этих «агрессивных», по выражению современного сербского историка, устремлений протестовали как мадьяры, так и швабы, «и в первую очередь румыны»²¹. Правительство самопровозглашенной автономии (Главный одбор) натравливало сербов не только против венгерских помещиков, но и против местного населения разных национальностей.

Общая враждебность сербов и хорватов революционной Венгрии способствовала устраниению их вековой отчужденности на конфессиональной почве. Православный патриарх Раячич отправился в Загреб, чтобы торжественно благословить И. Елаича в качестве бана Хорватии. Этот акт означал «символическое примирение ортодоксальных сербов и католических хорватов в империи Габсбургов»²². После консультаций с Елаичем патриарх поехал в столицу Тироля, где в это время находился императорский двор, бежавший после восстания венцев в мае 1848 г. Но открытой поддержки императора он не получил: австрийская революция все еще находилась на подъеме, и венская камарилья не

решалась бросить вызов революционной Венгрии. Тем не менее, воодушевленный поддержкой Белграда и хорватского бана, Главный одбор в прокламации «К сербской нации» 24 мая открыто выступил против Венгрии во имя «защиты трона императора и короля Фердинанда, а также сербской национальности»²³.

Уже в мае 1848 г. на юге Венгрии начались первые вооруженные столкновения на национальной почве. Эта была настоящая война с участием регулярных войск с обеих сторон. Но войну эту, не санкционированную официально Фердинандом, императором австрийским и королем венгерским, то есть верховным правителем обеих враждующих сторон, вели войска Австрийской империи, которыми командовали императорские генералы и офицеры. Войска обеих сторон шли в атаку под императорскими штандартами, с той лишь разницей, что рядом с ними развевались национальные флаги сербов либо мадьяр. Это объяснялось тем, что революционная Венгрия еще не имела своего национального войска и вынуждена была использовать дислоцированные на ее территории части императорской армии, разумеется, при благосклонном отношении к революционной власти их командиров. Сербы же «национализировали» императорские войска Военной границы²⁴. На помощь им прибыли 10 тыс. добровольцев из княжества Сербия во главе со своими офицерами²⁵.

Сербское движение 1848–1849 гг., констатирует сербский историк, «в противоположность венгерскому революционному движению, известно в первую очередь своим национальным характером. И скорее в негативном, чем в позитивном смысле, учитывая, что преимущественно оно боролось на стороне Австрии против революционной Венгрии»²⁶. К началу лета 1848 г. национализм сербов, как и других народов империи, постепенно терял свое первоначальное социальное содержание, все более приобретая черты чисто национального движения. Параллельно происходило ослабление роли либерально-демократических элементов в движениях национальностей и переход лидерства к умеренно-консервативным силам. Политическим результатом этого процесса было сползание их на позиции безусловной защиты династии и империи как от революции венгерской, так и от самой австрийской, которые сохранили социальный заряд и ориентацию на закрепление и углубление буржуазных преобразований в сфере политических прав и гражданских свобод. Революционные силы не хотели войны с югославянами, но они не использовали всех возможностей, чтобы добиться компромиссного решения конфликта с сербами и хорватами и предотвратить превращение их в грозное орудие династических интересов.

3. Политические маневры венского двора в национальном вопросе

Консервативная по своей природе династия Габсбургов в национальном вопросе, как ни парадоксально, заняла из чисто тактических соображений более либеральную позицию. Оказавшись в Вене фактически пленником революционного народа, австрийский император Фердинанд I обнародовал 25 апреля 1848 г. так называемую октroiированную конституцию, которую венские революционеры из-за централистских и абсолютистских элементов, в ней заложенных, с негодованием отвергли. В конституции предусматривалось создание двухпалатного парламента: в верхнюю палату должны были войти представители помещиков и назначаемые императором лица; участие в выборах депутатов нижней палаты обуславливалось высоким имущественным цензом; император имел право накладывать вето на решения обеих палат. Выступление народных масс Вены, возмущенных этой куцей конституцией, заставило императора 15 мая отменить ее. Но обещав ввести всеобщее избирательное право, разрешить созыв учредительного рейхстага, он спустя два дня тайно покинул столицу и укрылся вместе с семьей в далеком Инсбруке, в Тироле.

Однако даже такая конституция, навязанная стране антидемократическим способом, содержала формальное, но принципиально очень важное положение. Оно гласило: «Всем народам монархии гарантируется неприкосновенность их национальности и языка»²⁷. Гораздо более демократичная конституция Венгрии подобного положения не содержала. Наличие в австрийской конституции национальных гарантii в дальнейшем способствовало возникновению у народов империи иллюзии относительно династии, мобилизации их против венгерской революции. Этому способствовали также щедрые обещания Фердинанда. Еще 8 апреля за его подписью была опубликована так называемая Богемская хартия, содержавшая значительные уступки национальному движению чехов*. Она провозглашала создание в Праге ответственного исполнительного органа с широкими полномочиями, управление в правах чехов с немцами, признание чешской национальности, а также полное равноправие чешского языка во всех сферах государственного управления и в преподавании. Более того, предусматривалось даже обсуждение вопроса об объединении трёх

* О национальном движении чехов см. гл. VI данной книги.

земель короны св. Вацлава на предстоявшем конституционном собрании Австрии. Это обещание Габсбургам было тем легче исполнить, что с просьбой выступала высшая богемская аристократия. Частично эти обещания стали реальностью: 29 мая в Праге сформировалось правительство Чехии во главе с видным представителем родовитой богемской знати графом Л. Туном-Гогенштейном, стоявшим на национальных позициях. В кабинет вошли также чешские национальные лидеры Ф. Палацкий и Л. Ригер.

Такт и осмотрительность отличали и подход австрийской власти к национальному вопросу в Галиции*. Межнациональная ситуация там была достаточно сложной. Как в западной, польской части Галиции, так и в восточной, где численно преобладали русины (украинцы), и в экономической, и в политико-административной сфере монопольно доминировала польская шляхта. Крестьянство Восточной Галиции было отдано на откуп ей имперской властью, поэтому и социальный вопрос здесь приобретал обличие конфликта двух славянских народов — польского и украинского. Сохранить господство над многомиллионной массой крестьян-русинов, чью стихийную ярость польские помещики испытали на себе в 1846 г., они могли только при помощи австрийских штыков. Но и австрийская власть не могла обойтись без опоры на польскую шляхту. Во время восстания 1846 г. в Галиции сложилась, на первый взгляд, странная ситуация, когда австрийские войска в течение нескольких дней безучастно наблюдали, как взбунтовавшиеся мужики громили и жгли помещичьи усадьбы, жестоко расправлялись с их обитателями, а через несколько дней те же войска, спасая шляхтичей, с не меньшей жестокостью усмирили крестьян. Такое мнимо нейтральное поведение власти стало грозным предупреждением Австрийского государства галицийской шляхте, которое приняла к сведению часть польского общества. В опубликованном в Париже открытом «Письме польского дворянина князю Меттерниху о резне в Галиции» его автор граф А. Велепольский решительно осудил революционно-романтическую политику шляхты в Галиции, направленную против монархии Габсбургов²⁸.

Урок из галицийских событий извлекли не только польские помещики. О нем помнило также венгерское дворянство, когда в 1848 г. решало аграрно-крестьянский вопрос. На опыт 1846 г. опиралась и австрийская власть, которая в своей борьбе против

* Подробнее см. гл. V данной книги.

фронтирующей части польской шляхты была не прочь в случае необходимости бросить на чашу весов русинскую национально-крестьянскую карту. Вена умело пользовалась ею в Галиции с целью шантажа поляков, оказывала известную поддержку культурно-национальным устремлениям нарождавшейся украинской нации. Это не означало, однако, что Габсбурги готовы были пожертвовать интересами польского господствующего класса в Галиции, своего естественного союзника, ради классово чуждой массы русинского населения.

Играть на противоречиях различных народов, извлекать выгоды из их противоположных национальных и экономических интересов, шантажировать сильнейшую сторону угрозой уступок противной стороне — такую политику с успехом проводил наместник Галиции граф Ф. Стадион. Ему удалось перевести в спокойное русло мартовские волнения во Львове и Кракове и покончить с революционным брожением в крае уже в апреле 1848 г., хотя отдельные, изолированные вспышки имели место в обеих галицийских столицах осенью 1848 г. Практически с апреля национальное движение в Галиции развивалось в русле петиционной кампании. Декретом 24 апреля 1848 г. Стадион отменил барщину и сделал крестьян свободными собственниками барщинных наделов. Он инспирировал создание политического органа русинов — Главной русской рады, которая требовала раздела провинции на две части по этническому признаку.

Галицийская проблема имела еще один весьма опасный для Австро-венгерской монархии аспект — международно-правовой. Факт раздела польской территории между Пруссией, Россией и Австро-Венгрией превратил польский национальный вопрос в одну из острых проблем европейской политики и европейской демократии XIX в. Конечной целью национального движения поляков в этих трех государствах было, независимо от политической окраски, возрождение Речи Посполитой. Актуализация проблемы в международном плане неминуемо влекла за собой нарушение территориальной целостности трех держав, именно по этой причине польский вопрос представлял особую опасность для империи Габсбургов. Не случайно К. Меттерних из Лондона неоднократно предостерегал своих единомышленников в Австро-Венгрии перед опасностью «польско-мадьярского комплита»²⁹.

В 1848–1849 гг. Австро-венгерская монархия сумела избежнуть опасности интернационализации внутриавстро-венгерской польской про-

блемы благодаря глубокому пониманию теснейшей взаимосвязи социального и национального вопросов. Но несмотря на благополучный для империи исход конфликта в Галиции, польская политическая эмиграция доставила в эти годы много хлопот имперским властям. Она участвовала в освободительном движении итальянцев, оказывала дипломатическую и непосредственную военную поддержку революционной Венгрии. За польско-венгерским альянсом Меттерних видел широкий международный заговор. Этот аргумент, с особым акцентированием в нем польского момента, он использовал, чтобы добиться вооруженного вмешательства России, когда весной 1849 г. победы венгерской армии поставили Австрию на грань военной катастрофы³⁰.

4. Австрийская революция и славяне: проблема объединения Германии и австрославизм

Начало австрийской революции характеризовалось общим энтузиазмом населения империи Габсбургов, независимо от национальной принадлежности, и межнациональным революционным сотрудничеством. В частности, в марте–апреле 1848 г. согласованно действовали революционные организации чехов и немцев Моравии и Богемии. На собрании в Святовацлавских купальнях в Праге была выдвинута первая совместная программа буржуазной революции с либеральными государственно-правовыми требованиями. Диссонанс в первоначально намечавшееся весной чешско-немецкое согласие внесли события, связанные с идеей великогерманского национального единства. Первым шагом к объединению Германии с включением в ее состав Австрии должен был стать созыв общегерманского Национального собрания (парламента)*.

В собрании, открывшемся 17 мая во Франкфурте-на-Майне, Австрия была представлена делегацией в составе 115 человек. Либерально настроенный эрцгерцог Йоганн Габсбург был избран председателем Франкфуртского национального собрания³¹. В центре дебатов оказался вопрос о двух возможных вариантах восстановления национального единства немцев — малогерманском и великогерманском. Последний подразумевал воссоединение Австрийской империи с остальными германскими государствами полностью либо частично. Эту идею вынашивала небольшая группа консервативной венской аристократии, в мечтах своих видевшая великое германское государство во главе с Габсбургами, центр которого находился бы в Вене. Однако вопрос о вхождении Австрии в новую объединенную Германию натолкнулся на непреодолимые преграды. Проблема государственного единства немцев по существу затрагивала судьбы десятков народов Средней Европы.

Большинство депутатов Франкфуртского национального собрания категорически возражали против включения в состав будущего германского государства империи Габсбургов в целом, так как это означало бы включение также комплекса стран и народов, ничего общего с Германией и немецкой нацией не имевших. Проглотить и, главное, «освоить» столь большой кусок среднеевропейского региона с конгломератом языков, этносов и конфессий было не под силу даже великой германской нации.

* Подробнее см. гл. II данной книги.

Сознавая это обстоятельство, идеологи великогерманской идеи вовсе не жаждали иметь в лоне национально единой Германии «чужеродные» тела, которых к тому же было бы трудно растворить в германском море. Поэтому великогерманский вариант решения немецкого национального вопроса оставался практически нереализуемой утопией даже в чрезвычайных условиях охватившей почти весь континент революции.

Шансы на успех мог бы иметь малогерманский вариант, который предусматривал воссоединение с Германией лишь собственно Австрии. Но исторически сложившаяся Австрия была этнически неоднородна. В ее состав входили так называемые наследственные земли — чешские и словенские*. В обыденном австронемецком сознании они воспринимались как органическая часть Австрии. Казалось, чехи и словенцы давно интегрированы в составе коронных земель Габсбургов со смешанным, славянско-немецким населением. В этих австрийских провинциях (особенно в Моравии) издавна сложился специфический местный (земельный) патриотизм, который еще не успел окончательно уступить позиции наступавшему этнокультурному национализму XIX в. Наряду с этническим чешским сознанием и локальным патриотизмом, не менее важным элементом национальной идеологии чехов в XIX в. было также сознание принадлежности к Австрии — так называемое *австрийство*. Я. Малый, видный деятель чешского национального движения, писал незадолго до революции 1848 г.: «Мы как чехи являемся также австрийцами, это значит, что мы члены такого сообщества народов, с дальнейшим сохранением которого связано наше собственное существование. Вместе со мной это чувствует каждый просвещенный чех, это твердое, внутреннее убеждение всех нас»³². «Австрийство» отличали рационализм и реалистическое восприятие действительности; эмоциональное начало в нем почти полностью отсутствовало. Чуждо присущей национализму романтической воодушевленности, оно обуславливалось в первую очередь отношением индивида и этносоциальной группы к политической общности и государству. Исторически «австрийство» было обречено уступить напору бурно развивавшегося этнокультурного национализма, хотя и в 1848 г. и в последующий период оставалось значительным фактором в чешской идеологии и политике. Ведущий орган чешского национального движения «Народни новини» («Народные новости») в апреле 1848 г. внес важное уточнение в толкование

* О национальном движении чехов и словенцев см. гл. VI и VII данной книги.

этого понятия: «В политическом смысле мы все австрийские граждане, но в национальном смысле мы не австрийцы»³³.

Национализм нового образца с акцентом на языковые, этно-культурные ценности приобретал в 1840-е гг. все большую популярность у чехов. Этот процесс шел параллельно с ростом и мощным расцветом такого же типа этнокультурного национализма у немецкого населения Чешских земель. Этнокультурный национализм не стал отрицанием чешского исторического права, имевшего феодальное происхождение, а включил его в свой идейный и политический арсенал. Подобное сочетание разнородных постулатов национальной идеологии типологически сближало чехов с мадьярами, поляками, хорватами. Однако опора на историческое право делала позицию чехов не менее уязвимой, чем позицию поляков или мадьяр, так как исторические Чешские земли, или земли короны св. Вацлава (Чехия, Моравия и Силезия), не являлись этнически однородной территорией.

Согласно подсчетам чешского историка И. Коржалки, в 1846 г. в королевстве Богемия (т.е. в Чехии) проживало 2 598 774 чеха (59,77% всего населения) и 1 679 151 немец (38,62%); в маркграфстве Моравия — 1 253 320 чехов (70,23%) и 493 492 (27,65%) немца; в герцогстве Силезия — 93 561 (20,08%) чех и 222 616 (47,77%) немцев. В Силезии чехи занимали по численности лишь третье место, второе же место после немцев принадлежало полякам — 146 877 чел. и 31,52%³⁴. В самой Чехии немногим меньше 60% чехов противостояло почти 39% немцев, что никак нельзя считать незначительной величиной. А если присовокупить к этому еще высокий культурный и политический уровень немецкого населения, доминирующие позиции его в экономике, то картина получится весьма внушительная, не дающая права причислять немецкий элемент Богемии просто к «национальному меньшинству». Поэтому лозунг возрождения королевства Богемия, т.е. Чешских земель, понимаемый в этническом смысле, означал игнорирование реальной этнокультурной ситуации и отрицание законных национальных прав немецкого населения. Для него Чехия являлась такой же родиной, как и для чехов.

Немаловажным фактором, ослаблявшим позиции чешского национального движения в Австрии, была административно-политическая разобщенность чехов, которая сложилась исторически, существовала на протяжении нескольких столетий и сохранялась в течение большей части XIX в. «Далеко идущая административная разделенность между Богемией и Моравией/Силезией, — пишет М. Грох, — десятилетиями действовала как фактор

дезинтеграции в формировании чешской нации»³⁵. В 1848 г. чехи прекрасно сознавали это обстоятельство, и отсюда вытекали настойчивые усилия национального движения устраниить этот неблагоприятный фактор.

Коронные земли — Богемия, Моравия и Силезия — были лишены единой системы управления, каждая из них имела собственное правительство и ландтаг. Моравские и силезские города Брно (Брюнн), Оломоуц (Ольмюц), Острава (Острау), в отличие от чешских, долго сохраняли свой немецкий облик, управляли ими немецкие магистраты. Язык чехов и мораван характеризовали существенные диалектические различия. Все это в конечном счете сказывалось на политической культуре мораван и на характере национального движения, которое в Моравии ориентировалось не на конфронтацию, а на компромисс с немецким соседом. Весьма примечательно, что в шести избирательных округах Моравии, в том числе в округах со славянским большинством, в июне 1848 г. прошли выборы делегатов во франкфуртское общегерманское собрание, которые в Чехии бойкотировали. Мораване отклонили идею о восстановлении Королевства св. Вацлава, тем самым публично выразив свое нежелание воссоединиться с Богемией³⁶. Все это свидетельствовало о неоднозначности проблемы национального единства чехов в этнонациональном и этнополитическом смысле применительно к комплексу Чешских земель.

В Богемии по мере развития буржуазно-капиталистических отношений обострялась борьба за гегемонию между элитами чешского и немецкого этноса. В то же время наличие внешних угроз — со стороны Германии в первую очередь и России во вторую (угрозы скорее воображаемой) — побуждал богемских чехов, как и мораван, делать основную ставку на сильную Австрию. Поскольку на карту было поставлено само существование чехов как самостоятельной нации при наличии потенциальной опасности германизации, чехи, подобно другим малым славянским народам, испытывали острую нужду во внешней поддержке и опоре на внешние силы. Такую силу они видели в идее славянской солидарности. Не случайно родоначальником идеи славянской взаимности стал чех Й. Добровский, другими ее носителями являлись чехизированные словаки Я. Коллар и П. Шафарик, а также близкий к чехам Л. Штур. Несмотря на общие идеино-политические истоки и «кадровую» общность славизма обоих родственных народов, в их подходе к общеславянской идеологии имелись существенные различия. Если опора на единство славян и на Россию как первую славянскую державу для словаков имела, в сущности, жиз-

ненно важное значение, то в чешской идеологии и тем более в политике этот фактор играл второстепенную роль.

Так или иначе, национальное существование чехов и будущее этой нации замыкались на Австрийском государстве. Призрак нарождавшейся Великой Германии делал остро необходимым сплочение вокруг Австрии, достаточно сильной, чтобы противостоять ей и защитить своих славян. «Австрия должна быть полностью самостоятельной, полностью независимой, могущественной империей; в ней мы, наконец, достигнем *Славы*», — писал в первые дни революции К. Гавличек-Боровский, используя игру слов «славяне» — «слава»³⁷.

Трезво оценивая исторически сложившуюся в регионе геополитическую ситуацию, связывая судьбу своей страны с судьбой Австрии, чешские лидеры столь же энергично отмежевывались от общности с Германией. «Великогерманцы» из «комитета пятидесяти», на который была возложена подготовка общегерманского собрания с целью объединения Германии, пригласив австрийских славян на это чисто немецкое «мероприятие», проявили тем самым полнейшее непонимание национально-политической ситуации в монархии Габсбургов. Даже демократически настроенные левые представители австронемецкого национального движения полноправными политическими нациями в империи признавали только немцев, мадьяр, итальянцев и поляков. Словенцы и чехи казались им такими же этническими группами, как провансальцы, эльзасцы, бретонцы во Франции или валлийцы в Англии. Единственным теоретическим основанием для включения в Великую Германию славянских народов Австрии, достаточно сомнительным, впрочем, служило то обстоятельство, что коронные земли Габсбургов (включая чешские и словенские вместе с собственно австрийскими) входили некогда в состав Священной Римской империи германской нации, а после ее ликвидации, то есть с 1815 г., — в Германский союз. Поэтому уже в начале 1840-х гг. в чешской публицистике раздавались голоса за выход Чехии из Германского союза. К. Гавличек-Боровский, формулируя национальную программу чехов в условиях начавшейся революции, выдвинул в качестве одной из важнейших целей национального движения полный разрыв стран короны св. Вацлава с Германским союзом³⁸.

Несколько позже работа общегерманского парламента во Франкфурте воочию показала, сколь обоснованными были опасения чехов. Выступления немецких делегатов не оставляли никаких сомнений в том, что присоединение Чешских земель вместе с Австрией к новой Германии являлось для них само собой разумеющимся. Об этом свидетельствовали также благонамерен-

ные предложения и резолюции немецких делегатов об обеспечении в объединенной Германии этнических и языковых прав немецкого населения (чехов, поляков и др.) в школе, церкви, в местной администрации³⁹. Точно так же немецкие националисты в идеи чехов о возрождении средневекового Королевства св. Вацлава видели угрозу своим национальным интересам. По этой причине они решительно возражали против всяких попыток административного обособления Чешских земель от остальной Австрии. Одновременно они выступали за включение Австрии в состав Германии. Еще дальше шел организованный в апреле 1848 г. «Союз немцев Богемии, Моравии и Силезии», который выступил против введения чешского языка в гимназиях и реальных училищах даже этнически чешских областей и в Пражском университете⁴⁰. В целом вся немецкая либеральная демократия, независимо от политических позиций и от различий в убеждениях, включая и ту ее часть, которая была готова на компромиссы и далеко идущие уступки в национальном вопросе, не мыслила себе Австрию без немецкой гегемонии в той или иной форме.

Час прозрения в лагере великонемецких националистов наступил, когда 11 апреля с открытым письмом к общегерманскому собранию обратился Ф. Палацкий. Категорический отказ чешского лидера ехать во Франкфурт произвел огромное впечатление на немцев. Чешская нация, заявил он, не желает ни посылать своих представителей во Франкфурт, ни присоединяться к объединенной Германии. Чехи, говорилось в письме, хотят оставаться в Австрии, существование которой отвечает интересам всей Европы. Устами Палацкого чешская нация однозначно заявила о своей лояльности общей родине — Австрии, но Австрии обновленной, либеральной, конституционной, где чехам были бы гарантированы равные права с немцами⁴¹.

Так был провозглашен лозунг *австрославизма* — влиятельнейшей среди славян Австрии политической доктрины, потенциально ориентированной на установление в конечном счете славянской гегемонии если не во всей империи, то по крайней мере в ее австрийской половине. Чехи во многом следовали венгерскому примеру, хотя и не симпатизировали мадьярам. Как и мадьяры в Венгрии, они хотели стать «господствующим народом» в землях Чешской короны⁴².

Австрославизм являлся отрицанием как пангерманизма, так и панславизма, хотя генетически и был связан со всеславянской идеей как один из ее региональных вариантов. Другим ее вариантом стал *югославизм*, возникший как осознанная и четко сформу-

лированная политическая платформа позднее и тоже на австро-венгерской почве. Но на практике как хорват Елаич, так и серб Рајачич осуществляли австрославистскую доктрину. Сербы и хорваты, пишет американский историк Ч. Елавич, «поддерживали концепцию австрославизма», желая «реструктурировать империю Габсбургов таким манером, чтобы славяне получили большую роль в управлении»⁴³.

Австрославизм, представлявший собой, по определению И. Коржалки, «существенную составную часть многонационального австрийства», достиг своего высшего расцвета в политической идеологии чешского «буржуазно-национального движения» накануне и в период «Весны народов»⁴⁴. Поддержка австрославистами Австрии была, по мнению австрийского историка Р. Г. Плашки, обусловлена необходимостью обеспечения «свободного развития малых славянских народов между блоками пангерманизма и панславизма»⁴⁵.

Приблизительно по чешскому сценарию шло развитие национального движения словенцев, предпосылки и условия которого были еще менее благоприятными, чем у чехов, так как более ощутимой являлась территориальная расчлененность словенского этноса. Исторически сложившиеся административные границы обусловили чересполосицу словенских поселений. Словенский этнос концентрировался в четырех коронных землях Австрии: Крайне, Каринтии, Нижней Штирии, Приморье (включавшем автономные административные образования — Горицу и Градишку, Истрию, Триест). Небольшая часть словенского населения находилась также на территории Венгрии (Муракёз–Прекмурье). Революция сделала возможным выдвижение на первый план в качестве приоритетной цели национального движения ликвидацию территориально-административной раздробленности словенского народа. Возникшие в Вене и Праге национальные общества «Словения», а также словенские депутаты ландтагов Штирии, Каринтии и Крайны выступили с требованием образовать в составе Австрии Словенское королевство. К нему относились бы, в частности, преимущественно немецкие по характеру города на севере и итальянские на юге. Во всем Приморье, в том числе в Триесте, итальянский доминировал как язык администрации и культурно-просветительных учреждений⁴⁶, что объяснялось длительным вхождением части этой провинции в состав бывшей независимой Венецианской республики. Процесс германизации, который происходил в северных, населенных словенцами районах, здесь, в Приморье, присоединенном к Австрии лишь в 1797 г., почти не ощущался. Таким образом,

объекты и цели движения словенцев на севере и юге были разные — первые боролись против немецкого культурного, социально-экономического и политико-административного засилья, а вторые — против итальянского.

Лозунг объединения словенцев возник в первые же дни австрийской революции, а к концу апреля 1848 г. была детально разработана программа создания Объединенной Словении. Однако территориальные границы будущей автономии не были определены. Неясны были и сами принципы решения вопроса, поскольку, в отличие от хорватов, чехов, поляков, у словенцев отсутствовал исторический прецедент: у них не было в прошлом собственного государства. Мнения сторонников автономии разделились. Одни хотели включить в пределы новой административной единицы все земли, где имелись словенские поселения, что привело бы к конфронтации не только с австрийскими немцами, но и с хорватами и с венграми. Другие выступали за частичное решение вопроса. Правда, этот вариант предполагал ломку исторически сложившейся системы коронных земель и был сопряжен с большими трудностями. Помимо всего прочего существовал еще земельный, или провинциальный, патриотизм, эмоциональная привязанность немцев и словенцев к «своим» коронным землям. В результате сложным оказалось даже выделение небольших округов по этническому признаку. Австрийский рейхstag уже в 1849 г. выдвинул многообещающую на первый взгляд идею структурного переустройства Цислейтании (наследственных земель Габсбургов) путем создания моноэтнических по возможности национальных округов и даже включил ее в текст так называемой кромержицкой конституции, но так и не сумел последовательно и полностью справиться с этой задачей. Конституционный проект предусматривал образование лишь двух национальных округов в Штирии (для немцев и для словенцев), и по одному в Каринтии и Приморье⁴⁷.

Больше шансов на реализацию было у проекта создания Иллирийского королевства, имевшего определенные исторические обоснования. В 1809 г. из отторгнутых у Австрии земель Наполеон Бонапарт создал иллирийские провинции, и они просуществовали некоторое время и после восстановления территориального единства империи Габсбургов. В первой завоеванной революцией конституции 25 апреля 1848 г. в числе других провинций Австрии Иллирия упоминалась в качестве территориально-политической национальной словенской провинции, объединявшей Каринтию, Крайну и Приморье. «Королевство Иллирия» фигурировало и в октроированной конституции 4 марта 1849 г. Оно включало Ка-

rintию, Крайну, Горицу и Градишку, Истрию и Триест⁴⁸. На самом деле «Королевство» существовало только на бумаге да в длинном списке многочисленных титулов австрийского императора. Вопрос о нем обсуждался осенью 1849 г. и вызвал серьезные разногласия в правительстве. Влиятельный министр внутренних дел А. Бах, вскоре ставший премьером и давший свое имя всему режиму неоабсолютизма («баховская система», «баховская эра»), потребовал полного упразднения Иллирии как административной единицы, в частности, потому, что, как он говорил, другие коронные земли не «симпатизируют объединению с Крайной», где словенцы составляли подавляющее большинство (свыше 90%) населения. Но главный мотив, послуживший основанием отказа от идеи создания объединенной провинции словенцев под приемлемым для австрийского правосознания названием «Иллирия», не был связан с антисловенскими или антиславянскими настроениями, тем более что в течение всей революции в словенских землях не происходило столкновений на национальной почве между местным австронемецким и словенским населением. Австрийская власть, озабоченная опасностью вооруженной борьбы итальянцев, была заинтересована в объединении населенных ими провинций со словенскими. Австрийское правительство, судя по протоколу его заседания, считало, что в случае «отделения Гёрца (Горицы, Гории. — Т. И.) и Истрии (от Крайны. — Т. И.) враждебный итальянский элемент в этих провинциях, который до сих пор был парализован решительным поведением Триеста, вновь поднимет голову, а при объединении их с Крайной... он был бы подавлен *славянским, то есть австрийским, элементом*»⁴⁹. Отождествление «славянского» с «австрийским», достаточно многозначительное само по себе, свидетельствовало по меньшей мере об отсутствии конфликтной ситуации между австрийской властью и австрийскими немцами, с одной стороны, и югославянами, с другой. В тех же районах, где славяне и немцы сталкивались с третьим фактором — с мадьярами или итальянцами, их взаимное стремление к сближению усиливалось.

С окончательным поражением революции пришел конец и поискам вариантов реструктуризации Цислейтании не только по этническому, но и по традиционному феодальному принципу. Политика торжествовавших победу Габсбургов покоялась на трех основополагающих «китах» — абсолютизме, централизации, германизации.

События, связанные с Франкфуртским национальным собранием, наглядно показали теснейшую связь австрийской революции с

революциями в Венгрии, Италии, Германии, а также взаимосвязь национальных движений в империи Габсбургов с вопросом о германском национальном единстве. Европейские революции обострили проблемы национального объединения немцев и поставили в повестку дня истории вопрос о судьбе австрийских немцев, как и десятка народов, живших с ними под одной крышей империи Габсбургов. Опасности, исходившие из возникновения в центре Европы мощного германского государства для национального развития соседних народов, первыми осознали чехи. Устами Палацкого они сказали «нет» такой Германии, которая бы поглотила и Австрию. Забота о сохранении самостоятельной и сильной Австрии стала в 1848 г. едва ли не главной заботой чешского национального движения. Требуя полного национального равноправия для славян монархии Габсбургов и в известном смысле также и ее федерализации, Палацкий в то же время решительно отвергал идею автономизации Австрии, так как опасался, что ослабленная таким образом страна станет легкой добычей России. «Подумайте о том, что раздробленная на кучу республик и республичек Австрия стала бы желанным материалом для создания русской универсальной монархии», — писал он в известном открытом письме от 11 апреля 1848 г.⁵⁰. Демонстративный отказ Палацкого поехать во Франкфурт не был отражением каких-либо изоляционистских настроений чешского общества. Наоборот, в том же письме Палацкий выступал за тесную экономическую связь Австрии, а значит, и Чехии с Германией.

Своеборзную позицию в отношении германского единства заняла революционная Венгрия. Она поспешила направить своих послов во Франкфурт, проявив, в отличие от чехов, большую заинтересованность в скорейшей реализации великогерманского варианта объединения Германии. Распад империи Габсбургов и присоединение ее австрийской части к Германии, как полагали мадьярские политики, избавил бы Венгрию от австрийской угрозы. Кроме того, они видели в будущей Великой Германии противовес России и борца против панславизма. Венгерская общественность, находясь под впечатлением жестокого подавления царским самодержавием польских восстаний, испытывала смертельный страх перед могучей Россией, а также и перед доморощенным панславизмом словаков и других венгерских славян, которых, как она считала, поддерживал царизм. И хотя в последнем случае имело место явное преувеличение, тем не менее в начале 1849 г. произошло то самое страшное, чего опасалась венгерская нация: когда революционная армия Венгрии вторично оказалась

на подступах к Вене, последовало вторжение русской армии в Венгрию, которое и решило исход борьбы между революцией и контрреволюцией в пользу последней. Венгрия стала жертвой русской интервенции, совершенной, правда, не во имя идеи панславизма, а во имя монархической солидарности, легитимности и незыблемости феодально-абсолютистских порядков в регионе. Весьма примечательно, что русской вооруженной интервенции уже в самом начале «Весны народов» опасались не только венгерские революционеры и венские демократы, но и известный панславист Л. Штур, который в связи с возможностью русского вмешательства высказал мнение, что Россия и есть «самый большой неприятель славян Центральной Европы»⁵¹.

Что же касается отношения к реальному врагу славян — Германии, то их позиция нашла яркое выражение на Славянском съезде в Праге в июне 1848 г.* Знаменателен был сам факт организации такого представительного собрания славянских народов, ставший возможным благодаря первым победам общеавстрийской революции. Поскольку съезд был задуман как противовес общегерманскому собранию, то вполне естественно, что одним из главных обсуждавшихся на нем вопросов был вопрос о дальнейшей судьбе Австрийского государства, а значит, и об отношении к германскому вопросу в целом. Ощущение угрозы пангерманизма было важным моментом, объединяющим все славянские народы. Большинство делегатов (исключая поляков) сплачивала также общая враждебность к мадьярам. Неприязнь существовала в равной мере как к либералам-революционерам, так и к контрреволюционерам-аристократам, несмотря на то что последние были такими же союзниками венской камарильи, как и сами национальные лидеры славян. Австрофильство их тоже было своеобразным: им легче было находить общий язык с австрийской реакцией, чем с австрийской демократией, и исполнение своих национальных чаяний они связывали не с победой венских масс, а с благосклонностью династии и двора. И не случайно, что двор во главе с императором укрывался от гнева народа не где-нибудь в Нижней или Верхней Австрии, а у неколебимо верных трону и династии мораван — в городках Кромержиж (Кремзир) и Оломоуц (Ольмюц).

На съезде выявился приоритет интересов отдельных славянских наций, в том числе еще не вполне сформировавшихся, над интересами общеславянскими. Югославяне стремились к созданию в рамках империи и под эгидой династии административной

* См. также гл. V и VI данной книги.

единицы, которая бы включала в себя Хорватию, Славонию, Далмацию, а также южновенгерские комитаты, населенные сербами. Словацкие лидеры, тесно связанные с чешскими, тем не менее отнюдь не горели желанием стать частью единого «чешско-моравско-словацкого народа». Так, словацкие делегаты добились устронения из текста петиции на имя императора предложенного чехами пункта с требованием о присоединении словацких земель к Чехии⁵². Глубокие разногласия между словаками и чехами обнаружились по вопросу об отношении славян к Австрии и Венгрии. В отличие от чехов, Штур и его сподвижники не верили в безусловную полезность сохранения империи Габсбургов и не видели необходимости в том, чтобы национальные движения опирались на династию и Австрию. Штур и даже менее дружественно настроенный к мадьярам Гурбан в своих выступлениях однозначно подчеркнули, что свои национальные проблемы словацки намерены решать, оставаясь в рамках Венгерского государства, и не собираются, следуя призывам чешских братьев, выходить из Венгрии и объединиться с чехами. Но эта позиция вовсе не означала отказа словацких лидеров решительно бороться за ликвидацию «правовой гегемонии» мадьяр в Венгрии. В единственном документе, который съезд успел принять, говорилось, в частности, о решимости добиваться признания за славянскими «народностями таких же прав в государстве, какими уже пользуются немецкая и мадьярская нации»⁵³.

В середине июня Славянский съезд перерос в Пражское восстание. Поскольку он, не завершив работу, был распущен властями 17 июня, восстание, происходившее с 12 по 17 июня, вполне может считаться эпизодом съезда, тем более что в нем активное участие приняли его делегаты (Л. Штур и другие видные деятели). Но восстание не было организовано Славянским съездом, а возникло стихийно, как протест населения чешской столицы, возмущенного бесчинствами австрийской солдатни. Главным антигероем и фактическим виновником восстания стал командующий гарнизоном фельдмаршал князь А. Виндишгрец. В Троицын день произошли столкновения с войсками, выведенными по приказу военачальника на улицы, центр города покрылся баррикадами, их вздвигали студенты, ремесленники, рабочий люд Праги. В ходе восстания погибли около 400 человек. Виндишгрец не скрывал своей ненависти к революции, к либералам, демократам, к пражскому плебсу, который платил ему тем же. Волнения в городе дали князю желанный повод для расправы с горожанами: 17 июня Прага подверглась варварскому артиллерийскому обстрелу и капитулировала⁵⁴.

Пражское восстание явилось важным событием в истории Чехии, но оно не было чисто национально-чешским, поскольку его участниками были также немецкие жители чешской столицы. Его демократический, классовый, антифеодальный характер очень точно определил Ф. Энгельс. Выступая по свежим следам пражской трагедии, он писал: «Австрийцы напали на народ не потому, что он чешский, а потому, что он революционный народ»⁵⁵. Реакция была более последовательной в политике и в действиях, чем плохо организованные национальные движения славян: у народных масс чешской провинции ни классовые, ни даже национальные интересы не сработали; восставшая Прага не получила поддержки ни с какой стороны. Тем не менее Пражское восстание было первым вооруженным выступлением чехов со времени их исторического поражения под Белой Горой в 1620 г. Оно подтвердило — революционный потенциал нации вовсе не иссяк.

Что же касается разогнанного Славянского съезда в Праге, то безрезультатным он оказался не только ввиду постигшей его печальной участи. Участники съезда не добились своей главной цели — славянского единения. Слишком различными, а порою и противоположными оказались интересы представленных на съезде наций. Это проявилось по отношению к революции и к Австрийской империи. Основная же причина провала заключалась в том, что славянские народы переживали интенсивный процесс формирования нации, доминирующей тенденцией которого была дифференциация, а не интеграция под эгидой общеславянской идеи. По этой причине съезду и не удалось выработать общую политическую платформу австровенгерского славянства в буржуазной революции. «Подлинное единство славяне на съезде проявили лишь в одном вопросе — отказе от включения славянских народов в объединенное германское государство»⁵⁶.

Поражение Пражского восстания было поражением не только славянского дела в Австрии, но и самой австрийской революции в целом. По выражению известного историка Р. Канна, «динамика и душа всех революционных движений были подорваны в июне 1848 г. распуском Славянского съезда в Праге и установлением там диктатуры Виндишгреца»⁵⁷. В Праге прозвучал первый сигнал о наступившем переломе в революционном процессе. Пролегла зrimая черта между революцией и контрреволюцией в масштабе всей Австрии, хотя потенциал революции далеко еще не был исчерпан, так же как и энергия и самоотверженность народа Вены — мозга и сердца революции. Но с углублением революционного процесса наступила неизбежная в таких случаях

дифференциация интересов участвующих в нем больших и малых социальных групп. В Австрии этот процесс происходил на рубеже весны–лета 1848 г., причем наметился отрыв все еще революционно заряженной столицы от остальной страны. Об этом свидетельствовали, в частности, слова солдатской песни, обращенные к народу Вены: «Вы, граждане Вены, подумайте о том, что Вы не Австрия и вы не можете командовать нами»⁵⁸. Эта песня–предупреждение появилась в летние месяцы, в период, когда, по мнению Э. Цёллнера, «революционный энтузиазм имущей буржуазии охладел и верх взяли патриотические настроения»⁵⁹. Подлинный взрыв «патриотических настроений», а точнее — австро-немецкого национализма, произошел не в связи с сомнительным с военной точки зрения успехом Виндишгреца в Праге, а благодаря громким победам в Италии армии Радецкого, в рядах которой храбро сражались хорватские полки и сербские граничары и из которой предпочитали дезертировать венгры, сочувствовавшие итальянцам и не желавшие служить Австрии. В битве под Кустоццей в июле 1848 г. генерал наголову разбил войска короля Карла Альберта. Австрия восторженно приветствовала престарелого командующего, который стал национальным героем. Ф. Грильпарцер, классик национальной литературы, величайший австрийский драматург, посвятил ему оду, в которой есть следующие строки: «Удачи Тебе, мой полководец, Австрия в Твоем лагере!» И. Штраус–отец сочинил свой знаменитый «Радецки-марш», который был впервые исполнен в августе 1848 г. А популярный драматург и актёр И. Нестрой в комедийном спектакле «Свобода в вороньем гнезде» едко высмеивал революционеров и демократов.

К чести Грильпарцера, человека, преданного своей австрийской родине и династии, уже в 1849 г. он, очевидно под влиянием многочисленных кровавых эксцессов на национальной почве, изменил отношение к национальной идеи и патриотизму. Из-под его пера вышла эпиграмма, которая звучала так: «Дорога новейшего Проповедования ведет от гуманизма через национальность к варварству» («Der Weg der neueren Bildung geht von Humanität durch Nationalität zur Bestialität»). Знаменательно, что на исходе 1848 и в начале 1849 г. победы того же австрийского оружия в Венгрии взрыва патриотических чувств у австрийцев не вызвали. Наоборот, народ Вены дважды поднимался на вооруженную борьбу в знак солидарности с венгерской революцией, уповая в этой борьбе против реакционного абсолютизма на вооруженную помочь со стороны венгерских армий. 6 октября 1848 г. рабочие венских предместий,

студенты, ремесленники остановили батальон верхнеавстрийских гренадеров, направлявшийся в Венгрию, и разоружил монархически настроенную часть национальной гвардии. Завершился этот день линчеванием военного министра Т. Латура и очередным бегством императорской семьи и двора из столицы, на этот раз в моравский город Оломоуц. Законопослушный австрийский рейхstag вслед за двором тоже проследовал в Моравию, в Кромержиж, где оставался и после падения революционной Вены. Отсюда происходит и его название, вошедшее в историческую литературу, — «Кромержижский рейхstag», сотворивший несколько позднее «Кромержижскую конституцию».

Тем временем имперская столица была обложена наступающими частями армий Виндишгреца и Елаича. Город сражался героически и отчаянно. Возглавил оборону столицы вместе с лейтенантом В. Мессенхаузером польский эмигрант полковник Ю. Бем. Лишь 31 октября войскам двух палачей австрийской революции удалось взять штурмом город, так и не дождавшийся прихода венгерской армии. На защиту империи от угрожавшей ей опасности грудью встали вновь, как и в сентябре, войска Елаича, которые остановили венгров у самого порога Вены, в деревне Швехат. На этом фактически и кончилась австрийская буржуазная революция. С этого времени революционно-демократическая Вена уже более не влияла на дальнейший ход событий. А кроме Вены в Австрии некому было взять на себя революционную инициативу.

Осень 1848 г. оказалась для Австрии поистине судьбоносной. Славянские движения в Австрии и Венгрии были единодушны и последовательны в одном вопросе европейской политики — в неприятии идеи Великой Германии. Национальные движения и их решительная борьба против воссоединения в любой форме Австрии с Германией, несомненно, сыграли важную роль в провале великогерманской концепции решения немецкого национального вопроса в 1848 г. Похоронили ее все же сами немцы. Произошло это во Франкфурте-на-Майне в октябре 1848 г.

Франкфуртское национальное собрание, заседавшее в Паульскирхе, основную часть своей работы начало в мае 1848 г. Австрийские депутаты принимали участие в заседаниях этого первого в истории общегерманского парламента до марта 1849 г., когда они были формально отзваны правительством князя Ф. Шварценберга после того, как австрийская революция была окончательно подавлена.

В конце октября 1848 г. в Паульскирхе происходило обсуждение конституционного проекта будущей «новой» Германии. В про-

ект вошло положение о несоответствии Австрии германским стандартам, сформулированное историком И. Г. Драйзеном в его обращении «Вопрос к Австрии». По мнению Драйзена, развивать высокую немецкую духовность способен был только протестантизм, католическая же Австрия, страна по своей природе «иной» культуры, не может стать органической частью единой Германии. Эту позицию не разделяла часть депутатов, и в Национальном собрании произошел раскол. Решающее голосование по двум важнейшим статьям проекта германской конституции состоялось 29 октября. Одна из них гласила: «Никакая часть Германского рейха не может быть объединена в одном государстве с ненемецкими странами»; в другой говорилось: «В случае если немецкая страна имеет общего главу государства с ненемецкой страной, взаимоотношения этих двух стран должны быть урегулированы на основе принципов персональной унии»⁶⁰. Эти две статьи нанесли смертельный удар великонемецким амбициям монархии Габсбургов, принятие их было несовместимо с сохранением империи в качестве единого государства, оно означало бы, по выражению Р. Канна, «политическое самоубийство» державы⁶¹. Поэтому новый глава австрийского правительства князь Ф. Шварценберг сделал попытку изменить ситуацию: 9 марта 1849 г. он официально обнародовал свой план реорганизации всего среднеевропейского региона. Предусматривалось, в частности, создание 70-миллионного австро-германского рейха во главе с Габсбургами, в который должна была войти вся империя целиком, включая Венгрию и североитальянские провинции. Но во Франкфурте над Австрией верх одержала гогенцоллерновская Пруссия. Она решительно не желала допустить в объединенную Германию свою вековую соперницу и с самого начала возглавляла малогерманскую партию. 28 марта 1849 г. Национальное собрание избрало Фридриха-Вильгельма IV «кайзером немцев». Однако Гогенцоллерн гордо отклонил честь быть императором, избранным народными представителями, ибо хотел быть монархом только «Божьей милостью».

Франкфуртский парламент убедительным образом продемонстрировал нежелание решающего большинства германской нации считаться со специфическими интересами австрийских немцев, равно как с их особым положением в Австрии и в империи Габсбургов. В обновлявшейся через революцию Германии австрийцы нашли не сочувствие к себе и понимание своих проблем, а скорее холодную отчужденность, граничившую с презрением и даже враждебностью. Именно в годы революции широкое распространение в Германии получило представление об австрийских немцах

как о «ненемцах», а об Австрии как о «ненемецкой стране»⁶². М. Хартманн, известный германский литератор и член Франкфуртского национального собрания, не скрывал своей ненависти к Австрии, которую называл «врагом свободы и германства», и жаждал видеть ее распавшейся на свои составные части⁶³. Таким образом, характеристика меттерниховской Австрии, действительно являвшейся гарантом раздробленности нации и несвободы в Германии, переносилась на Австрию революционную.

Антиавстрийские тенденции, ставшие столь очевидными в ходе работы Франкфуртского национального собрания, особенно в связи с его решениями, направленными на откровенное выдворение Австрии как нежеланной гостьи из «германской семьи», вызвали ответную негативную реакцию со стороны австрийских немцев. Перемена настроений выразилась в заметном ослаблении первоначального энтузиазма по поводу общегерманского единения. Правда, еще до ноября 1848 г. над шпилем собора св. Стефана в Вене гордо реял черно-желто-золотой общегерманский национальный флаг⁶⁴, но на первый план вновь выдвинулось чувство принадлежности австрийских немцев к полизтическому общеавстрийскому государству, несколько оттеснив лояльность к немецкой нации. Тем не менее осталось, несмотря на разочарование Франкфуртом, ощущение единства и общности «с нацией писателей и мыслителей», в первую очередь у образованных представителей австронемецкого общества. Политическая же элита руководствовалась несколько иными соображениями даже в самом начале революции, когда в обществе царил безраздельно дух общегерманского единения на этнической почве. Достаточно ясно сформулировал эту тенденцию один из вождей австрийской революции Г. Кудлих: «Венцы, то есть, собственно говоря, венские доктринеры, чиновники... хотят в Германию не безусловно, они при этом хотят самую малость — сохранить суверенитет, лишь при этом условии они готовы поехать во Франкфурт»⁶⁵.

Большее сочувствие Австрия и австрийские немцы встретили со стороны своих славян. Этот факт, казалось, получил убедительное подтверждение летом 1848 г., когда после первых в истории сравнительно демократических выборов родилось первое представительное законодательное учреждение Австрии — рейхстаг. Его заседания открылись 22 июля 1848 г. в венском Хоффбурге. Руководящую роль в рейхстаге играли виднейшие лидеры австрийских славян — чехи Палацкий и Ригер, а также поляк Ф. Смолька, избранный председателем*. На заседаниях сразу разразился межна-

* См. гл. V и VI данной книги.

циональный конфликт общегосударственного масштаба, он возник на языковой почве. Славянское большинство отклонило предложение австрийского либерала А. Фишхофа о том, чтобы рабочим языком был немецкий. Ссылались на то, что среди депутатов имеются крестьяне, не владеющие немецким, и это было действительно так. Но большинство славянских депутатов составляли люди образованные, к тому же многие из них, как показала работа Славянского съезда в Праге, могли общаться только на немецком, так как не обладали достаточным знанием языков других славянских народов. По существу, немецкого языка не знали лишь депутаты-русины, крестьяне из Восточной Галиции. Абсурдность создавшейся ситуации, видимо, сознавали и сами «принципиальные» противники немецкого, поскольку, в конце концов, с их молчаливого согласия рейхстаг продолжал в своей работе пользоваться формально не признанным немецким языком. Переломить настроения собрания помогло конструктивное предложение Г. Кудлиха перейти к обсуждению важнейшего крестьянского вопроса. При этом языковой конфликт не поколебал лояльности представленной в законодательном органе элиты славянских народов по отношению к Австрийской империи и дому Габсбургов.

Австрийский рейхстаг 1848–1849 гг. был первым к востоку от Рейна действительно представительным законодательным органом, избранным на основе демократического избирательного права и справедливого равномерного распределения избирательных округов. Именно это обстоятельство и низкий имущественный ценз на выборах обеспечили широкое представительство в парламенте славянских народов, массовое появление в его стенах чехов, поляков, румын, словенцев, причем из средних и низших слоев общества. Показательно, что из 383 депутатов лишь 160 были немцами⁶⁶. Внушительное славянское большинство конституционного собрания было отчасти обусловлено тем, что охваченные войной североитальянские владения Австрийской империи в выборах депутатов участия не принимали. Поэтому среди депутатов было незначительное число итальянцев, а также несколько представителей румын из Буковины. Социальный состав собрания также говорит о его уникальности для своего времени: в числе его членов было 94 крестьянина⁶⁷.

Доминирующее положение в парламенте, занятое славянством в результате выборов, придало необыкновенную уверенность его лидерам, впрямь поверившим в близкую возможность превращения Австрии в славянское государство. Тогда-то и прозвучало известное заявление Ригера о том, что «Австрия просуществует

столько, сколько захотят славяне». Слова эти были произнесены им на заседании рейхстага 11 сентября 1848 г., в тот день, когда императорские войска, ведомые Елаичем, форсировав пограничную реку Драву, вторглись в Венгрию. «Мы, славяне, представляем величайшую силу этого государства; оно держится нашими деньгами и нашей кровью, — сказал чешский лидер, — но только оно будет стоять столько, сколько мы захотим, а мы хотим этого»⁶⁸. Славянские депутаты по инициативе чехов решительно выступили против присоединения к Германии не только Австрии в целом, но и ее чисто немецких территорий, то есть в какой-то мере отказали им в праве на «национальное самоопределение вплоть до отделения».

Опасаясь ослабления Австрии, славянское большинство лавировало между схемами федерации и централизованного устройства Австрии, не решаясь сделать ставку на федерализм. Выступая в Кромержиже 22 января 1849 г., Палацкий объявил себя «абсолютным федералистом». Но федерализм этот, как выяснилось из дальнейших его рассуждений, был весьма своеобразным. «Абсолютный федералист» не допускал возможности преобразования Австрии в настоящую федерацию, так как это означало бы образование на ее территории «свободных государств», «о чем и речи быть не может». Все провинции, подчеркивал лидер чехов, должны оставаться «под наследственной властью монарха»; главная цель — сохранение единства государства⁶⁹.

Основное историческое достижение австрийского рейхстага заключалось в принятии первой, вероятно, в мировой истории конституции, в которой четко и безоговорочно признавалось существование разнозыких «племен» и национальностей и их равенство⁷⁰. Такая конституция стала возможной благодаря готовности к компромиссу немецких либералов и чехов, несмотря на разделявшие их серьезные разногласия как раз по национальному вопросу, а также благодаря тому обстоятельству, что в сложных и быстро менявшихся условиях революционных потрясений, при незначительном представительстве дворянства в собрании, депутаты были практически избавлены от вмешательства со стороны династии и исполнительной власти. Конституционный комитет разработал целый ряд предложений, имевших целью обеспечение национального равноправия в многонациональном государстве. В частности, за неукоснительным соблюдением законов о культивировании языка и национальности должна была следить верхняя, земельная, палата (*Länderkammer*). Кроме этого для разрешения возникающих на

национальной почве споров предусматривалось создание третейских судов. Чехами было предложено создание системы национальных курий, «как лучшее противоядие от национальной гегемонии»⁷¹. Куриальная система позднее нашла широкое применение в Австрии и других странах. Рейхстаг и его комитет стали подлинной лабораторией исследования и урегулирования национальных отношений на государственном уровне.

Первое представительное законодательное учреждение сыграло свою роль в сглаживании национальных противоречий в Цислейтании, в устраниении угрожавшего ей на первом этапе революции противостояния национальностей. И в том, что в Австрии удалось предотвратить войну национальностей, заслуга и рейхстага с его славянским большинством. Но австрославянский парламент оказался несостоятельным в разрешении австро-венгерского конфликта. В остройней ситуации, когда австрийская контрреволюция руками Елаичча начала агрессивную войну против революционной Венгрии, рейхстаг проявил себя не самым лучшим образом. Желая прекратить начавшееся кровопролитие в зародыше, Л. Кошут приложил усилия, чтобы спасти положение в обход императора и его правительства. По его предложению в Вену прибыла представительная делегация во главе с председателем палаты депутатов венгерского парламента Д. Пазманди. Мадьяры предлагали заключить соглашение о взаимных гарантиях сохранения конституционного строя в обеих странах и просили австрийский парламент выступить в роли посредника между венгерской нацией и императором. Однако, несмотря на отчаянные усилия немецкого меньшинства, славянское большинство во главе с чешскими депутатами не допустило делегацию Венгрии в рейхстаг. Решение было принято 19 сентября 1848 г. после ожесточенных дебатов, продолжавшихся в течение десяти часов, 186 голосами против 108 при одном воздержавшемся⁷². Тем самым была упущена «единственная в своем роде возможность народам самим урегулировать отношения друг с другом»⁷³.

5. Роль национальных движений славян и румын в поражении венгерской революции

Полковник граничарского войска И. Елаич был утвержден в должности бана Хорватии-Славонии 22 марта 1848 г. реескриптом Фердинанда без согласия правительства Венгрии и через неделю произведен в генералы. Ему оказали покровительство влиятельные политические фигуры при венском дворе, и его неожиданное возышение имело четко определенную цель, которую откровенно сформулировал барон Ф. Кульмер, назначенный в марте 1848 г. представителем хорватской Национальной ассамблеи при дворе. В письме Елаичу 30 марта он следующим образом сформулировал основную задачу нового бана: «Австрии необходимо обратно завоевать Венгрию, поэтому Вы должны позаботиться о верности Военной границы любой ценой». Само назначение И. Елаича было воспринято как объявление войны Венгрии: полковник был хорошо известен в придворных кругах не только своими консервативными взглядами и безусловной верностью династии, но и откровенной ненавистью к любой революции и в особенности к революционной Венгрии, о Государственном собрании которой он презрительно отзывался как об «адвокатской говорильне». Одним из первых шагов Елаича на посту бана стало издание приказа о запрещении всяких контактов хорватской администрации с правительством в Пеште, которое он считал «мятежным» несмотря на то, что оно было признано венским двором и утверждено императором. Официальные документы, поступавшие из венгерской столицы, возвращались нераспечатанными. Хорватский бан открыто вел дело к разрыву с революционной Венгрией еще до того, как на этот шаг решилась имперская контрреволюция. Елаич предпринял репрессивные меры против провенгерски настроенных хорватских дворян и фактически свободных крестьян округа Турополье, расположенного недалеко от Загреба⁷⁴. Бану удалось отеснить от руководства национальным движением хорватских либералов и превратить его в антимадьярскую кампанию. Готовясь к интервенционистской войне, он провел мобилизацию резервистов в Военной границе, а 2 мая 1848 г. под предлогом «турецкой угрозы» и опасности возникновения внутренних беспорядков ввел осадное положение в Хорватии и по всей территории Военной границы*.

* См. гл. VII § I данной книги.

Учитывая специфику положения Хорватии и ее особый статус в рамках Венгерского королевства, правительство Венгрии с самого начала проводило особую хорватскую политику, резко отличавшуюся от линии его поведения в других национальных окраинах. Кошут еще 28 марта торжественно заявил с трибуны Государственного собрания, что исторические права Хорватии будут неукоснительно соблюдаться. Мадьяры пытались укротить Елаича при помощи императора Фердинанда, пользуясь тем, что вплоть до начала июня 1848 г. двор и австрийское правительство продолжали сотрудничество с революционным режимом Венгрии. Одновременно они прилагали усилия, чтобы нормализовать отношения с Австрией и династией. Еще до бегства Фердинанда в Тироль венгерское правительство пригласило его прибыть в Буду и поставить себя под защиту венгерской нации. В свою очередь, австрийский двор корректно относился к венгерскому кабинету. В апреле командующие всех четырех военных округов Венгрии — Будайского, Темешварского, Петерварадского и Загребского — получили указание из Вены подчиняться всем приказам и распоряжениям венгерского военного министра. Поскольку Елаич не принял к исполнению инструкции венского начальства, 6 мая 1848 г. император уполномочил эрцгерцога Иоганна, палатина Венгрии, послать в Загреб королевского комиссара и в случае необходимости предать Елаича суду по обвинению в измене. Одновременно палatin подписал целый ряд указов, аннулировавших незаконные декреты Елаича. Однако бан отказался подчиниться королевскому комиссару генералу Храбовскому. Он отказался также прибыть по приглашению императора в Инсбрук для переговоров с венгерским премьером. В ответ 10 июня Фердинанд лишил «изменника» Елаича всех его военных и политических постов, повелев властям Хорватии и Военной границы повиноваться только Храбовскому.

Таким образом, высшая монаршая власть летом 1848 г. оказалась в роли посредника в конфликте между своими подданными в Пеште и Загребе. В июне сабор, собравшийся вопреки запрету Вены, предоставил Елаичу диктаторские полномочия и объявил о готовности Хорватии присоединиться к Австрии. Хорваты под руководством Елаича как бы «делали революцию во имя императора», как писал американский историк И. Деак⁷⁵. Находясь в постоянном контакте с императорским двором, с палачом Праги и Вены А. Виндишгрецем, хорватский бан действовал в полном соответствии с настроениями, господствовавшими среди реакционной части венской правящей элиты, и потому позволял себе откровенно игнорировать распоряжения и указания Фердинанда I.

О настроениях же, имевших место во влиятельных кругах Австрии в связи с хорвато-венгерским конфликтом, свидетельствовали неопровергимые факты. Так, в конце июня 1848 г. военный министр генерал Т. Латур послал в Загреб чек на сумму в 100 тыс. гульденов на военные расходы, поскольку правительство Венгрии не пожелало пополнить пустую казну хорватского диктатора. Австрийский консул в Белграде полковник Ф. Майерхофер усердно поддерживал сербских повстанцев, за что вскоре был произведен в генералы. Генерал Ф. Бехтольд, возглавлявший оборону города Сенттамаш от сербских повстанцев, в июле 1848 г. сдал без боя важную в военно-стратегическом отношении крепость, заявив, что сражается с мятежниками, а не с регулярными частями императорской армии, каковыми он считал сербов-границар. Генерал Ф. Бломберг, оборонявший швабско-румынский по составу населения городок Баната Фехертемплом, ничего не предпринял против осаждавших его границар и, более того, увел с поля боя свое соединение, состоявшее из пикетчиков-поляков. После этого городок был взят границарами, разграблен, предан огню и мечу. Когда же границарское войско покинуло город, разъяренные румыны и швабы учинили зверскую расправу над сербами-горожанами, с которыми они до этого жили в мире и согласии. Обе стороны показали, как национализм порождает дикие зверства, насилие и жестокости. Характерно, что за месяц до этих событий «лояльные немецкие и румынские жители Фехертемплома» обращались к императору с просьбой защитить их и восстановить безопасную и мирную жизнь⁷⁶, но просьба их осталась без последствий.

С вторжением хорватского войска на территорию собственно Венгрии в сентябре 1848 г. буржуазно-демократическая революция переросла в освободительную войну венгерского народа против контрреволюционного абсолютизма. Участие хорватов и сербов в этой агрессии не имело ничего общего с целями и задачами национального движения этих народов. На протяжении всего периода 1848–1849 гг. венгерские войска ни разу не вторгались на хорватскую территорию и не вели там никаких военных действий, то есть агрессия хорватов не была спровоцирована. Армия Елаича выполняла в Венгрии чисто карательные функции, имея целью подавление революции, реставрацию феодально-абсолютистских порядков. Примечательно, что разбитые мадьярами в конце сентября полки хорватского бана спасались бегством не в родной Хорватии, а под крылом имперского орла в Австрии.

Начавшаяся война, особенно на первом ее этапе, была полна парадоксов. Австро-хорватская армия Елаича, начавшая свой

венгерский поход 11 сентября 1848 г., состояла из регулярных частей императорской армии. Она имела подавляющий численный перевес над вооруженными силами, которыми в то время располагала Венгрия, и вооружена она была намного лучше. Национальной венгерской армии как таковой не существовало вообще. Два гусарских и два пехотных полка, «унаследованные» от империи, вкупе с двумя наспех сформированными батальонами ополченцев — вот все, что имела венгерская революция. Пере-правившись через реку Драву, войско Елаича беспрепятственно, не произведя ни единого выстрела, за две недели заняло половину западного, задунайского края Венгрии и утвердилось на позициях в нескольких десятках километрах от Пешта. Секрет успеха Елаича объяснялся просто: он нигде не встречал сопротивления. Противостоявшие ему части получили строгий приказ командующего генерала Ф. Оттингера действовать как на маневрах и отступать, не применяя оружия. Этого генерала-немца сменил на посту мадьяр граф А. Телеки, но и он отступал без боя. Однако в решающем сражении, состоявшемся 29 сентября 1848 г. у мес-течка Пакозд, северо-западнее озера Балатон, Елаичу, несмотря на многократное превосходство в вооружении и живой силе, не удалось одолеть противника. Мадьяры вели войну революционную и национальную одновременно, они защищали революцию, родину и свою землю. Таких мотивов не было ни у австрийских немцев, ни тем более у хорватов и сербов. К тому же они были деморализованы собственным далеко не безупречным поведением в чужой стране. «Наши граничары, — писал офицер императорской армии, — грабят и воруют без зазрения совести»⁷⁷.

Абсолютистская реакция и ее союзники среди руководителей национальных движений сумели полностью использовать разрушительную энергию национализма в целях реставрации. И прав был К. Маркс, когда писал: «Австрийское правительство злоупотребляло принципом национальностей в 48—49 гг., чтобы с помощью сербов, словенцев, влахов и т. д. задушить мадьяр и немецкую революцию»⁷⁸. Правда, насчет словенцев Маркс ошибался: они не проявляли той активности и инициативы в контрреволюционных акциях, что характерно было для сербов, хорватов и румын. Что же касается не упомянутых в цитате хорватов, то они сами во главе со своим вождем Елаичем сознательно и добровольно, без всякого понуждения со стороны императорских генералов, без подстрекательства и злонамеренных козней придворных политиков, пошли на подавление обеих революций — венгерской и венской.

Национальных лидеров типа хорватского бана Елаича ни покушать, ни подстрекать не требовалось: стать орудием реставрации они были готовы сами по себе, и Елаич доказал это блестательно. Перед тем как атаковать венгерскую столицу, он сказал своим офицерам: «Со времени моего назначения я получил от Его Величества императора 21 рескрипт. К моему сожалению, я не мог подчиниться ни одному из них. Сегодня, наконец, Его Величество одобрил мои действия. Но если бы Его Величество император прислал еще 21 рескрипт, которые бы отвлекали меня от моей цели, я бы не повиновался. Я должен действовать ради Его Величества, а если необходимо, против Его Высочайшей Воли»⁷⁹. Совершенно очевидно, что Елаич говорил вполне искренно. Ради интересов династии он был готов на прямое непослушание воле императора. Тем легче было такому верноподданному монархисту пожертвовать ради той же цели интересами собственной нации.

Более активные усилия австрийской военщины потребовались для того, чтобы мобилизовать румын для вооруженной борьбы с революцией*. Весной 1848 г. венгерская революция упустила спасительный для себя шанс решить компромиссом важнейший из национальных вопросов страны. Национальное движение румын Трансильвании, в противоположность сербскому и хорватскому, не ставило перед собой целей, которые бы представляли угрозу национальной безопасности Венгрии, ее территориальной целостности и суверенитету государства. Первоначально оно не было политически связано с придворной контрреволюционной камарильей и его не направлял венский двор, как это было в случае с югославянами. Поэтому со стороны венгерского руководства не требовалось ни особых усилий, ни чрезмерных уступок, чтобы интегрировать революционную энергию румынских масс и направить ее в русло общедемократической антифеодальной и антиабсолютистской борьбы. Но своими неуклюжими действиями правительство само подготовило почву для возникновения опасного очага контрреволюции. Бездарная национальная политика венгерского руководства в Трансильвании позволила австрийской военщине спустя несколько месяцев, осенью 1848 г., создать второй, восточный фронт в тылу революционных армий, сражавшихся против имперских войск на западе и юго-западе страны. Во второй половине мая движение румын возглавил Национальный комитет, который избрал своей резиденцией город Сибиу (Надьсебен, Германнштадт), где располагались также

* См. гл. IX данной книги.

штаб трансильванской Военной границы и резиденция православной церкви. Это облегчало контакты и координацию действий национального движения с клиром и австрийской армией. Руководителями Национального комитета стали епископ А. Шагуна и С. Бэрнуциу, который обратился к соотечественникам с призывом: «Румыны, вооружайтесь!»⁸⁰ Таким образом в Трансильвании образовался штаб контрреволюции во главе с австрийским командующим генералом А. Пухнером и командирами двух полков румынских граничар. В начале сентября командир одного из полков К. Урбан в специальной прокламации объявил венгерское правительство мятежным и призвал крестьян присягнуть императору. Национальный комитет и православная церковь немедля созвали новый многотысячный крестьянский митинг, принявший резолюцию о непризнании как правительства, так и унии Трансильвании с Венгрией и заявивший о решимости подчинить страну непосредственно императору. Собравшиеся объявили о мобилизации всех мужчин от 17 до 50 лет и обратились к австрийскому командованию с просьбой предоставить им оружие⁸¹. Эта прогабсбургская позиция вызвала неприятие бухарестских революционеров, которые заявили, что «те, кто ради национальности готовы к соглашательству с деспотизмом... воздвигают вечную стену раздела между румынами Валахии и Трансильвании»⁸².

В это время на юге и западе Венгрии уже полыхала война с хорватами и сербами. 6 октября 1848 г. Пухнер, как бы идя на встречу пожеланиям руководства румынского национального движения, объявил, что берет власть в свои руки, и ввел осадное положение. В среде румынской политической элиты возникли опиравшиеся на дакороманскую идеологическую концепцию планы возрождения «Дакийской империи» под скипетром династии Габсбургов. Практически речь шла о создании в Австрийской империи политico-административной единицы в составе Трансильвании, Валахии и Молдавии. Агитация в духе идей дакороманизма шла даже в деревнях, где священники поднимали крестьян на борьбу за «новую Дакию», «румынскую Австрию», за «императора-царя»⁸³. Однако Вена не поддержала планов включения Дунайских княжеств в состав империи из-за опасения навлечь на себя раздражение России.

Тем не менее в Трансильвании сотрудничество румын с австрийской военщиной продолжалось. В ряде районов, прилегающих к Сибиу и Блажу, а также в комитате Хуняд (Хунедоара) в качестве административных единиц были образованы префекту-

ры во главе с префектами; к каждой из них (так же как и к отрядам ополченцев) были прикомандированы офицеры из штаба Пухнера. 10 октября 1848 г. Пухнер приступил к разоружению отрядов венгерской национальной гвардии, одновременно призвав румын вооружаться и действовать совместно с императорскими войсками. В результате население венгерских городов оказалось беззащитным перед спускавшимися с гор вооруженными отрядами румынских ополченцев. В разжигании межэтнической розни в Трансильвании, в стравливании друг с другом румын и мадьяр большую роль сыграла австрийская военная администрация. Уже к середине ноября она контролировала всю территорию страны, за исключением неприступной крепости секеев — комитата Харомсек (Трейскауне).

В начале декабря командующим остатками венгерских войск в Трансильвании Кошут назначил руководителя обороны Вены Ю. Бема⁸⁴, охарактеризовав его как «передового борца польской свободы, героя Остроленки, закаленного в боях мужа, которого знает вся Европа»⁸⁵. Твердыми, продуманными шагами в военной области и исполненными тонкого чутья и такта действиями в сфере межэтнических отношений поляк сумел осуществить решительный поворот в сложившейся к концу года в Трансильвании военно-политической ситуации и за короткий срок нормализовать обстановку настолько, что в его армию добровольно вступали не только мадьяры и швабы, но и румыны, сербы, словаки. Созданная Бемом боеспособная высокоманевренная армия в конце декабря 1848 г. освободила Клуж, двинулась к главным опорным пунктам имперских сил — городам Сибиу и Брашов (Брашо, Кронштадт). Охваченные паникой руководители саксов и румын направили делегацию в Бухарест, чтобы просить штаб русских войск о помощи. В феврале 1849 г. русские войска перешли границы Венгрии и заняли Сибиу и Брашов. Но вскоре они получили приказ отступить, и к началу весны 1849 г. вся территория Трансильвании была освобождена. Очаги сопротивления оставались лишь в Дюлафехерваре (Алба-Юлия) и в Рудных горах, где действовал отряд «трибуна» А. Янку. Когда не ожидалось венгерского нападения, его бойцы занимались крестьянским трудом — пасли скот, пахали и сеяли. После бегства в Валахию Национального комитета венгерские войска не предпринимали активных действий против повстанцев Янку, которые, в свою очередь, их не тревожили.

Народы Трансильвании поверили Бему, ставшему в их глазах символом терпимости и примирения. «Венгерская армия

идет, чтобы освободить вас от ига реакции и военного деспотизма. Свобода, гарантированная венгерской конституцией, вновь вступает в силу», — писал генерал в своем обращении⁸⁶. Призвав румын, мадьяр, немцев «протянуть друг другу руку братства и искоренить всякую национальную вражду», он вступил в контакт с Национальным комитетом, а также с руководителями революционного движения Валахии с целью примирения двух народов. К этим инициативам Бема далеко не все венгерское руководство отнеслось одобрительно. Некоторые из чиновников и политиков находили, что генерал заходит слишком далеко, превышает свои полномочия, что он вообще не должен вмешиваться в дела гражданской администрации. Происходили постоянные стычки Бема с Л. Чани — комиссаром венгерского правительства в Трансильвании, который находил недопустимым поголовное амнистирование генералом пленных румынских ополченцев и считал опасной его практику зачислять добровольцев из их среды в венгерскую армию. Кошут разделял опасения Чани, что, однако, не поколебало его доверия к польскому генералу.

Бем был крут и упрям, а потому не всегда справедлив и последователен в решении сложных национальных проблем Трансильвании. Этот человек, на деле проявивший понимание национального вопроса, принимавший близко к сердцу судьбу национальностей, осуждавший других военных за жестокое обращение с сербами в Банате, готов был лишить родины целый народ: разгневанный действиями саксонского патрициата, он задумал выселить из Трансильвании все саксонское население. Против плана «этнической чистки» решительно выступали Чани и Кошут⁸⁷. Но с такой же решительностью они отклонили предложение Бема о предоставлении самоуправления румынам и православной церкви в Трансильвании.

Центральной фигурой в последовавших затем переговорах с правительством Венгрии стал Н. Бэлческу, один из лидеров уже потерпевшей поражение революции в Бухаресте. Посредническую миссию в этих переговорах выполняли также представители польской эмиграции в Париже.

Бэлческу был глубоко убежден в том, что место его соотечественников не на стороне реакционной Австрии, а в рядах «единственной армии, сражающейся за свободу», — армии революционной Венгрии. Результатом затяжных переговоров с правительством Кошута было подписание в июле 1849 г. «Проекта примирения», содержавшего положение о признании румын на-

цией. Этот документ провозглашал право на употребление ими родного языка в местном самоуправлении и в администрации комитатов с румынским большинством, амнистию повстанцам и ряд других уступок в пользу румын Трансильвании. 23 июля 1849 г. венгерский парламент утвердил закон о национальностях. Но было уже поздно. К этому времени во всю мощь развернулась вторая волна русской интервенции⁸⁸.

Решение о ней далось нелегко как Австрии, так и России. Николая I к этому шагу побудили, во-первых, принципиальные соображения идейного характера, выраженные в известной формуле о монархической солидарности и связывавшие общностью интересов консервативные державы континента, прежде всего Пруссию, Австрию и Россию. Идейно-монархическая солидарность преобладала над корыстными соображениями: Россия не собиралась поживиться за счет своей союзницы и не требовала за оказанную поддержку ни территориальных приобретений, ни политических дивидендов. Так, летом 1848 г., когда царскому правительству представился удобный случай завоевать сильные позиции в соседней империи и заодно покончить с венгерской революцией, оно не захотело воспользоваться моментом. Когда в конце июля хорватская делегация через русского поверенного в делах Ф. Фонтана обратилась с просьбой о помощи против Венгрии, просьба была отклонена в категорической форме, так как исходила от генерала Елаича, который тогда считался мятежным⁸⁹.

Серьезную озабоченность в Петербурге вызывала ситуация в Дунайских княжествах: русские подозревали (без должных на то оснований), что Кошут и его эмиссары «сеют смуту» в Валахии и Молдавии с целью последующего их присоединения к Венгрии. Но из протоколов заседаний венгерского правительства в Буде следует, что ни о каком подстрекательстве к революции в Княжествах оно не помышляло, о чем и было сообщено в Вену⁹⁰. Трудно предположить, что австрийцы имели основания скрыть подобную информацию от русских дипломатов.

Главным, определяющим фактором политики России в отношении Австрии вообще и венгерской революции в частности был польский вопрос. Именно возможность нового антирусского взрыва в Королевстве Польском под влиянием событий в Галиции и Венгрии внушала правителям России особую ненависть к венгерской революции. Россия нуждалась в скорейшем подавлении очага революции у своего порога. Этот момент играл важную роль в русско-австрийских отношениях. Обе державы были

кровно заинтересованы в том, чтобы в захваченных ими польских землях царили спокойствие, мир и порядок.

Активность поляков в Венгрии, их участие в военных действиях как будто подтверждали обоснованность беспокойства русских. В Петербурге могли знать о планах вторжения в Польшу из Венгрии, которые вынашивались польскими эмигрантами. В частности, генерал Дембиньский, одно время бывший главнокомандующим венгерской армией, весной 1849 г. выступил с таким предложением. Венгерское правительство на заседании 5 мая отклонило план Дембиньского, найдя его авантюрным⁹¹. Венгерские революционеры считали, что польское освободительное движение еще не оправилось от ран, полученных в ходе восстаний 1830–1831 и 1846 гг., и опасались, что вторжение в Польшу спровоцирует войну против Венгрии со стороны не только России, но и Пруссии, т. е. на мадьяр ополчатся все три участника разделов Польши. Кроме того, они вовсе не были уверены в том, что галицийские крестьяне поддержат новое выступление ненастной им польской шляхты. Венгерские руководители опасались, что вторжение в Галицию сопряжено с угрозой вспышки гражданской войны в этой стране, тем более что против одобрения плана Дембиньского категорически возражал и Бем.

Предложение об оказании Австрии вооруженной помощи против Венгрии поступило из Петербурга после подавления октябрянского восстания в Вене. В ноябре 1848 г. командиры корпусов, дислоцированных на границах России с империей Габсбургов, получили царское указание оказывать помощь австрийской армии без предварительной санкции Петербурга, если с подобной просьбой к ним обратятся австрийские военачальники. Но в Вене на этот счет не было единого мнения: почти все гражданские министры считали недостойным идти на поклон к иностранной державе. Глава правительства Ф. Шварценберг, убежденный, что австрийцы сами справятся с Венгрией, запретил своим генералам обращаться за помощью к русским. Но когда Пухнер все же решил на такой шаг и призвал русских в Трансильванию, Шварценберг вынужден был проглотить пилюлю. Неудача февральной экспедиции русского отряда в Трансильванию заставила царское правительство пересмотреть свою позицию и отказаться от локальных вылазок отдельных соединений. Серия блестящих побед венгров над австрийскими войсками весной 1849 г. убедила обе державы в необходимости широкомасштабной вооруженной интервенции достаточно крупными силами русских. Для такого вмешательства надо было, чтобы царя попросили об этом

официально, чего Австрия всячески старалась избежать по соображениям престижа. Но обстановка на фронтах ухудшалась с каждым днем, и требования австрийских генералов незамедлительно просить вооруженного русского вмешательства в австро-венгерский «внутренний» конфликт становились все более настойчивыми. Генерал Л. Вельден, командовавший войсками в Венгрии, 20 апреля 1849 г. доносил в Вену, что единственная надежда на спасение — русская армия.

Николай I, со своей стороны, желал, чтобы просьба о помощи была обставлена как можно более гласно и торжественно. Русские дипломаты настояли на заблаговременной публикации в венском правительственном печатном органе текста официального обращения с просьбой о помощи. Династии Габсбургов пришлось испить до дна чашу унижения: легитимный император Австрии и непризнанный король Венгрии Франц-Иосиф вынужден был самолично отправиться 1 мая 1849 г. в Варшаву на поклон к царю, жаждавшему стать спасителем трона новоиспеченного монарха.

Интервенция царских войск началась в точно обусловленное в Варшаве время — 17 июня 1849 г. Они вторглись в Венгрию с трех сторон. Главный удар через Галицию наносила армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Навстречу ей шли соединения из Валахии и Молдавии. Основные события венгерской трагедии разворачивались на территории, населенной преимущественно румынами. 12 августа русские нанесли жестокое поражение армии Бема у Сигишоары (Шегешвар). В этом сражении погиб великий венгерский поэт Ш. Петёфи, адъютант Бема. На следующий день недалеко от местечка Вилагош (Ширия) сложили оружие перед русскими основные силы венгерской армии под командованием генерала А. Гёргея. Таким образом, мадьяры капитулировали не перед императорской армией, с которой сражались отважно и небезуспешно. Это было их своеобразной местью Австрийской империи. Русские военные сумели по достоинству оценить жест побежденного противника: сочувствие их было на стороне венгров, а не своих австрийских союзников, которых они пришли спасать от позора унизительного поражения. К тому же неизвестно, сумел ли бы Гёргей при всем своем огромном авторитете принудить армию так же послушно сложить оружие перед австрийцами. Гёргей, давно уже вынашивавший идею прекращения войны, намеренно избегал крупных столкновений с русскими. Мадьяры предпочитали считать, что Венгрия воюет не с Россией, а с Австрией.

6. Уроки национальной борьбы 1848–1849 гг. в империи Габсбургов

Национальные движения славян и румын, развернувшиеся на всей территории империи Габсбургов, весной 1848 г. развивались в русле общедемократической антифеодальной и антиабсолютистской революции, центрами которой стали Вена и Пешт, Краков и Львов⁹². К началу лета эти движения в основном утратили характер социальной революции, на первый план вышли национальные интересы, вернее, мнимые либо ложные понятые национальные интересы. Верх одержал буржуазный национализм, не считающийся с подлинными интересами собственного народа и не способный дать адекватный ответ на главный вызов эпохи — поиск путей и способов более или менее безболезненной модернизации общества.

В течение очень короткого промежутка времени произошла быстрая и резкая эволюция национальных движений по всему спектру либерально-демократических ценностей. Основные социально-экономические преобразования, завоеванные выступлением масс и разработанные представительными учреждениями Австрии и Венгрии, лишили почвы эти движения, которые не имели, как правило, глубоких корней. Остались одни только национальные мифы и идеалы, которыми можно было увлечь массы и подчинить их своей воле.

Довольно быстро наметился сдвиг вправо политически активных национальных элементов, включая и либералов, не имевших, за немногими исключениями, сколько-нибудь серьезной массовой базы, что объяснялось отсталостью экономики ввиду почти полного отсутствия современной буржуазии. К лету 1848 г. переход руководства национальными движениями к умеренным либо клерикально-консервативным элементам стал очевидным фактом. Последние, прямо или косвенно связанные с венским двором (хорваты, сербы), никогда и не помышляли восстать против абсолютистских порядков. Частично они были вынуждены принять некоторые выдвинутые революцией социальные и политические лозунги (отмена крепостничества и буржуазные свободы слова, печати и т. п.), чтобы удержаться наверху, контролировать массы и манипулировать ими.

Абсолютистская реакция в союзе с руководством национальных движений использовала национализм для борьбы с революцией, тогда как венгерская революция в лице ее руководства проявила фатальную неспособность вникнуть в проблемы на-

циональностей, понять и принять близко к сердцу их желания, чаяния и потребности. В июне 1849 г. Кошут с возмущением отклонил предложения, направленные на мирное урегулирование национальных конфликтов. Разработанные в парижском Отеле Ляմбер с участием поляка А. Чарторыского, чеха Ригера и венгерских дипломатов Л. Телеки и Ф. Пульского, они предусматривали предоставление полной территориальной автономии Хорватии и областям, населенным румынами и сербами, а также городского самоуправления немцам и словакам⁹³. С одобрения Кошути министр иностранных дел Венгрии направил своим заграничным представительствам циркуляр, в котором осудил попытки «некоторых давать национальностям необоснованные обещания». Основная же идея документа сводилась к утверждению необходимости сохранения «мадьярской супремации» (гегемонии) в Венгрии⁹⁴. Эта глубоко укоренившаяся идея исторической законности гегемонии мадьярской нации в качестве государствообразующего этноса политического Королевства св. Стефана исключала всякую возможность принципиальных уступок политического характера национальным требованиям остальных его народов. По той же причине запоздалый закон о национальностях, принятый парламентом «под занавес», 28 июля 1849 г., не включал основного требования хорватов, сербов, румын — территориальной автономии, которая единодушно воспринималась венгерской политической элитой, в особенности леворадикальными кругами, как несовместимая с территориальной целостностью государства. Ценой территориальной автономии даже весной и летом 1849 г. можно было бы умиротворить румын и сербов, которые, будучи истощены братоубийственной войной, проявляли явные признаки готовности к примирению⁹⁵. Это не относилось к Хорватии, ибо в войне против Венгрии она отстаивала не национальные хорватские, а чисто имперские интересы. Очевидно, однако, что нейтрализация антивенгерских движений национальностей и даже активное их участие в войне против австро-русской коалиции на стороне революционной Венгрии едва ли могли оказать существенное воздействие на ход событий. Слишком велико было превосходство контрреволюционных сил над революционной Венгрией, в одиночестве сражавшейся против двух империй. Национальная политика революционного руководства была неразумной, доктринерской, явно недостаточной для создания атмосферы межнационального согласия в стране. Но не она погубила революцию, хотя и нанесла ей ощутимый урон.

Подлинное великодушие революционная власть Венгрии проявила лишь в отношении еврейского населения, вероятно потому, что в данном случае беспредметной была устрашавшая венгерских либералов проблема автономии. Государственное собрание Венгрии 28 июля 1849 г. приняло специальный закон о равноправии евреев. В нем указывалось, что «граждане моисеевой веры» имеют такие же права, как и любые другие граждане страны. Важна была конкретика закона: признавалось право евреев на заключение браков с христианами, на государство возлагалась забота о том, чтобы евреи учились также ремёслам и земледелию и чтобы был создан совет из раввинов с целью улучшения положения еврейского населения⁹⁶. Более либерально ориентированная в национальном вопросе Австрия дождалась подобного уравнения евреев в правах лишь десятью годами позднее. Принципиально прогрессивный, гуманный подход к еврейскому вопросу должен был бы иметь силу прецедента для всей Средней и Восточной Европы, тем более что он не был связан ни с перераспределением территорий внутри существующих государств, ни с реструктуризацией межгосударственных границ. Однако, как показали последующие трагические события XIX и XX столетий в этой части континента, ни прецедентом, ни примером для подражания скромный венгерский опыт не стал.

В целом же в революции 1848–1849 гг. австронемецкие и венгерские революционеры остались на позициях недопонимания национального вопроса и в результате, как подчеркивал И.И. Удальцов, «столкнулись с национализмом буржуазии угнетенных наций, ставшей противником революции и союзником контрреволюционных сил»⁹⁷. Нужно учесть, однако, что это был национализм элиты неполноправных народов, очень пестрой по своей социальной структуре. Он сумел заразить звучными патриотическими лозунгами массы населения, главным образом крестьянского, ничего общего с буржуазией в современном смысле не имевшего. В австро-венгерских революциях 1848–1849 гг. так называемый буржуазный национализм славянских народов и румын, ставший активным помощником и союзником феодальных сил, работал против классовых интересов нарождавшейся национальной буржуазии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Краткое освещение проблемы см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Глава VI. Революция и контрреволюция 1848–1849 гг. С. 363–383.
- 2 Zöllner E. Geschichte Österreichs. Wien, 1984. S. 356.
- 3 Mayr-Harting A. Der Untergang. Österreich-Ungarn 1848–1922. Wien, 1988. S. 85. Наиболее полно события 1848–1849 гг. в Венгрии изложены в трехтомной коллективной монографии венгерских историков: Erdélyi története. Budapest, 1990.
- 4 Символично, что через 10 дней после начала революции появился императорский указ о создании министерства с целью «распространения и совершенствования народного просвещения, образования, так же как и всестороннего развития научных, технических и артистических (философских) штудий». Подготовленный министерством законопроект определил основные принципы австрийской школы на последующие сто лет: долг государства — открыть путь к образованию каждому человеку, включая беднейшего; свобода граждан и в особенности права семьи — священны; в системе просвещения народные школы образуют первую и самую важную ступень. См.: Geschichte Österreichs in Stichworten. Wien, 1976. S. 64.
- 5 Ibid. S. 35.
- 6 Gross M. Zur Frage der jugoslawischen Ideologie bei den Kroaten // Die Donaumonarchie und die südslawische Frage von 1848 bis 1918 / Hg. A. Wandruschka, R. G. Plaschka, A. M. Drabek. Wien, 1978. S. 25.
- 7 Нидерхаузер Э. Славянские народы Империи Габсбургов в революции 1848 г. (рукопись) // Славяноведение. 1998. № 6. Также см.: Butvin J. Slovenské národnod zjednocovacie hnutie (1790–1848). Bratislava, 1965.
- 8 Рокина Г. В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 71–72.
- 9 Steier L. A tót nemzetiségi kérdés 1848–49-ben. Budapest, 1937. I. k. 75–78. old.
- 10 История Румынии. 1848–1917. Москва, 1971. С. 57.
- 11 Там же. С. 58–59.
- 12 Также см.: Hitchins K. The Rumanian National Movement in Transylvania, 1780–1849. Cambridge, Mass., 1969; Demény L. et al. 1848: Argosok, eszmék, tettek. Tanulmányok. Bukarest, 1974.
- 13 История Румынии... С. 65.
- 14 Цит. по кн.: История Румынии... С. 73.

- ¹⁵ Цит. по кн.: История Румынии... С. 76.
- ¹⁶ Цит. по кн.: *Kővári L.* Okmánytár az 1848–49-i eseményekhez. Kővár, 1861. 26–50. old.
- ¹⁷ Цит. по кн.: *Kővári L.* Op. cit. 53. old. Также см. : История Румынии... С. 77.
- ¹⁸ История Румынии... С. 77.
- ¹⁹ *Kossuth L.* Összes munkái. Budapest, 1955. 11. k. 732. old.
- ²⁰ *Thim J.* A magyarországi 1848–49-iki szerb fölkelés története. Budapest, 1940. 2. k. 198–220. old.
- ²¹ *Radenić A.* Az 1848–1849-es szerb mozgalom alapkérdései // Szerbek és magyarok a Duna mentén 1848–1849-ben. Szerk. Bona Gábor. Budapest, 1983. 114. old.
- ²² *Jelavich Ch.* South Slav Nationalismus-Textbooks and Yugoslav Union before 1914. Ohio, 1990. P. 193.
- ²³ Цит. по кн.: *Thim J.* Op. cit. 287–293, 371. old.
- ²⁴ *Bogdanov V.* Ustanak Srba u Vojvodini i Madjarska Revolucija, 1848–49. Subotica, 1929.
- ²⁵ *Jelavich Ch.* Op. cit. P. 10, 192.
- ²⁶ *Radenić A.* Op. cit. 94. old.
- ²⁷ Цит. по кн.: *Deak I.* The Lawful Revolution. Lois Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. New York, 1979. P. 121.
- ²⁸ *Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Graz-Köln, 1964. Bd. 2. Ideen und Pläne zur Reichsreform. S. 224.
- ²⁹ *Andics E.* Metternich und die Frage Ungarns. Budapest, 1973. S. 311.
- ³⁰ Ibid. S. 300–310.
- ³¹ Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1995. S. 244.
- ³² Цит. по кн.: *Kořalka I.* Tschechen im Habsburgerreich und in Europa 1815–1914. Sozialgeschichtliche Zusammenhänge der neuzeitlichen Nationsbildung und der Nationalitätenfrage in den böhmischen Ländern. Wien; München, 1991. S. 37.
- ³³ Цит. по кн.: *Kořalka I.* Op. cit. S. 37.
- ³⁴ Ibid. S. 128–130.
- ³⁵ *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19. století. Spoločenské předpoklady vzniku novodobých národů. Praha, 1986. S. 152.
- ³⁶ *Schenk H.* Die Abgeordneten aus Böhmen, Mähren und Schlesien in der Paulskirchenversammlung // Sudetendeutschland gestern und heute — eine gesamtdeutsche Verpflichtung. München, 1986. S. 20.
- ³⁷ Цит. по кн.: *Kořalka I.* Op. cit. S. 49–50.
- ³⁸ Ibid. S. 38, 50.
- ³⁹ *Stourzh G.* Frankfurt-Wien-Kremsier 1848/49. Der Schutz der nationalen und sprachlichen Minderheiten als Grundrecht // Grund — und Freiheitsrechte von der ständischen zur spätbürgerlichen Gesellschaft. Göttingen, 1987. S. 437–456.

- ⁴⁰ Molisch P. Politische Geschichte der Hochschulen in Österreich von 1848 bis 1918. Wien, 1939. S. 80–82.
- ⁴¹ Morava G. J. Franz Palacký. Eine frühe Vision von Mitteleuropa. Wien, 1990. S. 137.
- ⁴² Handbuch der Geschichte der Böhmisches Länder / Hg. K. Bosl. Bd. III. Stuttgart, 1968. S. 36.
- ⁴³ Jelavich Ch. Op. cit. P. 9.
- ⁴⁴ Kořalka I. Op. cit. S. 49.
- ⁴⁵ Plaschka R. G. Von Palacký bis Pekař. Wien, 1955. S. 20.
- ⁴⁶ Geschichte der Deutschen im Bereich des heutigen Slowenien 1848–1941 / Hg. H. Rumpler, A. Suppan. Wien, 1988. S. 63.
- ⁴⁷ Ibid. S. 69.
- ⁴⁸ Bernatzik E. Die österreichischen Verfassungsgesetze mit Erläuterungen. Wien, 1911. S. 103, 166.
- ⁴⁹ Цит. по кн.: Walter F. Die österreichische Zentralverwaltung. Wien, 1964. Bd. I. S. 398. Также см.: Geschichte der Deutschen... S. 70.
- ⁵⁰ Morava G. J. Op. cit. S. 243.
- ⁵¹ Цит. по кн.: Рокина Г. В. Указ. соч. С. 80.
- ⁵² Там же. С. 85.
- ⁵³ Цит. по кн.: Plaschka R. G. Zur Einberufung des Slawenkongresses 1848 // Nationalismus-Staatsgewalt-Widerstand / Hg. G. R. Plaschka. Wien, 1985. S. 103.
- ⁵⁴ Denis E. La Bohème depuis la Montagne Blanche. V. 2. Paris, 1903. P. 371; Bibl V. Von Revolution zur Revolution. Wien, 1924. S. 133–135.
- ⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 112–113.
- ⁵⁶ Цит. по кн.: Рокина Г. В. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁷ Kann R. A. Op. cit. S. 74.
- ⁵⁸ Цит. по кн.: Mayer F. M., Kaindl R. F., Pirchegger H. Geschichte und Kulturleben Österreichs. Wien, 1965. S. 141.
- ⁵⁹ Zöllner E. Op. cit. S. 359.
- ⁶⁰ Цит. по кн.: Kann R. A. Op. cit. S. 77.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Urbanitsch P. Die Deutschen in Österreich — Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1980. Bd. III. Die Völker des Reiches. T. 1. S. 171, 174.
- ⁶³ Цит. по кн.: Urbanitsch P. Op. cit. S. 174.
- ⁶⁴ Этот флаг сорвал, заменив черно-жёлтым австрийским, фельдмаршал А. Виндишгрец после кровавого подавления октябрьского восстания в Вене.
- ⁶⁵ Цит. по кн.: Bruckmüller E. Sozialgeschichte Österreichs. Wien. 1985. S. 357.
- ⁶⁶ Jelavich B. Modern Austria. Empire and Republic, 1815–1986. Cambridge, 1987. P. 44; Kleindel W. Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1995. S. 245.
- ⁶⁷ Kleindel W. Op. cit. S. 245.

- ⁶⁸ Цит. по кн.: *Verhandlungen des österreichischen Reichstages. Aufnahme 2. 11. September 1848. 40. Sitzung. Wien, 1848.* S. 328. Также см.: *Mayer F. M., Kaindl R. F., Pirchegger H.* Op. cit. S. 140.
- ⁶⁹ *Kleindel W.* Op. cit. S. 249.
- ⁷⁰ *Burian P.* Die Nationalitäten in «Cisleithanien» und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Zur Problematik des Parlamentarismus im alten Österreich. Graz; Köln, 1962.
- ⁷¹ *Kann R. A.* Op. cit. S. 43.
- ⁷² *Urbanitsch P.* Op. cit. S. 171.
- ⁷³ Ibid. S. 173.
- ⁷⁴ *Rothenberg G. E.* The Military Border in Croatia 1740–1881: A Study of an Imperial Institution. Chicago, 1966. P. 145.
- ⁷⁵ *Deak I.* Op. cit. P. 139.
- ⁷⁶ *Thim J.* Op. cit. 390–391, 121, 638–640, 658. old.
- ⁷⁷ Цит. по кн.: *Rothenberg G.* The Military Border in Croatia 1740–1881. Chicago, 1966. P. 153; *Deak I.* Op. cit. P. 164.
- ⁷⁸ *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 55.
- ⁷⁹ Цит. по кн.: *Hauptmann F.* Jelačić's Kriegszug nach Ungarn 1848. Graz, 1975. Bd. 2. S. 18–19.
- ⁸⁰ Цит. по кн.: *Cheresteşiu V.* A balázsfalvi nemzeti gyűlés 1848. Május 15–17. Bucharest, 1966. 551, 510. old.
- ⁸¹ *Jancsó B.* A román nemzetiségi törekvések története és jelenlegi állapota. Budapest, 1899. K. 2. 593. old.
- ⁸² Цит. по кн.: *Tóth Z. I.* Bălcescu Miklós élete 1819–1852. Budapest, 1958. 114. old.
- ⁸³ Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 197.
- ⁸⁴ О Ю. Беме в Венгрии см.: *Федосова Т. М.* Юзеф Бем в Венгерской революции // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). М., 1991. С. 106–116.
- ⁸⁵ Цит. по кн.: История Румынии... С. 83.
- ⁸⁶ Цит. по кн.: История Румынии... С. 84.
- ⁸⁷ *Kovács E.* Bem József. Budapest, 1954. 389–39. old.
- ⁸⁸ Первый солидный труд об интервенции (*Averbuch R. A.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849 гг. М., 1935), переработанный и дополненный материалом об отношении к венгерской революции передовой русской общественности, был издан на венгерском языке. См.: *Averbuh R. A.* A magyar nép 1848–1849. évi függetlenségi harca és az orosz társadalom haladó erői. Magyar-orosz történelmi kapcsolatok. Budapest, 1956.
- ⁸⁹ *Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Budapest, 1961. 230–232. old.
- ⁹⁰ *Kossuth L.* Összes munkái. 12. k. Budapest, 1955. 23. old.
- ⁹¹ *Kossuth L.* Összes munkái. 13. k. Budapest, 1952. 220–221. old.

- ⁹² Краткий обзор социальных движений в революциях 1848–1849 гг. в Австрии и Венгрии см.: *Häusler W.* Soziale Protestbewegungen in der bürgerlich-demokratischen Revolution der Habsburgermonarchie 1848 // Demokratische und soziale Protestbewegungen in Mitteleuropa 1815–1848/49 / Hg. H. Reinalter. Frankfurt am Main, 1986. S. 327–359.
- ⁹³ *Pulszky F.* Életem és korom. Budapest, 1958. 2. k. 495–497. old.
- ⁹⁴ *Horváth Z.* Teleki László. 1810–1861. Budapest, 1964. 1. k. 284. old.
- ⁹⁵ *Spira G.* A magyar forradalom 1848–49-ben. Budapest, 1959. 560–562. old.
- ⁹⁶ Az 1848/49. évi népképviseleti országgyűlés / Szerk. J. Beér. Budapest, 1954. 870–872. old.
- ⁹⁷ Удальцов И. И. Историография революции 1848–1849 гг. в чешских землях. М., 1989. С. 91.

V. ПОЛЯКИ В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ «ПРИНЦИПА НАЦИОНАЛЬНОСТИ» В РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг.

В конце XVIII в. земли, входившие в состав Речи Посполитой, оказались поделенными между тремя соседними державами — Пруссией, Россией и Австрией: Польское государство перестало существовать. При этом Польша утратила не только государственную независимость, но и территориальную целостность. Эта трагедия польского народа активизировала процесс формирования его национального самосознания и обусловила возникновение мощного национально-освободительного движения. Борьба поляков за восстановление независимого государства не прекращалась с конца XVIII до начала XX в., неоднократно выливаясь в вооруженные восстания. Национальный вопрос постоянно находился в центре общественной жизни Польши, а главной задачей освободительного движения всегда оставалось воссоединение освобожденных от чужеземного ига польских земель.

Февральская революция во Франции и мартовские революции в Пруссии и Австрии дали мощный импульс подъему патриотических настроений во всех польских землях и в эмиграции. Возникла атмосфера всеобщих надежд на скорое воссоединение польских территорий и возрождение независимой Польши. Основанием служила вера в установление либерального курса в Пруссии и Австрии. Ождалось, что революционизированная Пруссия выступит против третьего участника разделов Польши — России. Эта общая национальная платформа объединяла польских либералов и демократов. Общими были и опасения перед угрозой повторения недавних событий — так называемой «галицийской резни» 1846 г., когда при благосклонном попустительстве австрийских властей крестьяне поднялись против помещиков, в том числе и против шляхетских участников национально-освободительного движения. Стремление к достижению социального мира, идея «единства нации» способствовали в определенной степени консолидации политических сил польского общества на первом этапе революции; они обусловили облик возникших на революционной волне органов и характер их национальной политики.

1. Национальная борьба польского народа на землях под властью Пруссии в 1848–1849 гг.

Мартовская революция в Пруссии* вызвала энтузиазм поляков и возбудила у них надежды на скорое восстановление Польши. Когда 21 марта 1848 г. прусский король Фридрих-Вильгельм IV проезжал по Берлину, в приветствовавшей его толпе было много поляков, они прикрепили к шляпам польские и немецкие кокарды «в знак братского соединения с немцами». Знаковым событием, происходившим под сенью немецких и польских флагов, явилось 20 марта освобождение из тюрьмы Моабит участников польского национального движения во главе с Л. Мерославским и К. Либелтьтом. Отвечая королю, высказавшему надежду на объединение поляков с Пруссией и династией, Мерославский на стихийно возникшем митинге провозгласил лозунг союза свободной Пруссии с возрожденной Польшей, направленного против России. Либелт также говорил о немецко-польском союзе, о конституционных свободах и гражданских правах, о братании народов. Толпа одобряла эти идеи криками: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует братство!» По инициативе Мерославского и Либелта в Берлине был создан революционный комитет и польский студенческий легион со своими национальными знаменами; для добровольцев, желавших вступить в польские ряды, собирали пожертвования. В написанном Либелтом воззвании говорилось, что весь польский народ хочет воскресить свое государство как заслон для свободной Германии. Либелт надеялся, что державы сами разрешат польский вопрос, учитывая его важность. Ссылаясь на тот факт, что кровь немцев, пролитая ими на баррикадах, привела к освобождению польских узников, он призывал отказаться от ненависти и антинемецких выступлений в Познани, которые могли бы затруднить дело немецкой свободы и освобождения Польши. Что же касается Мерославского, то он послал в Великую Польшу (Познанщину) и в Западную Пруссию (Гданьское Поморье) эмиссаров, чтобы они действовали по «постанческому регламенту 1846 г.». Затем в Великое княжество Познанское отправился студенческий легион¹.

Познанщина, в пределах которой, по данным 1846 г., жило 840 тыс. поляков (немцев было 420 тыс., евреев — 81 тыс. человек), стала главным центром польского национального движения

* См. гл. II данной книги.

в Прусском государстве. В речах польских, немецких и еврейских ораторов на митинге в Познани 22 марта 1848 г. звучали призывы к братству и совместной борьбе против России, участники обменивались национальными кокардами; люди разных национальностей вступали в национальную гвардию. Возникший в Познани 20 марта на волне народного подъема польский Национальный комитет, в дальнейшем получивший название Центрального (ЦНК), обратился к немцам с воззванием, где подчеркивалась национальная цель поляков — «полное освобождение нашей родины»; лозунг независимости Польши подкрепляли призывы к миру и дружбе с немцами, войне с Россией. Хотя в ЦНК были сторонники освобождения от прусской власти вооруженной силой, на первом этапе идеи польско-немецкого революционного союза преобладали². Этому способствовали высказывания немецких левых, которые на съезде в Гейдельберге приняли резолюцию о праве польского народа создать собственное государство на основе исторической справедливости. Такая позиция укрепляла веру поляков Познанщины в то, что, как вспоминал М. Мотти, «вся Германия... вместе с нами и с наслаждением двинется на москалей». Познанские газеты публиковали мнения польских деятелей, видевших радужные перспективы польско-немецкого сотрудничества. «Если Германия, а прежде всего Пруссия, искренне поможет нам получить свободу и независимость, — заявлял А. Неголовский, — пусть она будет уверена, что нас связуют новые, более прочные, чем когда-либо, узы, ибо это узы сближения в быту, просвещения и свободы, имеющие целью взаимопомощь против варварства, темноты и рабства». Немоевский подчеркивал, что «свободная Польша, связанная с Германией торговыми отношениями, станет рынком для немецкой промышленности, а ее урожайные поля предотвратят нищету, которая так больно дала себя знать в Силезии и Восточной Пруссии особенно в последнее время»³.

Таким образом, поддержка немецким народом национальных стремлений поляков казалась им гарантированной, тем более что возникший в Познани немецкий комитет рассматривал ЦНК как властный орган и хотел ввести в его состав своих представителей. Однако поляки воспротивились этому, ссылаясь на специфичный, имеющий ярко выраженную национальную окраску характер своих целей — завоевание независимости. Этой целью были продиктованы планы ЦНК созвать всеобщее ополчение, он обращался ко всем слоям общества с призывом вступать в польские отряды «во имя вольности и братства». Говоря о «братстве»,

члены ЦНК имели в виду «единство нации». В возвании Комитета 25 марта объявлялось о ликвидации сословий, равенстве и свободе всех «сыновей матери-Польши», включая еврейское население. Были обещаны льготы всем, кто вступит в борьбу за родину, и прежде всего крестьянам. После завоевания независимости они должны были получить землю в собственность, причем речь шла о крестьянстве не только в Познанщине, но и в Галиции и Королевстве Польском. С этими польскими землями была наложена связь, в частности, ЦНК установил контакт с конспиративной организацией Г. Краевского⁴. Одновременно предпринимались попытки заручиться поддержкой западных держав — Англии и Франции, это направление в работе ЦНК курировал Либельт.

Деятели левого крыла остро прореагировали на заявление короля о будущей конституции объединенной Германии, подразумевавшее включение в ее состав Великого княжества Познанского при условии, что его «выборные представители будут разделять это желание». ЦНК в своем возвании отверг такую возможность от имени всех поляков. По инициативе Я. Краутхофера-Кротовского, В. Стефаньского, Р. Бервиньского была подготовлена петиция, которую повезла в Берлин полномочная делегация во главе с архиепископом Л. Пшилуским. Петиция содержала требования независимости прусской Польши, создания польских органов власти на местах, формирования польской армии и национальной гвардии, замены полиции выборными функционерами. Авторы петиции апеллировали к «принципу национальности»: «Когда немецкие народы и государства объединились, чтобы создать монолитное государство, основанное на принципе национальности, все население Познанской провинции единодушно в убеждении, что в тот же самый момент пробил час возрождения Польши... Это убеждение уже стало мощным моральным фактором»⁴.

Однако не все члены ЦНК разделяли позицию левых, требовавших независимости и готовых бороться за нее с оружием в руках против России в союзе с Пруссией, либо даже против самой Пруссии (недаром звучали призывы к захвату познанской цитадели). Большинство в Комитете имели правые во главе с М. Мелжиньским: они не хотели вооруженной борьбы с прусской властью, рассчитывая на автономию Великого княжества Познанского, которая утвердила бы экономическое и политичес-

⁴ Об организации Г. Краевского см. § 4 данной главы.

кое господство польских помещиков. Память о «галицийской резне» 1846 г. вызывала опасение перед восстанием, боязнь дать крестьянам в руки оружие. Не желая конфронтации с прусскими властями, ЦНК не объявил себя временным правительством. Более того, руководство посланной в Берлин делегации самовольно изменило национальную программу, изложенную в петиции: вместо требования независимости возник постулат «национальной организации», «установления отношений между монархией и подданными»⁵.

Призывая короля «подкрепить надежды, пробужденные в польском населении Великого княжества Познанского», авторы петиции предупреждали, что иначе национальное движение поляков «может закончиться кровью». Такое предостережение имело основание: с конца марта по всей территории Княжества действовали комиссары и организаторы вооруженных сил. В повятах — местных административных единицах — создавались повятовые комитеты (их насчитывалось около 70). Они состояли преимущественно из отличавшихся «глубоким патриотизмом» представителей низших слоев общества — городского плебса и мелкого мещанства, ремесленников, а возглавляли их чаще всего купцы, учителя, ксендзы и т. п. Формировалась вооруженная гражданская гвардия. Вопреки стараниям ЦНК сдержать патриотический порыв масс в провинции росли антипрусские настроения: прусские орлы заменялись польскими, ликвидировалась немецкая администрация, уничтожались казенные бумаги, конфисковывались денежные суммы учреждений, перехватывалась почта. Некоторые прусские чиновники бежали, так же как и ряд немецких и еврейских семей. В ряде мест, например в Милославе, Тшемешно, Могильно и других, происходили стычки с прусскими войсками и жандармерией. Патриотический настрой был характерен как для города, так и для деревни: крестьяне вооружались косами и вилами, откликнувшись на призыв вступать во всеобщее ополчение. Важным моментом стало выступление ЦНК 1 апреля 1848 г. с декларацией об отмене феодальных прав помещиков. Что касается барщины, то ее ликвидация произошла еще раньше, и потому познанское крестьянство не было враждебно польской шляхте; антипомещичьи выступления случались редко и подавлялись прусскими войсками. Объектом ненависти крестьян являлось прусское юнкерство; они уже обладали национальным сознанием, хотя и менее развитым, чем у других слоев польского общества. К тому же сильны были религиозные различия между помещиком-немцем и крестьянином-поляком. Патри-

отическая позиция крестьянства играла стабилизирующую роль в польском национальном движении на Познанщине, так как способствовала сплочению патриотического лагеря: без постоянной оглядки на угрозу крестьянского бунта шляхта могла выступать более решительно в борьбе за национальные права⁶.

Тем не менее ЦНК не пошел на решительные действия и принял план «национальной реорганизации» Великого княжества Познанского, для проведения которой создавалась комиссия. Власти обещали поставить поляка во главе провинции, ввести польский язык в суде и администрации, обеспечить выборность ландтагов в гминах (общинах), реформировать полицию и создать гражданскую «охрану безопасности». Король обещал также рассмотреть вопрос о польских вооруженных силах, так как считал, что всеобщее ополчение «является собственно формой вооружения народа». Поэтому ЦНК отказался от планов созыва всеобщего ополчения, распустил крестьян по домам и принял предложение о формировании польского корпуса. В Комитете был создан военный отдел во главе с Мерославским, который стремился реализовать свой замысел подготовки национальной регулярной армии для войны против России. На границе с русской Польшей возникло 6 военных лагерей, где формировали и обучали отряды. Среди 20 тыс. легионеров находилось много ремесленников и крестьян, в том числе из Королевства Польского, которое должно было стать основной территорией вооруженной борьбы. Познаншине же и другим польским землям отводилась вспомогательная роль — базы подготовки вооруженных сил⁷.

Часть членов ЦНК, разделявших доктрину Мерославского, придавала значение именно военной стороне соглашения с прусским правительством: вооруженные силы предназначались как для войны с Россией, так и для давления на прусские власти; правое крыло больше заботила проблема установления в Княжестве польской администрации. Однако по мере ослабления революции в Пруссии военные планы поляков становились все менее реальными. В то же время практически не изменилось положение с администрацией Познаншины, она оставалась прусской. Правительство не ответило на предложения польских членов реорганизационной комиссии, повторявшие прежние постулаты; оно готовилось к активным действиям против национального движения поляков. Указ о «национальной реорганизации» был подписан 24 марта, а уже на другой день в Познань были направлены войска (в начале апреля они насчитывали 30 тыс. человек). Власти объявили, что ЦНК, издав декларацию 1 апреля, превысил свои

полномочия, и ввели в Познани военное положение. В ответ на это левые в ЦНК образовали тайное революционное правительство, собираясь отправиться в лагеря и возглавить национальную борьбу, но их остановило появление прусского комиссара В. Виллизена, прибывшего 5 апреля для проведения «национальной реорганизации». Виллизен заметил раскол внутри ЦНК и опирался на поддержку его правого большинства. Целью прусского правительства являлась ликвидация польских отрядов: это, как и роспуск местных комитетов, ставилось условием «реорганизации». Правые готовы были его принять, радикалы (так называемая левица), уже ранее пошедшие на компромисс, отказавшись от восстания и созыва всеобщего ополчения, тщетно протестовали и в конце концов были вынуждены уступить под угрозой атаки прусского генерала Ф. А. Коломба на лагерь в Сроде. Именно левые — Стефаньский и Либелть — 11 апреля в Ярославце подписали с Виллизеном соглашение о «реорганизации» Познаншины и сокращении численности военных формирований (до 2400 пехотинцев и 500 кавалеристов в четырех лагерях — во Вжесне, Ксёнже, Милославе и Плешеве). В дальнейшем предполагалось влить польских военных в познанскую дивизию; все оружие надлежало сдать пруссакам⁸.

Утверждение Ярославецкой конвенции король увязал с разделом Великого княжества Познанского на немецкую и польскую части; границы последней определялись королевскими указами 14 и 26 апреля в сторону все большего их сужения. В итоге из 26 повятов с преобладанием поляков «реорганизации» подлежали 9 повятов полностью и 6 частично, из них исключалась Познань; вся польская часть сводилась к гнезненскому округу. От такой «перестройки» поляки отказались. Пшилуский, готовившийся призвать паству к мирной «реорганизации», выступил с пастырским посланием, где осуждал факт раздела Познаншины и предлагал путем сбора подписей провести опрос о согласии ее жителей быть включенными в Германский союз, в котором, «возможно, их интересы, по крайней мере религиозные, утратили бы значение и поддержку». Ответ польского населения был известен заранее. Соглашение в Ярославце вызвало всеобщее возмущение: Мерославский видел в нем борьбу «польско-пруссского консерватизма против всех повстанческих усилий», в лагерях кричали об «измене». В условиях начатой Коломбом «ацификации» Познаншины демократические элементы города и деревни поднялись на защиту местных польских властей и духовенства, отстаивали национальные символы, вступали в стычки с прусской армией.

Первое столкновение произошло еще 10 апреля в Тшемешно, затем имели место стычки в Среме, Гостыне, Козьмине и других пунктах. В ряде случаев, например, в Гродзиске солдаты были вынуждены ретироваться. Сопротивление пруссакам выливалось в партизанскую войну: в конце апреля партизанские бои шли в районах Мосины, Рогалина, Бука, Оборника, Кцини, Стеншова. В некоторых случаях сражения завершались кратковременным захватом власти в местечках: так, с 14 по 21 апреля Остров находился в руках восставших крестьян. Особенно активно действовали партизанские отряды В. Вильчиньского и Я. Кротовского в лесах над Вартой к югу от Познани. Наряду с деятелями революционно-демократической познанской левицы партизанское движение возглавили эмигранты Ц. Целиньский, И. Анципа. Радикалы понимали нереальность надежд на революционную войну Пруссии и Польши против России и отвергали обманный лозунг «национальной реорганизации»; Кротовский заявлял о «независимой Речи Посполитой»⁹.

Перед ЦНК стояла альтернатива: либо принять требования Коломба, обещавшего удалить прусские войска и приостановить «апацификацию» при условии роспуска военных лагерей (разрешалось оставить лишь 4 польских отряда), в противном же случае грозившего наступлением прусской армии; либо начать анти-прусское восстание. 27 апреля в Комитете произошел раскол, и по решению большинства его членов 30 апреля было объявлено о самороспуске ЦНК. С этим не согласилось левое крыло. Либелт призывал к борьбе во имя «чести оружия»: «нет иного выхода, кроме мести, крови, борьбы, иначе нас будут топтать ногами». Он еще надеялся, что провозглашение созыва всеобщего ополчения заставит Пруссию выполнить свои обязательства по «национальной реорганизации армии и гражданской власти». Когда же прусские войска напали на лагерь в Ксёнже, Либелт заявил протест. Будучи участниками соглашения в Ярославце, Либелт и Стефаньский считали необходимым покаяться и 3 мая выступили в «Газете польской» с объяснением своей позиции: согласно Ярославецкой конвенции, «Великое княжество Познанское должно было составить отдельное неразрывное целое, а реорганизация проводиться на основе учета прав обеих национальностей (польской и немецкой. — С. Ф.)... Вместо этого почти половина Великого княжества Познанского исключена из реорганизации... Мобильные воинские колонны прочесывают провинцию под предлогом восстановления порядка и спокойствия, на деле вызывая столкновения и самое большое раздражение, как это достаточно

подтверждается всюду проявляющимися кровавыми событиями». Оба подписанта Ярославецкой конвенции заявляли, «что помимо своей воли предали дело своих земляков, так как вместо обещанных и гарантированных там свобод навлекли на польское население позорнейшее рабство»¹⁰.

Решению ЦНК не подчинился и Мерославский, пытавшийся обойти ярославецкое соглашение, формируя резервные отряды из личного состава лагерей. К нему в лагеря отправились деятели левицы. На совещании делегатов лагерей в Милославе было избрано временное революционное правительство с диктаторскими полномочиями, главнокомандующим назначили Мерославского, «чтобы скорее перейти к борьбе». Правда, Либелтъ сомневался, что поляки могут «принять бой» имеющимися в лагерях силами, и подчеркивал, что «только народная война, которую нужно одновременно разжечь в Галиции и других местах, позволит одержать победу». И действительно, бой повстанцев с превосходящими силами пруссаков при Ксёнже 29 апреля закончился поражением поляков. Не могли решить дело и сражения при Милославе и Соколове (близ Вжесни) 30 апреля и 2 мая, заставившие прусские войска отступить. На стороне пруссаков был численный перевес, а главное, продолжения борьбы не хотела значительная часть шляхты, составлявшей офицерский корпус. Напуганные размахом народного движения, массовым участием в восстании вооруженного крестьянства, имущие слои польского общества стремились поскорее его завершить, пойдя на соглашение с властями. К тому же объявление о предстоящих выборах в парламент будило у них новые надежды, открывало перспективу легальной борьбы «не на косы, а на глосы» (не косами, а голосами)¹¹.

Подписание 9 мая акта о капитуляции и одновременный разгром партизанского движения означали поражение Познанского восстания и наступление реакции. Сменивший Виллизена генерал Э. Пфуль продолжил «национальную реорганизацию» Великого княжества Познанского: демаркационная линия между немецкой и польской частью переносилась дважды (12 мая и 4 июня), все больше ограничивая последнюю. Польское население Познанщины подверглось насилиям со стороны прусских усмирителей. Участники восстания были заключены в концентрационные лагеря. Амнистия, объявленная 6 октября 1848 г., не распространялась на офицеров, учителей, ксендзов и чиновников; они были уволены со службы. Миф о «добром прусском короле» развеялся в сознании масс, прежде всего крестьянских. Участие в вооруженной борьбе способствовало росту их наци-

нального самосознания. Об этом свидетельствовали такие высказывания крестьян во время восстания: «Мы там не держимся за жизнь, лишь бы была Польша, а эти немцы нами не командовали»¹². Патриотическая позиция крестьянства ярко проявилась в битве под Ксёнжем: толпы добровольцев откликнулись на призыв дать отпор пруссакам, и многие предпочитали умереть, чем сдаться. Общее настроение описал один из участников сражения: «Все это представляло захватывающий образ готовности к бою, а жаждущие сердца наполнялись надеждой, что наступила минута, когда начнется битва, которая станет началом последней борьбы с угнетателями Польши за ее полную и уже никогда не могущую исчезнуть свободу». Печатный орган польских эмигрантов «Демократа польский» («Польский демократ») оценивал активное участие крестьян в вооруженной борьбе как важный шаг в развитии национального самосознания и осуществлении лозунга «единства нации»: «...готовность, стойкость, энтузиазм и мужество, с каким сражались наши в битве под Ксёнжем, приводят нас к убеждению, что каждый, сражавшийся там, понимал дело, на защиту которого встал, и дают нам гарантию пакта, заключенного с познанским крестьянством во имя демократии. Этот пакт утвержден кровью храбрецов, они пали, защищая права свободы, за национальное дело... принесли в жертву свою жизнь... выстояли до последнего дыхания, чтобы показать миру, что любовь к Отчизне в сердце поляка не изгладить никакой силой, что никакая сила не сломит волю поляка, которую он употребляет ради пользы и блага своей родины». Тяжело переживая поражение восстания, познанские патриоты тем не менее не теряли веры в будущее торжество справедливости, и эту веру питала атмосфера подъема национального духа: «...дух наш, — писал участник Познанского восстания поэт Ю. Словацкий, — не обладает еще той мощной, несгибаемой волей, которая лишь одна способна победить разрушительную силу старого греха и то огромное материальное превосходство наших властителей... Но еще не воскрешен Дух Божий — и вновь мы пали — до поры»¹³.

Патриотический порыв народных масс, рост их национального самосознания явились наиболее яркой и важной особенностью национальной борьбы в Княжестве в 1848 г. Но эта отличительная черта была присуща национальному движению не только в Великой Польше: на других польских землях под властью Пруссии именно народные массы определяли национальный характер движения и самих территорий. Этому способствовало противо-

поставление народа и господствующих классов общества по национальному и религиозному признаку.

Во Вроцлаве, Бытоме и других городах Силезии массовое движение возникло сразу по получении известий о революции во Франции. В бурных собраниях, митингах, демонстрациях, приводивших к столкновению с войсками и бастионным боям, активное участие принимали рабочие, прежде всего горняки и металллисты. Одновременно развернулось движение силезских крестьян (значительную часть которых составляли поляки) против немецких помещиков, оно охватило десятки повятов и носило ярко выраженный антифеодальный характер. Крестьяне выступали также против прусской власти — отказывались платить налоги, бойкотировали чиновников, уничтожали документы. Переплетение социальной и национальной борьбы обостряло национальное сознание польских масс, ускоряло его созревание. Они понимали, что главным путем завоевания права на лучшую жизнь служит борьба с немцами на национальном поле, так как она дает возможность опереться на все польское общество, прежде всего на Великую Польшу и Западную Галицию¹⁴.

Польская буржуазия Силезии настороженно относилась к народным выступлениям и даже помогала властям в наведении «порядка». Но и она активно включилась в национальное движение. Во Вроцлаве польские студенты создали национальную гвардию, носившую польские мундиры; поляки были в гражданской милиции, участвовали в деятельности политических обществ и клубов. Вроцлавский Демократический клуб и Рабочий союз выдвигали лозунг польско-немецкой дружбы; совместный польско-немецкий Демократический клуб существовал также в Бытоме наряду с польским Национальным клубом. Весна и лето 1848 г. стали в Силезии временем рождения польской прессы; наиболее популярную газету либерального направления «Дзенник гурнослёнзкий» («Верхнесилезская ежедневная газета») редактировали в Бытоме Ю. Лепковский и А. Меровский. Там же находились Э. Смолька, Ю. Лёмпа и другие деятели, боровшиеся за польское просвещение и культуру в Силезии, за укрепление ее связи с другими польскими землями. Бытом и Вроцлав были главными центрами этой борьбы: в июне 1848 г. в Бытоме созвали митинг всех польских гмин Силезии, а еще раньше Вроцлав стал местом проведения общепольского съезда, что символизировало неразрывную связь Силезии со всей Польшей. Правда, на съезде не было особого силезского представителя, зато тогда же, в мае, активно прошла кампания по выборам польских депутатов

от Силезии в прусское Национальное собрание: поляки завоевали более половины верхнесилезских депутатских мандатов, две трети из них получили крестьяне.

Программа действий в берлинском парламенте была принята на политическом митинге в Бытоме и содержала национальные требования. Их выработке способствовало обсуждение национальных проблем в печати, в политических клубах, на общественных собраниях. Речь шла прежде всего о правах польского языка в суде, школе, администрации, а также о замене немецкого духовенства поляками. Для поддержки польского языка и культуры и распространения их в массах были образованы так называемое Общество работающих ради просвещения верхнесилезского крестьянства и Общество учителей-поляков. Они направляли усилия на создание польских библиотек и читален, организовывали подачу петиций о введении польского языка. На страницах «Дзенника гурнослёнзкого» Лёмпа призывал требовать осуществления языковой программы. Он давал формулировку требований петиции от имени крестьян-силезцев. В ней говорилось: «требуем, чтобы наша национальность была признана и могла бы, как и немецкая, иметь права... чтобы в наших школах всем наукам учили только по-польски, в высшей школе тоже по-польски»; немецкий язык предлагалось изучать как иностранный. «Пусть также в наших школах учат, как это делалось в прошлом на нашей земле, то есть учат истории Польши» — это требование Лёмпы подчеркивало историческую связь Силезии с Польшей. Петиции, составленные по таким образцам, подавались неоднократно. В июне 1848 г. в опольской регенции ввели преподавание на польском языке в начальной школе, по-польски обучали также в некоторых средних школах и семинариях¹⁵.

Языковые требования были в центре внимания поляков на западных землях. Прусское правительство заявляло, что национальность определяется именно языком, а не государственной принадлежностью, но при этом пыталось доказать, что язык силезцев, мазуров, кашубов происходит не из польского корня. Сам же прусские мазуры на волне национального возрождения развернули в 40-е гг. XIX в. движение за польский язык и культуру. Еще до революции пастор Г. Гизевиуш вместе с другим просветителем К. Ц. Мронгвиушем подготовил для подачи королю памятную записку о языковых правах мазуров. Он писал: «Святой для немцев культ национальности они должны уважать и у других народов. Безнравственно уговаривать бросить родной язык ради материальной выгоды». Гизевиуш отмечал, что «оши-

бочным является мнение, будто мазуры охотно онемечиваются»; они часто уходят в Польшу для конfirmации. «Германизация мазуров, — писал пастор, — лишает прусского короля характера главы славянской протестантской церкви. Ведь мазуры в известном смысле, как представители евангелической Польши, являются цветом польской нации. Польско-евангелическая мазурская церковь — это мост между немецким протестантизмом и польским католицизмом. Германизаторы мазуров уничтожают ныне этот мост»¹⁶.

Революция 1848 г. дала новый импульс борьбе за польский язык и культуру в мазурских районах Восточной Пруссии. Как и в Силезии, национальному возрождению населения Мазур, Варминии, Гданьского Поморья способствовало широкое распространение стихов, песен, рисунков патриотического и религиозного характера, пропаганда польской национальной культуры в прессе. Важную роль играл журнал «Школа народова» («Национальная школа») под редакцией А. Кнаста, в котором активно сотрудничали И. Лысковский и Ю. Прейс — деятели национального просвещения в Поморье. В Гданьске, Щецине, Старгарде и других поморских городах с марта 1848 г. происходили волнения — политические митинги и демонстрации, экономические забастовки. Широкое крестьянское движение развертывалось под антифеодальными лозунгами — крестьянство, в массе своей польское, выступало против помещиков и прусской администрации. Особенно активная борьба имела место в Бялогардском и Пыжицком повятах, в кашубских селах Слупского и Лемборкского повятов, где крестьяне оказывали сопротивление властям. Развивалось и национальное движение, создавались польские организации. На съезде их представителей в Вомбжезне в конце марта 1848 г. был сформирован Временный национальный комитет во главе с И. Сулежиским, подчеркивавший польский характер Поморья. Спустя 10 дней его члены были арестованы властями, которые не допустили также проведения в Хельмно собрания делегатов от польского населения Гданьского Поморья. Репрессии обрушились и на крестьянство, их движение подавила армия. Однако борьба на польских землях под властью Пруссии продолжалась. Осенью 1848 г. в Верхней Силезии происходили вооруженные выступления крестьян; в силезских городах участились стачки, демонстрации, кровопролитные столкновения с войсками, там также звучали призывы к оружию. В ноябре немецкие и польские трудящиеся Вроцлава поднялись на баррикадные бои, а в мае 1849 г. на фоне усилившегося крестьянского движения во

Вроцлаве вспыхнуло вооруженное восстание. Его подавление обозначило конец революции в Пруссии¹⁷.

«Весна народов» на западных польских землях продемонстрировала немецко-польскую солидарность (например, в Старгарде, куда прибыли польские узники Моабита, и в других городах Силезии). Она проявлялась в энтузиазме поляков по отношению к революции в Германии, в сочувствии польским национальным стремлениям со стороны демократических слоев немецкого населения, как это было, в частности, в Гданьске. Вместе с тем подъем польского национального движения в Великой Польше, пробуждение национального сознания поляков в Силезии, Поморье, Вармии и на Мазурах дали толчок росту немецкого национализма. Реализация «принципа национальности» поляками означала бы помеху в осуществлении немцами того же принципа, так как они стремились к объединению Германии в составе всех территорий, включая земли с польским населением. Такую позицию разделяли и немецкие демократы; переговоры познанского ЦНК с королем вызвали их настороженность. Известие о грядущей «реорганизации» Великого княжества Познанского способствовало усилиению шовинистических настроений, делались попытки создать реорганизационную комиссию для немцев и евреев отдельно от поляков, проводилась антипольская пропаганда. Между поляками и немцами на местах происходили стычки, порой кровавые. Немецкое население помогало правительству проводить «пацификацию», создавало обстановку террора. Центрами немецкого национализма были Познань, Быдгощь, Мендзыжечь. Главных противников немцы видели в лице поляков Познанщины, считая национальное движение в других польских землях результатом их происков. Они не верили в национальное пробуждение польского населения этих земель и активно содействовали подавлению массовых выступлений в Силезии и Поморье¹⁸.

Таким образом, выдвижение «принципа национальности» и поляками, и немцами привело к тому, что первоначальная эйфория польско-немецкой дружбы исчезла, на смену ей пришло обострение национальных противоречий. Причем если до революции имел место конфликт между порабощенным народом и захватнической чужеземной властью, то теперь речь шла о конфронтации польского общества с многочисленным немецким меньшинством, стремившимся сохранить свое привилегированное положение¹⁹. Очень ярко эта метаморфоза обнаружилась в период работы Франкфуртского национального собрания, идея созыва которого возникла на съезде немецких левых в Гейдель-

берге*. В конце марта — начале апреля 1848 г. предпарламент во Франкфурте принял резолюцию с осуждением разделов Польши и выражением сочувствия «несчастному польскому народу». В ней говорилось, что «Германский союз признает разделы Польши по зорной несправедливостью и считает святым долгом немецких народов приложить все старания», чтобы ее исправить; германским правительствам предлагалось «обеспечить полякам свободный проход без оружия на их родину и в случае необходимости оказать им помощь». Такие заявления давали основание польской прессе писать о готовности немцев биться «за собственную и нашу свободу» против России и надеяться, что во Франкфурте представители народа, «сражающегося за свободу на баррикадах», окажутся достойны своей исторической миссии. Однако резолюция Франкфуртского национального собрания 31 мая о религиозных и языковых гарантиях национальным меньшинствам уже вызвала тревогу, так как свидетельствовала, что немецкие законодатели видят польские земли только в составе объединенной Германии. В результате возмущения, вызванного объявлением о «реорганизации» урезанной «польской части» Великого княжества Познанского, поляки Познанщины бойкотировали выборы во Франкфуртское национальное собрание: лишь в Шамотульско-Буковинском повяте депутатом избрали Я. Х. Янишевского, поручив ему заявить протест. Протест содержался также в письме польских депутатов берлинского Конституционного собрания, присланном во Франкфурт. Туда же отправился ряд польских политиков из Великой Польши — Либелть, В. Неголевский, Ю. Хословский, Я. В. Касьюш, Западной Пруссии — Лысковский, Галиции — А. Пониньский, Ф. Земялковский, Krakova — Я. Ледуховский, Б. Трентовский, К. Водзицкий, а также деятели польской эмиграции. Либелть, Касьюш, Неголевский, Хословский, Лысковский, Водзицкий, Ледуховский, Трентовский 23 мая направили Франкфуртскому национальному собранию памятную записку по польскому вопросу; 25 мая был зачитан их протест против участия в его работе немецких представителей от Великого княжества Познанского. Но все усилия оказать влияние на хозяев Национального собрания оказались безуспешны: в июле 1848 г. оно одобрило раздел Княжества и включение большей его части в Пруссию, что вызвало новые протесты как познанского ЦНК, так и национальных комитетов Krakova и Львова²⁰.

* О Франкфуртском национальном собрании см. гл. II данной книги.

Особенно поразила поляков тональность выступлений немецких депутатов, в том числе деятелей левого крыла. Так, В. Йордан заявил: «Самое время нам... пробудиться для здорового национального эгоизма. Я признаю без всяких уверток: наше право — это не что иное как право сильнейшего, право завоевателя». Пропаганда немецкого «национального эгоизма», давшая основание познанской газете «Дзенник польский» («Польская ежедневная газета») писать о «немецкой расовой гордости», сочеталась во Франкфуртском национальном собрании с антипольской пропагандой — говорили о якобы имевших место зверствах поляков по отношению к немцам, фальсифицировались не только факты, но и статистика (в частности, данные о соотношении польского и немецкого населения в Великом княжестве Познанском). Янишевский попытался дать отпор германизаторам, заявив, что его избиратели не хотят присоединяться к объединенному германскому государству «по той простой причине, что они никакие не немцы, а поляки, и от них требовали чего-то невозможного, когда считали их способными желать быть немцами». Он разоблачил фальшивые цифры, преувеличивавшие численность немецкого населения в Великой Польше, и подчеркнул, что линия границы между немецкой и польской частями княжества «совершенно неверная и проведена не по принципу национальности», что на территориях, отнесенных к немецкой части, проживает больше поляков, чем немцев. Если эти территории «хотят назвать преобладающе немецкими», заявил Янишевский, то нужны другие основания, «но никак и никогда не принцип национальности». Оратор ссылался на Венский конгресс 1815 г., доказывая, что там монархи разрушили только Польское государство, но не отважились «поднять руку» на польскую нацию, существование которой «постоянно признавали»; «они не объявили польские провинции немецкими, они... признали их национальность, называют: прусская, австрийская, русская, но всегда Польша». По словам Янишевского, на Венском конгрессе Польша была разделена таким образом, «что хотя отдельные части находятся под властью разных правителей, они должны друг с другом составить одно национальное целое, даже в сообщении через границы... Поэтому также границы и институты отдельных частей гарантированы европейскими державами, и отдельные державы вовсе не вправе таковые самовольно сдвигать». На этом основании Янишевский делал вывод, что «даже несправедливость монархов, разделивших Польшу, ...еще не столь далеко велика, как то насилиственное присоединение Познани, которое намереваются

ся совершить» прусское правительство и союзный парламент и которое направлено на уничтожение польской нации, польского имени. Он отказывался верить, «что свободная Германия, по иронии, во имя свободы уничтожает свободу в Польше», и заклинал франкфуртских депутатов: «во имя справедливости, без которой нет никакой подлинной свободы, позвольте также Польше руководствоваться принципом свободы и справедливости, и впоследствии это будет засвидетельствовано как самая лучшая и мудрая политика»²¹.

Выступление Янишевского 25 июля 1848 г. имело широкий резонанс, но не дало результатов, и он покинул парламент. Борьбу продолжил Либелт, в сентябре избранный депутатом от Познани. Вопреки мнению посла познанских немцев, считавшего вопрос о корректировке границ между польской и немецкой частями Великого княжества Познанского внутренним делом, подлежащим решению местной власти, Либелт утверждал, что вопрос, касающийся национальности, является конституционным. Вновь поставив его во Франкфуртском национальном собрании 19 октября, он предостерегал немцев от пути агрессии и аннексии чужих территорий, требовал признать принцип национальностей и уважать их права. Только всеобщее прямое голосование, заявил Либелт, может определить желание населения немецких территорий принадлежать к Германскому государству. Он подчеркивал, что славянские народы, заселяющие территории Германского союза, не представлены во Франкфурте, и видел причину «в общем порыве народов»: «Дух времени втянул их в общий поток новой государственной организации. Старые, обветшальные здания прежних государственных образований рассыпаются в прах, а на их месте начинают зарождаться сильные национальные государства... Такой процесс не отвечает еще высшей цели истории: к ней приведет лишь братание народов, а затем, на основе разума, общее объединение рас. Это будет конечная цель народов, или идея так называемых государств Разума, еще более отдаленная. Переходным же этапом, дорогой, ведущей к цели, являются национальные государства». Либелт считал, что «существовали следующие основные исторические этапы: сначала индивидуум, боровшийся за свою свободу, затем семья, потом община и, наконец, народ. Когда люди конституируются в отдельные народы, а в их государствах и обществах произойдет развитие всех семейных черт, тогда придет понимание того, что национальная единица так же самодостаточна, как ранее человеческая личность. И как когда-то [люди. — С. Ф.] объединялись в

семьи, общины и национальные государства, так и отдельные народы, осознав высшие цели, под конец сольются в единый род людской».

Исходя из этой теории Либелльт выдвигал на данном этапе идею создания германского федеративного государства, куда войдут суверенные народы на основе решений, принятых их собственными парламентами. Его поддержал немецкий демократ И. Якоби, но большинство депутатов отвергло их предложения. Либелльту пришлось защищаться от нападок Йордана, обвинявшего поляков в участии в революционной борьбе на баррикадах. По словам Либелльта, среди немцев, не понимавших его позиции, он чувствовал себя «канарейкой в стае воробьев». «Ужасная боль, — писал он 30 октября 1848 г., — быть единственным поляком с польским чувством, с раной в сердце, нанесенной немцами, и в окружении одних немцев, тех, что нанесли эту рану... Подлинное повторение мучений Христа. За свободу нас распяли на кресте, а когда мы возвзвали: «жажду!», нам подали губку с желчью и уксусом. Эта губка — Франкфуртский парламент, и я из нее напился не на одном заседании». Либелльт проклинал свое депутатство, тем более что его присутствие в парламенте, где «никто не мог считаться представителем интересов своего отечества или его части», подвергалось критике и с польской стороны, в частности в эмигрантской печати. Он и сам считал «глупостью» свое согласие стать депутатом. В январе 1849 г. Либелльт отказался от мандата, но призвал избрать нового представителя Познаньшины, чтобы он был «живым укором политической совести народов»²².

Описывая свои отношения с немецкими депутатами, Либелльт отмечал, что даже «самые либеральные демократы крайне левого толка» находились под впечатлением того неприязненного чувства, которое «возникло между славянским и немецким элементом». На самого Либелльта «смотрели косо как на бывшего участника Славянского съезда», более того, его присутствие на собраниях немецких демократов раздражало их и побуждало к активным действиям против славян — чехов и хорватов²³. Наблюдения Либелльта отражали реальную ситуацию, сложившуюся в ходе событий 1848 г.: славянские народы, находившиеся под властью Австрии и Пруссии, поначалу надеялись получить свои национальные права от этих немецких государств, преобразованных под влиянием революции, но, столкнувшись с национализмом немцев, противопоставили ему лозунг славянского единства. К этой идее обратились и поляки. В период «Весны народов» она

была популярна в польском обществе; польская романтическая поэзия использовала такие образы, как «славянский бог свободы», «славянский орел и лев», «сын славянского народа» и другие; идею «славянского папы» воспевал Словацкий²⁴. Многие славянофилы (Е. Морачевский, А. Цешковский, Р. Бервиньский, Р. Рачиньский, Е. Любомирский, М. Даровский, А. З. Хельцель, Г. Дембиньский) участвовали во Вроцлавском съезде. Активную роль в нем играл известный своими славянскими симпатиями Либелт: он поставил задачу сближения с венграми и славянами²⁵.

Обсуждение славянского вопроса на Вроцлавском съезде проходило в обстановке, которая укрепляла польских патриотов в убеждении, что необходимо созвать «что-то вроде славянского парламента... в противовес парламенту, собравшемуся во Франкфурте»²⁶. 9 мая 1848 г. Либелт, Рачиньский, Цешковский, Бервиньский, Любомирский, Даровский, В. Липский подписали текст «Призыва Вроцлавского собрания на Славянский съезд» на двух языках — польском и чешском; тогда же была согласована позиция польских участников съезда в Праге, который собрался в конце мая — начале июня. На Славянский съезд^{*} прибыло 160 поляков, в том числе из Великого княжества Познанского Либелт, Бервиньский, Морачевский, Янишевский, В. Цибульский, Б. Лонцкий, Т. Магдзиньский, К. Потулицкий, Б. Сыдов. Все они имели лишь совещательный голос, так как не принадлежали к австрийским славянам. Однако роль польских делегатов в работе съезда была значительна: 60 из них участвовали в заседаниях, Либелт же был избран председателем польско-украинской секции. Он предложил повестку дня съезда, которая предусматривала подготовить обращения к Европе и австрийскому императору, а Л. Хлендовский настаивал на особом манифесте к славянам. При обсуждении этого вопроса ряд польских делегатов потребовали, «чтобы сначала были освещены как отношения славян между собой, так и их отношения с другими, чтобы между ними был заключен союз, и только на этом фундаменте уже писать манифести». После того как руководящий орган съезда утвердил идею подготовки двух обращений (одно к Европе и славянам, другое к императору), поляки приняли активное участие в разработке этих документов²⁷.

Одним из основных авторов упомянутых обращений являлся Либелт. Его не удовлетворяла предложенная чехами австро-сла-

* О Славянском съезде в Праге также см. § 2 данной главы и гл. IV и VI.

вистская программа съезда^{*}, подготовленный Ф. Палацким проект манифеста к народам он считал недостаточным, заявляя, что нужен другой текст, «более широкий, более выразительный, более четко определяющий положение славянских народов по отношению друг к другу и к Европе». Либелт во многом изменил концепцию манифеста, подойдя к первоначальному проекту с общеславянских позиций. Будучи творцом «славянской философии», он выступал за создание республиканской федерации, которая охватывала бы все славянские народы за исключением России. Говоря о роли и призвании славянства, он подчеркивал, что час настал. Будущее славян он видел в новой Европе, рожденной революцией, где осуществляется их политическое, экономическое и культурное единство на основе национальной суверенности, опирающейся на идеалы свободы, равенства, братства и традиции гминовладства (от польского слова «гмина» — «община»). Либелт хотел согласия славян со всеми народами, в том числе — немцами, венграми, турками. Он призывал к уважению каждой национальности, заявляя: «сегодня национальность является силой государства». Национальная позиция Либелта сопрягалась с христианской идеей. «Да благословит Бог, — говорил он, — предпринятое дело начавшегося братания народов». С христианской точки зрения Либелт осуждал завоевание, угнетение, уничтожение славянских народов, политику насилия и денационализации, в том числе разделы Польши, требовал ликвидации гнета в Великом княжестве Познанском и восстановления Польского государства. Эти постулаты вошли в текст манифеста, так же как и требования, «чтобы свободные народы во имя святого принципа освобождающихся национальностей положили конец угнетению» и «чтобы ни одна национальность не господствовала над другой и не управляла ей во вред». Были включены в текст и другие тезисы: «Братство и любовь народов, принадлежащих к какому-либо племени»; «Допущение, наряду с религиозными и национальными свободами для большинства народа, иных конфессий и других национальностей к различным свободам и правам». В проекте, представленном Либелтом, говорилось о «всевладстве народа», о его праве создать свои законодательные институты и определить форму правления. Провозглашались лозунги гражданских и политических свобод: выборность чиновников и командиров национальной гвардии, вооружение народа, свобода совести, слова, печати, союзов, торговой и про-

* Об австрославизме подробнее см. гл. IV и VI данной книги.

мышленной деятельности, неприкосновенность личности, гласность судопроизводства, отмена смертной казни и конфискации имущества, право на бесплатное обучение²⁸.

В ходе доработки проекта манифеста, переданного в редакционную комиссию съезда, главным, по существу, стало акцентирование национального момента. В окончательном тексте говорилось о равноправии наций и естественном праве народов на национальную свободу, осуждались притязания на господство над народами, политика обращения «с территориями и народами, как с вещью, подчиненной государственной власти». Наряду с пунктом, осуждавшим разделы Польши, документ содержал протест против «грубой силы, нарушающей законы», и провозглашал идею созыва общеевропейского конгресса народов для решения всех международных вопросов. В манифесте выдвигались также требования отмены сословных привилегий, установления гражданского равенства. Все эти положения шли в русле идей, выдвинутых Либелтьом²⁹.

Кроме манифеста к народам, съезд не успел принять других документов, но работа над их составлением осуществлялась также при активном участии Либелтарта и других поляков. В обращении к императору излагались основы славянской федерации, в нем предлагалось созывать съезд каждые полгода, создать общеславянский и национальные комитеты, а также постоянный комитет; решения съездов должно было утверждать государство. Предусматривалось укрепление культурной и прежде всего литературной общности. Было подчеркнуто, что «сила возникающей славянской общности должна стать моральной силой, силой самой национальности и той исторической миссии, которую сам Господь предназначил этой национальности». В новой славянской структуре польский народ рассчитывал занять достойное место. Как заявил Либелльт, «Польша не хочет быть такой, как раньше, а хочет стать частью вольной славянщины, объединившейся на федеративных началах». Вместе с тем на Пражском съезде поляки акцентировали свою национальную отдельность. Это проявилось и в позиции силезских поляков из Цешина П. Стальманха и А. Котули. Они были против включения польских депутатов от Силезии в чешскую секцию съезда и подчеркивали этническую связь между австрийской и прусской Силезией: в памятной записке Стальманха выдвигалось требование присоединить первую к Галиции, а вторую к Великой Польше. В то же время, когда речь шла о других народах, поляки не столь последовательно защищали приоритет «принципа национальности».

«Это ложный тезис, что национальности приоритетнее, чем свобода, — писал Морачевский, — ибо национальность лишь малая веточка свободы»³⁰.

Подобными утверждениями пытались подвести базу под примирение славян с венграми, а также и для устранения национальных противоречий в самой славянской среде, в том числе между поляками и украинцами. Съезд выявил остроту этих противоречий и по существу показал хрупкость славянского «единства». Хотя Либелт подчеркивал год спустя, что «славяне увидели себя самыми многочисленными в Европе», и продолжал утверждать, что в «их лоне — будущее мира»³¹, но у большинства польских политиков досрочное прекращение съезда в связи с Пражским восстанием, отсутствие реальных результатов его работы усиливали сомнения в том, что славянство может стать опорой и союзником их национального движения. После бурного периода массовых выступлений в первые месяцы революции начался новый этап, когда национальные чаяния стали связывать с борьбой на парламентской арене. Речь шла не только о франкфуртском, но и о местных парламентах, где поляки рассчитывали получить влияние, завоевав как можно больше мандатов.

Весной 1848 г. развернулась агитация за польских кандидатов в депутаты прусского Национального собрания, выборы в которое намечались на май. ЦНК создал центральную комиссию по выборам. В берлинском парламенте оказались депутаты от Великого княжества Познанского (16 поляков и 14 немцев), Верхней Силезии, Западной Пруссии. Поляки (представители помещиков, духовенства, крестьянства) рассчитывали на поддержку немецких левых, выступая с требованием отмены военного положения в Княжестве, признания его автономии и целостности. В октябре 1848 г. удалось добиться принятия Национальным собранием предложенной левым депутатом А. Филлипсом поправки к конституции, обеспечившей гарантии нераздельности Великого княжества Познанского и тем самым перечеркнувшей решение Франкфуртского национального собрания. На этот факт поляки опирались в дальнейшем, уже с трибуны берлинского парламента, избранного на основе октроированной прусским королем новой конституции³².

В декабре 1848 г. был создан польский комитет по выборам в прусский парламент (в него вошли Янишевский, Либелт, Цешковский, Г. Потворовский). Хотя в конституции не упоминалось о границах внутри Познанщины, но принятая ранее демаркация легла в основу формирования избирательных округов в Княжест-

ве, и поляки, которым это было невыгодно, выступили с протестом. Он был оглашен уже в феврале на заседании парламента, куда были избраны 15 поляков из Великой Польши (в том числе Либелт, Янишевский, Цешковский, Потворовский, Липский, Мелжиньский и другие), а также представители польского населения Верхней Силезии (Ю. Шафранек, М. Гожолка и другие), Западного Поморья (Н. Сулемицкий, К. Рыхтер и другие). 5 членов первой и 28 членов второй палаты парламента образовали в нем фракцию — Польское коло. В его уставе, принятом уже следующим составом в августе 1849 г., говорилось о «защите польской национальности» как о «важнейшей задаче своего пребывания в берлинском парламенте». Программа включала в себя «защиту национальных прав Великого княжества Познанского, гарантированных венскими трактатами и возванием прусского короля в 1815 г.; защиту польской национальности в прусских и силезских землях, защиту свобод, имеющих преимущественное влияние на благополучие нашего края, как, например, право на создание союзов, гминный устав и т. п.; защиту институтов, имеющих целью улучшение материального быта нашего крестьянства, например чиншевые банки и т. п.». Вопрос о статусе Великого княжества Познанского стоял на первом месте. Упоминание о нем со ссылкой на Венский конгресс и обещания прусского короля поляки потребовали включить в обсуждавшийся текст адреса монарху. Когда парламент отверг добавление о «справедливых требованиях угнетенной нации», они сформулировали поправку, содержащую просьбу о проведении обещанной «национальной реорганизации» Княжества, которое успокоит его жителей, находящихся в напряженном ожидании. Однако и эту поправку провести не удалось, и тогда польские депутаты стали добиваться утверждения парламентом «органического статута» Княжества, т. е. автономии. Либелт хотел внести «решительную резолюцию с упоминанием гарантий наших прав во всем их объеме»; этими гарантиями Коло по-прежнему считало Венский трактат и обещания короля³³.

Польское предложение оказалось отвергнуто накануне распуска парламента. Новый его состав, избранный в августе 1849 г., насчитывал 25 польских депутатов (20 во второй палате и 5 в первой). Среди них находились как прежние члены Кола (Потворовский, Цешковский, Янишевский, М. Паляч, Гожолка, Шафранек и другие), так и новые, в том числе В. Неголевский, Я. Кротовский, К. Моравский, А. Тромпчиньский, Ф. Лисецкий и другие. Было решено продолжить борьбу за утверждение статуса

Познани при обсуждении прусской конституции. Попытка сформулировать соответствующую поправку к ее первому параграфу вызвала в Коле спор. Цешковский предлагал констатировать связь Великого княжества Познанского с Прусским государством на основе «двойного узла» — суверенитета прусского короля, установленного Венским трактатом, и современной прусской конституции; он требовал, чтобы наместник Княжества был его уроженцем, а всю полноту административной власти в провинции осуществляло польское и немецкое население в соответствии со статистическими данными о национальной ситуации. В свою очередь Янишевский упоминание о двух национальностях счел невыгодным и выступил также против ссылок на «двойной узел», имея в виду конституцию: он заявил, что «не хочет либеральных свобод без национальности». По его мнению, лучше было бы закрепить права Княжества в «органическом статуте», чем говорить о его статусе на базе государственного и международного права. Между тем Неголовский, выдвигая требование отдельного «органического статута», видел в нем подтверждение гарантий государственных и национальных прав. Моравский призывал коллег не устраивать демонстраций, если они хотят чего-либо добиться, и сформулировать поправку как можно мягче. Такой «мягкий» вариант предложил Потворовский: «сообразно с Венскими трактатами и королевскими обещаниями 1815 г.» Великому княжеству Познанскому, находящемуся в связи с прусской короной, гарантировались особые широкие права, которые в ближайшее время должны были быть закреплены конституционным актом в «органическом статуте»³⁴.

Формулировку Потворовского критиковал Янишевский, считавший, что прусский парламент не уполномочен подтверждать польские права, гарантированные трактатом 1815 г., а лишь обязан обеспечить их осуществление, ибо «значение наших прав как международных стоит выше полномочий прусских палат». Однако злить берлинский парламент поляки опасались и даже избегали напоминать в своих документах о Национальном собрании и о поправке Филлипса, а потому опасались и связанного с ним термина «органический статут». Эта робкая позиция вызвала возмущение Кротовского, обвинившего авторов всех проектов поправки в том, что они «хотят поставить польский народ под прусское ярмо», так как выискивают «какие-то позитивные законы», от которых и сами не ожидают никакого результата. Он требовал «встать на позицию, достойную поляка»: «если мы будем ссыльаться на позитивные права и трактаты, в которых зависим от их

милости, то будем вынуждены удовлетвориться тем, что нашим угнетателям будет *convenient*^{*}»; по его мнению, это слово в Венском трактате очень опасно, и ссылка на подобный документ «предопределяет непременное поражение». Чтобы одержать победу, доказывал Кротовский, нужно апеллировать к «святым Господним законам, не имеющим срока давности», которых и сами угнетатели не смогут не признать; исходя из «незаконности раздела Польши», нужно добиться признания этого факта парламентом и «требовать независимости на основе мнения народа, сражавшегося в прошлом году не за те немногие права, которые можно вывести из Венского трактата». Кротовский утверждал, что эти права, о которых теперь молят депутаты, можно было получить в 1848 г., если бы посланцы ЦНК не изменили самовольно национальную программу петиции. Предлагая «потребовать отказа короля от обладания землями бывшей Речи Посполитой», он одновременно хотел заявить о непризнании членами Коля прусского парламента и подчеркнуть, что они заседают в нем как поляки, а не как прусские депутаты: «только таким путем мы избежим позора заклеймения нас именем прусских депутатов». Ссылаясь на слова Морачевского, что «суть Польши составляют не национальность, а национальные свободы», Кротовский указывал, что для их завоевания есть два способа — сабля или слово; полякам осталось лишь это последнее, и оно также имеет большую силу и значение³⁵.

Члены Коля выступили против выдвинутого Кротовским лозунга независимости Польши. Янишевский заявил: «поставив вопрос о нашей независимости перед берлинским парламентом, мы нанесли бы урон нашему достоинству». Тромпчиньский подчеркнул, что проект Кротовского был бы реальным лишь при поддержке восстания, но нет уверенности, что край к этому готов. Он напомнил, что идя в парламент, польские депутаты ставили лишь цель «защищать национальные права и общие свободы», поэтому нужно решить, требовать ли восстановления всей Польши или опираться на Венский трактат. Большинство депутатов, в том числе Янишевский, Неголовский, Тромпчиньский, стояли за ссылку на трактат, считая, что он дает основу для защиты польских прав. Было решено издать на немецком языке для сведения парламента Венские трактаты (в том числе финальный, подтверждавший, что Великое княжество Познанское не входит в Германский союз) и возвание прусского короля 1815 г.; в ре-

* Подходяще, соответственно (франц.).

зультате появился сборник документов с объяснениями Цешковского. Вопрос о документах 1815 г. встал также в связи с приближившимся моментом присяги на конституции: поляки хотели официально запросить акты присяги чиновников того времени, надеясь найти там подтверждение прав, гарантированных Княжеству³⁶.

Разногласия, выявившиеся внутри Кола, не были случайны. Еще в первом его составе Либелт (председатель Кола), Липский (вице-председатель), Цибульский (секретарь) и другие демократические деятели противостояли национал-либералу А. Х. Цегельскому, шляхетским либералам, склонным к умеренному консерватизму, Потворовскому, Мелжиньскому, Янишевскому и другим. Демократы исповедовали идеи братства народов и выступали за союз с немецкими левыми, ряд депутатов тяготели к соглашению с иными фракциями парламента. Были и сторонники изоляции Польского кола (Цегельский и другие), они подчеркивали, что «заседать в прусском парламенте поляков заставляет только необходимость... Как поляки, как посланцы польского народа, избранные с явной, исключительной целью защитить в парламенте нашу национальность и добиться для нее таких гарантий, какие в трактатах и постановлениях правительства были и остаются ей обещаны, мы прежде всего имеем, по крайней мере обязаны иметь в виду наш национальный, частный интерес и потому как вне парламента, так и в нем должны сохранять такой же партикулярный, национальный характер. Благородные различия в позициях партий нас как поляков мало волнуют. Вставать на их защиту не наше дело, не содержание наших мандатов. Наше отношение к парламенту такое же, каким является отношение Княжества к Пруссии». Либелт все же настоял на союзе с немецкими левыми, но те из них, кто выступал за Польшу, были слабы. К тому же польская пресса под эгидой Цегельского вела кампанию против интернационалистской позиции Кола: «Польское представительство не признано и стерто его национальный характер, — писала „Газета Польска“. — Его прицепили или позволили ему прицепиться к солидарности с немецкими партиями, а тем самым проникнуться немецким интересом... Сделан один шаг на пути соединения интереса Княжества с немецко-прусским интересом»³⁷.

Вопрос о тактике в парламенте оставался предметом спора и при новом составе Кола. Кротовский, не отказавшийся от революционной перспективы, продолжал ориентироваться на союз с немецкими радикалами и, предлагая выступить перед парламен-

том с польскими требованиями, рассчитывал на их помощь. Но его призыв объявить членов Кола депутатами Польши не нашел поддержки у коллег. Правда, Неголовский (который, как и Цешковский, хотел, чтобы Польское коло противостояло немецкому парламенту, стало как бы «парламентом в парламенте») подготовил такую декларацию, но она не получила одобрения. Тромпчинский доказывал, что, сделав подобное заявление, поляки не смогут участвовать в парламентских делах, важных для нации, и вопрос о Познанщине не будет рассмотрен. «Придет время, когда каждый депутат смело заявит, что он поляк», — утешил коллег Янишевский, также выступавший против декларации. А пока он считал самой подходящей « utilitarно-правовую позицию », «не принимая во внимание патриотические чувства и желания ». Звучали в Коле и еще более умеренные голоса. Так, Покшивницкий советовал воздержаться от каких-либо поправок к конституции, поскольку в ней к радости поляков не говорилось о демаркации границ. Он считал, что надежды на национальную автономию все равно нет, а любая польская инициатива может вызвать негативную реакцию, и вопрос о границах всплынет.

Вопрос этот сильно тревожил Коло, тем более что немецкое население Познани направило петицию с требованием демаркации. Коло подготовило предложение о том, что границы провинций могут изменяться лишь на основании закона; о демаркации границ польские депутаты вели переговоры с правительством. Продолжались усилия по внесению в конституцию положения об особом статусе Великого княжества Познанского. Но М. Жултовский полагал, что Познанщина имеет не просто провинциальные, а политические права. Э. Янецкий высказался против того, чтобы « органический статут » был частью конституции, ибо « мы ожидаем его только от короны, с которой единственно имеем отношения ». К сторонникам персональной унии Княжества с прусской короной принадлежали Ф. Лисецкий, Э. Стаблевский и другие. Была сформулирована содержащая это положение поправка. Однако Покшивницкий предвидел, что добиться ее принятия будет трудно: чтобы помешать демаркации, нужно « получить для Великого княжества Познанского особый статус », а король не может предоставить его помимо парламента. По мнению Цешковского, если поправку о личной унии отвергнут, поляки должны протестовать, опираясь на « существующее право народов ». Поправку отвергли, так же как и другую, содержащую ссылки на Венский трактат. Шансы Кола на утверждение особого статуса Познанщины сильно уменьшились после принятия парламентом

первого параграфа конституции. Кроме того поляков тревожила перспектива намеченного на 20 марта 1850 г. созыва парламента в Эрфурте. В нем обязаны были участвовать представители немецких государств, заключивших унию с Пруссией, и среди них — 11 депутатов от Познанщины. Коло хотело протестовать, подав интерpellацию, затем приняло декларацию о невхождении Княжества в Германию и неучастии в съезде. Польская декларация, фундаментом которой, как всегда, служили акты 1815 г., была отвергнута парламентской комиссией, и тогда поляки решили участвовать в выборах на Эрфуртский съезд. В ответ на памятную записку прусского министерства, обосновывавшую включение Познанщины в Германию, они выступили с контрмерандумом³⁸.

Практически вся деятельность Польского кола в защиту национальных прав не давала реального результата и носила скорее характер национальной демонстрации. Так, разрабатывались планы демонстративно выдвинуть кандидатуру поляка на пост председателя палаты. И в первом, и во втором составе Кола неоднократно обсуждался вопрос о военном положении, введенном в Познани и Вроцлаве. Интерpellация по этому поводу была подана еще 5 октября 1848 г., в марте 1849 г. поляки поддержали требование немецких левых об отмене военного положения, но резолюция не прошла. Впоследствии польские депутаты — члены комиссии по этому вопросу не смогли даже получить для просмотра соответствующие документы. Усилия Кола были направлены на то, чтобы добиться амнистии познанским повстанцам, в частности учителям. Они боролись против участия национальной гвардии Познани в войне с Данией за Шлезвиг и Гольштейн, вели переговоры с правительством, сделали запрос в парламенте, неоднократно выступали с речами, но и в этом деле не достигли эффекта. Вопрос о национальной гвардии был объектом внимания Кола еще и потому, что в парламенте возник проект ликвидации такого института. Польские депутаты хотели бы встать на его защиту, однако боялись, как Жултовский, «настроить против себя палату». В то же время Жултовский считал нужным выступить против того, чтобы армия присягала конституции, неприязненной и вредной для поляков. Тромпчинский разделял это мнение, Грабовский же полагал, что если присягать, то лучше конституции, чем одному королю³⁹.

Особое место в деятельности Кола занимал вопрос о польском языке. Предложение ввести его в учреждениях не было рассмотрено палатой. Тогда возникли новые проекты потребовать упо-

требления польского языка в школе, суде, администрации Познанщины, Силезии, Поморья — всюду, где польское население преобладает. Собирались также заявить о правах польского населения немецких провинций на национальный язык и национальное равенство в школе, суде, учреждениях, церкви. Цешковский сформулировал новую статью в конституцию «о гарантиях национальности ненемецким племенам в Пруссии»: «Племенам на территории Прусского государства, не говорящим по-немецки, гарантируется национальное развитие, а именно равенство прав языка в пределах занимаемой ими территории в церковных вопросах, в сфере общественного воспитания, внутренней администрации и в области исполнения законов». Проект, представленный немецкими депутатами, не удалось провести, но еще раньше разрабатывался план запроса в министерство: будет ли в законе о Великом княжестве Познанском «принята во внимание польская национальность в Пруссии»? Покшивницкий, говоря о необходимости гарантировать в конституции права поляков в Поморье, ссыпался на приходившие оттуда петиции. Тем не менее большинство членов Кола не хотели обострять отношения с правительством и стремились отделить вопрос о политическом статусе Познанщины от проблемы языковых прав поляков Силезии и Поморья. «Нам нужно, — говорил Янишевский, — бороться за политические права Великого княжества Познанского, являющегося очагом польской национальности под прусским скипетром, каковые, утвердившись в этой части края, будут возбуждать национальную жизнь в Силезии и Пруссии». Это мнение оспорил Тромпчинский, исходивший из «принципа защиты польской национальности повсюду». Он подчеркнул, что не желает называть Княжество центром Польши и защищает его политические права как его житель, а не как поляк⁴⁰.

Такая позиция отвечала стремлениям депутатов от Силезии и Западной Пруссии. Представитель последней Клингенберг еще в августе 1849 г. заявил, что интересы этих земель «никогда не будут противоречить интересу Польши» и их посланцы будут действовать сообща с Колом, «защищая дело национальности». Момент национального единства польского общества в Западной Пруссии специально акцентировался. Так, по сообщению прессы, избранием в парламент крестьянина из Лемборка А. Эльминовского «более состоятельные помещики хотели доказать крестьянам и батракам, что между поляками нет имущественного деления на классы, нет сословных различий, что их объединяют одна цель и взаимная любовь». Что касается силезских депутатов, то

национальный характер их политики определился еще в Национальном собрании. В прусском парламенте они выдвинули требования равных прав для польского языка и замены немецкого духовенства польским. В поддержку языковых требований ксёндз Ю. Шафранек из Бытома предъявил петицию 200 польских гмин, представлявших около 500 тыс. человек. Сформулированные им пункты гласили: в повятах, деревнях и колониях, где живут преимущественно поляки, при обучении религии и начальным знаниям «обязательным языком преподавания должен быть польский», используемый как в устных объяснениях, так и в обучении с помощью пособий; в районах, где существовало двуязычие, предлагалось открыть польские школы и обучать в них немецкому языку лишь в старших классах. Шафранек представлял петиции неоднократно и, несмотря на преследования со стороны церковной власти, продолжал борьбу за польский язык. Ему удалось, в частности, добиться, чтобы протоколы заседаний парламента переводились с немецкого на польский⁴¹.

Выступления Шафранека стали наиболее ярким проявлением национальной борьбы поляков на парламентской арене. Борьба велась во имя интересов польской национальности, но порой от Коля требовалось определить позицию в отношении национальных прав других народов. Так, обсуждая внесенную в палату поправку об ограничении прав еврейского населения, польские депутаты решили ее отвергнуть «из побуждений благородства и человечности». Цешковский напомнил, что «вся польская история является доказательством терпимости в отношении евреев», что за их эманципацию выступали польские депутаты объединенного парламента, что сам он на съезде в Познани предложил допустить евреев во все учреждения, кроме сельских шинков. «Если превосходство евреев заключается в том, — подчеркивал Цешковский, — что благодаря стойкости идержанности они легче добиваются должностей, чем христиане, то вместо того чтобы ставить им это в укор, нужно, наоборот, им подражать»; нужно голосовать против поправки, чтобы «показать евреям, что несмотря на все зло, которое они нам причинили, мы, однако, защищали их права. Недостаток евреев — их практицизм, он всегда побуждает их держать сторону сильнейшего, выгодную для них, а теперь, когда увидят, что их судьба зависела от нас, поймут, что должны быть благодарны нам, как и нашим предкам». Коллеги поддержали Цешковского. А. Бродовский считал, что евреи недоброжелательны к полякам из-за притеснений со стороны последних, «а хитрость и стремление к наживе единственное

их оружие, которым они борются против христиан». Янецкий заявлял, что «не опасается дурных последствий от эмансиpации евреев»⁴².

Опасения Кола в отношении других национальных групп были связаны с их возможной конкуренцией в политической и экономической области в ущерб позициям поляков. В этой связи депутаты высказывались против принятия закона о ремеслах, так как он открывал перспективу экономического господства немцев и пролетаризации польского населения. Особенно характерно в этом плане было отношение Кола к железнодорожному строительству на западных польских землях, несомненно отвечавшему интересам их развития. Тромпчиньский был против займа на строительство железных дорог, считая его средством германизации. При обсуждении проекта прокладки железнодорожной ветки Познань—Вроцлав между польскими депутатами возникла дискуссия. Ю. Пилаский выступал за проект, указывая на огромную выгоду для края, но Потворовский видел «в качестве ближайших невыгод от железных дорог» «легкость скupки земли немцами». Янишевский, также боявшийся «плохих последствий от железных дорог» для польской национальности, подчеркнул, что «больше ценит национальную жизнь, чем всякие преходящие блага». «Железные дороги у нас, — заявил он, — окажут дурное влияние на нашу национальность благодаря выкупу (земли. — С. Ф.), колониям немецких чиновников и, наконец, пролетариату. Речь идет о том, быть или не быть нацией», а потому он предпочитал «пожертвовать всеми материальными выгодами, чтобы не повести нацию по пути постепенного уничтожения». Цешковский возразил на это, что как раз железные дороги означают прогресс, а значит, дают силу противостоять «уничтожению»; он сомневался, что для сохранения национальности нужно «отгородиться китайской стеной или сделать из Княжества Парагвай». «Если мы не можем в политическом отношении, то обязаны поднимать край в отношении промышленном, материальном, цивилизационном», — доказывал Цешковский, и его поддержал Покшивницкий, который хотя и считал «вредное влияние» железных дорог возможным, но отмечал, что нужно стараться предотвратить такие последствия. Однако Моравский смотрел на вопрос пессимистически, утверждая, что железные дороги вредны и «не сулят политического существования» полякам. Это мнение разделял и Жултовский; правда, он опасался, что выступление против железнодорожного строительства «даст свидетельство убожества нашей

национальности, которая не может выдержать средств цивилизации», и предлагал отвергнуть проект, мотивируя это финансовые причинами, а не национальными соображениями. Последнее слово осталось за Янишевским, заявившим, что «ему слишком дорога национальность, которой бы не было, если бы она не обладала достаточной силой для того, чтобы переварить и усвоить цивилизацию». В польском народе он видел «больше, чем в каком-либо другом, силы, чтобы выдержать средства цивилизации», но железные дороги таковыми не считал, так как «вместо подъема нации их используют для ее уничтожения». Поэтому Янишевский предпочитал «величайшее варварство такой цивилизации, которая является цивилизованным варварством»⁴³.

Позиция Кола по вопросам экономического развития Познаншины и других польских земель шла в русле общего настроения польского общества: в обстановке обострения польско-немецкого антагонизма ожила идея «органической работы». Летом 1848 г. возникла Польская лига, выдвинувшая лозунг «подъема польской национальности» — защиты национальных и экономических интересов, просвещения народа, укрепления классовой солидарности. Лигу в Познани возглавил Цешковский, под ее эгидой работали повятовые лиги, сеть ее организаций охватывала также Верхнюю Силезию, Мазуры, Поморье, число членов достигало 37 тыс. Разочарование в эффективности революционной борьбы и международной политики привело руководство Лиги к мысли, что «следует работать более для пробуждения национального духа, чем пускаться на поле внешней политики, которая в последнее время столько раз возбуждала надежды поляков, но обманула их». Цель «пробуждения национального духа» преследовала издательская деятельность Лиги, в частности выпуск дешевых книжек для народа — популярных изданий о старых польских обычаях, об истории Польши до 1815 г. При этом акцент делался на героических событиях и выделялись фигуры национальных героев, что давало повод прусской полиции даже конфисковывать такие издания как «революционные». В городах, местечках и деревнях организовывались библиотеки и читальни, где устраивали совместное чтение книг с комментариями представителей местной интеллигенции и духовенства. Одновременно звучал призыв к бойкоту немецких и еврейских товаров, лавок и магазинов, к поддержке своих купцов и ремесленников; создавалась сеть польских магазинов и пунктов продажи⁴⁴.

Деятельность Лиги не ограничивалась проведением «органической работы», а охватывала и сферу политики. Выборы в прусский парламент проходили под ее эгидой, и большинство польских депутатов являлись ее активными членами. Для распространения своих идей Лига использовала прессу и публицистику. В 1848 г. были опубликованы 17 брошюров, статьи, листовки, преследовавшие политическую цель — опровергнуть немецкую версию событий, происходивших в Великом княжестве Познанском. Не случайно многие издания печатались по-немецки, а их авторами нередко были немцы; Лига издавала даже немецкую газету «Цайтунг дер Остен» («Восточная газета»). Но главное внимание уделялось пропаганде среди польского населения, ее вели на сходках и через польскую прессу. «Газета польска», имевшая более 1200 подписчиков, стала органом Лиги; под ее влиянием находились также «Велькополянин» («Великополяк») и «Вярус» («Ветеран»), воевавшие с пронемецкой газетой «Пшияцель хлопув» («Друг крестьян»). Поддерживала Лига и местную печать — «Дзенник гурнослёнзкий» в Бытоме, «Бедачек» («Горемыка») в Торуне, «Курек мазурский» («Мазурский кочет») в Щитно и другие. Основным адресатом пропаганды было крестьянство, его призывали к проявлению национальной активности там, где угрожало засилье немцев (в Буковском, Оборницком, Шубинском, Кробском повятах). Вместе с тем преследовалась цель воспитания крестьян в духе классового солидаризма на национальной основе: их старались убедить, что социальные реформы, обещанные ЦНК, не удалось осуществить по вине прусского правительства⁴⁵.

Переход к курсу, нацеленному на «органическую работу», служил подтверждением того, что «Весна народов» на западных польских землях завершилась. Об этом свидетельствовала и неэффективность выступлений Польского кола по национальным вопросам. В начале 1850 г. прусское правительство решило оставить без изменений статус Великого княжества Познанского, что означало окончательный крах надежд на «реорганизацию». В апреле того же года была ликвидирована Польская лига. Все это остудило пыл лоялистов, готовых сотрудничать с властями ради уступок, и в этом отношении период революции сыграл положительную роль. События 1848–1849 гг. дали сильный импульс к росту национального самосознания польских масс, в частности крестьянства. В Верхней Силезии, на Мазурах и в Поморье произошло национальное пробуждение польского населения. Правительству пришлось пойти на языковые уступки, хотя в то же

время оно старалось всячески препятствовать распространению польской культуры.

В воспитании национального самосознания и просвещении масс немалую роль сыграла деятельность Польской лиги, прежде всего печатная пропаганда — в прессе и публицистике. Особое значение имели публицистические выступления Либелльта, разрабатывавшего в эти годы теоретические и практические аспекты национального вопроса. Он определял «национальность» как «совокупность первичных, врожденных предрасположений и склонностей народа, а позднее нации, предопределяющих ее способ жизни, ее характер». В статье «Учитель под национальным углом зрения», напечатанной в газете «Школа польска» («Польская школа»), Либелльт излагал задачи педагогики в свете современного понимания национальности, подчеркивая необходимость национального воспитания на основе религии, родного языка и национальной истории. По поводу истории Либелльт писал в статье «Об исторической миссии народов»: «...осуществить эти великие идеи времени народы должны быть призваны поочередно, и потому в каждом великом периоде времени, в котором эта идея рождается и осуществляется, только тот народ является историческим, который либо выработал и вывел эту идею из своего лона, либо, взяв ее откуда-то извне, воплотил в себе и осуществил в своей истории. Всегда будет один народ пестовать историю. Скипетр истории переходит от народа к народу». Современный исторический этап Либелльт считал эрой «славянской философии», которая формируется и вытекает из славянского, а особенно польского элемента, отличающегося большей активностью духовной жизни. Он акцентировал свою симпатию к народам, активно борющимся за свободу. Созданный им летом 1849 г. «Дзенник польский» посвящал свои страницы «политике и национальному вопросу на основе свободы, равенства и братства». В первом же номере газеты провозглашался лозунг борьбы за независимость против национального гнета, подчеркивалась связь национального и социального. Либелльт заявлял, что хочет польского, а не немецкого демократизма, польского, а не итальянского республиканизма, польского, а не французского социализма⁴⁶. Эти идеи, отразившие опыт революции 1848–1849 гг. и борьбы народов за свои права в этот период, остались жить в польском национальном движении, причем не только в той части Польши, которая находилась под властью Пруссии.

2. Национальный вопрос и межнациональные отношения в Галиции в годы революционного подъема

17 марта 1848 г. в результате патриотической манифестации краковских масс из тюрем были освобождены заключенные там повстанцы 1846 г., а 19 марта возник комитет по формированию национальной гвардии, который затем был преобразован в Национальный комитет (НК). Тогда же начала формироваться национальная гвардия во Львове, с середины апреля стала действовать львовская Национальная рада. И краковский Комитет и львовская Рада включали либералов и демократов, представителей шляхты, интеллигенции, буржуазии. Однако в Национальном комитете городские демократические слои были представлены более заметно, кроме того большое влияние имели прибывшие в Галицию деятели демократической польской эмиграции. Тем не менее ни Комитет, ни Рада не решились объявить себя властью. Правда, НК декларировал ликвидацию сословий, религиозной и национальной дискриминации, что было направлено на решение задач примирения всех сословий, вовлечение их в национальное движение и реализацию идеи «единства нации». Во имя этой цели НК и Рада призывали шляхту «даровать» барщину крестьянам, но помещики хотели компенсации от правительства за свой «дар» и выжидали. В результате 22 апреля барщина была отменена указом императора, и это означало потерю шляхтой шансов на включение крестьянства в борьбу за национальное дело. Развивая успех, власти спровоцировали волнения в Кракове, задержав на границе эмигрантов. 26 апреля в городе ввели военное патрулирование, на что краковяне ответили барrikадами; произошли стычки с войсками, сопровождавшиеся кровавыми жертвами. После артиллерийского обстрела Кракова НК, пытавшийся предотвратить народное выступление и ведший переговоры с властями, подписал капитуляцию от имени города, что вызвало недовольство масс. «Пацификация» Кракова привела к роспуску НК, «чистке», а затем и фактической ликвидации краковской Национальной гвардии. В условиях оккупации город потерял ведущую роль в национальном движении, на новом этапе революции она перешла к Львову.

Львов стал центром выработки национальной программы галицийского общества. 18 марта представители львовской шляхты и интеллигенции во главе с Ф. Смолькой и Ф. Земялковским подготовили адрес (петицию) императору, где изложили нужды и чаяния провинции, выдвинув требования национального и обще-

демократического характера — проведения так называемой реорганизации края, созыва провинциального сейма, введения городского самоуправления, установления гражданского и политического равенства независимо от вероисповедания, отмены цензуры, создания гласного суда присяжных, объявления политической амнистии, а также ликвидации крепостной зависимости, барщины и сервитутов⁴⁷. По существу «национальная реорганизация» (т. е. введение польского языка в школе, суде и администрации, удаление немецких чиновников, создание национальной гвардии и национальной армии и т. п.) означала предоставление Галиции национальной автономии, хотя национальный характер требований в адресе не акцентировался: речь шла о правах Галиции как провинции Австрийской империи. Тем не менее автономия рассматривалась в качестве шага на пути к восстановлению независимого Польского государства.

Шляхетские идеологи подчеркивали историческое право Польши на независимость, ссылаясь при этом как на прошлую национальную государственность — Речь Посполитую, так и на те формы национальной государственности и национальные институты, которые установил Венский конгресс 1815 г. Исходя из исторического права, они делали вывод, что либо державы восстановят Польшу, либо она освободится сама с помощью других угнетенных народов. Тем самым утверждалось право поляков и на вооруженную борьбу, на восстание. Но это были главным образом теоретические рассуждения галицийских политиков (например, А. Батовского⁴⁸), рассчитанные на то, чтобы воздействовать на власть. К восстанию стремилась лишь наиболее радикальная часть галицийского общества, в первую очередь молодежь — студенты так называемого академического легиона, лидеры улицы, городских слоев, связанные с демократической эмиграцией. Именно они продемонстрировали свою решительную позицию во время апрельских событий в Кракове. Что же касается авторов адреса 18 марта, то они рассчитывали прежде всего на австрийскую власть, на Габсбургов и, в частности, на поддержку принцев Франца, Карла и Иоганна, проявлявших симпатии к полякам, делегированным в Вену для представления адреса императору. Иоганн, в частности, заявил 2 апреля 1848 г.: «Моя бабка и король Фридрих совершили тяжкий грех, разделив Польшу. Этот раздел является величайшим несчастьем Европы. С той минуты перестали существовать спокойствие и честность в политическом мире, а торговля народами во вред правительствам получила начало. Это несчастье будет длиться, пока Польша не вернет своего существования. Существование Польши — это есте-

ственная и необходимая вещь. А потому нечего говорить о способах его возвращения, так как естественная и необходимая вещь сама каким-нибудь способом достигает результата. Благоразумнее поэтому не говорить сегодня о способах восстановления Польши, но подготовиться к этому восстановлению»⁴⁹.

Неудивительно, что на основании таких заверений «Газета Венденская» («Венская газета») пару дней спустя утверждала: «Австрия ответит на ожидания Польши, а восстанавливая ее, даст доказательство справедливости и благоразумной политики... Свободная Австрия принесет свободу Польше, а став сильной благодаря союзу с Польшей и симпатии Европы, без колебаний выступит на борьбу с Россией ради такой великой цели». В памятной записке о положении польского вопроса, подготовленной Ф. Земялковским и А. Пониньским, говорилось, что от австрийского императора ждут сотрудничества в деле полного восстановления Польского государства. Правда, его воссоздание произойдет не сразу — на первом этапе Галиция должна получить в Австрийской империи статус на манер Венгрии. С этим было связано требование назначить в Галиции губернатора-поляка, а в Вене создать особое министерство по делам края. Однако подчеркивалось, что национальная самостоятельность в рамках империи Габсбургов — отправная точка на пути к независимости и целостности Польши⁵⁰.

Памятная записка была датирована 1 июня 1848 г., а незадолго до этого, в мае, во Вроцлаве состоялся съезд делегатов от всех польских земель, знаменовавший стремление к единой Польше. К этому времени и галицийский адрес претерпел изменения. Их внесли привезшие его в Вену делегаты под воздействием революционной атмосферы столицы и в результате влияния радикально настроенных представителей Великого княжества Познанского и эмигрантов. Один из делегатов, Я. Хвалибог, впоследствии объяснял этот шаг: «В тот момент народы начали добывать свои права; неужто лишь польский народ молча бы смотрел и не высказал своих желаний?»⁵¹ В новом адресе (6 апреля) были более резко сформулированы требования предоставления гражданских свобод, замены немецких чиновников, создания национальной армии. Он провозглашал лозунг восстановления Польского государства, при этом Австрию изображали противницей разделов Польши и призывали ее к союзу со всеми борцами против царизма⁵². Таким образом, лозунг независимости сочетался с позицией лояльности в отношении Габсбургов. Это подтверждалось и тем, что новые требования по-прежнему излагались в форме адреса императору; монарха просили разрешить создание

комитета по «национальной реорганизации» Галиции. Галицийские политики не противостояли инонациональной власти, а обращались к ней за содействием для решения польских национальных проблем, опираясь на провозглашенные этой властью законы. Важнейшим фактором, толкавшим их на путь лоялизма, было опасение перед перспективой социального взрыва в галицкой деревне, где польским помещикам противостояло крестьянство в значительном большинстве украинское. Украинский вопрос сам по себе также являлся сдерживающим фактором, так как существовала угроза, что австрийские власти поддержат требования украинского населения Галиции, пойдут на ее раздел и спровоцируют обострение польско-украинских противоречий.

Все эти обстоятельства обусловили лояльный характер деятельности Национальной рады, которая вскоре стала именоваться Центральной (ЦНР) по отношению к радам, возникшим на местах. Правда, она заявила протест в связи с тем, что в австрийской конституции 25 апреля 1848 г. были проигнорированы требования галицких петиций. ЦНР считала необходимым внесение поправок в конституцию и с этой целью решила изучить ее, но в то же время намеревалась на ее основе разработать проект «национальной реорганизации» Галиции и создать комитет, который обладал бы полномочиями по «реорганизации» и административной властью⁵³. Однако взять власть в свои руки она не решилась и с самого начала провозгласила себя «посредническим органом между народом и правительством», «имеющим доверие всего края» и представляющим «общественное мнение нации». 22 апреля Рада заявила о своей позиции «самой действенной защиты края и национальных нужд перед лицом правительства против реакционных, вредных для национального дела стремлений», назвав целью сведение воедино «всех проблесков национальной жизни» и «придание им единообразного практического направления». 2 мая она сформулировала национальную цель еще более масштабно — как «великое дело возрождения национальности и самобытности нашей родины»⁵⁴. По мнению львовской «Газеты народовой» («Национальная газета»), присутствовавшей на открытых заседаниях Центральной рады общественность получала от нее заряд «польского духа» и «просвещалась относительно внутреннего положения края и национального дела»⁵⁵. О том, что Рада служит делу народа, хочет трудиться над развитием национальности и духа патриотизма, заявляли ее деятели⁵⁶.

На поддержании «польского духа» ЦНР делала главный акцент, организуя торжественные публичные мероприятия, связанные

ные с национальными годовщинами, памятными событиями польской истории (например, с битвой под Веной). Члены Центральной рады ратовали за сохранение традиций, в частности, стрелецкий корпус, сформированный из горожан, рассматривался как «историческая реликвия XV в.», как «польское образование», которое хотя и перешло в немецкие руки, но может быть возрождено⁵⁷. Не дожидаясь создания реорганизационного комитета, Центральная рада пыталась реализовать ту часть национальной программы, которая касалась просвещения. Был разработан план реструктуризации школы на национальной основе, для этого создали комиссию. План полагалось утвердить решением венского парламента, но раздавались голоса, требовавшие реорганизовать школы *de facto*. Рады на местах принимали резолюции о введении польского языка, готовили национальные кадры преподавателей. Студенческая молодежь заявляла, что не будет слушать лекции по-немецки и если заставят насильно, то лучше останется без образования⁵⁸. Польский язык старались утвердить и в богослужении: узнав, что в ряде монастырей читают проповеди по-немецки, Центральная рада призвала священников «исправиться», «если они хотят называться национальными»⁵⁹.

Просветительские и пропагандистские акции являлись главным направлением деятельности ЦНР и местных рад (последние вели также работу по подготовке к выборам в парламент, собирали пожертвования для ЦНР, а порой превращались в комитеты самообороны для защиты от крестьян). Власти не препятствовали этим акциям, но бдительно следили за возможными покушениями наственные функции. Так, когда Центральная рада попыталась создать мировые суды, губернатор Ф. Стадион обвинил ее в узурпации власти⁶⁰. В свою очередь, польские политики жаловались на «неконституционные» действия Стадиона и немецких чиновников (препятствование свободе печати и собраний, противодействие развитию Национальной гвардии, создание судов с участием крестьян, предписание крестьянам хватать «подозрительных» лиц и т. п.). От губернатора требовали ликвидировать жандармерию как незаконный институт, а чиновников, как и военных, приводить к конституционной присяге и поставить их под контроль местного населения⁶¹. Поскольку последнее требование, как и требование национальной армии, Стадион отказывался принять, поляки обращались непосредственно в Вену, ища управы на чиновников, «неприязненно относившихся к польской национальности». В борьбе против немецких чиновников Центральная рада рассчитывала найти союзника в лице поляка А. Голуховского, который замещал

Стадиона, но вскоре разочаровалась в нем и решила просить Вену о его замене. Затем она возлагала надежды на нового губернатора-поляка В. Залесского и требовала расширить его полномочия, чтобы он мог смещать антипольски настроенных чиновников и заменять их поляками. В знак поддержки Залесского и протеста против нелояльных к нему чиновников предлагалось такое средство, как «штурмпетиция», т. е. петиция, поддержанная массовыми выступлениями⁶². О более решительной позиции части галицийской общественности свидетельствовало и выдвигавшееся в Центральной раде в октябре 1848 г. требование ликвидации бюрократии⁶³.

Стремление полонизировать чиновничий аппарат Галиции приводило к тому, что в праве исполнять административные функции отказывали не только немцам, но и чехам. По мнению Я. Добжаньского, замещать должности могли только галицийцы, а «тот, кто здесь родился, не должен называть себя немцем»⁶⁴. С задачей полонизации власти на местах было связано и требование «национальной реорганизации» магистрата и создания новой системы городского самоуправления. Рада протестовала против изменения городских избирательных округов, критиковала подготовленный австрийскими чиновниками городской избирательный закон за то, что он ограничивал избирательные права галицийских масс и тем создавал угрозу засилья немцев в органах городского самоуправления. Было решено призвать Общество друзей права разработать свой проект избирательного закона для городов, а также для организации гмин в городах и местечках. Подчеркивалось, что закон, составленный для Вены, не обязательно хорош для Львова и Галиции, так как между ними существуют различия: венский закон не либерален, а поляки требовали больше, чем дает Вена. Предлагалось протестовать, а если протест 80 тыс. человек ничего не даст, то «в конституционном государстве найдутся другие власти. Нужно самим себе дать либеральный закон, не оглядываясь на венский, провести всеобщие выборы»⁶⁵.

Задачу борьбы с засильем немцев в Галиции Центральная рада обсуждала и в связи с вопросом о судьбе поляков-эмигрантов, массово прибывавших в край преимущественно из русской части Польши, чьему препятствовали австрийские власти. Некоторые члены Центральной рады опасались, что прибывшие могут стать бременем для Галиции, но другие утверждали: если ее территорию заполнят эмигранты-поляки, то «немцы перестанут заливать наш край». «Нам нужны люди, — заявлял Ю. Мидович, — и не только литераторы, но и выборники, ремесленники... и всем им

мы дадим работу. Если их не возьмут в учреждения, то они осядут на земле, ее достаточно для прокорма. Они будут сеять проповедание среди крестьян, и это нас усилит». Большинство членов Центральной рады настаивали на том, чтобы спасти из-под сурогового ярма и дать приют и помочь братьям; тем самым подчеркивалась мысль о единстве польского народа⁶⁶.

Эта мысль подтверждалась на деле и теми контактами, которые галицийские политики стремились установить со всеми польскими землями. ЦНР, так же как ранее краковский Комитет, поддерживала связь с конспирацией Г. Краевского в Королевстве Польском⁶⁷. Тесный контакт существовал с Национальным комитетом в Познани, представители Галиции и Познанщины непосредственно общались во Франкфуртском национальном собрании (его резолюция с осуждением разделов Польши и выражением сочувствия «несчастному польскому народу» была воспринята в Галиции с энтузиазмом). Осенью 1848 г. Центральная рада командировала в Познань и Вроцлав С. Пилата, чтобы ознакомиться с постановкой школьного дела, наладить связь с преподавателями, приобрести учебную литературу (среди закупленных Пилатом книг было, в частности, большое количество экземпляров популярной «Истории Польши» И. Лелевеля)⁶⁸. Когда Франкфуртское национальное собрание постановило одобрить решение прусского правительства о разделе Познанщины на польскую и немецкую части и включить последнюю в состав Германии, Рада заявила протест от имени всего польского народа против «подлого постановления», назвав его «новым разделом Польши». О новой попытке «уничтожения польской национальности» путем «четвертого раздела страны» писала и консервативная львовская «Польска» («Польша»), видевшая в этом «доказательство подлости немецкого народа»: «Поляки поверили торжественным и добровольным обещаниям немецкого народа, который,бросив собственные узы, первым актом своей жизни торжественно заявил о решимости смыть с себя позор, которым его покрыло преступление раздела, совершенное от его имени многие годы назад», но затем пренебрег собственными доводами о «необходимости восстановить Польшу во имя интересов и безопасности Германии и доказывает нечто совершенно противоположное». Издававшийся демократами «Дзенник станиславовский» («Станиславовская ежедневная газета») также осуждал решение Франкфуртского национального собрания, но обращал внимание на достойное поведение левых депутатов и выражал им при-

* См. § 4 данной главы.

знательность. Ссылаясь на манифест Демократического клуба в Берлине, газета писала о жизненности молодых новых сил демократии в Германии, клеймящих захватническую политику правительства и парламентов, признающих права народов и принцип солидарности. Надежды на немецких демократов возлагала и либеральная краковская «Ютшенка» («Утренняя заря»), заявлявшая: «Симпатия, которой мы жаждем, живет в сердцах известной части немцев, симпатия к нашему делу и к делу всех угнетенных»⁶⁹.

И все же преобладающим настроением галицийского общества были чувства возмущения и протesta. ЦНР следила за выступлениями германской печати, отмечая в них «сознательную клевету» на поляков. Она призвала бойкотировать «Аугсбургскую газету», на страницах которой польскую славу оскорбляли люди, «ненавидящие нашу национальность»⁷⁰. С настоящей филиппикой против немцев выступил в Центральной раде А. Малиш, представлявший проект протesta против решения Франкфуртского национального собрания. Он сказал: «Немецкий народ заблуждается, он высокомерен, слишком высоко себя ценит; он думает, что, включая другие народы в свой союз, оказывает им благодеяние, делает их участниками цивилизации. Это ошибка, поистине большая ошибка! Польский народ ценил себя, по сравнению с немецким народом, меньше, чем должно; польский и другие славянские народы были на более высокой ступени просвещения, нежели немецкие. У нас просвещение было с давних времен, наша литература была богатой и блестящей еще до христианской эры, тогда как у немцев никакой литературы не было. Если посмотреть на немецкие сочинения 70-летней давности, то можно увидеть, каким варварским языком они написаны». Утверждая, что Франкфуртское национальное собрание совершило «преступление», «несправедливость», «захват», Малиш напоминал, что польские делегаты приводили «самые серьезные доводы» против раздела Познанщины: «Немцы признали это и были убеждены в истине и справедливости этих доводов, но не хотели их слушать, считаясь только с собственной выгодой, желая увеличить свою мощь». Малиш призывал заявить моральный протест против «преступного покушения»: «Ни один народ не должен молить о своих правах, выпрашивать свои права, надо их требовать! Нам не нужно давать что-то из милости... Самые либеральные немцы, когда выступают за нас, думают, что делать это нужно из милости, и тем самым позорят свой народ. Мы должны держаться одного знамени, и этим знаменем является родина — Польша! Мы обретем ее, если не усомнимся, если му-

жественно и разумно будем стремиться к цели. Наших делегатов упрекали, что конечной целью своих стремлений они поставили воскрешение Польши. Делегаты совершили бы предательство, если бы не сделали этого явно»⁷¹.

Лозунг восстановления Польши и единства всех польских земель, включая и давно утраченные, был направлен своим остринцем не только против Германии и России, но задевал национальные интересы других народов Австрийской империи. Он сталкивался, в частности, с национальными стремлениями чехов, направленными на земли короны св. Вацлава и в том числе на входившие в состав Силезии бывшие Заторское и Освенцимское княжества. На заседаниях Центральной рады выдвигалось требование «выработать исторические доводы относительно принадлежности Заторья и Освенцима», сообщалось, что «тамошние жители не хотят относиться к Германии», предлагалось оповестить об этом газеты, а также представить историческую справку об этих землях Франкфуртскому национальному собранию. Один из деятелей Центральной рады Л. Семеньский с ее благословения предпринял летом 1848 г. поездку по Тешинской Силезии, чтобы ближе познакомиться с людьми и общим настроением. По словам Батовского, Семеньский «основательно убедился», что «там существует большое желание отделяться и присоединиться к Польше, как было прежде». Для галицийских политиков это было «важным явлением»⁷², и действительно, 1848 г. стал важной вехой в формировании национального самосознания польского населения Силезии. Хотя развивавшееся там крестьянское движение носило по преимуществу социальный характер, были сформулированы также требования гражданских и национальных прав: на Славянском съезде в Праге летом 1848 г. П. Стальман потребовал предоставления конституционных свобод, введения польского языка в школе и учреждениях, воссоединения Силезии с другими польскими землями⁷³.

Выдвигая лозунг восстановления единой Польши как конечной цели, галицийские политики в практической деятельности не выходили за рамки постулатов, сформулированных в адресах императору. Первоочередными задачами считались удаление ненавистных чиновников, «неприязненных нашему делу», организация национальной гвардии, введение национального языка. «Мы даже можем сохранить нынешнюю организацию школ и администрации края, если только будет введен польский язык. Мы справимся и при таком положении», — заявил в Центральной раде А. Рюбенбауэр⁷⁴. Но главным требованием был пункт о создании

в Галиции института провинциального сейма вместо бывшего сословного. Требование отдельного сейма обосновывалось фактом отдельного существования провинции. Выдвигались различные предложения, в том числе предлагалось образовать Временный комитет из представителей Центральной и окружных рад для выработки закона о выборах в галицийский сейм. Рада обсуждала вопрос, каким он должен быть — совещательным или законодательным, каковы будут границы его компетенции относительно венского парламента и губернатора. Подчеркивалось, что нельзя удовлетворяться лишь реорганизационными функциями сейма, нужно требовать, торговаться и добиваться сейма законодательного. Однако акцент при этом делался на административные функции: на сейм возлагалось решение всех вопросов внутреннего характера, в которых венский парламент был некомпетентен⁷⁵.

Вопрос о сейме стал в центре внимания с лета 1848 г., после того как закончился период бурных уличных событий и революция вступила в новый этап, на котором ареной национальной борьбы стали парламенты. На этом этапе надежды поляков были обращены к венскому парламенту, от него ожидали установления в Галиции национальных институтов, тем более что польские депутаты «с самого начала... объединились с его либеральным крылом». Однако по ходу работы парламента галицийская общественность все больше разочаровывалась в нем, в австро-немецких либералах, оказавшихся «слабыми», «подлыми», «скрывающими под маской свободы собственную выгоду»⁷⁶. Речь шла, в частности, о вторжении австрийского парламента в сферу экономических интересов Галиции: изыскивая средства для погашения государственного долга, депутаты покусились на собственность галицийских монастырей. Против этого протестовала Центральная рада: говорилось о том, что долги Австрийского государства не касаются Галиции, а своим собственным имуществом она должна распоряжаться сама; дело венского парламента — заниматься конституционными вопросами, а не вторгаться в компетенцию провинциального сейма. Рада обвиняла парламент в централизаторских стремлениях и требовала от галицийских депутатов не участвовать в обсуждении внутренних, специальных вопросов, которые, как подчеркивалось, в Галиции стояли иначе, чем в других провинциях. Это касалось, в частности, таких острых в социальном плане вопросов, как право пропинации, индемнизация — компенсация помещикам за отмену барщины и т. п.⁷⁷.

К осени 1848 г. галицийской общественности стала ясна острая необходимость созыва провинциального сейма, так как организационные и административные проблемы края оставались нерешенными, а ждать появления национальных институтов из Вены не приходилось. «Кто имеет право отделить Галицию от империи? — задавался вопросом Я. Добжаньский. — Император? Он не может ничего решать, ибо фактически отдал власть парламенту. А парламент тоже нет — что ему до нас?.. Парламент никогда не выскажется за отделение Галиции. Он хотел бы и Венгрию включить в федерацию, а не то что делать из нас вторую Венгрию». Добжаньский признавал, что «вначале можно было думать, будто Австрия распадется», но этот момент прошел, «революция отступает, а реакция берет верх»; между тем именно революция поставила Галицию в заколдованный круг, когда ни император без парламента, ни парламент без императора не могут ей дать права созвать галицийский сейм: «Если бы не было в Вене парламента, можно было бы обратиться к императору как властителю и он мог бы дать нам это право, но ныне, когда наши депутаты там заседают, только парламент мог бы это сделать. Парламент ничего нам не даст, так как он против; он ничего еще не заявил по этому поводу, а значит, будет противиться. Разве что мы бы захотели играть в игру камарильи... и тамошний парламент хотели ослабить, тогда бы император позволил нам созвать сейм». Такой путь Добжаньский отвергал, но его не вдохновлял и другой выход из положения — «если бы произошла революция или какое-нибудь иное кровавое событие». Он объявлял нежелательными любые шаги, которые могли бы привести Галицию «в революционное состояние», и единственное средство видел в давлении на парламент и на заседавших в нем галицийских депутатов. Высказывая недовольство и парламентом, и собственными депутатами, члены Центральной рады в то же время надеялись, что парламент, работающий над конституцией, должен будет определить отношения провинций с центром, а потому самое время вновь выдвинуть требование галицийского сейма и принудить дать его, используя такую форму давления, как штурмпетиция к исполнительной власти⁷⁸.

После уличных выступлений в Вене 6–7 октября 1848 г., заставивших двор бежать из столицы, австрийский парламент нуждался в поддержке провинций, и у некоторых галицийских политиков возродилась надежда на то, что провинциальные сеймы будут им введены. Рада дала соответствующие наказы галицийским депутатам в Вене. Но наиболее радикальные элементы еще в сентябре

призывали народ сделать то, чего не сделали депутаты, а именно выработать программу нужд и интересов Галиции, заявить об отношении ее к Австрии и определить компетенцию галицийского сейма, разграничив права сейма и парламента. Ставилась также задача подготовки закона о выборах в сейм, на чем настаивали и галицийские депутаты парламента⁷⁹. Подчеркивая, что нужно разработать «полезный и национальный» избирательный закон, Ю. Дзежковский заявил о значении программы, «которая содержала бы практические нужды и требования края и была бы настолько сильной, решительной, столь непосредственно исходящей от народа, чтобы заставить губернатора, правительство и парламент действовать точно в соответствии с ней». Разработать программу надлежало на съезде всех партий, организаций, обществ и т. п. — на так называемом Местном конгрессе. Он должен был иметь вес галицийского представительства, ему предстояло утвердить закон о выборах в провинциальный законодательный сейм. Поскольку такой закон явится плодом мысли всего народа, правительство не сможет его отвергнуть. К. Абанкур также считал, что после того как Конгресс, выступая в качестве моральной законодательной власти, подготовительной по отношению к галицийскому сейму, от имени народа выдвинет требования и утвердит разработанный Центральной радой избирательный закон, на это сможет опереться Залеский в переговорах с Веной⁸⁰.

Такая позиция не нарушала курса легальности и лояльности австрийским властям. Тем не менее, вопреки договоренности создать конституционно-организационную комиссию по выработке программы, решение о созыве Местного конгресса не было принято: помешали противоречия в среде самих галицийских деятелей. К этому времени от участия в национальном движении отошла значительная часть галицийского общества: помещики были удовлетворены, получив от венского правительства компенсацию за отмену барщины; положительную реакцию вызвали и другие уступки Вены — отказ от планов раздела Галиции, введение городского самоуправления, согласие на полонизацию школ, назначение Залесского губернатором края. В результате произошел раскол и ослабление патриотических сил, чем было обеспокоено демократическое крыло Центральной рады.

В этой связи Я. Добжаньский был против созыва Местного конгресса, считая, что он был бы возможен лишь в нормальных условиях, при наличии собственного правительства, чужая же власть умело использует внутригалицийские разногласия, которые выявятся на конгрессе; к тому же Конгресс будет конкуриро-

вать с Центральной радой, что создаст своеобразное двоевластие и ослабит польское национальное движение. Выдвижение на Конгрессе программы, отмечал Добжаньский, еще не означает ее реализации, добиться этого можно либо легальным путем через венский парламент, либо путем революции силой. Он вновь повторял, что те, кто видят спасение в легальном пути, ошибаются, так как парламент не осуществляет революционных преобразований. Но в таком случае «народ своим революционным духом заставит его осуществить революцию, начатую на улицах... Поэтому нужно пробудить революционный дух, чтобы он принудил депутатов к окончательному проведению революции легальным путем». Добжаньский подчеркивал, что не хочет революции, напоминал, что «Рада создалась как раз для того, чтобы не допустить беспорядков», и призывал к рождению революционного духа, который придаст массам моральную силу. Он утверждал, что для поляков всегда была успешной не кровавая, а «моральная революция»⁸¹. Развивая идею «моральной революции», Добжаньский требовал установления «подлинной моральной власти, способной к действию, к быстрым решительным шагам, удовлетворяющим если не все, то по крайней мере наиболее неотложные потребности края и родины». Он считал, что такая власть должна создать полномочный комитет, ответственный перед Центральной радой, периодически проверяемый и обновляемый. Таким образом возникнет «энергичнейшая и полезнейшая для края власть, а одновременно и национальное представительство». Добжаньский предвидел, что его план объявят призывом к диктатуре, но «лишь бы край, который не находится в нормальном состоянии и потому не может образовать свои органы в форме нормальной власти, обеспечил себе таким путем безопасность, более энергичную защиту своих самых дорогих интересов и верного представителя и исполнителя своей воли, своих желаний и нужд»⁸².

По существу речь шла уже о реальном осуществлении патриотическими силами власти в Галиции, о создании ими временного правительства. Подобная радикализация позиции части галицийской интеллигенции была связана с развитием событий в Вене после 6–7 октября. Поляки стали играть важную роль в венском парламенте, противостоя попыткам реакционных депутатов сорвать его работу путем саботажа; после ухода председателя парламента Ф. Смолька как его заместитель взял на себя руководство. В Центральной раде ряд ее членов обвиняли парламент в нерешительности и бездействии, упрекали депутатов-поляков за то, что их больше волнуют венские проблемы, чем галицкие.

Дзежковский утверждал, что настал момент объявить волю народа и через своих депутатов в Вене потребовать провинциального сейма: «Мы должны всеми способами стремиться к тому, чтобы определились наши отношения к монархии»⁸³. Бурным было обсуждение в Центральной раде воззвания к венскому парламенту: некоторые галицийские политики критиковали его за вступление «на революционный путь». Компромиссным явилось решение адресовать воззвание и парламенту, и «добрейшим венцам», внесшим вклад «в защиту дела свободы». При этом высказывалось пожелание, чтобы воззвание стало стимулом для парламента. М. Срочиньский, вернувшийся из Вены, куда он был послан потребовать введения галицийского сейма и немедленного удаления немецких чиновников, сообщил о тяжелом положении парламента в связи с происками реакции и призвал Центральную раду «не ослаблять венский парламент, где сейчас очень многое зависит от поляков»: галицийские депутаты не должны покинуть свой пост из-за галицийского сейма, хотя при первой возможности будут стараться добиться и сейма, и удаления чиновников. В ответ на упреки А. Рогальского, утверждавшего, что предложение австрийских левых в парламенте о введении провинциальных сеймов всего лишь политический маневр, Срочиньский со сложной ситуацией венских депутатов, которые перед лицом конфликта с силами реакции избегают принимать «более важные решения, кроме тех, что касаются обороны Вены»⁸⁴.

Наступление реакции тревожило галицийскую шляхту и интеллигенцию не только в связи с их национальными чаяниями: оно грозило обострением социальной обстановки. Именно так восприняла Центральная рада обращение императора к народу и попытка принять срочные меры, чтобы этот документ не «взбаламутил» крестьян. Одновременно призывали национальную гвардию быть в состоянии боевой готовности и спешно старались решить вопрос ее вооружения. Большую активность в это время проявила молодежь, студенческий комитет добивался от министерства организации в университете военной кафедры, и Рада обсуждала план создания военной школы⁸⁵. Но все эти шаги не были направлены на военное сопротивление реакции и захват власти. Польская национальная гвардия в Галиции в значительной степени была ориентирована на выполнение не столько национальных и гражданских, сколько социальных функций — охраны помещичьей собственности и классового мира в деревне. Именно боязнь социальных потрясений определила отказ польских патриотов в Галиции от революционной борьбы за национальные права. Той же причиной

объяснялось отношение к венскому восстанию. Газета «Польска» откровенно высказала опасение, что поддержка борьбы венцев может вылиться во внутргалицийские «беспорядки». Рада не поддержала восстание, хотя часть национальной гвардии и студенчества выступали за вооруженную борьбу. Демократическая пресса также выражала сочувствие венцам и с тревогой писала о «белом терроре». «Ютшенка» отмечала участие в восстании Ю. Бема и Ю. Госляра, критиковала идею соглашения с реакцией, осуждала А. Виндишгреца, который к печальной славе пражского «победителя» прибавил еще более печальную славу завоевателя Вены⁸⁶. Радикальные элементы галицийского общества были готовы возбновить союз с революционными немцами. Они участвовали в событиях, произошедших во Львове в конце октября — начале ноября 1848 г., — столкновениях с войсками, баррикадной борьбе. Противостояние закончилось бомбардировкой города и его капитуляцией 1 ноября. Это повлекло за собой введение осадного положения во Львове, а затем и во всей Галиции, распуск национальной гвардии и всех общественных организаций, закрытие газет, высылку эмигрантов.

В целом имевшие место в Галиции выступления польских патриотов против австрийской власти являлись разрозненными, случайными, стихийными. Они не привели и не могли привести к достижению национальных целей поляков, сформулированных в виде программы-минимум — требования национальной автономии в составе Австрийской империи. Вместе с тем польское патриотическое движение, даже ограниченное в плане тактики легальными и конституционными средствами, добилось известных результатов в национальном плане: потерпела провал правительенная политика германизации, были созданы условия для полонизации школы, введение городского самоуправления способствовало укреплению позиций польского элемента в городах.

Поляки составляли наиболее активную в политическом отношении часть населения Галиции, поэтому их движение занимало центральное место. Однако рядом с ними в kraе жили люди другой национальности, которые также имели свои национальные интересы, выдвигали национальные требования. Этот факт оказывал немалое влияние на политику польского патриотического лагеря и формировал его отношение к «принципу национальности».

Что касается еврейского населения, то оно рассматривалось польскими политиками с точки зрения не столько национальных, сколько религиозных особенностей. В документах Центральной рады евреи как правило назывались «старозаконными», в их лице

хотели видеть «поляков иудейского вероисповедания», рассчитывали на поддержку ими польского дела. Уже на одном из первых заседаний Центральная рада выступила против провокационных, по ее мнению, действий тех чиновников, которые предупреждали о возможной организации львовскими челядниками еврейского погрома во время Пасхи, и предложила ремесленникам обратиться к евреям с воззванием, «проникнутым любовью и согласием». Обращение «К братьям нашим Израэлитам» было опубликовано печатным органом Центральной рады, на двух языках публиковались выступления и самих израэлитов с призывом к единству. Большое одобрение вызвал циркуляр раввина Коня, призывающего единоверцев «к любви и служению отчизне-Польше». Обсуждался вопрос о введении в состав Центральной рады представителей еврейского населения, поощрялось их вступление в национальную гвардию, и действительно, как отмечал Комитет по распространению просвещения среди евреев, членами гвардии стали «почти все просвещенные израэлиты»⁸⁷.

О создании Комитета Центральную раду оповестила депутация львовских евреев 18 июня 1848 г. Она зачитала обращение, где говорилось: «лишь в просвещенной части нашего народа находятся элементы польской национальности и любви к польскому народу». Подчеркивалось, что в сердцах евреев будет вечно жить то, что написано в петициях 19 марта и 6 апреля: «Вы дали нам приют во время наших скитаний, во времена господствующего невежества и преследований. А теперь ваш голос зазвучал во имя нашей свободы, нашего освобождения из-под ярма деспотизма и рабства». Авторы обращения считали несправедливым ущемление евреев в правах и свободах: «Что же представляет собой жизнь без родины, странствование без постоянного владения?» Адресуясь к главе галицийских католиков, они задавали вопрос: «может ли твоя вера угнетать народ и лишать его естественных человеческих прав? Или же может твоя вера отказать нам в братской любви и свободах, которые Франция, Бельгия, Голландия уже давно, а Рим, Сардиния, Тоскана и Пруссия в последнее время нам дали?» Евреи заверяли в стремлении к единству и сближению с поляками, подтверждая это фактом употребления польской одежды и языка, обещая, что будут «громко и твердо говорить на нем, выступая за наше и ваше дело»: «Соедините старозаконного с Нацией, пусть живет в Нации, и не увидят больше еврея, увидят поляка». В конце обращения говорилось: «Мы надеемся... что живительный луч свободы воскресит и наш народ к новой жизни... А потому примите нас, поляки, как детей

единой родины, возвысьте еще раз за нас свой голос, ибо мы со-ставляем десятую часть населения нашего края и наши братья проливали свою кровь за вашу свободу! Поддерживайте нас в наших похвальных намерениях, а мы отплатим вам настойчивы-ми усилиями ради роста благосостояния жителей нашей прекрас-ной отчизны и усердной работой для общей пользы»⁸⁸.

Обращение просвещенных евреев, за которое Центральная ра-да благодарила и которое решила опубликовать, свидетельство-вало, что в их программе на первом месте стояли требования гражданских свобод и равенства, в национальном же плане они поддерживали польское движение. Но была и другая, ортодок-сальная еврейская партия, выступавшая против союза с польски-ми политиками. Последние были заинтересованы в примирении обеих партий и призывали к этому их руководителей. Заинтере-сованность поляков была связана с надеждами обеспечить под-держку евреев на парламентских выборах, и в ряде случаев они на самом деле получали от партии просвещенных евреев обеща-ние «влиять согласно мнению Национальной рады». Со своей стороны, Центральная рада стремилась не допустить антиеврей-ских настроений. Например, в своем воззвании она опровергла слухи, будто евреи умышленно выкупили всю разменную моне-ту. Когда в сентябре 1848 г. Центральная рада обсуждала вопрос об удалении евреев из г. Ясле на основе старинных городских привилегий, было решено призвать к отказу от привилегий по-доброго рода⁸⁹.

Не так мирно складывались отношения поляков с украинцами. Хотя украинские горожане участвовали в подписании польского адреса 19 марта, но ни в нем, ни в адресе 6 апреля не нашлось места для упоминания об украинском населении Галиции (принадлежавшем преимущественно к униатской церкви), о его национальных и религиозных правах. В самом начале работы, 15 апреля, Центральная рада под аплодисменты приняла воззвание к русинам (как называли украинцев в Галиции), но и там не было никакой национальной программы, говорилось только о равенстве⁹⁰. Между тем галицийские украинцы стремились полу-чить национальные и политические права, развивать свой язык и культуру, вести работу по национальному просвещению, со-здать собственные национальные организации, издавать украи-нскую прессу. Одним из первых с критикой адреса 19 марта вы-ступил И. Бирецкий в «Письме», опубликованном 22 апреля польской газетой демократического направления «Постемп» («Прогресс»). Автор «Письма» требовал признания поляками на-

циональных прав украинцев как основы для сближения. За союз с польскими демократами выступила и часть прогрессивной украинской интеллигенции — Я. Головацкий, А. Могильницкий, И. Устинович, Р. Мох и другие⁹¹. Однако в своем большинстве украинская общественность пошла по иному пути. 19 апреля группа украинских священников подала Стадиону петицию для представления в Вене; русины заверяли в своей верности трону и просили гарантий для украинского языка в школе, суде, администрации. 9 мая они получили ответ от имени императора: Вена давала языковые гарантии, объявляла о равенстве религий и праве украинцев на занятие должностей⁹². Этот наметившийся альянс русинов с австрийским правительством очень встревожил польских политиков, находившихся под свежим впечатлением «галицийской резни» 1846 г. Тревога была обоснованна, так как из разных мест поступали сообщения о том, что «свентоюрцы» (то есть униатское духовенство, центром которого был храм св. Юра во Львове) «подбивают крестьян к бунту», советуют им вооружаться «на поляков»⁹³. Летом 1848 г. Центральная рада была вынуждена констатировать: «наши враги, которые искусственно вызвали несчастный раскол между братскими национальностями, всеми способами работают в целях поджигательства»⁹⁴.

Противостоять такой «работе» Центральная рада пыталась с первых дней. 14 апреля обсуждался вопрос об обращении к украинским священникам, чтобы «призвать их открыто заявить, чего они от нас требуют, а мы, если их требования справедливы, сделаем все возможное, лишь бы вернуть братское согласие между сыновьями одной земли». Говорилось и о необходимости сотрудничества латинской и греческой консисторий, так как их послушается католическое и униатское духовенство, являющееся в Галиции представителями национальностей. Единогласно было принято предложение «призвать всех к братскому согласию, затем просить посредничества консисторий, чтобы они выказали источник недоверия униатов, дабы перекрыть его и предотвратить зло». 22 апреля в печатном органе Центральной рады появилось возвзвание к консисториям: они должны были внушать, «что все мы являемся между собой братьями, равными перед Богом и законом, но и жителями польской земли, а затем, помимо различия веры, обряда и языка, все и всегда гражданами одной земли». Позже газета «Рада народова» («Национальная рада») опубликовала обращение к Центральной раде 20 епископов и священников, где наряду с провозглашением нерушимости принципов католицизма было заявлено об уважении к национальной обособ-

лennosti russinov. Однако при этом подчеркивалось, что путь к национальным свободам должен быть только легальным⁹⁵.

Рада понимала, что сотрудничество с украинским духовенством невозможно без определенных уступок, и потому решила издать воззвание к униатским священникам, одновременно подав императору петицию об улучшении их материального быта. Предлагалось, чтобы для петиции был составлен и оглашен план, «отвечающий нашим национальным интересам», тогда бы украинское духовенство тоже могло подписать ее. В том же духе действовали окружные рады, выступавшие с обращениями к униатским священникам⁹⁶. Делались шаги и к языковым уступкам: 24 апреля ЦНР поручила своему отделу просвещения «как можно скорее заняться введением как польского, так и украинского языка в школах и консисториях», а отделу внутренних дел — «введением этих языков в судах»⁹⁷.

Однако наиболее решительные члены Центральной рады настаивали на том, чтобы она заявила «свою политическую позицию насчет отношения между польским и украинским языком, а также насчет равенства, какое должно иметь место между духовенством латинского и греческого обрядов». Решение по этому предложению Срочиньского, внесенному 28 апреля, отложили, но 1 мая П. Василевский вернулся к вопросу, потребовав «сделать украинскую национальность явной, принять герб льва и называть ее украинско-польской национальностью». 5 мая обсуждали предложение Б. Рогальского «о завоевании любви и братства russinov», а на другой день постановили издать «манифест к братьям-russinam с разъяснением нашего к ним отношения и желаний». Обсуждение этого документа было бурным. Выступавшие считали нужным изъять из него все острые моменты, упоминания о прошлых конфликтах и подчеркнуть, что «несогласие вредно для нашего общего развития». «Исторические выводы свидетельствуют против нас», — признал Василевский, добавив: «Наше желание, чтобы украинская национальность развивалась со всей силой». А Срочиньский доказывал, что «обиды russinov относятся лишь к прошлому, не к польскому народу, а к магнатам. Ныне магнатство пало, поэтому должна пропасть и обида». На заседании было заявлено: «Украинскую национальность мы считаем нашей»⁹⁸. В таком духе и был составлен окончательный текст манифеста, который, по мнению Батовского, был более энергичным, примирительным и убедительным, чем текст заявления рады по этому вопросу. В манифесте, принятом с овацией, говорилось, что права украинского народа для поляков

«так же святы и нерушимы, как их собственные», но «украинская национальность не может иметь иных, чем польская национальность, потребностей — и желания, и цели обеих сегодня одни и те же»⁹⁹.

Такая постановка вопроса не отвечала чаяниям украинцев. Правда, индивидуальные проявления тенденции к сближению имели место: например, униатский священник О. Крыницкий присоединился к ксендзу Б. Вежхлейскому, читавшему на заседании Центральной рады символ веры. Окружные рады вели агитацию, выпуская воззвания к русинам, ксендзы на украинском языке разъясняли крестьянам суть конституционных перемен, особо выделяя отмену барщины в качестве заслуги польской шляхты, и кое-где в провинции отмечалось «поведение русинов, благоприятное для нашего дела»¹⁰⁰. Рада с удовлетворением восприняла сообщение, что Стадион согласился на введение родного языка в польских и украинских округах, и стремилась вместе с русинами добиваться в Вене дальнейших уступок¹⁰¹. Но руководство украинским движением делало ставку на соглашение с правительством. 2 мая 1848 г. была образована Главная русская (украинская) рада, куда вошли представители униатского духовенства и интеллигенции. Она заявила о единстве украинской нации как в Галиции, так и за Днепром, провозгласила себя выразительницей нужд и интересов, защитницей гражданских, социальных, политических, национальных (а прежде всего религиозных и языковых) свобод галицийских украинцев и подтвердила готовность придерживаться конституционного пути. В воззвании Главной русской рады говорилось: «Как, с одной стороны, нашей святой обязанностью будет крепко и постоянно защищать наши права и нашу национальность от всяких покушений — внутренних и внешних, так и, с другой стороны, сам Бог и человеческий закон велит, чтобы мы против тех, кто рядом с нами также пекутся о своем благе и своей национальности, не питали никакой ненависти в наших сердцах, а, наоборот, жили бы как искренние соседи на одной земле в согласии и единстве». Однако на практике «согласия и единства» не получалось, и выступавшие на украинских собраниях часто поминали «проклятых ляхов»¹⁰². Повсюду на местах также создавались украинские рады; их возникло около 50, и они действовали более активно, чем Главная русская рада¹⁰³. Поляки опасались, что они окажутся «под немецким влиянием», то есть австрийская администрация сможет использовать их против польского национального движения. В этой связи ЦНР решила подать жалобу венскому правительству, требуя,

чтобы местным чиновникам было запрещено вставать во главе украинских или польских объединений «для поджигания одних против других»¹⁰⁴. Характерно, что ЦНР старалась не обострять отношения с русинами на местах. Заслушав 27 мая сообщение из Жолкевского округа о собрании украинских священников и крестьян, где последних наусыкивали «против нашего дела», Центральная рада постановила: «ни в коем случае не выступать против русинов, пусть бы даже они были для нашего дела самыми подлыми, потому что таким образом они тем скорее придут к пониманию правды и нашего справедливого стремления»¹⁰⁵.

Противодействовать украинскому сепаратному движению ЦНР попыталась «мирным» способом — создав ему альтернативу. Еще 9 мая было решено посоветовать тем представителям украинского населения, которые склонялись к сотрудничеству с поляками и были недовольны петицией униатских священников, составить новый адрес императору в духе польских петиций. В результате 12 мая на заседание ЦНР явилась «депутация русинов» и заявила, что «особы, подавшие 19 апреля адрес от имени русинов, не действовали в духе украинского народа» и потому будет представлен новый адрес, скрепленный множеством подписей, в котором украинцы, «требуя национальности, объявляют, что хотя по племени являются русинами, но хотят быть навсегда польским народом». Подчеркивая, что Главная русская рада не избрана народом и не облечена его доверием, украинские депутаты утверждали, что «русины не хотят ни отделяться от поляков, ни создавать отдельную раду, так как доверяют Национальной раде», они требовали лишь включить в ее состав своих представителей и создать в ней отдел специально по украинским делам. Последнее требование не было реализовано, но украинцев среди членов ЦНР насчитывалось немало¹⁰⁶. Некоторые из них (называвшие себя *«gente rutheni natione poloni»*) составили ядро образованной 23 мая новой организации — Русского (украинского) собора, которая противопоставлялась Главной русской раде. Русский собор, куда входили представители украинского духовенства, полонизированной шляхты и интеллигенции, призвал украинских священников и народ к единству с поляками и вступил в контакт с ЦНР¹⁰⁷.

Курс ЦНР на «примирительные» действия в отношении русинов, стремление решать все вопросы помимо высшего униатского духовенства и Главной русской рады¹⁰⁸ нашли выражение и во

* родом русины, по национальности поляки (лат.).

время Славянского съезда в Праге. На съезд поехали делегаты, посланные и Руським собором («подлинные русины» Л. Сапега, Е. Любомирский, Ю. Дзедушицкий, З. Поглодовский, К. Ценглевич и другие), и Главной руськой радой. Она предоставила И. Борысиковичу, Г. Гинилевичу и О. Заклинскому полномочия «на все действия, которые не противоречат целостности Австрийского государства и нашей верности великодержавному Габсбургскому дому, нашим конституционным свободам и всегда милой нам нашей национальности». Поддерживавший Главную руськую раду Стадион дал ее посланцам рекомендательное письмо к наместнику Чехии Л. Туну, где подчеркивал, что они являются исключительными представителями украинского населения Галиции. Вопрос представительства и стал источником конфликта при формировании секций съезда, так как Руський собор также претендовал быть единственным выразителем интересов галицийских украинцев, а Главную руськую раду считал органом высшего униатского духовенства. Добжаньский заявил, что шляхта (представители которой преобладали в Руськом соборе) и есть защитница украинских интересов. Заклинский же доказывал, что украинская аристократия давно перешла в католичество, полонизировалась и если теперь хочет работать на благо украинского народа, то для этого нужны объединенные усилия. На основе такого объединения была сформирована украинская комиссия во главе с Сапегой, куда вошли также Борысикович, Дзедушицкий, Гинилевич, Заклинский, П. Стецкий. Это была одна из трех комиссий, которые образовались внутри польско-украинской секции съезда, включавшей 20 украинцев и 21 поляка из Галиции и возглавленной представителем Познани К. Либельтом и его заместителем Гинилевичем¹⁰⁹.

И на пленарном заседании съезда, и во время работы секции польско-украинский спор продолжался: украинцы выступали с позиций национальной самобытности, говорили о притеснениях немецкой администрации и польском гнете, хотя и не обвиняли в этом польский народ. Борысикович отметил, что в манифесте съезда ничего не говорится об украинцах, и потребовал дать им конституционные свободы и на равных правах принять в славянскую федерацию. Украинский народ, сказал он, хочет развития родного языка, чтобы поднять свою национальность и вывести ее на путь свободы и прогресса; школа и обучение должны быть украинскими; это шляхта переходила в католичество и полонизировалась ради привилегий, народ же хочет быть самим собой. Заклинский же прямо заявил, что украинцы желают полной обо-

собленности и не хотят быть под Польшей или с Польшей. Возражая против этого, Либелт подчеркнул, что Европа знает только поляков, к тому же обособление украинцев может вызвать подобные претензии у литовцев, мазуров и других. Он предложил, «чтобы поляки и русины с обеих сторон заявили, что желают всестороннего развития украинской национальности, но чтобы Русь (Галицкая Украина. — С. Ф.) не отрывалась от Польши, а навеки оставалась с ней в федеративном союзе». Либелт заверял, что «прежних ляхов уже нет», Польша будет «федеративной, уважающей и поддерживающей национальности», и в этой федеративной Польше украинцы получат все права, а цели у них с поляками общие. Русины должны решать, хотят ли быть братьями с поляками или оказаться под властью царя. О влиянии царизма и австрийской администрации на членов украинской делегации говорил и Ценглевич, также настаивавший на общности интересов поляков и украинцев. Он обращался к двухсотлетней истории, когда оба народа жили вместе и не имели отдельных стремлений, и утверждал, что эта история была для Руси «самой прекрасной». Ценглевич выступал против украинского языка в высшей школе, доказывая, что «польский язык — это усовершенствованный украинский, что польская литература общая и для русинов, что, будучи сам русином, он желает навсегда быть вместе с Польшей». Он предупреждал, что признание отдельной украинской национальности в Галиции обострит там национальные отношения, и обвинял «свентоюрцев» в том, что они наносят вред Руси¹¹⁰.

Особое беспокойство вызывал у поляков выдвинутый украинскими делегатами проект раздела Галиции: предполагалось создать польский и украинский административные округа с национальным языком и двуязычием чиновников; язык преподавания в школе определялся бы по национальной принадлежности большинства учеников, в университетах предусматривалось употребление любого языка; планировалось создание польской и украинской национальной гвардии; центральная власть в провинции была бы единой, а депутаты в общий галицийский сейм избирались бы пропорционально составу населения. Польские делегаты готовы были уступить по большинству пунктов, лишь бы избежать административного раздела, и 8 июня С. Целярский доносил ЦНР, что «русины склоняются к соглашению». Оно было достигнуто при посредничестве чехов, которые, как писал Целярский, симпатизировали «свентоюрцам», поскольку те, как и чехи, выступали за династию. По инициативе Палацкого украинский

вопрос был включен в текст проекта манифеста съезда к народам. В свою очередь, украинские делегаты поддержали чешский проект перестройки Габсбургской монархии¹¹¹.

Соглашение поляков и украинцев, названное «Требования украинцев в Галиции», предполагалось включить в адрес императору. Согласно ему, конституция должна была установить равенство поляков и украинцев в гуманитарной и политической сферах, гарантировать неприкосновенность каждой нации в Галиции, предоставить равные права конфессиям и обеспечить равную оплату католического и униатского духовенства. Предусматривалось, что центральная власть провинции и двуязычный сейм будут общими, так же как национальная гвардия; язык администрации на местах будет зависеть от национального состава населения, а при смешанном населении предполагалось двуязычие чиновников; каждый сможет обращаться в органы власти и получать от них ответ на родном языке, а также занимать административные посты независимо от национальности. Преподавание в школах должно было вестись на языке большинства учеников, меньшинству же предоставлялось право иметь свои школы, причем в первых классах обязательным было изучение обоих языков, а в гимназиях — польской и украинской литературы; в высшей школе допускалось употребление любого языка¹¹².

Польско-украинский компромисс приветствовали все делегаты съезда. В память этого события на разноцветной бумаге (символе соцветия всех славянских национальностей) была отпечатана песня «Мир вам, братья, всем приносим» (музыка Ф. Лентовича, слова И. Гушалевича). Соглашение высоко оценивали и ряд польских политиков. «Мы установили условия согласия и единства между братьями одной матери, одного происхождения, — заявил Либелт. — Они будут для нас общей радостью и честью, только бы мы сохранили великое правило христианской любви — не делать того, чего себе не желаем. Будем лишь справедливы по отношению друг к другу, а что касается дела и общности наших усилий, не будем сомневаться». Галицийские делегаты также были довольны. Е. Любомирский писал во Львов, что «украинский вопрос решен в Праге очень удачно в том, что касается уравнения в правах обоих народов и обоих языков в Галиции». Да и сама ЦНР внимательно следила за ходом переговоров, обсуждала пункты «братского согласия», присланные из Праги¹¹³.

Однако соглашение могло вступить в силу лишь после утверждения галицийским сеймом. А главное, оно решало вопрос о

равенство языков и религий, но не означало признания поляками самостоятельной украинской национальности. В этом отношении показательным было мнение ведущих галицийских политиков Земялковского и Пониньского, которые в упоминавшейся выше памятной записке, составленной как раз в дни Славянского съезда, писали о попытках австрийских властей сеять рознь между поляками и украинцами: «Чтобы отлучить это довольно многочисленное население от материнской идеи — от полонизма, чтобы заставить его поверить, что оно больше не польское, начинают адресоваться к русинам в официальных сообщениях не на немецком и польском, а на немецком и русинском языках, употребляя при этом русский алфавит!.. Русинский язык — это славянская идиома, имеющая очень мало аналогии с русским, и писать на нем можно лишь с помощью польского алфавита, так как русские буквы умеют читать только священники». Авторы памятной записи указывали, что ненависть к полонизму — острое оружие и оно может послужить не завоеванию украинцев на сторону австрийского правительства, а приведет их «прямо в руки России», тем более что русские агенты действуют в Галиции, в том числе и в русинской партии. «К счастью, — заключали Земялковский и Пониньский, — поляки сорвали эту подлую интригу, призвав русинов к братству и полному равенству политических и религиозных прав»¹¹⁴.

Отказ признать факт существования в Галиции народа, отличного от поляков, демонстрировали и члены ЦНР, заявляя, что считают «украинскую национальность нашей». Польская пресса видела в ней часть польского народа, которая разнится от него не более, чем жители Севера и Юга Франции разнятся между собой¹¹⁵. Печатный орган «Дзенник народовый» («Национальная ежедневная газета») заявлял, что в Польше никогда не было «украинского народа», и потому призыв связанный с ЦНР «Газеты народовой» и ее редактора Добжаньского к уступкам русинам подрывает единство польской нации. «Дзенник» полагал, что Добжаньский в качестве члена ЦНР выражает ее позицию, и упрекал ее в предательстве польских национальных интересов за опубликованное 4 августа в «Газете народовой» возвзвание к русинам: «Нельзя одновременно любить и поддерживать две национальности. Кто хочет быть национальным и в той, и в другой, должен быть (хоть и помимо воли) антинациональным в каждой». Характерно, что ЦНР считала необходимым оправдываться от подобных обвинений и постановила заявить в возвзвании, что публикуемые в печати документы не выражают мнения ни ее, ни всего

народа¹¹⁶. Такая позиция руководства польского национального движения по отношению к украинскому народу возмущала украинских демократов. Летом 1848 г. В. Подолинский в неопубликованной брошюре «Слово предостережения», критикуя взгляды польских либералов, касающиеся решения украинского вопроса, одновременно осудил и проавстрийскую позицию Главной русской рады. Утверждая, что украинский народ добьется свободы «прямо и непосредственно или с помощью славянщины» — «федеративной и либеральной», Подолинский звал украинцев и поляков к сотрудничеству¹¹⁷.

С польской стороны желание сотрудничать проявлялось как готовность к компромиссу на основе программы Русского собора. Галицкие депутаты в Вене требовали подготовки в крае соответствующей петиции по украинскому вопросу¹¹⁸. В центре внимания продолжала оставаться проблема раздела Галиции: Главная русская рада собирала подписи под адресом с требованием раздела. ЦНР подготовила протест против раздела, подписанный также русинами, но одновременно решили разработать другой документ, который подписали бы все жители Галиции. Была создана комиссия по сбору подписей, текст разослали по округам, направив туда и комиссаров. Задача заключалась в том, чтобы собрать максимум подписей, на этом настаивал Смолька и другие депутаты венского парламента. В начале августа один из депутатов, А. Рогальский, просил также скорее прислать «коллективный протест русинов» против раздела, так как, возможно, возникнет необходимость его оглашения на заседании. Петицию, составленную в таком духе, направил в Вену Русский собор. ЦНР пыталась привлечь к выступлению против раздела униатского митрополита М. Левицкого, но потерпела неудачу¹¹⁹. Тем не менее она не оставляла надежды договориться с русинами во имя единства галицийского общества. Когда возник план созыва Местного конгресса, предполагалось представительство на нем и украинских рад. Подчеркивалось, что Русский собор «не против нашего принципа», относительно же «свентоюрцев» высказывалось опасение, что они проигнорируют Конгресс и заявят протест, не признав его правомочность, так как «в слепоте своей» хотят «считать себя чем-то иным, отдельным»¹²⁰.

Эти прогнозы были обоснованы. Свою «отдельность» украинцы вновь заявили в сентябре 1848 г., когда ряд крестьянских депутатов венского парламента выступили с требованиями гражданской и религиозной свободы, социальных, экономических и политических прав. Среди последних были постулаты нацио-

нального характера: создание украинских школ, обучение на родном языке, раздел Галиции. Столь одиозное для поляков требование было предъявлено и министерству внутренних дел, к концу января 1849 г. под ним подписалось уже более 200 тыс. человек. В знак протesta против затягивания решения о разделе Галиции Главная русская рада собиралась отозвать своих депутатов из парламента, но 7 марта 1849 г. он был распущен¹²¹.

Наряду с проблемой раздела Галиции конфликтным являлся и вопрос об украинской национальной гвардии. Согласно австрийскому статуту, гвардии создавались как провинциальные (территориальные) образования, а не по национальному признаку; между тем сформированная в Галиции национальная гвардия была по характеру польской. Главная русская рада добивалась параллельного создания украинской национальной гвардии. 26 сентября 1848 г. орган Главной русской рады «Зоря Галицка» («Галицкая заря») призвал к формированию отрядов гвардии, осуществляющих военное обучение и муштру на украинском языке, и такие отряды были созданы во Львове, Станиславове, Тернополе и других центрах Восточной Галиции. Галицийские власти запретили создание украинской гвардии как незаконной организации. Об этом запрете ЦНР решила оповестить окружные рады, но при этом встал вопрос, как поступать на местах с такими образованиями. В. Висыневский настаивал, что «не нужно их раздражать, а, наоборот, по-дружески ладить»; он считал, что «таким образом два племени скорее сольются воедино и исчезнут всякая ненависть и подозрения». Давидович также указывал, что украинские священники видят в свободном формировании гвардии единственное средство, которое залечит «все раздоры и враждебность». Но руководящий отдел ЦНР и большинство выступавших ее членов были против легализации украинских отрядов и требовали протестовать против их создания и противодействовать ему, правда, оговариваясь при этом, как Срочиньский, что противодействовать нужно всеми легальными средствами, «не уничтожать физически подобные объединения, так как именно из сопротивления они бы выросли более сильными». Ценглевич, обличавший хитрую политику «свентоюрцев» — «подлого орудия реакции», которые пытаются обмануть поляков, заявил: «...я не хочу знать никакой иной гвардии, только одну, как не хочу инспирировать формирование других гвардий — объединений гуцолов, бойков, немецких колонистов и Бог весть каких там еще других». К этим аргументам, вызвавшим аплодисменты, А. Фридберг добавил еще более веские и также встретившие громкое

одобрение: «это не украинская гвардия в национальном духе, а вооруженные банды крестьян в том же духе, как в 1846 г., без всякой организации или другого устройства»¹²².

В этих словах заключалась суть польско-украинских противоречий в Галиции — социальных противоречий между польскими помещиками и украинским крестьянством. Угроза крестьянских выступлений и новой «резни» постоянно довлела над польским обществом, и ЦНР чутко отражала его тревогу и озабоченность. Не случайно одним из ее последних решений было постановление об издании возвания к крестьянам и священникам на украинском языке, которое член Центральной рады К. Видман назвал «панегириком шляхте» и главный акцент в котором был сделан на «даровании» барщины панами¹²³. Выполнить это постановление ЦНР уже не успела, так как была распущена после вооруженных выступлений во Львове 1–2 ноября 1848 г., в которых участвовали и поляки, и украинцы. Главная русская рада, верноподданнически принявшая октроированную конституцию 16 марта 1849 г. (она не поддержала Борисикевича, критиковавшего «октroiрку»), просуществовала дольше — до 1851 г.¹²⁴

Вопрос польско-украинских взаимоотношений в Галиции не нашел разрешения в 1848–1849 гг., что осложняло развитие как польского, так и украинского национального движения. Но национальная активность украинцев в период революции имела большое значение, так как знаменовала этап формирования национального самосознания и служила важным фактором в этом процессе. Были достигнуты результаты в области национальной культуры. Украинский язык получил доступ в народные школы и гимназии, а с начала 1849 г. была открыта кафедра украинского языка во Львовском университете. Родилась украинская пресса — «Зоря галицка», «Днівник руський» («Украинская ежедневная газета»), «Галицко-русський вестник», «Новини» («Новости»), «Пчела»; публиковалась и распространялась украинская литература, чему способствовало создание специального издательства — Руської (украинской) матицы. Произошел подъем литературного творчества — в произведениях Устияновича, Могильницкого и других звучали национальные патриотические мотивы. Началось становление украинского театра: в Коломые, Пшемысле, Львове, Самборе, Сtryе и даже в селах ставились спектакли силами любителей и профессиональных актеров. В это время возникли первая украинская читальня в Коломые и Народный дом во Львове, ставший центром национального просвещения. Во Львове же в октябре 1848 г. собрался съезд украинской ин-

теллигенции (Собор русских ученых), на котором звучали речи, «дышавшие свободой и патриотизмом». Присутствовавший на съезде польский поэт Г. Яблоньский предрекал украинцам большое будущее в славянском мире, Головацкий подчеркивал их этническое и языковое единство¹²⁵.

Укреплению идеи единства украинского народа способствовало национальное пробуждение Закарпатской Украины, ее жители добивались словацко-украинской автономии в Венгрии и прежде всего прав словацкого и украинского языков в школе, в том числе высшей. Разочарованные политикой венгерских революционеров в отношении национальных меньшинств, они стали требовать объединения с Восточной Галицией: об этом говорилось в петиции, представленной А. Добрянским в январе 1849 г. и поддержанной Главной русской радой¹²⁶. В то же время украинцы Буковины боролись против отделения ее от Галиции, и Главная русская рада, филиал которой действовал в Черновцах, также поддерживала эту позицию, тогда как польские политики в Галиции выступали за то, чтобы Буковина, «имея отдельную национальность, требования и нужды», получила бы отдельные институты и представительство. Так как австрийское правительство боялось усиления своих украинских подданных, могущего произойти в результате их объединения, и, в частности, опасалось тяготения их к воссоединению в будущем с Заднепровской Украиной, оно отвергло требования как закарпатских, так и буковинских украинцев. Первые остались в составе Венгрии, Буковина же, согласно конституции 4 марта 1849 г., была отделена от Галиции и дана во власть румынского боярства¹²⁷.

Таким образом, и для поляков, и для украинцев национальный вопрос приобретал более широкие рамки: они должны были определить свое отношение к другим народам Австрийской империи, к их национальным стремлениям и национальной борьбе. Поскольку и те и другие принадлежали к славянам, определенное значение для них имел тот факт, что государство Габсбургов включало славянские и неславянские народы. Первые выступали как бы более близкими партнерами, естественными союзниками. Однако политическая обстановка определяла расклад сил и в итоге обусловливала взаимоотношения между различными народами империи.

Так, польские политики всегда рассматривали славянский вопрос под углом зрения интересов Польши в целом и Галиции в частности. В одной из корреспонденций, направленных в ЦНР, сама «идея Польши» определялась как «свободное развитие всех

славянских сил». «Славянские народы, — писал краковский „Дзенник политычны“ („Ежедневная политическая газета“), — должны узнати и понять друг друга, почувствовать, что они члены одной семьи, и пробудить в своей груди братскую любовь, увидеть, что у них общие враги и общее оружие для борьбы против них». В то же время лозунг объединенного славянства вызывал у галицийских политиков известные сомнения с точки зрения интересов Польши. Демократический «Пшеглёнд» («Обозрение»), также выходивший в Кракове, подчеркивал: «И мы желаем, и наверняка не меньше, чем кто бы то ни было, освобождения всех славянских народов и их тесного союза навеки, но мы были бы предателями отчизны, если бы каким-либо, хоть незначительным допущением поспособствовали бы лишению ее славного имени Польши и ее национальной, независимой, самостоятельной деятельности... Мы хотим Польши, а коль случилась бы только возможность утопить ее в какой-то славянщине, Восточной или Западной, обернуть ее вокруг московского царя в Петербурге либо австрийского императора в Кромержиже, мы готовы немедленно отказаться от ее имени»¹²⁸.

Такие заявления диктовались неприятием как австрославистской концепции, так и, в первую очередь, опасением перед царским панславизмом. Россия исключалась из состава объединенной славянщины, в ней видели заклятого врага, угрожавшего с востока Польше и всей Европе. В галицийском адресе 6 апреля говорилось о миссии Польши «быть форпостом Европы на пути вторгающихся в нее рабства и тьмы». Правда, в среде галицких поляков были и иные взгляды: на русских смотрели как на «славян — детей одной матери». Изданная во Львове листовка-обращение «К русским» призывала «два близких народа, великих и благородных», к единству действий во имя «общего счастья и избавления народов»: «К вечному согласию и защите народов мы зовем вас, братья русские!» В распространявшемся стихотворении «Марш Мерославского» говорилось: «Те, что живут у Сены светлых вод, и те, что Вислы заселяют берег, и несчастливый на Неве народ — пусть девятнадцатый в одно их свяжет век». Идея славянского единства с русскими противопоставлялись лозунги: «Ура на пруссака!» и «Бей австрияка!»¹²⁹. И Германия, и Австрия как участники разделов Польши и угнетатели польского народа рассматривались в качестве врагов славян. К тому же, как писал «Дзенник политычны», именно германская политика толкала славян к России. Отношение к Австрии было более сложным, что в значительной степени влияло на позицию

галицийских политиков в славянском вопросе. Вначале существовали расчеты на получение Галицией автономии, но к осени 1848 г. членам ЦНР стало ясно, что это нереально в связи с раскладом сил в Вене и планами венских политиков в отношении австрийских славян: «Немцы, которые хотели бы онемечить славянские провинции, выступают за централизацию. Противная партия в Вене, составляющая 3/4 палаты парламента, выступает за то, чтобы не онемечивать славян, так как думает создать из них преграду централизации». В этой ситуации, считал Добжанский, Галиции придется «войти в эту федерацию»¹³⁰.

Расчеты на соглашение с Веной отразились и на отношении ЦНР к Славянскому съезду. Когда 12 мая обсуждалось воззвание чехов с приглашением на съезд, приехавшие из Вены студенты предупреждали, что «на помощь венцев мало можно рассчитывать, гораздо больше на славян». Но галицийская депутация, посланная в Вену для представления петиций, советовала не направлять делегатов в Прагу, пока она не придет во Львов более подробные сведения. Поэтому ЦНР решила подождать, но уже 17 мая получила сообщение, что Вена нарочно тянет с ответом на галицийские требования, «чтобы удержать поляков от посыпки делегатов в Прагу на славянский съезд». По предложению Добжанского решили избрать делегацию, но спорили о ее составе и наделении ее полномочиями. Были избраны 12 человек, однако лишь 6 из них (Добжанский, Любомирский, Малиш, Семенский, Л. Лукашевич, Дзедушицкий) поехали в Прагу. Позже в качестве секретаря делегации и доверенного лица ЦНР на съезд был делегирован Целярский. Контакт с Центральной радой поддерживали и те участники съезда, кто поехал в Прагу от имени Русского собора. Делегировать посланцев на съезд были готовы и окружные рады, но во Львове решили сообщить на места о нежелательности подобных отдельных действий¹³¹.

ЦНР дала своим делегатам подробные инструкции: они должны были вести протокол и дневник, ежедневно присыпать отчеты и представлять на утверждение свои решения. Для лучшей ориентировки делегатов М. Дылевский подготовил доклад с анализом состояния взаимоотношений между народами Габсбургской монархии. В нем говорилось: «Венгры имеют парламент на основе свобод, но не отказываются от идеи мадьяризации словаков и заявляют, что предпочитают скорее погибнуть в борьбе со славянами, чем позволить подорвать свою национальность». Дылевский сообщил, что галицийские депутаты в Вене собирают подписи под призывом на Славянский съезд с условием приглаше-

ния на него посланцев Венгрии: «Чехи не пригласили мадьяр из опасения отпугнуть хорватов и словаков, но надеются, что сумеют на съезде провести решение, чтобы призвать также и венгров». Характеристику обстановки дополнил Малиш. «Чехи, — сказал он, — нас очень уважают и любят, готовы слушать наших советов, сами же пользуются большим уважением у словаков, наших соседей, а также имеют значительный вес у иллиров и правительства. На симпатии немцев нам вовсе нельзя рассчитывать. В отношении мадьяр мы должны взять на себя роль примирителя». Видимо, важную роль, какую поляки могли сыграть в сплочении австрийских славян, учитывало и венское правительство. По словам Дылевского, оно очень боялось присутствия поляков в Праге¹³².

Однако главной задачей поляков было поставить на съезд польский вопрос в целом (добиться поддержки идеи возрождения Польши в границах 1772 г.) и галицийский в частности: делегаты ЦНР повезли с собой меморандум о положении края и нуждах его польского населения¹³³. Эта задача и находилась в центре их деятельности на пленарных заседаниях и в польско-украинской секции: одна из входивших в нее комиссий, польская, целиком состояла из галицийских поляков, в руководящем органе съезда их было 16 человек¹³⁴. Целярский регулярно писал из Праги во Львов, сообщая Центральной раде о ходе подготовки документов съезда. Он высоко оценивал проект обращения к народам как основанный «на чистой демократии, на любви и равенстве народов». Но издание принятого манифеста предусматривалось лишь после заключения союза между всеми славянскими народами. По-видимому, перспектива такого союза представлялась Целярскому малореальной. «То лишь верно, — писал он, — что каждое племя ищет в славянщине только свою выгоду. Больше всего эгоизма у сербов и чехов. Сербы хотели бы силой освободиться сначала от венгров, а потом и от австрийцев. Чехи же хотели бы при помощи хитрой политики выкурить немчуру, а национальности и свобод добиться, как бы поддерживая и сохраняя славянскую Австроию в ущерб венцам и всей собственно Австрии. У словаков политика наиболее нравственная, они не хотят ни начинать борьбу с мадьярами, ни их уничтожать, хотят только иметь равные с мадьярами права». На основе этого анализа Целярский приходил к следующему выводу: «Мы, поляки, можем ожидать от слабой еще славянщины мало пользы и помощи, нашим пребыванием здесь мы помогаем славянам постольку, поскольку воодушевляем их духом свободы и прогресса, а также

потому, что в глазах Европы славянщина будет иметь больше веса, чем до сих пор». Целярский признавал, что, следуя чешской «обманной» тактике, поляки могли бы добиться полезных приобретений для Галиции, однако польская делегация этот путь отвергла, и нужно стараться, чтобы чехи также от него отказались¹³⁵.

Письмо Целярского зачитывалось на заседании ЦНР. Как свидетельствуют ее протоколы, оно было не первым и не последним: письма из Праги обсуждались и «брались на заметку»¹³⁶. Об интересе к Славянскому съезду говорят и некоторые документы, хранившиеся в архиве ЦНР. Среди них — письмо И. Лелевеля из Брюсселя 30 мая 1848 г. Лелевель поддержал мысль об объединении славян и прислал тексты своих речей, в которых звучал призыв к славянскому единству¹³⁷. Находившиеся в Париже бывшие депутаты сейма Королевства Польского (главным образом представленные окружением А. Чарторыского) направили обращение непосредственно ЦНР и в нем, в частности, приветствовали идею Славянского съезда, заявив: «Как поляки мы имеем многое сказать славянским соплеменникам»¹³⁸.

Это «многое» заключалось прежде всего в напоминании польскими делегатами о несправедливости, совершенной в отношении Польши, в провозглашении лозунга ее возрождения, в предупреждении о грозящей славянским народам опасности со стороны царизма, в разоблачении происков австрийской администрации¹³⁹. Гораздо меньше интересовала поляков предложенная чехами идея перестройки Австрийской монархии. Газета «Ютшенка» писала во время съезда, что теперь понимает стремления чехов «к сохранению единства и централизации Габсбургской монархии»¹⁴⁰, однако для поляков австрославизм был лишь элементом тактики, так как конечной целью являлась независимость Польши, и эта цель постоянно подчеркивалась. В проекте Акта австрославянской унии, представленном съезду Е. Любомирским и А. З. Хельцелем, шла речь о сохранении народами, входившими в состав Австрийской империи лишь частично, права на восстановление национального единства. Поэтому план сохранения Австрийской империи как союза равноправных народов во главе с конституционной династией Габсбургов, содержащийся в подготовленной съездом петиции императору, рассматривался польскими делегатами как подготовительный этап к коренному преобразованию политической структуры Центральной Европы¹⁴¹. Австрославистские проекты волновали поляков лишь в том плане, что они могли осложнить

их отношения с венграми. Так, когда на съезде возник конфликт венгров с сербами, последних поддержали Цибульский, Магдзиньский, Малиш, Э. Хоецкий. Земялковский и Пониньский писали из Франкфурта 3 июня 1848 г., что венгры сердятся на поляков за участие в Славянском съезде, усматривая в этом антимадьярские тенденции, а между тем мадьяры не раз говорили им, что и во Франкфурте, и в Вене будут добиваться для Галиции отдельного представительства, национальной администрации и особого министерства по типу венгерского. Земялковский и Пониньский сообщали также о беседе с эмиссаром французского правительства Араго, который советовал «склонить Пражский съезд принять обращение к немецким народам, содержащее заявление об отсутствии неприязненных тенденций в отношении немцев или какой-либо другой национальности». «Он заметил, — говорилось в письме, — что немцы негативно относятся к Пражскому съезду и особенно с того времени, когда чехи начали выступать как защитники сепаратистских тенденций австрийской аристократии. Трудно возразить! Наше участие в Пражском съезде осложнило наше дело — самое бы время чехам оставить двусмысленность и заявить миру, чего они хотят и к чему стремятся». Авторы письма советовали дать галицийским делегатам на Славянский съезд соответствующие инструкции и рекомендовать им «всяческую осторожность». «В том же духе» они собирались писать непосредственно в Прагу Любомирскому, известному близкими связями с чехами¹⁴².

Видимо, Земялковский и Пониньский надеялись, что с чехами удастся договориться насчет общего курса. В составленной ими «Памятной записке о состоянии польского вопроса и настоящих пожеланиях поляков в Галиции и Кракове как исходном пункте» (которая, вероятно, предназначалась для ознакомления франкфуртского парламента) они писали, что уверены в симпатиях Чехии по отношению к национальным чаяниям Галиции¹⁴³. О любви и уважении чехов к полякам говорил и член ЦНР Малиш при обсуждении вопроса о посылке делегатов на Славянский съезд. Приехав в Прагу, Малиш установил контакт с чешскими деятелями и был избран председателем филиального общества «Славянская липа»¹⁴⁴. Многим членам ЦНР, хотя они и не были такими признанными чехофилами, как Любомирский, импонировала решительная позиция чехов в Вене: Добжаньский предлагал галицийской депутатии добиваться от австрийского правительства того же, что и чешские политики, а П. Василевский требовал

действовать вместе с ними в венском парламенте, организуя протест против вмешательства этого органа во внутренние дела провинций¹⁴⁵.

Правда, существовал и иной взгляд на сотрудничество с чехами. В адресованном ЦНР письме из Вены от 13 августа 1848 г. говорилось: «Даже немцы видят, что мы не можем всегда голосовать (в австрийском парламенте. — С. Ф.) ни с ними, ни с чехами, что наша позиция совершенно особая». В письме сообщалось, что венская пресса симпатизирует полякам, видя в их депутатах честных людей, служащих благу родины, и совсем не так отзывается о чехах¹⁴⁶. Однако, по мере того как угасали надежды на получение уступок от Вены, поляков все больше привлекал чешский курс. На заседании ЦНР 27 августа Малиш заявил: «...мы должны опасаться, как бы наши депутаты не дали себя обмануть и провести немцам... Упрекают Любомирского за плохую политику, что он держит сторону чехов. Остере-жемся осуждать его действия. Мое мнение, что его политика самая здоровая и ее надо придерживаться. От немцев мы ничего не получим. Чехи настоящие демократы, они стремятся к тому же, что и мы, то есть хотят своей национальности и за это борются! Что они стоят за камарилью или реакцию — это упрек со стороны немцев, подобно тому как нас упрекали в Великом княжестве Познанском. В Познанщине немцы делали против поляков то, что теперь делают в Чехии против чехов. Думаю, что нашим депутатам надо хорошенъко об этом поразмыслить, чтобы не дать себя морочить либеральными фразами немцев, которые снова кончат тем, что отнимут у нас что-нибудь. Нужно также обратить внимание и на другой народ, который борется за свои права, на народ сербов и хорватов и к нему направить симпатии, а не к мадьярам, угнетающим чужие народы»¹⁴⁷.

Столкновение позиций в отношении немцев, с одной стороны, а с другой, отдельных народов Австрийской империи, славянских и неславянских, имело место и среди галицийских депутатов венского парламента. Толчок к этому дали события 6–7 октября, после которых парламент оказался в центре внимания. ЦНР получила донесение из Вены, где описывался всеобщий энтузиазм по поводу победы: «Со всех сторон депутаты и самые сердечные заявления, только Чехия, эта подлая Чехия предает». Автор письма считал, что «чехи постоянно продолжают предавать дело свободы», так как их депутаты выехали в Прагу и «там в собрании Славянской липы протестуют против

всего, что делается в Вене, против парламента, который они называют меньшинством, вероятно, потому что их там нет. Их низость доходит до того, что они устраивают факельные шествия в честь Виндишгреца и ручаются ему за сохранение спокойствия в Чехии, лишь бы он с войсками двинулся на Вену. Елаич под самой Веной. Вот она, хваленая славянщина! Проклятие ее сторонникам!» В письме сообщалось, что венский парламент выразил «протест против стремлений чехов, призывающих созвать парламент в Берлине». Автор письма обращал внимание ЦНР на то, в каком неловком положении оказались польские чехофилы и, в частности, Любомирский, «который в течение всего времени работы парламента был горячим сторонником чехов и славянщины»; теперь он ходит грустный, впал в беспамятство, постоянно повторяет, что «Елаич — предатель», и даже пытался застрелиться¹⁴⁸.

Повод для разногласий давали также отношения с мадьярами и связанная с этим позиция в вопросе о славянских народах Венгрии. На Славянском съезде А. Добрянский вместе с С. Гурбаном защищал как одно целое интересы словаков и украинцев в Венгрии (их требования включили в петицию императору)¹⁴⁹, польские же делегаты занимали позицию посредников между славянами и мадьярами. Когда осенью 1848 г. на подавление венгерской революции выступил царизм, поляки укрепились в своих симпатиях к Венгрии, которую они всегда считали ближайшей союзницей. Ю. Бем в письме, направленном 3 октября на имя председателя ЦНР и озаглавленном «Венгры и поляки в нынешней ситуации Европы», напоминал об этом и подчеркивал, что целью поляков должна быть защита «независимости, моци и целостности» Венгрии. На них покушается Россия, которая, выдвигая идею панславизма, подбивает славян в Венгрии против мадьяр, «чтобы потом поглотить и тех и других». Поляки обязаны разоблачить «хитрую политику царизма», «открыть глаза не только австрийскому правительству, но и венграм — давним и старым нашим союзникам». Бем призывал создать польско-славянский легион, который своим посредничеством примирил бы раздираемую конфликтами Венгрию, «склоняя мадьяр к обеспечению славянам и румынам конституционных свобод без уничтожения их национальности», а последних убеждая в том, «что дальнейший союз с мадьярами, вместе с которыми они в течение стольких веков составляли Венгерское государство, является для них наиболее выгодным»¹⁵⁰.

Возможно, письмо Бема стало реакцией на факт раскола в галицийской депутации венского парламента по вопросу о допущении на заседание венгерской делегации. Против присутствия представителей революционной Венгрии голосовали как чехи, так и часть поляков — Любомирский, Дылевский, Т. Дзедушицкий, А. Потоцкий, Замойский, Краиньский, Ярунтовский, Прокопчиц, Косакевич и другие. Всего против голосовало 34 галицийских депутата, но большинство (40 человек) было на стороне мадьяр. Поэтому решили опубликовать поименный список голосования депутатов от Галиции, «чтобы венгры убедились, что немцы распространяют ложные слухи, будто поляки больше всех причастны к тому, что венгерская депутация не была принята». С отпечатанным списком члены ЦНР ознакомились на заседании 8 октября и, по-видимому, одобрили саму идею публикации. Не исключено, что промадьярская позиция ЦНР вызвала негативное отношение к ней части галицийских депутатов — сторонников славянского союза: Ю. Добженецкий заявил на заседании ЦНР 19 октября, что «чехофилы из чешской партии» отказались выразить ей доверие, в отличие от большинства польских депутатов в Вене¹⁵¹.

Расхождения галицийских политиков по вопросу отношения к национальным движениям других народов Габсбургской империи были связаны не столько с позицией по славянскому вопросу, сколько с различием в ориентации на тот или иной путь решения судьбы Польши и соответствующий выбор союзников. Славяне интересовали их в плане поддержки польских, а в более узком смысле галицийских стремлений. По существу, и сам «принцип национальности» как призванный в первую очередь утвердить право польского народа на самостоятельное существование они трактовали так же инструментально. Характерно, что идеологи польского национального движения в Галиции не применяли этот принцип к украинцам; более того, они не рассматривали польско-украинские отношения в качестве одного из аспектов славянского вопроса, видя в них сугубо галицийскую, внутреннюю проблему. Лишь для радикального крыла демократов «всеславянство» было формой решения не только национальных, но и межнациональных проблем, в том числе вопроса польско-украинских отношений. Однако и у них на первом месте стояла задача создания демократической Польши в кругу демократических славянских народов. Что же касается украинцев, то они искали в славянстве опору, имея в виду прежде всего будущее своей нации¹⁵².

3. Европейские революции 1848–1849 гг. и польская политическая эмиграция

1848–1849 г. стали временем, когда «принцип национальности» не только занял место в программных лозунгах польской политической эмиграции, но и нашел выражение в ее конкретных действиях. Прежде всего это относилось к демократическому лагерю в эмиграции, стоявшему на позиции революционного союза с другими европейскими народами в борьбе за их освобождение, и в первую очередь за свободу и восстановление независимой Польши. Демократы рассчитывали, что революция приведет к либеральным преобразованиям в Пруссии и разрушению Австрийской империи; это определяло общность интересов поляков с интересами немецких, венгерских и итальянских революционеров. Лозунг создания суверенной Польши и других независимых национальных государств сочетался у ряда представителей левого крыла польской эмиграции с идеей широкого объединения славянских народов на демократической основе. Именно демократический характер объединения должен был стать преградой для панславизма, который, по мнению газеты «Демократа польский», «переносит стремления во времена варварства, когда человечество делилось на расы, когда не мысль, а кровь была единственной связью между людьми». И «именно в этой области — подчеркивания в славянском движении общечеловеческой демократической и прогрессивной идеологии, — считал ее рупор в эмиграции, — польская политическая мысль занимает свои достойные внимания позиции, в том числе и на фоне 1848 года». В этой связи на первый план выступала политическая концепция А. Мицкевича, предполагавшая инициативу поляков в деле объединения славянских и других свободолюбивых народов под знаменами прогресса и демократии. Одной из конкретных целей был разгром Австрийской империи, объединение славян с венграми и итальянцами и создание на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ, живущих по принципам подлинной демократии». Мицкевич поддерживал контакт с представителями народов, которых звал к объединению усилий, в частности с югославским поэтом из Далмации Пугичем, с итальянцем Н. Томмазео, с чехом Мейзингером и другими¹⁵³.

Революционные идеи демократической эмиграции распространялись на польских землях. Основным объектом их воздействия была Галиция, где сосредоточилось много эмигрантов, что сильно

беспокоило австрийские власти. Деятели демократической эмиграции оказывали влияние на краковский НК, вели агитацию в прессе. Так, члены Польского демократического общества (ПДО) В. Хельтман и Я. К. Подолецкий издавали «Дзенник станиславовский» («Станиславскую ежедневную газету»), а Л. Зенкович — «Пшеглёнд» («Обозрение») в Кракове. На страницах этих изданий звучал, в частности, призыв к революционной солидарности с борьбой венгерского народа, и он находил отклик как в Галиции, так и в других частях Польши. Осенью 1848 г. поляки из всех польских земель сформировали несколько подразделений в венгерской армии. Командовал венгерскими войсками генерал Г. Дембиньский из лагеря польской аристократической эмиграции, а возглавил оборону Семиградья представитель демократической эмиграции, участник борьбы на баррикадах Вены генерал Ю. Бем, проводивший в Венгрии «политику примирения враждующих национальностей»¹⁵⁴. Поляки не формировали отдельного легиона, чтобы не создавать предлога для вмешательства России, тем не менее именно их участие в венгерском восстании царизм назвал причиной интервенции в Венгрию. И действительно, в Галиции венгерское восстание получило название «польской войны». После начала интервенции в Венгрии был создан польский легион под командованием генерала Ю. Высоцкого численностью в 3 тыс. человек. Существовали планы распространения борьбы на Галицию и Королевство Польское. Сражаясь за осуществление «принципа национальности» в отношении венгров, поляки имели в виду национальные интересы Польши, цель ее возрождения¹⁵⁵.

То же касалось и отношения польской демократической эмиграции к борьбе итальянского народа за освобождение от австрийского ига и гнета реакционных монархий. А. Мицкевич в газете «Трибюн де пёппль» («Трибуна народов»), которую он редактировал вместе с представителями демократии других революционных народов, пропагандировал лозунги свободы, равенства, братства, призывал народы к согласию. В воззвании к славянам 29 декабря 1848 г. Польское демократическое общество предупреждало: «чешские и иллирские, хорватские и сербские свободы падут под косой, которой победивший абсолютизм пройдется по жниву всеобщей вольности»¹⁵⁶. В той же связи Мицкевич требовал от поляков «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость» и тем самым «быть действительно полезным нашим будущим интересам». В ответ на обращение к полякам миланского временного правительства 29 марта 1848 г. в Риме по инициативе Мицкевича было провозглашено создание польского легиона, и уже 1 мая он вступил в Милан. Этот факт, по словам

Мицкевича, означал, что две нации, которых тирания вычеркнула из книги жизни, «взялись за руки и поклялись в возрождении народов». Мицкевич подчеркивал, что, «служа Италии, поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить 5 млн. поляков — ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям — Иллирии, Далмации, Хорватии — проявить на деле свои национальные устремления». Мицкевич предлагал Франции занять Далмацию, чтобы вызвать там восстание. Он считал, что славяне могли бы сформировать свой собственный легион для борьбы против Австрии. Последнюю такая перспектива испугала настолько, что она поторопилась вывести славянские полки из Ломбардии, где они подвергались влиянию распространяемых поляками национально-освободительных идей. Кроме Ломбардии, польские легионы сражались также в Пьемонте, Тоскане, Венеции, Генуе, а в апреле 1849 г. защищали Римскую республику. В военных действиях отличились генералы В. Хшановский в Пьемонте и Л. Мерославский, который в 1849 г. встал во главе сицилийских войск, сражавшихся против неаполитанского короля¹⁵⁷.

Многие польские эмигранты в период 1848–1849 гг. шли по следам революционных событий и последовательно принимали участие в освободительной борьбе, происходившей в разных странах и у разных народов. Так, значительная часть солдат польского легиона воевала на всей территории Италии, Мерославский после Сицилии возглавил восстание в Бадене, где также действовал польский легион. Член ПДО Ф. Шнейде стоял у руля восстания в Палатинате, а после его поражения поляки прошли в Швейцарию. Польские эмигранты сражались также и в Дрезденском восстании¹⁵⁸. В самой Польше эти факты воспринимались неоднозначно. Krakowski «Час» («Время») был против участия поляков в Баденско-Палатинатском восстании; познанская «Газета польская» не осуждала их, но требовала «выяснить польскую позицию в отношении этих движений», «не бросаться в них вслепую... и действовать совершенно сознательно»; впрочем, газета не выражала особых надежд на то, что победа восстания может привести к решению польского вопроса. «Трибюн де пёпль» также не одобряла участия поляков во внутреннемецкой борьбе, но с симпатией относилась к Баденской революции, хотя и критиковала непоследовательность немецких республиканцев. Мицкевич рассуждал о пользе для Европы возможного объединения Германии в качестве «народной империи»; вариант объединения «сверху» не рассматривался, оно подразумевалось лишь на демо-

кратической, республиканской основе революционным путем, «снизу». С самого начала революции в Германии Централизация (руководящий орган ПДО) установила контакт с немецкими радикалами, обменивалась с ними воззваниями. Она обращалась к «храбрым и великодушным немцам» и прежде всего к берлинцам — братьям, которые, освобождаясь от рабства, освободили и поляков из тюрем, — заверяя, что Германия может рассчитывать на Польшу, а польский народ надеется на поддержку немецкого. Комитет польской эмиграции в Париже, придерживавшийся умеренно-демократического направления, также издал обращение к немецкому народу, призывая восстановить Польшу в границах 1772 г.; это воззвание агент Комитета Ю. Райзенхайм привез во Франкфурт¹⁵⁹.

Участвуя в Баденско-Палатинатском и Дрезденском восстаниях, поляки боролись за будущее своей родины и одновременно за демократию, так как борьба, развернувшаяся в 1849 г. в ряде германских государств, была направлена на защиту завоеванных в революции демократических свобод. В то же время символизировавшая их Франкфуртская конституция отнюдь не была предметом воодушевления для поляков, потому что не отвечала их национальным чаяниям. 9 августа 1848 г. Ф. Шнайде, С. Ворцель и В. Дараш от имени Централизации ПДО направили обращение немецкому народу в связи с решением Франкфуртского национального собрания о разделе Познанщины. Они называли его новым «отвратительным разделом Польши», «величайшим преступлением» против «позорно растерзанной страны», которая давно уже стала жертвой засилья немецких колонистов, «грабительской алчности» прусских чиновников, правительственной политики давления и фальсификации на выборах. Это преступление, утверждали авторы обращения, осудила «вся либеральная Европа» и честные немцы — «герои баррикад Вены и Берлина». Они провозглашали «славу и благодарность» тем германским депутатам Франкфуртского национального собрания, «которые остались безупречными и которые своим голосованием, своими речами и еще более красноречивым уходом с заседания протестовали против позорного клейма, которое большинство хотело запечатлеть на челе немецкой нации». Воззвание напоминало о тех обещаниях и лозунгах «справедливости для Польши», которые раздавались из уст «подлинных истолкователей национальных желаний, когда они собирались под знаком революции и когда... впервые разнесся призыв к миру, справедливости, братству и прогрессу, чем возрожденная Германия приветствовала помолодевший мир». Руководи-

тели ПДО призывали немецкий народ выполнить свои обещания, если он не хочет «принадлежать к нашим врагам, к товарищам наших тиранов», не хочет на голову своих детей «возложить вину за еще не высохшую кровь, пролитую на полях сражений под Ксёнжем, Милославом и Вжесней». В противном случае, говорилось в обращении, немцы узнают, «что приготовил Бог народов, отмститель преступлений, совершенных народами или королями, выродившемуся племени — народу, который изменил призванию, возложенному на него Пророком. Потому что уже Мститель восстал и зовет миллионы славян... последовать за его лозунгом независимости. Если бы Польша была жива, она бы осталась молчанием в ответ на этот голос и подставила свою грудь под удары, направленные на вас; она отвлекла бы от стен Вены и Берлина своих братьев в славянских странах под немецкой властью и повела бы под знаменем свободы на штурм царской деспотии; она стала бы связующим звеном в цепи братства, которое должно объединить Восток и Запад Европы в общем прогрессе». Возвзвание предупреждало, что «после войны государств идет война национальных племен. С лица людей исчезает святая печать человечности, ее стирают враждебные имена тевтонов и славян»; если последние последуют «своему племенному инстинкту», немецкий народ должен будет винить только себя. «Мы не угрожаем, — писали авторы обращения, — мы еще только протестуем», но «Польша уже достаточно протестовала своей кровью»¹⁶⁰.

Обращение заканчивалось словами: «Привет и братство!» Демократическая польская эмиграция сохраняла надежду на немецких демократов, на то, что они преобразят Германию. Летом 1849 г. «Демократа польский» напечатал статью «Единство Германии», где говорилось, что восстания в германских государствах на юго-западе — это мост между форпостами революции в континентальной Европе — Польшей, Венгрией и Францией. «Поэтому, — заключала газета, — единство Германии... является делом всеобщей революции... а значит, делом Польши». «Германия монархическая, Германия федеративная, Германия в когтях Пруссии и Австрии — это огромное и удобное орудие царизма, это меч палача на нашу шею... — заявлялось далее. — Освобожденная же Германия, Германия единая в политическом и социальном плане, Германия республиканская — это естественный враг царского московитизма... это народ, мирно и честно соседствующий с нами»¹⁶¹.

На первом этапе революции подобные надежды питала и польская аристократическая эмиграция, имевшая своим центром парижскую резиденцию князей Чарторыских — Отель Лямбер. В ее возвзвании к полякам, наряду с напоминанием о польских симпати-

ях революционной Франции — «старой союзницы Польши», говорилось и о Германии, куда с началом революции направился А. Чарторыский: «Немецкие народы, освобожденные от оков, подают вам руку дружбы и помощи. Не потеряйте, не остудите их симпатию к вам». Требуя от поляков быть достойными симпатий и «братьской дружбы» «благородной германской нации», Отель Лямбер выражал уверенность, что «искренний нерушимый союз» с ней принесет огромную пользу польскому национальному делу. Он подчеркивал, что имя Польши, заявляющей о своем существовании, на устах у всех народов, ее знамена развеиваются в городах, прежде враждебных полякам, и по всей Европе разносится крик о справедливости для Польши. В обращении к ЦНР депутатов бывшего сейма Королевства Польского, преимущественно примыкавших к Отелю Лямбер, отмечалось, что польский вопрос «сплетается с разными интересами народов», что распространявшиеся в революции лозунги «Свобода, Равенство, Братство, Выборность власти, Мир между разными религиями, Союз свободы и национальности» — это «самородные» польские понятия, претворявшиеся поляками в жизнь во все века¹⁶².

Партия Чарторыских акцентировала лозунг союза с народами, так как рассчитывала на выступление европейских стран против России, считая его началом восстановления Польши. В этой связи Отель Лямбер желал вооружения Галиции¹⁶³. Рассматривая Россию как главного врага, он строил различные планы диверсий против нее, в частности, агент чарторышины на Востоке М. Чайковский предлагал «подать руку Кавказу», инспирировать антирусское движение в Молдо-Валахии и среди низовых казаков. В инструкциях Отеля Лямбер Чайковскому поручалось вести агитацию среди казаков Дуная, Дона и на Украине, не призывая к немедленному восстанию, но прививая им ненависть к России и возбуждая «надежды на независимость родины»; ставилась задача и военной организации низовых казаков. Особенное внимание агентуры Чарторыских привлекала Украина: Чайковский подчеркивал, что попытки царизма натравить галицийских украинцев против поляков неразумны; они пробуждают национальное самосознание русинов, тогда как в самой России живут 12 млн. украинцев, которые хранят традиции казацкой вольницы и «уже начали напоминать царю о своих свободах»; «если бы поляки с умом подняли эту национальность и перебросили ее за Днепр, это был бы смертельный удар по Московскому царству»; нужно лишь «опереться на старую гордость Мазепы и нынешнюю Шевченко и вести пропаганду при помощи печатных изданий, эмиссаров»¹⁶⁴.

Что касается галицийских украинцев, то аристократическая эмиграция прилагала усилия примирить их с поляками и использовала для этого авторитет карловацкого и белградского епископов, которые должны были повлиять на русинских епископов в Галиции «и показать им, что прежде нужно думать об уничтожении Австрии, а потом о других комбинациях»¹⁶⁵. В начале революции Отель Лямбер верил в грядущий распад империи Габсбургов, и это подогревало его интерес к национально-освободительному движению народов, входивших в ее состав. Он одобрял борьбу итальянцев и считал, что они сделали ошибку, занявшись социальными реформами, вместо того чтобы окончательно выгнать врагов со своих границ и получить независимость. В памятной записке Отеля Лямбер говорилось, что «итальянская нация, совершившая такие патриотические усилия, не заслуживает выпавшей ей участи быть униженной и получать милостыню, которую к тому же могут отнять при первом же случае». Узнав в октябре 1848 г. от английского посла, что Вена согласна считать Ломбардо-Венецианскую область «отдельным краем с собственной конституцией и армией — в крайнем даже случае под особым скипетром одного из австрийских принцев», А. Чарторыйский счел это «весма приемлемым условием», но сомневался в позиции короля Сардинии; он опасался, что не будет войны и это плохо скажется на польских планах. Но итальянцы продолжали сражаться с австрийцами, и агент чарторышины Ленуар (Л. Зверковский) с сочувствием писал об их попытках оказывать давление на хорватские полки в составе австрийской армии. Он отмечал, что, несмотря на желание славянского населения островов Адриатики присоединиться к Италии, последняя понимает «справедливость стремления славян не потерять эти провинции» и не претендует на Далмацию. Ленуар явно изменил свое мнение об итальянцах, так как ранее подозревал их в намерении «ограбить» славян, захватив побережье¹⁶⁶.

Славянские народы были постоянным объектом внимания аристократической эмиграции*. Во-первых, славяне составляли значительную часть населения Габсбургской монархии, а главное, существовала угроза, что идея панславизма может сделать их союзниками «москалей», которые, по словам Чайковского, все живут этой идеей, «ради ее осуществления сами сносят рабство и так яростно трудятся над уничтожением польской национальности»¹⁶⁷. Чайковский подчеркивал: «Со славянщиной мы можем

* См. гл. VIII § 2 данной книги.

иметь большие выгоды, но нужно ударить всеми силами, иначе выгоду получит Москва — ибо не нужно закрывать глаза на то, что на этом поле мы играем с Москвой. Кто искусней, тому больше повезет»¹⁶⁸. Поэтому Отель Лямбер писал Л. Гаю, что Польша «есть и всегда будет вместе со своими братьями-славянами там, где речь идет о славизме свободном и независимом от всех иностранных влияний»¹⁶⁹.

Как заявил А. Чарторыйский в речи 29 ноября 1848 г., поляки видели в славянах своих братьев и не только желали им достичь независимости, но и стремились активно этому содействовать. При этом Отель Лямбер имел в виду «верховенство» Польши в славянском мире¹⁷⁰, что подразумевало активную политику в отношении славянства: победить панславизм или задержать его развитие, утверждал Чайковский, нельзя, если встать сбоку или даже напротив него, единственный способ — «овладеть им и поссорить с ним царя; к этому нужно стремиться деятельно и энергично, а иначе погибнем». В том, что для борьбы с панславизмом нужно полонизировать славянское движение, Чайковский убеждал европейских политиков, доказывая, что «славянщина без Польши, имеющей большинство в ее лоне, является прирожденным врагом Запада». Он добивался поддержки этой идеи Францией и сообщал, что ее одобряет Турция. Он же, давая инструкции агентам Отелья Лямбера (в частности, Корсаку, посланному в Белград), писал: «Сосредоточьте главное внимание на отвлечении славян от московского панславизма. Сегодня это главная цель наших усилий, цель достижимая, ибо славянским движением до сих пор никто не овладел, и если оно служило инструментом Австрии, то только потому, что славяне ошиблись в выборе вождя. Приложите все старания, чтобы убедить славян в сочувствии им нашего руководителя (А. Чарторыйского. — С. Ф.), а также в том, что их существование и будущность лишь тогда утвердятся, когда наша Родина добьется своей независимости». Острую необходимость «ополячения славянщины» для успеха польского дела Чайковский подчеркивал особо: «если не охватим и не ополячим славянщину, нам будет плохо». Очень плохо будет и самой «неополяченной славянщине», и ее соседям, добавлял он, отмечая, что пока славянское дело находится в довольно хорошем положении¹⁷¹.

В первую очередь чарторыщиной ставилась задача «охватить нашей деятельностью всех венгерских славян, внедрить наших людей в каждом отдельном племени этой ветви, то есть среди хорватов, славонов, скреян в Банате и словаков в Далмации», а кроме того «охватить все Адриатическое побережье, включая в

эту деятельность Силезию, Моравию, Чехию». Отель Лямбер указывал, что «во всех этих частях жизнь славян пробудилась, поэтому, если мы оставим один пункт незатронутым, наша акция там, где она станет преимущественно свободно развиваться, будет проникать и в другие пункты»¹⁷². Отмечались уже некоторые успехи на этом пути, в частности тот факт, что Пражскому съезду и славянскому движению в Молдавии, которые, по мнению политиков Отеля Лямбера, были инспирированы царским панславизмом, удалось благодаря польским усилиям придать антирусскую направленность¹⁷³. Тактика Отеля Лямбера в отношении славян была изложена в его инструкциях агентам 23 октября 1848 г.: «выделять в славянстве три группы — Хорватию, Далмацию и Иллирию; Сербию, Боснию, Герцеговину, Черногорию и Болгарию; словаков, чехов, моравов, силезцев и Галицию с Краковом. Насколько возможно, стремиться к созданию этих групп по отдельности, чтобы они под одним властителем не захотели овладеть мадьярами и румынами или не стали бы добычей панславизма и реакции. Путем уравновешивания и ополячивания этих групп можно отвратить их от панславизма и реакции и привести к согласию и сотрудничеству с мадьярами и румынами против деспотизма и захватов; это соглашение должно быть основано на уважении национальности каждого народа»¹⁷⁴.

Декларации об «уважении национальностей» не препятствовали сторонникам аристократической эмиграции разделять высказанное сербским князем Александром мнение, что славяне могут признать власть Габсбургов или Порты, «лишь бы не московскую». Что касается Австрийской империи, то, предвидя ее распад, они писали о необходимости объединить австрийское славянство, чтобы оно не было захвачено Россией или Германией; в последнем случае возлагались надежды на помощь Франции. Отель Лямбер хотел бы также не допустить австрийского господства. Ленуар имел заданиеказать влияние на Гая, чтобы тот «выдвинул свою идею независимости от Австрии». В то же время отмечалось, что во всех славянских регионах империи массы остались верны императору, хотя не отказались от своих конституционных прав и «собственной отдельной национальности». Поэтому Отель Лямбер не исключал идеи создания «славянского царства под Габсбургами»; в письме Чайковскому из Парижа от 17 ноября 1848 г. говорилось: то, что «Австрийское государство должно рано или поздно преобразоваться в славянскую федерацию... кажется нам несомненным»¹⁷⁵.

Руководители партии Чарторыских не выступали и против турецкого суверенитета над славянами, разделяя аналогичную по-

зицию Франции. В инструкции 16 июня 1848 г. Отель Лямбер поручил Ленуару передать И. Гарашанину, «что Франция понимает необходимость существования югославян, но хотела бы, чтобы поданные Порты не действовали против целостности Отоманского государства, а под защитой этого государства вырабатывали в себе национальность и единство. Франция желала бы, чтобы славяне Объединенных королевств (Хорватии, Славонии, Далмации. — С. Ф.) признали теневой вассалитет в отношении Порты». 23 октября 1848 г. все агенты Отеля Лямбер в славянских странах, Румынии, Венгрии получили наказ считать своей обязанностью «уважать права Порты и защищать их, пока только она не вступит в соглашение с Москвой». Желанной для политиков из партии Чарторыских была бы война против России, которая, как они считали, «ускорила бы эмансиацию турецких славян». Пока же они планировали «группировать отдельно славян турецких, отдельно славян Объединенных королевств и подготовливать слияние югославян в недалеком будущем, которое приблизит война с Москвой». «Отвращать славян от панславизма и от Германской конфедерации, побуждать их к уважению Отоманского государства и договоренности с Италией» — на этих принципах предполагалось объединить славян между собой¹⁷⁶.

Акцент в этой деятельности делался на сербов: в задачи Корсака входило выдвигать имя сербского князя Александра «как знамя, вокруг которого должны группироваться, чтобы в будущем добиться объединения Болгарии, Боснии, Герцеговины etc. etc. с Сербией под названием Сербского вице-королевства — вассала Порты». Чайковский рекомендовал представлять это «нужным и необходимым для того, чтобы ныне сделать опорой деятельности нечто легальное, и для собрания воедино славянских групп этой части. Эта нераздельность с Портой должна быть основой нашей политики, — писал он, — она может удовлетворить интересы сербов и привести к конвенции с Францией, в которой и Польша бы участвовала». Корсак должен был доказать Белграду, что «эта конвенция постольку может осуществиться, поскольку славянщина будет ополячиваться» посредством вступления польских офицеров в сербскую армию. В том, что «ополячение славянщины» пойдет «со стороны Сербии и при помощи Сербии», Чайковский сходился во мнении с французской дипломатией. И в 1848 г., и в 1849 г. польские агенты убеждали сербов, что «отделение от Турции верная гибель», так как придется опереться на Россию и «со временем отдать в жертву новых союзов свои национальность и свободы, словом, подвергнуться участи Поль-

ши». Они советовали сербам ради сохранения якобы выгодной им связи с Портой отказаться на время от справедливых претензий на крепости. В то же время поляки добивались от Турции определенных уступок, которыми можно было бы смягчить славян. Так, для Сербии, по их мнению, «предоставление права наследования было бы самым выгодным и политически верным». Разделяя позицию Франции, они требовали «самых явных улучшений и существования почти на правах удела, объединенного с Сербией, для других славян, подвластных Порте». Речь шла прежде всего о Болгарии и Боснии. По мнению Ленуара, к ним, а также к Сербскому княжеству тяготели Срем, Бачка и Банат, население которых предпочитало власть Порты, нежели подчинение Австрии и Хорватии. Но дело осложнялось тем, что, как писал Чайковский, «хорваты, живущие надеждой реализовать иллирское единство, присоединение Сербии, Боснии и Герцеговины к австрийским владениям считали бы средством большего сближения с этим населением... Поэтому нужно, чтобы турецкие славяне, которые не могут желать такой перемены, помогая славянам Венгрии, добились бы, чтобы война с мадьярами закончилась прежде, чем на помочь последним поспешил немцы»¹⁷⁷.

Отель Лямбер осуждал борьбу славян против мадьярского господства, считая, что «хотя в принципе она могла бы быть справедливой», но на деле «служит только Австрии», которая усиливается в результате ослабления Венгрии и «будет ставить препятствия развитию национальности как славян, так и мадьяр, чтобы господствовать над слабыми». Поэтому инструкции, данные Ленуару, содержали требование «смягчать славян в их ненависти к мадьярам», склонять их «к согласию на мадьярско-румынскую комбинацию и заключение пакта дружбы с таким объединенным государством». «Идея объединить силы славян и мадьяр, чтобы иметь возможность вместе дать отпор предприятиям и акциям России», называлась «спасительной». Ленуар пытался склонить к уступкам и другую сторону, пригрозив венграм, «что если они станут упрямиться, то будут раздавлены славянами, которых пощирят и поддержат русские»¹⁷⁸.

Славяно-венгерский конфликт был особенно неприятен чарторыщце, так как осложнял польско-славянские отношения и затруднял процесс «ополячивания славянщины». Агенты Отеля Лямбер сообщали о нареканиях сербов и хорватов на то, что поляки «не желают считаться со славянами, а идут с венграми», что «польская нация чересчур гордая, настолько, что не хочет контакта с сербами». Звучали упреки, что в шляхетской Польше «знают и ценят славян

постольку, поскольку слыхали, что они говорят на похожем языке». Славян возмущали провенгерские симпатии и позиция, занятая поляками в Галиции и в Вене, которую они называли «галицийским сепаратизмом». Против Галиции ополчилась вся славянская пресса, звучали даже призывы к русинам «навсегда отделиться от поляков». Ленуар постоянно опасался каких-либо новых «выходок» галицийской шляхты в пользу венгров и напоминал, как важно для Польши славянское движение, «пусть ограничивающееся полумерами, робкое, двусмысленное, но на славянской основе». Во имя борьбы с панславизмом он требовал «более тесно сблизиться со славянами», а для этого необходимо было присутствие поляков в их рядах. Как отмечал Чайковский, среди сербов и словаков, сражавшихся против венгров, находились и поляки, «заявлявшие тем самым либеральные идеи». «Это присутствие поляков может спасти и нас, и Турцию от большой опасности», — писал он, имея в виду панславизм и Россию. Но агенты Отелья Лямбер понимали, что для «ополячения» славян недостаточно единичных выступлений на их стороне. «Ополять славянское движение было бы очень хорошо, — говорилось в письме Ленуара, — но [как быть], если среди славян был только один поляк, а другие стремились ополчить мадьярское движение, в результате чего заслужили ненависть славян, которые действовали более практически, желая Австрию преобразовать в славянскую?»¹⁷⁹

По ходу событий аристократическая эмиграция поняла, что проводила неверный курс, поддерживая венгров вслед за Францией, которая ошибалась, «представляя Венгерское государство как однородное, потому что мадьяры были заинтересованы в том, чтобы помешать ей видеть и составить верное мнение». «Еще и сейчас французские газеты считают, что 3 млн. мадьяр имеют резон, тираня 10 млн. других», — писал Ленуар. «Глупые французы сострадали такой человеколюбивой и либеральной нации, так же как и нам казалось, что лучше всего держаться их. Это если бы они хотели иметь разум, но держаться их значит накликать на свою шею и русский панславизм, и немецкую реакцию и вместо 2 с лишним млн. мадьяр приобрести 10 млн. врагов, в числе которых более 2 с лишним млн. славян». Чайковский также признавал, что в отношении «славянщины» совершена огромная ошибка прежде всего со стороны Галиции: «Ее выступление против славянщины за венгров, за немцев уничтожило всю уже реализованную работу», а это на руку лишь России и Австрии, которые знают, что «неополоченная славянщина» им не опасна, так как в ней нет элементов ненависти к ним, нет симпатий к ней Франции и свободных или освобождающихся народов. 4 декабря 1848 г. Чайковский писал с

горечью в Париж: «Жаль говорить об этом славянском движении, которым мы могли завладеть и из которого можно было извлечь спасение для Польши. Нигде к нам не прислушивались и нигде мы не могли прийти во время, всюду слишком поздно... Вытеснение поляков из славянского движения наиболее выгодно московской политике, москали полагают, и, возможно, они правы, что без поляков [славяне] рано или поздно поддадутся влиянию Москвы, наша ошибка служит их политике». Кроме того, как подчеркивал агент Отелья Лямбер Третер, в результате неверного курса Польша потеряла шанс «иметь в австрийском балансе больший вес, чем все другие славянские народы, вместе взятые»¹⁸⁰.

Признавая «глупым» предпочтение, отданное венграм, агенты чарторышины считали возможным и необходимым исправить положение и с удовлетворением отмечали, что галицийские депутаты уже обратились к kraю с призывом поддержать новые славянские тенденции в политике. Эти тенденции выражались, в частности, в признании справедливости целей борьбы славян, «которые желали организоваться независимо от немцев, русских и от всякого другого иностранного влияния», стремились «создать славянскую империю, славянское правительство, ввести *par tout* славянский язык и очистить славянские центры от всех иностранных элементов». Ленуар с сочувствием писал о хорватах, «сражавшихся за то, чтобы воспрепятствовать расхищению своего наследия», а словаков называл «авангардом» Чехии и Моравии, с одобрением отмечал, что они начали действовать и под командой чеха Заха выступили против венгров. Сообщая о словацком восстании в Карпатах, он писал: «Есть 3 млн. словаков, и эта безделица очень сильно меняет высокую идею, исповедуемую Европой, о мадьярской мощи». Что касается сербов, то Ленуар рекомендовал им требовать конституционных гарантий признания их частью хорватской федерации, Чайковский же сообщал о решении сербов в случае отказа Венгрии в предоставлении им всех прав и прерогатив перейти под власть Турции, соединившись с Сербским княжеством на тех же, что и оно, условиях. Чайковский считал нужным, чтобы Порта поддержала сербов, заявив о своем согласии их принять¹⁸¹.

Решив отказаться от провенгерского курса, Отель Лямбер не расстался полностью с надеждой на славяно-мадьярское примирение. Он рассчитывал, что проведение выборов в венгерский сейм по новым правилам позволит получить большинство славянскому элементу и эта новая расстановка сил определит дальнейшие действия поляков. Венгры просили Чарторыского выступить посредником в переговорах со славянами, и князь надеялся, что сможет добиться от

мадьяр уступок: «Главное, чтобы 4 разные национальности в Венгрии, а именно мадьяры, илиры и словаки, поскольку могут обозначить свои определенные географические границы, имели бы равные гарантии своей отдельности, то есть собственную администрацию, язык и т. п., и объединялись бы в единый федеративный узел, что касается внешних сношений, военной силы и казны. Такого устройства требуют подлинная справедливость и жизненная сила этих национальностей, всякое иное не могло бы быть и справедливым, и полезным, а потому, если бы могло быть введено путем принуждения тех или других, не сумело бы удержаться». По мнению князя, венгры, «несмотря на всю свою гордость, высокомерие, хвастовство и даже бесспорную энергию, так слабы, что в конце концов, если не сейчас, то в результате войны, будут вынуждены согласиться на эту комбинацию». Чарторыский предвидел трудности со стороны хорватов, он считал, что Срем по религиозным мотивам может не захотеть влиться в Триединое королевство и «будет настаивать на отдельном существовании в качестве воеводства», а это раздробит венгерскую корону на пять частей вместо четырех и тем ее ослабит. Отель Лямбер задавался вопросом, полезно или опасно для Польши «раздробление и развал венгерской короны при включении ее в Венско-славянскую федерацию», и приходил к выводу: «выгода более верная, а по крайней мере более близкая от сохранения венгерской короны, но опасности, если бы должно было случиться наоборот, мы не видим». Чарторыский предлагал выдвинуть идею венгерского съезда с равным представительством 4 народов Венгрии, чтобы решить на нем все спорные проблемы. При этом он планировал официальным путем обеспечить польское, а если не удастся, польско-французское посредничество. Одновременно чарторыщина стремилась склонить к принятию своего плана славян, указывая им на коварство австрийской власти: «славяне должны видеть, насколько им нужно быть бдительными в отношении соглашения с австрийским двором, и искать способы примирения с мадьярами, которые, хотя и заслуживают упрека за отношение к хорватам и сербам, но, однако, не являются столь опасными для свободы и национальности славян, как Австрия»¹⁸².

Именно возмущением против Австрии, проводившей политику «подавления свободы одного из знаменитых славянских племен» — польского народа, оправдывал Чайковский массовое участие поляков, особенно галицийской молодежи, в борьбе венгров. Славян, обвинявших поляков в «мадьяризме», он призывал «посмотреть на феномен событий 1848 г. и в них искать объяснение, почему часть поляков спешит на помощь венграм».

«Различные популяции славян и даже венгров, — отмечал он, — видели в двух лагерях. Венгры, хорваты, чехи и поляки сражались в императорских войсках в Италии. В польский легион под командованием короля Карла Альберта приходили дезертиrovавшие из армии славяне и венгры. Одни поляки атаковали Вену под руководством Виндишгреца, другие обороныли город; более того, против армии, наступающей на Венгрию, выступают славянские полки, как говорят, полные приверженности венгерскому делу. При такой картине двусторонних идей у самих славян, причиной чего является недоверие к австрийскому правительству, нельзя бросать камень в поляков, которые идут в венгерский лагерь из ненависти не к славянам, а к австрийскому правительству — врагу всех славян от века». Вывод был один: славяне должны занять более решительную позицию по отношению к Австрии и ее планам конфедерации, организоваться, и тогда, помирившись с венграми, они смогут также бороться с Россией и Германией при поддержке Франции и Италии¹⁸³.

Отель Лямбер ставил задачу объединить народы против общего врага, его агенты обязывались приложить все силы, чтобы между славянами был «лад и единство». Нужно было также примирить венгров не только со славянами, но и с румынами. Считая сербские и румынские области интегральной частью Венгрии, мадьяры соглашались лишь на предоставление их населению равных прав, что должно было удовлетворить сербов и румын и заставить их снять требование отделения от Венгрии. Чарторыщина надеялась также, что движение сербов и румын можно будет обратить против России, если ее войска войдут в Семиградье¹⁸⁴.

Аристократическая эмиграция уделяла большое внимание и румынскому движению в Дунайских княжествах, находившихся под властью Порты. «Помогать... валашской Молдавии» и «поддерживать румынские интересы» она стремилась прежде всего исходя из антирусской позиции: она боялась, что русская армия, вступив в Дунайские княжества, сможет опереться на славянское движение, если оно не будет полонизировано. Поэтому Отель Лямбер решил румынский интерес соединить со славянским интересом и сделать его главным объектом политики. В этой связи возникла идея «созвать славяно-румынский конгресс, не как в Праге по милости Австрии, а в Карловаце под защитой победоносной славянской армии. И почему, — говорилось в памятной записке, адресованной Будкевичу в сентябре 1848 г., — славяне не могли бы, подражая атмендам, избрать викария Славянской

империи?.. Возможно, это было бы средством расстроить угрожающие реакционные планы и спровоцировать события, полезные нашему делу». В славяно-румынских проектах чарторышины важная роль отводилась Турции, которая, по мнению Отель Лямбер, «была готова благоприятствовать валашскому движению», но поскольку эту позицию не поддержали Англия и Франция, румынское движение, получившее первоначальный импульс от последней, оказалось «скомпрометированным». Хотя Отель Лямбер сомневался, что Турция найдет достойный и полезный выход, он все же надеялся на ее уступки румынам, равно как болгарам, сербам и боснийцам. А. Чарторыский писал, что Порта должна в своих же интересах добровольно создать федерацию «каддуайских народов», «включая в них Боснию, а верховную власть в этой федерации оставить за султаном»; Болгирию и Боснию надо присоединить к Сербии или поставить во главе каждой из них своего князя; Молдавию нужно соединить с Валахией «под наследственным единым скипетром», созвать съезд этих провинций в Стамбуле «для обозначения их федеративных отношений и причитающихся султану повинностей». Чарторыский считал, что они охотно бы удвоили свой «харадж», название и содержание которого можно было бы изменить, и все обязались бы по призыву султана содержать войска¹⁸⁵.

Связывая свои планы с Портой, партия Чарторыских имела в виду, что симпатии Турции поднимают престиж поляков в глазах славян, в частности сербов. «Этим до сих пор мы держались в славянском мире несмотря на глупости Галиции и вообще поляков, — писал Чайковский, — этим еще можем сражаться», а если бы удалось привлечь Францию, «это бы еще нам могло создать хорошее и сильное положение в славянщине». Впрочем, он отмечал, что славяне, ненавидящие немцев и невысоко ценившие итальянцев, «будут считать Францию, поддерживающую немцев и венгров, своим врагом, так как у славян их национальность ценится много выше, чем либеральные реформы и принципы». Свое нелестное мнение о славянах Чайковский подкреплял словами Быстшоновского, который указывал, что «не нужно обманыватьсья благородством и искренностью славян, ибо они ими не обладают»¹⁸⁶. Но несмотря на такую оценку Отель Лямбер не отступал от идеи «кополячивания славянщины». Ленуар сформулировал ее в несколько иной редакции: «полонизировать славянское движение, чтобы вырвать его у России, и славянанизовать польское движение, чтобы оно не превратилось в орудие немцев, это дело столь же важное и столь же неотложное для Польши,

как и для Турции, и для Франции». Из этой формулировки вытекала, в частности, и другая формула: «у славян нужно быть славянином». Агентура Чарторыских обращала внимание на тактику чехов, которые «всегда постоянны в своих стремлениях к независимости», и отмечала успехи в славянской среде «чешской мысли, потому что она исключительно действенна», в то время как усилия поляков противоречат «новой организации славянского элемента»; возникал вопрос: «что лучше — бессильная оппозиция или какая-то такая организация, при которой кажется возможным приобрести симпатии не только всех других славян, но также и самой половины польской Галиции и всей Галиции украинской». «Галиции, — утверждал Ленуар, — даже вооружиться не позволят, пока она будет стремиться идти отдельно от других славян; если нельзя разрушить, — заключал он, — нужно исправить, лишь бы только подготовить себе весенний расцвет»¹⁸⁷.

Необходимость изменить тактику в новой обстановке Отель Лямбер констатировал в связи с приобретавшим все больший размах и значение славянским движением под знаменами бана Елаича. Чайковский отмечал, что хорваты, иллиры, словенцы, «несмотря на идеи национальной независимости... тем не менее подчиняются влиянию своего шефа» в его походе против революционной Вены. Агенты Чарторыского предсказывали, что после падения Вены «славянщина пойдет в гору, так как Елаич прежде всего славянин и будет собирать славян под одно знамя». По мнению Ленуара, в обращениях бана к венграм наряду с нотами официальной верности Австрии были заметны и национальные тенденции. Он сообщал, что солдаты бана шли под лозунгом: «Да здравствует Елаич — славянский король! Мы пойдем в Пешт, чтобы принести тебе корону». Ленуар считал за честь, что его обвиняют в авторстве этой идеи, так как «она угрожает разрушить империю». Он с одобрением писал, что инстинкт народа лучший вожатый, чем все дипломатические комбинации, и вопрос в том, будет ли у Елаича «достаточно сердца и амбиций», чтобы принять то, что преподносит ему народ: если он откажется, то падет. Ленуар доказывал, что надо пересмотреть взгляд на бана как на реакционера: в своих возвзваниях он занимает позицию «золотой середины» в отношении династии, главная же его задача дезорганизовать мадьярские войска; в то же время он организовал славянскую армию и однажды во главе ее заговорит «языком более славянским, более независимым». В подтверждение приводились поступки Елаича, в частности тот факт, что он прогнал аудиторов, говоривших только по-немецки,

потому что его народу нужны славянские судьи. На основании таких фактов Ленуар характеризовал бана как патриота, не пренебрегающего своим долгом перед славянами; он надеялся, что Елаичч протянет руку галицийским полякам и чехам, чтобы «усилить центральное правительство, которому он придаст национальный импульс»¹⁸⁸.

Упоминание о чехах и галицийских поляках не было случайным. Ленуар писал, что именно Галиции и Богемии предстоит «поставить все на место посредством влияния, которое они могут и должны оказать на решения и заботы Бана». Дело в том, что, несмотря на положительную оценку фигуры Елаичча, Ленуар не был в нем до конца уверен. По его мнению, после победы над венграми Елаичч может стать орудием Австрии или служить русскому панславизму, либо будет вынужден воевать с Портой, чтобы освободить турецких славян; он может сам сделаться сувереном всех славян, став союзником двух других славянских групп и образовав славянскую конфедерацию. Поскольку Е. Любомирский, близкий чехам, был одновременно в добрых отношениях с баном, его просили оказать содействие, чтобы славяне имели пользу от руководимого Елаиччем движения, «предотвращали его искажение в пользу кого-либо другого»; предполагалось выслать депутатию к бану от чехов и поляков, «которая бы подняла его с положения чиновника до повелителя славян». Однако сомнения относительно роли Елаичча продолжали оставаться и по мере наступления габсбургской реакции становились все более сильными. В письме Чайковскому 17 ноября 1848 г. Отель Лямбер вынужден был поставить вопрос: «является ли перенесенная в Венгрию война войной национальностей, как она была до сих пор и по крайней мере как она должна была бы быть, или же это просто агрессия старой австрийской системы, направленная на то, чтобы сохранить себя путем их подавления». Ленуар видел выход в том, чтобы, «используя все каналы, обратиться к славянам, чехам, полякам и словакам», предупреждая о грозящей им новой опасности со стороны немцев, опасности, которая, как он подчеркивал, угрожает и австрийской династии, «если она не опомнится». Поэтому он призывал держаться нейтрально в отношении венгров и предоставить им самим разбираться с немцами по вопросам центрального правительства и министерств¹⁸⁹.

Отель Лямбер пристально отслеживал и анализировал процессы, происходившие в национальной сфере объятого революцией европейского пространства. Эта работа возлагалась на агентов, действовавших в различных странах; они получали из Парижа

подробные инструкции и сами регулярно направляли туда свои рапорты. Руководство аристократической эмиграции постоянно напоминало Чайковскому о необходимости посылки верных людей в тот или иной центр, например в Трансильванию, Далмацию, на Адриатику; подчеркивалось, в частности, что при отсутствии агентов в Словакии и Чехии (которая влияет на словаков) «акция в Венгрии не может быть полной»¹⁹⁰. Агитационная и дипломатическая работа агентов и самого парижского центра Чарторыских являлась главным направлением их деятельности. Кроме того, заботой Отеля Лямбер была отправка польских офицеров в ряды венгров и особенно славян в целях «полонизации» их движения. Делались попытки формирования польских легионов. Так, в Италии легион создавался при регулярной армии Пьемонта и противостоялся формированиям демократической эмиграции. Отель Лямбер высмеивал расчеты Мицкевича на популярность его имени среди славян и предсказывал, что оно скорее будет работать не в пользу Польши¹⁹¹.

Такое отношение диктовалось соперничеством с демократической эмиграцией, претензией монопольно олицетворять Польшу за границей. Агенты Отеля Лямбер распространяли в правительственные кругах Турции, Франции и других государств мнение, будто только А. Чарторыский может представлять польские интересы. Сам князь обращался к правительству Франции с предложением о формировании на ее территории легиона, что служило бы признанием права Польши на независимость, а также просил признать объединение депутатов бывшего сейма Королевства Польского (преимущественно деятелей аристократической эмиграции) представительством Польши¹⁹². Он претендовал и на то, чтобы поляки в Галиции тоже рассматривали его как своего шефа, и с этой целью хлопотал об оружии для галицийской национальной гвардии. Но, вооружая Галицию, чарторыщина не думала инспирировать там национально-освободительное восстание, наоборот, галицийцы должны были увидеть, что, в отличие от демократов, несущих в край «беспорядок», Чарторыский «привлекает серьезных союзников для дела родины». Те военные планы, какие разрабатывала аристократическая эмиграция, касались Галиции лишь косвенно: предполагалось, что галицийская шляхта, набрав добровольцев среди русинов, могла бы перейти через Карпаты «и под предлогом помочи словакам организоваться у них и через них, а после объединения их движения с другими славянскими движениями обратиться с призывом к дезертирам из русской армии в Молдавии; таких

дезертиров будет много, и их присоединение к славянам вызовет у российского императора злость против славян, а не только против поляков. Не являясь территорией, где будут развиваться события, Галиция не станет законной добычей России, и если Российский император, воспламененный своим часто непредсказуемым характером, захочет действовать против славян, Россия потеряет свой моральный престиж, которым она пользуется как средством панславизма, а поскольку она больше не будет так страшна для других держав, то если ввязется в войну в этом месте, она не сможет обеспечить оперативной базы для войск, не вступив в войну с Австрией и, что очень возможно и даже неизбежно, с Турцией»¹⁹³.

Таким образом, Отель Лямбер, провозглашая лозунги национальной свободы и независимости польского народа, не стремился к борьбе за эту свободу на польских землях. Основная ставка партии Чарторыских делалась на дипломатические и военные комбинации европейских держав, могущие принести пользу делу Польши. В этих расчетах национальные интересы других народов также рассматривались под углом зрения выгоды для Польши. Хотя «принцип национальности» объявлялся основополагающим, на деле политики Отеля Лямбер не отказывались от проектов, предполагавших суверенитет Австрии или Турции над народами. Позиция чарторышины не была лишена и гегемонистского оттенка: полякам предназначалась особая роль в славянском мире, его «полонизация» признавалась необходимой. Правда, последний тезис вызывал возражения даже у некоторых сторонников Чарторыских. Так, Корсак, заявляя об отставке с поста агента Отеля Лямбер, подчеркивал: «чтобы ополчить хорватов, поляки должны полностью превратиться в немцев»¹⁹⁴.

В практической поддержке национально-освободительной борьбы европейских народов аристократическая эмиграция участвовала в гораздо меньшей степени, нежели польские эмигранты-демократы. На ее позицию в этом вопросе накладывали печать соперничество с демократами, желание утвердиться в качестве единственного представителя Польши за границей. В отличие от демократической эмиграции, тяготевшей к революционному сотрудничеству с другими народами, Отель Лямбер стремился устанавливать отношения с легальной властью, с правительствами. Национальную свободу и независимость он признавал лишь вкупе с «порядком и единством, без которых они не сумеют возникнуть и удержаться»¹⁹⁵.

4. Патриотическое движение в Королевстве Польском в период «Весны народов»

Королевство Польское, созданное в результате решений Венского конгресса, занимало особое место среди других польских земель бывшей Речи Посполитой. В его названии возродились и национальная, и государственная «составляющие», столицей осталась Варшава. Это государственное образование на правах автономии входило в Российскую империю и было соединено с ней личной унией: российский император носил также титул короля польского. В соответствии с октроированной конституцией Королевство Польское получило значительные права и привилегии. Прежде всего это было наличие самой конституции, какой не была «одарена» основная часть Российской империи (исключение составляло Великое княжество Финляндское). По конституции Королевство Польское имело свой сейм, правительственные комиссии (министерства), ведавшие отдельными вопросами административного управления, собственную армию, казначейство. Администрация, школа, судебные учреждения функционировали на польском языке. Первым наместником в Королевстве Польском, представлявшим власть российского императора, Александр I назначил генерала польской армии Ю. Зайончека. Позднее, в 1822 г., это место занял брат императора великий князь Константин Павлович.

Вспыхнувшее в ноябре 1830 г. восстание стало поворотным моментом в российско-польских отношениях. Следствием его поражения явилась утрата Королевством Польским автономного статуса: была отменена конституция, ликвидированы и польский сейм, и польская армия. Вместо конституции вводился так называемый Органическийstatut (1832 г.). Общее управление королевством осуществлялось наместником, которым с 1832 по 1856 г. был генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, после подавления восстания 1830–1831 гг. получивший титул «князя Варшавского». Политику российских властей в 30–40-е гг. в отношении Королевства Польского можно охарактеризовать как весьма жесткую, сводившуюся к введению различного рода ограничений, усилинию административного давления. Власти стремились лимитировать и контролировать общественную жизнь, особенно в национальной сфере, нивелировать национальный характер польских земель путем вовлечения их в общеимперскую политическую и социальную систему.

В 1837 г. польские воеводства были преобразованы в губернии по общероссийскому типу. Изменения коснулись и финансовой системы: в 1848 г. вместо польского золотого в обращение вводился

единый для всей империи российский рубль. В 1847 г. на территорию Королевства Польского было распространено действие российского уголовного кодекса. Еще в 1833 г. в королевстве было введено чрезвычайное положение и отныне политические дела поступали на рассмотрение военных судов. Учрежденная в 1833 г. при наместнике специальная комиссия по расследованию политических преступлений превратилась в постоянно действующую Варшавскую следственную комиссию, так как конспиративные организации и кружки патриотического характера возникали один за другим. По замечанию польского историка А. Минковской, «нелегко определить, где начинался и где заканчивался заговор во времена Паскевича, нелегко провести грань между революционным движением и тайным сопротивлением общества системе»¹⁹⁶.

Трагические события польской истории вели к активизации процесса формирования национального сознания, основным носителем которого выступало польское дворянство — от богатейших магнатов до мелкой шляхты. Не только утрата национальной независимости и чувство ущемленной национальной гордости, но и материальные причины, прежде всего — потеря земельных владений, не позволяли дворянству смириться со сложившимся положением. Разорявшаяся шляхта, выходцы из которой служили основой складывавшейся разночинной интелигенции, являлась постоянным источником пополнения рядов борцов за восстановление польского независимого государства. В численном отношении шляхта составляла значительную часть населения королевства — около 10%.

Царизм уделял особое внимание политике в области образования. После восстания 1830–1831 гг. были закрыты Варшавский университет, Политехнический институт, а позднее и некоторые другие учебные заведения. В 1839 г. был образован варшавский учебный округ с подчинением российскому министерству народного просвещения. С 1833 г. в польских школах стал действовать устав по типу российского, а введенным в 1840 г. новым уставом достигалась большая унификация школьных программ Королевства Польского с программами школ империи. Принципиальными были два момента: во-первых, историю Польши более не преподавали в начальной школе как отдельный предмет — она вошла в общий курс истории России; а во-вторых, значительная часть учебного времени отводилась изучению русского языка. Формально это мотивировалось интересами «юношества Царства Польского», стремлением облегчить ему поступление в российские университеты, поскольку потребность в квалифицированных кадрах юристов, врачей, учителей в Королевстве Польском была велика, а

высших учебных заведений здесь уже не существовало¹⁹⁷. Российское правительство преследовало не только образовательные цели, но и политические: подготовка образованной польской молодежи в российских университетах позволяла соответствующим образом воздействовать на формирование мировоззрения и общественных настроений входящего в активную общественную и политическую жизнь поколения. С 1836 г. знание русского языка чиновниками Королевства Польского было объявлено обязательным, открывались даже бесплатные курсы по его изучению.

Поражение восстания 1830–1831 гг. привело к тому, что огромный поток его участников, опасавшихся репрессий со стороны царских властей, стремительно хлынул за пределы королевства. Многие из них направлялись в другие польские земли, и прежде всего в Галицию. В итоге здесь остались главным образом представители низших социальных слоев населения — солдаты, крестьяне, дворовые люди и т. д. Значительная часть эмигрантов из Королевства Польского со временем оказалась во Франции, немало их было и в Англии, Бельгии и других странах.

Конечная цель всех эмигрантских течений была одна — восстановление независимой Польши в границах 1772 г. Однако понимание того, какой должна быть эта новая Польша, какими путями может быть достигнута независимость, было различным. Руководство аристократического Отелья Лямбер рассчитывало на восстановление монархической Польши и полагало, что это возможно только при помощи сильнейших держав. Они осуществили бы необходимые внешнеполитические комбинации, направленные на ослабление России и других угнетателей Польши. Демократические силы эмиграции связывали надежды на национальное возрождение страны прежде всего с патриотическим движением в самой Польше и с поддержкой его революционными демократическими движениями в европейских странах.

Первые шаги эмиграции были связаны с попыткой использовать остававшиеся еще на польских землях после восстания вооруженные отряды, и прежде всего на территории Королевства Польского. Возглавлявшие их эмиссары должны были привлечь к вооруженной борьбе находившихся там патриотов, по мнению эмиграции, готовых взяться за оружие и развернуть широкое партизанское движение. Однако планы эти успехом не увенчались. В дальнейшем Польское демократическое общество направляло свои усилия на поддержку возникавших в Польше конспиративных организаций.

В демократической эмиграции шла интенсивная теоретическая работа по осмыслению уроков восстания 1830–1831 гг., вы-

яснению тактических ошибок и глубинных причин его неудачи. Следовало также определить пути и задачи дальнейшего развития национально-освободительного движения. Теоретический анализ уроков прошлого приводил к выводу, что одним из немененных факторов успешности национально-освободительной борьбы является вовлечение в нее широких слоев основной массы населения — крестьянства. Вопрос об активном участии крестьянства в патриотическом движении связывался с вопросом о проведении аграрной реформы.

Российские власти также отчетливо понимали, что реальной опасности польское патриотическое движение представлять не может до тех пор, пока к нему не присоединится крестьянство. Было совершенно очевидно, что по отношению к нему необходимо проводить такую политику, которая бы предупреждала и исключала подобную возможность, снимала бы антиправительственные настроения в крестьянской среде. Еще в 1831 г. при назначении И. Ф. Паскевича наместником Королевства Польского император Николай I рекомендовал ему подумать насчет мер в отношении польского крестьянства: «Обрати, пожалуй, внимание на участ крестьян, нельзя ли б было упрочить их благосостояние, устроив наподобие того, как учинено в Пруссии и Позене, чьи жители весьма довольны, а власть высших сословий и влияние на народ не только ослаблены, но почти уничтожены»¹⁹⁸.

Введенный во время непродолжительного существования Княжества Варшавского кодекс Наполеона провозгласил польских крестьян лично свободными. Но они не получили при этом земельных наделов, и в их отношениях с землевладельцами продолжала действовать система барщинных отработок, натуральной ренты и т. д. В государственных имениях, а также на землях, конфискованных у участников восстания 1830–1831 гг., которые подверглись репрессиям или же эмигрировали за границу, крестьяне, как правило, переводились на чинш (денежный оброк). После Краковского восстания и галицийских событий 1846 г., а также вследствие раскрытия в самом Королевстве Польском организации П. Сциегенного, значительную часть участников которой составляли именно крестьяне, Николай I подписал указ, запрещавший помещикам сгнать с земли крестьян, владевших участками не менее 3 моргов (1 морг — около 0,56 га)¹⁹⁹. В ноябре 1846 г. были также отменены некоторые, в основном второстепенные, повинности. Вся политика российских властей в этот период в отношении польского крестьянства отличалась стремлением не допустить роста его революционности и втягивания в национально-освободительное движение.

В 1830–1840-х гг. общественная жизнь в Королевстве Польском внешне протекала весьма спокойно, российские власти полностью контролировали ситуацию. Но это не означало, что национальный дух, надежды на национальное возрождение совершенно угасли. Свидетельством шедшего в конспиративных условиях патриотического движения были многочисленные факты обнаружения все новых и новых тайных обществ, «заговоров»²⁰⁰. Если в период восстания 1830–1831 гг. наиболее активную роль в национальном движении играла средняя и частично даже крупная шляхта, то в 30–40-е гг. в конспиративных организациях все более заметное место начинают занимать выходцы из мелкой и обедневшей шляхты: низшие чиновники, апликанты (чиновники-стажеры), учащиеся, управляющие имениями, учителя, врачи и т. п. В возрастном отношении подавляющее большинство принадлежало молодежи²⁰¹. На формирование ее мировоззрения определяющее влияние прежде всего оказывала общая ситуация в Королевстве Польском, ущемлявшая чувство национального достоинства. События, связанные с национальными, политическими, социальными вопросами, происходившие на польских землях, находили живейший отклик чуть ли не в каждом доме, в каждом семействе, принадлежавшем к образованным слоям общества. Семейные традиции, родственные связи и близкие знакомства с участниками восстания, вся духовная атмосфера стимулировали интерес к национальным проблемам, а также к проблемам философии и истории. В молодежной среде, в гимназиях и училищах, возникали многочисленные кружки и объединения²⁰², где велись горячие споры на темы общественного развития, шел обмен литературой патриотического содержания, которая была запрещена властями. Студенты-поляки, обучавшиеся в конце 30–40-х гг. XIX в. в Московском университете, создали специальную польскую библиотеку, состоявшую из двух частей: открытой, для всех, и нелегальной, доступной лишь кругу посвященных. Однако интерес к запрещенной литературе был настолько высок и тайну среди «своих» сохранить оказалось столь трудно, что круг пользовавшихся этими книгами вскоре стал достаточно широк. В Москве легче, чем в Варшаве, можно было приобрести запрещенные книги, в число которых входили произведения А. Мицкевича (особой популярностью пользовался «Пан Тадеуш»), стихи Ю. Словацкого, драмы З. Красинского и другие²⁰³. Польское демократическое общество в Париже уделяло большое внимание поддержанию контактов с патриотическими силами на польских землях, в частности в Королевстве Польском, и одним из способов воздействия на общественные настроения

служила как раз присылка патриотической, демократической по содержанию литературы и собственных изданий ПДО.

В 40-е гг. XIX в. в Варшаве возникают литературные салоны. Одним из наиболее популярных в патриотических кругах становится салон А. Скимборович, жены редактора журнала «Пшегёнд научовый» («Научное обозрение») Х. Скимборовича. В журнале сотрудничали такие известные деятели польского освободительного движения, как Г. Каменский, Э. Дембовский. Сама А. Скимборович входила в патриотическую группу так называемых «энтузиасток», возглавляя ее вместе с писательницей Н. Жмиховской. В доме Скимборовичей собиралась молодежь, здесь обменивались литературными и политическими новостями, обсуждали литературные произведения, философские проблемы, горячо спорили о будущем Польши и т. д. «Энтузиастки», в частности Н. Жмиховская, пытались вести работу среди ремесленников, считая, что только просвещение может пробудить в них национальное сознание и привести к участию в освободительном движении. «Энтузиастки» разделяли цели «национальной педагогики», изложенные польским философом Б. Трентовским. Однако на практике попытка реализации этой программы в отношении «простого народа» оказалась безрезультатной²⁰⁴.

Польское демократическое общество не оставляло надежд на подготовку и проведение общепольского национального восстания. Важнейшее место в его планах отводилось движению на территории Королевства Польского, являвшегося историческим центром, ядром последнего польского государства. С другой стороны, именно царская Россия рассматривалась как главный враг, основное препятствие на пути к воссозданию независимой Польши. Предполагалось, что из Великого княжества Познанского польская революционная армия вторгнется в пределы королевства и, поддержанная здесь готовыми к вооруженной борьбе с Россией многочисленными патриотическими силами, сможет добиться освобождения всей Польши. С этой целью ПДО направляло в Королевство Польское специальные руководства по обучению военному делу, такие как «Военный регламент» Л. Мерославского, «Полевая фортификация» и «Партизанская война» К. Б. Столыцмана и другие.

В январе 1847 г., после некоторой растерянности, вызванной подавлением Краковского восстания и «галицийской резней», ПДО вновь предприняло попытку организационного и идеиного объединения всех патриотических сил на польских землях. В Великое княжество Познанское был направлен эмиссар ПДО А. Бабиньский, но

prusские власти захватили его и расстреляли. Во второй половине 1847 г. А. Скимборович привезла из Княжества письмо руководства ПДО и передала его Э. Домашевскому, который в среде патриотически настроенной варшавской интеллигенции был известен как бывший участник конспиративного движения. В это время он служил секретарем правительственной комиссии юстиции. По некоторым сведениям, жена Домашевского Анна, так же как и А. Скимборович, входила в кружок «энтузиасток». В письме ПДО, в частности, говорилось «о печальном состоянии Царства [Королевства Польского. — Г. М.], ибо произшествия, возникшие в 1846 г., истребили все существовавшие доныне общества». Выбор авторов письма пал именно на Домашевского как на «оставшегося от прежних соучастников и известного по своему патриотизму и самопожертвованию». Главная цель письма содержалась в следующих словах: «Зная твой патриотизм... мы обращаемся к тебе с просьбой, если желаешь и можешь, чтобы ты занялся образованием в Царстве общества»²⁰⁵. Получив послание, Домашевский принял за поиски лиц, которые наряду с ним могли бы возглавить создаваемое тайное общество и в плотную заняться его организацией. Он решил привлечь к этой деятельности Г. Краевского и Р. Свежбенского, также юристов. Домашевский знал их еще с начала 1840-х гг., поскольку в его ведении как чиновника комиссии юстиции находились дела польских студентов, направлявшихся на обучение в российские университеты, а оба — и Краевский, и Свежбенский — были выпускниками Московского университета. Практически одновременно он обратился к ним обоим с предложением заняться организацией конспиративного общества. К Краевскому Домашевский мог испытывать особое доверие, так как ему несомненно было известно о состоявшейся в Москве, в Бутырской тюрьме, встрече поляков-студентов, в числе которых был и Краевский, с участниками заговора П. Сцегенного, следовавшими в ссылку в Сибирь. Сам Краевский виделся со Сцегенным, а его приятель С. Кросницкий — с М. Левицким, активным участником организации Сцегенного, приходившимся двоюродным братом жене Домашевского²⁰⁶.

Спустя некоторое время после предварительных бесед о необходимости создания в Королевстве Польском конспиративного патриотического общества в конце ноября–декабре 1847 г. произошла своего рода учредительная встреча Э. Домашевского, Г. Краевского и Р. Свежбенского. В первую очередь встал вопрос о подготовке программного документа и разработке принципов организационного устройства тайного общества. Написание программы Домашевский поручил Краевскому, а сам занялся

вопросами, касавшимися структуры и функционирования общества. Через несколько дней Краевский представил текст программного документа, носивший название «Символ веры»²⁰⁷.

Основной мыслью «Символа веры» являлось утверждение о необходимости восстановления независимого польского государства, причем на демократических началах. В нем подчеркивалось, что члены вновь создаваемой в Королевстве Польском организации считают себя последователями и продолжателями дела борцов за национальное возрождение Польши. Далее перечислялись их имена, начиная от барских конфедератов и Т. Костюшко и до «льва прусских темниц» Л. Мерославского, видного деятеля польского национально-освободительного движения. В перечне отсутствовали имена деятелей левого крыла движения, выдвигавших наиболее радикальные социальные требования. И это не было случайным, так как соответствовало позиции руководства создаваемого тайного общества по крестьянскому вопросу, которая заключалась в стремлении «примирить» крестьян с помещиками.

В тексте «Символа веры» нет упоминания о том, каким образом может быть достигнута независимость Польского государства, вопрос о восстании обойден молчанием — по крайней мере в том варианте, который сохранился в архивных материалах, а он был воспроизведен по памяти Р. Свежбенским²⁰⁸. Другой источник утверждает, что Краевский включил в «Символ веры» следующие основные положения: «проведение самостоятельного национального восстания», «стремление к установлению республики польского народа, а не только одного сословия», «включение в число врагов тех, кто упорно противится нашей национальности»²⁰⁹. В ходе возникшей дискуссии и Свежбенский, и Домашевский заявили, что рассчитывать на успех при проведении восстания только в одном Королевстве Польском не приходится, что необходимо готовиться к нему и выжидать, когда сложится благоприятная ситуация. При этом Домашевский сослался на обращение к нему ПДО, в котором подчеркивалось, что восстание должно быть поддержано европейским движением. В итоге Краевский согласился с такой точкой зрения²¹⁰.

По постановке важнейшего — крестьянского — вопроса «Символ веры» принципиально отличался от программных положений, провозглашенных в манифесте Польского демократического общества 1836 г. и Krakовском манифесте 1846 г. Не ставя вопроса об условиях наделения крестьян землей, автор «Символа веры» ограничивался лишь фразой о равенстве крестьянина и шляхтича, хотя в упоминавшейся выше дискуссии участники ее пришли к

выводу, что землю получили бы только те крестьяне, кто принимал непосредственное участие в национально-освободительной борьбе.

Значительное по объему место в «Символе веры» отводилось историко-философскому трактату, целью которого было обосновать историческое право польского народа на самостоятельное национально-государственное существование. Исходя из философских воззрений своего времени, в соответствии с которыми различные этапы развития человечества возглавляют отдельные народы, автор «Символа веры» полагал, что Польша должна сыграть в новейшей истории (по терминологии середины XIX в.) такую же роль, как Рим в древние, а Франция в средние века. Идеей «польского мессианизма» пронизано объяснение причин и трактовка значения самого факта падения Речи Посполитой: произошло это по воле Пророчества и открыло спасительный для Польши путь, ибо она обратилась к своему национальному началу, утраченному в средние века. Исчезновение Польши с политической карты имело и положительные моменты, поскольку одна часть ее оказалась присоединенной к России, то есть к славянскому государству, а другую «получила Западная Европа», и таким образом она, Польша, «заимствовав непосредственно жизнь и просвещение от Германии, передает оные весьма удобно собратьям своим, находящимся под властью России», способствуя тому, что «семена просвещения и гражданственности обширным потоком разливаются по всей славянщине»²¹¹.

Отдельно ставился в документе вопрос о взаимоотношениях польского и русского народов. В нем отмечалось, что со времени разделов произошли значительные изменения в чувствах русских по отношению к полякам: «во всех тех, кои озарены светом просвещения, коих можно считать представителями сего [русского. — Г. М.] народа, вы найдете живое сочувствие и бывающее братское сердце»²¹².

Осознанию этого помогал и личный опыт Краевского и Свежбенского — годы пребывания в Московском университете. «Дружба и сочувствие к нам русских, с которыми мы слушали лекции на юридическом и словесном отделениях, уничтожили остававшийся в нас зародыш исторической ненависти, — так написал в своих показаниях на следствии Р. Свежбенский. — Мы видели в них соотечественников, с которыми стоило и можно было жить вместе, не теряя нашей народности»²¹³.

В «Символе веры» проводилась четкая грань между отношением к правительствам стран, разделивших Польшу, и к их народам, в нем не содержалось проповеди всеобщей национальной вражды: «Не

пруссак, австриец или русский враг наш, но тот, кто в ослеплении разума и в злобе сердца дерзает оспаривать у нас священнейшие права — народности и политического существования»²¹⁴.

«Символ веры», создававшийся как программный документ, программой тайного общества в истинном значении этого слова так и не стал. Свежбеньский на следствии утверждал, что «Символ веры» лежал у него «без употребления, потому как написанный на философской идеи Гегеля был вообще для заговорщиков недоступен и непонятен»²¹⁵. На практике рядовые конспираторы были с ним незнакомы, хотя основные мысли, заключенные в нем, в более простой форме доводились до их сведения в откровенных беседах.

Рост числа членов тайного общества («Организации 1848 года»²¹⁶) шел весьма медленно. По-видимому, до конца 1847 г. никто в него принят не был. К весне 1848 г., когда в европейских странах начался революционный подъем, общество насчитывало всего лишь около десятка членов. Неожиданная смерть в марте 1848 г. основателя и руководителя общества Э. Домашевского, явившегося опытным конспиратором, была чрезвычайно тяжелой потерей для молодых заговорщиков. Правда, к этому времени и идеальные принципы, и правила организационного устройства были уже разработаны. В соответствии с ними деятельность тайного общества была рассчитана на многие годы, при строгом соблюдении правил конспирации, при тщательном подборе людей, с осторожным ведением демократической и патриотической пропаганды и просветительской работы, прежде всего легальными методами. Конечной целью деятельности «Организации» ставилось создание широкой сети членов и «посвященных» на всей территории Королевства Польского, готовых подняться на вооруженную борьбу в подходящий для этого момент. Однако вскоре общественно-политическая ситуация в королевстве начала быстро меняться.

Развитие революционных событий во Франции, германских государствах и особенно революции в Вене и Берлине сильнейшим образом сказалось на общественной активности различных слоев и групп населения Королевства Польского. В то же время известия о подъеме революционного движения в Европе вызвали немедленную реакцию со стороны российских властей. 14 марта 1848 г. император Николай I опубликовал манифест, в котором ясно определил свою позицию в отношении возникших в Европе «мятежей и безнадежия». В нем, в частности, говорилось: «Разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, на конец, и союзных нам империи Австрийской и королевства

Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и нашей, Богом нам вверенной, России». Далее следовало решительное заявление: «Мы готовы истребить врагов наших, где бы они ни предстали»²¹⁷.

Особое внимание проявляли власти в отношении настроений крестьян, стремясь не допустить роста их политической активности. В циркуляре наместника И. Ф. Паскевича 11 (23) марта 1848 г. гражданским властям предписывалось внушать крестьянам, чтобы «они немедля всякого, кто явился бы к ним для подговора, вязали и представляли военным властям»²¹⁸.

Вслед за изданием царского манифеста в Королевстве Польском разнеслись слухи о предстоящем рекрутском наборе в армию. Патриотически настроенные молодые люди стали покидать пределы королевства, направляясь в Галицию и Великое княжество Познанское. Они надеялись в недалеком будущем принять участие в войне против России.

Накаленность общественной атмосферы, ожидание возможного открытого выступления ощущались и российской администрацией, и находившимися в Королевстве российскими войсками. Об обстановке в Варшаве свидетельствует документ, сохранившийся в делах III отделения императорской канцелярии. «В Варшаве мы стоим, как в неприятельском городе, — говорилось в письме русского офицера, датированном 10 марта 1848 г. — На ночь, кроме постоянных караулов, на всех площадях ставятся пикеты, разбивают палатки и для обогревания разводятся огни, а по всем улицам рассыпаются патрули — пешие, казачьи и гусарские. В 9 часов вечера все дома запираются, и на улицах, кроме военных, ни души»²¹⁹.

Революционные события в странах Европы вызывали ответную реакцию в различных социальных слоях населения Королевства. Так, в конце марта — начале апреля 1848 г. в Варшаве была арестована группа ремесленников-портных во главе с Я. Маршандом «за намерение присоединиться к предполагавшемуся в городе Варшаве мятежу»²²⁰. Ремесленники собирались в мастерской, обсуждали происходящее во Франции и других странах и вскоре перешли к обсуждению положения в Королевстве, говорили о необходимости улучшения условий работы и повышении оплаты труда. В ходе беседы один из ее участников сказал, что если бы в Варшаве «вспыхнула революция, то лучше и безопаснее соединиться с народом», остальные его поддержали²²¹. Этот факт свидетельствует о внутренней готовности по меньшей мере части ремесленников подняться на открытую борьбу, легко поддав-

шись влиянию революционных настроений. Любопытную мысль высказал еще один ремесленник, и она также с пониманием была воспринята всеми: «Так как здесь народонаселение составляется не из одних только поляков, и потому следовало бы предварительно сблизиться с воинскими нижними чинами, чтобы иметь их на своей стороне»²²².

В последующие дни ремесленники читали газеты, в том числе и французские, — Я. Маршанд, ездивший на заработки во Францию, знал французский язык и передавал содержание статей остальным. В тот период цензура в Королевстве не была слишком строгой, в прессе появлялись сообщения, «носившие характер чуть ли не либеральной пропаганды»²²³. Но вскоре французские газеты были запрещены, и тогда стали читать польские издания. Интерес к событиям был настолько велик, что газеты покупал даже неграмотный К. Важневский и приносил их в мастерскую, чтобы с помощью других узнавать о происходящем. Ремесленники читали «Курьер варшавский», «Газету варшавскую», «Газету жондовую» («Правительственную газету»). Хозяин мастерской, узнав случайно о занятиях ремесленников, велел немедленно их прекратить. Заказов на работу не было, и однажды вечером, несмотря на запрет властей находиться на улицах позднее 9 часов вечера, ремесленники отправились бродить по городу. Они зашли в шинок, разговорились с одним солдатом, сказали ему, что все они, ремесленники и солдаты, — братья, что против России будет война и что солдаты должны к ним присоединиться. Затем на улице встретили трех казаков и им также сказали, что «руssкие и поляки — братья»²²⁴.

Такие «прогулки» по городу продолжались три дня, затем ремесленников арестовали. Расследование и суд проводились в ускоренном порядке. По приговору военного суда 6 человек были отданы в военную службу, двое после отбытия наказания в тюрьме освобождались из-под стражи с учреждением за ними полицейского надзора, один оставлен был в Александровской цитадели на случай необходимости дальнейших расследований. Однако наместнику приговор показался недостаточно суровым, и он вынес другое решение, которое в целях устрашения населения было опубликовано в печати: наиболее виновных, в том числе Маршанда, прогнать сквозь строй в пятьсот человек два раза, трех других — по одному разу, всех четверых сослать в Сибирь на каторжные работы сроком на десять лет; двоих отдавали в солдаты с наказанием розгами. Правда, в последний момент перед экзекуцией наместник смягчил наказание, однако насколько жестоким оно оставалось, судить можно по тому, что только спу-

стя три месяца, «по выздоровлении от телесного наказания», осужденные были отправлены в назначенную им ссылку²²⁵.

Основная часть населения Королевства Польского в период европейских революций 1848–1849 гг. сохраняла спокойствие, хотя имеются свидетельства о «беспорядках» в отдельных местностях. По сообщениям жандармских властей Королевства, поступившим в марте 1848 г. в III отделение, крестьяне одной из деревень Радомской губернии угрожали арендатору, что зарежут его и других землевладельцев, чтобы «воспользоваться их имением». В другом документе сообщалось о «неблагонадежном духе» крестьян Люблинского и Замойского уездов, которые питают какие-то надежды на облегчение их участи, о чем говорят «со злобою и усмешкою». Из содержания документов ясно видно, что требования социально-экономического характера, при всей их связи с вопросом национальным, выступали в крестьянской среде на первый план²²⁶.

С революционным подъемом в европейских странах и вызванной им активизацией общественной жизни, с ростом патриотических настроений в Королевстве Польском было связано дальнейшее развитие «Организации 1848 года», выразившееся в интенсивном увеличении числа ее членов. В связи с оживлением надежд на близкое освобождение Польши в среде патриотически настроенной молодежи все чаще возникали планы создания нелегальных обществ. Повсюду велись разговоры политического характера, все стремились узнать последние новости. Приезжавшие, нередко специально, чтобы быть в курсе событий, в Варшаву разыскивали своих старых друзей, полагая, что они хорошо осведомлены обо всем, что происходит в Европе и в самом Королевстве. Весной–летом 1848 г. наблюдался своеобразный встречный процесс: руководство тайного общества прилагало все усилия для его скорейшего расширения, и в то же самое время отдельные патриоты, прежде всего из молодежи, искали пути установления контактов с тайным обществом, о существовании которого им так или иначе становилось известно. Если до марта 1848 г. «Организация 1848 года» насчитывала немногим более десяти человек, то за лето ее численность возросла в несколько раз. Как позднее было установлено следственной комиссией, в «Организации» состояло около 80 членов и было еще около 100 лиц, «причастных» к ее деятельности²²⁷.

По социальному составу «Организация 1848 года» являлась весьма однородной, подавляющее большинство составляли низшие чиновники, апликанты (около 40%), близкие к ним по соци-

альному положению учителя, врачи, фармацевты (13%); среди ее членов были также представители духовенства (8%), учащаяся молодежь (5%), торговцы и мелкие предприниматели (около 2%), ремесленники и рабочие (19%). Крестьян в организации не было, помещики и арендаторы составляли около 12%²²⁸.

Ход событий в европейских странах, и прежде всего в Германии и Великом княжестве Познанском, немедленно отражался на накале общественно-политической ситуации в Королевстве Польском и, в частности, на деятельности «Организации 1848 года». Поражение Познанского восстания, первые аресты среди членов «Организации» явились причиной начавшегося летом 1848 г. спада активности многих ее членов, некоторые из них стремились полностью отойти от нее. Это были люди, влившиеся в состав «Организации» на гребне волны общественного подъема, охваченные кратковременным патриотическим порывом, но вскоре охладевшие и прекратившие всякие контакты с конспиративным обществом. Известия о революционной борьбе венгерского народа несколько замедлили процесс спада. На заключительном этапе «Весны народов» возникла ситуация, когда полякам представилась возможность принять непосредственное участие в освободительном движении венгерских патриотов. Надежды связывались также с революцией в Австрии, власти которой объявили политическую амнистию, в результате которой в Галицию вернулось много поляков. Галиция стала основным центром, где сосредоточивалась молодежь, бежавшая из Королевства Польского. Находившиеся там польские патриоты полагали, что именно из Галиции начнется борьба за освобождение Польши, для чего необходимо создать польские легионы. По поводу создания легионов шли долгие и сложные переговоры с руководителями венгерского национального движения. В частности, Л. Кошут опасался, что формирование польских вооруженных отрядов вызовет вмешательство России. Однако решение о создании легиона из польских добровольцев все же было принято²²⁹. Весть об этом вызвала горячий отклик в Королевстве Польском. Среди молодежи росло убеждение, «что надо идти в Венгрию, где наши уже бьются за свободу»²³⁰. Стремление покинуть пределы Королевства и присоединиться к освободительному движению венгров усиливалось также желанием избежать рекрутского набора в царскую армию.

«Организация 1848 года» не оставалась в стороне от этих настроений: с самого начала революционных событий в Венгрии планы руководства организации были связаны с определенной

надеждой на благоприятный для Польши результат²³¹. Как показал на следствии один из заговорщиков, в Королевстве Польском распространялись слухи о том, что в Варшаве есть некое тайное общество, целью которого является поднять восстание, когда польские и венгерские силы будут подходить к городу²³². Весной 1849 г. в Королевстве стало известно о победах венгерских революционных войск, а также о планах России прийти на помощь «австрийкам» — и вопрос об отношении к венгерским собратьям по борьбе встал перед «Организацией» уже в практическом плане. Ее руководители не располагали достаточной информацией об истинном положении дел в Венгрии, они не имели никаких контактов с находившимися там польскими формированиями, однако сочли все же возможным разослать членам организации на местах обращение с призывом готовиться к восстанию, если венгерские и польские национальные силы приблизятся к Королевству. Они просили сообщить в Варшаву, насколько население готово поддержать такое выступление. Ответы с мест были неутешительны: настроения в уездах свидетельствовали о том, что там «нет никаких средств к мятежу и что дворянство не подготовлено к этому»²³³.

Поражение венгерской революции было воспринято польскими патриотами как крушение последних надежд на успех в борьбе за независимость Польши в относительно близком будущем. Подобные настроения затронули и подавляющую часть членов «Организации 1848 года», деятельность ее почти совсем прекратилась.

Таким образом, патриотическое движение в Королевстве Польском в годы революционных событий «Весны народов» находилось под ее непосредственным влиянием: оно оживилось и активизировалось на начальном этапе революции — при первых же известиях о выступлениях в европейских странах, и на заключительном этапе — в период освободительной борьбы венгерского народа. По мере ослабления революционного движения в европейских странах угасало и патриотическое движение в Королевстве. Этот процесс отразился на деятельности существовавшей в то время конспиративной «Организации 1848 года». В состав «Организации» вошли те, кто представлял наиболее просвещенные слои общества, которые чутко реагировали на события, происходившие как на польских землях, так и в европейских странах. Но основная часть населения Королевства Польского — крестьянские массы — оставалась мало затронутой патриотическими идеями и практически не принимала участия в национальном движении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Falkowski J. *Wspomnienia z roku 1848–1849*. Warszawa, 1908. Cz. 1. S. 18–23. Цит. по кн.: О powstaniu wielkopolskim 1848. Warszawa; 1952. S. 31–32, 105–107, 111–112. Также см.: «K. Libelt. 1807–1815». Warszawa, Poznań, 1976. S. 60–62.
- 2 Trzeciakowski L. *Stosunki polsko-niemieckie w Wielkim Księstwie Poznańskim w latach 1846–1848 // Stosunki polsko-niemieckie 1831–1848: Wiosna Ludów i okres ją poprzedzający*. Wrocław, 1981. S. 61, 64, 66; Koberdowa I. *Miedzy pierwszą a drugą Rzeczą Pospolitą*. Warszawa, 1976. S. 169.
- 3 Цит. по кн.: Wawrykowa M. *Rewolucja 1848–1849 w Niemczech w polskiej opinii publicznej // Stosunki...* S. 166–167.
- 4 Цит. по кн.: О powstaniu... S. 91–94. Также см.: Koberdowa I. Op. cit. S. 169–170, 185; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 63, 66–67; «K. Libelt...» S. 64; История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 33.
- 5 Koberdowa I. Op. cit. S. 169; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 63; О powstaniu... S. 92–93; История Польши... С. 36.
- 6 О powstaniu... S. 93–94; Koberdowa I. Op. cit. S. 169–171; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 61; *Rok 1848 w Polsce. Wybór źródeł*. Wrocław, 1948. S. XIV; «K. Libelt...» S. 63; История Польши... С. 34–35.
- 7 История Польши... С. 39–40; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 64; Koberdowa I. Op. cit. S. 169–171; О powstaniu... S. 95–96, 158; «K. Libelt...» S. 63.
- 8 История Польши... С. 40–41; Koberdowa I. Op. cit. S. 169, 171–173; О powstaniu... S. 97–98; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 65; «K. Libelt...» S. 64–65, 67.
- 9 Koberdowa I. Op. cit. S. 172–173; «K. Libelt...» S. 67, 70–73; О powstaniu... S. 149–150, 152; *Dzieje Wielkopolski w wypisach*. Warszawa, 1963. S. 191; История Польши... С. 41–43.
- 10 «K. Libelt...» S. 68–70; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 72; Koberdowa I. Op. cit. S. 173.
- 11 Цит. по кн.: «K. Libelt...» S. 69. Также см.: Trzeciakowski L. Op. cit. S. 72; Koberdowa I. Op. cit. S. 173–174; История Польши... С. 43–44.
- 12 Цит. по кн.: *Dzieje Wielkopolski...* S. 190. Также см.: История Польши... С. 45; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 73, 77.
- 13 Цит. по кн.: Zakrzewski B. *Wiosna Ludów w polskiej poezji romantycznej // Literatura polityczna okresu Wiosny Ludów w Austrii, Niemczech, Polsce*. Wrocław, 1986. S. 29–30. También см.: О powstaniu... S. 116–117, 122, 124.
- 14 История Польши... С. 49–51; Tyrowicz M. *Śląsk w okresie rewolucyjnym 1846–1849 // Pamiętnik VII Powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*. Warszawa, 1948. Т. 2. Z. 1. S. 279, 286–287; Popiolek K. *Śląsk w okresie rewolucyjnym 1848 // Ibid. S. 301–302.*

- ¹⁵ История Польши... С. 50–52; *Tyrowicz M.* Op. cit. S. 287, 289–290; *Popiołek K.* Op. cit. S. 299; *Ender J.* Oświata ludowa na Śląsku w r. 1848 // *Pamiętnik...* S. 114–115, 117.
- ¹⁶ Цит. по кн.: *Wojtkowski A.* Budzenie się świadomości narodowej Mazurów pruskich // *Pamiętnik...* S. 108–109. También см.: *Ibid.* S. 103–105; *Pietrzak-Pawlowska I.* Budzenie się świadomości narodowej Mazurów pruskich // *Ibid.* S. 119.
- ¹⁷ *Zakrzewski B.* Op. cit. S. 29, 38, 40; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 174; История Польши... С. 53–54.
- ¹⁸ История Польши... С. 54; *Trzeciakowski L.* Op. cit. S. 67–68, 70; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 177–178; О powstaniu... S. 160.
- ¹⁹ *Trzeciakowski L.* Op. cit. S. 59, 77; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 173.
- ²⁰ *Koberdowa I.* Op. cit. S. 177–178; О powstaniu... S. 31, 35; *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 166, 169–170; «K. Libelt...» S. 86–87.
- ²¹ Цит. по кн.: Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Bd. 2. Frankfurt, 1848. S. 1163–1167. También см.: *Pietrzak-Pawlowska I.* Op. cit. S. 120; *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 173; *Trzeciakowski L.* Op. cit. S. 73.
- ²² «K. Libelt...» S. 87–90.
- ²³ *Ibid.* S. 87.
- ²⁴ *Zakrzewski B.* Op. cit. S. 31–32.
- ²⁵ «K. Libelt...» S. 74–75.
- ²⁶ *Moraczewski J.* Opis pierwszego zjazdu słowiańskiego 1848. Poznań, 1848. S. 8.
- ²⁷ «K. Libelt...» S. 75–77; Protokoły Rady Narodowej Centralnej (19.IV–29.X 1848). Warszawa, 1996. S. 67.
- ²⁸ «K. Libelt...» S. 76–77, 81–84; *Wisłocki W. T.* Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska. Lwów, 1927. S. 188; *Кріль М.* Питання національної самобутності українців Галичини на Слов'янському зізді 1848 р. у Празі // Славістичні студії. Львів, 1997. Т. 1. Матеріали V-го Міжнародного славістичного колоквіуму (Львів 14–16 травня 1996 р.). С. 135–136; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849. М., 1980. С. 523.
- ²⁹ Archiwum Główne Akt Dawnych. Biblioteka Baworowskich (далее — AGAD. BB). 276. K. 174–174 odwr.; Освободительные движения... С. 525–526.
- ³⁰ Цит. по кн.: *Moraczewski J.* Op. cit. S. 63. También см.: «K. Libelt...» S. 81, 77; *Tyrowicz M.* Op. cit. S. 288.
- ³¹ «K. Libelt...» S. 104.
- ³² *Trzeciakowski L.* Op. cit. S. 71, 74; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 178, 184.
- ³³ «K. Libelt...» S. 91–93; Protokoły posiedzeń Koła Polskiego w Berlinie. Poznań, 1956. Т. 1. S. 59–62, 68, 71, 118, 81–82, 92–93; «Gazeta Polska». Poznań, 15.III.1849.
- ³⁴ Protokoły posiedzeń... S. 99, 116–117, 122.

- ³⁵ Ibid. S. 123–124, 127–128, 133.
- ³⁶ Ibid. S. 126–127, 136, 147–148, 178.
- ³⁷ Protokoły posiedzeń... S. 75–76. Также см.: «K. Libelt...» S. 93; «Gazeta Polska». 30.III.1849.
- ³⁸ Protokoły posiedzeń... S. 104–105, 107, 140–144, 148, 159–161, 164, 175, 185–187, 191.
- ³⁹ Ibid. S. 70, 100–101, 110, 144, 151–152, 165, 179, 85, 90, 92, 94; «K. Libelt...» S. 92–94.
- ⁴⁰ Protokoły posiedzeń... S. 78, 155, 182–183, 189–190, 173, 157–160.
- ⁴¹ Ibid. S. 113, 62, 103, 69, 117, 182; Tyrowicz M. Op. cit. S. 289, 291; Koberdowa I. Op. cit. S. 178; Ender J. Op. cit. S. 114.
- ⁴² Protokoły posiedzeń... S. 179.
- ⁴³ Ibid. S. 167, 169, 175–177.
- ⁴⁴ Koberdowa I. Op. cit. S. 184–185; Trzeciakowski L. Op. cit. S. 75–76; «K. Libelt...» S. 95–97; Dzieje Wielkopolski... S. 192–193.
- ⁴⁵ Dzieje Wielkopolski... S. 193; Koberdowa I. Op. cit. S. 185; «K. Libelt...» S. 91, 93–95, 97.
- ⁴⁶ «K. Libelt...» S. 100–104, 179, 229.
- ⁴⁷ Освободительные движения... С. 463–465.
- ⁴⁸ AGAD. BB. 276. К. 128–133.
- ⁴⁹ Ibid. К. 303 odwr. Также см.: О powstaniu... S. 35–36.
- ⁵⁰ Цит. по кн.: О powstaniu... S. 35. Также см.: AGAD. BB. 276. К. 168–170.
- ⁵¹ AGAD. BB. 276. К. 303 odwr.
- ⁵² Освободительные движения... С. 466.
- ⁵³ Protokoły Rady... S. 24, 40–41.
- ⁵⁴ Ibid. S. 26, 54, 43; AGAD. BB. 278. К. 25–26; «Rada Narodowa». Lwów. 22.IV.1848.
- ⁵⁵ «Gazeta Narodowa». Lwów. VII.1848.
- ⁵⁶ Protokoły Rady... S. 192.
- ⁵⁷ Ibid. S. 194.
- ⁵⁸ Ibid. S. 94, 129–130, 161–165.
- ⁵⁹ Ibid. S. 204, 150.
- ⁶⁰ Koberdowa I. Op. cit. S. 180.
- ⁶¹ Protokoły Rady... S. 21–23, 27, 52–53, 5–7, 9–11, 63–65, 91, 107, 126–127, 158.
- ⁶² Ibid. S. 18, 24, 112–113, 131, 227–228, 230, 148, 150–152; «Gazeta Narodowa». 3, 12.X.1848.
- ⁶³ Protokoły Rady... S. 230.
- ⁶⁴ Ibid. S. 195, 224, 212–214, 216.
- ⁶⁵ Ibid. S. 106, 212–225.
- ⁶⁶ Ibid. S. 177–180.
- ⁶⁷ Koberdowa I. Op. cit. S. 185.
- ⁶⁸ «Gazeta Narodowa». 3, 28.X.1848.
- ⁶⁹ Цит. по кн.: Wawrykowa M. Op. cit. S. 170–172. Также см.: Protokoły Rady... S. 144–145.

- ⁷⁰ Protokoły Rady... S. 210.
- ⁷¹ Ibid. S. 163–164.
- ⁷² Ibid. S. 41, 66, 90, 109, 119–120; *Batowski A.* Diariusz wypadków 1848 r. Wrocław, 1974. S. 243.
- ⁷³ *Wisłocki W. T.* Op. cit. S. 227.
- ⁷⁴ Protokoły Rady... S. 190.
- ⁷⁵ Ibid. S. 15–18, 26, 121, 186–189, 199–204, 242–244; «Gazeta Narodowa». 9.X.1848.
- ⁷⁶ Protokoły Rady... S. 189, 196.
- ⁷⁷ Ibid. S. 204–206, 259; «Gazeta Narodowa». 9.X.1848.
- ⁷⁸ Protokoły Rady... S. 186–189, 199–204, 250.
- ⁷⁹ Ibid. S. 186–190, 250–252, 241–245; «Gazeta Narodowa». 12.X.1848.
- ⁸⁰ Protokoły Rady... S. 186–188, 191, 228–230.
- ⁸¹ Ibid. S. 226–234.
- ⁸² «Gazeta Narodowa». 21.X.1848.
- ⁸³ Protokoły Rady... S. 250–253.
- ⁸⁴ Ibid. S. 262–265, 276, 278; «Gazeta Narodowa». 20, 25, 26.X.1848.
- ⁸⁵ Protokoły Rady... S. 272–275; «Gazeta Narodowa». 12, 30.X.1848.
- ⁸⁶ *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 173.
- ⁸⁷ Protokoły Rady... S. 15, 17–18, 25, 38, 40, 53–54, 109; AGAD. BB. 276. K. 277; «Rada Narodowa». 13.V.1848.
- ⁸⁸ AGAD. BB. 276. K. 277–279 odwr.
- ⁸⁹ Protokoły Rady... S. 43, 89, 95, 100, 102–103, 106, 109; AGAD. BB. 278. K. 222.
- ⁹⁰ Protokoły Rady... S. 5. Також см.: *Kozik J.* Między reakcją a rewolucją (Studia z dziejów ruchu narodowego w Galicji w latach 1830–1848). Warszawa; Kraków, 1975. S. 167; *Król M.* Указ. соч. С. 133.
- ⁹¹ Освободительные движения... С. 474.
- ⁹² AGAD. BB. 278. K. 27–30 odwr., 32–32 odwr.; *Król M.* Указ. соч. С. 133–134.
- ⁹³ AGAD. BB. 276. K. 4, 188; 278. K. 39–39 odwr., 41; Protokoły Rady... S. 22.
- ⁹⁴ AGAD. BB. 278. K. 59.
- ⁹⁵ Ibid. K. 25–26; «Rada Narodowa». 22.IV, 2.V.1848.
- ⁹⁶ Protokoły Rady... S. 25, 52. Заседания Рады 21.IV, 10.V.1848; AGAD. BB. 278. K. 47.
- ⁹⁷ Protokoły Rady... S. 27. Заседание Рады 24.IV.1848.
- ⁹⁸ Ibid. S. 35, 41, 46, 48. Заседания Рады 28.IV; 1, 5, 6.V.1848.
- ⁹⁹ Цит. по газ.: «Rada Narodowa». № 16. 10.V.1848. Також см.: *Batowski A.* Op. cit. S. 183–186.
- ¹⁰⁰ Protokoły Rady... S. 42, 68, 80. Заседания Рады 25, 30.V; 1.VI.1848.
- ¹⁰¹ Ibid. S. 70, 72. Заседание Рады 26.V.1848.
- ¹⁰² AGAD. BB. 278. K. 60–62 odwr.
- ¹⁰³ Освободительные движения... С. 476.
- ¹⁰⁴ Protokoły Rady... S. 63, 67, 74. Заседания Рады 20, 24, 27.V.1848.

- ¹⁰⁵ Ibid. S. 74. Заседание Рады 27.V.1848.
- ¹⁰⁶ Ibid. S. 51, 53–54. Заседания Рады 9, 12.V.1848.
- ¹⁰⁷ Ibid. S. 93–94, 100. Заседания Рады 10, 18.VI.1848; *Кріль М.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁰⁸ Protokoły Rady... S. 98, 123. Заседания Рады 17.VI, 12.VII.1848.
- ¹⁰⁹ *Кріль М.* Указ. соч. С. 134–135.
- ¹¹⁰ Там же. С. 135–136; AGAD. BB. 276. К. 174–174 odwr.; «K. Libelt...» S. 78.
- ¹¹¹ AGAD. BB. 276. К. 196; «K. Libelt...» S. 84; *Кріль М.* Указ. соч. С. 135–137.
- ¹¹² *Кріль М.* Указ. соч. С. 137.
- ¹¹³ Там же; «K. Libelt...» S. 78–79; Protokoły Rady... S. 96, 98–99. Заседания Рады 16, 17.VI.1848. Также см.: *Wisłocki W. T.* Op. cit. S. 191–193.
- ¹¹⁴ AGAD. BB. 276. К. 169–169 odwr.
- ¹¹⁵ *Кріль М.* Словянський зізд 1848 р. та українське питання. С. 2. Автор приносит благодарность М. М. Крилю, предоставившему для ознакомления рукопись своей статьи. Также см.: протокол заседания Рады 6.V.1848 г. (Protokoly Rady... S. 48).
- ¹¹⁶ «Dziennik Narodowy». Lwów. 27.IX.1848; Protokoły Rady... S. 141. Заседание Рады 2.VIII.1848.
- ¹¹⁷ Освободительные движения... С. 477.
- ¹¹⁸ Protokoły Rady... S. 201. Заседание Рады 9.IX.1848.
- ¹¹⁹ Ibid. S. 135, 137, 139. Заседания Рады 25, 27, 29.VII.1848; *Batowski A.* Op. cit. S. 274–282; *Dziennik Franciszka Smolki 1848–1849 w listach do żony.* Kraków, 1913. S. 22.
- ¹²⁰ AGAD. BB. 278. К. 192–195; Protokoły Rady... S. 237, 239. Заседания Рады 29, 30.IX.1848.
- ¹²¹ Освободительные движения... С. 473, 477.
- ¹²² AGAD. BB. 278. К. 241, 246; «Gazeta Narodowa». 17.X.1848; 25.X.1848; 26.X.1848. Также см.: *Kozik J.* Op. cit. S. 132–139.
- ¹²³ AGAD. BB. 278. К. 248; «Gazeta Narodowa». 30.X.1848; «Demokrata Polski». Paryż. 20.I.1849.
- ¹²⁴ Освободительные движения... С. 478, 480–481.
- ¹²⁵ Там же. С. 475–476, 478–480.
- ¹²⁶ Там же. С. 483; *Кріль М.* Словянський зізд... С. 9.
- ¹²⁷ Освободительные движения... С. 482–483; AGAD. BB. 276. К. 135.
- ¹²⁸ Цит. по кн.: *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 171. Также см.: AGAD. BB. 276. К. 4.
- ¹²⁹ Protokoły Rady... S. 13–14, 17. Заседание Рады 17.IV.1848; *Zakrzewski B.* Op. cit. S. 39–40, 43.
- ¹³⁰ Protokoły Rady... S. 188; *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 171.
- ¹³¹ Protokoły Rady... S. 53–54, 57, 58–59, 61, 62–63, 69. Заседания Рады 12, 15, 17, 19, 20, 21, 25.V.1848.
- ¹³² Ibid. S. 69. Заседание Рады 25.V.1848.
- ¹³³ Ibid. S. 67. Заседание Рады 24.V.1848.

- ¹³⁴ Освободительные движения... С. 523; AGAD. BB. 276. K. 174–174 odwr.
- ¹³⁵ AGAD. BB. 276. K. 174–174 odwr.; Освободительные движения... С. 525–526.
- ¹³⁶ AGAD. BB. 276. K. 174–174 odwr.
- ¹³⁷ Protokoły Rady... S. 91, 95–96, 98, 99. Заседания Рады 9, 12, 16, 17.VI.1848.
- ¹³⁸ AGAD. BB. 277. K. 324.
- ¹³⁹ AGAD. BB. 278. K. 7.
- ¹⁴⁰ Кріль М. Словянський зїзд... С. 7–8.
- ¹⁴¹ Освободительные движения... С. 503–504, 523–526. Также см.: «Jutrzenka». Kraków. № 8. 5.VII.1848.
- ¹⁴² «K. Libelt...» S. 79; AGAD. BB. 276. K. 166–167.
- ¹⁴³ AGAD. BB. 276. K. 169 odwr.
- ¹⁴⁴ Protokoły Rady... S. 69, 218. Заседание Рады 25.V.1848; Polski słownik biograficzny. T. 19. S. 373.
- ¹⁴⁵ Protokoły Rady... S. 70, 205–206. Заседания Рады 26.V, 11.IX.1848.
- ¹⁴⁶ AGAD. BB. 278. K. 9.
- ¹⁴⁷ Protokoły Rady... S. 164. Заседание Рады 27.VIII.1848.
- ¹⁴⁸ AGAD. BB. 276. K. 290–290 odwr.
- ¹⁴⁹ Кріль М. Словянський зїзд... С. 9–10.
- ¹⁵⁰ AGAD. BB. 276. K. 36–36 odwr.
- ¹⁵¹ «Gazeta Narodowa». 10.X.1848; 20.X.1848.
- ¹⁵² Освободительные движения... С. 520.
- ¹⁵³ Batowski H. Stosunki wzajemne Polaków i innych Słowian w dobie «Wiosny Ludów» // Pamiętnik... Warszawa, 1948. T. 1. S. 308–310.
- ¹⁵⁴ Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 137.
- ¹⁵⁵ Освободительные движения... С. 472, 497–498; Koberdowa I. Op. cit. S. 188–189.
- ¹⁵⁶ Batowski H. Stosunki... S. 317.
- ¹⁵⁷ Ibid. S. 310; Освободительные движения... С. 498–499.
- ¹⁵⁸ Koberdowa I. Op. cit. S. 188.
- ¹⁵⁹ Wawrykowa M. Op. cit. S. 173; Kalemka S. Niemcy w publicystyce Wielkiej Emigracji // Stosunki polsko-niemieckie 1831–1848: Wiosna Ludów i okres ją poprzedzający. Wrocław, 1987. S. 88–90.
- ¹⁶⁰ Die Polen «Debatte» in der Frankfurter Paulskirche. Frankfurt/Main. 1995. S. 32–34.
- ¹⁶¹ «Demokrata Polski». № 23. 9.VI.1849.
- ¹⁶² Kalemka S. Op. cit. S. 88; Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее — BCzart). 5285 IV. S. 235–237; AGAD. BB. 278. K. 6–6 odwr.
- ¹⁶³ BCzart. 5285.IV.S. 279–286; 5387 III. K. 117.
- ¹⁶⁴ Ibid. 5387 III. K. 37–38, 166–167, 202.
- ¹⁶⁵ Ibid. K. 38–39.
- ¹⁶⁶ Ibid. K. 78, 109–110, 165, 104.
- ¹⁶⁷ Ibid. K. 40.

- 168 Ibid. K. 64.
- 169 Ibid. K. 7.
- 170 Ibid. K. 24.
- 171 Ibid. K. 72, 91, 98–99, 108–110, 119, 136–137, 149.
- 172 Ibid. K. 113–114.
- 173 Ibid. K. 97.
- 174 Ibid. K. 121–122.
- 175 Ibid. K. 21, 14, 86, 18, 65.
- 176 Ibid. K. 1, 121–122, 3.
- 177 Ibid. K. 120, 122–123, 183, 8, 108, 37–38, 142.
- 178 Ibid. K. 8, 3, 27, 51.
- 179 Ibid. K. 74, 126, 135, 141, 156, 133, 124.
- 180 Ibid. K. 104, 126, 166, 157, 191.
- 181 Ibid. K. 191, 104–105, 106, 108, 127–128, 134–135, 175.
- 182 Ibid. K. 127, 142–146, 165.
- 183 Ibid. K. 165–195.
- 184 Ibid. K. 119, 142, 122.
- 185 Ibid. K. 72, 37–38, 113, 78–79, 143, 146–147, 80–81.
- 186 Ibid. K. 149–150, 201.
- 187 Ibid. K. 136, 191, 37–38, 127.
- 188 Ibid. K. 107, 141, 101, 104, 103.
- 189 Ibid. K. 105–106, 108, 132, 143, 175.
- 190 Ibid. K. 118, 121–122, 143.
- 191 Ibid. K. 108–109, 118, 121, 29.
- 192 Ibid. K. 98–99; 5285 IV. S. 257–266, 279–286.
- 193 Ibid. 5387 III. K. 108–109, 72, 80.
- 194 Ibid. K. 162.
- 195 Ibid. 5285 IV. S. 214.
- 196 Minkowska A. Królestwo Polskie w latach 1844–1848 // Wiosna Ludów na ziemiach polskich. Warszawa, 1948. T. 1. S. 59.
- 197 Makarowa G. W. «Wychowankowie Królestwa Polskiego» — studenci Uniwersytetu Moskiewskiego w latach trzydziestych i czterdziestych XIX w. // Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1994. S. 61–84.
- 198 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. 4. С. 180.
- 199 В 1846 г. переведенные на чинш крестьянские хозяйства составляли третью часть от общего числа крестьянских хозяйств. См.: Польша на путях развития и утверждения капитализма (конец XVIII в. — 60-е годы XIX в.). М., 1984. С. 65.
- 200 Дьяков В. А. Освободительное движение в России. 1825–1861. М., 1979. С. 159–172; Berghauzen J. Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim. 1833–1850. Warszawa, 1974; Kieniewicz S. Wiosna Ludów na ziemiach polskich // Wiosna Ludów... S. 3–19; Minkowska A. Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. Warszawa, 1923.

- ²⁰¹ Skowronek J. Młodzież polska i jej organizacje w ruchu narodowym. Warszawa, 1994. S. 63.
- ²⁰² См.: Kamiński A. Polskie związki młodzieży (1831–1848). Warszawa, 1968.
- ²⁰³ Макарова Г. В. Об истоках идейных воззрений членов «Организации 1848 года» в Королевстве Польском // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 109.
- ²⁰⁴ Zmichowska N. Listy. Warszawa, 1968. Т. 2. С. 52–53.
- ²⁰⁵ Рос. гос. военно-историч. архив (далее — РГВИА). Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 2. Л. 126, 312 об.
- ²⁰⁶ Макарова Г. В. Об истоках... С. 113.
- ²⁰⁷ Makarowa G. W. Oblicze ideowo-polityczne «Organizacji 1848 roku» w Królestwie Polskim // Wiosna Ludów... S. 23.
- ²⁰⁸ Текст оригинала «Символа веры» не сохранился. Воспроизведенный Р. Свежбенским польский текст опубликован в кн.: Wiosna Ludów... S. 445–451. Русский перевод находится в следственном деле. См.: РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 145–162.
- ²⁰⁹ Sprzysiężenia pomiędzy rokiem 1839 i 1849, ze wspomnień i opowiadań w roku 1853 opisane. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich (Wrocław), dział rękopisów, nr 3204, ks. 5.
- ²¹⁰ Spzysiężenia... ks. 5.
- ²¹¹ Wiosna Ludów... S. 447; РГВИА. Там же. Л. 148–149.
- ²¹² Wiosna Ludów... S. 449; РГВИА. Там же. Л. 156.
- ²¹³ Wiosna Ludów... S. 226.
- ²¹⁴ Wiosna Ludów... S. 451; РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1.
- ²¹⁵ Wiosna Ludów... S. 267.
- ²¹⁶ Тайное общество не имело самоназвания. В исторической литературе его принято именовать «Организацией 1848 года» — под этим названием оно проходило в судебно-следственных документах, так как первые аресты его членов относились к 1848 г.
- ²¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. 23. № 22017.
- ²¹⁸ Цит. по кн.: Попруженко И. Г. Из истории «безумного» года. Варшава, 1907. С. 62.
- ²¹⁹ Гос. архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. I экспедиция. 1848 г. Д. 216. Л. 20.
- ²²⁰ Подробнее см.: Makarowa G. W. Przyczynek do nastrojów rewolucyjnych wśród rzemieślników warszawskich w 1848 r. Sprawa Jana Marszanda // «Przegląd Historyczny». 1989. Т. 80. Zesz. 3. С. 475–486.
- ²²¹ РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 10. Л. 131.
- ²²² Там же. Л. 14.
- ²²³ Dutkiewicz J. Dzienniki warszawskie o wypadkach г. 1848 // «Myśl współczesna», 1948. Nr 11–12. S. 228.
- ²²⁴ Wiosna Ludów... S. 153.

- 225 Ibid. S. 158–160.
- 226 ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1848 г. Д. 216 («О наблюдении в Царстве Польском по случаю политических переворотов в Европе»).
- 227 Makarowa G. W. Oblicze ideowo-polityczne... S. 35.
- 228 Дьяков В. А. Указ. соч. С. 162–163.
- 229 Russian L. Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848–1849. Warszawa, 1934. S. 99.
- 230 Russian L. Op. cit. S. 94.
- 231 См.: Макарова Г. В. Планы конспираторов Королевства Польского в связи с революционными событиями в Венгрии 1848–1849 гг. // Национальные движения в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). М., 1991. С. 117–129.
- 232 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 79. Ч. 3. Л. 162–163.
- 233 Там же. Д. 44. Ч. 2. Л. 177–178 об.

VI. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ У ЧЕХОВ в 1848–1849 гг.

1. Австрославизм и чешско-немецкое противостояние

В революции 1848 г. ведущую роль в разработке и оформлении главной политической программы национальных движений австрийских славян — австрославизма — сыграли чешские либералы. В период революции Чехия стала славянским политическим центром империи, идеология и политика ее национальных лидеров находили поддержку у большинства славянских патриотов.

Чешские земли входили в состав коронных австрийских земель. Чешский народ был административно разобщен, чехи проживали в нескольких, национально смешанных, провинциях — Чехии, Моравии и Силезии. В середине XIX в. население чешских земель насчитывало около 7 млн. человек, из них 4 млн. составляли чехи¹. В Чехии жило вдвое больше людей, чем в Силезии и в Моравии. В пограничных промышленных районах преобладало немецкое население, во внутренних сельскохозяйственных — чешское. В ряде районов население было смешанным. Таким образом, выделение чешской этнической территории в случае создания чешского государства представляло бы определенную сложность².

По уровню экономического развития чешские регионы опережали другие области империи, за исключением собственно австрийских земель. Однако ключевые позиции в экономике занимали немецкие предприниматели. В структуре класса чешской буржуазии преобладали мелкобуржуазные слои, средняя буржуазия была относительно слаба и малочисленна. Чешская промышленная буржуазия начала зарождаться в 1840-е гг. Чехи (как и словенцы) относились к народам, имевшим неполную социальную структуру: среднего и мелкопоместного дворянства у них не было. Этот класс почти совсем исчез в результате германизации, поэтому дворянство чешских земель имело в основном немецкий национальный характер. Данные обстоятельства во многом определили специфику социального состава носителей национальной идеологии чешского народа. По происхождению большинство

чешских национальных деятелей были выходцами из среды средней и мелкой буржуазии и низшего духовенства.

По уровню политического и национального развития чехи стояли выше большинства славянских народов империи (за исключением поляков). В своих национальных чувствах они могли опереться на исторические традиции, у них сохранился земский сейм. Процесс формирования чешской нации шел интенсивно со второй половины XVIII в. К 30–40-м гг. XIX столетия чехи уже имели Национальный музей, библиотеки, свое издательство (матицу), газеты (в том числе политические), обширную патриотическую литературу. Уровень национального самосознания народа был уже довольно высок. Современные исследователи отмечают в 1840-х гг. «определенную массовость национального движения»³. Происходил активный процесс «чехизации» городов. В сложившихся условиях германизация уже не представляла реальной угрозы для чешского населения.

В 1830–1840-е гг. чешское национальное движение вступило в фазу политического развития. Кризис идеи «славянской взаимности» после подавления Россией польского восстания 1830–1831 гг. направил идеологические устремления чешских патриотов в новое русло: их новой теорией стала австрославистская концепция. Впервые сформулировал политическую доктрину австрославизма дворянский либерал граф Л. Тун в 1842 г. Он писал, что народы Австрии сплачивает необходимость защиты от мощных соседей, что дальнейшее существование монархии Габсбургов должно основываться на принципе «взаимного уважения народных индивидуальностей». Принятие принципа языкового равноправия, считал Тун, необходимо и в связи с усилением значения восточного вопроса, в решении которого Тун пророчил большую роль славянским народам Австрии⁴. Консервативная концепция Туна не предусматривала никаких социальных и политических изменений существующего строя, в историографии она часто трактуется как «дворянский австрославизм»⁵.

Либеральную доктрину австрославизма выдвинул К. Гавличек-Боровский в статье «Славянин и чех» (1846 г.). «Чем мощнее Австрийская империя, тем крепче стоят на ногах наши [славянские — Л. К.] национальности», — писал он⁶. Отмечая, что в интересах австрийских славян укреплять империю, являющуюся гарантией сохранения их национальностей, Гавличек указывал на необходимость тесного политического сотрудничества чехов с южными славянами. Преобразование всей монархии он считал необходимым условием ее дальнейшего существования. По спра-

ведливому замечанию хорватского ученого Я. Шидака, это был шаг на пути развития австрославизма от идеологии к политической практике⁷.

Окончательное оформление программы австрославизма произошло уже в 1848 г. Осуществление ее мыслилось при поддержке правительства, в союзе с дворянством, которое либералы надеялись убедить добровольно отказаться от своих привилегий, не соответствующих духу времени. Эту точку зрения аргументировал в марте 1848 г. К. Гавличек. Он сетовал на неполноту социального состава чешского национального движения и считал, что присоединение к нему дворянства, самого просвещенного слоя общества, может существенно повысить его уровень⁸. Ф. Палацкий также писал, что дворяне, материально обеспеченные и имеющие свободное время, могут всецело посвятить себя служению народу⁹. Надежды чешских либералов на возможность такого сотрудничества имели под собой определенные основания, так как некоторые дворяне с интересом относились к развитию чешского языка, литературы и культуры, оказывали материальную поддержку многим начинаниям чешских патриотов (например, способствовали созданию Национального музея, изданию чешских книг). Ряду представителей знати импонировали требования восстановления прав земель чешской короны.

Пока национальная деятельность славян ограничивалась рамками культуры, она не вызывала в немецкой среде резкого противодействия. Когда же речь зашла о политических требованиях формирующихся наций, немцы восприняли их как угрозу панславизма. Чешско-немецкая полемика на эту тему началась еще за несколько лет до революции. На рубеже 1830–1840-х гг. в германских государствах с либеральным режимом (в таких центрах, как Гамбург, Лейпциг) стали выходить политические брошюры и памфлеты, в большинстве своем анонимные¹⁰. Из 9 немецких авторов брошюр 1840-х гг. 3 выступили за предоставление частичного равноправия ненемецким народам, 3 — за германизацию. За полное равноправие всех народов империи не высказался никто¹¹.

Австро-немецкие либералы выступали с политическими требованиями, в том числе и за «прогресс в национальной и государственной жизни», однако исходили они из принципа идентичности государства и нации, не признавали наличия национальных проблем внутри отдельного государства. В начале 1840-х гг. они не обращали внимания на национальный аспект славянских либеральных течений, воспринимали их стремления как идентич-

ные своим. Либерал Ф. Шузелка (впоследствии один из видных представителей немецких левых во Франкфурте и в Вене) в 1847 г. охарактеризовал чешский ранний национализм просто как оппозицию системе австрийского господства: «Если у человека нет мужества сформулировать открытую оппозицию этой несчастной системе, он прячется за понятие национальности»¹². Й. Куранда вообще называл политическую оппозицию в империи национальной, так как «Австрии выпало счастье обладать общей национальностью». Национально-политические стремления славянских либералов однозначно воспринимались как сепаратизм. Либеральная доктрина того времени выводила политические права не из природного равенства людей, а требовала для их осуществления наличия буржуазии, которая была бы в состоянии выдвинуть в представительные органы депутатов, способных участвовать в управлении государством. Немецким либералам казалось, что молодые народы не могут справиться с этой задачей, и они не воспринимали ненемецкие национальности как равноценные. В статье «Немецкие слова австрийца» Шузелка писал о чехах: «У них еще не появилась буржуазия, а где нет этого слоя, там не может быть и речи о формировании нации»¹³. Отсутствие (или недостаточное развитие) у славян этого политически ведущего слоя было для немецких либералов одним из оснований для сохранения немецкого господства. Они полагали, что немецкое руководство, мирная германизация служат интересам молодых национальностей, поскольку они еще недостаточно зрелы для того, чтобы политически самоутвердиться.

Накануне революции в чешских землях развивалось также движение дворянского либерализма, земского патриотизма, выступавшее за независимость чешских земель, защиту и обновление сословных прав. Одним из наиболее крупных его представителей оставался Л. Тун. Это течение шло параллельно национальному движению чешской буржуазии, временами смыкаясь и пересекаясь с ним, но направленность у них была разная¹⁴.

В 1840-х гг. среди чешских патриотов зародилось и радикально-демократическое направление, сторонники которого объединились в 1845 г. в тайное общество «Чешский рипил». Произошло это название от одноименной национально-освободительной ирландской организации того времени*, и в нем выражались симпатии чехов к делу освобождения Ирландии — они считали по-

* *Repeal* (англ.) — отмена, аннулирование. В виду имелось расторжение унион между Великобританией и Ирландией.

ложение ирландцев сходным со своим. Большинство членов общества составляли чехи, но были и немцы из числа интеллигентии и мелкой буржуазии. Общество выступало за конституцию, демократию и социальную реформу. Оно имело характер дискуссионного клуба, постоянного членства в нем не было.

Наступил 1848 год, всколыхнувший надежды на скорые перемены, на лучшее будущее. Чешские патриоты восприняли революцию с огромным энтузиазмом. Газеты пестрели выражениями восторга и благодарности императору за его милостивый дар — обещание конституции. Образовались чешская национальная гвардия и студенческий легион. Политический процесс в чешских землях весной 1848 г. развивался чрезвычайно интенсивно. Автор одной из чешских листовок начала апреля сетовал, что «газет стало в излишке, даже не ясно, куда их столько»¹⁵. Если в 1847 г. в Чехии выходило 9 периодических изданий и из них лишь 3 были политическими, то в 1848 г. издавалось уже 100 газет и журналов (59 немецких и 41 чешских), в том числе 66 в Праге¹⁶. Таким образом, появилась богатая и разнообразная национальная пресса — как либеральная, так и радикально-демократическая. Но главные усилия чешских национальных деятелей были направлены на теоретическую разработку австрославистской программы. Она осуществлялась как чешскими, так и другими славянскими либералами на всем протяжении революции, дополнялась, уточнялась и модифицировалась.

Со своими политическими требованиями чехи выступили накануне революционного взрыва в империи. 6 марта членами «Рипила» было составлено воззвание к пражанам, в котором выдвигались требования реорганизации общественного управления, созыва представительного сейма, вооружения народа и уничтожения цензуры. Жители Праги приглашались 11 марта на собрание в Святовацлавских купальнях для выработки общих требований. Либералы предложили «рипилистам» совместную организацию собрания при условии отказа его участников от вооружения.

Выработанный «рипилистами» проект петиции императору содержал 20 требований. Он предусматривал введение конституции, предоставление гражданских прав и свобод, уничтожение барщины, организацию труда и упорядочение заработной платы. Почти все требования имели политический и социально-экономический характер, лишь в одном из них затрагивался национальный момент — равенство чешского и немецкого языка в школах и судах. Эти требования «отразили комплекс идей,

сформулированных в домартовский период в чешской и немецкой оппозиционной публицистике, а также выработанных в кругах чешской и австрийской сословной оппозиции»¹⁷. Редакция составленной радикалами петиции императору была поручена известному адвокату либералу Ф. Браунеру. На первый план Браунер выдвинул требование административного объединения земель чешской короны, созыва в них сейма на основе народного представительства, создания ответственного правительства. Это была важная установка, предусматривавшая не просто восстановление прежнего, но создание новой административной единицы — Чехия, Моравия и Силезия никогда раньше не были единым территориально-государственным целым, не имели общего сейма. Пункт об отмене барщины Браунер дополнил требованием ликвидации всех феодальных повинностей за выкуп. Требование организации труда он вычеркнул из проекта петиции. В таком виде петиция и была принята на Свято-вацлавском собрании.

Свято-вацлавское собрание состоялось 11 марта при большом стечении народа — более 3 тыс. человек. Это было первое полулегальное массовое собрание. Проходило оно бурно, полного согласия достигнуто не было. Окончательная редакция петиции была поручена созданному тогда же Свято-вацлавскому комитету, в состав которого вошли представители чешской и немецкой интеллигенции, буржуазии, дворянства. Инициаторов проведения собрания в комитет не выбрали, в руководстве были либералы. В результате текст петиции, переработанный А. Пинкасом и опубликованный затем в газетах, оказался еще более умеренным. На первое место было поставлено требование национального равноправия чехов и немцев, пункт о создании единых административно-финансовых органов для земель чешской короны был изъят. Вместо отмены барщины выдвигалось расплывчатое пожелание «улучшения в надлежащей мере сельских отношений». С резкой критикой проекта Пинкаса выступил радикал К. Сабина. 19 марта он выпустил брошюру, где решение выбросить из текста петиции часть требований 11 марта было названо коварством и «первым шагом на пути к реакции»¹⁸.

Ф. Палацкий в мартовские дни проявлял осторожность, занимал выжидательную позицию. Он не принимал участия в подготовке и проведении Свято-вацлавского собрания, надеясь в будущем благодаря этому «использовать свои хорошие отношения с дворянскими кругами, а частично также и с правительством на благо чешскому национальному делу». В разработке первой пе-

тиции императору он также не участвовал, опасаясь, что она может вызвать усиление полицейского гнета и кровавую реакцию¹⁹.

Во второй петиции, посланной в Вену в конце марта, требование общего сейма для земель чешской короны было восстановлено. Таким образом, уже в марте чешские либералы сформулировали программу административно-территориальной автономии Чешских земель и национального равноправия чехов и немцев. Образование новой административной единицы мыслилось в рамках Австрийской империи. В экономическом плане австрославизм был обусловлен потребностью еще слабой национальной буржуазии в общеавстрийском рынке, в сохранении торгово-экономических связей монархии. На это обстоятельство ссылались чешские либералы Й. Тыл, И. Воцел (возглавлявший Промышленное общество). Радикал Э. Арнольд писал, что чехам следует опасаться союза с немцами, так как «они завалят нас своими более дешевыми товарами и ликвидируют нашу торговлю»²⁰. Стремление сохранить империю Габсбургов диктовалось также и политическими интересами. Чешские либералы нередко ссылались на необходимость защиты от экспансии соседних государств и особенно на опасность со стороны России. Выступая за преобразование империи в демократическую федерацию, австрийские славяне надеялись таким образом обеспечить свои национальные и политические права. Сотрудничество братских славянских народов позволило бы им приобрести политический вес в монархии. Славянские либералы рассчитывали на то, что правительство пойдет им навстречу и проблемы будут разрешены мирным путем. Австрославизм был стратегической программой чешских национальных деятелей, соответствовавшей интересам развития их народа.

Большим достижением чешских патриотов стал изданный венским правительством 8 апреля так называемый Кабинетный лист, утверждавший принятие ряда их национальных и политических требований. Были обещаны созыв сейма и создание чешской администрации с центральными органами. Вопрос об объединении Чехии с Моравией и Силезией был отложен до рассмотрения имперского рейхстага.

Между тем Моравия в целом не приняла чешских государственно-правовых и национальных требований. 14 апреля сословный моравский сейм составил петицию, в которой выражался протест против объединения с Чехией. Существующие в Моравии симпатии к Чехии не должны вести к уменьшению независимости первой, говорилось там. В рядах оппозиции чешскому проек-

ту находились сословия, немцы, часть интеллигенции. Хотя, согласно переписи 1840 г., три четверти населения Моравии составляли чехи, уровень национального сознания здесь был ниже, города были онемечены. В Моравии не сформировалось культурного центра, сравнимого с Прагой, не было таких выдающихся достижений в области науки и искусства. Провинциальное самосознание здесь преобладало над национальным, представления об исторической общности с чехами были очень слабы. Себя моравские чехи считали не чехами, а «мораванами». Ко всем чешским инициативам они относились апатично или даже враждебно. К. Гавличек сравнивал уровень национального развития Моравии с Чехией 1834 г., когда все образованные люди считались немцами, а славянское происхождение приравнивалось к варварству, грубости²¹. В дальнейшем сотрудничество чехов и мораван на Славянском съезде и в австрийском рейхстаге способствовало росту чешского национального самосознания в Моравии²². Однако, хотя в 1848 г. там стали распространяться этнические представления о чешско-моравской общности, укрепились они значительно позже²³. Моравия тяготела не к Праге, а к Вене, и в значительной степени это было обусловлено экономическими интересами.

В апреле–мае 1848 г. ряд чешских либералов входил в состав Национального комитета — официального органа по подготовке чешского сейма. Национальный комитет был сформирован 10–13 апреля из членов Святовацлавского комитета, с одной стороны, и комиссии по разработке проектов реформ, созданной земским президентом Чехии графом Р. Стадионом, с другой. Стадион убеждал министра внутренних дел Ф. фон Пиллерсдорфа в целесообразности объединения этих двух институтов, аргументируя это решение необходимостью «укрепления всеобщего доверия жителей Богемии» к правительству²⁴.

Некоторые чешские руководители комитета — Ф. Палацкий, Ф.-Л. Ригер, Ф. Браунер — вошли в состав временного правительства, сформированного Л. Туном в конце мая и распущенного уже в июне 1848 г., после подавления Пражского восстания. Участие чешских либералов в работе органов провинциального управления, хотя и кратковременное, с одной стороны, свидетельствовало о значительности их политического влияния, с другой — укрепляло в них так и не оправдавшиеся надежды на возможность плодотворного сотрудничества с властями. Большинство чешских национальных деятелей, принявших участие в работе этих органов, твердо стояли на

позициях легальности, считая, что не следует стремиться к немедленному осуществлению своих требований — национальные интересы должны быть обеспечены только конституционным путем. Так, проект, внесенный Ф. Ригером на рассмотрение Национального комитета 15 мая, согласно которому предусматривалось создание в Праге земских центральных учреждений, ведающих чешскими делами, был подвергнут резкой критике со стороны Ф. Палацкого, Л. Туна, П. Трояна, считавших, что он противоречит принципу легальности и что этот вопрос должен быть разрешен после принятия чешской конституции²⁵.

Начало революции в Чехии характеризовалось особым состоянием национального согласия. Статьи, листовки, стихи были проникнуты духом чешско-немецкого единения. Немец М. Хартман в стихах прославлял вечный братский союз чехов и немцев. Чех Э. Арнольд адресовал листовку 25 марта 1848 г. «милым и дорогим немецким братьям в Чехии»²⁶. Важным свидетельством чешско-немецкого национального согласия стало «Заявление писателей о незлоупотреблении свободой печати», составленное Ф. Палацким и принятое на совместном собрании чешских и немецких литераторов 21 марта. В нем высказывалось стремление, чтобы единодушие чешского и немецкого населения «не было нарушено, но прочно сохранялось на принципах полного равноправия»²⁷. К единению обеих национальных групп в Чехии призывал и Р. Стадион.

Однако этот благодушный настрой продержался недолго. Уже 27 марта в венской демократической газете «Конституцьон» («Конституция») была опубликована статья о неправомерности требования чехов ввести чешский язык в школах и учреждениях. Автор высказывал опасения, что чехи стремятся к преобладанию чешского языка над немецким²⁸. В начале апреля в Вене был основан «Союз немцев Богемии, Моравии и Силезии для защиты своей национальности», объединивший в своих рядах около 200 человек. Возглавили его немецкие либералы Л. фон Лёнер, Г. Кудлих и другие, впоследствии ставшие видными представителями немецких левых в австрийском рейхстаге. «Союз немцев» выступил с протестом против национальных требований чехов, направленным Ф. фон Пиллерсдорфу 9 апреля. Недопустимо, что славянская часть населения присвоила себе право выступать от имени всех жителей, говорилось в протесте, чешский язык не следует вводить в школы и учреждения. «Союз немцев» высказался за объединение Германии²⁹.

Движение за объединение Германии стало одним из важнейших факторов, повлиявших на особенности развития национальной идеологии и политики чехов и повлекших за собой резкое обострение чешско-немецких отношений. Весной 1848 г. усилились тенденции к сплочению славянских народов Австрийской монархии, теперь уже не только на культурно-просветительской почве, как до начала революции, но и на основе совместных политических требований. Идея объединения германских земель, начало выборов во Франкфуртское национальное собрание встревожили славянскую общественность, увидевшую в объединительном движении немцев опасность закрепления раздробленности и бесправия австрийских славян. Чехи и словенцы оказались бы в меньшинстве в немецком государстве, и их национальностям угрожала бы германизация. Образование Объединенной Германии, включающей в себя ряд славянских территорий, таким образом, явилось бы крахом их национально-освободительных чаяний.

Борьбу против Франкфуртского национального собрания начали чешские либералы, отказавшиеся принять участие в выборах в немецкий парламент*. 11 апреля Ф. Палацкий в своем знаменитом «Письме во Франкфорт» впервые выдвинул в противовес идеи Объединенной Германии план создания федерации австрийских народов. Свой отказ принять участие в подготовке германского парламента он мотивировал тем, что «мы чехи, а не немцы, чехи славянского рода». Вхождение народов Австрийской империи в состав Объединенной Германии привело бы к опасным последствиям, к распаду Австрийского государства, подчеркивал Палацкий. Именно тогда он бросил фразу, ставшую впоследствии хрестоматийной: «Если бы Австрийского государства не существовало... мы должны были бы в интересах человечества немедленно его создать»³⁰. Идею преобразования Габсбургской империи в конституционную федративную монархию он обосновывал тем, что условием прочности государства является равноправие его народов. Однако если в марте требование чешско-немецкого равноправия чешские либералы обосновывали, ссылаясь на историческое право, то в своем «Письме» Палацкий расширил это понятие. Требование национального равноправия он аргументировал теорией естественного права и моральными доводами: он считал, что претензии франкфуртского предпарламента не имели под собой ни правового, ни морального основания.

* См. также гл. IV данной книги.

Таким образом, в марте 1848 г. чешскими либералами была разработана только программа территориальной автономии Чешских земель, основывавшаяся на принципе исторического права. А уже в апреле национальная программа обогатилась новыми важными идеями. Наметился переход от государственно-правовой аргументации к принципам естественного права. Впервые была выдвинута идея федерализации всего Австрийского государства, хотя серьезная разработка и конкретизация ее началась почти год спустя.

Письмо Палацкого 11 апреля дало толчок бурной полемике между славянами и немцами, точнее — между противниками и сторонниками объединения Германии. Аугсбургская газета «Альгемайнэ Цайтунг» («Всеобщая газета») опубликовала «Немецкий ответ славянину Палацкому». В нем говорилось, что Германский союз не может допустить отделения Чехии, для которой это означало бы экономическое уничтожение: при отделении немецкое население Чехии было бы отдано на милость чехов, «исполненных славянского фанатизма»; чехи окружены немцами со всех сторон, они не могут отделиться от Германии в своем политическом развитии, как планета не может отделиться от Солнца. «У чехов в Богемии нет иного выбора, чем быть немцами или вообще не быть», — утверждалось в той же газете в мае 1848 г.³¹

В конце апреля К. Гавличек назвал немцев главными врагами чехов и призвал к превращению Австрии в славянскую монархию, что подтвердило опасения немцев по поводу «славянской угрозы». 18 апреля Национальный комитет выразил протест против выборов во Франкфуртское национальное собрание, это повлекло выход многих немцев из его состава. В конце апреля было создано общество «Славянская липа». Целью своей оно ставило борьбу за осуществление принципов национального равноправия, противодействие Франкфурту. Тем самым чешские либералы отошли от позиции дипломатического согласия с немцами. Чешское движение приобрело новый характер — ему предстояло стать массовым, а не ограничиваться узким кругом пражской интеллигенции. Действительно, в марте 1849 г. в Чехии существовало уже 66, а в Моравии 6 филиалов «Славянской липы»³². Активная противофранкфуртская агитация, развернутая чешскими национальными деятелями, принесла свои плоды. Выборы во Франкфуртское национальное собрание состоялись всего в 50 из 103 избирательных округов, находившихся в Чешских землях³³.

Постановка вопроса об объединении Германии и о созыве Франкфуртского национального собрания способствовала тому, что в апреле–мае 1848 г. начался процесс нарастания славяно-германского антагонизма, печально повлиявшего на исход революции. Конфликт был неизбежен как из-за наличия острых политических и экономических противоречий, так и по причине недостаточной разработанности национальной теории, невозможности быстрой и правильной ориентации во всем многообразии национальных проблем, впервые вставших перед Австрийской империей с такой остротой. Дело было не только в шовинизме немцев, их нежелании признать национальные права славян. Сами славяне тоже далеко не всегда адекватно воспринимали национальные стремления других народов. В частности, чехи и словенцы с резким осуждением относились не только к немецкому объединительному движению, но и к объединительным и освободительным движениям венгров, итальянцев, поляков, видя в них угрозу существованию Австрийской империи. По отношению к словакам чехи проявляли гегемонистские тенденции, считая, что образование самостоятельного словацкого народа ослабит роль Чехии в политической жизни империи. Полного национального равноправия немецким жителям Чешских земель чешские либералы не собирались предоставлять. Так, К. Гавличек писал, что чехи в своих землях должны иметь преимущества перед немцами³⁴.

2. Чешские политики на Славянском съезде и в австрийском рейхстаге

В апреле 1848 г. почти одновременно во всех славянских землях империи зародилась мысль о созыве Славянского съезда в противовес идеи Объединенной Германии, Франкфуртскому национальному собранию³⁵. Впервые высказал ее в печати видный хорватский либерал И. Кукульевич-Сакцинский 20 апреля. Первые практические шаги по осуществлению идеи австрославистской федерации предприняла находившаяся в Праге группа польских и чешских патриотов, принявшая 30 апреля решение о созыве Славянского съезда. 1 мая только что образованный в Праге подготовительный комитет напечатал приглашение всем славянам Австрийской империи собраться для участия в Славянском съезде в Праге 31 мая. Предусматривалось, что неавстрийские славяне приедут на съезд в качестве гостей³⁵. 3 мая Ф. Палацкий составил «Воззвание к неславянским народам», обращаясь прежде всего к чешским немцам. В воззвании подчеркивалась верность славян династии, стремление к целостности Австрийского государства на основе национального равноправия, отвергались подозрения относительно славян в приверженности их «сепаратизму, панславизму, русизму»³⁶.

С резкой критикой идеи проведения Славянского съезда выступила немецкая пресса. «Прага будет Франкфуртом славянского мира», враждебным как Германии, так и Австрии, писала профранкфуртская демократическая газета «Фраймутиге» («Свободомыслящий»), требуя, чтобы власти запретили съезд, выступили против «этого национального фанатизма». В другой венской газете ядовито замечалось, что славяне «строят карточный домик... с детской радостью»³⁷. Австронемецкая печать единодушно обвиняла славян в панславизме, в предательстве общеавстрийских интересов.

Австрославистская теория получила дальнейшую разработку в ходе заседаний Славянского съезда, который проходил в Праге со 2 по 12 июня 1848 г. На нем присутствовало 300 делегатов, в большинстве своем — общественные деятели славянских народов, интеллигенция либерального направления. Собрались они для выработки совместных политических требований славян империи: съезд был призван стать «демонстрацией национальной самобытности славянских народов»³⁸, их силы и сплоченности, противове-

* См. также гл. IV и V данной книги.

сом объединительному движению немцев, Франкфуртскому национальному собранию. Сами участники съезда не ждали от него весомых практических последствий: политические преобразования считались прерогативой будущего австрийского рейхстага.

Программный документ, разработанный Ф. Захом, предусматривал преобразование Австрийской империи в союз равноправных народов, создание в Вене центрального парламента, в котором каждый народ имел бы равное число представителей. Все государства, входящие в федерацию, должны были иметь свои ландтаги и ответственные перед ними правительства. Предусматривалось равноправие национальностей в Венгрии, выделение в ее составе федеративной единицы, включавшей Триединое королевство и Сербскую Воеводину. Объединение чешских земель мыслилось на основе исторического права, при обеспечении языкового равноправия и возможном предоставлении автономии немецкому меньшинству. Значительное внимание было уделено и общеславянской проблематике. В частности, делегаты съезда выразили поддержку борьбе южных славян против турецкого ига. Предполагалось, что, освободившись, балканские славяне присоединятся к Австрии как к «славянскому федеративному государству». Съезд принял манифест к европейским народам, содержавший требование преобразования Австрийской империи в федерацию равноправных народов, а также составил адрес австрийскому императору, в котором были перечислены национальные требования отдельных народов. Как отмечает чешский историк А. Клима, на съезде речь шла прежде всего о достижении национального равноправия славян с остальными народами империи: в манифесте говорилось не о создании «славянского государства», а о преобразовании империи в федерацию³⁹. Правда, по всей видимости, ближайшей задачей являлось образование союза славянских народов Австрии, а распространение принципов федеративного устройства на другие народы мыслилось как более отдаленная перспектива⁴⁰.

Австрославистская программа еще нуждалась в доработке. Открытым оставался вопрос, на основании какого принципа — естественного или исторического — должна строиться федерация, распространяются ли принципы федеративного устройства также на венгров и австрийских немцев. Не разработана была идея о разграничении функций центральных и местных властей; Палацкий говорил впоследствии, что отношения между этими органами стали ясны ему лишь в августе 1848 г.

Программный документ не был принят съездом, так как ему не удалось завершить работу. Она была прервана начавшимся 12 июня в Праге восстанием⁴⁰. Весной 1848 г. в Праге была размещена большая армия — 40 тыс. человек, тогда как население всего города насчитывало около 100 тыс. человек. Пражское восстание было спровоцировано военными приготовлениями и маневрами, проводившимися правительственными войсками под командованием князя А. Виндишгреца, пользовавшегося репутацией реакционера после подавления им в 1844 г. рабочего восстания в Чехии. Студенческий митинг 11 июня, на котором выдвигались требования убрать из города артиллерию и раздать оружие студентам, вылился 12 июня в столкновения рабочих и студентов с военными. Были взорваны баррикады. Восстание не имело единого центра и руководства, среди его участников были студенты, рабочие, ремесленники, некоторые участники Славянского съезда. 17 июня после двухдневного артиллерийского обстрела Прага пала. В Чехии было введено осадное положение. Немалую роль в восстании сыграли чешские радикальные демократы — Э. Арнольд, В. Бавра, К. Сабина, Й. В. Фрич. После подавления восстания некоторые из них попали в тюрьму, под следствие и выбыли на все лето из политической жизни империи.

Большинство немецких и венгерских газет — от реакционных до демократических — расценило деятельность Славянского съезда как проявление «национального фанатизма» австрийских славян, панславизма. В Пражском восстании немецкая и венгерская пресса видела акцию панславистов, желавших устроить резню немцев в Чехии, а его разгром считала немецкой национальной победой. Одна из немецких листовок кончалась призывом: «Немцы! Спасайтесь и мстите за своих братьев в горниле Пражской битвы!» 67 немецких жителей Праги направили князю Виндишгрецу письменную благодарность за спасение от «современных гуситов» и просьбу продлить осадное положение Праги; поэтому в чешской публицистике того времени «67» стали «символом реакционности»⁴¹. Революционная Вена не поддержала пражан. Франкфуртское национальное собрание 21 июня в своем постановлении выразило удовлетворение в связи с подавлением восстания и обещало австрийскому правительству поддержку в деле защиты немцев. Ход дебатов по этому вопросу во Франкфурте показал также слабую информированность депутатов о событиях в Праге⁴².

⁴⁰ См. также гл. IV данной книги.

Июньское восстание в Праге стало кульминацией революционного движения в чешских землях. Участие в нем некоторых радикальных демократов и решительное осуждение его либералами (не без основания опасавшимися, что оно поставит под угрозу осуществление их национально-политических планов) показало начало политического размежевания этих группировок. В целом чешские национальные деятели восприняли Пражское восстание как несчастье. К. Гавличек в статье, опубликованной в газете «Народни новини» («Национальные новости») 29 июня, отмечал, что эти события нанесли тяжелый удар «чешскому делу». Он считал путь насилия губительным для чехов: то, что для более развитых наций было бы политическим поражением, для чехов стало «национальной катастрофой»⁴³. Много лет спустя, в 1872 г., лидер чешских либералов Ф. Палацкий писал: «Я не знаю ни одного события на нашей памяти, которое бы имело столь роковые и вредные последствия для народа, как это... восстание»⁴⁴. После поражения восстания в Праге чешские либералы сосредоточили свое внимание на пропаганде идей Славянского съезда, публикации его документов.

Свою, отличную от либеральной, оценку Пражского восстания чешские радикальные демократы дали уже в конце 1848 г. Они охарактеризовали как «несчастье» не само восстание, а его поражение, приведшее к последующим победам реакции в империи. Э. Арнольд видел в нем «выступление против реакции», свидетельство роста политического и национального самосознания чехов⁴⁵.

Пражское восстание и введение осадного положения фактически сорвали выборы в земский сейм (которые к тому же немцы бойкотировали) и саму работу сейма. 29 июня были распущены Национальный комитет и отряды национальной гвардии, через три дня прекратило свое существование и временное правительство Л. Туна. Проведение земского сейма в чешских землях правительство запретило, отложив его до более «благоприятных времен» (наступивших лишь в 1861 г.). Политическое развитие Чехии на легальной основе стало невозможным. Это нанесло серьезный удар надеждам чехов — они ожидали, что земский сейм утвердит конституцию для Чехии и представит ее на рассмотрение рейхстага.

Правительственные репрессии, однако, не уменьшили лояльности чешских либералов по отношению к Габсбургскому дому. Примечательны в этом отношении основные положения «Статьи для каждого», написанной К. Гавличеком в августе 1848 г.: в Австрии наступила свобода, омрачает которую противостояние

немцев, венгров и славян; если для немцев, венгров, итальянцев выгоден распад империи, то славянам, напротив, необходимо ее сохранить; главным союзником славян в этом деле является императорская семья. Добрая воля династии, соединенная с силой славян, убережет империю; для того, чтобы император поддержал славян, им следует быть умеренными в политическом отношении и справедливыми в национальном, они не должны желать слишком многоного, а лишь того, что им дают сейчас⁴⁶.

Надежды на осуществление своих национальных чаяний чехи теперь возлагали на деятельность первого австрийского рейхстага*, к выборам в который подготовились тщательно. В своих статьях К. Гавличек, пользовавшийся доверием у крестьян, призывал их выбирать в рейхstag людей не только почтенных, но и политически образованных — ведь тот, кто не понимает, о чем идет речь на заседаниях рейхстага, не может быть хорошим депутатом и предвидит, сам того не желая, интересам своих избирателей⁴⁷. В результате выборов чешские либералы получили большое представительство в рейхстаге. По социальному составу чешские депутаты почти полностью относились к интеллигенции и городской буржуазии, крестьяне составили всего 7% от их общего числа. Предполагавшееся славянское большинство в рейхстаге не на шутку тревожило немцев, проводивших со своей стороны активную избирательную кампанию. «Союз немцев» предостерегал соотечественников, что «славяне не остановятся ни перед какими средствами». Один из его руководителей, Л. Лёнер, еще до открытия рейхстага стремился объединить всех немецких депутатов⁴⁸.

Торжественное открытие рейхстага состоялось 22 июля 1848 г. По своему составу первый австрийский парламент был достаточно демократичен: 60% депутатов составляли представители буржуазии и интеллигенции, 25% — крестьяне. Оставшиеся места разделили дворяне и священники. Среди 383 членов рейхстага 190 были славяне.

В рейхстаге оформились три основные группировки: правая, левая и центр. В левую входили немецкие и польские сторонники демократической монархии, некоторые итальянцы, по отдельным вопросам к ним примыкал ряд депутатов югославянских земель Австрийской империи. Представители левицы выдвинули революционную программу отмены феодальных повинностей без выкупа. Их позиция по национальному вопросу была непоследовательной. На словах высказываясь за равноправие народов Авст-

* См. гл. IV данной книги.

рии, на деле левица, по замечанию одного из ее лидеров И. Кудлиха, мало интересовалась вопросом о положении ненемецких национальностей. Большинство левых депутатов не желали сохранения Австрийской империи, поляки и итальянцы стремились к созданию своих государств, немцы же мечтали об Объединенной Германии. К австрославистским воззрениям немцы относились с антипатией, боясь, что Австрия превратится в славянское государство и тогда якобы неминуемо попадет под влияние русского царя.

Ядром правой группировки рейхстага (или так называемой Славянской партии) были чехи. К ним присоединилось большинство славянских депутатов, некоторые немцы и итальянцы. В социально-экономической области правые выступали за отмену феодальных повинностей за выкуп (из 74 чешских депутатов только 14 проголосовали против выкупа⁴⁹), в политической — за избирательный ценз и двухпалатный рейхstag. Они негативно относились к демократии, республике и всяким революционным действиям, а в национальном вопросе были сторонниками преобразования Австрийской монархии в федерацию равноправных народов, враждебно относились к идее Объединенной Германии. Правительство часто использовало поддержку правой группировки в борьбе с левицей.

Большую часть депутатов составляли центристы. Это были либералы, составившие свою программу в духе австрийской конституции 25 апреля. Голосовали центристы в основном с правыми. Были и общие черты, объединяющие три группировки. Все (или почти все) депутаты признавали необходимость отмены феодальных отношений, являлись сторонниками конституционной монархии. Крайних реакционеров среди них не было. Приближенная расстановка сил в рейхстаге была ясна с самого начала его работы.

В первый период деятельности рейхстага (до начала восстания в Вене в октябре 1848 г.) до серьезного обсуждения национального вопроса дело не дошло, хотя некоторые его аспекты вставали на повестку дня заседаний. Камнем преткновения неожиданно оказался вопрос о языке заседаний, ставший темой дебатов рейхстага 12 июля и 11 сентября. Естественно, что заседания рейхстага нужно было проводить на одном языке, которым владели большинство депутатов. Таким языком был немецкий. Однако несмотря на то, что он практически являлся единственным языком рейхстага, официального подтверждения этого факта не произошло, так как это сильно ударило бы по национальным чувствам

вам ненемецких народов. Некоторые чешские и польские депутаты, признавая необходимость принятия немецкого языка как языка проведения заседаний, подчеркнули добровольность своего решения. Возможно, такая формулировка сняла бы напряженность в столь деликатном вопросе, если бы все депутаты владели немецким языком. Однако около 1/4 депутатов нуждались в переводе⁵⁰. Многие из них — поляки, русины, румыны, хорваты, словенцы — были крестьянского происхождения, они не только не знали немецкого, но часто оказывались вообще неграмотными. 12 июля, на третьем подготовительном заседании рейхстага, был поднят вопрос о переводе для поляков: не владея немецким, они не знали, как определять свою позицию при голосовании⁵¹. Однако из-за серьезных разногласий между депутатами решение проблемы было отложено на неопределенное время. Во второй раз вопрос о переводе встал 11 сентября в связи с петицией итальянцев из Далмации⁵². Итальянские депутаты были людьми образованными. Их язык, как и немецкий, до революции имел статус официального, необходимости учить немецкий у них не было⁵³. Итальянцам был нужен переводчик, который переводил бы их речи, так как они хотели активно участвовать в заседаниях.

Дебаты по вопросам о переводе были острые. Резко высказывались некоторые представители немецкой левицы. А. Фишхоф сравнивал депутатов, не владеющих немецким языком, с глухонемыми. Нойваль вообще предложил им покинуть рейхstag, вызвав тем самым протесты депутатов-юристов, подчеркивавших, что эти депутаты выбраны законно и не должны отвечать за ошибки правительства⁵⁴ (принявшего несовершенный избирательный закон — Л. К.). 11 сентября большинством голосов (против выступили лишь 16 человек, в основном представители немецкой левицы) рейхstag постановил переводить все выступления ненемецким депутатам на их языки в случае, если с такой просьбой обращаются не менее 10 человек⁵⁵.

Во время дискуссии о петиции далматинцев Боррош заявил, что ненемецкие народы имеют право требовать для себя переводов, но это невозможно, т. к. обойдется государству в 25 тыс. гульденов в год⁵⁶. Он подчеркнул, что рейхstag не обсуждает принципы равенства прав национальностей, а ищет средство дать возможность не знающим немецкого языка депутатам принять участие в его работе. С этим в принципе высказали согласие и многие чешские депутаты. Ригер отметил, что немецкий язык является средством общения, т. к. большинство депутатов его знают. Это лишь проблема политической практики — такую

мысль проводил в своих выступлениях и Гавличек. Однако агрессивный характер заявления Борроша побудил Ригера, Гавличека и Трояна подчеркнуть добровольный характер своего решения принять немецкий язык как язык проведения заседаний⁵⁷.

В середине сентября 1848 г. начались дебаты по вопросу о приеме рейхстагом венгерской делегации. Когда 11 сентября войска хорватского бана Елаичча вступили в Венгрию, революционные завоевания венгерского народа оказались под угрозой, и делегация венгерского парламента прибыла в Вену, надеясь вступить в переговоры с рейхстагом и найти себе там союзников⁵⁸.

На заседании рейхстага 19 сентября развернулась бурная дискуссия: правая группировка и большая часть центра возражали против переговоров с венграми; левые высказались за прием делегации, говоря, что венгры пришли «от имени гения свободы и гуманности»⁵⁹. Славянская группировка выступила против переговоров с восставшими венграми, большинством голосов рейхстаг отклонил их просьбу о приеме.

Против высказывались и чешские депутаты, участвовавшие в дискуссии, — Ф. Браунер, А. Троян, Ф. Ригер. «Раз венгры отделились от Австрии, они — чужой народ. Так зачем они пришли? — спрашивал Ригер. — Я отрицаю, что это депутатия от венгерского сейма, который представляет все земли венгерской короны. Ведь в составе депутатии нет представителей славян, да и других национальных меньшинств Венгрии»⁶⁰. Для чешских политиков было характерно враждебное отношение к венграм. Напротив, укрепились дружеские связи со словаками и хорватами. Чешские студенты (например, Й. В. Фрич) участвовали в отрядах словацких добровольцев, которые должны были выступить против венгров вместе с армией Елаичча. Чехи организовали сбор добровольных пожертвований для хорватской армии, помогли правительству получить санкцию рейхстага на предоставление военного кредита.

Октябрьское восстание в Вене воспринималось славянскими национальными деятелями как «бунт против славян», представлявший угрозу единству империи. О взятии Вены чешские газеты писали как о «победе славянства». Чешские радикальные демократы солидаризировались с либералами в оценке венского восстания, хотя их настрой в отношении ожидаемых даров правительства «верным славянам» был более скептическим. Однако уже 9 ноября совет «Славянской липы», в которой осенью укрепились позиции радикальных демократов, опубликовал заявление, где подчеркивалось, что «разгром Вены произошел не в ин-

тересах славянства, но в интересах власти». «Славянская липа» выступила с инициативой послать к императору депутатию с протестом против военного террора, который Виндишгрец установил в Вене. Эта идея вызвала резкую отповедь К. Гавличека, заявившего, что не годится снаряжать целую делегацию для «защиты антиславянской революции»⁶¹.

Большинство чешских депутатов рейхстага по призыву императора покинули восставшую столицу, чтобы продолжать заседания в Кромержиже, куда бежал двор. Там рейхстаг с 22 ноября вплоть до своего распуска в марте 1849 г. вел интенсивную работу по составлению австрийской конституции, обсуждая важнейшие проблемы будущего политического и национального устройства империи. Проекты будущей австрийской конституции вырабатывались и обсуждались прежде всего на заседаниях конституционной комиссии, которую рейхстаг избрал еще в самом начале своей работы. В состав ее вошли 30 депутатов, по 3 от каждой провинции. Это решение, предложенное центристом К. Майером, было невыгодно для крупных славянских стран: так, от Крайны, Каринтии, Приморья (с населением в 1 млн. чел.) и от Чехии и Галиции (9 млн.) в комиссию вошло одинаковое число депутатов. Предложенный Ригером способ комплектации комиссии, более приемлемый для чехов, — по два человека от каждой из 8 секций рейхстага и по одному представителю от каждой провинции — был отклонен рейхстагом⁶².

Конец 1848 — начало 1849 гг. были временем дальнейшей разработки австрославистской программы. В первом проекте Австрийской федерации (которая должна была охватить западную часть Австрийской империи), выдвинутом Палацким в сентябре 1848 г. и близком проекту, выработанному чешским Национальным комитетом еще в июне, подробно рассматривался вопрос о разграничении функций центрального и местного управления: предусматривалось наличие следующих центральных министерств: военного, внешней политики, финансов и торговли. Федерация должна была строиться на основе историко-территориального принципа: отдельные земли предлагалось объединить в более крупные территориальные единицы — польскую, чешскую, немецкую и иллирийскую. В иллирийскую провинцию, по мнению Палацкого, должны были войти Крайна, Каринтия, Приморье и Далмация. В январе 1848 г. Палацкий представил конституционной комиссии рейхстага свой новый проект общеавстрийской федерации, построенный на основе национального принципа. Он предусматривал создание восьми федеративных

единиц: немецкой, чехо-словацкой, польской (предполагалась в будущем автономия русинов в ее составе), иллирийской (словенской), итальянской, югославянской (сербо-хорватской), венгерской и румынской. Палацкий даже высказал мысль о выделении немецкой части Богемии, Моравии и Силезии, но впоследствии отказался от нее, вернувшись на позиции исторического права⁶³. В отношении югославян его взгляды также претерпели изменения. В конце 1849 г. в статье «О централизации и национальном равноправии в Австрии» он предложил разделение империи на семь составных частей, считая возможным включение словенцев в югославянскую административную единицу.

Что касается создания чехо-словацкого союза, то мысль о нем возникла у ряда чешских национальных деятелей еще осенью 1848 г. После заявления Венгрии о выходе из состава империи и начала войны с хорватами они постепенно отошли от идеи сохранения единства земель короны св. Стефана. В октябре 1848 г. «Славянская липа» в Праге призывала к объединению чехов, словаков, мораван, однако в начале ноября Палацкий и другие либералы в письме к хорватскому бану Елаичу просили его позаботиться об обеспечении «национальной и политической независимости» словаков в рамках Венгерского королевства⁶⁴. Очевидно, к мысли об отделении Словакии от Венгрии и об объединении ее с Чешскими землями Палацкий пришел несколько позже.

Идея преобразования империи на основе национального принципа вообще не была характерна для чешских либералов. Сохранение существовавшего деления на провинции не представляло угрозы чешской национальности. Говоря о единстве славян монархии, чешские либералы подразумевали тесное культурное и политическое взаимодействие, а не создание общеславянской политической единицы. Каждая национальность должна была быть представлена в империи отдельно, либо же предполагалось образование более узких политических союзов.

Австрославистская программа не была принята конституционной комиссией рейхстага. Победил принцип централизма (с некоторыми оговорками по поводу защиты прав национальностей), за который проголосовало большинство ее членов. Дискуссии, постоянно возникавшие в ходе работы комиссии при обсуждении чрезвычайно сложных и еще недостаточно изученных национальных проблем Австрийской империи, показали стремление представителей различных национальностей найти выход, приемлемый для всех. Попытка найти компромисс открывала путь для дальнейшего сотрудничества, для роста взаимопонимания

разных народов, но этот позитивный процесс был прерван в начале марта 1849 г.

Роспуск рейхстага, опубликование откроированной конституции ознаменовали крах национально-политических чаяний австрийских славян. Большинство чешских либералов на долгие годы ушли из политической жизни. Отошел от политики Ф. Палацкий, уехал за границу Ф. Ригер, Ф. Браунер начал сотрудничать с властями. Центром либеральной оппозиции стала газета «Народни новини», которую редактировал К. Гавличек, мужественно продолжавший выступать за конституцию и национальное равноправие. Вскоре, однако, был ликвидирован и этот очаг либерального сопротивления: газета была запрещена, Гавличек осужден и выслан.

Чешские радикальные демократы, еще с осени 1848 г. предчувствовавшие скорое наступление реакции, отошли от принципов австрославизма, окончательно размежевавшись с либералами и в национальном вопросе. Уже зимой 1848–1849 гг. они стали резко критиковать чешских депутатов рейхстага за нерешительность, чрезмерную лояльность, заинтересованность исключительно национальным вопросом, недальновидность. К. Сабина писал в конце февраля 1849 г., незадолго до распуска рейхстага: «Мы сейчас стоим на пороге реакции, и она будет наступать все дальше и дальше — к централизации, и мы, славяне, обманутые и использованные, пострадаем от этого больше всех»⁶⁵.

После марта 1849 г. усилилась конфронтация чешских либералов и радикалов, обвинявших друг друга в провале национальной политики. Дилемму «свобода или национальность» радикалы решили в пользу «свободы». Произошло их сближение с немецкими и венгерскими революционерами. Некоторые из них (Й.-В. Фрич, К. Сладковский, Э. Арнольд) совместно с немецкими демократами весной 1849 г. приняли участие в подготовке нового антиправительственного восстания с целью учреждения Чешской республики в составе европейской демократической федерации. Раскрытие этого «майского заговора» правительством исключило их из политической борьбы — кто был арестован, кто эмигрировал.

Австрославистская программа, получившая в 1848 г. свое окончательное оформление, еще многие десятилетия определяла политику чешских национальных деятелей, так как она предлагала единственно возможное решение национального вопроса в рамках Австрийской монархии. Чешской нации суждено было в XIX в. развиваться по пути «культурной нации», нации без государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kolejka J.* Národy habsburské monarchie v revoluci 1848–1849. Praha, 1989. S. 99.
- 2 *Хорева О. А.* Национальный вопрос в чешских землях в период революции 1848–1849 гг. Дис. канд. ист. наук / Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1976. С. 38.
- 3 Там же. С. 40.
- 4 *Šidak J.* Austroslavizam i Slavenski kongres u Pragu 1848 // Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–49. Zagreb, 1979. S. 96–97.
- 5 Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Т. 1. С. 178.
- 6 *Havlíček Borovský K.* Politické spisy. Praha, 1900. V. 1. S. 69.
- 7 *Šidak J.* Op. cit. S. 100.
- 8 *Субботина Е. В.* Чешские радикальные демократы в революции 1848–1849 гг. в чешских землях. Дис. канд. ист. наук / Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1992. С. 121.
- 9 *Palacký F.* Spisy drobne. Praha, 1898. V. 2–3. S. 142–143.
- 10 *Pech S.* The Czech revolution of 1848. Chapel Hill, 1969. S. 43.
- 11 *Хорева О. А.* Указ. соч. С. 41.
- 12 Цит. по кн.: *Burian P.* Die Nationalitäten in «Cisleithanien» und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz; Köln, 1962. S. 15.
- 13 Цит. по кн.: *Burian P.* Op. cit. S. 18.
- 14 *Otahal M.* Čeští liberálové v roce 1848 // Sborník historický. Praha, 1990. V. 37. S. 102.
- 15 Цит. по кн.: *Хорева О. А.* Указ. соч. С. 52.
- 16 *Rok 1848 v projevech součastníků.* Praha, 1948. S. 24.
- 17 *Субботина Е. В.* Указ. соч. С. 46.
- 18 Цит. по кн.: *Kosík K.* Čeští radikální demokraté (Výbor politických statí). Praha, 1953. S. 313–314.
- 19 Цит. по кн.: *Kořalka J.* František Palacký im politischen Geschehen des revolutionären Frühjahrs 1848 // Historica, 1996–1997. Prague, 1998. № 3–4. S. 95.
- 20 Цит. по кн.: *Kočí J.* Emanuel Arnold. Praha, 1964. S. 133.
- 21 *Хорева О. А.* Указ. соч. С. 60.
- 22 *Řepa M.* Rok 1848 a jeho význam pro růst českého národního vědomí na Moravě // Kroměřížsky sněm 1848–1849 a tradice parlamentarismu ve střední Evropě. Kroměříž, 1998. S. 243.
- 23 *Otahal M.* Op. cit. S. 108.
- 24 Цит. по кн.: *Kořalka J.* Op. cit. S. 102.
- 25 *Nálepková O.* František Ladislav Rieger v roce 1848 a na Kroměřížském sněmu // Sborník historický. Praha, 1987. V. 34. S. 15–16.
- 26 Цит. по кн.: *Klimá A.* Češi a němci v revoluci 1848–1849. Praha, 1994. S. 9, 12.
- 27 Цит. по кн.: *Хорева О. А.* Указ. соч. С. 55.

- ²⁸ Найборт Л. Е. Демократическая печать Вены весной 1848 г. // Ученые записки МГПИ. М., 1967. № 284. С. 166.
- ²⁹ Klimá A. Op. cit. S. 15.
- ³⁰ Цит. по кн.: Освободительные движения... С. 394.
- ³¹ Цит. по кн.: Klimá A. Op. cit. S. 24, 40.
- ³² Ibid. S. 37.
- ³³ Ibid. S. 48.
- ³⁴ Havlíček Borovský K. Op. cit. V. 2. Pt. 1. S. 45.
- ³⁵ Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů / Vyd. V. Žáček. Praha, 1958. S. 48–49.
- ³⁶ Цит. по кн.: Slovanský sjezd v Praze... S. 51.
- ³⁷ Цит. по кн.: Slovanský sjezd v Praze... S. 183–185, 187.
- ³⁸ Хорева О. А. Указ. соч. С. 95.
- ³⁹ Klimá A. Op. cit. S. 69.
- ⁴⁰ Хорева О. А. Указ. соч. С. 102.
- ⁴¹ Цит. по кн.: Там же. С. 105, 107.
- ⁴² Klimá A. Op. cit. S. 78.
- ⁴³ Havlíček Borovský K. Politik a novinár. Vyd. VI. Klimes. Praha, 1956. S. 105.
- ⁴⁴ Цит. по кн.: Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. С. 199.
- ⁴⁵ Цит. по кн.: Kočí J. Op. cit. S. 161.
- ⁴⁶ Havlíček Borovský K. Politik... S. 113–123.
- ⁴⁷ Burian P. Op. cit. S. 45.
- ⁴⁸ Цит. по кн.: Sieber E. K. L. von Lohner, ein Vorkämpfer des Deutschtums in Böhmen, Mähren und Schlesien in Jahre 1848–1849. München, 1965. S. 91.
- ⁴⁹ Субботина Е. В. Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁰ Burian P. Op. cit. S. 41.
- ⁵¹ Verhandlungen des österreichischen Reichstags nach der stenographischen Aufnahme. Wien, 1970. Bd. 1. S. 7, 9.
- ⁵² Ibid. Bd. 2. S. 321.
- ⁵³ Springer A. Geschichte Öesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Leipzig, 1865. 2. Die österreichische Revolution. S. 153.
- ⁵⁴ Verhandlungen... Bd. 1. S. 8–9.
- ⁵⁵ Ibid. Bd. 2. S. 339–340.
- ⁵⁶ Ibid. Bd. 2. S. 321–322.
- ⁵⁷ Ibid. Bd. 2. S. 328, 322.
- ⁵⁸ Подробнее см.: Освободительные движения... С. 376–377, 419–421.
- ⁵⁹ Verhandlungen... Bd. 1. S. 474.
- ⁶⁰ Цит по кн.: Хорева О. А. Указ. соч. С. 143.
- ⁶¹ Цит. по кн.: Субботина Е. В. Указ. соч. С. 150.
- ⁶² Хорева О. А. Указ. соч. С. 129.
- ⁶³ Šesták M. Myšlenka rakouské federace v politickém programu Františka Palackého // Kroměřížský sněm 1848–1849... S. 333.
- ⁶⁴ Šídák J. Listopadska revolucija u Beču i politika austroslavizma // Studije... S. 266.
- ⁶⁵ Цит. по кн.: Kosík K. Op. cit. S. 232.

VII. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА СЛОВЕНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Словенские территории, входившие в состав наследственных австрийских земель (Штирия, Каринтия, Крайна, Приморье), в первой половине XIX в. оставались административно раздробленными. Исторических традиций государственности словенцы не имели и как народ были политически бесправны. Вследствие этого их национальное развитие шло замедленными темпами. Социальную базу национального движения в Словении составляли низшее католическое духовенство, немногочисленная интеллигенция, мелкая и средняя городская буржуазия. До революции 1848 г. словенское национальное движение развивалось исключительно в культурно-просветительских рамках. В 30-е гг. XIX в. в словенских землях (прежде всего в Штирии и Каринтии) стали распространяться идеи иллиризма, впрочем не пустившие глубоких корней; в 1840-х гг. иллирийское движение в Словении уже пошло на спад. Однако большинство словенских либералов 1848 г. вышли из среды прежних сторонников иллиризма. К 1848 г. в словенском национальном движении уже выделились преобладающее консервативное направление, а также не вполне сформировавшееся либеральное. Политических партий и программ еще не было.

Весть о венском восстании 13 марта 1848 г. и свержении режима Меттерниха, провозглашение австрийским императором свободы слова, печати, собраний и его обещание созвать рейхстаг для выработки конституции вызвали воодушевление в среде словенской национальной интеллигенции, не замедлившей выступить с политическими требованиями.

Основную роль в разработке словенской политической программы сыграли национальные деятели либеральной ориентации из числа бывших сторонников иллиризма. Первым сформулировал главные требования словенцев каринтийский священник М. Маяр-Зильский, один из виднейших идеологов национального движения. Уже 17 марта он написал статью «Чего мы, словенцы, требуем». Опубликована она была в единственной в то время словенской газете «Кметийске ин рокодельске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), возглавлявшейся

умеренным консерватором Я. Блейвейсом. Призывая к миру и братству все народы Австрийской империи, Маяр писал: «Пусть каждый живет в своей земле, дома, как ему нравится: немец по-немецки, итальянец по-итальянски, венгр по-венгерски. Мы, словенцы, требуем, чтобы и нам дали жить у себя дома по-нашему: словенцам по-словенски». По мнению Маяра, словенские депутаты должны были выдвинуть в Вене перед правительством следующее требование: «Чтобы мы могли в Словении, когда захотим и как захотим, постепенно ввести в школы и административные учреждения наш словенский язык»¹. По справедливому замечанию И. В. Чуркиной, в этом требовании уже содержалась в еще не вполне оформленемся виде идея объединения словенских земель². В конце марта — начале апреля Маяр развернул пропаганду своих взглядов, он составил несколько петиций и распространял их по Штирии для сбора подписей. В одной из петиций, написанной Маяром в Целовце (Клагенфурте) и опубликованной 11 апреля в газете хорватских либералов «Новине хрватско-славонско-далматинске» («Хорватско-славонско-далматинские новости»), он открыто высказался за созыв в словенских землях своего представительного собрания и за тесный союз словенцев с хорватами³.

Интенсивную разработку словенских политических требований вели также национальные деятели, жившие в Вене. В «Адресе крайним сословиям», составленном 29 марта и имевшем 44 подписи, они призывали к защите словенской народности в словенских землях⁴. В воззвании «Милые словенские братья», написанном в Вене в начале апреля, словенские студенты-юристы М. Семрайц и А. Глобочник выразили горячее одобрение М. Маяру за его статью в «Новицах» и высказались за объединение словенских земель⁵. Политическое требование создания Объединенной Словении четко прозвучало и в воззвании чешских и хорватских депутатов, прибывших в Вену с прошениями к императору, «Братьям словенцам в Крайне, Приморье, Штирии и Каринтии». Воззвание было составлено А. Глобочником и опубликовано в Вене 5 апреля. В нем говорилось о необходимости единства и взаимопомощи всех славян в новой, конституционной Австрийской монархии, свободного развития каждой из славянских народностей. Оканчивалось воззвание призывом: «Обнимитесь по-братьски все словенцы от славянских берегов Ядрана (Адриатики. — Л. К.) до быстрой Дравы, создайте в своих мыслях и сердцах Словению, которой еще не существует политически! Принесите к высочайшему престолу ваши прошения, чтобы Словения была признана также политичес-

ки... Подайте по-братски руку нашим соседям в Хорватии, Славонии и Далмации и признайте в них тех, к кому вы должны прежде всего обратиться, чтобы в союзе с ними достичь вашей высокой цели»⁶.

В апреле 1848 г. наиболее активные словенские патриоты (преимущественно студенты, представители городской интеллигенции, священники) создали в Вене, Граце и Любляне первые политические общества. Национально-политические стремления словенцев получили наиболее четкое оформление в программе венского общества «Словения», принятой 20 апреля. В ней выдвигались следующие требования: «1. Политически раздробленный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии как единый народ объединить в единое государство, чтобы он имел свое собственное провинциальное собрание; 2. Чтобы словенский язык у нас имел полностью те же права, какие имеет немецкий в немецких землях, и чтобы от нашей воли зависело введение его в школы и учреждения; 3. Чтобы Словения была неотъемлемой частью Австрийской, а не Германской империи»⁷. Эта программа, принятая также словенскими обществами в Любляне и Граце, вошла в историю под названием «Программа Объединенной Словении». Требование создания Объединенной Словении стало центральным политическим лозунгом словенских либералов в 1848 г.

Венское общество «Словения» сразу после образования и принятия программы перешло к практическим шагам по ее осуществлению. Так, его члены составили петицию с политическими требованиями словенцев «О чем мы будем просить императора?» (в духе петиций М. Маяра) и разослали 2 тыс. ее печатных экземпляров по словенским областям для сбора подписей. Петицию впоследствии предполагалось направить австрийскому рейхстагу⁸.

Образовавшееся 16 апреля словенское общество в Граце также быстро разработало свои требования. В проекте петиции императору, опубликованном в «Грацер цайтунг» («Грацкая газета») 22 апреля 1848 г., грацкое общество выдвинуло в целом ту же программу, что и венское, но в ней была больше подчеркнута ориентация на союз с хорватами. Так, в этом проекте содержались требования уничтожения таможенной границы между словенскими областями и Хорватией, организации высшей школы в хорватских и словенских землях по общему принципу и т. д. Вероятно, подписей под этой петицией не собирали — во всяком случае, историки подобными сведениями не располагают⁹.

В конце апреля, после опубликования императором проекта конституции, в котором империя провозглашалась единой и неделимой (Венгрии и итальянских областей это положение не касалось), обеспокоенные члены грацкого общества составили петицию с требованием создания Объединенной Словении, причем под ней удалось собрать 11 тыс. подписей¹⁰, что свидетельствовало о популярности этой программы в Штирии в начальный период революции.

По сравнению с активной деятельностью, развернутой словенцами в Вене, Каринтии и Штирии в марте–мае 1848 г., в центре словенских земель Крайне национальное движение развивалось значительно спокойнее. Преобладающее влияние здесь сохраняли умеренные консерваторы во главе с Я. Блейвейсом, осторожно реагировавшие на происходившие в общественной жизни империи перемены. Однако общее оживление захватило отчали и их, в «Новицах» с марта стали публиковаться материалы на политические темы, в том числе статьи Маяра, воззвания венских словенцев и т. д. Идею Объединенной Словении консерваторы сначала восприняли настороженно, долгое время избегали высказываться о ней. Стремления их ограничивались просьбами к императору расширить права родного языка в словенских землях, преподавать его наравне с немецким, открыть в Любляне университет. Такие пожелания были высказаны в петиции, принятой крайним сословным собранием (большинство в котором составляли немцы) 6 апреля 1848 г., и встретили поддержку Блейвейса и его сторонников¹¹. О том, чтобы словенский язык стал официальным в словенских землях, а тем более о создании Объединенной Словении, там не было ни слова. Пожелания эти были очень умеренны, учитывали реальные возможности осуществления национальных требований словенцев — стремление расширить права словенского языка, развивать словенское образование и культуру не вызывало протеста, в начале революции его склонны были поддержать и многие немецкие либералы.

В начале апреля 1848 г. в Вену отправилась делегация из Крайны во главе с Я. Блейвейсом для передачи императору петиции крайних сословий. В своем сообщении об итогах этой поездки Блейвейс впервые упомянул на страницах «Новиц» об идее Объединенной Словении. Описывая встречи крайней делегации с венскими словенцами, он отметил, что среди словенских патриотов не было единого мнения о путях развития словенского народа. Некоторые «искренние патриоты» предложили объединить словенские земли, другие же, более практические (среди них

Ф. Миклошич, М. Доленц и сам Блейвейс), сочли это преждевременным. Позицию последних поддержал в беседе с крайнскими делегатами австрийский эрцгерцог Иоганн, сказав, что для осуществления идеи объединения словенских земель необходимо, чтобы она исходила не только от «некоторых искренних патриотов», но являлась бы «единым гласом» всех народов, которые должны вступить в этот новый союз¹². Однако по мере роста революционных настроений во всей империи и в самих словенских землях многие крайнские деятели умеренного толка примкнули к лозунгу создания Объединенной Словении. Я. Блейвейс в начале июня стал председателем словенского общества в Любляне (что, вероятно, в дальнейшем во многом обусловило довольно вялые действия этого общества, не раз подвергавшиеся критике, например, со стороны более активных либералов Штирии).

В 1848 г. был образован еще ряд словенских обществ, ставивших перед собой прежде всего культурно-просветительные задачи и не стремившихся к объединению словенских земель, — в Горице, Целовце и Триесте. В первые же недели своего существования словенские общества приступили к практическим действиям по пропаганде программы Объединенной Словении и по установлению взаимных связей. Инициативу взяли на себя венские словенцы. В письме Й. Муршцу (одному из наиболее энергичных и талантливых членов грацкого словенского общества) от 26 апреля 1848 г. Й. Хладник (заместитель председателя общества «Словения» в Вене) высказал пожелание, «чтобы все словенцы, пекущиеся о благе своего народа и отдающие свои силы делу развития словенской народности, действовали в прочном согласии»¹³.

В начале мая в словенские земли приехала из Вены депутация из 30 юристов во главе с Ф. Миклошичем. Она посетила Грац, Целье и Любляну с целью выработки единой позиции словенских национальных деятелей по вопросу о выборах в австрийский рейхстаг, а также для налаживания связей между Венским университетом и философским факультетом лицея в Любляне. Словенские патриоты провели в Любляне несколько встреч, подробности которых, к сожалению, неизвестны. Венские деятели предприняли также попытки пропагандировать свои взгляды среди крестьян.

Пребывание в Крайне делегации венского общества «Словения» насторожило губернское управление. Полиции был поручен надзор за членами венского и люблянского словенских обществ, поскольку «их деятельность могла бы спровоцировать беспорядки»¹⁴. В целом, как считало губернское управление, действия венского

общества «Словения» в Крайне не имели успеха, и сторонников своей программы им почти не удалось приобрести¹⁵. Существенного сдвига в координации деятельности словенских обществ достигнуто тогда действительно не было. В дальнейшем словенские общества пытались согласовать свои действия путем переписки, но также не слишком успешно. Так, осенью 1848 г. словенское общество в Любляне направило императору просьбу об отзыве словенских депутатов из Франкфуртского национального собрания и обратилось к другим обществам с призывом осуществить аналогичную акцию. Однако инициатива люблянцев была поддержанна только на словах¹⁶. Попытки словенских национальных обществ установить взаимные контакты были спорадическими, направленными лишь на то, чтобы в общих чертах согласовать свои шаги, задача же формирования единого национального центра не ставилась. Вопрос о необходимости создания широкой сети словенских обществ и их объединения был поставлен Маяром в статье «Союз словенских обществ» лишь в конце 1848 г., но осуществить эту идею так и не удалось¹⁷.

Уже в первые месяцы революции можно говорить об оформлении либеральной группировки в словенском национальном движении. Ею были основаны первые политические общества, выработана программа Объединенной Словении. В июле 1848 г. появились также первые печатные органы либералов — газеты «Словения» и «Цельске словенске новине» («Цельская словенская газета»). В период подъема революции либералы стояли во главе словенского национального движения. Консерваторы лишь временно примкнули к их программе. По мере спада революции консервативные настроения в словенских землях постепенно усиливались, и либералы потеряли ведущие позиции в национальном движении. Консерваторы и многие либералы практически отказались от борьбы за Объединенную Словению, а из «Новиц» к концу 1848 г. вообще исчезли упоминания о ней. Лишь некоторые наиболее активные либералы (М. Маяр, А. Эйншпиллер и др.) продолжали свою деятельность и после поражения революции. В целом словенское национальное движение в 1848 г. по своей силе и организованности значительно уступало движениям других югославян Австрийской империи (не говоря уже о чехах и поляках). В словенских землях за время революции даже не сложилось единого представительного политического органа, который бы взял на себя руководство всей национальной политикой (как, например, хорватский сабор или сербская скупщина).

Словенская национальная программа в общих чертах была разработана уже в марте–апреле 1848 г. В дальнейшем она уточнялась и дополнялась, но в основе не менялась. То, что в политическую борьбу включились прежде всего словенские деятели Вены, Штирии и Каринтии, отчасти объяснялось общим уровнем развития политической жизни: в Штирии и Каринтии (не говоря уже о Вене) он был выше, чем в значительно более провинциальной Крайне. Важно также, что Каринтия и Штирия подвергались германизации гораздо сильнее, чем Крайна, около 90% населения которой составляли словенцы. Словенские патриоты Штирии и Каринтии чувствовали угрозу своей национальности очень остро, и это во многом обусловило более активную поддержку ими лозунга объединения словенских земель. Словенцы Крайны не считали вопрос об объединении насущным, жизненно важным для себя. Все это свидетельствовало о еще значительном воздействии на умы либералов и консерваторов местных интересов, о том, что общенациональное политическое сознание словенцев находилось на начальной стадии формирования.

Программа Объединенной Словении предусматривала административное деление Австрийской монархии по этническому принципу: разрушение старых, исторически сложившихся, границ и создание новых — по национальному признаку. Наиболее радикальная программа была выдвинута М. Маяром, предлагавшим, чтобы в состав Объединенной Словении вошли помимо словенцев Штирии, Крайны, Каринтии и Приморья также словенцы, проживавшие в Венгрии (Прекмурье) и в Италии (венецианские словенцы)¹⁸. По-видимому, взгляды Маяра разделяли и некоторые другие словенские патриоты. Так, О. Цаф в письме к Й. Муршцу указывал на необходимость и справедливость создания «полной Словении», включающей и венгерских словенцев¹⁹.

Существовали и другие точки зрения. Так, в ходе дебатов, проходивших в австрийском рейхстаге и его конституционной комиссии осенью 1848 — зимой 1848/1849 гг., свою программу выдвинул словенский либерал из Крайны М. Кавич. Согласно его проекту нового территориально-административного устройства Австрийской монархии, в состав Словении должны были войти словенская часть Штирии, Крайна и словенское Приморье, Каринтию же Кавич предлагал объединить с немецкой Штирией²⁰. Это предложение поддержал также один из активнейших членов грацского словенского общества Й. Крайниц, считавший невозможным раздел Каринтии²¹. Проект Кавича был непосле-

дователен, так как основывался частично на естественном праве. Значительно более последовательно этнический принцип построения Австрийской монархии проводили чех Ф. Палацкий и серб из Хорватии О. Острожинский (проект которого был поддержан членами люблянского словенского общества), выступившие за включение Каринтии в состав словенских земель²². У словенских патриотов Каринтии предложение Кавчича вызвало резкий отпор. А. Эйншпиллер распространял между каринтийскими словенцами свою статью из газеты «Словения», где предусматривался раздел Каринтии на словенский и немецкий округа, причем точно указывалось, где следует проводить границу²³. Но в целом местный патриотизм диктовал жителям Каринтии стремление сохранить свою «коронную землю». В августе 1848 г. каринтийский ландтаг принял резолюцию с требованием создания не Объединенной Словении, а автономной административной единицы в Нижней Каринтии²⁴.

По существу, лишь незначительная часть словенцев стремилась в 1848 г. к созданию Объединенной Словении. Большинство в то время еще не проявляло интереса к национальному вопросу, ряд национальных деятелей выступил за создание административной единицы Словении при сохранении старых провинций. Существовал проект, содержавший в себе элементы будущей программы культурно-национальной автономии: так, юрист Ю. Левичник выступил за чисто духовное объединение словенцев — путем создания академии охраны народности и развития языка²⁵.

Программа Объединенной Словении, в сущности, была близка хорватской программе создания Триединого королевства — Хорватии, Славонии и Далмации — или сербской программе образования Сербской Воеводины. Все эти программы ставили задачу полной или хотя бы частичной ликвидации административно-политической раздробленности этнически однородных земель, создания условий для быстрейшего социально-экономического, политического и культурного развития своего народа. Программы хорватов и сербов, национальные движения которых находились на более высоком уровне развития, чем у словенцев, были разработаны намного детальнее. Программа Объединенной Словении явилась первой национальной программой в истории Австрийской империи, основанной исключительно на этническом принципе²⁶, наиболее полно выражавшем интересы буржуазного развития нации. Программа хорватов базировалась на историческом праве; на императорские «привилегии» конца

XVIII в. ссылались и сербы. Правда, «государственное право» служило хорватам и сербам аргументом для отстаивания современных национальных требований; кроме того, у хорватов была и программа объединения всех югославянских земель империи, основанная на этническом принципе.

Как и большинство славянских деятелей в 1848 г., словенские политики стояли на позициях австрославизма. Осуществление программы Объединенной Словении мыслилось ими исключительно в рамках Австрийской империи, преобразованной в федерацию равноправных народов. «Если бы Австрийской монархии еще не было, мы бы основали ее заново», — повторил в несколько вольном изложении М. Маяр слова лидера чешских либералов Ф. Палацкого²⁷. То было общим мнением словенских либералов и в 1848 г., и еще долгие годы. Они полагали, что при установлении национального равноправия славяне, составлявшие большинство населения Австрийской монархии, будут играть в ней решающую роль. В экономическом плане австрославизм был обусловлен неразвитостью и слабостью словенской буржуазии, ее потребностью в общеавстрийском рынке, в сохранении торгово-экономических связей внутри империи.

Согласно распространенному тогда в Европе мнению, жизнеспособным являлось только крупное государство, маленький народ не мог существовать самостоятельно. Словенцы того времени были не в состоянии представить создание Объединенной Словении вне рамок сильной Австрийской монархии. «Для нас сейчас существование Австрийской империи значит гораздо больше, чем Словения, если существует первая, будет жить и вторая», — писал в марте 1848 г. М. Водушек Й. Муршецу²⁸. Другой словенский политик, Х. Мартиньяк, в статье «Австрия и словенцы» утверждал, что словенский народ слишком мал и почти уничтожен страшными тисками, сдавливавшими его веками, а потому «невозможно представить себе его полностью самостоятельное национальное развитие вне империи»²⁹. Подобные высказывания неоднократно имели место.

Все свои надежды либеральные и консервативные словенские деятели возлагали на императора и правительство. «Мы с радостным сердцем и мирно ожидаем милостей, которые получим в новых законах», — писал Блейвейс в «Новицах», сообщая о начавшейся в Вене революции³⁰. Тот же призыв к мирному ожиданию содержался в возваниях венского общества «Словения» и ряде других документов. Слова О. Цафа: «Если нам правительство не поможет, из болота нас не вытянет, то, поскольку мы слиш-

ком разобщены, слабы и забиты, сами мы себе не поможем»³¹ — хорошо отражают настроение большинства словенских политиков. Позиции безоговорочного сохранения лояльности империи и династии Габсбургов они придерживались на всем протяжении революции. Все же иногда прорывались сомнения в правильности выбранного пути. Так, в конце лета 1848 г. в газете «Словения» была напечатана статья за подписью «Радослав», в которой прозвучали горькие слова: «Мы имеем свободу, но только на бумаге. Другие народы с оружием в руках пришли требовать от императора новых прав, и они их получат. Мы шли законным путем. Будем ли мы молчать, коль наши справедливые просьбы не будут выполнены?»³² Здесь можно усмотреть робкий призыв к более решительной борьбе за права своей национальности, но был он, по-видимому, единичным явлением и отклика у словенской общественности не нашел.

Любые действия, представлявшие угрозу сохранению Австрийской империи или могущие привести к ее ослаблению, воспринимались словенскими национальными деятелями с осуждением. Большую тревогу вызывали у них прежде всего планы объединения Германии, так как предполагалось, что в ее состав войдут также словенские земли. Уже в апреле 1848 г., когда встал вопрос о проведении в Австрии выборов во Франкфуртское национальное собрание, многие словенские либералы развернули энергичную агитацию, призывая к бойкоту выборов. Особую активность при этом проявили члены венского общества «Словения». В полемике с немецким либералом из Крайны графом А. Ауэрспергом (поэтический псевдоним — А. Грюн), сторонником объединения Германии, они высказали общее для ряда словенских либералов опасение, что немецкое большинство во Франкфурте «своими решениями может сильно урезать политическую независимость Австрийской империи», что в случае ее вхождения в единую Германию национальное существование австрийских народов окажется под угрозой³³. Словенские либералы в Вене не подчинились решению австрийского правительства об участии в выборах во Франкфуртское национальное собрание, но большинство консерваторов и некоторые либералы, хотя и без особого воодушевления, все же приняли участие в выборах. Однако постепенно и их отношение к деятельности франкфуртского парламента становилось все более отрицательным. Так, в ноябре 1848 г. словенское общество в Любляне обратилось к императору с просьбой отзвать австрийских депутатов из Франкфурта³⁴.

В то же время сама идея объединения Германии поначалу была воспринята положительно рядом словенских либералов (и среди них такими видными политиками, как М. Амброж, М. Кавчич, К. Лаврич). Еще весной 1848 г. многие словенские патриоты надеялись на то, что немецкие революционеры поддержат национальные требования славянских народов. Венское общество «Словения» выразило готовность развивать добрососедские связи с Германией, установить с ней тесный союз при условии полного сохранения самостоятельности Австрийского государства³⁵. Подобные мысли неоднократно высказывались и на страницах словенских газет³⁶.

В первые месяцы революции словенские деятели призывали к дружбе и братству также и австрийских немцев, подчеркивая, что не хотят враждовать с ними, а стремятся лишь к достижению национального равноправия³⁷. Чтобы склонить немцев к признанию прав словенского народа, они шли на некоторые уступки в смысле смягчения своих национальных требований. Так, Маяр в статье «Славяне и немцы» выказал готовность именовать объединенные словенские земли «Иллирией», а не «Словенией», полагая, что это название придется больше по душе немцам³⁸. Чтобы заручиться их поддержкой, Блейвейс в речи на заседании люблянского словенского общества 8 июня отказался от радикальных национальных требований, вновь выдвинув более узкую программу расширения прав словенского языка, которой он придерживался вначале³⁹.

Словенские политики постоянно подчеркивали, что не желают отделения от Австрии. Однако роспуск Славянского съезда, разгром Пражского восстания нанесли удар по иллюзиям словенцев (как и других австрийских славян) относительно возможности сотрудничества с немцами. Дружеские чувства постепенно перерастали во враждебность. Все чаще в словенских газетах стали появляться статьи, обвинявшие немцев в тирании, в желании держать славян в положении рабов. После октябрьского восстания в Вене словенские газеты не называли немецких революционеров иначе как бунтарями и предателями. Град оскорблений и упреков обрушили они на словенских депутатов рейхстага, оставшихся в Вене во время восстания. Словенцы сразу отмежевались от восставшей Вены, заявив о преданности императору. Словенская печать призывала народ осторегаться «подстрекателей», пытавшихся организовать поддержку венцам. О походе Й. Елаича и А. Виндишгреца на Вену и о взятии города писали с ликованием, победы хорватского бана воспринимались как побе-

да всего славянства, как первый шаг на пути к свободе и могуществу славянских народов в Австрии. Высказывания либеральной газеты «Цельске новине» были полны оптимизма: «Славянство одержало славную победу под Веной, и надо надеяться, что славяне победят также и взбунтовавшихся венгров»⁴⁰.

Отношение словенцев к венгерским революционерам также складывалось постепенно и изменялось по ходу развития событий в империи. Видя упорное нежелание венгров считаться с национальными правами хорватов и сербов, словенцы сначала испытывали недоумение, переросшее впоследствии во враждебность. Так, с глубоким возмущением и болью писали словенские газеты о венгерской политике в Воеводине, в частности об освобождении сербской православной церкви в Фелдваре⁴¹. Подготовку и начало похода хорватского бана Елаича против венгерской революции они встретили с воодушевлением. В августе 1848 г. в словенских землях проводился сбор денег для хорватского войска, словенцы даже выражали готовность выступить с оружием в руках на помощь хорватам в этой войне, считая, что «если они падут, падет славянство»⁴². Лишь некоторые словенские либералы (например, Амброж) после начала войны хорватов с венграми стали считать бана Елаича реакционером, поддерживая в этом вопросе немецких левых.

Причина все возраставшей враждебности словенских политиков по отношению к немцам и венграм крылась не только в том, что словенских либералов и консерваторов отпугивали революционные действия — отдельные либералы их приветствовали, часть словенских депутатов рейхстага во время октябрьского восстания в Вене поддержала восставших. Словенцев, как и других австрийских славян, оттолкнул национализм немецких и венгерских революционеров, их нежелание считаться с национальными требованиями славянских народов. При этом в словенских газетах того времени, как правило, не проводилась грань между немецкими либералами и демократами, для словенцев все они были прежде всего сторонниками Франкфурта и врагами славян.

Отицательное отношение распространялось и на национально-освободительные и объединительные движения итальянцев и поляков; оно было обусловлено желанием сохранить целостность Австрийской монархии. Словенские идеологи осуждали стремление к восстановлению Польского государства, так как, во-первых, это привело бы к отторжению Галиции от империи и, во-вторых, как опасались члены венского общества «Словения», на границе Австрийской империи возникло бы еще одно, наряду

с Россией, сильное и недружественное государство. По тем же причинам словенцы возражали и против отделения Ломбардии от монархии Габсбургов⁴³. Поляки вызывали у них особое негодование, так как не желали воспользоваться преимуществами обещанной Габсбургами национальной свободы, стремились к созданию собственного государства в ущерб единству всех австрийских славян, а кроме того, тяготели к республиканской форме правления⁴⁴.

Если весной 1848 г. словенские либералы выступали за сохранение в составе монархии всех народов и налаживание между ними дружеских контактов, то уже летом Маяр выдвинул идею создания славянской Австрии (без немцев, венгров и итальянцев). Речь шла о конституционной монархии под эгидой Габсбургов, в которую входили бы Словения, Хорватия, Славония, Далмация, Сербская Воеводина, Чехия, Галиция, Владимирия, Моравия с венгерскими славянами (т. е. Словакия)⁴⁵. Осенью 1848 г., когда отпал вопрос о включении австрийских немцев в будущую Объединенную Германию, Маяр уже исходил из того, что империя будет состоять из пяти разных «народностей», объединенных в отдельные провинции: славян, немцев, венгров, румын и итальянцев. Маяр предложил подробную и конкретную программу проведения новых внутренних границ империи по этническому принципу, строгого разграничения функций центрального правительства (внешняя политика, финансы, армия, торговля) и автономной власти каждой национальной единицы. Важнейшие вопросы политической жизни подлежали бы ведению общеавстрийского рейхстага. Сходные планы будущего государственного устройства Австрии выдвигались осенью и другими национальными деятелями Словении. В новой программе Маяра центральной являлась мысль о том, что все славянские народы Австрии должны выступить как единый народ по отношению к остальным народам империи, что только единство поможет им защитить национальные права⁴⁶.

Идея единства славянских народов Австрии, получившая наиболее полное выражение в этом проекте Маяра, содержалась почти во всех программных документах словенских либералов в 1848 г. и получила широкую поддержку словенской общественности. «Нет больше различий между крайнцем и штирийцем, хорватом и чехом, все мы братья, славянские братья по крови, языку и вере», — провозглашалось в одном из первых номеров газеты «Словения»⁴⁷.

В основе австрославистской идеологии (которой придерживались и словенцы) лежало стремление представителей формиру-

ющихся наций найти опору и поддержку среди братских славянских народов, разделявших их судьбу, достичь политического веса в преобразованной на федеративной основе конституционной монархии. Если до начала революции тенденция к сплочению славянских народов проявлялась в основном на культурно-просветительской почве, то уже весной 1848 г. славяне Австрии осознали необходимость разработки совместных политических требований.

Созванный в Праге в начале июня 1848 г. Славянский съезд определил в основных чертах австрославистскую программу славянских политиков Австрийской монархии. В составленном съездом послании императору, кроме общих формулировок о реорганизации империи, перечислялись также требования отдельных народов, а среди них и программа Объединенной Словении. Незначительное число словенских представителей на съезде (три человека) объясняется как недостаточной политической развитостью словенцев, так и наличием различных организационных и финансовых проблем. Однако словенские национальные деятели внимательно следили за работой съезда: материалы его, в том числе выступление Ф. Палацкого, были опубликованы в словенской печати⁴⁸. Роспуск Славянского съезда тяжело переживался словенскими патриотами, не раз высказывавшими надежды на то, что дело его будет продолжено и завершено⁴⁹.

Составной частью национально-политических программ сербских, хорватских, словенских либералов в 1848 г. была идея создания югославянской федерации в рамках Австрийской империи. Наиболее полно она была разработана хорватами, выдвинувшими принцип равноправного политического союза южных славян Австрии⁵⁰. Идею создания югославянской федерации развел летом 1848 г. в статье «Славянское согласие» М. Маяр⁵¹, поддерживали ее и некоторые другие словенские либералы, в основном из числа бывших сторонников иллиризма. Так, стремление к союзу и искренней дружбе с воеводинскими сербами и хорватами высказали в мае 1848 г. некоторые каринтийские словенцы в приветственном послании сербской скупщине, начавшей работу в городе Сремски-Карловцы⁵². Штирийский либерал С. Кочевар принял участие в заседаниях хорватского сабора, выступив там за прочный союз южных славян Австрийской империи и назвав хорватов «копорой югославянства»⁵³. Планы образования югославянского союза активно обсуждали члены венского общества «Словения» и находившиеся в Вене весной 1848 г. хорватские либералы (делегация, посланная в Вену для передачи императору

хорватских требований). Летом 1848 г. словенские депутаты, приехавшие в Вену для участия в деятельности австрийского рейхстага, праздновали братание с депутатами хорватского сабора и впоследствии часто встречались с ними. Вообще в 1848 г. с хорватами и их баном Елаичем словенские национальные деятели связывали большие надежды на победу славян в Австрийской монархии.

Союз с хорватами и воеводинскими сербами мыслился прежде всего как укрепление дружеских контактов, взаимопомощи, как федеративная связь, но ни в коем случае не как полное объединение. Так, когда хорватские либералы, группировавшиеся вокруг газеты «Славенский юг» («Славянский юг»), обратились к словенцам с предложением послать делегатов на переговоры с сербами и хорватами по вопросу об определении основ будущего югославянского союза, словенские либералы высказались в поддержку предложения с оговоркой, что в этом союзе словенцы должны сохранить свой язык и обычай, а не раствориться в хорватском народе. Первостепенной задачей для еще не окрепшей словенской нации было объединиться, укрепить свои основы; союз с более развитой хорватской нацией мог неблагоприятно сказаться на ее собственном развитии. Это понимали многие словенские либералы. Так, преподаватель люблянского лицея Х. Мартињак писал: «Мы любим иллиров и хорватов как родных братьев, но при союзе с ними наша словенская народность была бы поглощена более сильной, иллирской»⁵⁴.

Словенские консерваторы идею создания югославянской федерации в рамках Австрийской империи не поддержали. Вообще в 1848 г. она получила незначительное распространение в словенских землях. Словенцы ориентировались преимущественно на австрославизм, находясь под влиянием программы лидера чешских либералов Ф. Палацкого. Объясняется это во многом и тем, что, при всем различии уровней экономического, политического и культурного развития чешских и словенских земель, по своему положению в империи Габсбургов словенцы были ближе к чехам, нежели к сербам и хорватам, входившим в состав земель венгерской короны.

Тем не менее наряду с планами образования югославянской федерации в 1848 г. возникла также мысль о создании более широкого южнославянского союза, в который входили бы и турецкие славяне. Эту идею выдвинул в июле один из наиболее деятельных молодых словенских либералов Й. Крайнц в статье «Славяно-немецкие отношения». По мнению Крайнца, новая,

преобразованная на конституционных началах славянская Австрия, где будет обеспечен расцвет каждой из национальностей, пробудит страдающих под турецким игом славян, и те, с помощью своих австрийских братьев, «разобьют постыдные цепи и поспешат... в лоно Австрии, которая даст им свободу»⁵⁵. Идея объединения турецких славян (прежде всего сербов, о болгарах словенские газеты почти не писали) под властью Австрийской монархии, по-видимому, очень импонировала словенским либералам. В их наиболее крупной газете «Словения» время от времени появлялись статьи на эту тему. В одной из них предлагалось объединить все славянские народы Австрии и Турции в рамках Австрийской империи, поскольку они слишком малы и не могут создать самостоятельные государства⁵⁶. В другой статье, перепечатанной из польской «Газеты повседневной» («Всеобщей газеты»), говорилось об образовании под властью Габсбургской династии югославянского государства, в которое входили бы также все турецкие славяне⁵⁷.

Если у ряда хорватских либералов в 1848 г. зародилась мысль о создании независимого южнославянского государства, главные позиции в котором займет Сербия, то среди словенских деятелей эта идея распространения не получила. В зачаточной форме она, пожалуй, промелькнула лишь в статье некоего Шкребе, опубликованной в «Цельских словенских новинах» в октябре 1848 г., в период наибольшего обострения словенско-немецких отношений в связи с октябрьским восстанием в Вене. Шкребе писал, что в случае падения Австрийской империи по вине немцев словенцы «от севера повернутся к югу и будут ориентироваться на южных братьев»⁵⁸.

Крайне скучны в словенской прессе были сообщения о России. К Российскому государству словенцы в 1848 г. относились настороженно, опасаясь его гегемонистских планов. Словенские либералы не исключали, что австрийским народам придется воевать с Россией, чтобы сохранить Австрийскую монархию⁵⁹. Они опровергали предъявлявшиеся им немцами обвинения в русофильстве и панславизме, в стремлении объединить все славянские народы в одно государство под властью России. Россию словенские, равно как и другие славянские либералы считали «рабским» государством, выражали русскому народу сочувствие и надежду, что и над ним «воссияет когда-нибудь солнце свободы»⁶⁰. В словенской национальной программе 1848 г. ориентация на Россию отсутствовала.

Словенские консерваторы в 1848 г. лишь частично приняли национальную программу, разработанную либералами. Не сразу поддержали они программу Объединенной Словении, по мере спада революции постепенно отказавшись от борьбы за ее осуществление. Выдвинутые некоторыми либералами идеи создания югославянского союза и всеславянской федерации под эгидой Габсбургов также не вызвали у них отклика. Однако и консерваторы и либералы были едины в своем стремлении сохранить Австрийскую монархию, в лояльном отношении к правительству и неприятии революционной борьбы немецкого и венгерского народов. О каком-либо ярко выраженном противостоянии, борьбе между либеральной и консервативной группировками в словенском национальном движении 1848 г. говорить трудно. Причиной этого, вероятно, была незрелость либерального течения в Словении, находившегося на начальной стадии формирования. В период наступления реакции словенские либералы отказались от активной борьбы за национальные права словенцев. Поражение революции подорвало силы либеральной группировки, на значительное время закрепило преобладание консервативного направления в словенском национальном движении.

Словенскую национальную программу в 1848 г. приняла очень незначительная часть словенского общества. Как справедливо отмечает словенский историк С. Гранда, эта программа была «слишком радикальна для того времени» и «в целом приемлема только для словенцев»⁶¹. Действительно, воплощение в жизнь идеи создания Объединенной Словении в качестве отдельной провинции Австрийской империи было бы делом крайне затруднительным, потребовавшим бы перекраивания исторически сложившихся границ, т. е. практически неосуществимым. Поддержки властей и других национальностей, проживавших на территории этих провинций, эта идея встретить не могла.

Крестьяне, составлявшие около 90% населения словенских земель, остались равнодушны к национальной программе, поскольку ее авторы не связывали осуществление национальных планов с исполнением крестьянских требований отмены феодальных повинностей без выкупа. Крестьянское и национальное движения в Словении в 1848 г. развивались обособленно. И все же создание политической программы явилось крупным достижением словенского национального движения периода революции, свидетельством того, что оно поднялось на новую ступень развития, перешло от просветительства к политической борьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Kmetijske in rokodeljske novice» (далее — «Novice»). Ljubljana. 29.III 1848.
- ² Čurkina I. V. Matija Majar-Ziljski // «Razprave». Ljubljana. 2.VIII. 1974. S. 22.
- ³ «Novice». 19.IV 1848.
- ⁴ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana, 1966. S. 101.
- ⁵ «Novice». 12.IV 1848.
- ⁶ Aueršperg A. Iz zapuščine. Mapa 3. 1848. — Rokopisna zbirka Narodne univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее — RZ NUK). St. F. 310/3.
- ⁷ Цит. по кн.: *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 102.
- ⁸ Ilеšič F. Korespondenca dr. J. Muršca // Zbornik Matice Slovenske. Ljubljana, 1905. S. 132–134.
- ⁹ Ibid. S. 45–84.
- ¹⁰ Ibid. S. 89.
- ¹¹ «Novice». 12.IV 1848.
- ¹² «Novice». 19.IV.
- ¹³ Hladnik Muršcu (26.IV.1848) // Ilеšič F. Korespondenca... S. 132–134.
- ¹⁴ Arhiv Republike Slovenije (далее — ARS), Deželjno predsedstvo 1848. Spis 1097.
- ¹⁵ Ibid. Spis 1305.
- ¹⁶ ARS. Slovensko društvo. Dopisi 1848 leta.
- ¹⁷ «Slovenija». Ljubljana. 12.XII, 15.XII 1848.
- ¹⁸ «Slovenija». 25.VIII 1848.
- ¹⁹ Ilеšič F. Op. cit. S. 100.
- ²⁰ Springer A. Protokolle des Vervassungs-Ausschusses im Oesterreichischen Reichstage 1848–1849. Leipzig, 1885. S. 23–24.
- ²¹ Ibid. S. 37.
- ²² «Slovenija». 14, 17, 28.XI 1848.
- ²³ «Slovenija». 22.VII 1848.
- ²⁴ Burian P. Die Nationalitäten in Cisleithanien und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz, 1962. S. 132. На этот факт мне любезно указал Т. М. Исламов.
- ²⁵ «Leibacher Zeitung». Ljubljana. 30.V 1848.
- ²⁶ Kann R. A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz; Köln, 1964. Bd. 1. S. 304.
- ²⁷ «Slovenija». 12.XII 1848.
- ²⁸ Ilеšič F. Op. cit. S. 62–63.
- ²⁹ «Slovenija». 15.VIII 1848.
- ³⁰ «Novice». 22.III 1848.
- ³¹ Цит. по кн.: Ilеšič F. Op. cit. S. 102.
- ³² «Slovenija». 18.VIII 1848.

- ³³ Offenes Sendschreiben des Vereines «Slovenija» in Wien an herrn A. Grafen v. Auersperg (Anastasius Grün), Wien, 30. April 1848 // *Aueršperg A.* Op. cit. RZ NUK. St. F. 310/3.
- ³⁴ Гос. публ. библиотека. Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Ф. 979.
- ³⁵ Offenes Sendschreiben....
- ³⁶ Например, см.: «Novice». 17.V 1848.
- ³⁷ «Novice». 29.III 1848.
- ³⁸ «Slovenija». 18.VII 1848.
- ³⁹ «Novice». 24.V, 28.VI 1848.
- ⁴⁰ «Celjske novine». Celje. 13, 22.XI 1848.
- ⁴¹ «Novice». 30.VIII 1848.
- ⁴² «Slovenija». 17.X 1848.
- ⁴³ Offenes Sendschreiben...
- ⁴⁴ «Slovenija». 18.VII, 6.X, 7.XI 1848.
- ⁴⁵ «Slovenija». 15, 18.VIII 1848.
- ⁴⁶ «Slovenija». 26.XII 1848.
- ⁴⁷ «Slovenija». 14.VII 1848.
- ⁴⁸ «Slovenija». 14, 21, 25.VII 1848.
- ⁴⁹ «Slovenija». 25.VII, 25.VIII 1848.
- ⁵⁰ *Korunić P.* Jugoslavenska ideja u hrvatskoj i slovenskoj politici za revolucije 1848–1849 g. // Radovi. Zagreb, 1981. V. 14 (1). S. 221–222.
- ⁵¹ «Slovenija». 22.VIII 1848.
- ⁵² *Čurkina I. V.* Op. cit. S. 100.
- ⁵³ Цит. по кн.: *Bogdanov V.* Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49. Zagreb, 1949. S. 216.
- ⁵⁴ «Slovenija». 22.VIII 1848.
- ⁵⁵ «Slovenija». 11.VII 1848.
- ⁵⁶ «Slovenija». 4.VIII 1848.
- ⁵⁷ «Slovenija». 20.X 1848.
- ⁵⁸ «Celjske slovenske novine». 18.X 1848.
- ⁵⁹ Offenes Sendschreiben...
- ⁶⁰ «Slovenija». 11.VII, 12.XII 1848.
- ⁶¹ *Granda S.* Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo Mesto, 1995. S. 463, 464.

VIII. ХОРВАТЫ И СЕРБЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг.

1. Сербы и хорваты между венгерским парламентом и венским двором

Хорваты и сербы* жили в южных областях Австрийской империи. Хорваты попали под власть Габсбургов в 1527 г., к середине XIX в. они населяли провинции Хорватию и Славонию, входившие в состав земель короны св. Стефана, и Далмацию, присоединенную к коронным землям Габсбургов в 1797 г. Сербское население занимало территорию в Венгерском королевстве, часть которой называлась Провинциалом, там существовало гражданское управление, подчинявшееся Пешту. Но почти половина австрийских сербов были жителями Военной Границы, которая находилась под непосредственным управлением Вены. Сербы жили также в Хорватии, Славонии, Далмации, составляя там от 1/5 до 1/4 населения. В свою очередь, много хорватов проживало на Военной Границе. Таким образом, сербское и хорватское население в значительной степени было перемешано, особенно на Военной Границе, в Славонии и Далмации.

У хорватов имелось собственное дворянство, которое со времен Средневековья обладало особыми муниципальными правами в рамках венгерской, а затем австрийской феодальной системы. Во главе Хорватии и Славонии стоял бан, назначавшийся императором, у них было собственное сословное собрание — сабор, состоявший из представителей дворянства, высшего духовенства и королевских городов. Сабор обладал правом вотирования налогом, разрешения набора рекрутов, он обсуждал проекты законов и посыпал своих представителей в венгерское государственное собрание. В конце XVIII в., когда венгры попытались объявить государственным языком Хорватии и Славонии венгерский язык вместо латыни, хорватское дворянство решительно этому воспротивилось. Борьба за родной язык, хотя она велась хорватским дворянством в рамках отстаивания его муниципальных прав, в первой половине XIX в. приобрела характер национальной борьбы.

* О национальном движении хорватов и сербов см. также гл. IV данной книги.

бы. Такой же характер носило и требование хорватских феодалов объединить Хорватию, Славонию и Далмацию в Триединое королевство.

Наряду с дворянским движением в защиту муниципальных прав в хорватских землях начало развиваться национальное движение, связанное с европейским Просвещением. Его носителем была хорватская образованная элита, вышедшая из духовенства, горожан, дворян. В 30-е гг. XIX в. произошло сближение двух ветвей национального движения — дворянской и просветительской. В результате возникло иллирское течение, оказавшее значительное влияние на создание не только хорватских политических программ, но и политических программ сербов.

Сторонники иллиризма, или иллиры, считали, что все южные славяне (словенцы, хорваты, сербы, болгары и др.) являются единым народом — иллирами, с единственным языком и культурой. Создание общего иллирского литературного языка и стало на первом этапе главной задачей иллиров и их лидера Л. Гая. Благодаря их деятельности за основу иллирского языка было принято штокавское наречие сербохорватского языка. Развиваясь сначала как чисто культурное течение, иллиризм вскоре приобрел политическое звучание. Иллиры объявили своею целью создание Триединого королевства с широкими автономными правами. Накануне революции 1848 г. Гай вел в Белграде переговоры с сербским королем Александром Карагеоргиевичем о необходимости вхождения хорватских земель в так называемое Душаново царство*, о восстановлении которого мечтали сербские политики. Но Гай в этом вопросе имел немного сторонников среди хорватских иллиров, для большинства из которых политические мечтания не выходили за рамки Габсбургской монархии. Венские власти отрицательно относились к иллирскому движению. В 1843–1845 гг. они запретили употреблять само название «иллир». Но деятельность иллиров не прекратилась, и в 1847 г. хорватский сabor при их активном участии провозгласил официальным языком Хорватии и Славонии хорватский язык.

Сербское национальное движение в габсбургских землях развивалось иначе. Основная масса сербов появилась в Австрии в конце XVII в.: они бежали из сербских земель, находившихся под властью Турции, после австро-турецкой войны, в которой сербы приняли участие на стороне Габсбургов. Император Леопольд I в

* «Царство Душана» — средневековое государство, включавшее сербские и частично болгарские и греческие земли.

1690 г. предоставил сербам привилегии, дав им не только свободу вероисповедания и церковную автономию, но и некоторые элементы административной автономии. Сербы могли созывать церковный сабор, где собирались высшие церковные иерархи, представители городов, сербского офицерства из Военной Границы. На саборе избирался митрополит, который был фактически не только духовным, но и политическим лидером сербов. Центром его деятельности был город Сремски-Карловци. Митрополит и православный клир распоряжались финансами средствами церкви, руководили сербскими школами. До 70-х гг. XVIII в. они обладали и некоторыми судебными правами. Церковь являлась хранительницей культуры и исторических традиций сербов. Их интеллигенция происходила по преимуществу из духовных кругов. Выходцами из этой среды являлись и крупнейший сербский просветитель Д. Обрадович, и основоположник новой сербской историографии Й. Раич. Политические идеи во многом благодаря православной церкви сохранялись в сербском образованном обществе. На Темешварском саборе 1797 г. большинство депутатов обратилось к императору с ходатайством о создании особой административной области сербов с собственным управлением во главе с деспотом, назначенным из числа австрийских эрцгерцогов. Таким образом, церковную автономию сербы желали дополнить территориальной. Предполагаемую сербскую административную единицу они назвали Воеводиной.

Восстание сербов в Белградском пашалыке Османской империи в 1804 г. способствовало более активному развитию политической мысли в образованных кругах австрийских сербов, которые практически и стали идеологами повстанческого движения. Карловачкий митрополит Стефан Стратимирович предложил российскому правительству план создания на Балканах Славяно-сербского государства во главе с представителем династии Романовых. Это государство должно было включать не только православных сербов, проживавших в Османской империи, но и австрийских сербов. В подобном духе были составлены и предложения другого сербского иерарха, епископа Бачки Йована Йовановича, направленные в Петербург приблизительно в то же время, что и проект Стратимировича¹. Создание автономного княжества Сербии после Второго Сербского восстания в 1815 г. стало оказывать определяющее влияние на развитие сербской политической мысли в Австрии.

В первой половине XIX в. в сербской культуре все большую роль стала играть светская струя. В 1826 г. была создана Серб-

ская матица — национальное издательство, способствовавшее развитию светской сербской литературы. В Вене активно действовал В. Караджич, лингвист, этнограф, историк. Он стал реформатором сербского литературного языка, положив в его основу штокавское наречие, на котором говорило большинство сербского и хорватского населения. Иллирские идеи воспринимались горячо теми сербами, которые проживали в Хорватии, Славонии и Далмации. В Воеводине они имели значительно меньше сторонников: здесь в подавляющем большинстве сербские патриоты были ориентированы на Сербию, стремясь к созданию единого сербского государства и развитию единой сербской культуры.

Накануне революции 1848 г. в землях венгерской короны обострились национальные отношения. Поводом к этому послужило принятное в 1847 г. венгерским парламентом решение о провозглашении венгерского языка официальным. Признавались некоторые права только для хорватского языка в собственно Хорватии. Что же касается сербов, то даже записи в церковных книгах они должны были делать на венгерском языке². Все это усилило национальную напряженность в Венгерском королевстве.

В Австрии, так же как и в других странах Центральной Европы, главными задачами революции являлись уничтожение феодального строя и решение национального вопроса. Первая задача была решена благодаря тому, что революционные силы всех народов Австрии выступили единым фронтом. 15 марта 1848 г. венгерские радикалы сформулировали демократические требования (отмена феодальных повинностей, равенство всех граждан перед законом, свобода печати и собраний и т. д.), которые в целом были приняты венгерским Государственным собранием. 22 марта в Загребе хорватские национальные деятели провозгласили декларацию «Народные требования», полностью повторявшую пештскую декларацию 15 марта³.

Тогда же появились «Пожелания сербского народа». Они были составлены молодыми сербами, группировавшимися вокруг Сербской матицы в Пеште (И. Джорджевич, Л. Маркович, Я. Игнатович, Й. Суботич и другие), и принятые на собрании пештских сербов 17–19 марта. В документе признавалось, что венгерский язык является главным в Венгерском королевстве, но наряду с этим выдвигалось требование признать существование в Венгрии сербской нации и права сербов употреблять свой язык в национальных делах, занимать высшие должности в администрации и судах, ежегодно созывать свое представительное собрание — Народную скупщину. В «Пожеланиях» подчеркивалась необхо-

димость введения свободы вероисповедания. Вопрос о создании особой административной сербской единицы не поднимался, документ заканчивался выражением верности Габсбургам и братской любви к венграм. Самый крупный сербский город Нови-Сад полностью поддержал программу пештских сербов. Собрания горожан (скупщины), проходившие в конце марта в городах Вуковар, Вршац, Панчево, Земун и других, приветствовали решения венгерского парламента, солидаризировались с действиями венгерских либералов. На первых порах лояльно держался по отношению к венграм и карловацийский митрополит Й. Раич. Вместе с известным деятелем Сербской митрополии Й. Хаджичем-Светичем он поехал сначала в Вену, а затем в Пожонь (Братислава, Пресбург), с просьбой разрешить собрать церковный собор в Сремски-Карловцах. Однако и венские, и пештские власти оставили эту просьбу без внимания⁴.

Таким образом, сербы и хорваты совместно с венграми выступали за ликвидацию феодальных повинностей и демократизацию общественного строя Австрийской монархии, на этой почве между ними не возникло разногласий. По-другому сложилось положение с национальным вопросом. Немецкие либеральные и радикальные политики выступали за уничтожение Австрийского государства и за включение коронных земель Габсбургов, куда, помимо немецких, входили словенские и чешские территории, в состав будущей Объединенной Германии. Венгры также считали необходимым разрушить Австрийскую империю, при разделе которой они предполагали создать свое государство на базе земель короны св. Стефана, где кроме венгров жили румыны, словаки, сербы, хорваты, русины. Таким образом, и немцы, и венгры мечтали об образовании не однонациональных государств, а государств многонациональных. Национальные программы венгров и немцев не устраивали югославянские народы Австрийской империи. Они не без оснований опасались, что в новых государственных образованиях будут испытывать еще больший национальный гнет. В противовес немецкой и венгерской национальным программам, югославяне, как и представители других славянских народов Австрии, выдвинули свои требования, которые должны были обеспечить им их национальные права. Ни сербы, ни хорваты не предполагали вступать в конфронтацию с новым венгерским правительством, но думали договориться с ним, обеспечив свои национальные права. 27 марта делегация из Нови-Сада, состоявшая из молодых либералов Д. Стратимировича, А. Костича, М. Полита и других, прибыла в Пожонь, где в то вре-

мя заседал венгерский парламент. Они передали Л. Кошуту петицию, в которой говорилось, что сербы «в своем воодушевлении выражают самую горячую приверженность к отечеству, братскому согласию и к самому тесному союзу с милыми соотечественниками, дорогими братьями венграми... и добровольно признают первенство и господство венгерского языка и народа во всех общегосударственных делах». Вместе с тем сербы просили признать существование сербского языка и сербской нации в Венгерском королевстве и разрешить свободно употреблять сербский язык в школе, учреждениях, церкви. Все национальные учреждения предполагалось передать под управление сербского сабора⁵. Несмотря на умеренность сербских требований, Кошут их решительно отверг в личной беседе с членами делегации. Когда Стратимирович пригрозил, что в случае отказа сербы станут искать свои права в другом месте, венгерский вождь ответил, что их спор рассудит оружие⁶.

Национальная программа хорватов с самого начала была более определенной: они требовали создания Триединого королевства, которое объединило бы Хорватию, Славонию, Далмацию и Приморье с Риекой. Кошут отнесся к хорватам более снисходительно: 22 марта за ними было признано право пользования национальным языком, но права, данные жителям Хорватии, не распространялись на население Славонии и Приморья с Риекой, которые оставались частью Венгрии. Такие уступки ни в коей мере не могли удовлетворить хорватов. Уже в середине апреля 1848 г. между ними и венграми произошло серьезное столкновение: пештское правительство потребовало, чтобы Й. Елаич, избранный хорватским баном, приехал в Пешт для принесения присяги. Елаич не только отказался сделать это, но и издал 19 апреля указ, запрещавший хорватам до созыва их сабора подчиняться венгерским властям. Одновременно Хорватия и Славония перестали платить налоги в венгерскую казну. Решительные действия Елаича говорили о том, что он хотел большего, чем автономия хорватских земель в пределах Венгерского королевства. И Гай, и Елаич видели центром будущего Югославянского королевства Белград. В мае 1848 г. Гай даже послал сербскому министру И. Гарашанину доверительное письмо, в котором писал об этом⁷.

Еще до решающего разрыва с венграми начал складываться союз между хорватскими и сербскими политиками. Во время своего пребывания в Вене Рајачич встретился с лидерами хорватов Л. Гаем, И. Кукульевичем, А. Враницани. Они договорились о

совместной деятельности сербов и хорватов в борьбе за национальные права, о помохи их друг другу⁸. Укреплению этого союза способствовал и эмиссар Гарашанина М. Бан. В конце марта 1848 г. он советовал Раичичу идти на соглашение с хорватами. А в начале апреля во время пребывания в Загребе М. Бан передал Елаиччу письмо от Раичича, в котором говорилось о готовности сербов поддержать хорватов в случае их войны с венграми⁹. Одновременно он сообщил Гаю и Елаиччу, что княжество Сербия поддерживает идею объединения хорватских земель и союза их с венгерскими сербами¹⁰.

Венское правительство в конфликте между Елаичем и венгерскими властями приняло сторону последних. 7 мая император потребовал от Елаичча безоговорочного подчинения Пешту, а 11 мая венгерский палатин аннулировал все распоряжения Елаичча и назначил комиссаром Хорватии, Славонии и Военной Границы генерала Храбовского¹¹. Таким образом, уже в мае 1848 г. отношения между венгерским правительством, с одной стороны, и сербами и хорватами, с другой, были близки к разрыву. Угроза со стороны венгров заставила сплотиться все национальные силы сербов и хорватов — и либералов, и консерваторов. Это проявилось на сербской скупщине в Сремски-Карловцах, происходившей 13–15 мая без разрешения венских и венгерских властей: на ней все сербы выступили единым фронтом. Скупщина избрала сербским воеводой полковника С. Шупликаца, провозгласила митрополита Раичича патриархом, создала правительство (Главный одбор) во главе со Стратимировичем, объявила сербский народ политически свободным.

Скупщина провозгласила создание Воеводины из областей Срем, Бачка, Баранья, Банат, Военная Граница и союз ее с будущим Триединым королевством. Правда, не все выступавшие на Майской скупщине в Карловцах стояли за союз с хорватами. Один из авторов «Пожеланий сербского народа» Я. Игнатович заявил о необходимости объединения австрийских сербов с княжеством Сербия, И. Хаджич-Светич предлагал идти на союз с венграми¹². В решении скупщины указывалось, что Воеводина будет находиться в составе Венгерского королевства под властью правящего австрийского дома. Сербские национальные деятели снова протягивали руку венграм. В ответ пештское правительство объявило скупщину незаконной. В июне венгры начали военные действия против сербов.

10 июня 1848 г. представители Главного одбора обратились к генералу Храбовскому с просьбой защитить сербов от венгров.

В ответ Храбовский заявил: «Я не знаю ни о каком сербском народе в Венгрии и Австрии и поэтому не могу его защитить. За Савой находится Сербия, кто хочет быть сербом, пусть отправляется туда». В тот же день император издал манифест, в котором приказывал граничарам подчиняться венгерским властям и объявлял о лишении Елаича воинских званий и должности бана¹³. 12 июня венгерский отряд отправился на захват Сремски-Карловцев, но Д.Стратимирович отбил нападение и перешел в контрнаступление. Так началась война между венграми, с одной стороны, и сербами и хорватами — с другой. Граничары отказались следовать приказу императора и перешли на сторону сербских национальных деятелей. 11 июля Кошут заявил в парламенте: «Эти сербы называют себя народом, но они — банды разбойников»¹⁴. Никаких переговоров с сербами венгерские властивести не желали¹⁵.

Хорватский сабор открылся 5 июня 1848 г. Почти половина депутатов, присутствовавших на нем, являлись сербами, проживавшими на хорватской территории. Они принимали активное участие в хорватском национальном движении, в большинстве поддерживая Гая и Елаича, выступавших за тесный союз сербов и хорватов. Еще в апреле Елаич обратился с возвнанием «Народу хорватскому и сербскому в Триедином королевстве», в котором призывал сербов и хорватов к взаимному согласию на основе полного равноправия. О необходимости сотрудничества хорватов и сербов писал все время Гай и его газета «Народне новине» («Национальные новости»).

На соборе Елаич был торжественно возведен в должность бана и провозглашен главнокомандующим хорватскими войсками. Клятву действовать на благо своего народа он произнес перед православным патриархом Рајачичем, поскольку загребский католический епископ Хаулик отказался признать созыв сабора законным. Клятва Елаича была встречена всеобщим ликованием народа. И последующие выступления на соборе отличались духом взаимного согласия сербов и хорватов. Так, И. Мажуранич заявил: «Мы с сербами один народ и так тесно спаянный, что нас больше ничто на свете не может разъединить»¹⁶. Таково было мнение хорватских илиров, представлявших либеральное крыло хорватского национального движения. Некоторая часть политиков (так называемые мадьяроны) стояла на позициях сохранения феодальных привилегий Хорватии и тесного сотрудничества с венграми. Но мадьяроны не имели большого влияния, многие из них во время военных действий вынуждены были бежать в Венгрию.

Хорватский сабор объявил о создании Триединого королевства в союзе с Воеводиной и словенскими землями. Это югославянское объединение должно было войти в Австрийскую империю, реорганизованную на принципах федерализма. В ответ на решения сабора глава венгерского правительства граф Л. Баттяни добился от императора 10 июня смещения Елаича со всех постов. 6 июля генерал Храбовский получил приказ отстранить Елаича от всех дел и созвать новый, «законный» сабор¹⁷.

Бои между сербами и венграми, начавшиеся в июне, не ослабевали; военные действия велись с переменным успехом. Главнокомандующим сербских войск был поставлен Стратимирович. Правительство княжества Сербии не осталось равнодушным к бедствиям соплеменников: князь Александр Карагеоргиевич подарил им 12 тыс. форинтов. Один из видных сербских политиков С. Кничанин собрал значительный отряд добровольцев (15 тыс. человек) и вместе с ним сражался против венгров в Воеводине¹⁸. Сербское правительство под влиянием польской эмиграции считало необходимым добиться примирения между венграми и воеводинскими сербами. Особенно активно оно действовало в этом направлении с конца 1848 г.

Однако венгры вовсе не желали разговаривать с сербами, с хорватами же они пытались достичь соглашения. 7 июля хорватский сабор принял условия, на которых оно могло быть заключено. Наряду с образованием Триединого королевства хорваты требовали предоставления автономии Воеводине, которая должна была быть объединена с Триединым королевством и словенскими землями. Именно на этих позициях и стоял Елаич при переговорах с венграми в 20-х числах июля. И снова венгры шли на предоставление некоторых прав хорватам (кроме права самостоятельно распоряжаться финансами и армией), но решительно отказывались идти на какие-либо уступки сербам. Елаич, следуя наказам сабора, не принял условий венгерской стороны и прервал переговоры, его поддержали хорватские либералы. В либеральной газете «Славенский юг» в конце августа — начале сентября появилось несколько статей, восхваляющих бана. В них говорилось о Елаиче как о сыне революции и человеке прогресса, истинном патриоте, который «станет щитом и спасителем западного славянства»¹⁹.

В целом хорватские и сербские национальные деятели действовали согласованно. Однако со стороны консервативных провенгерских сил наблюдалась попытка нарушить это согласие. Такие попытки проявились уже во время проведения хорватского

сабора. Среди его участников загребский капитул стал распространять слухи, что сербы якобы хотят перевести хорватов в православие. Этим занимались офицеры-мадьяроны. В ответ на это Главный одбор Воеводины 13 июля издал обращение «К славяnam-римокатоликам в Среме и Славонии», в котором заявлял, что будет защищать католиков от всех, кто посягнет на их веру. Хорватский собор и Елаич также выступили против слухов, приняв закон «О пресечении ложных слухов о том, что римско-католической церкви грозит опасность». В законе предписывалось католическим епископам разослать по хорватским церквам окружные послания, в которых бы опровергались высказывания о желании православной церкви подчинить себе католиков. В сентябре 1848 г. Раяич снова вынужден был обратиться к православному населению Воеводины: он запрещал ругать и преследовать католиков, ибо это против воли Спасителя и принесет хорватам и сербам только вред. Лишь объединившись, они смогут разбить общего врага. Спустя несколько дней Елаич призвал католических и православных священников искоренять религиозную нетерпимость среди своей паствы. Подобные действия со стороны сербских и хорватских лидеров помогли предотвратить столкновения между сербами и хорватами несмотря на попытки консерваторов рассорить оба народа²⁰.

К осени 1848 г. положение складывалось следующим образом: сербы и хорваты противостояли венгерскому правительству, австрийское правительство поддерживало венгров. Только в конце сентября, когда венгры окончательно порвали с центральной властью, стал складываться союз монархии и национальных движений австрийских югославян. К этому союзу югославянских политиков толкало несколько причин. Во-первых, венгерское правительство выступало как против сербов и хорватов, так и против Вены, поэтому их объединение против общего врага было вполне естественным. Во-вторых, многие сербские и хорватские деятели являлись легитимистами, и поддержка Габсбургов вполне соответствовала их настроениям. Кроме того, часть сербских и хорватских политиков в достижении своих национальных целей надеялись на помощь России. В июле 1848 г. воеводинцы передали русскому посольству в Вене петицию, в которой просили русского царя защитить сербов в Австрии, как он защищает их в Турецкой империи. 21 июля по просьбе Елаича Кукульевич и Вукотинович посетили русское посольство. Они вели там разговор о денежном займе для хорватов. И в том и в другом случае представители русского посольства заявили о своей поддержке Габсбург-

гов и постарались направить действия сербов и хорватов в легитимное русло. 20 октября 1848 г. Рајачич лично обратился через русского консула в Белграде к Николаю I с просьбой взять воеводинских сербов под свое покровительство²¹.

Венгерские и немецкие революционеры клеймили в печати сербов и хорватов за их вынужденный союз с Габсбургами, те отвечали им достаточно обоснованно. С. Милетич, стоявший на левом фланге сербского национального движения, выступил 7 декабря 1848 г. в газете «Напредак» («Прогресс») со статьей «Характер движения сербов в Австро-Венгрии». Немецкие и венгерские демократы, отмечал он, ругают славян за то, что они более ценят национальность, чем свободу. «Я спрашиваю их, — продолжал Милетич, — а какова та свобода, которую требуют немцы, стремясь к единой свободной Германии, итальянцы — к единой свободной Италии, поляки — к единой и свободной Польше?.. Разве они не могли бы пользоваться гражданской свободой в существующем государстве? И почему нет? Потому что они хотят быть свободными не только как отдельные люди и граждане, но и как нация»²². На тех же позициях стояла и хорватская газета «Славенский юг». Она писала в начале января 1849 г.: «Мы... вновь повторяем, что нам свобода так же дорога, как и национальность, что только в крайнем случае, если нам пришлось бы выбирать между первой и второй, мы предпочли бы пожертвовать и свободой ради национальности, зная, что национальность обеспечит нам и свободу; но в любом другом случае мы будем бороться за ту и другую с одинаковым жаром нашего сердца и одинаковым напряжением всех наших сил»²³.

В ноябре 1848 г. в газете «Славенский юг» появилось два плана переустройства Габсбургской монархии. Один из них был разработан хорватским сербом О. Острожинским. Острожинский считал, что апрельская конституция явилась только первым этапом революции: она дала личную свободу людям, но не представила свободы нациям. По его мнению, второй этап должен довершить революцию до конца, Габсбургская монархия должна быть превращена в свободную конфедерацию ее народов. Острожинский предполагал разделить империю на автономные составные части по этническому принципу: немецкая, венгерская, чехословацкая, югославянская, польско-русинская, румынская и итальянская. В этой конфедерации общими предполагалось сделать армию, финансы, внешнюю торговлю, иностранные дела. Новая Австро-Венгрия, по мнению Острожинского, в будущем могла бы стать центром среднеевропейской федерации. Второй план пере-

устройства Австрии был предложен анонимом, подписавшимся «Славофил». Он считал, что сербы, хорваты, словенцы перед всем миром должны выступать как единый народ, но их государственное объединение должно быть основано на принципе федерации и входить в качестве составной части в Габсбургскую монархию, также построенную на федеративных началах²⁴. Обе программы явились дальнейшим развитием тех принципов, которые были определены в общих чертах на сербской скупщине и хорватском саборе в мае–июле 1848 г.

В сентябре 1848 г., когда противостояние Вены и Пешта стало явным, император сделал Елачича главнокомандующим всех австрийских войск в Венгрии. 6 октября вспыхнуло восстание в Вене, и Елачич совместно с австрийским генералом А. Виндишгрецем подавил его. Так закончилась революция в западной части империи, т. е. в коронных землях Габсбургов. Но революция в землях короны св. Стефана продолжалась. Военные действия между венграми и австрийской армией, которой активно помогали сербы и хорваты, то затихали, то возобновлялись. При этом перевес был все-таки на венгерской стороне.

В начале декабря 1848 г. на австрийский престол с помощью Виндишгреця и Елачича был возведен Франц-Иосиф. Он подтвердил решения Майской скупщины сербов о выборе патриарха и воеводы, дал сербам обещание создать для них территориальную автономию после окончания военных действий. Но вопрос о границах Воеводины им был обойден, что вызвало недовольство всех сербов — от Раячича до левых либералов. Франц-Иосиф не принял и ряд требований хорватского сабора, чем оттолкнул часть хорватских либералов от идеи союза с Габсбургами.

В рядах сербов не было единства. Напряженными были отношения в Воеводине между Раячичем и либералами, признанным лидером которых являлся Д. Стратимирович. Особенно они обострились осенью 1848 г. Стратимировичу, возглавлявшему отряды сербов, уже в сентябре пришлось бежать в лагерь добровольцев, прибывших из Сербии. Но правительство Сербского княжества поддержало Раячича, и Стратимирович вынужден был уступить. Патриарх послал его в Вену, подальше от сербских вооруженных отрядов, там он должен был вести переговоры с австрийским правительством о предоставлении автономии Воеводине. Своим упорством в отстаивании интересов сербов Стратимирович вызвал ненависть со стороны прогабсбургских кругов. После неожиданной смерти воеводы Шупликаца он вернулся в Земун и потребовал у Раячича избрания нового воеводы, полагая, что сам

займет этот пост. Стратимировича поддержал Главный одбор, однако его притязания встретили резкое сопротивление Раичича. И снова, как и в сентябре, Белград и Вена приняли сторону патриарха. Раичич сам лелеял надежды стать главою Воеводины, поэтому он с удовлетворением принял решение венских властей о назначении командующим сербским войском немецкого генерала Ф. Майергофера. В начале января 1849 г. Главный одбор провел заседание по поводу действий Раичича, но вынужден был отступить. Он был подвергнут реорганизации: его членов теперь утверждал патриарх в качестве «правителя Воеводины»²⁵.

В столкновении Стратимировича и Раичича не следует видеть лишь борьбу честолюбий. Раичич, безусловно, стоял на позициях решений Майской скупщины, т. е. создания в пределах Габсбургской монархии Сербской Воеводины с автономными правами. Стратимирович же принадлежал к тем либеральным деятелям Воеводины, конечной целью которых было восстановление «Царства Стефана Душана». О стремлении Стратимировича к установлению независимого Сербского государства, включавшего все сербские земли, свидетельствует настоятель церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевский, активно общавшийся с сербскими деятелями²⁶.

Не было единства и в рядах хорватов. На первых порах главными соперниками выступали лидер иллиров Л. Гай и бан Елаич. Но вскоре бан отодвинул Гая на задний план, чему способствовали денежные махинации последнего и утрата им авторитета среди сторонников, а также наличие в руках Елаича реальной военной силы. Чем больше обострялись отношения между хорватами и венграми, тем выше поднимался авторитет Елаича. Но уже с сентября 1848 г. стала формироваться оппозиция его действиям, направленным на союз с венским двором. Она группировалась вокруг газеты «Славенский юг», редактором которой являлся барон Д. Кушлан и в которой сотрудничали такие видные иллиры, как И. Ткалац, И. Кукульевич, И. Мажуранич и другие. Среди этих деятелей недовольство политикой Габсбургов усилилось после того, как Франц-Иосиф отказался выполнить все требования хорватского сабора²⁷. Однако по своему влиянию хорватская оппозиция сильно уступала Елаичу, которого активно поддерживали не только консерваторы, но и многие либералы и который в глазах простых хорватов был героем войны с венграми.

В январе 1849 г. воеводинские сербы при поддержке добровольцев из княжества Сербии нанесли ряд поражений венграм,

заняв несколько городов²⁸. Но в феврале Порта настояла на вывode добровольцев из Воеводины, что создало благоприятные условия для венгерского наступления. Сербы понесли тяжелые потери. «Сербы из Воеводины, — писал Раевский, — пострадали более всех австрийских племен. Сколько теперь разоренных городов, храмов Божиих, сел и жилищ; тысячи народа погибли смертию мучеников». Так, после занятия городка Србобран и окрестных сел венграми было убито от 4 до 5 тыс. человек²⁹. Только в апреле 1849 г. Стратимировичу с помощью вернувшихся добровольцев удалось несколько исправить положение. Весной 1849 г. хорваты меньше пострадали, чем сербы. Хорватская оппозиция выдвинула план присоединения Воеводины к Триединому королевству на принципах автономии. Этот план поддержала часть австрийских сербов.

Венское правительство понимало, что своими силами оно не в состоянии справиться с венгерской революцией. В конце 1848 г. Франц-Иосиф обратился к Николаю I с просьбой о введении русских войск в пределы Габсбургской монархии. В конце апреля 1849 г. русская армия вступила в восточные районы Австрии. Венгры стали терпеть поражения, а в августе 1849 г. в битве при Вилагоше были разбиты наголову и сдались русским.

Отношение сербов и хорватов Габсбургской монархии к России с самого начала революции было благожелательным. Уже упоминалось о поездках сербских и хорватских национальных деятелей в русское посольство в Вене с просьбою о поддержке еще в марте–апреле 1848 г. И далее чем больше обострялись отношения между венграми, с одной стороны, и сербами и хорватами — с другой, тем больше надежд возлагали славяне на помощь России. М. Ф. Раевский писал в начале февраля 1849 г., что многие славяне из армии Елачича посещают русскую церковь, так что он стал одну службу проводить по-русски, а другую — по-сербски. Приятно удивляли его и хорватские католические священники. «Видишь с удовольствием иногда, — писал Раевский, — как они говорят за нашу церковь и вообще за все наше управление, основанное на собственных народных русских началах». Раевский отмечал восторженное отношение славянского населения к русским солдатам. «О русских войсках единодушно все говорят с удивлением, — сообщал он, — не о дисциплине их (это вещь известная), но об их ласковом отношении, приветливости, честности, благородстве, религиозности». Солдаты, находившиеся на постое у местных жителей, по свидетельству Раевского, помогали хозяевам и дома, и в поле, доброжелательно от-

носились к местному населению³⁰. Высказывания Раевского подтверждает и свидетельство хорватского прелата Ю. Й. Штросмайера. В июне 1849 г. он сообщал А. Т. Брличу, что граничары на вопрос, как им нравятся русские, отвечали: «Гораздо больше, чем швабы. Это наши люди, мы их хорошо понимаем, их обычай очень похожи на наши». По этому поводу Штросмайер замечал: «Какое счастье, что наши люди все до единого так чувствуют и такое понятие о русских имеют»³¹.

Особенно горячо воспринимали приход русской армии сербские политики, которые, по словам Раевского, были уверены, что русские пришли в Австрию, чтобы гарантировать создание Воеводины. Простые сербы, не имевшие определенных политических планов, тоже возлагали надежды на Россию. «А народ, — писал Раевский в декабре 1849 г. графине А. Д. Блудовой, — ...беспрестанно едет ко мне. Ему нигде более нет доступу. Ты наш православный священник, ты русский, тебя слушает патриарх, моли его за нас. Русские, одни русские могут помочь нам»³². Обращения сербов не остались напрасными. Именно по просьбе Раевского графиней Блудовой было создано первое русское общество помощи южнославянским народам, которое оказывало различного рода поддержку сербам Воеводины, Далмации, Боснии и Герцеговине вплоть до начала Крымской войны³³.

В течение всего времени — после поражения восстания в Вене и до битвы при Вилагоше — со стороны сербов и хорватов предпринимались попытки договориться с венграми. В ноябре 1848 г. безрезультатные переговоры с Кошутом вел Раичич. В марте и июне 1849 г. польские эмигранты при поддержке правительства княжества Сербии выступали посредниками между венграми и воеводинскими сербами и снова безуспешно. Хорватские левые, группировавшиеся вокруг газеты «Славенски юг», после провозглашения октроированной конституции проявили стремление пойти на сближение с венграми. Д. Кушлан в конце мая 1849 г. встретился в Белграде с Д. Андраши, одним из венгерских лидеров. Кушлан обещал, что хорваты выступят на стороне венгров, если последние признают их национальную программу, но венги оставались глухими, когда дело касалось уступок в национальном вопросе. 10 июня 1849 г. Баттяни в согласии с Кошутом отправил командирам пограничных отрядов инструкцию, в которой говорилось, что основой национальной политики венгров является единство Венгрии и признание венгерского языка государственным³⁴.

Главной причиной поражения венгров являлась их шовинистическая политика по отношению к народам, населявшим земли короны св. Стефана. Это понимали некоторые европейские революционеры. Так, 20 октября 1848 г. в речи, произнесенной в туринском парламенте, К. Кавур заявил: «Венгры, благородные и великолдушие, когда защищают свой народ от самовластья императора, становятся жестокими и тираническими угнетателями славянского племени, которое живет на венгерской территории»³⁵.

Вред националистического курса правящих кругов Венгрии осознавали и отдельные венгерские политики. Но даже и они не желали полностью выполнить требования сербов и хорватов. Политики, группировавшиеся вокруг венгерской газеты «Марчиус тизенётёдике» («Пятнадцатое марта»), призывали правительство провести федерализацию Венгрии по национальному признаку. Эти призывы не нашли отклика в правящих кругах Пешта. В начале 1849 г. венгры создали Национальный комитет обороны, который выработал предложения для сербов. Они готовы были признать существование сербской нации в Венгрии, установить в сербских районах сербские школы и администрацию, однако не соглашались на образование Воеводины. Выработанные ими предложения были посланы Раичичу в апреле 1849 г., но сербы их отвергли. Венгерский посол в Париже граф Л. Телеки 7 марта 1849 г. писал Кошуту, что нужно идти на соглашение не с венским двором, а с сербами, хорватами, румынами. Послание Телеки от 14 мая было еще более решительным: если венгры не договорятся с народами, населяющими Венгерское королевство, венгерскую революцию ожидают самые худшие последствия. Венгры, писал Телеки, не должны ограничиваться договором с хорватами, необходимо согласиться с созданием Воеводины и с предоставлением широкой автономии румынам. При этом Телеки выступал за неделимость Венгерского королевства, в котором бы венгерский язык занимал главенствующие позиции. Он считал, что при этих условиях Венгрия могла бы возглавить Дунайскую конфедерацию, в которую помимо нее вошли бы Валахия, Сербия, Болгария, Чехия, Моравия и, возможно, Польша. Для словаков Телеки никаких прав не предусматривал³⁶. Но и в мае венгерские лидеры во главе с Кошутом оставались глухи к предложениям об уступках в национальном вопросе. Только 28 июля 1849 г., после неоднократных поражений венгерских войск от австрийцев и русских, венгерский парламент провозгласил право всех народов Венгрии вести свои дела и иметь школы на родном языке. Под-

тврждались и права православной церкви, но территориальная автономия по-прежнему отвергалась.

После поражения венгерской армии революция в Габсбургской монархии была закончена. Оценивая в ней роль венгерских революционеров, нужно отметить ее противоречивость. Борьба венгров против Габсбургов, особенно с осени 1848 г., носила национальный, а не социальный характер. Выступая против австрийского правительства за свои национальные права, венгры вели справедливую войну. Не желая признавать национальные права сербов, хорватов и других народов, подавляя их в вооруженной борьбе, они выступали как контрреволюционная сила. Именно венгры разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение. Национализм венгерских, а также и австронемецких революционеров привел к тому, что второй коренной вопрос революции 1848 г. в Австрии — национальный — не был решен.

Революция 1848–1849 гг. сыграла большую роль в социально-экономическом и национально-политическом развитии хорватов и сербов. В это время впервые четко сформировались их национальные политические программы. Идеи иллиризма, носившие чисто культурный характер, теперь воплотились в югославистские политические проекты. На повестку дня был поставлен вопрос о политическом объединении южных славян, правда еще в австрославистской форме. Среди хорватских деятелей появились политики, которые мечтали об образовании южнославянской федерации вне рамок Австрии и Османской империи. Идеи югославизма завоевали себе сторонников главным образом среди либералов, деятели консервативного направления не уделяли им особого внимания. Югославистские программы наиболее подробно разрабатывались хорватскими политиками. Сербы относились к ним более сдержанно, для них главной была перспектива объединения с княжеством Сербией. Однако совместная борьба сербов и хорватов против венгров укрепила между ними сотрудничество и взаимопонимание. Их цели совпадали, перед ними стояли одни и те же противники. Идея политического союза перешла в конкретную плоскость.

Сербское и хорватское крестьянство за время революции прошло богатую школу политической и классовой борьбы, уровень его политического самосознания значительно повысился. В этом большую роль сыграли события, происходившие в период революции на хорватских и сербских землях, которые стали аре-

ной военных столкновений сербов и хорватов с венграми. В подобных столкновениях участвовали не только национально сознательные слои сербского и хорватского общества, но и широкие массы крестьян и горожан. Война с венграми стала для них школой воспитания в национальном духе.

После победы над революцией Габсбурги не оправдали надежд, возлагавшихся на них югославянскими национальными деятелями. Но все же кое-что югославяне Австрии получили. Сербы при помощи российского правительства добились, что 18 декабря 1849 г. Воеводина была признана Веной автономной территориально-политической единицей. Она официально называлась «Воеводство Сербия и Тамишский Банат». К ней не были присоединены сербские земли Военной Границы, зато в нее вошли румынские территории, а центром Воеводины стала Тимишоара (Темешвар), в которой сербское население составляло меньшинство. Да и во всем новом административном образовании сербы находились в меньшинстве³⁷. Но все же это было достижение, хотя Воеводина просуществовала в качестве автономной области всего несколько лет. Югославянские народы Австрии получили возможность более свободного развития своих национальных учреждений, чем это было до 1848 г., в частности завоевали право создавать средние школы с обучением на родном языке.

В начале марта 1849 г. была провозглашена октroiированная конституция, вызвавшая большое недовольство югославянских национальных деятелей. Хорваты направили в Вену делегацию депутатов сабора, которая потребовала у венских властей введения национального языка в официальных учреждениях и подтверждения союза хорватских земель с Воеводиной³⁸. Делегация не добилась желаемого. Против октroiированной конституции выступили многие хорватские лидеры. И. Кукульевич писал в августе 1849 г. Елаичу, что октroiированная конституция соответствует стремлениям немцев, но не славян; она противоречит идеалу будущего австрийских югославян, приняв ее, хорваты отрекутся и от создания Триединого королевства, и от своего влияния на Боснию и Сербию³⁹.

После введения октroiированной конституции хорватская Народная партия, которая объединила бывших иллиров, не отказалась от своей цели — установления югославянского политического целого. В первой половине апреля 1849 г. газета «Славенский юг» опубликовала «Основы закона об отношении (Триединого. — И. Ч.) королевства к Австрийской монархии», принятые

тые хорватским правительством. В них говорилось о необходимости объединения всех хорватских земель в Триединое королевство при последующем его соединении с Воеводиной и словенскими землями в единую автономную территорию в составе федерализированной Австрии. В конце 1849 г. «Славенский юг» призывал к установлению югославянской административной единицы в пределах Австрии на принципах свободы, братства и равноправия. В этом случае, по мнению газеты, югославяне Австрийской империи станут мощным фактором усиления ее влияния на Балканах в противовес России. Те же идеи проводил в своей брошюре «Восток и Запад» (1849 г.) И. Ткалац. Он прямо предлагал австрийскому правительству с помощью австрийских югославян присоединить к Габсбургской монархии южных славян Османской империи⁴⁰.

Но не все хорватские либералы оставались на подобных позициях. Часть из них отошла от югославистских и австрославистских программ. В этом отношении интересна эволюция Гая. В первой половине сентября 1849 г. его газета «Народне новине» опубликовала статью «Размыщление о настоящем и будущем славян, движении сербов и хорватов и его последствиях для славян», написанную Гаем или его единомышленником. Автор отказывался от революционных методов борьбы за национальные права, подчеркивал, что только просветительская деятельность может привести к желаемым результатам. По его мнению, славяне должны опираться на славянскую взаимность, мир и порядок, европейская же революционность является для них главной опасностью. Помощь славянские народы могут получить только от России. «Следовательно, — подчеркивал автор статьи, — север несет нам жизнь, а не цепи и оковы, гибель же несут поблекшие демократические идеалы, которые... скорее принесли бы нам ущерб, чем пользу». Он полагал, что необходимо прежде всего создать языковое, литературное и политическое единство всех славян, а политическое их объединение отложить на будущее. В середине октября 1849 г. в газете появилась статья, в которой говорилось, что югославянская идея — только часть всеславянской идеи⁴¹. Эти взгляды Гая газета пропагандировала и в дальнейшем.

В 1851 г. австрийский император стал все меньше считаться даже с теми немногими политическими правами, которые даровала австрийским народам октроированная конституция. Но в краткий период ее действия произошли события, оказавшие заметное влияние на дальнейшее развитие югославянских народов

Габсбургской монархии. 28 марта 1850 г. в Вене был заключен литературный договор между сербскими и хорватскими учеными: хорваты принимали реформу В. Караджича. Таким образом были заложены основы развития единого сербохорватского языка и литературы на основе штокавского наречия. В договоре этот выбор объяснялся тем, что штокавское наречие самое распространенное из всех, что оно наиболее близко старославянскому языку и наиболее развито благодаря богатому фольклору и дубровницкой средневековой литературе. Договор подписали хорваты Л. Гай, И. Кукульевич, А. и И. Мажураницы и другие, сербы В. Караджич и Д. Даничич, словенец Ф. Миклошич, в то время уже ставший крупнейшим славистом Европы⁴². Против венского договора активно протестовала группа хорватских политиков во главе с А. Старчевичем. Они отвергали югославистские программы, стоя на унитаристских великохорватских позициях. Старчевич и его сторонники считали, что все южные славяне являются хорватами. Подобная точка зрения была выдвинута в противовес великосербской концепции Караджича. В 1849 г. Караджич опубликовал в сборнике «Ковчежец» статью «Сербы: все и везде». Сербский реформатор, основываясь на взглядах ученых того времени, считавших, что главным признаком каждого народа является его язык, приходил к выводу, что все югославяне, говорящие на штокавском наречии, являются сербами. Таким образом, сербами объявлялась большая часть хорватского населения⁴³.

31 марта 1851 г. император Франц-Иосиф отменил октroiированную конституцию. Бурная эпоха истории югославянских народов Австрии окончилась. Она сыграла огромную роль в развитии их национального самосознания. Во время революции наибольшую популярность среди югославянских политиков Габсбургской монархии приобрели идеи югославизма в его австро-славистской форме. Вместе с тем в конце революции в среде югославянских национальных деятелей появились и сугубо националистические великосербские и великохорватские идеи, которые в то время еще не имели большого числа сторонников, но уже достаточно четко определились в непримиримом противостоянии друг другу.

2. Революция 1848–1849 гг. и создание национальных программ в Сербии

Княжество Сербия в 30-е гг. XIX в. являлось автономным образованием в составе Османской империи. Эта автономия была завоевана в результате двух сербских восстаний против турецкого ига (1804–1813 гг. и 1814 г.) и активной дипломатической и военной поддержки Россией Сербии и ее требований. К началу 40-х гг. Княжество представляло собою страну, медленно, но неуклонно двигавшуюся по пути прогресса от военно-феодальной системы Османского государства к европейской цивилизации. Слой образованных и полуобразованных сербов, в той или иной степени принимавших европейский стиль мышления, был очень тонок. Ускорению процесса формирования этого слоя содействовала довольно тесная связь Княжества с сербским населением Австрийской монархии. Контакты осуществлялись по нескольким направлениям. Во-первых, между Сербией и Австрией шла оживленная торговля; во-вторых, имели место постоянные сношения между расположенной во владениях Габсбургов Карловацией и Белградской митрополиями; в-третьих, некоторые молодые сербы получали образование в австрийских землях; наконец, в-четвертых, австрийские сербы охотно служили в администрации, армии, учебных заведениях Сербии. Благодаря всему этому в Княжество проникали идеи, которыми накануне революции 1848–1849 гг. жила Европа. Не все они находили отклик в правительственные и общественных кругах, но некоторые попадали на уже подготовленную почву. К важнейшим можно отнести идеи национального объединения и освобождения от иноземной власти.

Вопросы национального объединения и освобождения не были новыми для жителей Княжества. Еще во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. его участники выступали за ликвидацию власти султана. Тогда же карловациким митрополитом С. Стратимировичем и епископом Бачки Й. Йовановичем были разработаны планы образования Славяно-сербского государства, призванного вобрать в себя земли, населенные сербами⁴⁴. Князь Сербии Милош Обренович в 30-е гг. мечтал объединить вокруг Княжества территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии.

Однако впервые сербская национальная программа была создана в 1844 г. В 1842 г. деспотический режим Обреновичей был свергнут, и к власти пришли так называемые уставобрани-

тели («защитники конституции»), возведшие на престол Александра, сына вождя Первого сербского восстания Карагеоргия. Среди уставобранителей выделялся И. Гарашанин, не очень образованный, но талантливый и целеустремленный политик. Поскольку Россия, являвшаяся официальной покровительницей Сербии, на первых порах не признала правомочными действия уставобранителей по смене княжеской династии, новое правительство изменило курс внешней политики Княжества, переориентировав ее на Турцию и поддерживавшую ее Францию. Важным проводником политики Франции на Балканах являлась польская эмиграция, вернее, ее консервативное крыло во главе с князем А. Чарторыским*, который главных врагов восстановления Польши видел в Австрии и России и старался всеми силами ослабить их влияние где бы то ни было. Ненависть к России объединила польских эмигрантов с Портой. В Стамбуле постоянно находился их эмиссар М. Чайковский (Садык-паша). Лидеры уставобранителей вступили с ним в контакт уже в 1841 г., а после прихода к власти стали поддерживать с ним постоянные сношения через Ленуара (Л. Зверковского). С помощью польских эмигрантов сербское правительство пыталось добиться поддержки Франции. И деятельность поляков в этом отношении не была безуспешной, тем более что Франция сама стремилась укрепиться на Балканах.

Сербии Чарторыский уделял особое внимание, поскольку следил за событиями в ней начиная с 1804 г., когда он ведал иностранными делами в России. В то время ему пришлось встречаться с сербской делегацией, прибывшей в Петербург, во главе которой стоял протоиерей М. Ненадович. В 1804–1807 гг. в Россию были доставлены проекты Стратимировича и Йовановича, на основании которых в русских правительственные кругах строились планы создания независимых или автономных государств на Балканах. Среди авторов таких планов находился и Чарторыский.

В начале января 1843 г., спустя всего несколько месяцев после прихода к власти Александра Карагеоргиевича, Чарторыский направил ему специальное послание, в котором давал советы по вопросам внутренней и внешней политики Сербии. Они сводились к следующему: Сербия должна оставаться лояльной по отношению к Порте, постепенно добиваясь от нее все больше уступок — установления наследственной княжеской власти, получения выхода к Адриатическому морю путем присоединения к

* См. гл. V § 3 данной книги.

Княжеству некоторых областей Черногории и Герцеговины, ликвидации турецких гарнизонов в сербских городах и т. д. Чарторыйский рекомендовал относиться к России с осторожностью, используя ее в случае необходимости для давления на Турцию, но не разрешая ей вмешиваться во внутренние дела Сербии. Англия и Франция, писал он, должны быть главными внешнеполитическими союзниками Сербии: опираясь на них, она должна стремиться к сближению с соседними южнославянскими народами, чтобы в будущем присоединить их к себе⁴⁵.

Весной 1843 г. Чайковский был в Сербии, где помогал организовывать вторичные выборы князя Александра, которые были проведены по настоянию России. Во время пребывания в Белграде польский эмиссар договорился с князем Александром об установлении там постоянного польского представительства. Главой его стал Ф. Зах, чех из Моравии, активно участвовавший в польском восстании 1830–1831 гг. Затем он эмигрировал во Францию, где примкнул к правому крылу польской эмиграции.

Зах приехал в Белград в конце 1843 г. и здесь особенно близко сошелся с И. Гарашаниным, бывшим в то время министром внутренних дел. Знакомство Заха с внутренним положением Сербии и взглядами ее руководства привело его к мысли написать трактат о южнославянских народах и способах воздействия на них сербского правительства. Кроме Гарашанина и других сербских политиков, Зах имел беседы и с некоторыми деятелями иллиризма, проживавшими в то время в Белграде. В феврале 1844 г. он сообщал Чайковскому: «Мое сочинение, которое содержит план славянской политики Сербии, почти завершено». А в мае 1844 г. Зах передал свой трактат Гарашанину.

На основании труда Заха и была сформулирована внешнеполитическая программа Сербии, остававшаяся в силе на протяжении всех лет ее существования как самостоятельного государства. Трактат Заха был принят Гарашаниным почти без изменения, получив наименование «Начертание» (т. е. «План»). «Начертание» состояло из нескольких разделов. Первый из них «Политика Сербии» (у Заха — «Славянская политика Сербии») определял главную цель внешней политики Княжества: создание на равнинах Османской империи большого славянского государства. Это могло быть осуществлено с помощью Франции и Англии, способных противостоять Австрии и России. Сербия при проведении этой цели в жизнь должна была опираться на исторические традиции и выступать в качестве правопреемницы царства средневекового сербского государя Стефана Душана.

Вторая часть «Начертания» определяла средства, которыми надлежало пользоваться сербскому правительству для достижения своей цели. Прежде всего следовало ознакомиться с положением в южнославянских землях — Болгарии, Боснии, Герцеговине, Северной Албании, а также Славонии, Хорватии и Далмации. Для этого надо было послать туда сербских агентов. К тексту Заха Гарашанин добавил, что главное внимание нужно уделить землям, находившимся вне рамок империи Габсбургов. Ставилась задача вывести болгар из-под русского влияния и сделать их верными союзниками Сербии, помогая им бороться с засильем в болгарской церкви греческого клира, публикуя книги на болгарском языке. Именно в этом разделе Зах особенно резко выступил против России, утверждая, что она стремится надеть на болгар еще более тяжкое ярмо, чем турецкое, а в Сербии — поставить новое руководство, безусловно ей преданное. Эту сентенцию Заха Гарашанин оставил полностью, но несколько пояснил свою позицию по этому вопросу: «Сербия ни с кем так легко не могла бы добиться своей цели, как при содействии России. Но это возможно только тогда, когда она совершенно и полностью приняла бы условия Сербии». Гарашанин замечал, что у него надежды на это нет, но «все же нужно упомянуть о том, какая в этом случае была бы польза для Сербии».

В «Начертании» предусматривалось, что для приобретения влияния в Черногории, Боснии, Герцеговине и Северной Албании сербское правительство должно придерживаться трех принципов: 1. Свобода вероисповедания для всех христиан, а со временем и мусульман; 2. Наследственная власть сербского князя в будущем общем государстве; 3. Покровительство Сербии в отношении всех турецких славян. Для населения Боснии предполагалось наладить печатание книг патриотического содержания кириллицей и латиницей, приглашать молодых боснийцев для обучения и службы в Сербию. В целях приобретения влияния на боснийцев-католиков подчеркивалась необходимость установления дружеских контактов с монахами-францисканцами, действовавшими со времен средневековья в боснийско-герцеговинских землях. Черногорский владыка должен был получать постоянное пособие от сербского правительства. Что касается австрийских славян, о которых много было написано у Заха, то в «Начертании» им было уделено мало внимания. Ни о хорватах, ни о чехах вообще не упоминалось. О Воеводине же говорилось, что в ней необходимо создать сербскую газету, которая бы выступала в интересах Княжества и знакомила общественность с положением там, а также

указывалось на желательность установления контактов с лидерами австрийских сербов⁴⁶.

Несмотря на почти дословное совпадение текстов трактата Заха и «Начертания» Гарашанина, дух этих двух трудов все же отличался. Зах делал больший упор на югославянские моменты, пытаясь втянуть в орбиту деятельности Сербии и славянские народы Австрии — прежде всего хорватов, чехов. Практичный и трезвый политик Гарашанин, ясно понимая, что в настоящее время Сербия может рассчитывать на успех только в провинциях Османской империи, заселенных славянами, резко усилил сербский уклон.

«Начертание» стало национальной программой сербских правительственные кругов. Польская эмиграция и после создания программы оказывала значительное влияние на внешнюю политику сербского правительства, подогревая его антирусскую направленность. Через год после написания «Начертания» Гарашанин передал князю документ «Несколько слов о русско-австрийских интригах в начале 1845 г.». В нем подробно освещались вопросы отношения Сербии с великими державами и намечались направления сербской политики: лояльность по отношению к Порте с постепенными требованиями от нее различных уступок (установления наследственной княжеской власти, вывода турецких войск из сербских городов, расширения сербской территории с выходом к морю); опора на Францию; недоверие к Австрии, которая называлась «врагом славян»; осторожность по отношению к России. Этот документ практически повторял содержание «Начертания».

В 40-е гг. в Сербии появились первые признаки общественной жизни. Зах общался в Белграде не только с представителями правящей элиты, он стал собирать вокруг себя патриотически настроенных славян, выходцев из Габсбургской империи, проживавших в Белграде. Его ближайшим соратником был дубровчанин М. Бан, с 1844 г. являвшийся преподавателем французского языка у дочерей князя Александра. Бан и основал в Белграде с помощью Заха «Тайный демократический панславянский клуб», как его называли в австрийских агентурных донесениях. Кроме Бана и Заха, в него входили словак Я. Шафарик, племянник знаменного ученого П. Й. Шафарика, хорваты С. Херкалович и П. Чавлович, францисканец из Боснии Т. Ковачевич, воеводинский серб М. Попович и единственный представитель сербов Княжества М. Давидович. «Клуб» намеревался проводить агитацию среди сербов Княжества за то, чтобы Сербия возглавила движение за

освобождение всех южных славян. «Клуб» был известен сербским властям, и они одобряли его деятельность. К маю 1845 г. в него вступили 10 сербов из Княжества, а также несколько болгар-эмигрантов, в том числе архимандрит Неофит Рыльский, Илларион, будущий митрополит Макариопольский⁴⁷. В 1844–1845 гг. «Тайный демократический панславянский клуб» издавал газету «Бранислав», печатавшуюся латиницей и проповедовавшую идеи иллиризма. Она тайно переправлялась в южнославянские земли Австрии, где в то время само слово «иллир» находилось под запретом. М. Бан мечтал о создании общеславянского языка и в 1847 г. написал сочинение «Основы славянского языка», пропагандируя в нем также слияние латиницы и кириллицы.

В 1846 г. учащиеся гимназии создали организацию под названием Душанов полк. Гимназисты сочувствовали Михаилу Обреновичу, им не нравилась протурецкая ориентация князя Александра. Организация просуществовала недолго. Однако в 1847 г. возникла Дружина сербской молодежи, среди основателей которой были члены Душанова полка Е. Груич и П. Протич Соколянин. Дружина объединяла учащуюся молодежь, члены ее мечтали о воссоздании «Царства Стефана Душана». Общество имело связи с организациями сербских студентов в Австрии. В частности, С. Милетич, возглавлявший сербский кружок в Пожони, приезжал в Белград, встречался с членами Дружины и был принят в ее ряды. Глава Дружины Е. Груич был довольно тесно связан с М. Баном. Тем не менее Душанов полк и Дружина сербской молодежи не были проправительственными организациями и их члены не являлись сторонниками существующего строя.

Итак, накануне революции 1848–1849 гг. в княжестве Сербия уже появились две национальные программы. Первая из них — «Начертание» — была точно сформулирована и являлась ориентиром для сербских правительственные кругов. К ней примыкала программа, зародившаяся в среде сербской учащейся молодежи, только намечавшая основные направления, опираясь на неясные исторические воспоминания о реальном царстве Стефана Душана. В обеих программах было много сходного, прежде всего цель — в той или иной форме добиться укрепления Сербского государства, расширить его пределы за счет славянских областей, находившихся под властью Османской империи и воспринимавшихся как исконно сербские. Таким образом, и правительенная, и зарождавшаяся общественная программы носили чисто сербский характер. Имелись и существенные различия между стремлениями молодежи и правительственный кругов. Послед-

ние хотели достичь своих целей в союзе с Францией и Османской империей, в то время как планы учащихся имели антитурецкую направленность.

Вопрос об объединении южных славян вокруг Сербии ставил только «Тайный демократический панславянский клуб», члены которого по преимуществу не являлись гражданами Княжества. Идеи иллиризма не только не воспринимались многими сербами, но и имели среди них недоброжелателей. Когда один из членов «Тайного демократического панславянского клуба» С. Херкалович основал библиотеку, в нее сразу же записались его коллеги. Однако это вызвало неудовольствие у ряда видных сербских деятелей (М. Анастасиевича, Р. Дамяновича, Т. Княжевича и других). Они видели в библиотеке угрозу для православных сербов, так как она распространяла идеи иллиризма, а следовательно, по их мнению, и католицизма. В противовес библиотеке Херкаловича была создана истинно православная сербская библиотека — Читалиште, которая имела большой успех. К началу 1848 г. библиотека Херкаловича прекратила свое существование, и в Белграде действовало только Читалиште⁴⁸.

Революция в Австрии вызвала отклик по преимуществу в рядах сербской учащейся молодежи. О ее настроениях подробно рассказывал в письме к своему другу 13 (25) марта 1848 г. Е. Груич. Лицеисты не учатся, сообщал он, а всюду кричат: «Ура, ура, ура! Да здравствует свобода и независимость Сербии, да здравствует единство сербов, да здравствует сербский король!» На улицах Белграда народ кричит: «Восстаньте! Восстаньте, сербы! Восстаньте с оружием!» Горожане вооружаются. «Время пришло. Пришло время сербу вернуть то, что он потерял на Косово... О, юнаки, к оружию, кто серб и кого родила сербка! К оружию, чтобы вернуть старую славу и свободу сербскую! Вооружаемся, вооружаемся! О, Душан, воскресни!» Судя по письму Груича, настроения молодежи по отношению к князю были вполне благожелательными. Однако вряд ли их лозунги вооружаться и добиваться освобождения сербов и объединения их в единое государство могли понравиться сербскому правительству, поскольку они были прямо направлены против стамбульских властей.

Антитурецкий характер выступлений в Белграде засвидетельствовал и австрийский консул Майергофер в своем донесении в Вену от 13 (25) марта 1848 г. «Со вчерашнего дня несутся призывы... — писал он, — восстать со всей силой, чтобы изгнать турок из крепости и создать ядро единой иллирской и

сербской державы, которую желают распространить на Боснию, Болгию, Славонию, Хорватию и т. д. и чью утопическую корону отдают Александру в качестве цены за его участие»⁴⁹. Об этом же сообщал в министерство иностранных дел Франции М. Лемперани, исполнявший обязанности французского консула в Белграде. «Наиболее прогрессивные люди мечтают о присоединении Боснии и Болгарии к Сербии, — писал он 14 (26) марта из Белграда, — и о полном изгнании турок из дунайских крепостей»⁵⁰. В марте 1848 г. представители Дружины сербской молодежи обратились к князю Александру с просьбой отменить цензуру и провозгласить свободу слова⁵¹. Движение лицеистов нашло сочувствие только у нескольких молодых сербов, получивших образование в германских и французских университетах. Когда начались военные действия между воеводинскими сербами и венграми, либеральная молодежь решительно выступила в поддержку воеводинцев. Е. Груич с несколькими своими соратниками отправился в Воеводину сражаться против венгерских войск. Позднее либералы издали сборник «Цветок согласия», где в программной статье Груич призывал к освобождению и объединению сербов, указывая, что Сербия несвободна не только внешне, но и внутренне.

Более целенаправленными и зрелыми были действия «Тайного демократического панславянского клуба». 23 марта в Белград прибыл П. Чавлович с предложением лидера хорватских иллиров Гая сербскому правительству. Гай просил дать ему денег, обещая за это провозгласить князя Александра «королем Иллирии». Эту идею горячо поддерживали Зах и Херкалович. Чавлович говорил, что план Гая получил одобрение и карловацкого митрополита Раячича. Сербское правительство выдало Херкаловичу и Чавловичу по 100 форинтов, и они отправились в Загреб. Вместе с тем план Гая не был безусловно принят сербскими правящими кругами. С. Симич, председатель Государственного совета, видел два варианта развития событий: создание федерации южных славян вокруг Сербии или создание Сербского королевства в границах государства Стефана Душана. Симич полагал, что сербы и хорваты должны совместно выступить против Австрии, а для координации действий он считал необходимым введение в хорватское правительство трех сербов, а в сербское — одного хорвата⁵².

В ночь на 13 (25) марта, о которой писал другу Е. Груич, в Белграде группы людей разбрасывали листовки и призывали к восстанию против турок. Целью восстания провозглашалось создание Иллиро-сербского государства во главе с князем Алексан-

дром. В него должны были войти, помимо Сербии, Босния, Славония, Хорватия, Болгария. Эта акция была подготовлена «Тайным демократическим панславянским клубом». Характерно, что выступление произошло сразу же после возвращения из Загреба в Белград Чавловича.

Через несколько дней после событий 13 (15) марта М. Бан, С. Херкалович, У. Боришев отправились в южнославянские земли Австрии для пропаганды «Политических принципов югославян», написанных, по-видимому, М. Баном накануне революции. В этом документе провозглашалась необходимость создания федеративного королевства из земель хорватов, болгар, сербов. Каждый из этих народов имел бы широкую автономию и представительный орган — сабор, а все королевство называлось бы Югославией. Во главе него предполагалось поставить сербского князя Александра Карагеоргиевича⁵³.

М. Бан посетил Сремски-Карловци и договорился о сотрудничестве с Раичичем. В письме к члену совета С. Кничанину от 13 марта 1848 г. он сообщал, что главной его задачей является установление согласия между сербами и хорватами, в чем он нашел полную поддержку митрополита⁵⁴. Затем М. Бан вел беседы в Загребе с Гаем и Елаичем. Он подчеркивал, что полностью поддерживает создание Триединого королевства, и обещал хорватам в случае их столкновения с венграми употребить все свое влияние, чтобы воеводинцы тоже выступили против венгров. М. Бан также передал Елаичу письмо Гарашанина, в котором речь шла о возможности совместных действий хорватов и сербов против турок. Елаич ответил, что вместе с Княжеством готов содействовать освобождению Боснии и Герцеговины. В конце апреля 1848 г. М. Бан посетил Черногорию. Владыка Петр II Негош принял его с воодушевлением, полностью поддержав план относительно создания Югославии. Он предложил для его исполнения участие 6–7 тыс. черногорцев. Негош согласился признать право Александра на престол, за собой же оставлял место главы православной церкви нового государства. Негош и позднее стремился к сотрудничеству с лидерами австрийских югославян, его особые симпатии вызывал бан Елаич. В конце мая 1848 г. Негош издал «Объявление бокельцам и далматинцам», в котором призывал их «быть сердцем и душою приверженными своей народности и полностью преданными и послушными Елаичу, единоплеменному бану из Триединого королевства, которое принадлежит короне австрийской». Причиной этого обращения стала популярность среди жителей Боки Которской итальянских рево-

люционеров⁵⁵. Негош не препятствовал позднее переходу в габсбургские земли черногорцев, желавших сражаться на стороне хорватов и сербов против венгерских войск. За успешные действия в войне с венграми он наградил медалями Милоша Обилича предводителей сербских войск С. Кничанина, М. Блазноваца и Д. Стратимировича⁵⁶.

Успехи М. Бана в Далмации были менее впечатляющими. Но он все же надеялся в будущем наладить с далматинцами тесное сотрудничество. В письме к Кничанину 7 апреля 1848 г. из Задара он отмечал, что некоторые города Далмации требуют введения славянского языка и союза с хорватами, другие же желают самостоятельности Далмации при сохранении итальянского языка в качестве главного. М. Бан решил проехать по всей Далмации и везде агитировать за объединение ее с Хорватией и за введение в ней народного славянского языка⁵⁷.

Довольно успешно действовал Херкалович: ему удалось получить от сербского правительства для Елаичча 5 тыс. дукатов⁵⁸.

Во второй половине апреля Зах также отправился в Загреб. Согласно его донесению Чайковскому 1 апреля, он предполагал после хорватской столицы поехать к Кошуту, которого надеялся убедить начать войну с Россией. Польский эмиссар был уверен, что к венгерской армии немедленно присоединятся поляки, что венгров поддержат Франция, вся Германия и Англия. С таким маршрутом, по-видимому, были согласны Гарашанин и Симич, которые выделили Заху на дорогу 300 дукатов. Однако после беседы с Гаем и Елаичем Зах понял, что оба они решительно настроены против венгров в пользу венского двора. Елаич ожидал войны с Пештом и считал, что в случае начала военных действий с венграми Сербия окажет помощь хорватам. Об этих переговорах Зах сообщал Чайковскому 17 мая⁵⁹. Уже при первом столкновении с действительностью он увидел несбыточность тех планов, которые строила польская эмиграция, исходившая не из реального положения, а из своих пожеланий.

Члены «Тайного демократического панславянского клуба» действовали среди южных славян не без ведома сербского правительства, и прежде всего Гарашанина. Они выполняли отдельные поручения последнего, слали ему свои отчеты. Вместе с тем нельзя полностью идентифицировать планы «Клуба» и сербского правительства, которое осторожно относилось к тесному сотрудничеству с хорватами, ибо часть хорватских политиков стояла за присоединение Боснии к Триединому королевству. Так что в значительной степени М. Бан и его соратники действовали от своего

имени, стараясь объединить вокруг своих югославистских планов лидеров южных славян.

Программы общественных кругов, группировавшихся вокруг Дружиньи сербской молодежи и «Тайного демократического панславянского клуба», уже на начальных этапах революции вырисовывались достаточно отчетливо: Дружина стремилась к объединению сербов и освобождению их от турецкого ига, «Клуб» — к объединению всех южных славян в единое государство.

Революция внесла изменения в проекты сербских правительственные кругов. В марте 1848 г. сербский представитель в Стамбуле К. Николаевич составил план образования обширной автономной административно-политической единицы в составе Османской империи. Предусматривалось присоединение к Сербии Боснии, Герцеговины, Черногории, Северной Албании и создание из них Сербского вице-королевства. Оно должно было пользоваться теми же правами, что и княжество Сербия, т. е. само определяло бы свои законы и конституцию, имело бы свою армию для охраны собственных границ, обладало бы правом открывать торговые представительства по всей Османской империи и в других государствах, существовало бы на собственные доходы, отдавая султану только таможенные сборы. Связь вице-королевства с Портой должна была осуществляться через его представительство в Стамбуле. Согласно проекту, православным и мусульманам предоставлялись равные права. В проекте Николаевича отводилось место и болгарам: хотя они не должны были войти в состав Сербского вице-королевства, но получали те же права, что мусульмане, в том числе право занимать все государственные должности⁶⁰.

Проект Николаевича был написан по указанию Гарашанина. Одновременно Гарашанин поручил Й. Мариновичу, только что вернувшемуся из Парижа, написать проект преобразований в отношении славян Османской империи. Составленная им «Записка о христианах в Турецкой империи» была значительно скромнее, чем план Николаевича. Она предусматривала разрешение христианам выбирать чиновников, которые затем утверждались султанским указом, а также избирать митрополитов из числа соотечественников. Митрополит должен был ведать церковными и школьными делами.

Записка Мариновича была отправлена Гарашаниным Николаевичу для передачи ее султану. Но Николаевич отдал свой проект, который султан отверг. Этому способствовал и австрийский посол граф Штурмер, сообщивший турецкому правительству о якобы

существующей договоренности между Сербией и иллирами о начале восстания против турок и австрийцев и о создании после победы независимого Сербского государства. Турки даже двинули войска к границам Сербии. Эта акция была отменена только после вмешательства Франции, которая заверила Порту, что Штурмер лжет⁶¹. Но имея в виду деятельность членов «Тайного демократического панславянского клуба» в Загребе, Цетинье и других местах, можно предположить, что сообщение Штурмера не было совсем безосновательным.

В Сербии существовали политики, которые выступали против любых сношений сербов Княжества с воеводинскими сербами. Их главою являлся Т. Вучич. Он уже в марте 1848 г. собрал видных белградских торговцев и заявил им о необходимости поддерживать в Сербии мир и порядок, давая отпор провокациям из-за границы. С этим был вполне согласен французский консул в Белграде Лемперани. Он выступал против любой помощи воеводинцам, против всяких планов объединения Сербии с Боснией, Герцеговиной и другими славянскими землями. Во всех подобных проектах Лемперани видел руку Петербурга, который якобы пытался организовать на Дунае новое княжество, полностью подчиненное России⁶². Таким образом, Гарашанин не мог опереться на своего главного покровителя Францию, поскольку последняя совершенно не сочувствовала его планам объединения всех сербов вокруг Княжества. Особенно четко проявилась разность позиций французских и сербских правящих кругов в отношении сербско-венгерского противостояния в Габсбургской монархии.

Начавшаяся в конце марта конфронтация между сербами и хорватами, с одной стороны, и венграми, с другой, нарастала с каждым днем. Майская скупщина в Сремски-Карловцах привлекла внимание сербских патриотов из Княжества. Некоторые из них присутствовали на ней. Венгерское правительство не признало решений Майской скупщины, а вслед за ним это сделали и венские правящие круги. Назревали серьезные военные действия между венграми и воеводинцами. 20 мая Стратимирович обратился за помощью к князю Александру и к члену совета С. Кничанину. 29 мая Гарашанин ответил Стратимировичу, что он, князь и весь сербский народ рассматривают дело воеводинских сербов как свое собственное⁶³. Это заявление Гарашанина было вполне искренним, ибо согласно его «Начертанию» все сербы должны были в конце концов слиться в одном государстве. Приблизительно в то же время Гарашанин писал своему близко-

му соратнику С. Теньке, что движение в Воеводине можно использовать в интересах всех сербов. Когда 12 июня венгерские отряды напали на Сремски-Карловци и началась сербско-венгерская война, в Княжестве стали создаваться отряды добровольцев, отправлявшиеся на помощь воеводинским сербам.

Под влиянием событий в Австрии и настроения сербской общественности правительство Княжества решило созвать скупщину. Она была проведена в день св. Петра (29 июня 1848 г.) и поэтому получила название Петровской. На скупщине шла борьба между сторонниками Вучича и Гарашанина. В результате трое сподвижников Гарашанина, С. Кничанин, Л. Зубан и А. Янкович, вынуждены были уйти в отставку. Было принято решение сохранить мир в Сербии и не направлять в Воеводину добровольцев, а у турецкого правительства потребовать выдворения турецких гарнизонов из Сербии и предоставления наследственного княжеского права для династии Карагеоргиевичей. На скупщине выступили и либералы, которые требовали регулярного ее созыва, предоставления свободы слова и борьбы со злоупотреблениями чиновников. Однако эти требования никак не отразились на решениях скупщины.

После открытого заседания скупщины состоялось тайное совещание, на котором с просьбой о помощи выступил П. Стаматович, протоиерей из Нови-Сада. На совещании собрались те сербские политики, которые сочувствовали борьбе австрийских сербов против правительства Кошути. По предложению Гарашанина было принято решение, сохраняя внешний нейтралитет, оказывать воеводинцам военную помощь⁶⁴. И до этого молодежь из Княжества отправлялась в Воеводину сражаться против венгров. Теперь же стали организовываться отряды добровольцев, во главе которых в начале августа был поставлен один из ближайших соратников Гарашанина С. Кничанин. К концу 1848 г. под его руководством находилось около 10 тыс. человек, которые успешно отражали атаки венгерских войск. В ноябре 1848 г. правительство Княжества передало воеводинцам 4700 ружей, а в декабре 20 тыс. дукатов. Кничанин получил звание воеводы.

Положение сербского правительства было довольно двусмысленным. Уже вскоре после проведения Петровской скупщины во французском консульстве в Белграде произошла встреча, на которой присутствовали белградский паша, французский консул, представители сербского правительства и польский агент Ленуар. Снова было подтверждено стремление Сербии освободиться от

российского влияния, опираясь на поддержку Турции и Франции. Особенно разжигали недовольство Сербии по отношению к России французы. Они решительно настаивали также, чтобы Княжество не оказывало помощь воеводинским сербам. Об этом говорил и приезжавший в Белград в августе 1848 г. французский представитель Лефранс. Он убеждал сербское правительство содействовать примирению воеводинцев с Кошутом. В этом важном вопросе проявилось несходство позиций Княжества и его покровителей. В дальнейшем таких различий в подходе к тем или иным событиям накапливалось все больше.

В сложные взаимоотношения, складывавшиеся между Княжеством, воеводинскими сербами, Турцией, Францией и Венгрией, активно вмешивались интересы польской эмиграции, хотя в целом действовавшей в русле французской политики, но одновременно проводившей и свою собственную линию. В Белграде после отъезда Заха представителем партии Чарторыского стал Ленуар. В инструкции от 16 июня 1848 г. Чайковский так определял его задачи: «отвратить славян от панславизма и немецкой конфедерации, сотрудничать с Османским правительством и договориться с итальянцами». Кроме того, Ленуару предлагалось установить контакты с румынами, боснийцами, герцеговинским пашой и черногорским владыкой⁶⁵. Задачи были поставлены огромные и противоречивые, их выполнение заранее было обречено на неудачу.

Ленуар принял на себя роль посредника в переговорах между воеводинскими сербами и венграми. Раич выставил перед правительством Кошута единственное требование — признание решений Майской скупщины. Венгры не желали идти на уступки, и переговоры кончились безрезультатно. Ленуар пытался наладить отношения и с хорватами. В письме Чарторыскому от 4 сентября он вынужден был признать, что в Загребе сильны антивенгерские настроения, Елаич стоит на проавстрийских позициях, которые поддерживает народ. Раич и воеводинские сербы также ориентированы на венский двор и сохранение Габсбургской монархии. Ленуар писал, что подобные советы давал сербам русский консул Г. И. Данилевский, когда приезжал в Земун⁶⁶.

Отношение польской эмиграции к событиям в Австрии и на Балканах в значительной степени диктовалось ее ненавистью к России. Она с большим сочувствием относилась к венгерской революции и настороженно — к национальным движениям южных славян. Для Чарторыского и его окружения главным врагом была Россия, и все, что помогало ее ослабить, что содействовало

ее поражению, являлось для них полезным. Это хорошо показывает переписка консервативной парижской эмиграции со своими агентами в Османской империи Ленуаром и Чайковским. В уже упомянутой инструкции Ленуару от 16 июня 1848 г. подчеркивалось: ему надлежит сообщить Гарашанину, что Франция понимает стремления югославян, но желает, чтобы подданные Порты не действовали против нее. Указывалось, что объединение австрийских и турецких славян несомненно бы ускорила война с Москвой. В том же духе Ленуару рекомендовалось вести беседы и с другими лидерами уставобранителей — Т. Вучичем и А. Петровиевичем⁶⁷.

Часто польские агенты не могли действовать так, как им предлагал Чарторыйский, поскольку действительное положение дел весьма отличалось от его представлений. В этом отношении интересна история Заха. После посещения Загреба он оказался на Славянском съезде в Праге, став там заместителем председателя югославянской секции. Ее председателем был избран священник из Нови-Сада П. Стаматович. Югославянская секция выдвинула Заха своим представителем в комиссию по редакции протоколов съезда, которую возглавлял Ф. Палацкий. Зах поддерживал идею превращения Габсбургской монархии в федеративное славянское государство, но этот австрославистский проект он дополнил планом освобождения южных славян во главе с Сербией от власти Османской империи и последующего присоединения их к Австрийской федерации⁶⁸. Как можно видеть, планы Заха весьма отличались и от проекта создания Сербского вице-королевства, которое поддерживал Гарашанин и которому сочувствовали парижские поляки. Общение с лидерами славянских движений заставило Заха пересмотреть те взгляды, которых он придерживался, находясь в Белграде. Непосредственно на съезде Зах вел переговоры со славянскими национальными лидерами. Так, он беседовал с Л. Арсениевичем и Й. Мариновичем, которые, представляя интересы сербов Княжества, присутствовали на съезде в качестве наблюдателей. О содержании переговоров он доложил Чайковскому: по мнению Арсениевича и Мариновича, существует согласие как среди австрийских славян, так и между австрийскими славянами, с одной стороны, и турецкими — с другой. Все предвидят войну венгров со славянами, и скорее всего в этом случае все австрийские славяне будут действовать против венгров.

В донесении Заха привлекает внимание одна очень любопытная фраза: славяне принимают идею создания собственного царства от Балтики до Адриатики. Именно в этом заключался смысл и глав-

ная цель польской эмиграции — славянское государство от моря до моря являлось практически вариантом мечты польских националистов о Польше от моря до моря. Поскольку основным препятствием к достижению этой цели они считали Россию, они стремились убедить других славян, что именно она является их врагом, а не Австрия и Турция, столетиями их угнетавшие. Этого добиться было не так просто, хотя правящие круги Сербии и сочувствовали такой идеи. Как сообщал Ленуар Чайковскому 6 июля 1848 г., Гарашанин убежден, что славянство может освободиться только с Польшей и при помощи Польши. Ему понравилась мысль о присоединении австрийских славян к Порте в случае, если Габсбурги предадут славян. Ленуар был у князя Александра в Крагуеваце, и тот согласен на все, что славяне будут делать при поддержке Польши и Франции: он готов признать господство над ними турок и Габсбургов, но только не Москвы⁶⁹. В своей записке от сентября 1848 г. Ленуар предлагал полонизировать национальное движение южных славян, послав к сербам и хорватам польских офицеров. Если Турция и Франция всерьез не займутся славянами, писал он, то последние попадут в руки России⁷⁰.

Вопрос о польских офицерах ставился Ленуаром не случайно. Когда в июле 1848 г. с письмом от Заха к Чайковскому в Стамбул прибыл хорватский граф А. Нугент, он попросил о содействии поляков югославянам в борьбе с немцами и венграми. Тогда же Ленуар сообщил Чайковскому о просьбе сербского правительства прислать польских офицеров и генералов, чтобы они возглавили славянское войско, сражающееся против венгров. Сербское правительство выделяло для этой цели 120 тыс. франков. Оно предлагало также сформировать легион из галицийских поляков. Чайковский не замедлил передать эту просьбу в Париж. На его запрос ответил один из лидеров польской консервативной эмиграции В. Замойский. Он подчеркнул, что поляки не могут входить ни в какие соглашения с южными славянами, поскольку они уже связаны договорами о сотрудничестве с итальянцами. Вскоре до Чайковского дошли слухи, что галицийские поляки вообще не желают сотрудничать с южными славянами⁷¹. Так что пожелания Ленуара, высказанные им в записке, не были пустыми проектами: они базировались на просьбах сербского правительства и, вероятно, хорватов, однако эти просьбы ответного отклика со стороны поляков не нашли. В сентябре 1848 г. Чайковский снова подчеркивал, что поляки обязаны объединиться со славянами, ибо только это сможет оттолкнуть последних от русского панславизма⁷².

Но все получалось совсем не так, как хотели польские агенты в Османской империи. Польские патриоты сражались на стороне немецких и венгерских революционеров против отрядов сербов, хорватов, словаков. Они не только не возглавили славянское движение, но выступали против него. Даже Гарашанин, который был готов поддержать планы польской эмиграции, жаловался Чайковскому в конце августа 1848 г., что поляки в Галиции и Вене симпатизируют мадьярам, и это толкает сербов в объятия России⁷³.

Таким образом, планы польской эмиграции и планы польских патриотов, действовавших в Австрии, оказались различными. Польская эмиграция, особенно ее агенты в южнославянских землях сочувствовали славянам. Зах, пожалуй, больше, чем другие польские агенты в Турции, не был согласен с политикой австрийских поляков, с политикой партии Чарторыского. По мнению чешского ученого В. Жачека, он относился к ней критически уже в 1846 г.⁷⁴. После Славянского съезда Зах стал одним из лидеров вооруженного выступления словаков против венгров. Об этом Ленуар с удовлетворением сообщал Чайковскому в августе 1848 г.⁷⁵. В сентябре Ленуар подчеркивал, что во Франции ошибочно считают славянское движение реакционным, оно становится все более важным фактором⁷⁶. Ленуар тоже склонялся к тому, чтобы встать на сторону славян. Даже Чайковский, главный польский агент в Османской империи, во время Славянского съезда в Праге поддержал предложение графа А. Нугента, по всей вероятности согласованное с Елаичем, об освобождении австрийских славян при активной поддержке поляков от власти Габсбургов и создании ими совместно с турецкими славянами федеративного политического объединения под верховным главенством турецкого султана как потомка сербских королей по женской линии⁷⁷. Предложение Нугента вполне согласовывалось с планом организации Сербского вице-королевства, который Чайковский одобрил еще в марте 1848 г. Именно по запросу Чайковского из Парижа были посланы в югославянские земли Австрийской империи несколько польских агентов для изучения обстановки на месте: в Белград — Ю. Корсак, в Хорватию и Воеводину — Будзиньский, Илиньский и Вроновский. Будзиньский, приехавший в Сремски-Карловци, убеждал Раичча и Стратимировича составить послание к султану с просьбой дозволить воеводинским сербам объединиться с сербами из княжества под властью Порты. Такая петиция была составлена и подписана Раиччем и Стратимировичем⁷⁸. Вроновский из Загреба просил денег для поддержки Елаича. Польский эмиссар настолько проникся со-

чувствием к хорватам, что не вернулся в Париж, а остался в артиллерийском подразделении хорватской армии⁷⁹.

В октябре 1848 г. после открытого разрыва между Пештом и Веной К. Николаевич в письме к Гарашанину расширил свой проект создания Сербского вице-королевства, предложив включить в его состав в случае распада Австрии австрийских югославян. Таким образом образовалось бы единое чисто южнославянское царство, которое вместе с Турцией составило бы дуалистическое государство или бы стало независимым. В это время Княжество уже открыто отправляло своих добровольцев в Воеводину. Установились постоянные контакты между правительством Сербии и лидерами воеводинцев: к патриарху Раяиччу часто ездили С. Симич и С. Тенка, сам патриарх неоднократно наведывался в Белград. В начале 1849 г. сербы под руководством Кничанина одержали ряд побед над венграми. Австрийское правительство, опасаясь усиления влияния княжества Сербии в Воеводине, обвинило Сербию перед Портой в стремлении взбунтовать всех славян в Габсбургской монархии, а затем и в Османской империи. По представлению Штюрмера турецкое правительство решительно потребовало от князя Александра прекратить всякую помощь воеводинцам. Сербское правительство вынуждено было подчиниться. Оно даже отказалось Раяиччу в помощи при разработке воеводинской конституции, чтобы его не могли упрекнуть в продолжении сотрудничества с австрийскими сербами⁸⁰.

После ухода добровольцев в конце февраля 1849 г. положение на венгерско-сербском фронте переменилось в пользу венгров. В связи с успешным наступлением венгров в Воеводине и занятием ими Србобрана Раяич обратился к сербскому правительству с просьбой вернуть сербских добровольцев во главе с Кничаниным⁸¹. Гарашанин твердо принял сторону австрийских сербов и разрешил Кничанину и его отряду вернуться в Воеводину.

Поляки и французы не оставляли попыток примирить воеводинских сербов с венграми, стараясь привлечь к этому и политиков Княжества. В апреле 1849 г. полковник Быстшоновский уговаривал Кничанина начать переговоры с венграми. Гарашанин, узнав об этом, рекомендовал Кничанину не доверять поляку, который, по его мнению, являлся врагом сербов. «Война с венграми, — писал Гарашанин, — и ничто другое может освободить от них сербов»⁸². Когда стало ясно, что австрийская армия даже при поддержке славян не в состоянии справиться с венграми, венское правительство обратилось за помощью к русскому царю, хотя еще в январе 1849 г. отвергло его предложение о помощи. Узнав

об обращении австрийского императора к России, венгры решили форсировать переговоры с сербами. Венгерский генерал М. Перцель, действовавший в Воеводине, предлагал сербам мир на приемлемых для них условиях, обещав признание венгерской стороной решений Майской скупщины. Однако Кошут решительно отказался поддержать Перцеля. «Не может быть, — заявил он, — сербского воеводства, сербского провинциального собрания, ибо в Венгрии нет Сербии»⁸³.

В мае в Белград от имени Перцеля дважды приезжал Быстшоновский. Он обещал Гарашанину в обмен на помощь Венгрии поддержку в воссоздании «старого сербского царства». Для борьбы с Турцией он обещал 10 млн. форинтов и 50 тыс. войска⁸⁴. Предложение Быстшоновского никак не согласовывалось ни с позицией Франции и Турции, ни с возможностями польской эмиграции, ни с интересами сербов — оно полностью соответствовало только интересам венгров. Само собой, такое предложение было отвергнуто правительством Княжества. В конце мая в Белграде вели переговоры с Гарашаниным граф Д. Андраши, но и они не дали результатов. Сербское правительство, ожидавшее, что русская армия со дня на день вступит в венгерские земли, не было заинтересовано в каких-либо соглашениях с венграми, тем более что Пешт не был готов к уступкам воеводинцам.

Отношение к России сербских правящих кругов в период революции было неприязненным, что обуславливалось их ориентацией на враждебно настроенных к ней Турцию, Францию и польскую эмиграцию. Уже 9 марта 1848 г. И. Блазновац писал Кничанину из Вены о своем разговоре с Гаем по поводу грядущих событий. Гай, в частности, ему сказал, что в России начнется революция и народу дадут конституцию. Это высказывание Блазновац прокомментировал по-своему: во время европейского мятежа «Россия может с помощью Михаила и Милоша (Обреновичей. — И. Ч.) мутить Сербию»⁸⁵. Такое мнение было необоснованным. Спустя три недели — 16 (28) марта — австрийский консул в Белграде сообщал в Вену: «Не могу довольно похвалить лояльную, мудрую и сильную поддержку, которую я нашел в эти дни у полковника Данилевского (русского консула в Белграде. — И. Ч.) в деле сохранения мира в Турецкой империи и, может быть, всей Европы»⁸⁶. О той же миролюбивой позиции русского представителя писал 4 апреля Гарашанин в письме к Й. Мариновичу, сербскому посланнику в Париже. Однако, несмотря на это, Гарашанин финансировал поездку Заха в Загреб, а затем к Кошуту. Венгерского лидера Зах должен был призвать начать войну против России⁸⁷.

Антируссская позиция правящих кругов Сербии подогревалась Францией. В начале революции французское посольство в Турции страшало последнюю увеличением опасности со стороны России, слухами о русских войсках на границах с Молдавией, о 30 русских военных кораблях, готовых выйти из Севастополя. В том же духе французы действовали и в Австрии. Франция пыталась использовать Австрию и Турцию в качестве инструмента для борьбы с Россией за влияние на Балканах. Французский консул в Белграде заявил сербскому правительству, что Франция будет препятствовать созданию на Балканах славянской конфедерации под главенством России. Эта позиция полностью разделялась сербским правительством. В отличие от правящих кругов, большинство сербов были настроены против турок и венгров и видели своего защитника в России⁸⁸. Поэтому появление русских войск в Венгерском королевстве было встречено сербским правительством сдержанно. В июне 1849 г. в Белград князю Александру было доставлено письмо Николая I и орден Белого орла. Награды получили также и другие высокопоставленные особы. В письме царь отмечал, что сербские политики были награждены за то, что руководство Княжества сумело оградить свою страну от революционных волнений, а также за то, что «если они приняли участие в судьбе австрийских славян, то умели соблюсти в сем деле все благородие, какого требовали обстоятельства». Австрийское правительство также наградило ряд сербских политиков, при этом Гарашанин от австрийского ордена отказался. Он объяснил свой поступок тем, что не хочет, чтобы думали, что он старался ради Франца-Иосифа⁸⁹.

Несмотря на награды, ни российские, ни австрийские правящие круги не доверяли сербскому правительству. Министерство иностранных дел России было убеждено, что русский консул в Белграде Данилевский многое не понял в расстановке сил в Сербии, не увидел антируссской направленности деятельности уставобранителей. В начале 1849 г. он был заменен в Белграде Д. С. Левшиным. В июле 1849 г. отношения между Россией и Сербией стали обостряться. После разгрома венгерской армии тысячи ее солдат двинулись к границам Княжества, чтобы через его территорию перейти в Турцию. Сначала Гарашанин был против этого, но в августе стал склоняться к мысли об их пропуске. Несмотря на резкое противодействие Левшина, сербское правительство разрешило пройти через территорию Княжества солдатам венгерской армии и польского легиона, сражавшегося на стороне Кошута. Десятки поляков остались в Сербии. Этот

акт сербского правительства вызвал резкую реакцию России и Австрии.

Итоги политики сербского правительства в период революции 1848–1849 гг. можно оценить двояко. С точки зрения внешнеполитического положения Сербия ухудшила свои позиции. Ставя цель создания обширного государства, объединявшего всех сербов, она полагала достичь ее с помощью Франции и Турции. Но ни та, ни другая совсем не были склонны способствовать осуществлению этой цели сербского правительства. Турция желала, чтобы Сербия оставалась ее провинцией, Франции Сербия была нужна как плацдарм на Балканах, с помощью которого она рассчитывала вытеснить оттуда Россию. Польская эмиграция, через которую действовала Франция, стремилась сделать Сербию своим союзником на Балканах, но показала свою полную политическую несостоятельность: руководствуясь злобой по отношению к России, она не сумела понять всю сложность ситуации в Австрии и Османской империи; раздавая пустые обещания и пытаясь соединить несоединимое, она дискредитировала себя в глазах южных славян. Ориентация уставобранителей на Францию и Турцию не принесла им дивидендов. Пропустив по их настоянию венгерские и польские отряды, сербское правительство обострило отношения с Россией, своей официальной покровительницей. Ухудшились отношения Сербии и с Австрией.

Но в отношениях с австрийскими славянами Княжество сумело добиться определенных успехов, ибо здесь оно действовало исходя из своих национальных интересов. Окрепли его связи с воеводинскими сербами, упрочились контакты с хорватами. Появилось понимание общих целей и задач, подкрепленное совместной борьбой против общего врага — венгров.

К концу революции в Сербии оформились две национальные программы. Первая из них «Начертание» появилась еще в 1844 г. Она имела целью объединение всех земель, где жили сербы, вокруг Княжества и образование единого Сербского государства. В результате идеологического взаимодействия с австрийскими югославянами, прежде всего с хорватскими иллирами, возник проект создания более обширного государственного объединения, включавшего не только сербские, но и другие южнославянские земли. Оформление двух национальных программ — великосербской и югославянской — стало важным шагом в национальном развитии Княжества, в формировании нового направления его внешней политики, а также в формировании сербской общественной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достян И. С. Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 98–104.
- ² Екмечић М. Стварање Југославије. Београд, 1989. С. 495.
- ³ Šidak J. Študije iz Hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979. S. 44–56.
- ⁴ Гавриловић С. Срби у хабсбуршкој монархији 1792–1849. Нови-Сад, 1994. С. 36, 44–50.
- ⁵ Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–1849. Март-јуни 1848. Београд, 1952. С. 45–47.
- ⁶ Том З. Кошут и национальный вопрос. Будапешт, 1954. С. 7, 8; Гавриловић С. Указ. соч. С. 51.
- ⁷ Korunić P. Jugoslavenska ideologija u horvatskoj i slovenskoj politici. Ljubljana, 1986. S. 146; Екмечић М. Указ. соч. С. 502, 503.
- ⁸ Гавриловић С. Указ. соч. С. 41, 42.
- ⁹ Грађа... С. 113.
- ¹⁰ Гавриловић С. Указ. соч. С. 55, 56.
- ¹¹ Лещиловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848–1849 гг. М., 1977. С. 125, 130, 131.
- ¹² Гавриловић С. Указ. соч. С. 70.
- ¹³ Цит. по кн.: Гавриловић С. Указ. соч. С. 84, 85, 87, 88.
- ¹⁴ Цит. по кн.: Гавриловић С. Указ. соч. С. 95.
- ¹⁵ Перовић Р. О српском покрету у Војводини. 1848–1849 // Грађа... С. XXVII.
- ¹⁶ Цит. по кн.: Крестић В. Историја срба у Хрватској и Славонији 1848–1914. Београд, 1992. С. 20–23.
- ¹⁷ Šidak J. Op. cit. S. 198, 204, 205.
- ¹⁸ Екмечић М. Указ. соч. С. 546.
- ¹⁹ Цит. по кн.: Šidak J. Op. cit. S. 229–232.
- ²⁰ Крестић В. Указ. соч. С. 24–27.
- ²¹ Екмечић М. Указ. соч. С. 530, 532, 533, 550.
- ²² Цит. по кн.: Перовић Р. Указ. соч. С. XI.
- ²³ Цит. по кн.: Лещиловская И. И. Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ Korunić P. Op. cit. S. 111, 114, 115.
- ²⁵ Гавриловић С. Указ. соч. С. 126–128.
- ²⁶ Чуркина И. В. Михаил Федорович Раевский и его записки о национальном движении южных славян в 1848–1849 гг. // Революции и реформы на Балканах. М., 1994. С. 70.
- ²⁷ Шпира Ђ. В сенци двоглавог орла // Српско-мађарски односи и сарадње 1848–1867. Београд, 1987. С. 57, 58.
- ²⁸ Гавриловић С. Указ. соч. С. 129.
- ²⁹ Чуркина И. В. Указ. соч. С. 72; Историја српског народа. Београд, 1981. Кн. 5. Т. 2. С. 94.

- ³⁰ Рос. гос. архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 8 об, 11–11 об.
- ³¹ Josip Juraj Strossmayer. Dokumenti i corespondencija od god 1815 do god 1859 / Ed. par F. Šišić. Zagreb, 1933. Кн. 1. С. 45.
- ³² РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 14 об., 15, 137–137 об.
- ³³ Чуркина И. В. К вопросу о первом русском обществе помощи юношеству славянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 62–75.
- ³⁴ Šidak J. Op. cit. S. 316, 317.
- ³⁵ Цит. по кн.: Перовић Р. Указ. соч. С. XXXIV, XXXV.
- ³⁶ Штира Ђ. Указ. соч. С. 61, 62, 69, 72, 73.
- ³⁷ Крестић В. Политика срба из Угарске према мађарима од 1849 до 1867 године // Српско-мађарски односи... С. 95.
- ³⁸ Екмечић М. Указ. соч. С. 572.
- ³⁹ Korunić P. Op. cit. S. 154.
- ⁴⁰ Ibid. S. 148, 153.
- ⁴¹ Цит. по кн.: Korunić P. Op. cit. S. 147, 150.
- ⁴² Данилова А. В. Хорватская культура (1835–1865) // Становление национальной классики. М., 1991. С. 131.
- ⁴³ Екмечић М. Указ. соч. С. 177.
- ⁴⁴ Достјан И. С. Указ. соч. С. 98–104.
- ⁴⁵ Дурковић-Јакшић Л. О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841–1843) // Зборник за историју. Београд, 1974. № 9. С. 43–45.
- ⁴⁶ Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. М., 1995. С. 47–51.
- ⁴⁷ Стојанчевић В. Србија и булгари 1804–1878. Београд, 1988. С. 146.
- ⁴⁸ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 86.
- ⁴⁹ Грађа... С. 31–32, 33–34.
- ⁵⁰ Там же. С. 43.
- ⁵¹ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 108.
- ⁵² Екмечић М. Гарађанин, Чарториски и мађари // Српско-мађарски односи... С. 4–5.
- ⁵³ Дурковић-Јакшић Л. Србијанско-црногорска сарадња (1830–1850). Београд, 1968. С. 87–88.
- ⁵⁴ Грађа... С. 31.
- ⁵⁵ Цит. по кн.: Аншаков Ю. П. Становление черногорской государственности и Россия. М., 1998. С. 290–292.
- ⁵⁶ Дурковић-Јакшић Л. Указ. соч. С. 105.
- ⁵⁷ Грађа... С. 135–136.
- ⁵⁸ Šidak J. Op. cit. S. 89–91.
- ⁵⁹ Екмечић М. Гарађанин... С. 7–9.
- ⁶⁰ Јушић Р. Илија Гарађанин о српској државности // Илија Гарађанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 157–158.
- ⁶¹ Писма Илије Гарађанина Јовану Мариновићу. Београд, 1931. С. 4–7.

- ⁶² Вучковић В. Рад французских представника у Србији 1848–1849 на измирењу Јужних Словена са Мађарима // Зборник Матице српске за друштвено науке. Нови-Сад, 1956. № 13–14. С. 149–150.
- ⁶³ Гавриловић С. Указ. соч. С. 96–97.
- ⁶⁴ Савковић Ј. Фердинанд Мајерхофер у српском покрету 1848–1849 на измирењу Јужних Словена са Мађарима // Зборник... С. 92.
- ⁶⁵ Екмечић М. Гарашанин... С. 9.
- ⁶⁶ Там же. С. 15, 16.
- ⁶⁷ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее — BCzart). 5387. III. К. 2–3 odwr. Здесь и далее использованы материалы Библиотеки Чарторыских, любезно предоставленные С. М. Фалькович.
- ⁶⁸ Заћек В. František F. Zach. Praha, 1977. S. 109, 112, 115.
- ⁶⁹ BCzart. 5387. III. К. 14.
- ⁷⁰ Ibid. К. 18, 18 odwr.
- ⁷¹ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 112, 113.
- ⁷² BCzart. 5387. III. К. 26.
- ⁷³ Ibid. К. 25 odwr.
- ⁷⁴ Заћек В. Op. cit. S. 97.
- ⁷⁵ BCzart. 5387. III. К. 23.
- ⁷⁶ Ibid. К. 17 odwr., 18.
- ⁷⁷ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 112.
- ⁷⁸ Екмечић М. Гарашанин... С. 32.
- ⁷⁹ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 114.
- ⁸⁰ Там же. С. 120, 121.
- ⁸¹ Гавриловић С. Указ. соч. С. 141.
- ⁸² Цит. по кн.: Никифоров К. В. Указ. соч. С. 122.
- ⁸³ Цит. по кн.: История Венгрии. М., 1972. С. 170, 171.
- ⁸⁴ Страњаковић Д. Држање Србије према Аустрије и Мађарима 1848–1849 // Југословенски часопис. Београд, 1935. Св. 3–4. С. 416.
- ⁸⁵ Цит. по кн.: Никифоров К. В. Указ. соч. С. 124, 125.
- ⁸⁶ Грађа... С. 59.
- ⁸⁷ Екмечић М. Гарашанин... С. 7.
- ⁸⁸ Чуркина И. В. Михаил Федорович Раевский... С. 77–79.
- ⁸⁹ Цит. по кн.: Никифоров К. В. Указ. соч. С. 125.

IX. ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА И ТРАНСИЛЬВАНИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ЗАДАЧИ ОСВОБОЖДЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ (1848–1849 гг.)

1. Национальный вопрос в Молдавии, Валахии и Трансильвании

Национальная идея в населенных румынами Дунайских княжествах, Молдавском и Валашском, и в Трансильвании развивалась под доминирующим влиянием освободительных задач.

Правда, жители Дунайских княжеств, находясь под властью Османской империи, сумели сохранить известную самостоятельность. Не прервалось развитие национальной государственности, но с сильно урезанным суверенитетом. Княжества обязаны были выплачивать Высокой Порте дань, поставлять зерно, скот и лес в Стамбул по ценам, назначавшимся турецкими властями, участвовать своими вооруженными силами в походах османской армии. Они лишились права самостоятельного выхода на внешний рынок.

В Молдавии и Валахии сохранилась неурезанная социальная структура со «своим» господствующим классом — боярами, совмещавшими в одном лице крупного землевладельца и правительского чиновника. Князья (господари), ранее избиравшиеся боярством, стали назначаться султанским двором; оформление этого акта превратилось в выгодную финансовую операцию: претендент мостили дорогу к трону золотом, не забывая одаривать им не только вельмож, но и влиятельных обитательниц сераля. Поскольку срок правления не оговаривался, происходила частая смена лиц у кормила правления в Яссах и Бухаресте, а это побуждало их к быстрейшему обогащению, дабы с лихвой возместить потери, связанные с получением должности. По сути дела, Молдавия и Валахия отдавались на откуп господарям. Княжества лишились права на содержание собственных вооруженных сил, их заменили отряды иноземных наемников. Грозные турецкие крепости Измаил, Бендера, Брэила, Журжево (Джурджу), Турну-Северин служили залогом покорности населения. При малейшем неповиновении князья вызывались в Стамбул, либо палач

прибывал на место и здесь затягивал шелковую петлю на шее провинившегося владыки. Начавшийся в XVIII в. упадок Османской державы привел к ослаблению центральной власти, росту сепаратистских стремлений отдельных пашей и аянов (представителей местной администрации), шайки которых предавались разнузданному грабежу, не щадя и жителей Дунайских княжеств и не обращая внимания на их автономный статус.

Прикованность к военно-феодальной системе Османской империи, разорительная дань, опустошающие войны, развертывавшиеся на землях Княжеств, отсутствие элементарной безопасности, всеобщая, начиная с господарей, неуверенность в завтрашнем дне обрекли экономику на стагнацию. Но духовные связи с зарубежьем не прекращались никогда, общность православной религии определяла особую интенсивность культурных сношений со стремительно возвышавшейся Россией. От нее ожидали в первую очередь избавления от несносного «агарянского» ига. В отношениях с Западом переломным стал век Просвещения, хотя в условиях поголовной неграмотности населения его плодами смогли воспользоваться одиночки, принадлежавшие почти исключительно к боярскому сословию. Пришедшие с Запада, прежде всего из Франции, идеи воспринимались и преломлялись ими с точки зрения насущных задач, стоявших перед Княжествами и с учетом сословных интересов крупного боярства. Свойственная иллюминизму вера в разум, гуманизм, уважение к человеческой личности встречали всеобщее одобрение у его немногочисленных адептов на Балканах. Современники Великой французской революции в Дунайских княжествах одобрительно отнеслись к идее суверенитета нации, но прошли мимо ее социальной программы. Безусловно положительную реакцию вызывали призывы к просвещению как к способу усовершенствования общества и осуждение деспотизма. Последнее рассматривалось как осуждение внешнего, османского владычества. Что же касается демократизации общественного и экономического строя, то молдо-валашские «книжники», как их тогда называли, оставались глухи. Получили распространение рационалистические взгляды, обсуждались идеи представительного правления, подразумевался раздел власти между господарем и боярами. Тезис о признании частной собственности священной и неприкосновенной воспринимался безусловно, так же как и уважение чести, личности и имущества. Зато положение о праве народа на свержение угнетателей вообще не удостаивалось внимания. Не встречала отклика и вхо-

дившая в систему взглядов просветителей критика духовенства: в православных Дунайских княжествах, где в условиях иноземного и иноверческого владычества конфессиональная принадлежность в определенной степени ассоциировалась с национальностью, церковь способствовала сохранению родного языка, развитию письменности, а ее служители, особенно низшие, участвовали в освободительном движении.

Трансильвания еще в XI в. вошла в состав Венгерского королевства, и к населявшим ее влахам добавились мадьяры. В XII–XIII вв. короли, заботясь об усилении своей власти, поощряли переселение в край секеев (представителей одной из этнических групп венгров), которым поручили охрану границы, а также немцев, главным образом из Саксонии (отсюда их обиходное название — саксы), значительная часть которых осела в городах и занялась ремеслом и торговлей. Позже Трансильвания оказалась вне Венгерского королевства, в системе земель, непосредственно подчинявшихся австрийской короне, но господство в ней венгерского дворянства осталось незыблемым. Этническое многоцветье дополнялось здесь религиозным: венгры придерживались католической и реформационной веры, половина влахов сохранила верность православию, другая приняла униатство, немцы были лютеранами. Не только язык и вера разделяли население, в гораздо большей степени в том были повинны архаическая государственная система и социальный строй княжества. В 40-е гг. XIX в. в нем проживало, по приблизительным подсчетам, 1,3 млн. румын, 0,6 млн. венгров и секеев и 0,2 млн. немцев¹. Но в правовом поле признавались три «исторические нации» — мадьяры, немцы и секеи, представленные в законодательном собрании Княжества. Румыны официальной «нацией» не считались и представительством не пользовались, что означало отказ от признания их языка и культуры, лишало их легальной возможности защиты национальных прав. В угнетенном положении оказались румыны и в плане социальном: их феодальная верхушка лишилась земель или омадьярилась еще в средние века. В отличие от Дунайских княжеств, румынская община Трансильвании не обладала полной социальной структурой, в ее среде помещики как социальная категория отсутствовали, крупный землевладелец-мадьяр противостоял зависимому крестьянину-румыну.

Трансильвания не стала плавильным тиглем различных этносов, история, обычаи, религия их разделяли. Они занимали разное место в государственной, социальной и политической структуре Княжества и сохраняли отчужденность, поразившую офице-

ров армии И. Ф. Паскевича в 1849 г.: «Четыре описанные племени, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»². Социальный антагонизм в крае осложнялся и углублялся национальной и религиозной разобщенностью и облекался в национальную форму. Силы, заинтересованные в притуплении антифеодальной направленности румынского движения, отсутствовали.

И в то же время Трансильвания с точки зрения экономического и социального развития стояла на порядок выше Дунайских княжеств — отсутствовал давящий пресс османского гнета. В конце XVIII в. на это окраинное владение Габсбургов были распространены реформы Иосифа II. И хотя правившее в Трансильвании венгерское дворянство вполне успешно сопротивлялось преобразованиям, но все же Княжество входило в христианско-европейскую, а не в мусульманско-азиатскую сферу культуры и экономики. В румынской общине появилась и окрепла интеллигентская прослойка (учителя, священники, студенты, учащиеся старших классов, офицеры двух пограничных полков, торговцы, арендаторы, банкиры, чиновники, не обремененные землею дворяне), возглавившая национальное движение. Не связанные с феодальной собственностью на землю, они гораздо решительнее молдо-валашских «книжников» из боярской среды выступали против существовавшего аграрного строя.

Тяжело переживали они унизительное состояние сородичей, бесправных в собственной стране. Экскурс в историю, чему способствовал серьезный образовательный ценз, сравнение жалкого «сегодня» с величественным прошлым рождали дух протesta. В конце XVIII в. выдающаяся роль в пробуждении национального сознания принадлежала представителям так называемой трансильванской школы — С. Мику-Клейну, Г. Шинкаю, П. Майору, опиравшимся на культ разума и личности, веру в благотворное влияние знаний. Целью их жизни стала борьба за равноправие румын, утверждение их в качестве «исторической нации». Важные аргументы черпались в историческом праве, в подчеркивании автохтонности романоязычного населения как наследника римлян. При этом умалялась роль дако-гетского субстрата и полностью отрицалось воздействие славянского элемента, весьма значительного, на формирование восточнороманской народнос-

ти, что сопровождалось кампанией за изгнание из языка слов, имевших славянские корни. Поданное императору Леопольду в марте 1791 г. прошение (*Supplex libellus valachorum*) свидетельствовало о высокой степени гражданской зрелости и национального самосознания у его авторов. В нем содержался протест против третирования румын как «терпимой» нации, говорилось о предоставлении им всех гражданских прав,уважительном отношении к православию и униатству, о предоставлении благородным и простому люду («плебсу») тех же прав и привилегий, коими пользовались представители других наций, об участии румын в администрации и областном собрании пропорционально их численности. Прошение содержало важное положение: все жители Княжества независимо от национальной и религиозной принадлежности должны пользоваться одинаковыми правами и благами и нести обязанности в соответствии со своим положением в обществе и государстве³. Но реакции на прошение не последовало, и ситуация продолжала обостряться. Румынские историки А. Дуцу и П. Теодор справедливо отмечали: «Специфика, развитие, традиции, исторические особенности и в первую очередь иноземное господство определили подчинение Просвещения национальным потребностям, национальные нюансы и прагматизм Просвещения» в трех княжествах⁴. Именно его практицизмом объясняется, казалось бы, необъяснимое и алогичное в истории Молдавии и Валахии: увлечение просветительскими идеями, прозападная идеологическая ориентация сочетались с твердым курсом на поддержку с Востока, с расчетом на освобождение при помощи самодержавной России, с многократными обращениями к ее монархам. В основе лежало сознание того, что собственными и даже общебалканскими силами османского колосса не одолеть.

Надежды подкреплялись шагами Петербурга, выработавшего стратегию внешней политики на балканском направлении, нацеленной на образование здесь цепи христианских государств, на первом этапе пользующихся автономными правами в составе Турецкой империи, но в перспективе независимых. «Греческий проект» Екатерины II (1783 г.), предусматривавший создание «Дакийского государства» (Молдавия, Валахия, Бессарабия) и «Греческой империи», относящиеся к 1805–1806 гг. меморандумы князя А. Чарторыского, тогда возглавлявшего ведомство иностранных дел России и обосновавшего ее заинтересованность в образовании на Балканах цепи этих государств, — этапы в формировании курса. Перед русско-турецкой войной 1828–1829 гг. уже и речи не было о территориальном расширении в Юго-Восточной

Европе. Самодержавие засвидетельствовало свое «бескорыстие» в международных договорах. И действительно, победоносный Адрианопольский мир 1829 г. не сопровождался территориальными приращениями России в регионе.

По Адрианопольскому договору Молдавии и Валахии представлялась «свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое правление и право беспрепятственной торговли» с окружающим миром. К договору прилагался отдельный акт, означавший международное признание Дунайских княжеств. Они освобождались от обременительных поставок по заниженным ценам зерна, скота и леса в Стамбул, обязательства Княжеств в отношении Высокой Порты ограничивались выплатой ежегодной дани; господарство становилось пожизненным, сменять князей стало возможным лишь за тяжкие преступления и с согласия Зимнего дворца. Тем самым троны в Яссах и Бухаресте перестали быть предметом торга и связанных с ним злоупотреблений. Турецкие крепости Брэила (Браилов), Турну-Северин, и Джурджу (Журжево), державшие население в покорности, подлежали срытию, а их обитатели-мусульмане — выселению за Дунай. Султан отказывался от вмешательства во внутренние дела Княжеств и заранее давал согласие на проведение в них реформ. После более чем столетнего перерыва возрождались национальные вооруженные силы под именем земского войска⁵.

В первые послевоенные годы, пока в Молдавии и Валахии стояли русские войска, администрацию в них возглавлял просвещенный вельможа П. Д. Киселев. В Княжествах наступил бурный экономический, политический и культурный подъем. Произошла отмена внутренних таможен, вводилась свобода торговли, создавалась медицинская и санитарная службы, были приняты почти идентичные для двух княжеств Органические регламенты, определявшие государственный строй, административную систему, правопорядок, аграрные отношения, положение различных классов в обществе. Был введен принцип разделения властей, учреждались министерства, прокуратура и адвокатура; полиция, ранее содержавшая сама себя за счет поборов с населения, переводилась на жалованье, провозглашалось право купечества на предпринимательство. Установленный по Дунаю карантин служил своего рода границей между Княжествами и Турцией⁶.

В экономике начался бум. Площади под сельскохозяйственными культурами выросли в ближайшее десятилетие вдвое, ожи-

ла внешняя торговля, порты Брэила и Галац стали конкурировать по вывозу зерна с «самой» Одессой, затеплились первые очаги капиталистического предпринимательства в городах. Хозяйственный подъем сопровождался подлинным национально-культурным возрождением. В 1829 г. в Яссах и Бухаресте появились первые газеты на родном языке; характерны их названия: «Албина ромыняскэ» («Румынская пчела») и «Куръерул ромынеск» («Румынский курьер»). В первых номерах обеих газет воздавалась хвала России. Один из зачинателей национальной публицистики Г. Асаки благодарил ее за «родительскую заботу» о Молдавии; его валашский коллега И. Элиаде-Рэдулеску уподоблял ее орлу, Россия, писал он, «отечески защищала нас, благодаря чему мы пользуемся правами земли нашей»⁷.

В Княжествах ширилась сеть учебных заведений с преподаванием на родном языке (раньше преобладал греческий); в Яссах и Бухаресте открылись «академии» — очаги высшего образования, предшественники университетов. Шел активный поиск рукописей в монастырских хранилищах, издавались летописи, литературные дарования В. Александри, А. Руссо, Ч. Боллиака вспыхнули ярким светом. В историографии проявили себя М. Когэлничану и Н. Бэлческу. «Образ прошлого», воспоминание о Римской империи, слава предков, сражавшихся с турецкими захватчиками, пробуждали стремление к освобождению. Молодежь в поисках знаний устремилась за рубеж, в Гейдельберг, Берлин, Брюссель и прежде и больше всего в Париж.

Деятельность представителей трансильванской школы стимулировали чувство гордости румын своим происхождением, они вручили идеологическое знамя борцам за национальное освобождение. Наряду с православием появился новый фактор, объединявший выходцев из трех княжеств, — язык (фактор тем более значительный, что половина трансильванских румын исповедовала униатскую религию). Язык в понимании просветителей означал и национальность. Предки, говорил в своей лекции в Михаэлянской академии в Яссах М. Когэлничану, считали себя молдаванами, валахами, трансильванцами, банатцами, а не румынами. В их разобщенности он усматривал причину бед и неурядиц⁸. В 30-е гг. румынами называли обычно валахов (от названия страны — Цара ромыняскэ — Валахия), обобщающим был термин «молдо-валахи»; в 40-е гг. вместо него стали употреблять слово «румыны». Просветительский этап в развитии общественного сознания и культуры ознаменовался осознанием этнического родства молдаван и валахов, стремлением к созданию единого

литературного языка и общей культуры на базе обретенного наследия. Не обходилось при этом без перегибов: местные латинизаторы, возглавляемые И. Элиаде-Рэдулеску, выступали под знаменем «итальянской школы». Газета «Куръерул ромынеск» ратовала за перевод письменности, уже три века основывавшейся на славянском алфавите, с кириллицы на латиницу. В Дунайских княжествах, как раньше в Трансильвании, развернулась борьба за изгнание из языка слов славянского и греческого происхождения. Здравые умы пытались образумить рьяных латинизаторов. А. Руссо тревожился: «У нас будет итальянлизированный, о francazenный язык, непонятный для простого народа». К. Стамати полагал: славянские слова «так укоренились в румынском языке, что если их вырвать с корнем, то искалечен был бы наш язык»⁹. М. Когэлничану разделял эту тревогу: латинизаторы довели национальную идею до абсурда, «они воображают, будто завоевывают уважение всего мира криками, что они являются римлянами, происходят от римлян, а посему принадлежат к первому в свете народу»¹⁰. Хотя их не слушали, реформаторы упивались своим «новаторством».

В 30-е гг. развернулось духовное объединение романоязычного населения Молдавии, Валахии и Трансильвании, точнее даже — их образованной элиты. «Культура в этот период, — пишет Э. А. Джапаридзе, — тесно связана с событиями дня, питается общественными идеалами, но сама, в свою очередь, оказывает сильное влияние на общественную жизнь»¹¹. Пробуждавшееся национальное самосознание в немалой степени питалось мыслью об общности языка, культуры, гордостью за прошлое, стремлением возвыситься в настоящем и добиться освобождения в будущем.

А. Руссо отмечал: «За шестнадцать лет, с 1835 по 1851 г., Молдавия прожила больше, чем за предшествовавшие пятьсот лет своей истории... Глаза и мысли родителей были устремлены на Восток, наши — на Запад, различие — как небо от земли»¹². Смена вех в национальных устремлениях была связана с теневыми сторонами режима Органических регламентов, составленных комиссиями из крупных бояр, которые радели о своих сословных интересах и постарались сохранить феодальные основы аграрных отношений. Наделы зависимых крестьян по регламентам сокращались, барщина и оброк увеличивались. Боярство выхлопотало себе освобождение от налогов и монопольное право на занятие государственных должностей. Господари, посаженные на престолы в Яссах и Бухаресте по договоренности между Петербур-

гом и Стамбулом, правили в интересах окружавшей их камарильи, закрывая глаза на произвол и взяточничество чиновников, и лихоимствовали сами. В Валахии и Молдавии царил административный, полицейский и судебный произвол. Поскольку российское самодержавие опиралось в Княжествах на консервативное боярство, оппозиция, принявшая политический характер и ставшая именоваться национальной партией, рассматривала Россию как гаранта режима коррупции и злоупотреблений. На нее с Высокой Порты было перенесено острое национального протesta. В то же время «латинскую сестру», Францию, окружили ореолом светоча просвещения, сокровищницы прогрессивных идей, среди молодежи распространился ее культ. Официальная Россия с ее самодержавным строем, отсутствием конституционных свобод и жандармской слежкой ничего не могла противопоставить ценностям Запада. Туда же шел ширившийся экспортный поток, — Россия же с ее зерновым по преимуществу хозяйством представлялась в этом смысле не рынком, а конкурентом.

Политическая жизнь в Дунайских княжествах протекала бурно, хотя и участвовал в ней незначительный процент населения. Господари конфликтовали с крупным боярством, последнее — с мелким и средним, нарождавшееся демократическое движение выступало против боярской привилегии на власть и освобождение от налогов. Малочисленная оппозиция оформилась в виде кружков, программы которых сильно разнились (от стремления ограничить княжеский произвол, уравнять в правах крупное и мелкое боярство до требования национального освобождения и введения равенства граждан перед законом), но почти все содержали пункт об отмене царского протектората. Несмотря на скромные масштабы движения и заговорщическую тактику, оно знаменовало конец просветительского этапа в развитии национальной идеи; «чистые просветители» исчерпали свои функции — осудили деспотизм, вселили веру в знания, вызвали к жизни «образ прошлого», устремили внимание на общность происхождения молдаван и валахов, поставили задачу создания единого литературного языка, положили начало духовному объединению двух народов. Все сказанное относилось к узкой прослойке образованной части общества, в среде которой понятие «румынский» решительно вытесняло прежние представления — «валашский» и «молдавский». В 30-е гг. были заложены предпосылки объединения политического и государственного. Национальная идея представлялась основой в этом процессе, стирающей различия и разногласия, позволявшей образовать единый

фронт разных социальных сил. «Первым для всех румын должно быть объединение, это главное для каждого, кто считает себя румыном», — говорил К. Негри в 1845 г.¹³.

В 40-е гг. на арену политической деятельности вступило новое поколение — молодежь, учившаяся в западных, прежде всего французских, университетах. Наметился переход от узкой кружковщины и заговорщической тактики к систематической работе по подготовке революции. Возникли два центра: «Фрэции» («Братство») в Бухаресте (с февраля 1843 г.) и Общество румынских студентов в Париже (1845 г.).

«Фрэции», строго законспирированная организация, действовала под прикрытием легальной Литературной ассоциации. Эмиссары «Фрэции» посещали Молдавию и Трансильванию под благовидными предлогами — выработки грамматики румынского языка, ознакомления с памятниками старины. Под этим покровом велась кропотливая работа по собиранию сил и согласованию позиций. В девизе общества — «Справедливость. Братство» — явственно ощущалось влияние Великой французской революции. Программа «Фрэции» включала следующие пункты: автономия Дунайских княжеств, отмена Органических регламентов, ликвидация привилегий боярства, освобождение крестьян и наделение их землей, уважение суверенитета Высокой Порты, ликвидация протектората России¹⁴. Программа носила явно революционный характер: регламенты воспринимались как правовой инструмент, обеспечивавший правление крупного боярства, сословие которых подлежало уничтожению; в «крестьянском пункте» отражалось влияние взглядов революционного демократа Н. Бэлческу, одного из основателей общества, но характерно и наличие «фигуры умолчания» — пути освобождения и вопрос о выкупе за землю не определялись. Самодержавие рассматривалось как своего рода гарант сохранения всего старого и застаревшего, отсюда — требование отмены его протектората. Реверанс в сторону суверенитета Высокой Порты преследовал тактическую цель — рассорить ее с Россией и тем самым облегчить задачу объединения Княжеств и проведения в них буржуазно-демократических реформ.

Работать на родине в условиях полицейских преследований и цензурных гонений было трудно и опасно. Гораздо больше возможностей предоставляло зарубежье, прежде всего Париж. «Только здесь можно создать маленький центр румынизма, вдохновленный чистой добродетелью и страстной, свободной от честолюбия и стремления к личной славе любовью», — полагал

А. Голеску¹⁵. К Обществу румынских студентов примкнули люди постстуденческого возраста и разных общественных и политических взглядов: радикально настроенные К. Росетти и братья Брэтиану, революционный демократ Н. Бэлческу, либералы — валах И. Гика и молдаванин М. Когэлничану. Их роднила ненависть к реакционному боярству и феодальному строю, стремление добиться объединения Дунайских княжеств. Национальная идея должна была смягчать неизбежные разногласия по вопросу о путях достижения цели и будущего государственного устройства: радикалы являлись сторонниками республики, либералы — конституционной монархии. И. Гика ездил даже в Яссы к господарю М. Стурдзе с предложением — занять также престол в Бухаресте и тем самым совершить акт объединения¹⁶. Не без труда, в спорах, возобладало сознание необходимости выступать единым фронтом на данном этапе. Единого программного документа все же принять не удалось. Показательно, что Н. Бэлческу в речи («Замечания о настоящем положении, о прошлом и будущем Родины»), произнесенной в ночь под новый, 1848 год, приглушил социальные мотивы: главное — национальное объединение, слияние мыслей и чувств, что явится прологом к государственному единству и осуществлению реформ «на священных принципах справедливости и равенства»¹⁷.

В таком состоянии эмиграцию застала Февральская революция 1848 г. в Париже. Румыны участвовали в штурме королевского дворца Тюильри и сражались на баррикадах. В марте и апреле состоялись два общих собрания эмигрантов, на которых всплыли расхождения по вопросам тактики. Н. Бэлческу настаивал на немедленном выступлении, братья Брэтиану советовали подождать и заручиться поддержкой революционной Франции. Румынская делегация обратилась к А. Ламартину, занявшему во французском правительстве пост министра иностранных дел. Он встретил румын приветливо и выразил сочувствие их делу, но воздержался от принятия каких-либо обязательств. В беседе же с российским послом Н. Д. Киселевым Ламартин отнекивался от покровительства румынам, которые тем не менее сохраняли иллюзии относительно поддержки со стороны «латинской сестры».

2. Молдавия в 1848 г.

Румынские эмигранты почти поголовно потянулись на родину, но въезд в Молдавию им не разрешили. Ситуация там сложилась тяжелая и взрывоопасная: в 1847 г. Княжество поразило двойное бедствие — засуха и нашествие саранчи. Выступления крестьян против помещиков не прекращались, торговцы выражали недовольство боярскими привилегиями, мелкие и средние бояре, отстраненные от власти, выступали против самоуправства нескольких семей «великих бояр», за преобразование основанного на рутинном крестьянском труде сельского хозяйства; часть крупных бояр протестовала против деспотических методов правления, казнокрадства и административных злоупотреблений режима господаря М. Стурдзы.

27 марта (9 апреля) 1848 г. в яссской гостинице «Петербург» состоялось собрание с участием более тысячи человек — бояр, купцов, ремесленников. После бурных дебатов оно избрало комитет, который вручил князю «Петицию-прокламацию». Начиналась она с призыва неуклонно соблюдать Органический регламент, то есть не нарушать закон, затем говорилось о гарантии неприкосновенности личности, отмене телесных наказаний и цензуры, преобразовании школы, введении ответственного правительства, освобождении политзаключенных, образовании национальной гвардии. Высказывалось пожелание улучшить положение крестьян, урегулировав их отношения как с помещиками, так и с властями¹⁸, но об отмене барщины и наделении землей не упоминалось.

Документ отражал сложный состав собравшихся и был направлен прежде всего против княжеского произвола. Петиция, однако, предусматривала и государственные преобразования буржуазно-демократической направленности, что подрывало не только режим Стурдзы, но и господствующее положение крупнобоярской верхушки. Все же, если реформационная струя пропускала в «Петиции-прокламации» отчетливо и сильно, то революционную трудно заметить. Это был компромисс, в котором слабость буржуазного крыла движения проявилась с полной очевидностью. Промышленность мануфактурно-фабричного плана в Молдавии почти отсутствовала, торговцы оперировали главным образом с продукцией сельского хозяйства, были теснейшим образом связаны с помещичьим землевладением и от него зависели. К тому же чуть не половина торговцев и владельцев мастерских числились иностранцами (почти сплошь австрийскими поддан-

ными) и как таковые не подлежали местным законам (хотя произвол на них распространялся).

Господарь М. Стурдза с перепугу принял 33 из 35 пунктов «Петиции-прокламации», но быстро опомнился и приступил к расправе, устроив облаву на оппозиционеров и взяв штурмом построенную баррикаду. Других участников движения схватили по домам, некоторым удалось скрыться. Князь объявил «своим возлюбленным горожанам», что «недостойные люди с мятежным складом ума» утихомирены, их козни пресечены и «порядок» восстановлен¹⁹.

Но причины для возмущения и протesta оставались, страна дружно ненавидела обладателя трона. В селах началась «политическая эпидемия», крестьяне решили, что пришло время делить боярские земли, участились случаи отказа от выхода на барщину (даже в поместьях самого Стурдзы). В апреле появились брошюры и листовки с требованием реформ.

Россия и Высокая Порта прислали в Яссы своих комиссаров — генерал-майора А. О. Дюгамеля и Талаата-эфенди. Инструкция, которой снабдили генерала, звучала как будто бы невинно: Россия «полна решимости придерживаться оборонительной тактики и не дозволять проникновение в ее пределы революционного потока. Она будет уважать независимость и целостность соседних стран. Она отмежевывается от всего, что может быть истолковано как стремление вмешиваться в их внутренние дела». Однако «под знаком строгого секрета» генерал должен был заверить, что «наша поддержка может принять более выраженный характер» и если произойдут «тревожные осложнения» — обещать князьям «материальную помощь» в виде занятия Молдавии и Валахии царскими войсками²⁰.

Российский комиссар слал тревожные донесения: «колебания умов» не прекращаются, под «наружным видом тишины» притягивалась опасность. В мае Стурдза обратился к царскому командованию с просьбой ввести в Княжество войска.

По расхожему мнению, царь Николай I был расположен подавлять революцию вооруженной рукой чуть ли не во всей Европе, но это мнение не соответствовало действительности. Россия совершенно не отвечала образу несокрушимой твердыни агрессивного абсолютизма, который ей сопутствовал за рубежом. В 1848 г. на нее обрушились бедствия почти апокалиптические: засуха, неурожай, пожары, эпидемия холеры. Недород хлебов поразил Поволжье, Черноземье, Украину и Приуралье; в довершение всего на поля напала саранча. Сушь способствовала распространению пожаров, погорели многие города и тысячи сел²¹. Эпидемия холеры

вылилась в национальное бедствие. В довершение всех трудностей существовала хроническая нехватка денег: «Не знаю, право, как вывернуться из сметы; теперь уже не досчитывается более десяти миллионов! Ужасно. Надо везде беречь копейку, везде обрезывать что только можно и изворачиваться одним необходимым»²², — свидетельствовал Николай I в переписке с фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем. Пускаться в такой ситуации в карательный поход по зарубежью представлялось идеей химерической. Первые же зондажи у «друзей» по Священному союзу в Берлине и Вене принесли разочаровывающие результаты: король Фридрих-Вильгельм IV и император Фердинанд с трудом удерживались на тронах под натиском «верноподданных». Поэтому в Петербурге было решено «оставаться в оборонительном, почти кордонном состоянии *sur ce qui vive*^{*}, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале», и разработать план военной защиты от натиска революции на рубеже реки Вислы²³.

В разъяснение этой позиции канцлер К. В. Нессельроде наставлял посла в Париже Н. Д. Киселева: Россия «ожелает мира и сохранения территориального порядка в Европе, установленного Парижским и Венским трактатами. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции, она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут возникнуть; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает себе выбрать»²⁴. Это был отход от принципов Священного союза, предусматривавшего солидарность монархов против народов, по сути дела — признание права последних на самоопределение²⁵.

Поэтому Николай I не торопился откликнуться на просьбу молдавского господаря М. Стурдзы о вводе в Княжество русских войск: «Дюгамель пишет, что необходимо сместить Стурдзу в Молдавии и что сему краю угрожает нашествие из Трансильвании с помощью поляков и всякого сброва; ежели так, наши войска вступят по Серет, хотя, признаюсь, мне этого очень не хочется». Затем случилось нечто парадоксальное: переход через Прут отряда генерала Герценцевига произошел без прямого приказа царя, а по вызову обеспокоенного Дюгамеля. В письме императора Паскевичу от 21 июня (3 июля) встречается следующий абзац: «Крайне мне прискорбно, что Дюгамель, испуганный смутами в Валахии, сам от себя предложил Герценцевигу вступить в

* Стой, кто идет! (фр.)

Молдавию. Не убежден я в сей необходимости и опасаюсь больших затруднений». Николай боялся протестов в Европе и не хотел бросать тень на образ царя-покровителя православных. Герценцвейг, вообразив, что нарушил монаршью волю, покончил жизнь самоубийством, его отряд получил приказ возвращаться в Бессарабию. Николай вздохнул с облегчением: «К счастью, войска наши не перешли Прут и не перейдут без крайней необходимости, разве турки меня попросят и сами пойдут»²⁶.

Но, поскольку из Валахии и Трансильвании приходили тревожные вести о движении, по глубине и размаху несравнимом с молдавским, царские войска переправились через Прут и заняли Молдавию, прервав там естественный ход событий, на что ни Париж, ни Лондон не прореагировали²⁷.

Задача осмыслиения уроков, извлечения опыта и выработки планов на будущее выпала на долю эмиграции. Осенью 1848 г. М. Когэлничану, будучи в Черновцах, написал программный документ «Пожелания национальной партии в Молдавии». Обращает на себя внимание само название: организационно никакой национальной партии не существовало, под нею подразумевалось все общественно-политическое движение, боровшееся под национальным знаменем, причем в обоих княжествах. «Пожелания» открывались историческим очерком для обоснования автономных прав Княжеств с явной склонностью преувеличить их масштаб в прошлом. Отмечалось и значение Адрианопольского мира, который, по мнению автора, частично возместил румынам понесенные ими потери. Далее говорилось: «Национальная партия с полной убежденностью заявляет, что Органический регламент ни в коей мере не способен обеспечить счастье страны», и семнадцать прошедших лет это доказали²⁸.

Когэлничану твердо стоял за эволюционный, а не революционный путь развития страны: «Молдаване — не мятежники и ни с кем не борются. Они слишком слабы для посягательств на права других, но требуют уважения к своим правам», из которых самое святое — „внутренняя самостоятельность, то есть автономия“». Основной закон страны, продолжал автор, должен быть плодом местных обычаяев и потребностей. «Мы желаем вернуться к учреждениям, родившимся на нашей земле, которыми мы обладали в течение пяти веков и которые мы хотим лишь приспособить к знаниям и потребностям эпохи»²⁹.

Несмотря на стремление облечь современность в старые одежды, которое отличало реформаторов умеренного толка повсюду в Европе от революционеров, желавших сокрушить все до основания, изложенная в «Пожеланиях» программа впечатляла глубиной

и разнообразием предлагаемых преобразований: предусматривались достижение «административной и законодательной независимости во всех внутренних делах без всякого вмешательства извне», равенство гражданских и политических прав жителей, отмена рангов и привилегий, избрание князя «из всех состояний общества», ответственность министров и всех должностных лиц, свобода печати, защита личной свободы и неприкосновенность жилища, бесплатное обучение, суд присяжных и несменяемость судей, отмена смертной казни, свобода культов, моральный и социальный подъем православного клира («нынешнее низшее духовенство в таком запущенном состоянии, что удивительно, как у народа еще сохранилось религиозное чувство»), предоставление политических прав всем христианам, постепенная эмансипация евреев, пересмотр гражданского, коммерческого и уголовного кодексов (последний вообще «позорит страну»), говорилось об «энергичной борьбе против коррупции», о мерах для поощрения промышленности и торговли³⁰. Несмотря на явные изъяны (политические права предоставлялись лишь христианам, а евреи, например, должны были эмансипироваться постепенно), изложенная в «Пожеланиях» программа отличалась широким размахом предлагаемых реформ и превратила бы страну в передовое по тому времени государство. Когэлничану не обошел и животрепещущую аграрную проблему: «Ныне вся тяжесть повинностей и налогов государству ложится, вопреки всякой справедливости, на бедных, на тех, у которых нет ничего кроме тела, на обитателей сел; лишь они содержат господаря, о них не вedaющего, администратора, который их обворовывает, судью, от которого они не ждут справедливости, служителя, который порет их бичом, военного, которому нечего защищать, ибо у крестьянина нет ничего под солнцем, нет даже землянки, где бы отдохнули усталые кости». В программу был внесен пункт об отмене барщины и наделении крестьян землей «на условиях, которые определит Учредительное собрание». Когэлничану выступал за «мирное, но решительное наделение»: «сегодня это еще зависит от нас, но имейте в виду, что скоро это произойдет без нас и с пролитием потоков крови»³¹. Сказано было столь ясно, что комментариев не требовалось.

Программа выражала систему взглядов крупнейшего румынского реформатора той эпохи. Первая и главная цель, призванная сплотить воедино весь народ без различия сословий, рангов и состояний, излагалась им в следующих словах: «Национальная партия предлагает как основу основ, без чего рухнет все национальное здание... объединение Молдавии и Валахии»³².

3. Валахия: незавершенная революция

Валахи постарались учесть горький опыт своих молдавских единомышленников. Общество «Фрээце» тщательно готовилось к выступлению. Правда, в его среде обнаружились разногласия и по программным, и по тактическим вопросам. Крайне революционные позиции занимал Н. Бэлческу, настаивавший на участии армии в выступлении и на выдвижении сразу же в практическом плане земельной проблемы. В мае 1848 г. в революционный комитет вступила группа видных деятелей культуры во главе с тремя братьями Голеску и Элиаде-Рэдулеску, который в политике воплощал дух умеренности и компромисса и не скрывал, что стремится «воспрепятствовать подстрекательским средствам, ультрарадикальным реформам и воинственно-му энтузиазму» некоторых своих коллег³³. Выработанная комитетом программа явилась плодом договоренности между различными течениями.

Выступить одновременно в четырех местах, как намечалось, не удалось — полиция не дремала. Пришлось ограничиться одним выступлением. 9 (22) июня 1848 г. в селении Ислаз на западе Княжества И. Элиаде-Рэдулеску зачитал перед толпой собравшихся крестьян и выстроившейся ротой солдат под командованием капитана Н. Плешояну манифест, ставший известным как Ислазская прокламация и содержавший программу преобразований. В предисловии, написанном самим Элиаде, говорилось: «Румынский народ поднимается и вооружается не для борьбы одного класса против другого и не для разрыва связи с зарубежьем, а для того, чтобы держать в узде и повиновении тех, кто замыслил зло против счастья народного. Призыв румын — это призыв к миру и братству».

Эти слова звучали несколько неопределенно, ибо не разъяснялось, кто же умышлял зло против народа. В двадцати одном пункте Ислазской прокламации говорилось об административной и законодательной независимости (т. е. автономии Княжества), отмене титулов и рангов, равенстве граждан перед законом, свободе слова, собраний и печати, введении прогрессивно-доходного налога, создании национальной гвардии, бесплатном обучении детей до 12-летнего возраста; предусматривалось проведение «прямых, свободных и широких выборов» в Учредительное собрание и выражалась надежда, что только «способности, добродетели, поведение и общественное доверие» канди-

дата определят его успех на выборах³⁴. Господарь по сути дела должен был стать президентом республики, предусматривалось его избрание на пять лет. 13-й пункт, включенный по настойчивому требованию Н. Бэлческу, обещал крестьянам отмену барщины и наделение их землей за выкуп. Несмотря на серьезные недостатки (не указывалось, какова должна быть величина надела, будут ли широкие выборы всеобщими), Ислазская прокламация явилась выдающимся документом буржуазно-демократического содержания. Собравшаяся на площади в Ислазе толпа с воодушевлением приветствовала этот документ, особенно его 13-й пункт, и проповедь священника Р. Шапки, в которой тот призывал Бога избавить народ «от произвола клаки» (барщины).

В программе ни словом не поминалось о том, что было на устах у всех, — об объединении Дунайских княжеств. Элиаде заверял собравшихся, что внешней угрозы для революции вообще не существует: «Великодушная Высокая Порта в своих собственных интересах» примет изложенную программу, а «роль России свидется к тому, чтобы обеспечивать наши права». Все же, добавлял он, на всякий случай надо воздвигнуть «крест на наших границах, и русский их не преступит, ибо это означало бы пощание креста, коему он поклоняется»³⁵. Так, пока еще контурно, обозначался замысел будущей революционной власти: лояльность по отношению к султану и осуждение царского протектората, с тем чтобы появилась возможность маневрировать между двумя дворами, а в максимально благоприятном варианте — столкнуть их друг с другом.

11 (23) июня набатный колокол прозвенел в Бухаресте. Из предместий и окрестных сел толпы народа двинулись к дворцу. Здесь были крестьяне, ремесленники, торговцы, рабочие мануфактур, чиновники, шхоляры. Ни войска, ни полиция сопротивления не оказывали. Депутация повстанцев явилась во дворец, и князь Г. Бибеску, сидя между двумя членами революционного комитета, подписал Ислазскую прокламацию, ставшую конституцией страны. Курс Элиаде-Рэдулеску на мирное преобразование государства и общества вроде бы оправдался. Сформированное временное правительство формально возглавил консерватор до мозга костей митрополит Неофит, военным министром остался занимавший до этого пост полковник И. Одобеску. Признанный глава и оратор радикалов К. Росетти в газете «Прункул ромын» («Румынский младенец») славил свершившееся: «Бояре, священники, ремесленники — все обнимаются, кричат и плачут от радости»³⁶. Народ в ожидании светлого бу-

дущего с готовностью присягал конституции. 15 (27) июня на Филаретовом поле, переименованном в «Поле свободы», состоялась торжественная церемония: собрались 30 тыс. жителей Бухареста и окрестных крестьян. Ремесленники пришли цехами, печатники привезли станок и тут же распространяли на еще пахнувших типографской краской листах бумаги революционные стихи.

Но оказалось, что торжествовать было рано. Князь Г. Бибеску, трезво поразмыслив, удалился в «изгнание» в соседнюю Австро-рию, лишив революцию легального прикрытия, а бояре предприняли две попытки контрреволюционного переворота, однако солдаты оказались стрелять в народ.

28 июня (10 июля) по столице распространились слухи о готовящемся вторжении русских войск. Они не соответствовали действительности. Переправив 5-й пехотный корпус через Прут в Молдавию, Николай I двигать его дальше не собирался. «Укротив мятеж в Молдавии, я хочу воротить войска свои и ни в коем случае не переходить через Серет и вступать в Валахию», — делился он своими соображениями с И. Ф. Паскевичем 5 (17) июля³⁷. Но у страха глаза велики, и министры временного правительства сочли благоразумным скрыться в Карпатских горах. Правда, номинальный глава правительства митрополит Неофит остался в Бухаресте. 29 июня (11 июля) изумленные жители столицы прочли расклешенные на стенах объявления, в которых коварный иерей сообщал им «добрую весть» о бегстве «мятежников» и восстановлении «порядка».

Панические слухи рассеялись, и пристыженные министры вернулись к своим департаментам, но эпизод с их поспешной эвакуацией не прошел незамеченным в Петербурге: раз слух о русской интервенции породил у руководителей «панический страх», сопротивляться они не станут, «дух мятежа» в массы не проник, решили в ведомстве К. В. Нессельроде³⁸.

Летом 1848 г. правительство приступило к преобразованиям. Оно отменило боярские звания и связанные с ними привилегии, смертную казнь и телесные наказания, рабство цыган, ликвидировало цензуру, провозгласило свободу слова, собраний и печати, предоставило гражданские права евреям и прочим «киноверцам», приняло решение о создании добровольческой нерегулярной армии под командованием Г. Магеру. Особые комиссии занялись подготовкой реформ в сфере просвещения, финансов, администрации, налогообложения, торговли, судоустройства, промышленности и сельского хозяйства. Несмотря на все старания Н. Бэл-

ческу, ему не удалось добиться немедленной отмены барщины. Напротив, правительство обратилось к «братьям-крестьянам» с призывом еще три месяца (т. е. до конца сельскохозяйственных работ) трудиться на помещиков и уповать на Учредительное собрание. Комиссия по аграрному вопросу собралась на свое первое заседание лишь 9 (21) августа, когда над революцией уже сгущались тучи нашествия.

Надолго отложить внешние дела возможным не представлялось. Идея братского союза народов реальных плодов не приносила, хотя эмиссары временного правительства присутствовали и в Вене, следя за событиями, и во Франкфурте-на-Майне, где заседал общегерманский парламент. Отчаянные призывы к Франции: «Вся наша надежда на вас, на нашу вторую родину» — отклика не встречали. А. Ламартин заявил румынам, что, «будучи только членом правительства, не может ничего предложить, кроме своих чувств»³⁹. Лозунг объединения с Молдавией широко и свободно обсуждался в печати, и в Стамбуле о нем не могли не знать. Однако временное правительство, дабы не вызывать гнева Высокой Порты, отказалось от его официальной поддержки. Оно отправило в Турцию причитавшуюся Порте дань, с выплатой которой не спешил господарь Г. Бибеску. Заверения в лояльности самому деспотическому режиму в Европе не способствовали укреплению авторитета правительства внутри страны и подрывали его имидж у прогрессивной общественности за рубежом. Но валашские руководители не теряли надежды стокнуть лбами два двора, сюзеренный и покровительствующий. «Друзья» из консульств Великобритании и Франции заверяли их в самом благожелательном отношении турецких властей. И нельзя сказать, чтобы все расчеты были построены на песке. В Стамбуле испытывали сильнейшее опасение — как бы царь Николай не воспользовался «смутой» в Валахии, чтобы в ней утвердиться, и рассчитывали, наоборот, использовать революцию для подрыва позиций самодержавия как в Княжестве, так и во всем регионе. Царю же не хотелось бросать тень на свою репутацию подавлением православного народа и осложнить отношения с западными державами. Поэтому Петербург услужливо предоставлял Стамбулу малопочетное право расправы с валахами; в устах царских дипломатов зазвучали непривычные заявления о сохранении целостности Османской империи. Канцлер К. В. Нессельроде с досадой жаловался А. О. Дюгамелю, что Порта приписывает царю захватнические замыслы⁴⁰.

На первых порах турки заняли выжидательную позицию. Приглашение Нессельроде — взять на себя карательные функции — встретило поэтому ледяной прием. Поведение турецкого комиссара Сулеймана-паши внушало революционерам оптимизм: он вел себя вежливо и предупредительно, присматривался и прислушивался. Посланный с дипломатическим поручением в турецкую столицу И. Гика уговаривал министров и даже добился аудиенции у султана, получив благожелательные, но ни к чему не обязывающие ответы⁴¹. Российский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов не без горечи заметил: «Россия столкнется с необходимостью установить порядок в Валахии без турок, но для турок и против турок»⁴². Он сгущал краски. Зрело поразмыслив, турки пришли к выводу, что валашское освободительное движение по своему значению выйдет за локальные рамки и рано или поздно неминуемо обратится против османского суверенитета. В результате курс на сотрудничество с Петербургом восторжествовал. «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из Княжеств, чем их присутствие»⁴³, — признавался великий визирь Мустафа Решид-паша.

19 (31) июля Сулейман-паша переправил двадцатитысячный отряд войск через Дунай у Джурджу, не обратив внимания на робкий протест временного правительства, а затем потребовал его самороспуска, что и было исполнено. Затем турецкий комиссар настоял на урезании текста конституции, в ходе которого исчезла и статья о наделении крестьян землей. Ампутированный документ был отправлен в Стамбул, где его положили в долгий ящик.

Умеренные во главе с И. Элиаде-Рэдулеску продолжали твердить об «общих интересах» валахов и султана и «традиционно доброжелательных отношениях» с Портой. Решительно настроенные революционеры (Н. Бэлческу, Ч. Боллиак) настаивали на сохранении конституции в первозданном виде и сопротивлении интервентам. В таких условиях 9 (21) августа приступила к заседаниям комиссия по аграрному вопросу. Ее члены-помещики не обратили внимания на призыв властей полюбовно договориться с крестьянскими депутатами о реформе и мертвый хваткой вцепились в землю. Разочарованная деревня утратила интерес к революции. Реакционное боярство подняло голову и обратилось к султану с прошением — заменить Сулеймана-пашу, который будто бы «заигрывал» с революцией, более решительным человеком. 19 (31) августа новый комиссар Фуад-паша прибыл в Валахию и переправил через Дунай подкрепления. В ответ в Буха-

ресте при большом стечении народа были сожжены тексты Органического регламента и местнической книги боярства. Но на Фуада это впечатления не произвело. 13 (25) сентября его войска подошли к Бухаресту; толпа, собравшаяся у заставы, была смята, кавалерия «прорубилась» через нее, оставив многочисленные жертвы. Героическое сопротивление оказала рота солдат-пожарных, погибших почти поголовно.

Заняв город, Фуад информировал митрополита (иных властей он не признавал), что прибыл как «посланец мира», чтобы передать «жителям Валахии распоряжения их законного суверена»; сопровождающая его армия «призвана защищать и укреплять законный порядок». В обращении к валахам «всех классов» он сообщал, что султан вместе со всей Европой борется с революцией, порожденной «духом коммунизма». Ее валашские сторонники, в трактовке Фуада, подняли руку на национальные институты, которые Высокая Порта предоставила Княжеству, оказались затронутыми и политические интересы России, кои султан, по заверению его комиссара, заботливо опекал⁴⁴.

Несмотря на столь успокоительное заверение, самодержавие сочло нужным самому позаботиться о своих интересах. 15 (27) сентября в Валахию вступили царские войска, турки встретили их «с видом покорности судьбе», как отмечалось в российской дипломатической переписке, но возражать не посмели. Собственно карательных функций корпусу А. Н. Лидерса осуществлять не пришлось — сколько-нибудь серьезного сопротивления не оказывалось. «Новая республика, — делился своими впечатлениями один из офицеров, — составленная из самого малого числа заговорщиков, без всякого участия народа, уступила нам честь и место без боя... Прежний порядок был водворен без усилий»⁴⁵. Но войска из Валахии не удалились — они стояли наготове на случай грозного оборота событий в Венгрии, для удара по ней с юга; другой их задачей являлось не допустить полного хозяйственанья турок, укрепления здесь позиций Османской империи и умаления влияния официальной России. В 1849 г. союзники-соперники заключили Балта-Лиманскую конвенцию, восстановившую действие Органических регламентов и несколько ограничившую автономные права Княжеств.

Натравливая турок на валашскую революцию, К. В. Нессельроде отдавал себе отчет в том, что «турецкие войска сохраняют традиционные нравы и предаются самым разнуданным эксцессам, когда их используют против христианских народов», а это

может погрузить Княжества «в слезы, печаль и нищету» и побудить жителей выступить «как один человек с оружием в руках против ненавистного нашествия»⁴⁶. Но Мехмед Фуад-паша сочетал в себе качества сурowego карателя и способного администратора. Он убеждал бояр в том, что Высокая Порта одна, без вмешательства России, наведет «порядок» и обеспечит условия для проведения необходимых реформ. Объявленная амнистия позволила вернуться на родину многим деятелям 1848 г. Фуад установил с ними контакты и из этой среды заведомых недругов России пополнял кадры администрации. «Через десять лет в Княжествах уже не будет речи о русских»⁴⁷, — заметил он и во многом оказался прав. «Русская партия» в Княжествах сошла на нет.

4. Итоги незавершенной революции. Трансформация национальной идеи

Корифеи старой румынской историографии, А. Ксенопол и Н. Йорга, характеризовали 1848 год в Валахии почти так же уничижительно, как российские очевидцы: либеральная партия «оторвала от почвы идеи Французской революции»; «студенческая молодежь подверглась революционной заразе», ибо «не существовало ни внутренней, ни внешней базы для нового порядка вещей»⁴⁸.

Если говорить о событиях лишь 1848 г., о его непосредственных результатах, то придется, действительно, рассматривать их со знаком «минус». Но значение революции состояло в том, что она подвела итоги многовекового развития, показала бесперспективность дальнейшего существования княжеств порознь и утвердила национальный принцип как идеологическую основу их объединения и дальнейшей эволюции в сторону государственной независимости. Интервенция насильственно прервала развитие назревших процессов, но не могла положить им конец и тем более повернуть историю вспять. «Наша революция еще не кончилась, чтобы судить о ней, она только началась»⁴⁹, — заметил Н. Бэлческу.

«Дома» воцарилась реакция, и поиски путей перенеслись за рубеж, в первую очередь во Францию, куда хлынула многочисленная эмиграция. Все сходились в одном: важнейшая причина поражения — несогласованность и разрозненность действий, «провинциализм», по словам Бэлческу. В марте 1849 г. он обратился к «братьям-эмигрантам» с воззванием, в котором писал: «Не может быть счастья без свободы, не может быть свободы без силы, а мы, румыны, не сможем стать сильными до тех пор, пока не объединимся в единый политический организм»⁵⁰.

Национальная идея обретала конкретную программу: уния Дунайских княжеств, образование сравнительно крупного Румынского государства как исходный пункт и предпосылка общественного прогресса. Но на этом согласие и кончалось. По вопросу о том, как же достигнуть объединения — народным восстанием или с помощью дипломатических комбинаций, — произошло резкое размежевание между сторонниками революции и поборниками реформ.

Н. Бэлческу, как и другие, ставил на первое место национальные задачи: «Цель национальная, самая главная, включающая национальное объединение, есть вопрос жизни и силы». По его

мнению, мало слить воедино два небольших княжества: «Федерация — вот единственный путь спасения угнетенных народов». Он мечтал о создании Дунайских Соединенных штатов из трех компонентов — румынского, венгерского и югославянского, предусматривая раздел территории между ними по этнической принадлежности населения. Он предполагал образование сменяемых ежегодно федерального совета и правительства из трех министров: военного, иностранных дел, торговли и промышленности. Все прочие вопросы участники этого образования должны были решать самостоятельно, так что с точки зрения государственного права замышляемые Дунайские Соединенные штаты являлись бы скорее конфедерацией.

До конца дней своих Бэлческу веровал: «Лишь европейская катастрофа может решить нашу судьбу и спасти нас. Никто ныне не считает, что империи сделают что-либо для нас, а только всеобщая революция. И пусть кабинеты смотрят на нас как на анархистов». Однако былые его соратники хлопотали именно в кабинетах и на их поддержку рассчитывали. Н. Бэлческу взывал к И. Гика: «Разве не ты во многих печатных изданиях пропагандировал объединение всех румын? Разве не ты изобрел само слово — панрумынизм? Неужели ты веришь, что нас спасет дипломатия, а не революция?»⁵¹

И. Гика выступал за унию Княжеств, поддерживал идею образования Дунайских Соединенных штатов, но с добавлением, обращавшим весь замысел в руины: государство венгров, сербов и румын должно было находиться под сюзеренитетом Высокой Порты. Тщетно Бэлческу разоблачал его взгляды, умоляя вернуться на старые революционные позиции. Гика взял курс на объединение с помощью западных держав и сultанской Турции, что автоматически означало сохранение вассальной зависимости. Он проживал в Стамбуле, пользовался благоволением османских властей, а в годы Крымской войны принял пост губернатора (бея) острова Самос, где «успешно» боролся с греческим освободительным движением⁵².

Концепция Н. Бэлческу предполагала в процессе объединения Княжеств превратить их в демократическую республику мелких собственников, что было возможно теоретически осуществить лишь революционным путем, поскольку боярство и слышать не желало о далеко идущих аграрных преобразованиях. На практике Бэлческу оказался в одиночестве; поголовно неграмотное крестьянство не подозревало о существовании его идей, и шансы на их осуществление равнялись нулю.

М. Когэлничану, одна из ярких фигур унионистского движения, реформационного по своей сущности, видел будущее родины на пути преобразований, осуществляемых «сверху»⁵³. Подобная схема предполагала не раскол, а сплочение общества, и в первую очередь как можно более широких слоев помещиков и нарождающейся буржуазии. Следовало найти своего рода «модус вивенди» в этом блоке разнородных сил, примирить их или, по меньшей мере, притупить разногласия, лавировать и ждать. Когэлничану проявил себя искусным тактиком, подчинившись стремлению умеренных сторонников унии (т. е. их подавляющего большинства) отложить решение взрывоопасных социальных вопросов до более спокойных времен, что отвечало и его собственному умонастроению. На определенный срок национальная программа не просто потеснила, а вытеснила социальную с политической арены. И. Гика соглашался возглавить эмиграцию, «но лишь под национальным знаменем, оставив революционное»⁵⁴.

Национальный принцип стал доминирующим, его осуществление представлялось в виде создания Румынского княжества. Не только в теории, но и на практике образование сравнительно крупного государства являлось предпосылкой для достижения большей самостоятельности по отношению к сузерену — Высокой Порте и покровителю — российскому самодержавию и для создания более благоприятных условий экономического, культурного и политического развития. Поэтому трубадуры объединения, не жалея голосов, воспевали его блага. Но национальная идея являлась и своего рода экраном, на лицевой стороне которого отражались процветание и прогресс, а на обратной скрывалось крестьянское малоземелье, нужда и все, с чем собирались бороться «по возможности» и с разной степенью интенсивности политические силы, соединившиеся под знаменем объединения. Когэлничану считал, что боярство должно смириться с потерями и приспособиться к поступательному ходу истории; его оппоненты полагали, что приспособиться к условиям с существованием обремененной феодальными пережитками крупной земельной собственности следует нарождающейся буржуазии. В конечном счете им удалось одержать верх.

Конечно, в отличие от обрисованной здесь грубой и упрощенной схемы, в жизни этот процесс происходил сложно, ибо шел через расставание с идеалами молодости, порой мучительное, разрыв с друзьями и единомышленниками, примирение и приспособление к суровой действительности. В Париж эмигранты прибыли, не остыv от борьбы и не потеряв надежду на то, что

европейская революция лишь отступила и скоро хлынет ее новый вал. Призывы к сплочению народов против тиранов не смолкали. К. Росетти верил, что во Франции воцарится демократическая республика, и тогда он сможет возвратить к братьям в Париже о помощи. «Безумие? — воскликнул он, — Возможно! Но я готов умереть во власти этого безумия». Росетти участвовал в эмигрантских комитетах, сотрудничал с Д. Мадзини, призывал к восстанию «всех румын и все другие народы»; «вы почувствуете, — обещал он своим сторонникам, — как дрожит земля под вашими ногами, увидите, как валятся троны под ураганным ветром, и услышите звуки трубы свободы во всех уголках земли»⁵⁵.

Национальная идея в умах многих гармонично сочеталась с уважением к правам и интересам соседних народов. Г. Крециану и Д. Флореску в обращении, озаглавленном «Наша цель», провозглашали право угнетаемой нации на восстание против «чудовищ», ее притесняющих. «Гнет рождает принцип солидарности народов, — писали они. — Было бы абсурдно в эпоху, когда идеи завоевания и наследования осуждены всеми здравомыслящими людьми, претендовать на основание государства в пределах Траняновой или Аврелиановой Дакии, но было бы столь же большим упущением позволить чужому государству распространиться там, где преобладает румынский элемент»⁵⁶.

Казалось бы, не растерявший идеалы Н. Бэлческу и К. Росетти сама судьба определила сотрудничать. Но этому мешали серьезные расхождения. Для Н. Бэлческу национальная революция включала как основу, а не просто как один из своих элементов, социальные преобразования формационного плана. В мировоззрении К. Росетти социальные вопросы занимали подчиненное положение, а на первый план выступали проблемы политического и гражданского равноправия. «Бояре! — призывал он. — Поймите закономерное движение природы, и тогда вы познаете, что все народы без исключения склонны к сохранению спокойствия, а не к восстаниям и погромам!»⁵⁷ Он полагал, что достаточно пойти на разумные уступки для обретения всеобщего благополучия. Бэлческу, стремившийся к активным действиям, считал словоизлияния Росетти празднословием и в конце концов порвал с ним, заявив, что «сыт по горло прокламациями и протестами»⁵⁸.

Не сразу изменили убеждениям молодости братья И. и Д. Брэтиану. Ион усматривал фатальную ошибку революции в надежде на благоволение монархов: «Румыны не проиграли бы революции, если бы не кричали в Валахии „Да здравствует султан!“, если бы не провозглашали в Трансильвании здравицы императору,

не позабыли о знамени Румынской республики и о лозунге „Объединение или смерть!“⁵⁹. Ему вторил Думитру: «Верьте, братья! На сей раз мы выступим вместе — венгры, славяне, греки, все они вместе с нами примут участие в священном походе демократии», и «Великая Дунайская конфедерация... станет фактом нашей эпохи», причем ни один народ в ней не потеряет самостоятельности, ибо «наши нации, благодарение Богу, явственно различаются и четко характеризуются»⁶⁰.

Осевший в Стамбуле И. Гика упрекал соратников молодости в приверженности к «эксцентрическим идеям», именовал их отставшими от жизни теоретиками, а крестьянское требование земли расценивал как «чудовищное» и «преступное». Он полагал, что план создания Румынского государства как барьера на пути России на Балканы найдет отклик в Париже (что соответствовало действительности) и в Лондоне (в чем он ошибался)⁶¹. Стремительное скатывание И. Гики с революционных позиций на реформистские и даже консервативные явились самым зрывым проявлением перерождения эмиграции. Рушились расчеты радикалов на близкую европейскую революцию. Мадзинисты, чьи взгляды они разделяли и в чьих организациях участвовали, полагали, что эра монархий кончилась, и надеялись, что истечение срока президентства Луи-Наполеона Бонапарта совпадет во Франции с восстанием и другие страны последуют ее примеру. Переворот Луи-Наполеона, разогнавшего республиканские институты и провозгласившего себя императором, положил конец иллюзиям, а неудача Мilanского восстания (февраль 1853 г.) дискредитировала путчистскую тактику.

«Надклассовый демократизм» не выдержал испытаний жизни. В рядах радикалов воцарилась растерянность, обычные для всякой эмиграции интриги, склоки и дрязги дополняли картину. Всплыли затонувшие в 1848 г. планы опоры на Турцию — И. Гика обретал все больше сторонников. Н. Бэлческу, оставшийся в одиночестве и умиравший от чахотки, углубился в исторические исследования. «Я по уши закопался в ужасающие фолианты и собираю в них примеры отваги предков, а подлых современников я послал к черту», — писал он, грустно добавляя: «Париж полон румынскими реакционерами, но все они выдают себя за революционеров»⁶².

В 1853 г. унионисты воспряли духом: началась Крымская война. Единственные из балканцев, румыны предложили свои услуги Высокой Порте, выразив готовность сформировать легион для участия в боях против России и тем самым противопоставив себя другим движениям за национальное освобождение.

Национальная идея претерпела очередную метаморфозу. Она сохранила функции идеологического обоснования объединения Дунайских княжеств, образования единой Румынии и, в перспективе, продвижения ее к независимости, но и обрела новые. Осуждавшиеся ранее ссылки на историческое право как на изжившее себя стали важнейшим компонентом идеологических построений и внешнеполитических концепций. О братстве народов-соседей позабыли, вместо этого стали подчеркиваться выдающиеся качества латинской расы, определившие ее первенствующую роль в развитии мировой цивилизации. Отсюда перекидывался мостик к балканским делам и обосновывались претензии на особое значение автохтонного румынского этноса «благородного» латинского корня в окружающем его «варварском» славянском море. А по соседству располагались притязания на политическую гегемонию в регионе.

Братья Брэтиану уже стали забывать, что греки, славяне, венгры и румыны должны в одном строю шагать в светлое будущее. В их статьях и выступлениях зазвучали иные ноты: «Кельт и латинянин, когда находились в течение известного времени в контакте, сливались в добродетельную и прекрасную романскую, или латинскую, расу, которая более двух тысяч лет идет во главе цивилизации». Оказалось, будто предки румын со славянами не смешивались, хотя многие века проживали на одном пространстве. Идея сотрудничества народов преломлялась через националистическую призму и теряла свой прогрессивный характер, она заменялась идеей расовой близости: «Близкие отношения, обмен идеями и понятиями между нациями одной и той же расы отвечают нуждам развития каждой из них, ибо действуют непосредственнее, чем связи между народами, принадлежащими к разным расам». Приписывая некоторым народам особую роль в истории, И. Брэтиану склонялся к оправданию захватов: «Отдельные завоевания можно извинить, ибо они позволяли нации способствовать прогрессу цивилизации. Римляне и англичане — два примера этого. Ныне же прогресс столь значителен, — оговаривался он, — что завоевания оправдать нельзя, они преступны»⁶³.

Эти высказывания относятся к 1853 г., когда еще не наступил решающий этап борьбы за объединение Дунайских княжеств и унионистам было не до мечтаний о территориальном расширении. Но поскольку в ходе истории ситуация меняется, идея о пресловутой «цивилизаторской миссии» могла возродиться. Семена национализма были брошены в почву, оставалось ждать их всходов.

5. Трансильванская трагедия

В Трансильвании в эпоху революции «принцип национальности» и в идеологии, и в политике сыграл совсем иную роль, нежели в Дунайских княжествах. В последних национальная идея сплачивала общество вокруг насущных задач объединения и освобождения, в Трансильвании она его разъединяла. Этническое размежевание социума совпадало здесь с религиозным, экономическим и правовым. Язык, культура, нравы, вера, статус в государстве — все это отличало и разделяло венгров, немцев, румын. Потомки даков исключались из «исторических наций» и числились изгоями в собственной стране. Здесь была почва для перерастания национальной отчужденности во вражду, что и произошло в 1848–1849 гг.*

Все началось многообещающе: молодежь всех трех национальностей восторженно приветствовала Пештскую революцию. В марте 1848 г. румыны — преподаватели и учащиеся юридической академии в Клуже (Коложваре) и церковных школ, чиновники, судейские, адвокаты — участвовали в общих манифестациях. Редактор влиятельного издания «Газета де Трансильвания» («Трансильванская газета») Г. Барицу, «обливаясь слезами радости», знакомил читателей с принятыми в Пеште двенадцатью пунктами. Другая газета, «Фоайе пентру минтя, инима и литература» («Листок для ума, сердца и литературы»), «во всеуслышание» клялась от имени трансильванских румын в верности «святым человеческим и гражданским правам» и заверяла в «их готовности сокрушить варварские, тиранические и угнетательские привилегии»⁶⁴. В Тыргу-Муреше (Марошвашархее) и Блаже (Балажфалве) уже тогда своей активностью выделялись А. Янку, А. Папиу-Иллариан, И. Бутяну.

Поскольку помещичьей прослойки в румынском обществе не существовало, национальное движение возглавляли разночинцы, решительно и бескомпромиссно настроенные в аграрном вопросе: они настаивали на немедленной отмене баршины и наделении крестьян землей без всякого выкупа. Но тут начинались сложности, так как во главе венгерской революции стояло среднепоместное дворянство. Сам факт его готовности идти на довольно масштабные аграрные преобразования свидетельствовал о широте кругозора и отсутствии у вождей узкосословных шор, однако

* См. также гл. IV данной книги.

уничтожать крупное землевладение как таковое и даже слишком ограничивать его революционеры не собирались⁶⁵. Предложение венгерских радикалов ограничить площадь поместий двумя тысячами хольдов (1 хольд = 0,57 га) поддержки у Л. Кошути и других лидеров не получило⁶⁶. В Трансильвании охранительные стремления дворянства проявлялись сильнее, чем в собственно Венгрии, и оно упорнее держалось за свои привилегии. Ситуация в землевладении, унаследованная от Средневековья, отличалась необыкновенной сложностью и запутанностью. Но главное, в Трансильвании существовала 77-тысячная масса (с семьями — 385 тыс. человек) безземельных крестьян-желлеров, которым по букве и духу мартовских законов 1848 г. не полагалось ничего. На урбариальных (барщинных) землях крестьянские держания не отделялись четко от помещичьей земли, что создавало почву для злоупотреблений при размежевании. Очень немногие из имевших право на землю крестьян сохранили полный надел и являлись «справными хозяевами», остальные держали половину, четверть, одну восьмую и даже одну шестнадцатую часть надела. Им революция предлагала вечное малоземелье. С точки зрения крестьян, она поставила в повестку дня аграрный вопрос, но не решила его и, подбросив угольев, разожгла ярким пламенем огонь недовольства в селах.

Изъяны в аграрном законодательстве явились первой трещиной для размежевания, одновременно национального и социального, между помещиком-мадьяром и крестьянином-румыном; трещина быстро превращалась в пропасть, чему способствовало цепляние крупных землевладельцев за феодальные повинности, сопротивление аграрной реформе. Деревня ждать не желала. В апреле 1848 г. крестьянское движение стало уже столь широким и опасным для властей, что с его участниками расправлялись военно-полевые суды и в селах воздвигались виселицы. Взрывоопасным представлялся и последний, 12-й пункт пештской программы, принятый без консультации с трансильванцами и беспартийно предусматривавший объединение Княжества с Венгерским королевством⁶⁷.

В такой непростой обстановке велась подготовка к общерумынскому собранию в Блаже. Пронесся слух, что появившиеся в крае посланцы из Дунайских княжеств предложат объединить с ними Трансильванию. Губернатор И. Телеки вздумал было запретить собрание, но его не послушались.

Собрание 3–5 (15–17) мая 1848 г. явилось событием знаменательным, в значительной степени предопределившим буду-

щее. Важно было все: его открытие, процедура, принятие национальной присяги, речи, решения. На собрание пришли не только жители местечка и окружающих сел, многие деревни снарядили ходоков, снабдив их скромной лептой на дорогу. Крестьяне шли на общенародную сходку, полагая, что она призвана помочь им в их нуждах. Собралось, по разным подсчетам, от 20 до 40 тыс. человек.

Открыли форум униатский епископ, старец И. Леменъ и православный иерей, молодой, энергичный, только что посвященный в епископский сан А. Шагуна. Присутствовали представители австрийского командования и местных властей. Центральным событием первого дня явилось принятие клятвы: «во имя Отца и Сына и Святого духа» собравшиеся присягнули на верность «императору Австрии и великому князю Трансильвании» Фердинанду и румынской нации, обещая защищать ее от «любого нападения и угнетения», отстаивать родной язык, свободу, равенство и братство. Клятва включала многозначительный абзац: «на основе этих принципов я буду уважать все трансильванские нации, требуя равного уважения с их стороны»⁶⁸. Далее следовали пункты об отмене барщины, развитии промышленности и торговли, о расцвете нации и родины. Клятва явилась своего рода прологом к принятию программного документа, зачитанного, обсужденного и одобренного 4 (16) мая. Первый его пункт отличался большой емкостью: «румынская нация, основываясь на принципах свободы, равенства и братства», требовала для себя представительства в Законодательном собрании Трансильвании (Диете), в администрации, судебных учреждениях и вооруженных силах в соответствии со своей численностью, настаивала на праве пользоваться своим языком во всех необходимых случаях⁶⁹. Собрание призвало прекратить во всех официальных актах употребление обидного слова «олах» («валах» по-венгерски), заменив его на «румын».

Второй пункт предусматривал равноправный с другими конфессиями статус православия и униатства и восстановление некогда существовавших митрополий. В третьей статье румынский народ настаивал на «незамедлительной отмене барщины без всякого возмещения со стороны барщинных крестьян». Руководство собрания сочло нужным дать разъяснение: впредь до законодательного решения вопроса повинности крестьян в отношении помещиков подлежат выполнению. Далее следовали статьи, предусматривавшие снятие преград на пути развития промышленности и торговли, и блок гражданско-правовых статей, включавших требования свободы слова и печати, отмены цензуры и системы

залогов за газеты, личной свободы граждан, защиты от ареста по политическим мотивам, введения суда присяжных. Затем шли пункты об образовании национальной гвардии, отмене сословных привилегий, распределении государственных налогов и починностей в соответствии с доходами. В программе подробно говорилось об открытии школ с преподаванием на родном языке в каждом селе и гимназий в городах, духовных семинарий, военных и технических училищ, а также своего университета⁷⁰.

Блажская программа явилась документом демократического содержания, свидетельствовавшим о европейском уровне мышления его разночинных составителей, несмотря на многозначительные умолчания (о размерах крестьянского надела, об избирательном праве). Ни одним словом, ни письменно, в документах, ни устно, в речах, участники собрания не выступили против венгерской революции, но одно дело — буква, а другое — дух. В законодательстве революции безусловный приоритет отдавался личности, и румынам говорили: вы получили все гражданские права, зачем же оговаривать особо еще и национальные? В Блажской программе приоритетным выступал национальный принцип: все без исключения статьи начинались словами «румынская нация». Последовательное проведение заложенного в ней принципа в жизнь (администрация, суд, образование в населенных румынами местностях в их руках, пропорциональное численности населения представительство в Государственном собрании) означало установление в Княжестве преобладания (если не власти) поднимавшейся румынской буржуазии.

В принятых на собрании документах не было ничего, ущемлявшего права других народов Трансильвании, его участники обязались проявлять уважение к их интересам. Но в речах уже зазвучали нотки шовинизма. В качестве идеолога движения впервые выступил С. Бэрнуциу, до того никому не известный сорокалетний студент немецкой академии права в Сибиу (Надьсебен, Германнштадт), успевший послужить архивариусом, нотариусом и учителем гимназии. Он стал признанным лидером движения, его бурное и мрачное красноречие не оставляло слушателей равнодушными, глубокая убежденность и фанатичная преданность национальной идеи воздействовали на умы и сердца. Несомненно, оказывало влияние и то, что Бэрнуциу чутко улавливал и умел выражать взгляды быстро крепнувшей румынской буржуазии, придерживавшейся принципов реформизма и сохранявшей верность династии Габсбургов. Отсюда проистекала его умеренность в социальных вопросах и отказ от революционной тактики:

с гнетом крепостничества надо покончить, говорил он, но так, чтобы «никто не мог обвинить их (румын. — В. В.) в восстании против своих господ или в покушении на чье-либо имущество». «Не наносите никому ущерба, — призывал он слушателей, — ибо люди, совершающие подобное, недостойны свободы»⁷¹.

На блажском собрании Бэрнуциу выступил основным оратором. Углубившись в эпоху Древнего Рима, воспев доблесть предков, высказав от имени своего народа глубоко справедливые жалобы, он заявил: «Румынская нация не хочет властвовать над другими, а желает иметь равные права со всеми» — и высказался за сотрудничество «со всеми народами, которые признают свободу наций и уважают ее на деле»⁷². Но тут же оказывалось, что, по Бэрнуциу, мадьяры, т. е. как раз тот народ, с которым надлежало сотрудничать, из числа свободолюбивых исключался: «Вы, чьи предки когда-то властвовали в этой прекрасной стране и во многих других, впали в рабство и потеряли свои исторические земли. Тираны — три нации, мадьяры, саксы и секеи — изгнали вас, самых многочисленных... Румыны! Не забывайте славу ваших предков римлян,ластителей мира!»⁷³ Выражения в речах варьировались, но неизменным оставался пронизывавший их яростный антивенгерский дух: «Надо изучить отношения между румынами и венграми на протяжении почти тысячи лет господства мадьяр, — подчеркивал он. — Теперь они вздумали объединить Венгрию с Трансильванией», чтобы «покамест вычеркнуть привилегии Ардяля» (румынское название Трансильвании), а затем денационализировать все невенгерские народы, слив их в единую и сильную мадьярскую нацию. «Ардял, — гремел Бэрнуциу, — является подлинной собственностью румынской нации, которая по праву приобрела его примерно тысячу семьсот лет назад и с тех пор и до сего дня хранит, защищает и обрабатывает эту землю»⁷⁴.

Свой критический запал Бэрнуциу направлял не против венгерских магнатов, а против мадьяр как таковых, а заодно и против саксов. Его риторика, конечно же, ни в малой степени не способствовала сплочению разных этносов, населявших Трансильванию, а напротив, содействовала их размежеванию, а потом расколу и конфронтации, что и произошло.

Известна мрачная роль габсбургской реакции в натравливании народов друг на друга. И все же маневры двора — лишь вторичное в разыгравшейся трагедии, а первичным выступало переплетение национальной розни и социального антагонизма. Соединились различные факторы: давление консервативных сил, интриги габсбургского окружения во всеоружии многовекового опыта по

проводению политики «разделяй и властвуй», стихийный монархизм крестьян. Но к этому нельзя сводить причины чуть ли не поголовного перехода национальных меньшинств — сербов Воеvodины, хорватов, русинов Закарпатья, словаков, немцев и румын Трансильвании — сперва в оппозицию венгерскому революционному режиму, а потом и в лагерь реакции.

В совокупности меньшинства составляли две трети населения земель короны св. Стефана и проживали на них компактными массами в течение столетий. Этнические мадьяры далеко уступали им в численности. Воплощение в жизнь принципа национального равноправия привело бы к утрате мадьярами ведущей роли, к подрыву экономических позиций венгерского дворянства, к ликвидации его политической гегемонии в королевстве. Лидеры революции не были готовы к этому. Идею автономии Л. Кошут объявил равнозначной смерти Венгерского государства. Самый широко мыслящий представитель венгерского дворянства в Княжестве М. Вешеленьи, хлопотавший о расширении прав румын, в то же время заметил: «Трансильвания должна быть частью венгерской родины — иначе она станет добычей чуждой расы»⁷⁵.

Между тем последние два пункта Блажской программы, 15-й и 16-й, предлагали полную реорганизацию государственной и политической структуры Трансильвании — разработку Учредительным собранием с представительством «всех наций» и на основе «принципов свободы, справедливости, равенства и братства» новой конституции. Статья 16-я звучала предупреждением «сопроживающим нациям» — не обсуждать вопрос об объединении с Венгрией до тех пор, пока румыны не будут представлены в «законодательной палате» с правом совещательного и решающего голоса; если же Диета все же приступит к обсуждению унии «без нас», румынская нация выступит с протестом⁷⁶.

Блажское собрание направило две делегации во главе с епископами Леменьи и Шагуной для вручения петиций Государственному собранию в Клуже и императору в Инсбруке. Вроде бы законопослушные румыны обращались по двум адресам, как того требовал курс на реформы. Но равное отношение соблюдалось лишь по букве, а не по сути. Монархически настроенное крестьянство верило помазаннику Божию, а не своему вековечному угнетателю, венгерскому помещику, вдруг ударившемуся в революцию. В кругах разночинной интеллигенции лозунг объединения с Венгрией, вписанный в принятую в Пеште конституцию, вызывал чувство настороженности и враждебности, он воспринимался как призыв к объединению мадьяр против «инонаци-

налов». Вся процедура собрания в Блаже была насквозь лоялистской: над трибуналами разевалось два знамени — черно-желтое императорское и румынский триколор. Во вступительной речи епископ А. Шагуна «в исполненных красноречия выражениях говорил о неизменной и вечной преданности румынского народа Его величеству и передал пожелание благоденствия Австрийскому Дому, которому одному мы благодарны за то, что имеем, как бы незначительно оно ни было». Поскольку в мае 1848 г. открытого разрыва между венским двором и венгерской революцией еще не произошло, все акты последней оформлялись в виде императорских указов, чем воспользовался епископ, дабы приписать все благодеяния монаршьей воле. Дотошный очевидец подсчитал, что в своей пространной речи А. Шагуна упомянул императора Фердинанда 70 раз (под крики: «Да здравствует император!»), а Трансильванскую диету — единожды и мимоходом⁷⁷.

Все это служило грозным предупреждением и местным властям, и правительству в Пеште. Вероятно, еще существовала, пусть слабая, возможность компромисса за счет значительных уступок «инонационалам», но ею не воспользовались, ответом на резолюцию блажского собрания явилось решение скоропалительно осуществить унию. Группа влиятельных трансильванских дворян обратилась в Пешт с посланием: признав справедливость некоторых пунктов Блажской программы, они возражали против признания румын конституционной нацией; если румыны, опасались они, самостоятельно или при поддержке Вены преуспеют в достижении своей цели, то вместе с немцами получат большинство в Трансильванской диете, и тогда уния с Венгрией станет невозможной, поэтому ее надо осуществить «теперь или никогда»⁷⁸.

В венгерских кругах утвердилось мнение, что румыны стали игрушкой в руках придворной камарильи. В Клуже царила напряженная, нервная атмосфера, когда туда прибыли посланцы блажского собрания. Г. Барициу, ее участник, вспоминал: «Площадь была украшена сотнями трехцветных венгерских флагов с надписью на одних — „Объединение“, на других — „Объединение или смерть!“»⁷⁹. На улицах толпились люди, настроенные угрожающе по отношению к «сепаратистам». Последние скрылись по домам. Миссия делегатов из Блажа кончилась полным провалом, их даже не выслушали, а петицию отправили в комиссию Диеты, отложив даже не в долгий ящик, а навсегда. В Венгрии раздался лишь один предупреждающий голос: газета радикалов «Марчиус тизенётёдике» («15-е марта») 26 мая 1848 г. пи-

сала: «В Трансильвании двум силам предстоит вынести решение: Диете и румынскому народу. Диета представляет всего несколько сот человек, а румынская нация представляет всю Трансильванию»⁸⁰. Голосу радикалов не вняли: 17 (29) мая собрание проголосовало за объединение с Венгрией. Напуганные немцы, члены Диеты и явные противники унии, подняли руки «за».

Император Фердинанд утвердил решение — трон висел на волоске, ему было не до ссоры с мадьярами. В утешение прибывшим к нему румынам он сказал, что по венгерской конституции все граждане равны, но забыл упомянуть, что по тому же основному закону венгерский язык являлся государственным, его знание было обязательно, и это отсекало большинство румын от участия в политической жизни. Сравнительно высокий имущественный ценз при выборе парламента способствовал тому же. Права румынского языка законом не подкреплялись. Предложение М. Вешелены объявить все проживающие в Трансильвании народы под защитой конституции, уравнять в правах все церкви, разрешить преподавание на родном языке в школах и его употребление в администрации было похоронено Диетой⁸¹.

Княжество было расколото, венгерская революция и национальные движения румын и немцев размежевались.

Волнения в деревнях не прекращались, выступления против барщины охватили десятки мест. Жители села Михалцы захватили землю помещика-венгра, посланный на подавление отряд, состоявший из секеев, учинил 29 мая (10 июня) побоище. Социальный по сути своей конфликт обернулся межнациональным столкновением, продемонстрировав неразрывную связь в Княжестве этих двух начал. Пролилась первая кровь.

Молодые румынские руководители были возмущены и приступили к созданию своих отрядов, австрийское командование в оружии им не отказывало. Венгерские власти решили пресечь сопротивление, издав постановление об аресте членов избранного в Блаже комитета, но удалось схватить лишь двоих. Начались гонения на «канцеляристов», как именовали румынских интеллигентов. Те скрывались в малодоступных селениях Западных гор и на Военной границе под защитой граничар — крестьян-солдат, несших охрану рубежей империи. Духовенство, православное и униатское у румын, лютеранское у немцев, вело агитацию в пользу Габсбургов.

Между тем над венгерской революцией сгущались тучи нашествия, и она готовилась к отпору. В августе 1848 г. объявили мобилизацию в армию. В Трансильвании вербовщики натолкнулись

на сопротивление в румынских, немецких и даже в некоторых венгерских селах: сперва дайте землю, а пока пусть воюют «графы» — таков был смысл ответов крестьян. Отряды войск силою захватывали рекрутов, в общине Луна дело дошло до побоища, закончившегося убийством десятков селян. В Княжестве распространялись инспирированные габсбургскими агентами слухи, будто венгерское правительство восстановит отмененные императором барщинные повинности. В начале сентября в Нэсауде (Насоде) и Орлате, центрах дислокации двух полков румынских граничар, состоялось совещание офицеров, священников, учителей и ходоков от крестьян. В петиции императору они ходатайствовали об отмене крепостнических отношений, прекращении террора (подразумевался венгерский террор) и сохранении единства державы. Делегация вручила петицию Фердинанду, а после ее возвращения полковник К. Урбан объявил венгерское правительство мятежным⁸². Так контрреволюция обрела в Трансильвании румынскую вооруженную опору.

3–13 (15–25) сентября в Блаже происходило новое совещание. Им руководили А. Янку, С. Бэрнуциу и А. Лауриан. Крестьяне явились вооруженные копьями, вилами, цепами, некоторые даже ружьями. Собрание образовало «смешанную комиссию из румын, венгров и саксов, крестьян, горожан и лиц образованных» для изучения вопроса о наказании «всех, виновных в вымогательствах, грабежах, преследованиях, арестах, насилиях, убийствах, во всем том, что происходило от системы терроризма». Венгерская революция объявила, таким образом, террористическим режимом. «Собравшийся народ» заявлял далее, что «не желает признавать объединение Трансильвании с Венгрией, против чего ранее протестовал, и не принимал участия в Диете во время его обсуждения». Подчеркивалось, что следует добиваться открытия как можно скорее трансильванского Законодательного собрания «из румынских, немецких (сакских), и венгерских (секейских) депутатов, выбранных на пропорциональной основе в зависимости от численности каждой из упомянутых наций»⁸³. Участники собрания заявили, что признают только власть императора и будут исполнять распоряжения его правительства и приказы его командования. По сути дела принятые решения явились манифестом с объявлением войны венгерской революции и в то же время — заявкой на решающее слово в управлении Трансильванией.

Удар в спину мадьярам был нанесен в тяжелое для них время. Габсбурги оправились от первоначального испуга и понесенных потерь, восстановили власть в Чехии и Ломбардии. В сентябре

хорватский бан Й. Елаич вторгся в Венгрию, но потерпел поражение, однако император успел своим рескриптом распустить венгерский парламент и объявить Венгрию и Трансильванию на осадном положении. Собрание, естественно, отказалось распуститься, но среди его членов начался разброд. Шесть немецких депутатов, епископы А. Шагуна и И. Лемены покинули Пешт. Немецкая община города Сибиу объявила унию Трансильвании с Венгрией недействительной. Избранный в Блаже румынский комитет составил план чуть ли не поголовного вооружения соотечественников, решив сформировать по древнеримскому образцу 15 легионов во главе с трибуналами. Результат оказался скромным — удалось поставить под ружье 2 тыс. человек⁸⁴, не считая крестьянских отрядов, то собирающихся «на дело», то расходившихся по домам.

В ответ на это 2 (15) октября секеи провели массовый сбор в Лутице (Адъядьфалве) с участием солдат и офицеров секейских пограничных полков, вышедших из подчинения имперскому командованию. Собравшиеся поклялись в верности венгерской революции, сформировали свои отряды и отправились на войну с румынами. Кровавые крылья мельницы междуусобицы завертелись⁸⁵.

Добровольцы — венгры (так называемые гонведы, «гусары Кошута») и секеи — громили и сжигали деревни по течению реки Муреш, вокруг Клужа и Турды (Торда). Отряд, созданный в Лутице, нанес поражение румынским границарам и ополченцам под Регином, сам город был разграблен и сожжен, после чего многие секеи вернулись в свои села, а оставшихся рассеяли имперские войска. Дворяне спешно укрепляли свои усадьбы, призывая на помощь венгерскую национальную гвардию. Крестьяне точили косы и вилы, врывались в поместья, расправляясь с их обитателями. 10 (22) октября ворвавшиеся в Златну румынские крестьяне предали поселок огню и грабежу. Жители городков Абруд и Ромия сдались чете А. Янку и избегли столь страшной участи. В комитате Зэранд под Тырнавой произошел бой, в котором полегли сотни плохо вооруженных румынских крестьян.

В ноябре власть в большинстве сельских мест, в городах Брашове (Брашшо, Кронштадт) и Сибиу оказалась в руках австрийского фельдмаршала-лейтенанта Пухнера, румын и немцев. В декабре маятник удачи качнулся в венгерскую сторону. Император Фердинанд отрекся от престола в пользу племянника Франца-Иосифа, но правительство в Пеште не спешило призна-

вать последнего венгерским королем. В последние дни 1848 г. в Трансильванию вступил корпус генерала Ю. Бема.

Румын крутой поворот событий застал врасплох. 250 их представителей собрались 16 (28) декабря в Сибиу. Обсуждалась идея слияния всех населенных румынами земель в одно государственно-административное образование. Но пока пришлось заниматься не масштабным проектом, означавшим слом всей унаследованной от средних веков государственной структуры, а тревожными текущими делами. Бем стремительно приближался к Сибиу, и Пухнер предложил призвать на помощь располагавшиеся в Валахии царские войска. Отдельные члены румынского комитета за колебались⁸⁶, что вполне объяснимо: Г. Барициу в июне 1848 г. восклицал: «Поклянемся, что больше не потерпим иностранных войск на румынской земле»⁸⁷, а в декабре должен был призывать их на спасение. Но возражать было просто опасно: по свидетельству Н. Бэлческу, побывавшего в декабре в Сибиу, некий «поп из Сечеле» пригрозил пристрелить Барициу, если бы тот вздумал возражать против вызова в Трансильванию русских войск⁸⁸. В результате под решением подписались все, и А. Шагуна отправился в Бухарест, в штаб генерала А. Н. Лидерса вслед за просителями-немцами.

В штабе 5-го пехотного корпуса и российском консульстве в Бухаресте внимательно следили за развертывающейся по соседству трагедией. В депеше А. О. Дюгамеля, отправленной в Петербург 26 октября (7 ноября), говорилось: «Немецкое и валашское население с энтузиазмом объединилось вокруг австрийского знамени, в то время как секлеры (другое название секеев. — В. В.) признают только приказы, исходящие из Пешта. Враждебные действия уже начались с обеих сторон... Там, где валахи наиболее сильны, они учиняют неслыханные жестокости по отношению к венграм; венгры, со своей стороны, вырезают валахов повсюду, где последние находятся в меньшинстве. Это — ужасающая расовая война. Секлеры, хоть по численности и уступают валахам, привычны чуть ли не с раннего детства к ремеслу, связанныму с оружием, и гораздо воинственнее последних»⁸⁹. Немецкие семьи, по словам Дюгамеля, бежали из Германнштадта и Кронштадта (т. е. из Сибиу и Брашова).

20 декабря к генералу Лидерсу прибыли две депутатии с просьбой «спасти жизнь 80 тысяч людей»: они же предупредили, что австрийские войска продержатся не более 18 дней⁹⁰.

А 25 декабря (6 января) 1849 г. А. О. Дюгамель доносил К. В. Нессельроде об «отчаянном положении» немцев в Тран-

сильвании: и он, и турецкий комиссар в военной помощи им отказали, и они обратились к валашскому господарю, тот может послать батальон пехоты, два эскадрона кавалерии и две пушки, которые будут немедленно разгромлены и по их следам в Валахию явятся венгры⁹¹.

В депеше от 28 декабря (9 января) 1849 г. квартирмейстер 5-го корпуса полковник Непокойчицкий сообщал о своей поездке на разведку к соседям. По его впечатлению, «повсюду в Трансильвании с нетерпением ожидают русские войска и спасения ожидают только от нашей вооруженной интервенции»⁹². Жители Ротентурма (Турну Рошие), селения у перевала в Карпатах, вообразили, будто полковник прибыл для размещения прибывающих войск, и подготовили им встречу с хлебом-солью, но были разочарованы, узнав, что об этом пока нет речи. Непокойчицкий добрался до Сибиу, где огорчил Пухнера сообщением о том, что А. Н. Лидерс не уполномочен вступать в Трансильванию. Имперские войска здесь в состоянии разложения, и их разгром неминуем, резюмировал полковник свои впечатления. Та же депеша от 28 декабря содержит информацию о миссии А. Шагуны: «На этих днях румынский епископ Трансильвании прибыл сюда из Германнштадта просить о помощи. Он собирается отправиться через Яссы в Ольмюц, чтобы ознакомить австрийское правительство с отчаянным положением, в котором окажется валашская нация в Трансильвании, если не будут приняты меры для избавления ее от мести беспощадных венгров»⁹³.

Из этих свидетельств видно, насколько жестокой была взаимная вражда. Правда, среди руководителей революции встречались люди, стремившиеся положить конец кровопролитию. Успехи Ю. Бема в немалой степени объяснялись тем, что он словом и делом пытался примирить враждующих и в первом же своем взволнении к населению объявил, что считает всех жителей края без различия национальности и веры равными и обладающими одинаковыми правами «на любой пост, если они честно и верно служат государству и имеют необходимые качества»⁹⁴. Он подтвердил, что государственным языком остается венгерский, но разъяснил: каждая община в своей внутренней жизни вольна пользоваться своим.

Николай I долго колебался и не решался на интервенцию. «Вступление войск наших, не вынужденное крайней необходимости, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы послужить на будущее время поводом к подобному вмешательству во внутренние дела соседних госу-

дарств», — полагал военный министр А. И. Чернышев⁹⁵. Лишь 19 (31) января 1849 г. два отряда — генерал-майора Энгельгардта и полковника Скарятиня — общей численностью в 6 тыс. штыков и сабель отправились в Брашов и Сибиу. В документе, датированном 11 (23) февраля, говорилось: «Наших солдат встретили с распростертыми объятиями, вышли навстречу им с хлебом и солью... Большое число немецких и валашских эмигрантов, готовых перейти границу, поспешили вернуться к своим очагам»⁹⁶. Внешнеполитическое ведомство России сочло нужным дать разъяснение вводу войск: предпринята акция местного значения и гуманитарного характера, произойдет лишь временное занятие двух городов на «срок самой крайней необходимости»⁹⁷.

Но срок пребывания определил Бем. 13 (25) декабря 1849 г. он вступил в Клуж и объявил жителям, что они «освобождены от ига реакции и военного деспотизма» и что «свободы, гарантированные венгерской конституцией, вновь вступили в силу», а прошлое предано забвению. Терпимость сочеталась у Бема с революционной решительностью. Но ему приходилось ломать сопротивление объятых жаждой мести дворян и своего же партнера по управлению краем комиссара Л. Чани, полагавшего, что навести «революционный порядок» и покарать «предателей родины» можно лишь с помощью военно-полевых судов и виселиц, которые и воздвигались в непокорных селах⁹⁸.

В марте 1849 г. Бем добился полного успеха, разгромив армию Пухнера. Занявшие Брашов и Сибиу российские отряды с боями поспешно отошли, румынский комитет бежал в Бухарест. Очаг сопротивления сохранился в Западных Карпатских горах, примерно на десятой части площади Княжества. Свободолюбивые горцы-моцы, у которых непрекаемым авторитетом пользовался А. Янку, отбивали все попытки проникнуть в их край. Русские офицеры высоко оценивали боевые качества войска «горного короля», как стали называть Янку: «Это были настоящие народные партизаны. Неуловимые, как воздух, они являлись везде, где чуяли добычу... По знаку, им данному, вооруженные толпы собирались в назначенному пункте. Он являлся и вел их. По окончании экспедиции они расходились по домам, содеря, однако, кордонную линию с условленными знаками вокруг гор»⁹⁹.

В начале марта 1849 г. Франц-Иосиф провозгласил новую конституцию империи, по которой от Венгерского королевства отходили Трансильвания, Банат, Хорватия и Далмация, что вызвало волну возмущения в мадьярских кругах. Охвативший мас-

сы протест вылился в победы над австрийской армией. В Пеште, куда вернулось революционное правительство, 19 апреля 1849 г. Государственное собрание объявило династии Габсбургов низложенной.

Францу-Иосифу пришлось искать помощи за рубежом для восстановления своих законных прав. Зондаж в Петербурге не прекращался с конца марта, но и царь, и фельдмаршал И. Ф. Паскевич полагали, что венский двор их непременно обманет: австрийцы «хотят, чтобы В[аше Величество] изволили всю тяжесть войны взять на себя», — опасался Паскевич. Император с ним соглашался: «Входить в Трансильванию нет причины. Это дело прямо австрийцев... Когда все дело испорчено, было бы глупо исправлять русской кровью их ошибки». В другой раз Николай I писал: «Австрийцы, не сладив сами, хотят теперь чужими руками жар загребать, но я того не хочу»¹⁰⁰.

Однако, осознав всю степень опасности, нависшей над Габсбургами, царь изменил точку зрения. Тому способствовали и известия, поступавшие из Дунайских княжеств, и скора с недавними союзниками — турками: они отказывались выдать бежавших к ним польских повстанцев. В Молдавии и Валахии распространялись слухи, что война между двумя империями на пороге, и А. Н. Лидерс уже направил лазутчиков в Турцию «для сборания сведений насчет состояния войск и крепостей»¹⁰¹.

В самих Княжествах тлело недовольство. Российский консул К. Е. Коцебу 3 (15) марта 1849 г. передавал из Бухареста о «крайнем волнении, охватившем умы». Национальная идея приняла отчетливо выраженный оттенок русофобства. В городах распространялись памфлеты, мишенью которых являлся обобщенный образ «московита». В листовке «Размышления Родины, обращенные к ее предателям и деспотам» содержался призыв к соотечественникам — воспрять от летаргического сна. Ее автор от лица Румынии воскликнул: «С крестом в руке московит погубил Родину, задушил свободу, попрал нацию, душа которой подобна душе Брута». В то же время османское господство характеризовалось почти идиллически: Румыния, говорилось в листовке, «процветала в течение трех веков, и мусульманские герои» не посягали на ее самостоятельность¹⁰². Царские дипломаты опасались, как бы Бем не превратил соседнюю Трансильванию в крепость революции: «Пока эта провинция остается в руках восставших венгров, она будет служить для демагогов всех наций своеобразной цитаделью, откуда они постараются распространить свои доктрины в соседних странах», создавая «постоянную

опасность не только для Дунайских княжеств, для Буковины, Галиции и даже для наших западных губерний»¹⁰³.

Так что не только монархическая солидарность, но и тревога за состояние умов собственных «верноподданных» подвигла Николая I на принятие решения об интервенции.

В циркуляре российского министерства иностранных дел сообщалось о формальной просьбе австрийской стороны помочь подавить восстание, которое ставит под вопрос спокойствие двух империй. Российский кабинет «с сожалением» отказывался от прежде занятой им «выжидающей и пассивной позиции», подчеркивая, что дело идет о безопасности и нарушении, к ущербу для России, европейского равновесия¹⁰⁴.

Проведя зондаж в европейских столицах и выяснив, что опасаться отрицательной реакции на вмешательство в австрийские дела нет оснований¹⁰⁵, царизм серьезно подготовился к военному вторжению. Основной ударной силой стала армия генерала Паскевича. Его поход в Трансильванию, преследовавший цель подавления венгерской революции и сохранения целостности Австро-Венгерской монархии, одновременно способствовал решению и иных проблем; он не укладывался в классическую схему противопоставления народов и тиранов-монархов и не носил однозначного характера «усмирения»¹⁰⁶.

И революционная, и национальная идеи оказались в Трансильвании густо вывалаены в злобе, ненависти и крови, причем жестокость проявляли обе стороны. Происходили вещи страшные: депутат Государственного собрания Венгрии румын Драгош, стремившийся способствовать примирению двух народов, завязал в Абруде переговоры с вождями горцев-моцев; в город ворвались партизаны майора Л. Хатвани, который повесил префектов Л. Бутяну и П. Добра; разъяренные горцы во главе с А. Янку вытеснили отряд Хатвани, а Драгоша, заподозренного в предательстве, убили и тело его разрезали на куски¹⁰⁷. В такой обстановке «обыватель» стремился спасти жизнь свою и детей и сберечь свое имущество. Поэтому говорить об «усмирении» Трансильвании казаками, как по сию пору утверждается даже в солидной печати¹⁰⁸, изображать дело так, будто российская армия ворвалась в Трансильванию и под свист казачьей нагайки предала все огню и мечу, значит грешить против истины. В румынских селах и населенных по преимуществу немцами городах интервентов встречали не кольем-дрекольем, а колокольным звоном и цветами как спасителей и гарантов мирной жизни.

Вот «путевые впечатления» российского офицера: «Переход от Мюленбаха к Сас-Варошу был невеселый. Наводили на нас грусть эти разоренные села и дома по дороге, свежие памятники междуусобной Трансильвании. Здесь венгерцы мстили валахам по дороге от Карльсберга на Торду; там были сожжены целые города, здесь очень многие деревни, запустелые дворы, обгорелые стены, торчащие трубы, как мавзолеи на кладбище, — все приводило в уныние...»¹⁰⁹ С приходом российской армии возникла угроза массовой мести: «Валахи, — писал тот же офицер, — пользуясь поражением венгерской армии, уже снова стали позволять себе буйства и угрожали грабежом и смертоубийством венгерцам»¹¹⁰.

Но главным впечатлением военных был сочувственный прием, оказанный им румынским и немецким населением края:

«10 июня в 12 часов войска вступили в Кронштадт (Брашов. — В. В.) церемониальным маршем... Жители встречали нас с большим торжеством».

«Жители Германштадта (Сибиу. — В. В.) вышли нам навстречу в село Шелемберг, откуда много народа и много экипажей провожало нас до города. Там встречала нас полковая музыка. Из оконсыпали нас венками цветов».

«Население Медиаша было предано императору и встретило нас как освободителей... Едва наши войска стали на позицию, весь Медиаш пришел посмотреть на них. Долина Кёкеля, знаменитая своими виноградниками, превратилась в шумное гуляние, на котором солдаты играли самую почетную роль».

«Сегесвар (Сигишоара, Шегешвар. — В. В.) принял нас с нескрываемой радостью. Он с большой неохотой нес иго венгерцев». Военные узнали, что уполномоченный венгерского правительства Ш. Гаал повесил в Сигишоаре десять жителей, чем усилил недовольство. Сто «юных дев, увенчанных цветами», все в белых одеяниях, от имени города преподнесли генералу Лидерсу букеты¹¹¹.

В Сас-Вароше к Лидерсу явился «король гор» А. Янку, «молодой человек лет 25, белокурый, очень красивый собою и с таким добрым, приятным лицом, что нельзя поверить, чтобы он произнес уже столько неумолимых приговоров над людьми»¹¹². Генерал снабдил его немалыми деньгами (20 тыс. рублей) и боеприпасами.

Сказанное выше не меняет общей отрицательной оценки вооруженного вмешательства царизма в дела Австрийской империи, способствовавшего сохранению целостности этого межгосу-

дарственного образования, торжеству в нем консервативных начал, а имеет целью предостеречь от упрощенчества и невзвешенных суждений при трактовке исключительно сложных и драматических событий.

Для характеристики межнациональных отношений в Трансильвании очень важны последние два месяца революционной эпопеи. Бем, отчаянно сопротивлявшийся вступившим туда царским войскам, в конце июня 1849 г. предпринял диверсию в Молдавии. Он потеснил слабые русские заслоны и обратился к населению с призывом освободиться от царской опеки. Под воззванием подписались и несколько румынских эмигрантов во главе с Ч. Боллиаком¹¹³.

Однако находившиеся в тылу у Бема российские войска могли нагло перекрыть перевалы Карпатских гор и поймать его в ловушку, поэтому он поспешно вернулся в Трансильванию. Можно предположить, что на краткую и неудачную экспедицию он решил не без подсказки с румынской стороны. В письме от 8 (20) июля Н. Бэлческу рисовал ему радужные перспективы вторжения в Дунайские княжества: чего румыны всегда хотели, утверждал он, так это «объединить свое движение с польским и венгерским и вместе бороться против России, под гнетом которой все они находятся... Вступив в Валахию и Молдавию, Ваше превосходительство обеспечит преданность 8 миллионов румын делу свободы... Вы перенесете войну на юг России, туда, где она наиболее уязвима»¹¹⁴.

Правда, Бем на собственном опыте должен был знать, насколько трансильванские румыны «преданы делу свободы», да и располагал сведениями о том, что и в самой Венгрии ничего похожего на народное сопротивление интервентам не произошло¹¹⁵. Тем более трудно было рассчитывать на что-либо в Дунайских княжествах. В битве под Сигишоарой 19 (31) июля Бем потерпел поражение, был ранен и после капитуляции армии А. Гёргея скрылся в Турции.

Последняя страница драматической истории Трансильвании в 1848–1849 гг. была связана с попытками наладить сотрудничество революционных сил Дунайских княжеств и Венгрии. Этот прекрасный замысел осуществить на деле не удавалось. Расхождения и распри начинались сразу же после обмена патетическими декларациями о братстве народов. Сама ориентация двух национальных движений разводила их в стороны, а затем сталкивала друг с другом; несовместимыми являлись их основополагающие построения: целью мадьяр являлось создание единого централи-

зованного государства «венгерской политической нации», в которую входили бы и «инонационалы»; румыны добивались очень значительной степени не только национально-культурной, но и национально-государственной самостоятельности, федерализации земель короны св. Стефана, что неизбежно повлекло бы за собой подрыв экономических позиций и утрату политической гегемонии мадьярского дворянства на большей части этой территории. Отсюда происходило непонимание, отторжение, а затем и столкновение венгерской революции с национальным движением трансильванских румын, а также немцев.

Вынашивавшиеся валашскими деятелями планы принимались венгерскими революционерами в штыки. Так, валашский представитель при общегерманском Национальном собрании во Франкфурте-на-Майне И. Майореску в сентябре 1848 г. предлагал депутатам план объединения Молдавии, Валахии и Трансильвании в единое государство во главе с монархом из Габсбургского дома. Столь же неприемлемой для Пешта являлась выработанная спустя год в Блаже схема объединения всех населенных румынами земель Австрийской монархии в единое государственное образование, что означало отторжение значительной части Венгерского королевства. Кошут соглашался самое большое на культурно-национальную автономию на местах. Венгерский парламент и трансильванская Диета многие месяцы обсуждали национальный вопрос на уровне комиссий, но ни разу до конца дискуссию не довели по причине наличия «более важных» дел.

При смешанном расселении разных этносов на одной территории само по себе их размежевание представляло трудности почти непреодолимые и предвещало конфронтацию не только с мадьярами, но и с немцами. В петициях новому императору Францу-Иосифу содержался протест против самого названия района, где проживали саксы, — Заксенланд, ибо большинство населения там составляли румыны, а не пользовавшиеся значительными привилегиями немцы¹¹⁶. Будущее сулило столкновение разных национальных движений между собою — все они без исключения несли в себе зародыш шовинизма, все мыслили объединение национальных земель с изрядным прихватом «чужих», отыскивая «доказательства» в непроницаемых потемках истории.

Самую реалистическую позицию в румыно-венгерском конфликте занимал Н. Бэлческу. И он, и К. Росетти воспринимали события в Трансильвании как личную драму. Росетти с оттенком досады за «своих» изливал чувства в письмах. «О венгры, венг-

ры! Скажи мне, — задавал он вопрос И. Гике, — услышав это имя, у тебя не возникло желание посыпать голову пеплом?» И предавался печали по поводу, как ему представлялось, упущеных возможностей: «Объединившись с венграми, мы наверняка взяли бы Вену и провозгласили бы республику, а теперь мы дрожим в ожидании крох с венгерского стола»¹¹⁷.

Бэлческу с не меньшей скорбью смотрел на то, что творилось в Трансильвании: «Правда, и я сам, краснея от стыда, наблюдал, как румыны сражались за свободу под знаменем самого подлого, страшного и обветшалого абсолютизма... Неверно, однако, что румыны не вдохновлялись и не одушевлялись в этой жестокой войне национальными чувствами и любовью к свободе»¹¹⁸.

Бэлческу еще в декабре 1848 г. пробрался в лагерь революционных войск. На аванпостах генерала М. Перцеля его окликнули по-сербски, и он приободрился: не одни мадьяры сражаются во имя прогресса. Успехом его миссия не увенчалась — разговора с окрыленными успехами министрами временного правительства не получилось. В мае 1849 г. он проник в Трансильванию вторично. На этот раз венгерские власти, обосновавшиеся в Сегеде, оказались податливее. Бэлческу, в свою очередь, выступал воплощением умеренности. Он, конечно же, сознавал, к чему приведет уравнение в правах всех населявших Венгрию национальностей, в чем и признавался друзьям: «С наступлением демократии большинство в собрании составят румыны и славяне, и общие трудности вынудят всех на жизнь в конфедерации»¹¹⁹. Говорить о столь опасных вещах своим партнерам по переговорам он не стал и предложил приемлемый для них вариант «умиротворения». 2 (14) июля 1849 г. документ был подписан. Несомненно, «уступчивости» мадьяр способствовала царская интервенция: революции оставалось существовать месяц.

В «Проекте умиротворения» официальная Венгрия в первый раз в своей истории признала право румын как нации пользоваться родным языком в школе и администрации местностей с преобладающим румынским населением, венгерский язык должен был действовать лишь в законодательной сфере и суде высшей инстанции; предусматривалось прекращение дискриминации при приеме румын на работу, подтверждалась отмена барщинных повинностей, говорилось об амнистии, о восстановлении разрушенных и сгоревших домов. Была достигнута договоренность о создании румынского легиона, который должен был принести клятву верности Венгрии и Румынии¹²⁰ и сражаться под венгерским знаменем против деспотизма. С румынской стороны проект

подписали Н. Бэлческу и Ч. Боллиак, с венгерской — его «одобрил в принципе» Л. Кошут. Через две недели парламент принял закон о национальностях, составленный в духе заключенного с румынами соглашения.

Сам Кошут придавал серьезное значение достигнутой договоренности. В день подписания документа он отправил Бему письмо, откровенное и характерное одновременно: в нем ни словом не упоминается правовое урегулирование, оно целиком посвящено созданию румынского легиона. Его формирование, разъяснял он, «в высшей степени мудрая политическая мера... представляющая наиболее подходящее средство для рассеивания национальных предубеждений, столь заботливо распространяемых нашими врагами в стране и вне ее, это должно во многом облегчить умиротворение наших введенных в заблуждение соотечественников-валахов. Что делает скорейшее претворение в жизнь этого проекта еще более желательным — так это следующее: если политическая необходимость заставит нас направить часть нашей армии через валашскую границу, то вступление ее с валашским легионом во главе не будет рассматриваться как вторжение, и все население, видя своих просвещенных соотечественников под нашим знаменем, встретит нас как братьев и освободителей»¹²¹. Таким образом, задумывалась попытка раскола румынского национального движения, привлечения на свою сторону хотя бы части его участников. Провал экспедиции Бема засвидетельствовал несбыточность подобных расчетов, но показательно, что они существовали.

Н. Бэлческу, стремившийся реализовать достигнутое соглашение, с неимоверными трудностями пробрался в горы на встречу с А. Янку. Тот заявил, что время упущено и думать о сотрудничестве поздно, но обещал не поднимать больше оружие против венгров. Бэлческу с немногими спутниками был вынужден бежать, и перипетии бегства являлись показательными для характеристики царившей политической атмосферы. В горах они пробирались тайком, опасаясь, как он писал позднее, «быть арестованными и убитыми реакционными крестьянами, которые могли принять нас за венгров». «От тоски» Бэлческу заболел. У Муреша их задержал русский конный патруль. Они угостили солдат табаком, и те отпустили их с миром, не ведая, что чернявый, болезненно худой человек собирался поднять «8 миллионов румын» на восстание против России. Горемыки, переодетые крестьянами, присоединились к обозу с гончарной утварью. Обоз напоролся на венгерских жандармов, которые на телегах под посудой обнаружили

«господскую одежду», сочли ее краденой и конфисковали. Питались беглецы скверно, мокли под дождем, ночевали в стогах с сеном, и от этой «собачьей жизни» Бэлческу выздоровел. В деревнях он по часу торговался с бабами из-за каждого крейцера, чтобы сойти за заправского торговца. Бегство удалось, но планы сотрудничества народов против их угнетателей рухнули. Сам Бэлческу скрупулезно проанализировал причины неудачи, досталось и румынам, и мадьярам, и сербам, и славянам вообще, и прежде всего «московитам» с их кознями и интригами: «С московитским духом славян Австрии, распространившимся и среди румынского народа Баната и Трансильвании, я познакомился этой зимой», — жаловался Бэлческу¹²².

Но главная причина создавшегося положения заключалась не в ошибках лидеров и не в мнимых происках «русских» (которых вообще не было в Трансильвании до появления там частей 5-го пехотного корпуса), а в том, что история не подготовила почвы для желательных революционерам кардинальных свершений. На едином пространстве в kraе проживали национальные общности, отличные по языку, культуре, правовому положению в государстве, материальному благосостоянию, социальной структуре и менталитету.

Движущей силой революционного движения явилось многочисленное мадьярское дворянство, среднее и мелкое; оно разделяло политическую программу венгерской революции, сдержанно относилось к ее аграрной программе и с энтузиазмом поддерживало пункт об объединении Венгрии с Трансильванией. Иной социальной структуре румынской общины соответствовала и отличная система ценностей. Мозговым центром движения явилась разночинная интеллигенция, приветствовавшая политическую программу венгерских революционеров, готовая идти дальше них в аграрной области. Достаточно уже влиятельная, но мало связанная с крупным землевладением прослойка национальной буржуазии (торговцы, банкиры, арендаторы, владельцы мастерских и мануфактур), разделяя эти взгляды, особое внимание уделяла достижению национальной автономии, что по сути дела означало претензию на власть в Княжестве. Крестьянство, по большей части феодально-зависимое и почти поголовно неграмотное, проявляло равнодушие к неведомым ему демократическим институтам, а свободу слова мужики с большой силой выразительности осуществляли в кабаке. Деревня требовала земли, верила в добрые намерения императора и шла за своими «книжниками», изъяснявшимися на понятном ей языке.

Национальная идея в Княжестве оказалась неразрывно связанный с вопросами о единстве Венгерского государства и власти в нем. Демократическое решение их привело бы к тому, что земли короны св. Стефана должны были либо распасться, либо превратиться в федерацию или даже конфедерацию. Это с порога отвергали венгерские революционеры: любая страна, освобождаясь от пут зависимости, крайне ревниво относится к своей целостности и суверенитету и не терпит ничего, рассматриваемого как посягательство на свою территорию. Шансы на достижение консенсуса при данном состоянии социума, при достигнутой его интеллектуальной элитой стадии развития менталитета равнялись нулю. Максимума возможного достиг Н. Бэлческу, заключив соглашение об ограниченной культурно-национальной автономии румын. Но, если бы договоренность вступила в силу, она была бы отвергнута румынской стороной как недостаточная. Трагическое столкновение венгерской революции с национальными движениями «сопроживающих» народов представляется поэтому не случайностью, а закономерностью. Невежество и дикость нравов «в низах» придали конфликту кровавую форму междуусобной резни. Глубокое чувство национальной розни, поразившее русских офицеров, невозможно было преодолеть ни призывами, ни порывами, ни жертвенностью буревестников революции. «Дако-ромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее»¹²³, — писал один из русских очевидцев событий 1848–1849 гг.

Габсбургской реакции оставалось воспользоваться сложившимся положением, что она и осуществила. Но и она извлекла урок из случившегося и восстановить во всей полноте рухнувший режим не пыталась. Императорский указ 21 июня 1854 г. подтвердил личную свободу крестьян и закрепил за ними полученные от революции земли. В административном отношении Трансильвания стала управляться непосредственно из Вены, официальным языком сделался немецкий.

В 1859 г., после неудачной войны с Францией и Пьемонтом, монархия стала искать опору в буржуазии. Произошла «либерализация» режима. В Сибиу приступило к работе областное собрание, избранное на основе высокого имущественного ценза. Оно приняло закон об употреблении трех языков (немецкого, венгерского, румынского) в качестве официаль-

ных. Венгерские депутаты, оказавшиеся в меньшинстве, покинули заседание.

После поражения в войне с Пруссией в 1866 г. Габсбурги вновь встали перед дилеммой — в союзе с кем преодолевать кризис? Они предпочли венгерское дворянство и буржуазию как наиболее сильных и преобразовали империю в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию. Национальности, помогшие в 1848–1849 гг. династии выжить, послужили разменной монетой при заключении сделки: по соглашению 1867 г. Трансильвания была возвращена Венгрии. Конечно, возврат к системе трех «исторических наций» выглядел бы обскурантизмом в просвещенном XIX веке. Но, по избирательному закону 1874 г., лица, не знавшие венгерского языка, к урне не допускались. Румынское национальное движение оказалось отброшенным на исходные позиции; предстояло заниматься поисками новых путей и собиранием сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История Румынии 1848–1917. М., 1971. С. 57.
- 2 *Дараган*. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859. С. 5.
- 3 *Istoria României*. Bucureşti, 1964. V. 3. P. 823.
- 4 XV Congres des Sciences historiques. Rapports. Bucureşti, 1982. V. 2. P. 382.
- 5 *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 24–41, 83.
- 6 См.: *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е гг. XIX в.). М., 1966.
- 7 Цит. по кн.: *Джапаридзе Э. А.* Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предыстории революции 1848 г.). М., 1991. С. 72, 74.
- 8 *Kogălniceanu M.* Opere. Bucureşti, 1946. Т. 1. Р. 647.
- 9 Цит. по кн.: *Джапаридзе Э. А.* Указ. соч. С. 68–69.
- 10 *Kogălniceanu M.* Op. cit. Р. 646–647.
- 11 *Джапаридзе Э. А.* Указ. соч. С. 70–71.
- 12 Цит. по кн.: *Джапаридзе Э. А.* Указ. соч. С. 63.
- 13 Цит. по кн.: *Джапаридзе Э. А.* Указ. соч. С. 149.
- 14 Там же. С. 153.
- 15 Цит. по кн.: *Джапаридзе Э. А.* Указ. соч. С. 159.
- 16 Там же. С. 163.
- 17 Цит. по кн.: *Bodea C.* Lupta românilor pentru unitatea națională. Bucureşti, 1967. Р. 87.
- 18 *Anul 1848 în Principatele Române*. Bucureşti, 1902. V. 1. Р. 176–179.
- 19 *Ibid.* Р. 180.
- 20 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб. Гл. арх. V—A2, 1848 г. Д. 170. Л. 30, 33.
- 21 *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 г. М., 1949. С. 25.
- 22 *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1899. Т. 6. С. 229–231.
- 23 Там же. С. 204, 206, 233.
- 24 Цит. по кн.: История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 349.
- 25 *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1924. С. 86, 93–94.
- 26 *Щербатов А. П.* Указ. соч. С. 228, 229, 231.
- 27 *Parliamentary Debates / 3-rd Ser.* London. V. 101. Р. 761.
- 28 *Cornea P., Zamfir M.* Gîndirea românească în epoca pașoptistă. Bucureşti, 1969. Р. 71, 67–68.
- 29 *Ibid.* Р. 72, 73; *Anul 1848...* Bucureşti, 1902. V. 4. Р. 89–136.
- 30 *Cornea P., Zamfir M.* Op. cit. Р. 73.
- 31 *Ibid.* Р. 83–85.

- 32 Ibid. P. 86.
- 33 Цит. по кн.: Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990. С. 210.
- 34 Anul 1848... V. I. Р. 490–501. Перевод см.: *Попеску-Доряну Н. Революция 1848 г. в Румынии и Н. Балческу*. М., 1950.
- 35 Cornea P., Zamfir M. Op. cit. P. 59–60.
- 36 Rosetti C. A. *Gînditorul*. Ormul. Bucureşti, 1969. Р. 90.
- 37 Цит. по кн.: Щербатов А. П. Указ. соч. С. 237.
- 38 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. V–A4. 1848 г. Д. 1. Л. 118, 124.
- 39 Цит. по кн.: Международные отношения... С. 219–220.
- 40 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. V–A4. 1848 г. Д. 1. Л. 94.
- 41 Там же. Л. 94–95, 100.
- 42 Цит. по кн.: Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935. С. 63.
- 43 Цит. по кн.: Международные отношения... С. 214.
- 44 АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1848 г. Д. 839. Л. 2; Л. 4. «Боерілор шіоть локуіторілор Валахії де тоатъ класа» («К боярам и населению Валахии всех классов»).
- 45 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 43. Л. 80, 105; Дараган. Указ. соч. С. 9.
- 46 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. V–A4. 1848 г. Д. 1. Л. 118.
- 47 Цит. по кн.: Международные отношения... С. 219.
- 48 Xenopol A. D. *Istoria românilor din Dacia Traiana*. S. l., S. a. V. 11. Р. 48; Iorga N. *Istoria românilor*. V. 9. Р. 131, 164.
- 49 Bălcescu N. *Opere*. Bucureşti, 1964. V. 4. Р. 278.
- 50 Ibid. P. 135.
- 51 Ibid. P. 238, 310–311, 291–292, 336.
- 52 Păcurariu D. Ion Ghica. Bucureşti, 1965. Р. 139.
- 53 Kogălniceanu M. Dorințele Paridei naționale în Moldova // Cornea P., Zamfir M. Op. cit.
- 54 Ghica I. Amintiri din pribegiea după 1848. Bucureşti, 1890. Р. 210.
- 55 Cornea P., Zamfir M. Op. cit. P. 115; Rosetti C. A. Op. cit. P. 142.
- 56 Bălcescu N. *Opere*. Bucureşti, 1940. V. 1. Pt. 2. Р. 286.
- 57 Rosetti C. A. Op. cit. P. 170–171.
- 58 Bălcescu N. Op. cit. V. IV. Р. 372.
- 59 Rosetti C. A. Amintiri istorice. Bucureşti, 1889. Р. 134.
- 60 Cornea P., Zamfir M. Op. cit. P. 126, 93, 95.
- 61 Chainoi G. Dernière occupation des Principautés Danubiennes par la Russie. Paris, 1853. Р. 1–3. G. Chainoi — псевдоним И. Гики.
- 62 Bălcescu N. Op. cit. V. 4. Р. 353, 374.
- 63 Brătianu I. Naționalitatea // Cornea P., Zamfir M. Op. cit. P. 486, 487.
- 64 Цит. по кн.: Din Istoria Transilvaniei. Bucureşti, 1961. V. 2. Р. 8.
- 65 История Венгрии. М., 1972. Т. 2. С. 167.
- 66 Там же. С. 166.
- 67 История Румынии... С. 66.

- ⁶⁸ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Adunarea națională de la Blaj. București, 1966. Р. 445.
- ⁶⁹ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 459.
- ⁷⁰ Ibid. Р. 460, 464–465.
- ⁷¹ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 315, 213.
- ⁷² Цит. по кн.: *Cornea P., Zamfir M.* Op. cit. Р. 371.
- ⁷³ Цит. по кн.: Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975. С. 120.
- ⁷⁴ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 424.
- ⁷⁵ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 361. Также см.: История Венгрии... С. 170, 146.
- ⁷⁶ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 325, 465.
- ⁷⁷ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 442.
- ⁷⁸ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 488–489.
- ⁷⁹ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 500.
- ⁸⁰ Цит. по кн.: *Cheresteșiu V.* Op. cit. Р. 504.
- ⁸¹ История Румынии... С. 77.
- ⁸² Там же. С. 81; *Din Istoria Transilvaniei...* Р. 88.
- ⁸³ Цит. по кн.: *Din Istoria Transilvaniei...* Р. 89.
- ⁸⁴ Ibid. Р. 93.
- ⁸⁵ Ibid. Р. 45.
- ⁸⁶ Ibid. Р. 104; История Румынии... С. 84.
- ⁸⁷ Цит. по кн.: *Din Istoria Transilvaniei...* Р. 80.
- ⁸⁸ *Bălcescu N.* Op. cit. V. 4. Р. 124.
- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. СПб., Гл. арх. V–A2. 1848 г. Д. 170. Л. 13.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. СПб., Гл. арх. Политотдел. 1848–1849 гг. Д. 3. Л. 14–16.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. СПб., Гл. арх. V–A2. 1848 г. Д. 170. Л. 23.
- ⁹² Там же. Л. 25–26.
- ⁹³ Там же. Л. 26.
- ⁹⁴ Цит. по кн.: История Румынии... С. 83.
- ⁹⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. Политотдел. 1848–1849 гг. Д. 3. Л. 18.
- ⁹⁶ Там же. Л. 34. Циркуляр 11 февраля 1849 г.
- ⁹⁷ Там же. Л. 31.
- ⁹⁸ Цит. по кн.: История Румынии... С. 84.
- ⁹⁹ Дараган. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁰⁰ Цит. по кн.: Щербатов А. П. Указ. соч. С. 112, 279. Также см.: Авербух Р. А. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1849 г. Д. 847. Л. 8.
- ¹⁰² Там же. Д. 843. Л. 62; Д. 847. Л. 79–80.
- ¹⁰³ Там же. Д. 843. Л. 75.
- ¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. Политотдел. 1848 г. Д. 3. Л. 45–46.
- ¹⁰⁵ Подробнее см.: Авербух Р. А. Указ. соч. С. 287; Opinions and Policy of Viscount H. J. Palmerston. London, 1852. Р. 482.
- ¹⁰⁶ См.: Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича — легенда и быль // Новая и новейшая история. М., 2000. № 3.

- ¹⁰⁷ Din Istoria Transilvaniei... Р. 126.
- ¹⁰⁸ См.: Виноградов Б. Родина графа Дракулы остается в Румынии // «Известия». 18.IX.1996.
- ¹⁰⁹ Дараган. Указ. соч. С. 221.
- ¹¹⁰ Там же. С. 237–238.
- ¹¹¹ Там же. С. 66, 114, 136, 138.
- ¹¹² Там же. С. 222.
- ¹¹³ Din Istoria Transilvaniei... Р. 129–130; Anul 1848... Bucureşti. 1910. V. 6. Р. 268.
- ¹¹⁴ Рос. гос. военно-историч. архив (далее — РГВИА). Ф. «Военно-ученый архив» (далее — ВУА). 1849 г. Д. 5349. Л. 263. Копия с письма Николая Бэльческу Ю. Бему из Клаузенбурга 8 (20) июля 1849 г.
- ¹¹⁵ Командир 3-го пехотного корпуса ген. Ридигер докладывал Паскевичу 26 июня (8 июля): «Несмотря на все ухищрения венгерского правительства вооружить народ против нас, во всех местах, через которые проходили войска вверенного мне корпуса, жители остаются в своих жилищах, нимало не думая о вооружении». См.: РГВИА. Ф. ВУА. 1849 г. Д. 5349. Л. 915.
- ¹¹⁶ Din Istoria Transilvaniei... Р. 108.
- ¹¹⁷ Rosetti C. A. Gînditorul... Р. 138, 142.
- ¹¹⁸ Bălcescu N. Op. cit. V. 1. Р. 333; V. 4. Р. 168.
- ¹¹⁹ Цит. по кн.: Ghica I. Op. cit. Р. 39. Таюже см.: Din Istoria Transilvaniei... Р. 116.
- ¹²⁰ Istoria României. Bucureşti, 1964. V. 4. Р. 164–165.
- ¹²¹ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1848 г. Д. 839. Л. 199. Копия письма Л. Кошута Ю. Бему. 14 июля 1849 г.
- ¹²² Bălcescu N. Op. cit. V. 4. Р. 226–227. РГВИА. Ф. ВУА. 1849 г. Д. 5349. Л. 263.
- ¹²³ Дараган. Указ. соч. С. 67.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейские революции 1848–1849 гг. недаром вошли в историю как «Весна народов». В эти годы именно национальный характер движения каждого народа выступал на первый план и само это движение приобретало специфическую национальную окраску.

Национальный вопрос всюду находился в центре внимания, хотя его преломление в разных странах и у разных народов было различным. Оно зависело от политической и социально-экономической ситуации в той или иной стране, от положения и условий жизни каждого народа. Если французы имели свое моннациональное государство, то немецкая нация была рассредоточена между множеством мелких германских государственных образований. Аналогичная ситуация существовала в Италии, к тому же часть итальянских территорий находилась под чужеземной властью — монархии Габсбургов. Эта власть тяготела и над лишенными государственной самостоятельности славянскими народами Австрийской империи — чехами, поляками, украинцами, сербами, хорватами, словенцами, словаками, а также над венграми и румынами. При этом большинство этнических групп проживало компактно, но это не предопределяло национальную однородность состава населения той или иной территории: имело место смешение этносов при одновременном разделении их по социальному признаку. Так было в Восточной Галиции, где на одном полюсе стояли польские помещики, а на другом украинские крестьяне; подобное разделение существовало и в землях короны св. Стефана, где прочные политические и социально-экономические позиции занимало мадьярское дворянство, доминировавшее над славянскими и румынскими массами; об определенном противопоставлении славянского и итальянского населения можно говорить и в отношении владений Габсбургов на Адриатике.

Среди народов Австрийского государства были такие, которые представляли собой лишь часть нации, потому что другая часть жила за пределами империи. Это касалось, в частности, австрийских сербов, тяготевших к своим братьям в княжестве Сербия, а также румын Трансильвании, которые административно были подчинены Вене, реально же испытывали венгер-

ский гнет, в то время как их сородичи в Дунайских княжествах — Молдавии и Валахии — находились в зависимости от Османской империи. Что касается галицких поляков, то их зарубежные соплеменники оказались в составе еще двух государств — России и Пруссии, так что польский народ в целом испытывал тройной гнет.

Естественно, что при столь больших отличиях условий жизни разных народов у них не могло быть единой цели, идентичных национальных программ, выдвинутых в годы революции. Национальный интерес Франции заключался в том, чтобы обеспечить целостность своей территории, обезопасить себя в первую очередь от германской агрессии и от коварной политики держав Священного союза в целом. В то время как для Франции было важно не только сохранить территориальный статус, но и расширить свои пределы за счет левого берега Рейна и Бельгии, румыны стремились нарушить статус-кво, освободившись из-под ига Турции и Австрии, объединить Дунайские княжества с Трансильвианией, создав свое национальное государство. Национальная задача поляков была еще сложнее: для объединения своей национальной территории и восстановления независимого государства им нужно было свергнуть гнет трех монархий. Избавившись от власти Габсбургов хотели и австрийские сербы, чьи национальные чаяния были связаны с перспективой присоединения к княжеству Сербия. Сбросить австрийское ярмо стремились также итальянцы, ставившие при этом цель объединения всех национальных государственных образований на Апеннинском полуострове. Ту же цель объединения и создания Великой Германии преследовали и немцы, с той лишь разницей, что им не нужно было сбрасывать чужеземное иго.

Некоторые народы, как, например, сербы и хорваты, мечтали о более широком межнациональном объединении, включающем всех южных славян. В то же время они, так же как чехи, словаки, украинцы, словенцы, готовы были к объединению в рамках монархии Габсбургов, поддерживали программу австрославизма. Хорваты, словенцы, чехи хотели прежде всего консолидации своих этнических территорий внутри империи и придания этим новым национальным административным единицам автономных прав. Речь шла также о гарантиях национального равенства, в первую очередь языкового и религиозного. В некоторых случаях, как, например, у словаков, национальные чаяния этим и ограничивались; лишь узкая прослойка национальной интеллигенции выдвигала более радикальные требования.

Национальные задачи, которые ставили перед собой отдельные народы в годы революции, требовали соответствующих средств реализации. Французы, в частности, обращали сугубое внимание на внешнюю политику, проводили активную дипломатическую работу, развернули энергичную пропагандистскую деятельность, поощряя революционное движение народов Западной и Центральной Европы, направленное против держав-участниц Священного союза. Что касается самих этих народов, то формы их национальной борьбы были самыми разнообразными — от наиболее распространенных мирных (выступления в печати, принятие резолюций на собраниях и митингах, подача петиций, посылка делегаций к властям и в парламенты и т. п.) до вооруженных восстаний (имевших место в городах Италии, немецких княжествах, в Польше, Чехии и других странах) и революционной войны, которую вели венгры против Габсбургов. Характерно, что участвовавшие в этой войне на стороне Габсбургов австрийские славяне и румыны также рассчитывали таким путем реализовать свои национальные цели, надеясь на «благодарность» Вены.

Разные формы национального движения диктовались не только разными национальными задачами, но и региональной спецификой даже в пределах единого этнического поля. Так, особенностями положения поляков под властью трех монархий был обусловлен тот факт, что в русской части Польши национальное движение в 1848–1849 гг. проявилось в виде деятельности конспиративных обществ, в Познани вспыхнуло восстание и шла вооруженная борьба против прусских войск, а в Галиции быстро подавленные попытки силовых антиавстрийских выступлений носили спонтанный характер: акцент там был сделан на мирный процесс, в том числе на парламентскую борьбу. В целом национальная борьба на арене парламента занимала важное место в годы революции. На фоне работы отдельных законодательных органов в разных государствах и областях особую роль в плане постановки национальных проблем сыграли Франкфуртское национальное собрание и Славянский съезд в Праге, явившийся по существу славянским парламентом, противопоставленным франкфуртскому. Именно во Франкфурте и Праге прозвучали идеи, определившие дальнейшее направление национальной борьбы, — великогерманская и австро-славистская. Это еще более четко обозначило противопоставление славянского и германского миров.

Формы и накал национальной борьбы народов в 1848–1849 гг. во многом зависели от того, какое участие в ней принимали

различные классы и слои общества. В странах Западной Европы активность масс, прежде всего городских, была более высокой, то же касалось и таких центральноевропейских народов, как немцы в Германии и Австрии, чехи, поляки, сербы, хорваты. Словакия и Словения отставали в этом отношении, преобладавшее там крестьянство не принимало широкого участия в национальном движении, мотором которого была немногочисленная интеллигенция. Подобная ситуация имела место в Дунайских княжествах, но в Трансильвании румынские крестьяне оказались национально ангажированными, так как в деревне национальный антагонизм обострялся социальным противостоянием с венгерскими помещиками.

В целом переплетение национальных и социальных проблем проявлялось повсюду, но с разной степенью остроты. Оно определяло очень многое в плане национальной борьбы. Так, например, в Галиции польские помещики постоянно ощущали угрозу со стороны украинского крестьянства, и это существенно охлаждало их национальный пыл, толкало на путь соглашения с венским правительством. Да и в других странах обострение социальных противоречий воспринималось как опасность не только консервативными, но и либеральными кругами общества и диктовало им «умеренность» в национальном вопросе. Той же причиной был обусловлен отход ряда итальянских монархов от курса борьбы за независимость Италии. Социальные проблемы становились препятствием на пути к национальному консенсусу.

Вместе с тем участие в национальном движении всех классов и слоев общества или лишь его части являлось показателем степени зрелости национального самосознания. У ряда славянских народов Австрийской империи оно еще только складывалось, и национальная интеллигенция пыталась ускорить этот процесс, «пробудить» массы. Большое значение при этом имело наличие или отсутствие исторических традиций, и в первую очередь традиции государственности. На них опирались в своей национальной борьбе и венгры, и хорваты, и сербы, и чехи, и поляки. В некоторых случаях исторические традиции требовалось сконструировать: так, теория панроманизма объявляла румын прямыми потомками римлян и наследниками их государственности. При обращении к историческим традициям порой игнорировались моменты, существенные в национальном отношении: например, сербские национальные деятели, мечтавшие о возрождении «Душанова царства», не учитывали, что это средневековое госу-

дарство включало в себя отнюдь не только сербские, но и болгарские и греческие территории.

Наряду с историей для формирования национального самосознания имело значение и существование современных очагов национальной государственности. Княжество Сербия являлось «маяком» для австрийских сербов, и хотя в самом княжестве в 1848–1849 гг. не было революции, оно играло роль центра национального движения сербского народа, воодушевляло сербов, укрепляло их национальные стремления.

Годы революции оказались временем, когда наиболее ярко проявилось влияние всех этих факторов. Общая для всех стран (кроме, быть может, Франции) центральная роль национального вопроса обусловила развертывание всего спектра составляющих его элементов. При этом стали ясны разнородность и разноправленность отдельных национальных движений; они вступили в противоречие между собой, национальные интересы одного народа сталкивались с интересами другого. Столкновение «национализмов», каждый из которых был закономерен и по-своему прав, находило выражение в межнациональных конфликтах, а в ряде случаев выливалось в жестокую, кровопролитную междоусобную войну, как это было в Трансильвании. В конечном итоге оно явилось причиной поражения революции в Европе, разобщив ее силы и позволив реакции использовать одни народы против других.

Но революционный опыт народов принес плоды. Участие в революции дало импульс более быстрому созреванию национального самосознания: недаром по мере развития борьбы ряда народов их национальные программы менялись в сторону большей радикализации. Этому способствовало выдвижение на политическую арену целой плеяды национальных лидеров, идеино-политическое размежевание и оформление течений внутри национальных движений. Переход от просветительства к политической деятельности в национальной сфере знаменовал собой появление нового, современного качества. О качественном изменении свидетельствовало и такое распространенное в 1848–1849 гг. явление, как «интернационализация» национальных движений, когда в национальных выступлениях того или иного народа принимали массовое участие представители других национальностей.

Большое значение имело то обстоятельство, что в ходе национальной борьбы революционного периода были выработаны не только конкретные национальные программы-минимум, но и та-

кие идеинные концепции национального развития, которые определили его направление на долгие годы вперед. Идеи славянской общности, австрославизма, югославизма, федерализма использовались политиками на протяжении XIX и начала XX в.; получили развитие в дальнейшем лозунги «Объединенной Словении», «Великой Сербии». Концепция панроманизма нашла продолжение в дакской теории происхождения румын, распространенной и в настоящее время. Что касается великогерманской идеи, то этапом ее осуществления стал уже конец 60-х — начало 70-х гг. XIX в., когда Бисмарк добился объединения Германии сверху. Дальнейшая же трансформация этой идеи в XX в. привела к безумной попытке германского фашизма установить мировое господство немецкой нации.

Объединение Германии было не единственным результатом реализации национальной идеи, расцветшей в 1848 г. В 1859–1862 гг. объединение Дунайских княжеств привело к созданию нового государства — Румынии. На протяжении 50–60-х гг. произошло объединение Италии, а Австрийская империя преобразовалась в дуалистическую монархию Австро-Венгрию. Представляется, что Габсбурги, стремясь найти для империи новую опору, не случайно сделали выбор в пользу венгров, а не славян: в годы революции мадьяры показали себя сильной и целеустремленной нацией. Правда, и австрийские славяне через некоторое время после революции получили кое-какие подачки: в 1860 г. за коронными землями империи были закреплены урезанные автономные права; в 60–70-е гг. Галиции была предоставлена автономия на основании «милости» монарха; некоторые уступки были сделаны в пользу национальных языков и конфессий.

Национальные движения 1848–1849 гг. опирались на «принцип национальности». Этот принцип и в последующие десятилетия служил обоснованием национальной борьбы народов. В то же время он стал удобным инструментом держав в политической и дипломатической игре. В частности, его ловко использовал Луи Наполеон Бонапарт, пришедший к власти во Франции вслед за поражением европейских революций. Преследуя цель добиться французской гегемонии в Европе и стремясь нанести удар державам-соперницам, прежде всего Австрии, он провозгласил «принцип национальности» и заявил о поддержке на его основе антиавстрийских национально-освободительных движений. В известной мере такую поддержку Франции получили итальянцы в своей борьбе за независимость. В целом же «принцип национальности» не стал и не мог стать универсальным средством разрешения на-

циональных проблем, потому что, когда национальные интересы народов приходили в столкновение друг с другом, обнаруживалась внутренняя противоречивость и самого принципа. Революция 1848–1849 гг. наглядно это продемонстрировала, и в этом заключался один из главных ее уроков.

«Весна народов», сопровождавшаяся романтическим наплывом чувств всеобщей любви и братства, миновала. На смену ей пришли другие времена и другие чувства, менее пылкие, более реалистичные. «Принцип национальности» скромно вписался в общедемократический свод законов гражданского общества, конкретизировавшись в ряде национальных постулатов — от требования национального равноправия до утверждения права наций на самоопределение и отделение вплоть до образования самостоятельного государства. В борьбе народов за осуществление этих лозунгов сыграл свою роль и тот опыт, который был ими накоплен в 1848–1849 гг. Однако главные уроки национального противостояния тех лет, как представляется, не осмыслены до сего времени.

Научное издание

**Европейские революции 1848 года.
«Принцип национальности» в политике и идеологии**

Редактор Ю. Я. Вин

Младший редактор Н. Б. Стажеева

Корректор Т. И. Томашевская

Оформление и верстка Б. Л. Бородин

Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг издательства обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938-01-00
тел./факс 938-57-15
www.indrik@pochtaamt.ru

INDRIK Publishers have the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: indrik@pochtaamt.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Лицензия ЛР № 070644 от 19 декабря 1997 г.

Подписано в печать 04.07.2001. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 28,5. Тираж 1000 экз. Заказ 6398

Издательство «Индрик».

117334, Москва, Ленинский пр., 32-а
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВНИТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

